W 1109/24

В. А. Бильбасовъ.

ИСТОРІЯ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

БЕРЛИНЪ 1900.

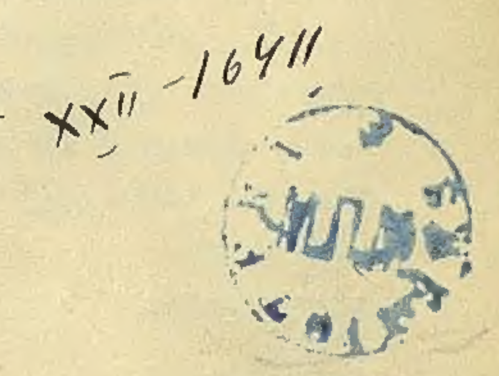
Berlin
Heinrich Caspari
Verlagsbuchhandlung

В. А. Бильбасовъ.

ИСТОРІЯ

ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.



БЕРЛИНЪ 1900.

Изданіе Фридриха Готтгейнера,

Унтеръ денъ Линденъ № 47.

ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

Дидро въ Петербургѣ. Спб. 1884.

Первыя политическія письма Екатерины II. Спб. 1887.

Jeanne-Elisabeth, mère de Catherine II. St.-Pétersbourg. 1889.

Отъ издателя.

Выходу въ свѣтъ перваго тома „Исторіи Екатерины Второй“ предшествовала газетная молва, что означенный томъ, запрещенный цензурою и предназначенный Комитетомъ Министровъ къ сожженію, былъ процензурованъ самимъ покойнымъ Императоромъ Александромъ III и разрѣшенъ имъ къ выпуску въ свѣтъ съ нѣкоторыми исключеніями, сдѣланными августѣйшею его рукою

Такимъ высочайшимъ вниманіемъ къ новому труду автора объясняется то обстоятельство, что первый томъ былъ тотчасъ распроданъ и, вскорѣ послѣ выпуска въ свѣтъ, сталъ библіографическою рѣдкостью. Такъ какъ второе изданіе перваго тома не было дозволено въ Россіи и, въ то же время, напечатанный второй томъ „Исторіи Екатерины Второй“ былъ, по высочайшему повелѣнію, конфискованъ, то въ Лондонѣ или въ Берлинѣ появилось новое изданіе обоихъ томовъ. Оно было неудовлетворительно (— первый томъ съ выпусками, второй безъ карты —), но тѣмъ не менѣе находило читателей и лишь недавно распродано все.

Въ 1894 году мы имѣли случай получить выписки всѣхъ мѣстъ исключенныхъ изъ перваго тома цензурою Императора Александра III, и тогда же намѣревались сдѣ-

лать полное изданіе, безъ цензурныхъ пропусковъ, перваго тома, какъ онъ вышелъ изъ подъ пера автора. Привести въ исполненіе это намѣреніе мы можемъ лишь въ настоящее время, когда получили увѣренность, что изданіе, которое появилось въ Лондонѣ или въ Берлинѣ, распродано.

За первымъ томомъ, издаваемымъ нами въ томъ видѣ, какъ онъ былъ только въ рукахъ Императора Александра III, послѣдуетъ изданіе втораго тома, во всемъ согласное съ конфискованнымъ въ Россіи изданіемъ.

БЕРЛИНЪ 1900.

ЕКАТЕРИНА ДО ВОЦАРЕНІЯ

1729—1762.

„Исторія Екатерины Второй“ должна быть посвящена русскому историческому обществу, которому она всецѣло обязана своимъ появленіемъ.

Только благодаря трудамъ русскаго историческаго общества, издавшаго „Бумаги императрицы Екатерины II“ и ея „Политическую переписку“, оказалось возможнымъ предоставить самой Екатеринѣ разсказать исторію своей частной и государственной жизни, раскрыть намѣренія и побужденія, которыя руководили ею, указать стремленія и цѣли, которыя она преслѣдовала.

Какъ въ издаваемомъ теперь первомъ томѣ, такъ и въ послѣдующихъ томахъ „Исторіи Екатерины Второй“, первое слово предоставлено самой Екатеринѣ, причемъ весь трудъ автора ограничивался только критическою провѣркою ея показаній.

Екатерина писала много, легко и охотно; но на ея замѣчаніе: l'écrire devient amusement quand on y est accoutumé, менѣе всего можно полагаться—только въ рѣдкихъ случаяхъ она писала для препровожденія времени, для забавы. Подобно всѣмъ великимъ людямъ, Екатерина хорошо умѣла употреблять перо на служеніе своимъ цѣлямъ.

Великіе люди не рождаются и не подготовляются воспитаніемъ; они образуются довольно сложнымъ вліяніемъ окружающихъ обстоятельствъ, переживаемыхъ впечатлѣній, воспринимаемыхъ идей, всею тою массою трудно уловимыхъ данныхъ, которые образуютъ характеръ, форми-

руютъ волю, укрѣпляютъ энергію и даютъ извѣстное направленіе всей дѣятельности. Въ первомъ томѣ „Исторіи Екатерины Второй“ авторъ старался указать тѣ данныя, которыя содѣйствовали Екатеринѣ стать великою.

Подобный довольно кропотливый трудъ былъ въ значительной степени облегченъ добрымъ содѣйствіемъ ученыхъ друзей автора. Кто слѣдитъ за русскою историческою литературою, тотъ признàетъ вмѣстѣ съ нами, что за послѣдніе годы, даже десятилѣтія, не появлялось ни одного серьезнаго труда, авторъ котораго не вспоминалъ бы съ признательностью двухъ лицъ, оказавшихъ ему ученыя услуги, рѣдко поддающіяся даже оцѣнкѣ — библіотекаря Публичной Библіотеки К. Ѳ. Феттерлейна и секретаря русскаго историческаго общества Ю. Ѳ. Штендмана. Ихъ просвѣщенное вниманіе къ ученымъ занятіямъ, ихъ любезная готовность облегчить трудъ добрымъ совѣтомъ и полезнымъ указаніемъ возлагаютъ на насъ пріятную обязанность выразить имъ глубокую благодарность, въ которой они, конечно, и не сомнѣваются, хорошо зная, на сколько мы воспользовались ихъ содѣйствіемъ. Нашъ другъ дѣтства о. Павелъ Пирлингъ, членъ Общества Іисуса, пріобрѣвшій завидную извѣстность своими учеными трудами по исторіи сношеній Россіи съ Римомъ, открылъ намъ доступъ къ нѣкоторымъ частнымъ архивамъ и продолжаетъ сообщать намъ важные документы изъ архива ватиканскаго, ему хорошо извѣстнаго. Мы счастливы увѣренностью, что и при изданіи остальныхъ томовъ „Исторіи Екатерины Второй“ будемъ обязаны выразить признательность этимъ тремъ лицамъ, значительно облегчившимъ нашъ трудъ по составленію перваго тома.

Въ каждомъ томѣ авторъ предполагаетъ помѣщать въ приложеніи неизданные документы, касающіеся разсматриваемаго времени, и посвящать подробныя изслѣдованія отдѣльнымъ вопросамъ, требующимъ почему-либо особеннаго вниманія. Въ примѣчаніяхъ, печатаемыхъ подъ текстомъ, приводятся подлинныя выраженія изъ рукописей, хранящихся въ архивахъ, и дѣлаются точныя указанія на

печатныя изданія, чѣмъ предоставляется полная возможность строгой провѣрки нашего труда.

Мы предлагаемъ, такимъ образомъ, не историческій разсказъ, а критическое изслѣдованіе. Въ этомъ отношеніи намъ и теперь еще остается только повторить пожеланіе Вольтера, высказанное имъ въ письмѣ къ Екатеринѣ II: „Heureux l'écrivain qui donnera dans un siècle l'histoire de Catherine II“.

В. Б.

Ницца.
1-е декабря 1899.

I.

Въ настоящее время только на довольно подробныхъ ландкартахъ Германіи можно найти небольшой городъ Цербстъ; въ прошломъ еще столѣтіи онъ составлялъ, однако, столицу ангальтъ-цербстскаго княжества и былъ резиденціей захудалаго княжескаго рода, одного изъ восьми, на которые распадался ангальтинскій домъ. Уже въ 1742 году умеръ послѣдній представитель ангальтъ-цербстскаго рода (Anhalt zu Zerbst), и земли его перешли къ побочной цербстъ-дорнбургской линіи (Anhalt zu Zerbst-Dornburg), но не надолго: спустя полвѣка, въ 1793 году, пресѣкся окончательно весь ангальтъ-цербстскій княжескій родъ.

Почти двухсотлѣтнее существованіе княжескаго цербстскаго рода не ознаменовалось рѣшительно ничѣмъ сколько нибудь выдающимся, замѣчательнымъ. Всѣ представители этого рода вели обычную жизнь нѣмецкихъ мелкихъ владѣтелей: воевали въ молодости, всегда за счетъ какого-либо болѣе сильнаго государя; въ среднихъ лѣтахъ женились на принцессахъ второстепенныхъ германскихъ фамилій и, подъ старость, поселялись въ родовомъ цербстскомъ замкѣ, гдѣ спокойно проѣдали небольшіе доходы своей земли. Исторія не знаетъ ни одного цербстскаго князя, который выдвинулся бы изъ ряда обычныхъ посредственностей, и сохранила память только о той цербстской принцессѣ, которая стала русской императрицей.

Отецъ этой принцессы, князь Христіанъ-Августъ, изъ побочной линіи цербстъ-дорнбургской, родился въ 1690 году, юношей вступилъ въ ряды прусской арміи, воевалъ

въ Нидерландахъ и Италіи, въ Помераніи и на о. Рюгенѣ, дрался съ французами и шведами, и уже въ 1721 году былъ генералъ-маіоромъ прусской службы и командиромъ ангальтъ-цербстскаго пѣхотнаго № 8 полка[1]), квартировавшаго въ Штетинѣ. Ему было уже 37 лѣтъ, когда онъ женился на шестнадцатилѣтней голштинъ-готторпской принцессѣ Іоганнѣ-Елизаветѣ, младшей сестрѣ принца Карла-Августа, нареченнаго жениха цесаревны Елизаветы Петровны, умершаго въ Петербургѣ. Принцесса Іоганна-Елизавета была уже невѣстою, когда умеръ ея отецъ, и бракъ былъ совершенъ въ Брауншвейгѣ, при дворцѣ герцога Августа-Вильгельма, ея дяди и опекуна. „Ваше императорское величество — писалъ новобрачный, отъ 23 ноября 1727 года, императору Петру II — по въ свѣтѣ прославленному великодушію своему отъ меня за противно не пріймите, что я дерзаю вамъ съ покорнымъ респектомъ донести, коимъ образомъ я 8-го ноября съ молодшею сестрою недавно въ С.-Петербургѣ умершаго господина епископа Любскаго, съ принцессою Шлезвигъ-Гольштинскою Іоганною-Елизаветою, по учиненномъ прежде сговорѣ, въ Брауншвейгъ-Вольфенбюттельскомъ забавномъ замкѣ (Lustschloss), въ Вехельнѣ, бракъ совершилъ“[2]).

Княжеская чета поселилась въ Штетинѣ, гдѣ квартировалъ пѣхотный № 8 полкъ, которымъ князь командовалъ, и полтора года спустя, въ Штетинѣ-же[3]), княгиня

---

[1]) Mémoires pour servir à l'histoire de la maison de Brandenbourg, Berlin 1789, I, 340. — [2]) Современный переводъ въ *Осмнадц. Вѣкѣ*, I, 4. Этимъ письмомъ опровергается нелѣпое извѣстіе *Masson*, I, 169.

[3]) Еще въ прошломъ столѣтіи, въ бумагахъ штетинскаго пастора Штейнбрюка., извѣстнаго собирателя генеалогическихъ извѣстій, была найдена слѣдующая запись: „die Prinzessin, nachherige Katharina II, am 2. Mai 1729 zu *Dornburg* geboren worden“ (*Biester*, 296). Какъ бы въ подтвержденіе этого, ни въ одной изъ штетинскихъ церквей не записано ни о рожденіи, ни о крещеніи принцессы. Возникло сомнѣніе относительно мѣста рожденія Екатерины, разрѣшившееся, однако, въ пользу Штетина: сохранилось письмо отца, Христіана-Августа, къ владѣтельному цербстскому князю, отъ 2-го мая 1729 года, изъ *Штетина*, съ извѣщеніемъ, что „сегодня, въ половинѣ третьяго часа утра“, родилась у него дочь. Отсутствіе записи въ метрическихъ книгахъ штетинскихъ церквей

родила перваго ребенка[1]). Отецъ желалъ сына, поддержки угасавшаго рода — родилась дочка.

Появленіе на свѣтъ божій · цербстской принцессы, дочери прусскаго генерала, было явленіемъ настолька за-

---

объясняется тѣмъ, что принцессу крестилъ генералъ-суперинтендентъ и, поэтому, ни одинъ штетинскій пасторъ не могъ записать объ этомъ въ метрикахъ своей церкви. Также точно не существуетъ, какъ извѣстно, записи о рожденіи въ Штетинѣ принцессы виртембергской, супруги Павла I, императрицы Маріи Ѳеодоровны.

[1]) Матери не было еще и 17-ти лѣтъ, между тѣмъ была пущена въ ходъ сплетня, будто отцемъ перваго ребенка, будущей Екатерины II, былъ не князь Христіанъ-Августъ, а И. И. Бецкой. Въ первые объ этомъ упомянуто въ слѣдующемъ примѣчаніи къ нѣмецкому переводу „Записокъ" Массона: „Die grosse Gunst, in welcher der alte Fürst Betzkoi bey Catharinen stand, die Ehrfurcht, welche sie ihm bewies, und die Nachsicht, mit welcher sie sich seinen Grillen unterwarf, waren Ursache, dass man am russischen Hofe einem Gerücht Glauben beymass, nach welchem dieser Günstling der Vater der Kaiserin war. Mehrere Umstände trügen dazu bey, diese Sage glaublich zu machen. Die Hofleute hatten ausgerechnet, dass Betzkoi, als ein junger schöner Mann, auf seinen Reisen sich einige Zeit an dem Zerbster Hofe aufgehalten hatte, und dass diese Epoche gerade in das Jahr vor der Geburt Catharinens fiel (Geheime Nachrichten über Russland. Paris, 2802, III, 2. Th., 171). Авторъ примѣчанія неизвѣстенъ; во французскихъ изданіяхъ „Записокъ" Массона этого извѣстія нѣтъ. И. И. Бецкой возведенъ въ князья, надо полагать, для приданія извѣстію большей вѣроятности. Это же извѣстіе, спустя много лѣтъ, повторено, съ нѣкоторыми варіаціями, въ „Запискахъ" Н. И. *Греча:* „Мать Екатерины проводила большую часть времени за границею, въ забавахъ, и развлеченіяхъ всякаго рода. Во время пребыванія ея въ Парижѣ, въ 1728 году, сдѣлался ей извѣстнымъ молодой человѣкъ, бывшій при русскомъ посольствѣ, Иванъ Ивановичъ Бецкой, прекрасный собою, умный, образованный. Екатерина была лицемъ на Бецкаго очень похожа. Государыня обращалась съ нимъ какъ съ отцемъ" (335). На чемъ основываются подобныя извѣстія? Одинъ посылаетъ Бецкаго въ Цербстъ, къ княгинѣ; другой переселяетъ княгиню въ Парижъ, къ Бецкому! Тѣмъ не менѣе подобнымъ нелѣпымъ сплетнямъ вѣрятъ до сихъ поръ (*Осмнадц. Вѣкъ*, I, 7). Въ нѣмецкой литературѣ было высказано не менѣе нелѣпое увѣреніе, „dass die Beherrscherin des Knutenstaates nicht, wie alle Welt und sie selbst glaubte, die Tochter des Fürsten Christian-August von Anhalt-Zerbst, sondern eine natürliche Tochter Friedrichs des Grossen war" (*Sugenheim*, I, 322), но ему никто не довѣряетъ.

урядным, что не обратило на себя ничьего вниманія[1]), и даже отецъ не счелъ нужнымъ извѣстить объ этомъ приращеніи своего дома русскій дворъ, который онъ еще такъ недавно извѣщалъ о своемъ бракосочетаніи. Только много лѣтъ спустя, когда цербстская принцесса стала русскою императрицей, ея рожденіе сдѣлалось „событіемъ“; стали интересоваться подробностями первыхъ шаговъ принцессы. Но узнать было не у кого — родителей ея не было уже въ живыхъ, и потому обращались къ самой императрицѣ. Она довольно неохотно удовлетворяла подобному любопытству. „Во всемъ этомъ — писала Екатерина[2]) — я не вижу рѣшительно ничего интереснаго. Или, быть можетъ, вы думаете, что мѣстность что нибудь значитъ и можетъ влiять на произведеніе порядочныхъ императрицъ?“. Екатерина была права: своимъ рожденіемъ и первоначальнымъ воспитаніемъ она подтвердила ту истину, что великіе люди не рождаются и не подготовляются воспитаніемъ, а образуются довольно сложнымъ вліяніемъ окружающихъ обстоятельствъ, переживаемыхъ впечатлѣній, воспринимаемыхъ идей, всею тою массою трудно уловимыхъ данныхъ, которыя образуютъ характеръ, фор-

---

1) „Покойный графъ Д. Н. Блудовъ передавалъ намъ, что ему при разборѣ архивовъ Зимняго дворца случилось читать неизданную собственноручную тетрадь Екатерины II на французскомъ языкѣ, посвященную ея пріятельницѣ графинѣ П. А. Брюсъ и содержащую въ себѣ подробные ея разсказы о рожденіи, дѣтствѣ и вообще о жизни ея до пріѣзда въ Россію. Императрица записала, между прочимъ, въ этой тетради, что день ея рожденія пришелся въ какой-то праздникъ, что во всѣ штетинскіе колокола звонили, и что это сочтено было благимъ предзнаменованіемъ“ (*Бартеневъ*, въ Осмнадц. Вѣкѣ, I, 5). Въ годъ рожденія Екатерины 21-ое апрѣля (2-е мая) приходилось въ понедѣльникъ въ недѣлю муроносицъ, между пасхой (Osterfest) и Троицей (Pfingsten), когда никакого праздника нѣтъ и, слѣдовательно, въ штетинскіе колокола звонить не могли. Въ этомъ извѣстіи значеніе московскаго колокольнаго звона совершенно неудачно перенесено въ Штетинъ. Что-же касается автобіографической записки, бывшей въ архивахъ Зимняго дворца, о ней нѣтъ ни малѣйшаго извѣстія ни въ бумагахъ Екатерины, уже изданныхъ, ни въ какомъ-либо изъ петербургскихъ архивовъ. *Brückner*, 15, принимаетъ это извѣстіе за достовѣрное.

2) *Сборникъ*, XXIII, 55.

мируютъ волю, укрѣпляютъ энергію и даютъ извѣстное направленіе всей дѣятельности.

Богатый, торговый Штетинъ только въ 1720 году, по стокгольмскому договору, былъ присоединенъ къ Пруссіи и въ немъ стоялъ усиленный прусскій гарнизонъ, въ составъ котораго входилъ и пѣхотный № 8 полкъ. Командиръ полка, вскорѣ послѣ свадьбы, поселился съ своею молодою женою на главной штетинской улицѣ, Domstrasse, № 791-й, въ домѣ президента штетинской торговой палаты, фонъ-Ашерслебена[1]), въ приходѣ церкви св. Маріи. Въ этомъ-то домѣ, 21-го апрѣля 1729 года, въ половинѣ третьяго часа ночи, родилась цербстская принцесса, будущая Екатерина II. Это „событіе" составляло впослѣдствіи гордость Штетина, и, по смерти Екатерины, штетинскіе бюргеры показывали комнату, въ которой родилась „grosse Kaiserin" — во второмъ этажѣ, вторая комната налѣво отъ залы. Даже послѣ того, какъ этотъ домъ перешелъ во владѣніе доктора Лемана, сохранилось черное пятно на полу этой комнаты — отъ жаровни, передъ которою пеленали цербстскую принцессу[2]).

---

1) *Biester*, 298; *Pitzschky*, 340. Въ письмѣ къ Гримму, отъ 29-го іюня 1776 года, Екатерина пишетъ: je suis née in Greifenheims Hause auf dem Marien Kirchenhof (*Сборникъ*, XXIII, 51). Свидѣтельство Екатерины не заслуживаетъ въ данномъ случаѣ довѣрія: въ прошломъ вѣкѣ, въ Штетинѣ не было домовладѣльца по фамиліи Грейфенгеймъ; но домъ Ашерслебена находился въ части города, носившей названіе Greifenhagen (*Grieben*, Stettin und Umgegend, Berlin, 1879, S. 17, 129), и Екатерина, повторяя слышанное отъ другихъ, часть города Грейфенгагенъ, обратила въ фамилію домовладѣльца, Грейфенгеймъ.—2) *Andrä*, Katharine die Zweite, Halle, 1797, S. 4. Въ настоящее время домъ этотъ принадлежитъ юстицъ совѣтнику Девицу, именно домъ № 1-й на Domstrasse, такъ какъ теперь дома перенумерованы въ каждой улицѣ, между тѣмъ какъ въ старину каждый домъ въ городѣ имѣлъ особый нумеръ, и нынѣшній № 1-й соотвѣтствуетъ старому № 791-му. Въ 1853 году, передъ перестройкою дома, былъ составленъ нотаріальнымъ порядкомъ особый актъ въ удостовѣреніе того, что прожженный жаровнею полъ сохраненъ въ цѣлости, и онъ до настоящаго времени показывается любопытнымъ. Колыбель-же, въ которой спала малютка хранится въ Веймарѣ. Теперь уже разсказываютъ, будто горѣвшій полъ угрожалъ самой колыбели, въ которой лежала Екатерина. *Pitzschky*, 352.

23-го апрѣля, вечеромъ, состоялось крещеніе принцессы, причемъ она, въ честь родныхъ тетокъ, была наречена Софіей-Августой-Фредерикой. Воспреемникомъ отъ купели былъ владѣтельный ангальтъ-цербсткій князь Іоганнъ-Августъ.

Позже, ставъ комендантомъ крѣпости и губернаторомъ города, князь Христіанъ-Августъ получилъ казенную квартиру и поселился въ старинномъ штетинскомъ замкѣ, бывшемъ въ теченіе многихъ поколѣній резиденціей померанскихъ герцоговъ. Княжеская семья занимала лѣвое крыло обширнаго замка, рядомъ съ придворною церковью. Маленькая принцесса, которую всѣ называли Фике — уменьшительное отъ Софіи — была помѣщена, вмѣстѣ съ нянею и гувернанткою, въ трехъ сводчатыхъ комнатахъ; ея спальня приходилась рядомъ съ колокольней. Два три раза въ день дѣвочка бѣгала къ матери, занимавшей комнаты на противоположномъ концѣ флигеля.

Здѣсь, въ штетинскомъ замкѣ, Екатерина росла и воспитывалась[1]) подъ наблюденіемъ своей матери — умной, энергической, веселой и, какъ всѣ умные люди, честолюбивой княгини Іоганны-Елизаветы. Мать держала ее очень просто: дѣвочка играла съ дѣтьми горожанъ; ее никто не называлъ принцессой, ни даже Софіей, а уменьшительнымъ Фике; на городскихъ гуляньяхъ въ городскомъ саду, она терялась въ толпѣ дѣтей, рѣзвилась, бѣгала съ сверстницами. Лица, игравшія съ нею въ дѣтствѣ, припоминали, правда, позже, когда цербстская принцесса стала уже русскою императрицею, что во время этихъ игръ Фике всегда брала на себя роль устроительницы, давала тонъ, повелѣвала другими; съ годами сверстники замѣчали въ ней пристрастіе къ забавамъ, свойственнымъ болѣе мальчикамъ, чѣмъ дѣвочкамъ — Фике любила, напр., стрѣлять птицъ. Графиня Меллинъ[2]), бывшая лишь

---

[1]) Сама Екатерина точно раздѣляетъ мѣсто рожденія отъ мѣста своего воспитанія: Je suis née in Greifenheims Hause, говоритъ она въ письмѣ къ Гримму, и прибавляетъ: j'ai demeuré et été élevée dans l'aile du château, lorsqu'on entre dans la grande place du château à gauche (*Сборникъ*, XXIII, 51). — [2]) Вдова прусскаго генерала Ульриха, рожденная графиня Меллинъ (von Mellin zu Garz), была сестра русскаго

нѣсколькими годами старше принцессы, оставила намъ портретъ маленькой Фике, какъ она видала ее въ штетинскомъ замкѣ: „Она была отлично сложена, съ младенчества отличалась благородною осанкою и была выше своихъ лѣтъ. Выраженіе лица ея не было красиво, но очень пріятно, причемъ открытый взглядъ и любезная улыбка дѣлали всю ея фигуру весьма привлекательною. Ее воспитывала сама мать, державшая ее весьма строго и непозволявшая ей ни малѣйшаго проявленія гордости, къ чему дѣвочка была довольно склонна. Мать, напр., заставляла ее цѣловать платье у знатныхъ дамъ, посѣщавшихъ ихъ домъ“.

По счастью, княгиня-мать съ каждымъ годомъ все меньше и меньше занималась старшею дочерью: кромѣ Фике, у нея было еще четыре ребенка, изъ которыхъ три болѣзненные, требовавшіе большого ухода; къ тому же мать полюбила развлеченія, выѣзды, пріемы. Ей было не до воспитанія дочери, которая только два, три раза въ день приходила къ матери. Это спасло маленькую Фике отъ нѣкоторыхъ довольно непривлекательныхъ качествъ: чувство завистливости, страсть къ интригѣ, любовь къ сплетнѣ, даже злословію не были унаслѣдованы дочерью.

Въ то время во всѣхъ зажиточныхъ домахъ, не говоря уже о дворахъ, большихъ и малыхъ, воспитаніе дѣтей обыкновенно поручалось французскимъ эмигрантамъ, которые, послѣ отмѣны нантскаго эдикта, разселились по всей Германіи, внося въ нѣмецкія семьи, вмѣстѣ съ французскимъ языкомъ, болѣе утонченные нравы, мягкія манеры, ту „galanterie française“, которой никогда не было у

генералъ-поручика графа Бориса Петровича Меллина (*Архивъ Сената*, кн. 136, л. 474) и тетка русскаго генералъ-маіора графа Августа-Карла Меллина, составителя карты Лифляндіи. Екатерина, будучи еще принцессой цербстской, обѣщала ей свой портретъ, о чемъ извѣстила ее письмомъ отъ 20 марта 1742 гоба (*Biester*, 300); обѣщаніе это было исполнено спустя 47 лѣтъ, причемъ въ письмѣ къ ней, отъ 31 марта 1789 года, Екатерина по прежнему называетъ ее „la comtesse de Mellin“ (*Biester*, 302). Въ Архивѣ Сената хранится челобитная секундъ-маіора графа Карла Меллина, побѣдителя маршала конфедератовъ Пулавскаго (кн. 136, л. 157 и 349).

нѣмцевъ. Французскій элементъ преобладалъ и въ воспитаніи маленькой Фике: г-жа Кардель, ея гувернантка, придворный проповѣдникъ Перарь, учитель чистописанія Лоранъ—были французы; учитель танцевъ былъ, вѣроятно, также французъ. Изъ числа учителей принцессы извѣстны только три нѣмца: Вагнеръ, преподаватель нѣмецкаго языка, лютеранскій законоучитель пасторъ Дове и учитель музыки Рэллигъ изъ Цербста[1]).

Всѣхъ этихъ лицъ, за исключеніемъ проповѣдника Перара и законоучителя Дове, Екатерина не разъ вспоминала, и скорѣе съ благодарностью и удовольствіемъ, чѣмъ съ озлобленіемъ или ненавистью; особенно добрую память сохранила она о своей гувернанткѣ Кардель. Это была, по отзыву Екатерины, живая, умная француженка: „она почти все знала ничему не учившись; она знала какъ свои пять пальцевъ всѣ комедіи и трагедіи, и была очень забавна"; она пріохотила принцессу къ чтенію Расина, Корнеля, Мольера; она учила ее не скупиться въ разговорѣ словомъ „monsieur", отчего „челюсти не развалятся"; она вселила своей питомицѣ недовѣріе къ врачамъ. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, Екатерина вспомнила о своей гувернанткѣ и послала ей дорогую шубу въ подарокъ[2]). Въ совершенно иномъ свѣтѣ рисовала Екатерина образъ достопочтеннаго Вагнера: это былъ глупый педантъ, надоѣдавшій принцессѣ своими „ennuyeuses Prüfungen", о которыхъ она, однако, вспоминаетъ, какъ о непреложныхъ истинахъ, что, вѣроятно, и побудило ее послать ему изъ Петербурга тысячу дукатовъ. Школьный учитель Лоранъ былъ „глупъ и пустъ, но не даромъ бралъ деньги за уроки чистописанія". Совершенно безъ всякаго успѣха оказались только уроки музыки: не смотря на всѣ старанія Рэллига, ученица никогда не любила музыки и всегда сознавалась, что не понимаетъ ея прелестей[3]).

---

[1]) Madmoiselle Cardel, ma gouvernante, въ *Сборникъ*, XXIII, 174; Französische Hofprediger Pérard, см. *Forster*, 11; *Ranft*, 135; *Biester*, 7; Mr. Roellig de Zerbst, въ *Сборникъ*, XLIV, 44. — [2]) *Сборник.*, XXIII, 17, 78, 88, 111; *Biester*, 6. — [3]) *Сборникъ*, XXIII, 12, 42, 43, 50, 72, 78, 88; *Сумароковъ*, 45.

Были-ли еще учителя у цербстской принцессы и какіе именно — неизвѣстно; для того времени, однако, и перечисленныхъ было болѣе, чѣмъ достаточно. Въ настоящее время нельзя, конечно, сказать кто именно изъ этихъ лицъ пріохотилъ принцессу къ чтенію, но она охотно и много читала даже и въ юные годы. Очень можетъ быть, что этимъ учителемъ чтенія былъ, прежде всего, недостатокъ развлеченій, свойственныхъ ея возрасту. Она запомнила, какъ особенность, разнообразившую ея монотонную жизнь въ штетинскомъ замкѣ, о посѣщеніяхъ проповѣдника замковой церкви Моклера. Этотъ Моклеръ, посѣщавшій г-жу Кардель, особенно по воскресеньямъ, былъ зять Рапэна Тоираса, историка, и мнѣ кажется онъ былъ издателемъ его „Histoire d'Angleterre". Онъ былъ другомъ и совѣтникомъ г-жи Кардель. Сынъ Рапэна Тоираса былъ совѣтникомъ правленія въ Штетинѣ. Всѣ они жили очень дружно съ г-жею Кардель и всѣ интересовались ея воспитанницей"[1]). Не забыла „воспитанница" и посѣщеній престарѣлой родственницы своей, которая постоянно приводила цитаты изъ „застольныхъ рѣчей" Лютера, составлявшихъ ея отраду. „Она цитировала ихъ при всякомъ случаѣ, а я по своему принимала все, что мнѣ восхваляли. Это же случалось почти ежедневно съ г-жею Кардель и г. Вагнеромъ, потому что не всегда извѣстно, что думаютъ дѣти, и дѣтей трудно узнать, особенно когда суровое воспитаніе пріучитъ ихъ повиноваться, а опытъ сдѣлаетъ скрытными относительно своихъ учителей"[2]). Эта склонность принцессы слушать одно, а разумѣть другое, очень не нравилась г-жѣ Кардель, и она за это „себѣ на умѣ" прозвала ее „esprit gauche". Между тѣмъ, въ этомъ сказывался уже съ юныхъ лѣтъ самостоятельный умъ, размышляющій, относящійся ко всему критически.

Довольно важнымъ воспитательнымъ средствомъ являлись нерѣдкія поѣздки въ другіе города. Принцесса, вмѣстѣ съ родителями, чаще съ матерью, нерѣдко посѣщала Цербстъ, живала подолгу въ Гамбургѣ и Брауншвейгѣ, бывала иногда въ Эйтинѣ и Берлинѣ. Объ этихъ путе-

---

[1]) *Сборникъ*, XXIII, 78. — [2]) *Сборникъ*, XXIII, 41.

шествіяхъ, какъ и вообще о дѣтскихъ годахъ цербстской принцессы, не сохранилось никакихъ извѣстій ни въ княжескомъ ангальтъ-цербстскомъ архивѣ, ни въ государственномъ архивѣ ангальтинскихъ земель, недавно собранномъ въ Цербстѣ. Ихъ, вѣроятно, никогда и не было; кто же могъ интересоваться переѣздами изъ города въ городъ, для свиданія съ родственниками, жены или малолѣтней дочери прусскаго генералъ-маіора? При „крошечномъ" цербстскомъ дворѣ не знали камеръ-фурьерскаго журнала, а газеты того времени не считали возможнымъ сообщать своимъ читателямъ подобныя мелочи. Объ этихъ путешествіяхъ мы знаемъ только то, что повѣдала намъ сама же Екатерина, а она, конечно, помнила тѣ поѣздки, которыя почему-либо произвели на нее впечатлѣніе и врѣзались въ память.

Такъ, напримѣръ, одна изъ поѣздокъ въ Эйтинъ была потому памятна Екатеринѣ, что она тамъ впервые увидѣла голштинскаго принца Петра-Ульриха, будущаго своего супруга, императора Петра III. „Я увидѣла Петра III въ первый разъ, когда ему было одинадцать лѣтъ, въ Эйтинѣ, у его опекуна, принца эпископа Любекскаго, спустя нѣсколько мѣсяцевъ по смерти герцога Карла-Фридриха, его отца. Принцъ эпископъ пригласилъ къ себѣ въ Эйтинъ, въ 1739 году, всѣхъ членовъ голштинской фамиліи, чтобы представить имъ своего питомца. Моя бабка, мать принца эпископа, и моя мать, сестра принца, пріѣхали изъ Гамбурга вмѣстѣ со мною. Мнѣ было тогда десять лѣтъ. Тутъ былъ также принцъ Августъ и принцесса Анна, братъ и сестра принца-опекуна и администратора Голштиніи. Тутъ-то я слышала, какъ собравшіеся родственники говорили между собою, что молодой герцогъ склоненъ къ пьянству и что приближенные не давали ему напиваться за столомъ; что онъ упрямъ и вспыльчивъ; что онъ не любилъ своихъ приближенныхъ, особенно же Брюммера; что, впрочемъ, онъ довольно живаго нрава, но болѣзненнаго сложенія и слабаго здоровья. Дѣйствительно, цвѣтъ лица его былъ блѣдный, онъ казался худымъ и нѣжнаго тѣлосложенія. Этому ребенку приближенныя его хотѣли придать видъ взрослаго и для этого стѣсняли его и держали

на вытяжкѣ, что должно было сдѣлать его всего фальшивымъ, отъ внѣшняго вида до характера“ [1]).

Спустя годъ, въ 1740 году, принцесса цербстская съ матерью же была въ Гамбургѣ, у своей бабушки, вдовы епископа любекскаго, гдѣ камеръ-юнкеръ епископскаго двора фонъ Брюммеръ доставлялъ маленькой принцессѣ книги для чтенія, за которыми Фике коротала время. Она вспомнила объ этомъ посѣщеніи бабушки, такъ какъ „въ Гамбургѣ графъ Гюлленборгъ, видя, что мать мало или, вѣрнѣе, вовсе не занимается мною, сказалъ ей, что она напрасно не обращаетъ на меня вниманія и что я ребенокъ, развитой не по лѣтамъ“ [2]).

Въ Брауншвейгѣ принцесса цербстская бывала довольно часто, такъ какъ тамъ жила герцогиня Елизавета-Софія-Марія Вольфенбюттельская, у которой воспитывалась ея мать, и живала тамъ подолгу, о чемъ можно заключить изъ того, что во время пребыванія въ Брауншвейгѣ пасторъ Дове давалъ ей уроки закона Божія. „Въ 1742 или 1743 году, я была съ матерью моею въ Брауншвейгѣ, у вдовствующей герцогины, у которой мать моя была воспитана; и та герцогиня, и мать моя были дома голштинскаго. Тутъ случилось быть епископу католицкому Корвенскому (l'évêque de Corbri) и съ нимъ было нѣсколько его канониковъ. Между каноникамп былъ одинъ дома Менгдена. Сей упражнялся предсказаніями и хиромантіей. Бывъ вопрошенъ матерью моею о принцессѣ Бевернской Маріаннѣ, съ которой я была весьма дружна и которая по нраву и красотѣ своей была весьма всѣми любима, не получитъ ли она по своимъ достоинствамъ корону, онъ не захотѣлъ объ ней сказать ничего. Наконецъ, сказалъ матери моей: на лбу вашей дочери вижу короны, по крайней мѣрѣ, три. Мать моя приняла это за шутку. Онъ же сказалъ ей, чтобы она никакъ о томъ не сомнѣвалась, и отвелъ ее къ окошку, и она послѣ уже съ крайнимъ удивленіемъ сказала, что онъ ей чудеса насказалъ, о чемъ она ему и говорить запретила; а мнѣ сказала уже здѣсь,

[1]) *Mémoires*, 4. — [2]) *Mémoires*, 29.

что Менгдена предсказанія выполняются. А болѣе отъ нея узнать не могла"[1]).

Въ Цербстѣ принцесса бывала не разъ. Кажется, въ Цербстѣ же съ принцессы былъ написанъ первый портретъ, въ 1740 году, извѣстною Розиною Лищевскою. Хотя по подписи портретъ долженъ изображать принцессу „als Kind", но она представлена далеко не ребенкомъ и, кажется, въ сильно польщенномъ видѣ[2]). Принцесса, конечно, присутствовала въ Цербстѣ, въ 1743 году, на торжествахъ[3]), бывшихъ по случаю перехода власти къ ея дядѣ, князю Іоганну-Людвигу, который пригласилъ ея отца князя Христіана-Августа, своего брата, въ соправители.

Бывала принцесса и въ Берлинѣ, куда отецъ ея долженъ былъ ѣздить по дѣламъ службы и гдѣ мать ея обыкновенно проводила святки[4]). Тамъ, въ Берлинѣ, видѣла она и Фридриха II, но, какъ сама позже писала ему, „будучи въ такомъ возрастѣ, когда почтеніе замѣняетъ разумное пониманіе"[5]). Въ Берлинѣ же былъ писанъ съ принцессы портретъ придворнымъ живописцемъ Пэномъ, если не въ концѣ 1742 года, то въ самомъ началѣ 1743 года[6]).

За исключеніемъ этихъ немногихъ поѣздокъ, всѣ остальные годы дѣтства принцесса Софія провела или въ Цербстѣ, въ своемъ родовомъ замкѣ, или въ Штетинѣ, въ померанскомъ замкѣ, въ крѣпости. По преданію, принцесса посадила, въ 1740 году, на одномъ изъ крѣпост-

---

1) *Библіогр. Записки*, 1858, стр. 539. — 2) *Ровинскій*, II, 769. — 3) *Zedler*, LXI, 1592. — 4) *Siebigk*, 141.

5) *Сборникъ*, XX, 391. Это не свидѣтельствуетъ еще, конечно, что Екатерина видѣла Фридриха именно въ Берлинѣ — она могла встрѣтиться съ нимъ въ Гамбургѣ или Брауншвейгѣ; но не подлежитъ сомнѣнію, что дочь прусскаго фельдмаршала бывала въ Берлинѣ, гдѣ съ нея писанъ портретъ. Совершенно, однако, невѣрны извѣстія, будто Екатерина воспитывалась при берлинскомъ дворѣ: Katharina von ihrer Jugend an die tiefste Verehrung für Friedrich II empfunden hatte, an dessen Hofe sie erzogen war (*Dohm*, IV, 259); будто Екатерина провела все дѣтство въ Берлинѣ, а первые годы юности — les premières années de sa jeunesse — даже при дворѣ Фридриха II (*Rulhiere*, II, 90). — 6) *Ровинскій* II, 770.

ныхъ валовъ липу, которая позже такъ и называлась Kaiserlinde, императорскою липою, и исторію которой можно прослѣдить до нашихъ дней[1]).

Что же получилось въ результатѣ этого воспитанія въ родительскомъ домѣ? Результатъ намъ извѣстенъ не только по собственному сознанію Екатерины, но и по свидѣтельству посторонняго лица. Признавая всѣ недостатки своего первоначальнаго образованія, Екатерина говорила: „Что же дѣлать — г-жа Кардель не могла научить меня большему. Она была старая француженка и образовала меня достаточно, чтобы быть въ замужествѣ за кѣмъ нибудь изъ нашихъ сосѣдей“[2]). Баронесса фонъ Принценъ, камеръ-фрейлина цербстской княгини Іоганны-Елизаветы, говорила берлинскому профессору Тьебо: „Принцесса Софія на моихъ глазахъ родилась, росла и воспитывалась; я была свидѣтельницей ея учебныхъ занятій, и успѣховъ; я сама помогала ей укладывать багажъ передъ отъѣздомъ ея въ Россію. Я пользовалась настолько ея довѣріемъ, что могла думать будто знаю ее лучше, чѣмъ кто-либо другой, а между тѣмъ никогда не угадала бы, что ей суждено пріобрѣсти знаменитость, какую она стяжала. Въ пору ея юности я только замѣтила въ ней умъ серьезный, расчетливый и холодный, но столь же далекій отъ всего выдающагося, яркаго, какъ и отъ всего, что считается заблужденіемъ, причудливостью или легкомысліемъ. Однимъ словомъ, я составила себѣ понятіе о ней, какъ о женщинѣ обыкновенной“[3]).

---

[1]) Въ 1840 году, при проведеніи берлино-штетинской линіи желѣзной дороги, „столѣтняя“ Kaiserlinde подлежала уничтоженію, но желѣзнодорожное правленіе, желая оказать уваженіе этому живому историческому памятнику, пересадило липу съ крѣпостнаго вала на площадь передъ воксаломъ. Конечно, липа вскорѣ засохла. Въ 1851 году, правленіе заказало берлинскому мебельному мастеру Вихтану сдѣлать изъ дерева этой липы, между прочимъ, два стола: одинъ столъ былъ поднесенъ прусской королевѣ Елизаветѣ, другой — императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ и находится, вѣроятно, въ одномъ изъ петербургскихъ дворцовъ, если не въ царскосельскомъ, какъ любимомъ дворцѣ Екатерины II. *Pitzschky*, 341. — [2]) *Грибовскій*, 39. — [3]) *Тьебо*, 5 89.

II.

Екатерина родилась и росла въ довольно скромной обстановкѣ „крошечнаго“ двора, среди скудной поморской природы, причемъ ея воображенію безпрестанно и повсюду рисовались картины обширной державы, славной своими громкими побѣдами, поражавшей своими богатствами. Здѣсь въ Помераніи, повсюду стояли еще недавно русскія войска и въ самомъ Штетинѣ слышатся еще разсказы объ осадѣ города русскимъ царемъ; тамъ, въ сосѣдней Даніи, съ изумленіемъ вспоминаютъ, какъ этотъ царь велъ, по поясъ въ водѣ, свои войска къ побѣдѣ. Слушаетъ эти разсказы цербстская принцесса, и въ ея воображеніи выростаетъ грандіозная фигура Петра, командующаго флотами четырехъ государствъ. Отправится принцесса съ матерью по Одеру — ей встрѣчаются голштинскіе суда съ ея земляками, ѣдующими искать счастія въ Россіи. Въ Штетинѣ и Цербстѣ, въ Гамбургѣ и Эйтинѣ, въ Брауншвейгѣ и Берлинѣ, всюду слышитъ она разсказы о храбрости русскихъ войскъ, о богатствѣ русскихъ вельможъ, и въ своей семьѣ, отъ матери, отъ дядей и тетокъ, научается она смотрѣть на русскій дворъ, какъ на опору всѣхъ ея родственниковъ, видѣть въ царской семьѣ покровительницу близкихъ ей лицъ.

Въ Эйтинѣ, въ 1739 году, принцесса увидѣла своего троюроднаго брата, малолѣтняго герцога голштинскаго, причемъ ей сказали, что его мать была русскою царевною. Она не разъ слышала отъ своихъ родныхъ печальный разсказъ о томъ, какъ ея дядя, братъ матери, принцъ Карлъ былъ влюбленъ въ красавицу-царевну Елизавету

Петровну и умеръ въ Петербургѣ. Всѣ подробности разсказа были еще свѣжи въ ея памяти, когда въ Цербстъ прiѣхалъ изъ Берлина гонецъ съ извѣстiемъ, что эта Елизавета Петровна стала императрицею Россiи.

Вѣсть о воцаренiи Елизаветы воскресила надежды всѣхъ членовъ голштинскаго дома. Сочувствiе русской императрицы къ голштинской семьѣ ни для кого не было тайной. Воспоминанiе-ли о безвременно погибшемъ въ Петербургѣ женихѣ, Карлѣ голштинскомъ, память-ли о сестрѣ, умершей въ Килѣ, или, быть можетъ, чувство безпомощнаго одиночества въ Россiи — но Елизавета, будучи еще царевной, интересовалась голштинскимъ домомъ. Съ сестрою, герцогинею голштинскою Анною Петровною, уѣхала въ Киль ея подруга, ея „верная дочь" Мавра Егоровна Шепелева, которая сообщаетъ ей всѣ подробности о сестрѣ и о племянникѣ, принцѣ Петрѣ-Ульрихѣ. Не только ими, своими ближайшими родственниками, Елизавета интересуется братьями своего покойнаго жениха, желаетъ имѣть ихъ портреты. Въ письмѣ Шепелевой изъ Киля, отъ 22 октябая 1727 года, читаемъ: „А что вы изволили ко мне писать, чтобы я донесла Цесаревни о перъсонахъ, и я ей доносила и она приказала сказать: сколь скоро будитъ живописицъ изъ Франъцы, точас к вамъ пошлетъ перъсону Бышова и Принцовъ обехъ, а въ Кили живописцы очень худи"[1]). Этотъ епископъ и оба принца — родные братья цербстской княгини, о которой Шепелева извѣщала вскорѣ послѣ брака Iоганны-Елизаветы: „на этой недели будитъ къ намъ Пренцесъ Елизабет мужъ", т. е. Христiанъ-Августъ, отецъ Екатерины. По желанiю, конечно, Елизаветы Пе-

---

[1]) Бышовъ — епископъ (Bischof) любекскiй Адольфъ-Фридрихъ; принцы — Фридрихъ-Августъ и Георгъ-Людвигъ голштинскiе (*Чтенiе*, 1864, II, 67). Всего напечатано девять писемъ Шепелевой, причемъ послѣднее, подъ № 9-мъ, безъ даты, должно быть помѣщено первымъ, такъ какъ писано вскорѣ послѣ 30 августа 1727 года, что видно изъ словъ: „в Олександровъ день положила на нево кавалерыю Цесаревна", а Анна Петровна скончалась 4 мая 1728 года. Персона значитъ портретъ.

тровны, Шепелева извѣщаетъ ее о мельчайшихъ подробностяхъ, касающихся ея племянника [1]).

Все это знали въ Голштиніи; знали также, что въ царствованіе Анны Ивановны, въ теченіе десяти лѣтъ, на племянника Елизаветы Петровны смотрѣли при русскомъ дворѣ, какъ на „чертенка, мѣшающаго нашему спокойствію", какъ на опаснаго претендента, котораго въ дипломатической перепискѣ называли „l'enfant de Kiel"; Анна Ивановна съ негодованіемъ приговаривала: „чертушка въ Голштиніи еще живетъ" [2]) и т. п. И послѣ такихъ-то десяти лѣтъ вдругъ приходитъ вѣсть о воцареніи Елизаветы, всегда любовно относившейся къ голштинскому дому.

Мать Екатерины тотчасъ же послала въ Петербургъ письмо къ Елизаветѣ Петровнѣ съ привѣтствіемъ и пожеланіемъ долгаго царствованія. Въ отвѣтъ на эту любезность княгиня Іоганна-Елизавета получила изъ Петербурга, отъ 14 января 1742 г., слѣдующую грамату [3]):

„Свѣтлѣйшая княгиня, дружелюбно-любезная племянница.

„Вашей любви писаніе отъ 27 минувшаго декабря и содержанныя въ ономъ доброжелательныя поздравленія мнѣ не инако какъ пріятны быть могутъ. Понеже ваша любовь портретъ моей въ Бозѣ усопшей государыни сестры герцогини Голштейнской, которой портретъ бывшій здѣсь въ прежнія времена королевской Прусскій министръ баронъ Мардефельдъ писалъ, у себя имѣете; того ради мнѣ особливая угодность показана будетъ, ежели ваша любовь мнѣ оной, яко иного хорошаго такого портрета здѣсь не находится, уступить и ко мнѣ прислать изволите; я сію угодность во всякихъ случаяхъ взаимствовать сходна буду.

„Вашей любви дружебно охотная

„*Елисаветъ*".

Давно уже изъ Россіи не получалось такихъ писемъ! Конечно, „угодность" была показана, и портретъ Анны Петровны былъ отправленъ въ Петербургъ. Вслѣдъ за этимъ письмомъ, въ Цербстъ стали приходить вѣсти одна другой радостнѣе. Въ январѣ же подтвердился слухъ объ отъѣздѣ изъ Киля герцога голштинскаго Петра-

---

[1]) *Чтеніе*, 1864, II, 70; *Архивъ князя Воронцова*, IV, 521. — [2]) *Штелинъ*, 72; *Соловьевъ*, XXI, 144; *Корсаковъ*, прилож. 88. — [3]) *Осмнадц. Вѣкъ*, I, 8.

Ульриха, котораго Елизавета Петровна вызвала въ Петербургъ, какъ внука Петра В., имѣющаго всѣ права на русскую корону. Въ іюлѣ, въ угоду русской императрицѣ, Фридрихъ II пожаловалъ князя Христіана-Августа въ фельдмаршалы. Въ сентябрѣ, секретарь русскаго посольства въ Берлинѣ, Шриверъ, привезъ въ Цербстъ княгинѣ Іоганнѣ-Елизаветѣ подарокъ отъ русской императрицы — портретъ Елизаветы Петровны, осыпанный брильянтами, цѣною въ 18,000 рублей. Вь ноябрѣ, двоюродный племянникъ Іоганны-Елизаветы, герцогъ голштинскій объявленъ наслѣдникомъ русскаго престола.

Принцесса Софія-Августа слышитъ вокругъ себя восторженные отзывы о русской императрицѣ, вліянію которой приписываются милости прусскаго короля къ ея отцу; дивится красотѣ Елизаветы Петровны, любуется брильянтами, которыми осыпанъ ея портретъ — былыя, дѣтскія представленія о величіи Россіи подтверждаются во очію. Въ теченіе всего 1742 года тринадцатилѣтняя принцесса живетъ подъ впечатлѣніями, въ которыхъ русская императрица и значеніе Россіи играютъ выдающуюся роль. Теперь и въ Штетинѣ, и въ Цербстѣ все чаще говорятъ о Россіи, говорятъ въ выраженіяхъ самыхъ лестныхъ, не только съ уваженіемъ, почти съ подобострастіемъ. По этимъ отзывамъ, по этимъ впечатлѣніямъ формировался взглядъ юной принцессы на Россію; прежнія, неясныя представленія принимали болѣе опредѣленныя очертанія, причемъ принцесса замѣчаетъ вниманіе русскаго двора къ ней лично. Въ концѣ этого года она отправилась съ матерью въ Берлинъ, гдѣ извѣстный живописецъ Антуанъ Пэнъ писалъ съ нея портретъ, и принцесса знала, конечно, что этотъ портретъ будетъ отправленъ въ Петербургъ, что дядя принцъ Августъ отвезетъ его императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ.

Почти весь 1743 годъ принцесса провела въ Берлинѣ съ матерью или въ Штетинѣ съ отцомъ. Въ Штетинѣ же узнала она о новой милости русской императрицы къ голштинскому дому — ея дядя, принцъ Адольфъ-Фридрихъ, по настоянію Россіи, избранъ „коронннымъ наслѣдникомъ“ въ Швеціи. Въ концѣ 1743 года, вся семья

переѣхала въ Цербстъ, чтобъ тамъ, въ тѣсномъ семейномъ круту, встрѣтить новый годъ. При проводахъ стараго, въ семьѣ чаще и болѣе всего вспоминали о Россіи, причемъ упоминалось и о томъ, что портретъ принцессы очень понравился императрицѣ. Наступило 1-е января. Вся семья собралась поутру въ замковой церкви, и едва только окончилось богослуженіе, какъ была получена эстафета изъ Берлина съ письмомъ оберъ-гофмаршала великаго князя Петра Ѳедоровича, фонъ-Брюммера, изъ Петербурга[1]), на имя цербстской княгини Іоганны-Елизаветы. Вотъ это письмо:

„Государыня!

„Не настолько виноватъ я въ моемъ долгомъ молчаніи, какъ Ваша Свѣтлость имѣетъ право обвинять меня. Нездоровье, непокидавшее меня уже нѣсколько недѣль, накопленіе дѣлъ, хорошихъ и дурныхъ, особенно же довольно опасная болѣзнь Его императорскаго высочества великаго князя, моего государя, отъ которой, однако, по милости божіей, онъ вполнѣ оправился, являются достаточными доводами въ мою пользу. Во всякомъ случаѣ, среди всѣхъ этихъ затрудненій, моя почтительная преданность Вашей Свѣтлости была и всегда будетъ неизмѣнною, хотя проявленіе ея и можетъ мѣняться. Несмотря на мои ежедневныя занятія, я могъ, конечно — объявляю это чистосердечно — найти время для выраженія Вашей Свѣтлости своей преданности; но мнѣ не хотѣлось этого дѣлать до тѣхъ поръ, пока я не получилъ возможности сообщить Вамъ нѣчто весьма для Васъ пріятное.

„Надѣюсь, государыня, что Ваша Свѣтлость вполнѣ увѣрены, что, съ тѣхъ поръ какъ я нахожусь въ этой странѣ, я не перестаю трудиться для счастія и величія наисвѣтлѣйшаго герцогскаго дома. Успѣлъ-ли я въ этомъ или не успѣлъ, пусть судятъ другіе.

„Издавна питая особое почтеніе къ особѣ Вашей Свѣтлости и стараясь убѣдить ее въ этомъ нестолько пустыми словами, какъ дѣйствительными дѣлами, я дни и ночи соображалъ, нельзя-ли сдѣлать что нибудь блистательное въ пользу Вашей Свѣтлости и Вашей именитой фамиліи.

„Зная великодушіе Вашего сердца и благородство Вашихъ чувствъ, я не колеблюсь ни минуты открыть Вашей Свѣтлости дѣло, которое прошу содержать въ тайнѣ, такъ чтобы въ первое, по крайней мѣрѣ, время ничто не обнаружилось бы.

„Въ продолженіи двухъ лѣтъ, какъ я имѣю счастье находиться

---

[1]) Черновая копія хранится въ Государственномъ Архивѣ; подлинникъ — въ цербстскомъ архивѣ. *Siebigk*, 129. Значеніе этого письма см. *Соловьевъ*, XXI, 320.

при этомъ дворѣ, я часто имѣлъ случай говорить Ея императорскому величеству о Вашей Свѣтлости и Вашихъ выдающихся качествахъ. Я долго хлопоталъ и употреблялъ всевозможныя старанія, чтобы довести дѣло до желаннаго конца. Съ трудомъ, но думаю, что я успѣлъ, и надѣюсь, что нашелъ то, что восполнитъ и закрѣпитъ совершенное благополучіе герцогскаго дома. Въ этомъ отношеніи я сдѣлалъ, скажу безъ похвальбы, все, что можно требовать отъ моего усердія и отъ моей привязанности къ Вашей Свѣтлости. Теперь, государыня, Вашей Свѣтлости остается приложить руку къ дѣлу, которое я такъ удачно началъ. Такимъ образомъ, чтобы не терять времени на предисловіе, да позволитъ мнѣ Ваша Свѣтлость имѣть честь, съ крайнимъ удовольствіемъ, сообщить ей въ чемъ дѣло.

„По именному повелѣнію Ея императорскаго величества я долженъ, государыня, передать Вамъ, что эта августѣйшая императрица желаетъ, чтобы Ваша Свѣтлость, въ сопровожденіи принцессы старшей Вашей дочери, прибыли возможно скорѣе и не теряя времени въ Россію, въ тотъ городъ, гдѣ будетъ находиться императорскій дворъ. Ваша Свѣтлость слишкомъ просвѣщенна, чтобы не понять истиннаго смысла того нетерпѣнія, съ которымъ Ея императорское величество желаетъ скорѣе увидѣть здѣсь Васъ, равно какъ и принцессу Вашу дочь, о которой молва сообщила намъ такъ много хорошаго. Бываютъ случаи, когда гласъ народа есть именно гласъ божій.

„Во то же время, наша несравненная монархиня мнѣ именно указала предварить Вашу Свѣтлость, чтобы принцъ супругъ Вашъ не пріѣзжалъ вмѣстѣ съ Вами; Ея императорское величество имѣетъ весьма уважительныя причины желать этого. Полагаю, Вашей Свѣтлости достаточно одного слова, чтобы воля нашей божественной государыни была исполнена.

„Чтобъ Ваша Свѣтлость не были ничѣмъ затруднены, чтобы Вы могли сдѣлать нѣсколько платьевъ для себя и для принцессы Вашей дочери и могли, не теряя времени, предпринять путешествіе, имѣю честь приложить къ настоящему письму вексель, по которому Вы получите деньги немедленно по предъявленіи. Правда, сумма довольно скромна; но надобно сказать Вашей Свѣтлости, что это сдѣлано съ умысломъ: чтобъ выдача большей суммы не бросилась въ глаза тѣмъ, которые слѣдятъ за всѣми нашими дѣйствіями. Но чтобъ Ваша Свѣтлость не нуждалась ни въ чемъ по пріѣздѣ въ Петербургъ, я распорядился, чтобъ купецъ Іоганъ Лудольфъ Домъ уплатилъ Вашей Свѣтлости, во время проѣзда, двѣ тысячи рублей, въ случаѣ если Вы будете нуждаться въ нихъ. Осмѣливаюсь ручаться Вашей Свѣтлости, что по благополучномъ прибытіи сюда Вы не будете уже нуждаться ни въ чемъ. Ваша Свѣтлость найдетъ здѣсь покровительницу, которая позаботится о всемъ, что Вамъ необходимо, чтобъ достойнымъ образомъ появляться

въ обществѣ. Приняты такія мѣры, что Ваша Свѣтлость останетесь вполнѣ довольны.

„Чтобъ ускорить путешествіе, не терпящее промедленія, Ваша Свѣтлость сдѣлаете хорошо, если возьмете съ собою только одну статсъ-даму, пару горничныхъ, повара (необходимаго въ этой странѣ) и одного офицера для распоряженій на почтовыхъ станціяхъ. Чтобы не увеличивать чрезмѣрно свиту, достаточно трехъ или четырехъ лакеевъ для обычныхъ услугъ.

„По пріѣздѣ въ Ригу, Ваша Свѣтлость найдете тамъ эскорту, назначенную Ея императорскимъ величествомъ, чтобы проводить Васъ въ мѣстопребываніе двора. Если Ваша Свѣтлость узнаетъ въ въ Ригѣ, что дворъ находится въ Москвѣ, я все таки совѣтую Вамъ, государыня, ѣхать на Петербургъ, не на Псковъ, въ виду неудобства неустроенныхъ дорогъ и убогости станцій, что еще долѣе задержитъ Вашу Свѣтлость, чѣмъ небольшой объѣздъ, который Вы сдѣлаете, направляясь сюда.

„Судя по всему, Ея императорское величество отправится отсюда въ Москву недѣли двѣ спустя послѣ новаго года. Чтобы путь отсюда до Москвы не казался Вашей Свѣтлости безконечнымъ, имѣю честь увѣрить Васъ, что его можно сдѣлать въ пять или шесть дней.

„Передавъ Вашей Свѣтлости все, что было мнѣ поручено, позволяю себѣ прибавить, что для удовлетворенія излишняго любопытства Ваша Свѣтлость можете объявить, что долгъ и вѣжливость требуютъ отъ Васъ съѣздить въ Россію, какъ для того, чтобъ поблагодарить Ея императорское величество за необычайную благосклонность, оказанную герцогскому дому, такъ и для того, чтобъ видѣть совершеннѣйшую изъ государынь на землѣ, милостямъ которой Вы хотите лично поручить себя.

„Чтобъ Ваша Свѣтлость знали всѣ обстоятельства, касающіяся этого дѣла, имѣю честь сообщить Вамъ, что король прусскій посвященъ въ этотъ секретъ, и поэтому Ваша Свѣтлость можетъ говорить съ нимъ объ этомъ или не говорить, какъ вы найдете болѣе умѣстнымъ. Что же касается меня лично, я почтительнѣйше совѣтовалъ бы Вашей Свѣтлости поговорить объ этомъ съ королемъ, такъ какъ въ свое время и въ своемъ мѣстѣ Вы почувствуете послѣдствія, которыя естественно произойдутъ изъ того.

„На этомъ мѣстѣ письма меня позвала Ея императорское величество и изволила приказать вновь просить Вашу Свѣтлость поторопиться пріѣздомъ насколько только возможно. Эта божественная государыня милостиво сказала, что такъ какъ обстоятельства не позволяютъ ей въ настоящее время видѣть принца-супруга Вашей Свѣтлости, то она не замедлитъ вызвать его какъ только измѣнятся обстоятельства. Я счелъ своею обязанностью извѣстить объ этомъ Вашу Свѣтлость, чтобъ Вы могли воспользоваться этимъ извѣстіемъ для успѣха дѣла, о которомъ идетъ рѣчь. Г. Лестокъ,

который всеконечно работалъ въ согласіи со мною и который очень преданъ интересамъ герцогскаго дома, просилъ меня засвидѣтельствовать Вашей Свѣтлости его глубочайшее почтеніе. Я долженъ отдать ему справедливость, что относительно интересовъ Вашей Свѣтлости онъ велъ себя какъ честный человѣкъ и ревностный слуга.

„Мое письмо оказывается столь длиннымъ, что я долженъ принести въ томъ тысячу извиненій Вашей Свѣтлости. Мнѣ остается только прибавить, что я съ глубочайшимъ почтеніемъ и съ почтительною преданностью имѣю честь быть

„С.-Петербургъ. „*Брюммеръ.*
„17 декабря н. с. 1743 году.

„*Приписка.* Чтобъ лучше скрыть цѣль путешествія, Вашей Свѣтлости остается объявить, что Вы ѣдете въ Штетинъ и уже оттуда пуститься прямо въ Россію. Если Ваша Свѣтлость найдете удобнымъ, Вы можете ѣхать подъ именемъ графини Рейнбекъ[1]) до самой Риги, гдѣ уже объявите о себѣ и получите эскорту, которая Вамъ назначена."

Какая же цѣль вызова графини Рейнбекъ и ея дочери въ Петербургъ? Цѣль эта, дѣйствительно, на столько очевидна, что хитрый Брюммеръ не счелъ даже нужнымъ обмолвиться объ ней въ своемъ „длинномъ" письмѣ. Еслибъ, однако, въ Цербстѣ и могло возникнуть какое-либо сомнѣніе относительно цѣли поѣздки, оно вполнѣ разрѣшалось письмомъ прусскаго короля, полученнымъ лишь нѣсколько часовъ позже письма Брюммера[2]). Вотъ что писалъ Фридрихъ II княгинѣ Іоганнѣ-Елизаветѣ:

„Государыня моя кузина!

„Я не сомнѣваюсь, что Вы знаете уже изъ писемъ, полученныхъ изъ Петербурга, до какой степени Ея величество императрица всероссійская страстно желаетъ, чтобъ Вы съ принцессою Вашею дочерью пріѣхали къ ней, и какія мѣры приняты этою императрицею для покрытія расходовъ, сопряженныхъ съ этимъ путешествіемъ.

„Совершенное почтеніе, питаемое мною къ Вамъ и ко всему, касающемуся Васъ, обязываетъ меня сказать Вамъ какова собственно цѣль этого путешествія, и довѣренность моя къ Вашимъ прекраснымъ качествамъ позволяетъ мнѣ надѣяться, что Вы осторожно отнесетесь къ моему сообщенію по дѣлу, успѣхъ котораго вполнѣ зависитъ отъ непроницаемой тайны. Въ этой увѣренности я не хочу долѣе скрывать отъ Васъ, что вслѣдствіе уваженія, питаемаго мною къ Вамъ и къ принцессѣ Вашей дочери, я всегда желалъ до-

---

[1]) Рейнбушъ, въ *Осмнадц. Вѣкѣ*, I, 17, очевидно, опечатка. — [2]) *Siebigk*, 6, 137.

ставить ей необычное счастіе, и у меня явилась мысль, нельзя-ли соединить ее съ ея троюроднымъ братомъ, русскимъ великимъ княземъ.

„Я приказалъ хлопотать объ этомъ въ глубочайшемъ секретѣ, въ надеждѣ, что это не будетъ Вамъ непріятно, и хотя при этомъ встрѣтилось нѣсколько затрудненій, особенно же по близкому родству между принцессой и великимъ княземъ, тѣмъ не менѣе были найдены способы устранить эти препятствія, и до настоящаго времени успѣхъ этого дѣла былъ таковъ, что я имѣю всѣ основанія надѣяться на благополучный исходъ, если Вамъ угодно будетъ дать свое согласіе и пуститься въ путь, предлагаемый Вамъ Ея величествомъ. Но такъ какъ лишь очень немногимъ лицамъ извѣстна настоящая цѣль этой поѣздки и такъ какъ крайне необходимо сохранить эту тайну, то я полагаю, что Ея императорское величество пожелаетъ, чтобъ Вы сохранили эту тайну въ Германіи и чтобъ Вы особенно позаботились, чтобъ ее не узналъ графъ Чернышевъ, ея министръ въ Берлинѣ. Чтобъ еще болѣе замаскировать это путешествіе, Ея величество желаетъ, чтобъ на этотъ разъ супругъ Вашъ принцъ не сопровождалъ Васъ и чтобъ Вы начали это путешествіе съ поѣздки съ Вашею дочерью въ Штетинъ, и оттуда уже прямо въ Петербургъ, не говоря о томъ ни слова никому въ Германіи. Сверхъ того, меня извѣщаютъ, что Ея императорское величество приказала вручить Вамъ чрезъ одну прусскую контору въ Петербургѣ десять тысячъ рублей на экипажъ и на путевыя издержки, и что по прибытіи въ Петербургъ Вы получите еще тысячу дукатовъ на путешествіе въ Москву. Въ то же время Ея величество желаетъ, чтобъ по пріѣздѣ въ Москву Вы говорили бы всѣмъ, что предприняли это тяжелое путешествіе единственно для принесенія Ея императорскому величеству личной благодарности за ея милости къ Вашему брату и вообще ко всей Вашей семьѣ.

„Вотъ все, что я могу передать Вамъ въ настоящее время; и такъ какъ я увѣренъ, что Вы воспользуетесь этимъ со всею возможною осторожностью, то я былъ бы безконечно польщенъ, еслибъ Вамъ угодно было согласиться со всѣмъ, что я Вамъ сообщилъ и парою словъ извѣстить меня о Вашемъ взглядѣ на это дѣло.

„Впрочемъ, прошу Васъ вѣрить, что я и впредь не перестану стараться въ Вашу пользу въ этомъ дѣлѣ и что я остаюсь и проч.

„Берлинъ *„Фридрихъ“.*
„30 декабря 1743 года.

Призадумалась Іоганна-Елизавета надъ этими письмами[1]), и было отъ чего. Конечно, партія, предстоящая ея

---

[1]) Обрадовалась княгиня письмамъ, полученнымъ 1-го января 1744 года, и „увидѣла въ нихъ исполненіе предсказанія Олеарія“ о блестящей будущности Голштиніи (*Ranke*, III, 127). Іоганна-Елизавета если даже и не читала Олеарія, могла знать его мнѣніе о вы-

дочери — блестящая, выходящая изъ ряда, небывалая: въ ея родѣ бывали герцоги, имперскіе князья, даже короли — лишь нѣсколько мѣсяцевъ назадъ ея братъ былъ избранъ въ наслѣдники шведской королевской короны — но императоровъ еще не бывало. Для цербстской княгини это предложеніе не было, однако, неожиданнымъ. Давно, два года еще назадъ, съ первою вѣстью о воцареніи Елизаветы Петровны и признаніи голштинскаго герцога наслѣдникомъ русской короны, она начала уже мечтать о возможности подобнаго брачнаго союза: не безъ задней мысли напомнила она о себѣ русской императрицѣ въ льстивомъ поздравленіи съ восшествіемъ на престолъ; не даромъ старалась она угодить Елизаветѣ Петровнѣ посылкой портрета ея сестры, герцогини голштинской Анны Петровны; не напрасно же, наконецъ, посылала она въ Россію съ братомъ Августомъ портретъ своей дочери. Теперь, не безъ улыбки увидѣла она изъ присланныхъ ей писемъ, что и въ Петербургѣ, и въ Берлинѣ каждый ея кореспондентъ старался выставить себя главнымъ устроителемъ брака, предстоящаго ея дочери — очевидное свидѣтельство, что и въ Берлинѣ, и въ Петербургѣ этому дѣлу придавали большое значеніе. Не ей, конечно, умалять важность подобнаго союза — она лучше многихъ понимаетъ его значеніе; но что значитъ эта таинственность, рекомендуемая, и такъ настойчиво, обоими кореспоноен-

---

годныхъ для Голштиніи союзахъ и легко могла вспомнить это мнѣніе, читая письма Брюммера и Фридриха. Это, по крайней мѣрѣ, довольно вѣроятно; но вотъ что положительно невозможно: ¡Von der jungen Prinzessin ist ein Blatt mit ihrem gross hingemalten zerbstischen Namenszug übrig; darunter drückt sie in noch sehr unvollkommenen Schriftzügen und Worten die Bewegung aus, welche die eingegangenen Briefe ihrer Mutter verursachten; als wenn das Orakel für ihr Leben darin liege. Въ обѣихъ пнсьмахъ отъ княгини требовали хранить сообщенное извѣстіе въ тайнѣ даже отъ князя, отъ мужа — скажетъ-ли Іоганна-Елизавета это извѣстіе своей дочери, которой шелъ всего 15-й годъ? Гдѣ находится этотъ листокъ? Въ настоящее время изданы всѣ бумаги, хранящіяся въ цербстскомъ архивѣ и имѣющія какое-либо отношеніе къ сватовству цербстской принцессы—этого листка въ бумагахъ не оказалось. Довѣрять подобному извѣстію нельзя (*Bruckner*, 19).

тами? Почему она должна тайкомъ выѣхать изъ Германіи и даже въ самой Россіи скрывать настоящую цѣль своей поѣздки? Почему достиженіе этой цѣли вполнѣ зависитъ отъ ея скрытности? Кто же, при страстномъ желаніи русской императрицы и при обезпеченномъ содѣйствіи прусскаго короля, можетъ помѣшать этому дѣлу и разстроить весь планъ?

III.

Младшая дочь Петра I и Екатерины непомнящей родства, дитя любви, Елизавета Петровна унаслѣдовала отъ своихъ родителей чрезвычайно красивую внѣшность. Стройная, съ густою каштановою косою и темными бровями, оттѣнявшими большіе голубые глаза, съ привлекательною улыбкою, легко переходившею въ шаловливый смѣхъ, выказывавшій строй бѣлыхъ зубовъ, всегда привѣтливая съ чужими, ласковая съ близкими, живая, любезная, веселая, царевна Елизавета Петровна производила чарующее впечатлѣніе на мущинъ. Враждебно относившійся къ царевнѣ испанскій посланникъ герцогъ де-Лиріа называлъ ея красоту сверхъестественною; французскіе резиденты Лави и Кампредонъ считали ее красавицею. Не только мущины, женщины признавали ее чрезвычайно красивою. Елизаветѣ было далеко за 30 лѣтъ, и она начала уже полнѣть, когда ее видѣла цербстская княгиня, мать Екатерины, и нарисовала восторженный ея портретъ; Екатерина восхищалась внѣшностью своей нареченной тетки даже когда ей было уже за 40 лѣтъ и она часто бывала больна[1]). Трудно пересчитать всѣ проекты брачныхъ союзовъ, составлявшіеся ради Елизаветы Петровны, всѣхъ искателей ея руки и счастливцевъ, избранныхъ ея сердцемъ. Еще ребенкомъ она была предметомъ брачнаго проекта съ французскимъ королемъ Людовикомъ XV, потомъ съ герцогомъ Шартрскимъ и съ Конде, герцогомъ Бурбонскимъ; за женихами французскими выступаютъ

---

[1]) Приложеніе VI, письмо 4-е; *Mémoires*, 149; *Castéra*, I, 122.

претенденты-нѣмцы: принцъ Карлъ-Августъ, эпископъ любекскій, курляндскій герцогъ Фердинандъ, принцъ Морицъ Саксонскій, принцъ Фридрихъ Зульцбахскій, маркграфъ Карлъ Бранденбургъ-Байрейтскій и даже принцъ Петръ Биронъ; просилъ руки Елизаветы Петровны и донъ-Мануэль, инфантъ португальскій, даже принцъ персидскій, сынъ шаха Надира. Отъ иностранцевъ не отставали русскіе: императоръ Петръ II, влюбленный въ свою красавицу-тетку, близкій къ императору князь И. А. Долгоруковъ, не говоря уже о князѣ А А. Меньшиковѣ[1]). Счастливѣе всѣхъ этихъ претендентовъ и искателей оказались избранники самой Елизаветы Петровны — первый „рабъ ея сердца" гвардеецъ А. Б. Бутурлинъ, красавецъ А. Я. Шубинъ, конюхъ Андрей Вожжинскій, пажъ Лялинъ, пѣвчій А. Г. Разумовскій, камергеръ И. И. Шуваловъ и, можетъ быть, другіе. Все образованіе Елизаветы Петровны ограничивалось разговоромъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкѣ, при чемъ она видѣла вокругъ себя только примѣры циническаго разврата и полнаго разгула. Царевна много терпѣла отъ предержащей власти — отъ Анны Ивановны и Анны Леопольдовны, отъ Меншикова и Долгорукова, отъ Бирона и Остермана. Избѣгая придворныхъ козней, доходившихъ до намѣренія заточить царевну въ монастырь, она удалилась въ свою Александровскую Слободу, гдѣ, въ мужскомъ костюмѣ, который такъ шелъ къ ней, полевала въ обществѣ любимца Шубина и водила хороводы съ сельскими дѣвками; то „безъ стыда продѣлывала вещи, которыя заставляли краснѣть даже наименѣе скромныхъ", то „горячо молилась передъ образомъ знаменія пресвятыя Богородицы". Когда Елизаветѣ Петровнѣ предлагали корону, ради которой Анна Ивановна поспѣшила изъ Митавы въ Москву, цесаревна

---

[1]) *Государств. Архивъ*, II, № 56 (копія съ письма о предположенномъ бракѣ маркграфа Фридриха-Вильгельма съ цесаревною Елизаветою Петровною), № 57 (письмо графа Левенвольда младшаго къ брату его о пріисканіи жениха для цесаревны Елизаветы; перлюстровано въ 1763 году) и № 58 (о предполагаемомъ бракѣ между цесаревною Елизаветою и принцемъ Адольфомъ Шлезвигъ-Голштинскимъ).

не хотѣла сдѣлать и одного шага, чтобъ поддержать свои права, и нужно было десять лѣтъ несносныхъ преслѣдованій и мелочныхъ непріятностей отъ двухъ женщинъ, мстившихъ ей, между прочимъ, и за красоту, чтобъ она рѣшилась идти въ казармы и возмущать солдатъ противъ властей, которымъ сама же присягала[1]).

По смерти Петра II, престолъ заняла Анна Ивановна, царствовавшая десять лѣтъ и, передъ смертью, назначившая императоромъ грудного младенца, сына принцессы мекленбургской и принца брауншвейгъ-люнебургскаго, Ивана Антоновича. Отвѣтомъ на это распоряженіе былъ глухой ропотъ въ народѣ. Почему двухмѣсячный ребенокъ назначенъ императоромъ, а не его родители — не отецъ, не мать? Слыханное-ли дѣло, чтобъ младенцу было отдано предпочтеніе передъ его родителями? Почему какой-то Антоновичъ, сынъ чужеземцевъ, взялъ верхъ надъ дочерью Петра Великаго, надъ Елизаветою Петровною? Назначеніе же регентства на все время, пока Иванъ „въ невозрастныхъ лѣтахъ“, именно въ лицѣ Бирона, всѣми ненавидимаго и, что еще хуже, презираемаго, вызвало общее негодованіе. Ничего что онъ нѣмецъ — къ нѣмцамъ русскіе за послѣднее десятилѣтіе начали уже привыкать, встрѣчая ихъ на всѣхъ высшихъ постахъ: въ командованіи арміей, въ управленіи флотомъ, въ государственныхъ коллегіяхъ, въ высшемъ совѣтѣ — но онъ проходимецъ, нечистыми путями достигшій власти и злоупотреблявшій своимъ положеніемъ. Противъ него рѣшительно всѣ — придворные, духовенство, войско, особенно же гвардія, т. е. все высшее сословіе государства, противъ него народъ. Его терпѣли, пока онъ прикрывался мантіей племянницы Петра Великаго, императрицы Анны Ивановны; со смертью Анны Ивановны его гнусная роль прекращалась — онъ этого не понялъ, и погибъ; погибъ чрезъ двѣ же недѣли: онъ былъ арестованъ и сосланъ въ Пелымъ, въ Сибирь.

Когда Минихъ велъ гвардейцевъ арестовывать Бирона, солдаты были убѣждены, что этотъ переворотъ дѣ-

---

1) *Государств. Архивъ*, II, № 38 и 51.

лается въ пользу цесаревны Елизаветы Петровны. Но манифестомъ 9-го ноября 1740 года правительницею имперіи объявлялась мать младенца Ивана, въ православіи Анна Леопольдовна. Это имя ничего не говорило русскому сердцу, было чуждо ему на столько же, какъ и имя Антона-Ульриха, отца императора-младенца. На правительницу, какъ прежде на регента, смотрѣли какъ на неизбѣжное, но временное зло. Сама Анна Леопольдовна, казалось, считала свою власть тоже временною, случайною. Никто не думалъ объ упроченіи этой власти. Именемъ грудного младенца издавали указы, вели войны, правили имперіей и интриговали безъ конца — интриговали нѣмцы и русскіе, министры, свои и чужіе, лица свѣтскія и духовныя, интриговали мущины и женщины, всѣ, власть имѣвшія и у власти стоявшія. Минихъ арестовываетъ Бирона, подъ Миниха подкапывается Остерманъ, подъ Остермана — Головкинъ, Черкасскій, преосв. Юшкевичъ. За этими интригами забывали и объ императорѣ, и объ имперіи. Не столько заботятся о государственныхъ дѣлахъ, сколько опасаются вліянія Юліи Менгденъ на правительницу, толкуютъ о близкомъ фаворѣ Линара, о раздорахъ въ средѣ браунщвейгской фамиліи. Всѣ забыли о младенцѣ-императорѣ. Въ торжественные моменты его показывали народу; его выносили на балконъ, когда въѣзжало персидское посольство съ первыми слонами, появившимися въ Петербургѣ. Народъ, при этомъ, конечно, не видѣлъ ни его, ни его матери — ихъ всегда заслоняли то Биронъ, то Минихъ — и ни мало не интересовался младенцемъ, едва зная, что онъ правнукъ, по матери, царя Ивана Алексѣевича, заслоненнаго отъ народа, въ свое время, грандіозною фигурою своего брата Петра Алексѣевича. Народъ не зналъ царя Ивана, но хорошо помнилъ Петра, и чрезъ головы временщиковъ и правительницы любовно искалъ глазами цесаревну Елизавету Петровну, любовался ея красотою, дивился, что престолъ занятъ не дочерью Петра, а какимъ-то нѣмецкимъ младенцемъ. Въ теченіи цѣлаго уже года въ церквахъ поминаютъ „благополучно царствующаго Іоанна“, а предстоящіе и молящіеся не могутъ даже въ толкъ взять, почему именно этотъ младенецъ

сталъ императоромъ. Наконецъ, въ ночь съ 24-го на 25-е ноября 1741 года, цесаревна Елизавета Петровна приказываетъ арестовать правительницу Анну Леопольдовну, ея мужа, генералиссимуса Антона-Ульриха, ихъ сына, младенца Ивана, и провозглашаетъ себя императрицей. Войско, народъ, вся Россія привѣтствуютъ этотъ переворотъ, какъ нѣчто совершенно естественное, желанное, давно жданное[1]).

Въ подробномъ манифестѣ, изданномъ по этому случаю, правительство желало доказать, что этотъ переворотъ, сверхъ того, и вполнѣ законенъ. Для этого вспомнили „тестаментъ блаженныя памяти императрицы Екатерины I", въ восьмомъ артикулѣ котораго точно опредѣленъ порядокъ престолонаслѣдія, въ случаѣ смерти великаго князя Петра Алексѣевича, бывшаго императора

---

[1]) Иностранцы, не понимавшіе внутренняго смысла этого переворота, дивились той легкости, съ какою онъ былъ произведенъ, и серьезно увѣряли, что „при помощи нѣсколькихъ гренадеровъ, нѣсколькихъ бочекъ вина и нѣсколькихъ мѣшковъ золота, въ Россіи можно сдѣлать все, что угодно". Въ депешѣ саксонца Пецольда именно сказанно: „Es bedürfe bloss des Beistandes einer Anzahl Grenadiere, eines Kellers voll Brantwein und einige Säcke Geld, um zu machen, was man wolle" (*Herrmann*, IV, 685). То же повторилъ позже французъ Рюльеръ, говоря о „la facilité avec laquelle une révolution se fait en Russie" (*Rulhière*, 7). Въ наше время этого взгляда придерживаются Германъ, не только въ своей „Geschichte des Russischen Staats" (IV, 680), но и въ позднѣйшей статьѣ (Hof, 272), Брюкнеръ въ „Russische Revue" (V, 98) и др. нѣмцы. Судьба браунштейгской фамиліи въ Россіи лучше всего опровергла подобный взглядъ и доказала полную его несостоятельность. Антонъ-Ульрихъ, генералиссимусъ всѣхъ русскихъ войскъ, не „нѣсколькихъ гренадеровъ", не могъ, однако, удержать власть въ своихъ рукахъ; Анна Леопольдовна, какъ правительница, располагала всѣми винными подвалами и всѣми золотыми мѣшками государства, причемъ, сверхъ того, ея сынъ болѣе года былъ уже признанъ императоромъ, и тѣмъ не менѣе пала. Войско, деньги и потворство низкимъ страстямъ представляются въ подобныхъ случаяхъ, конечно, довольно убѣдительными аргументами, но лишь вспомогательными. Необходимы иныя, болѣе серьезныя побудительныя причины для произведенія прочнаго переворота, и въ данномъ случаѣ эти мотивы не были поняты ни Пецольдомъ и Рюльеромъ, ни Германомъ, Брюкнеромъ и др.

Петра II, бездѣтнымъ: „Ежели Великій Князь безъ наслѣдниковъ преставится, то имѣетъ по немъ Цесаревна Анна съ своими Десцендентами, по ней Цесаревна Елизавета и Ея Десценденты, а потомъ Великая Княжна и Ея Десценденты наслѣдовать, однакожъ мужеска полу Наслѣдники предъ женскимъ предпочтены быть имѣютъ. Однакожъ никто никогда Россійскимъ престоломъ владѣть не можетъ, который не Греческаго закона или кто уже другую корону имѣетъ“[1]). Цесаревны Анны, имѣющей преимущество предъ своею младшею сестрою, нѣтъ уже въ живыхъ; ея десцендентъ здравствуетъ, и онъ именно мужескаго пола, который долженъ быть предпочтенъ женскому, но онъ не греческаго закона, и, потому, формальное право на сторонѣ Елизаветы Петровны.

И что-же? Тотчасъ по воцареніи, Елизавета Петровна, ради упроченія престола, шлетъ въ Киль за „десцендентомъ“ цесаревны Анны, своимъ племянникомъ, голштинскимъ герцогомъ Петромъ Карломъ Ульрихомъ[2]), и торопитъ принять православіе. О томъ, что сынъ Анны Петровны, ставъ „греческаго закона“ пріобрѣталъ болѣе правъ на русскій престолъ, чѣмъ его тетка, Елизавета Петровна не безпокоилась: она, самодержица, не имѣетъ развѣ права измѣнить по своему произволу тестаментъ своей матери? Этотъ тестаментъ сыгралъ уже свою роль — на основаніи его была доказана законность произведеннаго Елизаветой переворота — и императрица своею властью измѣнила его: ея племянникъ нареченъ великимъ княземъ Петромъ Ѳедоровичемъ и объявленъ наслѣдникомъ престола[3]). Оставаясь въ Килѣ, сынъ Анны Петровны могъ представляться претендентомъ, могъ, при помощи Франціи или Швеціи, стать даже опаснымъ[4]);

---

1) *П. С. З.*, №5070. — 2) It is said that the Duke of Holstein will be sent for, probably on Her Najesty's resolution not to marry, he will be presumptive heir, a new rising sun, to be adopted and another instrument of a future revolution, whenever the janisaries grow weary of the present, and want to try a new governement. Депеша *Финча*, отъ 5 декабря 1741 года (*Лондон. Архивъ*, Russia, № 38). *Манштейнъ*, 249. — 3) Депеша Пецольда отъ 15 декабря 1742 года, въ *Сборникѣ*, VI, 465. — 4) The Duke of Holstein having been sent for in such great haste is attri-

здѣсь же, въ Петербургѣ, даже и ставъ православнымъ, онъ не болѣе какъ великій князь, онъ только наслѣдникъ престола. Осталось только позаботиться, о десцендентахъ наслѣдника престола, женить великаго князя, чтобъ обезпечить въ будущемъ престолонаслѣдіе и оградить себя и имперію отъ проявленій „зловредныхъ" сочувствій къ бывшему императору Ивану Антоновичу[1]).

Елизавета произвела переворотъ, доставившій ей престолъ, именемъ „внука Петра Великаго". На эктеніи, послѣ императрицы, велѣно было поминать „наслѣдника ея, внука Петра Перваго, благовѣрнаго государя великаго князя Петра Ѳедоровича"[2]). Тѣмъ не менѣе, „сенаторы и знатныя особы были несказанно недовольны, что въ такомъ важномъ дѣлѣ не было спрошено предварительно ихъ мнѣніе, какъ то бывало прежде"[3]). Спроситъ-ли Ели-

---

buted t5 the Czarina's apprehension that this prince might hereafter be played off, by France and Sweden, as an engine against her. Her Majesty by getting this young prince into her hands thinks She has such an additional security, that She wants no more. Депеша *Финча*, отъ 23-го января 1742 г. (*Лондон. Архивъ*, Russia, № 40). Соображеніе это оправдывалось не только войною, которую вела противъ Россіи тогда Швеція, готовая воспользоваться всякою случайностью для созданія затрудненій Россіи, но и взглядомъ Франціи на взаимныя права тетки и племянника: „Mais à nn rien dissimuler la Czarine Elisabeth n'avait aucun droit à la couronne, soit qu'on la suppose hériditaire, soit qu'on pense que le souverain a droit de se nommer un successeur. Si c'était l'ordre de la naissance dans la famille qui appelât au trône, la couronne appartenait au neveu d'Elisabeth, Pierre, duc de Holstein, petit-fils du Czar Pierre I par sa mère qui était soeur ainée d'Elisabeth; si au contraire le choix du souverain est une loi qu'il faille respelter, la couronne était legitimement portée par Jean de Brunswick, désigné successeur par la Czarine Anne" (*Парижс. Архивъ*, Russie, Mémoires et documents, vol. 1, pièce 1).

[1]) Иныя причины приводитъ Гельбигъ: „Religiöser Aberglaube, der der griechischen Kirche einen Proselyten zuführen wollte, natürliche Gutmüthigkeit, die den Sohn ihrer Schwester glücklich zu machen wünschte, und Hang zu einer zügellosen Wollust, die ausser der Ehe leichter befriedigt werden konnte. *Helbig*, Biographie, I, 28. — [2]) *П. С. З.* № 7670. — [3]) The Empress had proclamed him without communicating Her design privy Counsil, the Senate or any person of distinction. Депеша *Финча* отъ 8 нобря 1742 года (*Кондон. Архивъ*, Ruesia, № 42). Депеша Пецольда отъ 15 декабря 1742 г. въ *Сборникъ*, IV, 463.

завета Петровна чье мнѣніе при выборѣ невѣсты своему наслѣднику?

Прошелъ уже цѣлый годъ новаго царствованія, а политическая система русскаго двора еще не вполнѣ опредѣлилась и для многихъ была неясна. Въ теченіи этого года, при русскомъ дворѣ, у ступеней трона, шла сложная борьба за политическое вліяніе. Выборъ невѣсты для наслѣдника русскаго престола, юноши хилаго, болѣзненнаго, выборъ, быть можетъ, будущей императрицы, являлся серьезнымъ политическимъ вопросомъ не только для русскаго правительства, но и для иностранныхъ дворовъ. Лейбъ-медикъ Лестокъ, оберъ-гофмаршалъ Брюммеръ, вице-канцлеръ Бестужевъ, французскій посланникъ маркизъ де-ла-Шетарди, прусскій — баронъ Мардефельдъ, саксонскій резидентъ Пецольдъ, всѣ политическіе дѣятели, свои и чужіе, видятъ въ выборѣ невѣсты одинъ изъ признаковъ будущей политической программы; этимъ выборомъ, по ихъ мнѣнію, если не опредѣлится самая система, то обозначится ея направленіе, и они напрягаютъ всѣ усилія, чтобъ согласовать этотъ выборъ съ своими интересами. Елизаветѣ Петровнѣ говорятъ то объ англійской, то о французской принцессѣ, предлагаютъ дочь саксонскаго короля, прусскаго — императрица всѣхъ выслушиваетъ, но не даетъ рѣшительнаго отвѣта[1]).

Саксонскій резидентъ Пецольдъ доноситъ графу Брюлю: „Такъ какъ Францiя все еще пользуется здѣсь расположеніемъ, то я просилъ Лестока сказать мнѣ откровенно, существуетъ-ли все еще предположеніе о бракѣ герцога голштинскаго съ французскою принцессою. Хотя онъ называетъ этотъ бракъ химерой и хотя Брюммеръ подобнымъ же образомъ высказался вице-канцлеру, я все таки вижу въ этомъ одно только притворство — когда придетъ время, поразятъ всѣхъ выборомъ невѣсты, какъ теперь объявленіемъ герцога наслѣдникомъ[2]).

---

[1]) *Droysen*, V, 2, 134, 147; *Beauclaire*, 80. — [2]) Депеша отъ 4 декабря 1742 года, въ *Сборникѣ*, IV, 446. Уже въ депешѣ отъ 25 января Пецольдъ упоминаетъ о французской принцессѣ (VI, 397). Эта „französische Prinzessinn“ преслѣдовала его, какъ кошемаръ, и саксонецъ изъ-за нея проглядѣлъ принцессу цербстскую.

Пецольдъ, конечно, предпочелъ бы связать русскій дворъ семейными узами съ саксонскимъ. Дочь польскаго короля Августа III, саксонская принцесса Марія-Анна, красива, древняго рода, сверстница великаго князя—ей, какъ и Петру Ѳедоровичу, 16-й годъ. Этотъ брачный проектъ поддерживаетъ теперь „всесильный" вице-канцлеръ, еще недавно предлагавшій брачный союзъ съ прусскимъ королевскимъ домомъ[1]). Умный графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ видитъ въ саксонскомъ проектѣ сплоченіе полититическаго союза Россіи съ Австріей, Голландіей и Англіей противъ Франціи и Пруссіи, системы, завѣщанной Петромъ Великимъ; онъ видитъ въ саксонскомъ бракѣ упроченіе своего личнаго положенія при дворѣ и употребитъ все свое вліяніе, свой умъ, свою опытность на поддержку саксонскаго проекта.

Этотъ проектъ „невозможенъ", по мнѣнію прусскаго посланника Мардефельда; но что можетъ Мардефельдъ? Еще такъ недавно, лишь нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, русскій дворъ просилъ отозвать его изъ Петербурга, какъ лицо, неугодное императрицѣ[2]). Перебирая всѣхъ германскихъ невѣстъ, саксонская партія не находитъ ни одной болѣе „подходящей", чѣмъ саксонская принцесса, и безпокоится только на счетъ французскихъ невѣстъ, которыя представляются ей вовсе не „химерой".

Въ мартѣ 1743 года прибылъ въ Петербургъ голштинскій принцъ Августъ. Не случайно, конечно, привезъ онъ Елизаветѣ Петровнѣ портретъ своей племянницы, четырнадцатилѣтней принцессы ангальтъ-цербстской Софіи-Фридерики-Августы. Портретъ, какъ кажется, не изъ особенно хорошихъ, по крайней мѣрѣ, учитель „жениха" Штелинъ такъ отозвался въ своихъ запискахъ: „Прибытіе принца Августа изъ Голштиніи. Его свѣтлость привезъ для ея величества портретъ принцессы Цербстской, написанный въ Берлинѣ живописцемъ Пэномъ. Въ этомъ портретѣ почти нельзя было узнать кисти этого художника, потому что онъ отъ старости потерялъ силу и прекрасный талантъ"[3]). Не смотря на это, даже и въ

1) См. изслѣдованіе 1-е. — 2) *Pol. Corr.* II. 252. — 3) *Штелинъ*, 86.

дурномъ изображенiи „выразительная физiономiя юной принцессы понравилась императрицѣ; казалось, и великiй князь Петръ не безъ удовольствiя разсматривалъ портретъ“ [1]).

Обрадовался Фридрихъ II, услышавъ о благопрiятномъ впечатлѣнiи, произведенномъ на императрицу и великаго князя портретомъ цербстской принцессы — саксонскiй проектъ, къ тому же поддерживаемый врагомъ Пруссiи, Бестужевымъ, шелъ въ разрѣзъ съ его интересами. „Чтобъ уничтожить саксонскiй проектъ — писалъ Фридрихъ II Мардефельду — предложите принцессу изъ какого-нибудь древняго герцогскаго дома Германiи. Относительно моихъ сестеръ, вы знаете уже мой взглядъ — ни одной изъ нихъ я не отдамъ въ Россiю. Меня удивляетъ, что императрица не остановится въ своемъ выборѣ на цербстской принцессѣ, хотя она голштинскаго рода, который императрица такъ любитъ. Сверхъ того есть двѣ принцессы гессенъ-дармштадтскiя, изъ которыхъ одной 20, а другой 18 лѣтъ“ [2]).

Этотъ рескриптъ прусскаго короля барону Мардефельду помѣченъ 2-мъ ноября 1743 года; въ немъ Фридрихъ II впервые упоминаетъ о цербстской принцессѣ, упоминаетъ нерѣшительно, рядомъ съ принцессами гессенъ-дармштадтскими, которыхъ онъ предлагаетъ даже и въ декабрѣ, когда выборъ невѣсты для великаго князя давно уже былъ сдѣланъ Елизаветою Петровною, когда цербстская княгиня Iоганна-Елизавета извѣщала уже его о своемъ предчувствiи что „императрица предназначила ея дочь въ супруги своего племянника“ великаго князя Петра Θеодоровича.

Елизавета Петровна выслушивала всѣ предложенiя, взвѣшивала всѣ брачные проекты и, отвергнувъ ихъ, сама остановила выборъ на цербстской принцессѣ. Императрица дѣйствовала въ этомъ отношенiи вполнѣ самостоятельно. Современный дипломатъ, зорко слѣдившiй за ходомъ этого дѣла, принимавшiй въ немъ большое участiе и заинтересованный въ его рѣшенiи, сообщалъ своему

([1] *Helbig*, Biographie, I; 48. — [2]) *Pol. Corr.* II, 458.

министерству: „При этомъ случаѣ мы не можемъ не замѣтить, что и это дѣло о бракосочетаніи наслѣдника императрица опять рѣшила безъ предварительнаго совѣщанія съ министрами, какъ и при объявленіи великаго князя своимъ наслѣдникомъ, изъ чего можно заключить, что она придерживается того принципа, что внутреннія и фамильныя дѣла не подлежатъ обсужденію ея министровъ. Когда выборъ императрицы остановился уже на принцессѣ цербстской, она сообщила объ этомъ вице-канцлеру Бестужеву подъ условіемъ строжайшей тайны, причемъ высказала, что ей много говорили объ одной французской принцессѣ, что она думала и о королевско-польской принцессѣ, но что такъ какъ она въ концѣ концовъ нашла самымъ лучшимъ избрать въ невѣсты великому князю такую принцессу, которая была бы протестантской религіи и хотя изъ знатнаго, но столь малаго рода, чтобъ ни связи, ни свита принцессы не возбуждали бы особеннаго вниманія или зависти здѣшняго народа, то она полагаетъ, что болѣе всего удовлетворяетъ всѣмъ этимъ условіямъ принцесса цербстская, тѣмъ болѣе, что она состоитъ уже въ родствѣ съ голштинскимъ домомъ“[1]).

Въ первыхъ числахъ декабря 1743 года Елизавета Петровна поручила Брюммеру, какъ гофмаршалу герцога Голштинскаго, пригласить владѣтельную цербстскую княгиню съ ея дочерью въ Петербургъ. Письмо Брюммера помѣчено 6-мъ декабря, а 10-го маркизъ Шетарди доносилъ въ Парижъ: „Вчера, вечеромъ, Лестокъ былъ у меня и сообщилъ, что дѣло о выборѣ невѣсты рѣшено и что царица (Czarine) послала секретно десять тысячъ рублей, что составитъ болѣе 40,000 ливровъ, цербстской княгинѣ, приглашая ее возможно скорѣе прибыть въ Петербургъ“[2]). Когда, такимъ образомъ, рѣшеніе, принятое императрицей, сдѣлалось болѣе или менѣе извѣстнымъ, лица, которымъ представлялось почему-либо выгоднымъ, старались эксплуатировать въ свою пользу самый фактъ выбора

---

[1]) Депеша Пецольда отъ 1 февраля 1744 года, въ *Сборникѣ*, VI, 504. — [2]) *Парижс. Архивъ*, Russie, vol. 43, f. 283; перлюстрація въ московскомъ архивѣ мин. иностр. дѣлъ, *Соловьевъ*, XXI, 320.

цербстской принцессы: въ приведенныхъ уже письмахъ къ княгинѣ Іоганнѣ-Елизаветѣ, Брюммеръ безцеремонно приписываетъ успѣхъ единственно своему личному вліянію на императрицу, а Фридрихъ II выставляетъ на первый планъ свои заслуги[1]). Ни тотъ, ни другой не обмолвились ни единымъ словомъ, что собственно выборъ невѣсты для наслѣдника русскаго престола принадлежитъ исключительно Елизаветѣ Петровнѣ.

Оба они, однако, совѣтовали княгинѣ Іоганнѣ-Елизаветѣ хранить до времени въ тайнѣ главную цѣль ея поѣздки въ Россію. Почему? Прежде всего потому, что въ то время любили облекать всякій вздоръ въ тайну. Едва-ли это можно объяснить деликатностью — нежеланіемъ компрометтировать цербстскую принцессу, въ случаѣ, еслибъ предположенный бракъ почему-либо не состоялся. Вѣроятно, въ этомъ случаѣ играло немалую роль и желаніе усугубить въ глазахъ матери значеніе своихъ услугъ относительно устройства судьбы ея дочери.

Когда уже невѣста для великаго князя была выбрана и къ ея матери было уже отправлено приглашеніе пріѣхать „безъ замедленія“ въ Петербургъ, тогда начались козни, которыя, конечно, можно было предвидѣть, но которыя теперь должно было еще устранить.

---

1) См. изслѣдованіе 1-е.

IV.

1744-й годъ начался для цербстской княжеской семьи при добрыхъ предзнаменованіяхъ: въ первый же день новаго года княгиня Іоганна-Елизавета получила изъ Петербурга и Берлина письменныя увѣдомленія, что дѣло, начатое ею[1]) отправкою къ русской императрицѣ портрета своей дочери, идетъ весьма успѣшно. Въ письмахъ ей совѣтовали сохранить до времени все дѣло въ глубокой тайнѣ, не говорить никому о предстоящей поѣздкѣ въ Россію; но, само собою разумѣлось, что это не могло быть тайной отъ ея супруга, князя Христіана-Августа: онъ не приглашается въ Петербургъ, даже прямо совѣтуется пуститься въ путь безъ него; но онъ вскорѣ же, когда обстоятельства позволятъ, будетъ, конечно, приглашенъ явиться въ Петербургъ. Княгиня сообщила князю эту тайну, дала ему прочесть оба письма, справедливо разсчитывая на его скромность, отъ которой, какъ увѣряютъ письма, зависитъ счастіе дочери. Три дня князь и княгиня обсуждали всѣ подробности предстоящей поѣздки въ Россію, говорили о новомъ положеніи, въ которое будетъ поставлена вся семья въ случаѣ окончательнаго успѣха задуманнаго княгиней дѣла. 4-го января, княгиня написала отвѣтныя письма въ Петербургъ и Берлинъ. Письмо ея къ Брюммеру не сохранилось; Фридриху II княгиня писала:

„Ваше Величество столь милостиво предупредили меня о дѣлѣ, которое я готовилась сообщить Вамъ, что я не нахожу словъ для

---

[1]) *Castera*, I, 133.

выраженія за то Вамъ своей глубокой признательности, равно какъ за разъясненія, даваемыя мнѣ Вашимъ Величествомъ по дѣлу, котораго они касаются, за участіе, принимаемое Вами въ этомъ дѣлѣ, и за Ваши хлопоты объ успѣшномъ его окончаніи. Графъ Подевильсъ[1]) доложилъ, конечно, Вашему Величеству о письмѣ, которое было получено на мое имя изъ Петербурга и которое министръ передалъ въ берлинскую почтовую контору для отправки ко мнѣ эстафетою.

„Это-то письмо, государь, давая мнѣ первыя извѣстія о намѣреніяхъ Ея величества императрицы всероссійской относительно моего путешествія съ дочерью къ ея двору, заставило меня подозрѣвать о такомъ дѣлѣ, на которое я менѣе всего, конечно, могла разсчитывать. Признаю безполезнымъ сообщать Вашему Величеству это письмо, не желая Васъ утруждать подробностями, сущность которыхъ вполнѣ Вамъ извѣстна; другія же свѣдѣнія касаются исключительно предстоящаго путешествія.

„Совершенное почтеніе, которое я всегда питала къ Вашему Величеству, и, если позволено такъ выразиться, глубокое уваженіе побуждали меня тотчасъ же извѣстить Васъ объ этомъ. Укрѣпленная въ этихъ чувствахъ Вашимъ письмомъ, считаю себя счастливою, что пользуюсь довѣріемъ государя, истинно великаго, не только друга и союзника императрицы, оказавшей мнѣ неизрѣченныя милости, но и покровителя моего и моего семейства въ столь важномъ для насъ дѣлѣ.

„Вслѣдствіе этого, государь, вмѣняю себѣ въ обязанность повиноваться указаніямъ, которыми Вашему Величеству угодно будетъ почтить меня. Вполнѣ понимаю, государь, важность таинственности, рекомендуемой Вашимъ Величествомъ; тѣмъ не менѣе, по многимъ причинамъ, которыя легче понимаются, чѣмъ описываются, я должна была посвятить въ эту тайну князя, за скромность котораго я ручаюсь, не полагая, чтобъ я заслуживала за это упрекъ.

„Князь изъявилъ свое согласіе. Это путешествіе, дѣйствительно опасное для женщинъ, особенно въ настоящее время, не страшитъ меня. Я рѣшилась и, твердо убѣжденная, что все это дѣлается по волѣ Провидѣнія, я уповаю, что Провидѣніе же поможетъ мнѣ преодолѣть опасныя затрудненія, на которыя многіе не отважились бы.

„Мнимое путешествіе въ Штетинъ, которое Вашему Величеству угодно было предложить мнѣ, кажется намъ тѣмъ болѣе надежною маскою, что князь, если Ваше Величество разрѣшитъ ему проводить меня до Штетина, еще ранѣе предполагалъ сдѣлать эту

[1]) Первый министръ Фридриха II. Изъ письма Брюммера, перлюстрованнаго въ Берлинѣ, Фридрихъ, вѣроятно, впервые узналъ о рѣшительномъ выборѣ Елизаветою Петровною цербстской принцессы, что его и побудило писать княгинѣ письмо отъ 30 декабря, на которое она теперь отвѣчаетъ.

поѣздку, съ заѣздомъ въ Берлинъ, гдѣ мы пробудемъ лишь время, необходимое для засвидѣтельствованія почтенія королевамъ и королевскому дому. Еслибъ я этого не сдѣлала, пошли бы толки; къ тому же, мы уже нѣсколько лѣтъ пріѣзжаемъ на масляницу въ Берлинъ, и публика не обратитъ вниманія на наше появленіе.

„Я не могу еще, гоударь, положительно опредѣлить день нашего отъѣзда, и это по двумъ причинамъ: *вопервыхъ*, скорый нашъ отъѣздъ послѣ полученія эстафеты, надѣлавшей много шума въ нашей глуши, могъ бы возбудить подозрѣніе родственниковъ и сосѣдей; *вовторыхъ* мнѣ необходимо распорядиться какъ платьемъ, такъ и другими неизбѣжно нужными мелочами, что займетъ нѣсколько дней. Надѣюсь управиться къ четвергу или пятницѣ будущей недѣли. Пока же, пріемлю смѣлость переслать Вашему Величеству мой отвѣтъ въ Россію, который смиренно прошу Васъ, государь, отправить эстафетою.

„Мнѣ остается просить Ваше Величество объ одной милости, которая покажется Вамъ мелочною, но которая ускоритъ наше путешествіе — благоволите приказать заготовить за мой счетъ лошадей во всей Помераніи и Пруссіи. Паспортъ, по которому будутъ отпускаться лошади, будетъ на имя графини Рейнбекъ — имя, предписанное мнѣ Ея императорскимъ величествомъ на проѣздъ до Риги, гдѣ я открою свое настоящее званіе, чтобы получить эскорту, которая назначена сопровождать меня.

„Мой экипажъ будетъ возможно скроменъ, чтобъ не только выразить мою готовность во всемъ точно слѣдовать указаніямъ Ея императорскаго величества, но и доказать Вашему Величеству какъ цѣну, придаваемую мною милостивымъ Вашимъ словамъ, такъ и уваженіе, съ которымъ остаюсь Вашего Величества

„Цербстъ „покорнѣйшая и послушнѣйшая
„4-го января 1744 года. „*Іоганна-Елизавета*".

Во всемъ письмѣ ни единаго слова о главной виновницѣ путешествія! Это не случайность и не умыселъ — это черта, свойственная цербстской княгинѣ: она всегда и во всемъ выставляетъ прежде всего свое я, иногда совершенно некстати, по большей же части вполнѣ безъ нужды. Такъ и въ данномъ случаѣ, изъ письма княгини вовсе не видно, чтобъ она заботилась о судьбѣ своей дочери, выказывала какія-либо опасенія по поводу предстоящей ей перемѣны и вообще относилась къ ней съ участіемъ нѣжной и любящей матери. Между тѣмъ, не можетъ быть сомнѣнія, что цербстская принцесса догадывалась о предстоящемъ путешествіи въ Россію: начавшіеся поспѣшные сборы были совсѣмъ не таковы, какіе бывали при обычныхъ поѣздкахъ въ Берлинъ на время карнавала.

Участившіяся въ послѣднее время эстафеты изъ Берлина, письма изъ Россіи, горячіе споры отца съ матерью по вопросамъ вѣры, особенная нѣжность отца, всегда довольно суроваго, особенное вниманіе родственниковъ — дядя, владѣтельный князь Іоганнъ-Людвигъ, подарилъ ей голубую съ серебромъ матерію на платье[1]) — и другіе болѣе мелкіе признаки необходимо наводили принцессу на мысль, что предстоитъ не обыкновенная поѣздка, не въ Берлинъ или Штетинъ. Знала-ли Софія-Фридерика о существенной цѣли путешествія въ Россію? Тоже, вѣроятно, догадывалась. Ей было почти 15 лѣтъ; она была развита не по лѣтамъ, а отецъ все чаще и серьезнѣе говоритъ съ нею о невозможности мѣнять свою религію, о необходимости оставаться „лютеранскою христіанкой" — къ чему все это, и именно передъ отъѣздомъ въ Россію, если не предстоитъ необходимости мѣнять вѣру? А необходимость такой перемѣны довольно точно опредѣляла цѣль поѣздки въ Россію.

Всѣ торопятъ Іоганну-Елизавету: Брюммеръ прислалъ княгинѣ опять письмо съ просьбою „ускорить путешествіе не теряя времени"; Фридрихъ II опять пишетъ ей о необходимости „ускорить отъѣздъ въ Москву елико возможно". Мардефельдъ изъ Петербурга сообщаетъ прусскому королю, что „императрица умоляетъ Ваше Величество приказать цербстской княгинѣ ускорить свой отъѣздъ и, по возможности, торопиться въ путешествіи"[2]).

Княгиню-ли цербстскую нужно было торопить! Брюммеръ вѣрно опредѣлилъ ее, отвѣтивъ Елизаветѣ Петровнѣ, на вопросъ императрицы, скоро-ли пріѣдутъ гости изъ Цербста: „ея свѣтлости недостаетъ только крыльевъ, а то она прилетѣла бы къ вашему величеству". Сборы были недолги и касались болѣе матери, нежели дочери: Фике привезла съ собою въ Россію три, четыре платья, по дюжинѣ рубашекъ, чулковъ, платковъ — и только; у нея не было даже постельнаго бѣлья[3]). Очевидно: захватили, что было; новаго не шили. Въ то время, когда

---

[1]) *Mémoires*, 13. — [2]) *Siebigk*, 135, 139; депеша Мардефельда отъ 23 декабря 1743 г., въ *Pol. Corr.*, II, 498. — [3]) *Mémoires*, 38.

мать торопила всѣхъ укладкою, отецъ заперся у себя въ кабинетѣ и что-то пишетъ. Это необычное для „истаго солдата“ занятіе обратило на себя вниманіе всѣхъ. Что же писалъ онъ?

Сборы скоро были окончены, и 10-го января 1744 года принцесса цербстская, съ отцомъ и матерью, выѣхала изъ Цербста[1]). Согласно совѣтамъ Брюммера, въ которыхъ княгиня усматривала желанія самой императрицы, свита путниковъ была весьма ограничена: полковникъ замка Латорфъ, придворная фрейлина Каинъ и нѣсколько человѣкъ прислуги, въ томъ числѣ горничная юной принцессы, дѣвица Шенкъ[2]). Въ виду сохраненія предписанной тайны, отъѣздъ изъ Цербста совершенъ обычнымъ порядкомъ, безъ всякихъ проводовъ[3]), какъ ежегодно повторявшійся отъѣздъ семьи на святки въ Берлинъ. Этотъ отъѣздъ отличался одною только особенностью, скрытою, однако, отъ постороннихъ глазъ: передъ тѣмъ, какъ садиться въ экипажи, князь Христіанъ-Августъ передалъ своей дочери скучный трактатъ Гейнекція о различіи вѣроисповѣданій, прося ее прочесть книгу со вниманіемъ и руководствоваться ею, въ случаѣ какихъ-либо религіозныхъ сомнѣній, а своей супругѣ — небольшую рукопись „На память“ (Pro memoria), плодъ своихъ писаній въ послѣдніе дни.

---

[1]) Время отъѣзда до сихъ поръ невѣрно опредѣлялось 12-мъ января (*Siebigk*, 18; *Брюкнеръ*, 200; *Дирингъ*, 35 и 48). Въ рескриптѣ Фридриха II Мардефельду, отъ 13 января, точно сказано, что цербстская семья прибыла въ Берлинъ 11-го января, вечеромъ — avant hier au soir (*Pol. Corr.*, III, 10). Am 12. Ianuar 1744 (31. December 1743) schon brachen die Reisenden von Zerbst auf (*Brückner*, 22), тутъ двѣ ошибки: не 12-го, а 10-го января, и 12-е января новаго стиля соотвѣтствовало въ XVIII столѣтіи 1-му января, а не 31-му декабря. — [2]) Iohann Wilhelm *Lattorf*, Schlosshauptmann; von *Khayn*, Hoffräulein (*Siebigk*, 18); m-elle *Schenk*, la fille de chamdre que j'avais amenée d'Allemagne (*Mémoires*, 37). — [3]) Въ Цербстѣ до настоящаго времени сохраняется преданіе, будто при отъѣздѣ цербстской принцессы въ Россію, магистратъ и граждане собрались на площадь замка и произошла церемонія прощанія: принцессѣ были высказаны всевозможныя пожеланія счастливаго пути и дальнѣйшихъ успѣховъ, причемъ принцесса осушила бокалъ за благополучіе города (*Siebigk*. 18). Въ цербстскомъ ратгаузѣ до сихъ поръ показывается этотъ бокалъ. Все это не болѣе какъ позднѣйшія выдумки.

Онъ поручилъ женѣ поступать относительно дочери во всемъ согласно съ наставленіями, изложенными въ этой запискѣ на память и, когда придетъ время, передать записку дочери, какъ сводъ нравственныхъ правилъ, которыми она должна руководствоваться въ предстоящей ей новой жизни. Время это наступило очень скоро: не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ принцесса благодарила уже отца за „gracieuses instructions", которыя онъ начерталъ для нея, и обѣщала всегда имъ слѣдовать и никогда не забывать ихъ[1]). Фике очень уважала своего отца, навсегда сохраняла добрую о немъ память; несомнѣнно, что она со вниманіемъ читала, и, быть можетъ, не разъ, отцовскія наставленія; несомнѣнно, что въ первое, по крайней мѣрѣ, время она подчиняла свое поведеніе указаніямъ отца. Чему же училъ ее отецъ, какіе совѣты давалъ своей дочери фельдмаршалъ прусской службы, „строгій лютеранинъ", глава владѣтельнаго дома?

Приводимъ дословный переводъ этихъ „gracieuses instructions", какъ онѣ сохранились въ бумагахъ цербстскаго архива, съ собственноручной помѣткой автора „Pro Memoria, so ich meiner Gemahlin mitgegeben"[2]):

„Относительно греческой религіи слѣдовало бы попытаться, нельзя-ли, по примѣру супруги царевича изъ Брауншвейгскаго дома[3]), чтобы дочь сохранила лютеранскую вѣру, или, по крайней мѣрѣ, осталась при мужицкой вѣрѣ[4]).

---

[1]) *Сборникъ*, VII, 24; *Siebigk*, 57, 150. — [2]) Въ бумагахъ Екатерины II, хранящихся въ Государственномъ Архивѣ, этой записки нѣтъ; вѣроятно, княгиня-мать, уѣзжая изъ Россіи, увезла „Pro Memoria", переданную собственно ей и, въ то время, уже безполезную для дочери; по крайней мѣрѣ, записка эта, писанная собственноручно княземъ Христіаномъ-Августомъ, сохранилась въ цербстскомъ архивѣ и издана *Siebigk*, 143. — [3]) По брачному договору царевича Алексѣя Петровича съ принцессою Шарлотою-Христиною-Софіею Брауншвейгъ-Вольфенбюттельскою, принцессѣ предоставлялось „по примѣру королей англійскихъ и датскихъ, остаться въ евангелической лютеранской вѣрѣ, въ которой она родилась и воспитана; для сего имѣть ей въ мѣстѣ своего пребыванія, для себя и окружающихъ ее, одну каплицу". *П. С. З.*, № 2354; *Устряловъ*, VI, 25. — [4]) Oder Sie bei dem *Baurglauben* bleiben könne — мужицкою вѣрою, по мнѣнію издателя, авторъ называетъ основныя положенія христіанской религіи, общія всѣмъ христіанскимъ исповѣданіямъ. Если это

„Если по этому поводу представятся большія затрудненія, то, прежде всего, слѣдуетъ разъяснить моей дочери, въ чемъ состоитъ разность вѣроисповѣданій. Профессоръ Гейнецкій въ Галле издалъ особый трактатъ, въ которомъ опредѣлилъ отличія лютеранской вѣры отъ греческой.

„Дочь моя такъ уже основательно знаетъ свою религію, что должна сама сознавать заповѣди истинной, душеспасительной вѣры, по которой никто не можетъ ни заслужить, ни достигнуть царствія божія собственными дѣлами, обѣтами или заступничествомъ святыхъ, но что все происходитъ отъ заслугъ Христа Сына Божія.

„Что сходно съ этимъ вѣрованіемъ, то дочь моя можетъ принять, все же несходное должна отвергнуть. При этомъ она должна имѣть при себѣ лютеранскую библію, молитвенникъ и другія лютеранскія книги, и взывать къ Господу Богу, чтобы онъ до конца живота ея сохранилъ въ ея вѣрѣ.

„Никоимъ образомъ не совѣтую принуждать или уговаривать мою дочь принять чужую религію, въ которой она сама замѣтитъ погрѣшности. Такъ какъ всякій долженъ жить своею вѣрою, то отъ ея собственной молитвы къ Богу, отъ ея собственнаго старанія, размышленія и воли будетъ зависѣть, найдетъ-ли она греческую вѣру предосудительною или не найдетъ? и лучше предварительно отказаться отъ власти, чѣмъ поступить противъ своей совѣсти.

„Такъ какъ жить и дѣйствовать въ чужой странѣ, управляемой государемъ, не имѣя близкаго довѣреннаго лица есть дѣло весьма щекотливое, то, послѣ старательной молитвы, болѣе всего слѣдуетъ рекомендовать дочери, чтобъ она униженно оказывала ея императорскому величеству всевозможное уваженіе и, послѣ Господа Бога, величайшее почтеніе и готовность къ услугамъ, какъ вслѣдствіе ея неограниченной власти, такъ и ради признанія благодѣяній, хотя бы и съ пожертвованіемъ своей собственной жизни, главнымъ же образомъ, по правилу: дѣлай то, что ты хочешь, чтобъ съ самимъ тобою случилось въ будущемъ.

„Послѣ ея императорскаго величества дочь моя болѣе всего должна уважать великаго князя, какъ господина, отца и повелителя, и при всякомъ случаѣ угодливостью и нѣжностью снискивать его довѣренность и любовь. Государя и его волю предпочитать всѣмъ удовольствіямъ и ставить выше всего на свѣтѣ; не дѣлать

объясненіе справедливо — въ чемъ трудно сомнѣваться — то во всемъ первомъ параграфѣ „милостивыхъ наставленій“ хорошо рисуется „солдатъ-богословъ“, этотъ „streng lutherischer Christ“. Екатерина II была, очевидно, права, когда писала: „Les luthériens là où ils sont les maître, ne laissent pas d'être très intolerans“. Замѣчанія на „Essai sur la vie et le règne de Fréderic II par Denina, 1788. *Храповицкій*, 478.

ничего, что ему неугодно или что можетъ причинить ему малѣйшее неудовольствіе, и не настаивать на собственномъ желаніи.

„Не входить ни съ кѣмъ въ слишкомъ близкія отношенія, но всегда сохранять по возможности собственное достоинство.

„Милостивыми взорами смотрѣть на слугъ и фаворитовъ государя, не требуя отъ нихъ услугъ и не вознаграждая ихъ, но во всемъ полагаясь на милость и любовь государя.

„Въ аудіенцъ-залѣ ни съ кѣмъ наединѣ не говорить и подчиняться во всемъ тамошнему этикету.

„Ненавидѣть и избѣгать крупную игру, въ которой проявляется только алчность и скряжничество.

„Карманныя деньги, какія только будутъ отпускаться, держать у себя и хранить, выдавая понемногу прислугѣ, по счету, чтобы дочь не подпадала подъ зависимость своей гофмейстерины или прислуги, а сама бы распоряжалась деньгами, употребляя ихъ на собственныя нужды или удовольствія, и даже дѣлая изъ нихъ благотворенія, такъ чтобы дочь пріобрѣтала любовь и преданность своихъ кліентовъ, а не другіе за ея счетъ.

„Стараться всегда имѣть небольшой запасъ денегъ, но безъ скупости, отъ которой такъ много страдаетъ благопристойность.

„Въ тяжебныхъ дѣлахъ ни за кого не ходатайствовать, такъ какъ самое дѣло трудно разобрать, а одностороннему докладу нельзя довѣрять, причемъ сторона потерпѣвшая станетъ отъявленнымъ врагомъ, а та, которой она поможетъ своимъ ходатайствомъ, забудетъ благодѣяніе и будетъ затѣмъ грѣшить еще болѣе.

„Наипаче не вмѣшиваться ни въ какія правительственныя дѣла, чтобы не раздражать сенатъ.

„Ни съ какою дамою и ни съ кѣмъ не сдружаться, стараясь пріобрѣсти довѣріе только ея императорскаго величества и великаго князя; относитесьно всѣхъ и вся быть сдержанною. Подобнаго рода предпочтенія опасны въ глазахъ народа“.

Фике не было еще 15-ти лѣтъ, когда она читала и перечитывала эти „милостивыя наставленія“ отца. Они произвели на нее глубокое впечатлѣніе. „Умоляю васъ — пишетъ она отцу — быть увѣреннымъ, что ваши увѣщанія и совѣты на вѣки останутся запечатлѣнными въ моемъ сердцѣ, равно какъ и сѣмена нашей святой религіи въ моей душѣ“[1]). Не трудно догадаться, какого рода были впечатлѣнія, вынесенныя цербстскою принцессою изъ чтенія отцовской „Pro Memoria“. Эта угодливая при-

---

[1]) Отъ 29-го января 1744 года, изъ Кенигсберга, въ *Сборникѣ* VII, I; *Siebigk*, 17. Увѣщанія и совѣты, данные дочери при прощаніи, были, конечно, тождественны съ настанленіями въ „Pro Memoria“.

ниженность, это полнѣйшее отреченіе отъ своего я, это рабское подчиненіе себя чужой волѣ, должно, конечно, пугать юное воображеніе и рисовать будущее въ краскахъ не особенно привлекательныхъ. Какія представленія о Россіи и русскомъ дворѣ не вынесла бы цербстская принцесса изъ разсказовъ и ходившихъ слуховъ, эти „gracieuses instructions" должны были удручающимъ образомъ повліять на ея взглядъ относительно предстоящей ей новой жизни, въ чужой странѣ, среди чужихъ людей. Самая же мелочность подобныхъ наставленій вполнѣ оправдывала позднѣйшее признаніе Екатерины, что ее воспитывали для того, чтобы она стала женою какого-нибудь мелкаго князя по сосѣдству, не болѣе. Никто, ни родители и родственники, ни учителя и воспитатели не подготовили ее къ той роли, которая предстояла ей; никто, и менѣе всего сама принцесса Фике, конечно, не могъ ожидать, что она скоро отвергнетъ всѣ наставленія отца, какъ непригодныя для той сцены, на которой ей суждено было дѣйствовать и которая менѣе всего походила на цербстскій замокъ, въ стѣнахъ котораго они были писаны ея отцомъ.

V.

11-го января 1744 г. цербстская семья прибыла въ Берлинъ. Здѣсь принцесса Софія еще разъ, и уже последній въ своей жизни, видѣла Фридриха II. Ея мать имѣла продолжительную аудіенцію у короля, вела переговоры съ его министромъ фонъ-Подевильсомъ. Какъ при этомъ сохранить „тайну"? Саксонскій резидентъ въ Берлинѣ Бюловъ обратился съ запросомъ по этому поводу къ Подевильсу и на его уклончивый отвѣтъ заявилъ, что „иного предполагать нельзя, кромѣ брака цербстской принцессы съ русскимъ великимъ княземъ"[1]). Подевильсъ сказалъ, что о такомъ предположеніи ему ничего неизвѣстно, и что, напротивъ, ведутся переговоры о бракѣ наслѣдника русскаго престола съ саксонской принцессой Маріей-Анной. Между тѣмъ, княгиня Іоганна-Елизавета откланивалась членамъ королевской семьи, дѣлала необходимыя закупки и торопилась отъѣздомъ, согласно волѣ императрицы Елизаветы Петровны.

16-го января, въ пятницу, путники покинули Берлинъ, направляясь въ Шведтъ на Одерѣ. Здѣсь, 17-го января, цербстская семья раздѣлилась: князь Христіанъ-Августъ навсегда простился съ дочерью и поѣхалъ въ Штетинъ, а княгиня Іоганна-Елизавета съ принцессою, теперь уже графиня Рейнбекъ и ея дочь, повернули на Штаргардтъ

---

[1]) Сообщая свой разговоръ съ Бюловымъ, Подевильсъ прибавляетъ: et il ne sent que trop la mèche de toutes les sonséquences, qu'on en peut tirer (*Droysen*, V, 2, 215) *Брикнеръ* относитъ этотъ разговоръ къ австрійскому посланнику Зеккендорфу, а Бюлова дѣлаетъ „прусскимъ сановникомъ" (200).

и пустились въ дальній путь, который кончался для нихъ даже не Петербургомъ, а Москвою. Только теперь, въ Шведтѣ, разставаясь съ отцомъ, „принцесса вполнѣ поняла, куда ее везли, и разлука съ отцомъ чрезвычайно ее растрогала; но молодость скоро преодолѣла это первое движеніе, которое въ ея годы иначе нельзя назвать какъ нѣжностью"[1]). Кромѣ „молодости", много помогло и то, что, какъ мы видѣли, принцесса еще въ Цербстѣ догадывалась и о предстоявшемъ путешествіи, и о цѣли его.

Въ половинѣ прошлаго вѣка торговыя сношенія Россіи съ Пруссіею были крайне ничтожны, и товары отправлялись преимущественно моремъ; морской путь предпочитали и рѣдкіе путешественники, ѣздившіе изъ Россіи въ Европу, нерѣдко вовсе минуя Берлинъ. Столбовая

---

[1]) Elle s'est aperçue en quittens son Père ou le chemin s'addressoit, cette Séparation la extrêmement emûe. Sa grande jeunesse lui a bientôt fait surmonter ce premier mouvement, qui à cet âge la ne saurait proprement se nommer que du nom d'attendrissement. Изъ письма княгини Іоганны-Елизаветы къ Фридриху II, отъ 30 января изъ Мемеля. *Schlözer*, 42. Въ виду безусловной тайны, предписанной относительно поѣздки въ Россію, какъ императрицею, въ письмахъ Брюммера, такъ и Фридрихомъ II, невозможно допустить, чтобы родители еще въ Цербстѣ предупредили принцессу не только о поѣздкѣ, но и о цѣли ея (*Ranke*, III, 127); этому противорѣчитъ и тотъ фактъ, что „записка на память" была составлена и вручена княгинѣ (so ich meiner Gemahlin mitgegeben), а не принцессѣ. Да и возможно-ли было бы сохранить тайну, извѣстную 15-ти-лѣтней дѣвушкѣ? Наконецъ, ради чего умная мать по первому же шагу нарушала бы условіе, отъ котораго, какъ ей писали изъ Петербурга и Берлина, зависѣлъ успѣхъ дѣла? Вѣдь дѣвочка разболтаетъ гувернанткѣ, гувернантка прислугѣ, и секретъ раскроется. Да и зачѣмъ было предупреждать принцессу еще въ Цербстѣ? Зибикъ считаетъ, однако, это необходимымъ: Wir müssen annehmen, dass man sie schon in Zerbst über den Zweck der Reise nicht mehr im Unklaren gelassen hat (17). Видя противорѣчіе этому въ приведенномъ выше письмѣ княгини къ Фридриху II, изъ Мемеля, Зибикъ объясняетъ это тѣмъ, что княгиня, при свиданіи съ Фридрихомъ II въ Берлинѣ, обманула его, заявивъ королю, что принцесса ничего не знаетъ о поѣздкѣ въ Россію, причемъ приводятся три строчки изъ неизданнаго письма и имъ дается желаемое толкованіе (25). Этотъ взглядъ Зибика ни на чемъ неоснованъ и вполнѣ невѣроятенъ.

дорога изъ Берлина въ Петербургъ была устроена крайне неудовлетворительно даже для проѣзда въ лѣтніе мѣсяцы, не говоря уже о зимѣ, тѣмъ болѣе въ распутицу. Въ январѣ по этой дорогѣ встрѣчались только курьерскія брички да почтовыя телѣги. Ухабистая дорога съ невылазною грязью, дурные станціонные дома, болѣе похожіе на хлѣвы, морозы съ рѣзкимъ морскимъ вѣтромъ — вотъ что ожидало графиню Рейнбекъ и ея дочь на предстоявшемъ имъ пути. Къ довершенію неудобствъ, зима 1744 г. была безснѣжная, такъ что наши путники проѣхали всю Померанію и Пруссію на колесахъ. Правда, Фридрихъ II приказалъ мѣстнымъ президентамъ провинцій оказывать „проѣзжающей" графинѣ Рейнбекъ всяческое содѣйствіе, но это вниманіе короля давало поводъ къ новымъ безпокойствамъ: президенты провинцій и командиры гарнизоновъ бывали въ Штетинѣ, видали тамъ цербстскую княгиню и могли признать ее въ графинѣ Рейнбекъ.

Въ Штаргардъ путники прибыли 18-го января. Здѣсь они переночевали и, рано утромъ, выѣхали уже въ маскахъ: морозъ былъ такъ силенъ, что графиня и ея дочь надѣли маски — головные уборы изъ шерсти, покрывавшіе все лицо, съ отверстіями для глазъ. Не смотря на холодъ, графиня Рейнбекъ и ея дочь продолжали свой путь безостановочно и 20-го января, вечеромъ, прибыли въ Кэслинъ. Какъ и въ Штаргардѣ, здѣсь была назначена остановка для ночлега, и княгиня написала первое съ пути письмо своему супругу. Изъ этого письма мы узнаемъ, что при остановкахъ въ городахъ путники были помѣщаемы въ квартирахъ „если и не особенно хорошихъ, то все же сносныхъ"; но въ мѣстечкахъ и деревняхъ помѣщеніе „проѣзжающихъ", рекомендованныхъ самимъ королемъ заботливости мѣстныхъ властей, было по истинѣ ужасно. „Такъ какъ комнаты на постоялыхъ дворахъ не были истоплены, то приходилось входить въ хозяйскую комнату, немногимъ отличавщуюся отъ порядочной свинарни: мужъ, хозяйка, дворовая собака, пѣтухъ и всюду дѣти — въ люлькахъ, въ постеляхъ, за печкою, на тюфякахъ, все это валялось въ безпорядкѣ, одинъ около другого, какъ капуста или рѣпа. Но дѣлать было нечего —

я приказывала приносить скамейку и помѣщалась посрединѣ комнаты“[1]).

Въ Кэслинѣ было получено и первое письмо отъ князя Христіана-Августа. Онъ писалъ княгинѣ, между прочимъ, что въ Штетинѣ, всѣ были удивлены его пріѣзду изъ Берлина черезъ Шведтъ, что въ городѣ пошли разныя догадки и что онъ считаетъ необходимымъ напечатать въ газетахъ извѣстіе о ея путешествіи. Княгиня на это отвѣчала: „Мнѣ кажется необходимымъ, чтобъ ты поудержался извѣщать въ газетахъ о моемъ путешествіи до тѣхъ поръ, пока ты не услышишь, что я проѣхала Мемель; равнымъ образомъ, надо отложить до времени и предположенныя тобою богослуженія въ цербстскихъ церквахъ о благополучномъ нашемъ путешествіи. Въ газетахъ можно написать, или что императрица меня вызвала, или что я сама пожелала лично поблагодарить ея величество за оказанныя ею милости моему дому. Въ томъ и другомъ случаѣ нижайше прошу прислать мнѣ экземпляръ газеты“.

Изъ Кэслина путники ѣхали на Шлаве, Столпе, минуя Данцигъ, къ Меве, гдѣ переѣхали по льду Вислу, и 24-го января прибыли въ Маріенвердеръ. Въ своихъ письмахъ къ мужу, княгиня, говоря объ этомъ переѣздѣ, упоминаетъ и о разбойникахъ, отъ которыхъ пришлось отбиваться. Переночевавъ въ Маріенвердерѣ, они 25-го января направились на Ризенбургъ, Прейсишъ-Голландъ, Шенфлисъ, Риттеркругъ, по замерзшей Фришъ-Гафъ, и 27-го января прибыли въ Кенигсбергъ, гдѣ отдыхали до 29-января. Здѣсь, въ Кенигсбергѣ, принцесса Софія написала отцу первое съ дороги письмо:

„Государь!

„Я получила съ совершеннымъ почтеніемъ и невыразимою радостью записку, въ которой Ваша Свѣтлость почтили меня увѣдомленіемъ о своемъ здоровьѣ, о памяти обо мнѣ и о своихъ милостяхъ. Умоляю Васъ быть увѣреннымъ, что Ваши увѣщанія и совѣты навѣчно останутся запечатлѣнными въ моемъ сердцѣ, равно какъ и сѣмена нашей святой религіи въ моей душѣ, которой прошу Господа ниспослать всѣ силы, необходимыя, чтобъ выдержать тѣ

[1]) Wirthin Kammer so einem honetten schweinestalle nicht sehr unähnlich. *Siebigk*, 21.

искушенія, которымъ готовлюсь подвергнуться. По молитвамъ Вашей Свѣтлости и дорогой мамы, Господь окажетъ эту милость, которую не могли бы мнѣ доставить моя молодость и моя слабость. Я предаю себя Господу и желаю имѣть утѣшеніе сдѣлаться достойною такой милости, равно какъ получать добрыя вѣсти отъ дорогого папы. Остаюсь всю мою жизнь съ неизмѣннымъ почтеніемъ, государь, Вашей Свѣтлости всенижайшая и вѣрная дочь и слуга

„Софія-Ав., принцесса А. Ц.

„Кенигсбергъ, въ Пруссіи, 29-го января 1744“.

Только теперь, изъ Кенигсберга, княгиня увѣдомила о путешествіи въ Россію свою мать, вдовствующую герцогиню голштинскую Альбертину-Фридерику, и сестру абатиссу герфордскую Гедвигу-Софію. Она писала, между прочимъ, матери[1]): „Въ день новаго года я получила эстафету изъ Петербурга съ приглашеніемъ, по приказанію и отъ имени всероссійской императрицы, отправиться, не теряя времени, съ старшею дочерью въ мѣсто, гдѣ будетъ находиться императорскій дворъ при моемъ прибытіи въ Россію. Государя-князя просили не сопровождать меня, такъ какъ ея императорское величество имѣла важныя причины отложить удовольствіе свиданія съ нимъ до другаго раза. Письмо было снабжено векселемъ, многими необходимыми наставленіями, предписаніемъ о непроницаемой тайнѣ и о сохраненіи инкогнито, подъ именемъ графини Рейнбекъ, до Риги, гдѣ мнѣ разрѣшено открыть свое имя, чтобъ получить назначенную мнѣ эскорту, и предписано говорить, какъ въ Ригѣ, такъ и по прибытіи, что я ѣду лично благодарить ея императорское величество за всѣ милости, оказанныя моему дому, и лично узнать эту прелестную государыню. Ея императорское величество желаетъ, чтобы тоже самое разглашали и мои родственники въ Германіи. Прежде всего, мнѣ бросилось въ глаза существенное обстоятельство, касающееся моей дочери, относительно котораго, какъ я узнала впослѣдствіи, я не ошиблась. Многаго стоило намъ, моему мужу

---

[1]) Письмо хранится въ цербстскомъ архивѣ и адресовано матери, а не теткѣ Маріи-Елизаветѣ, абатиссѣ кведлинбургской. *Siebigk*, 23; *Сборникъ*, VII, 7.

и мнѣ, рѣшиться, но, успокоенные, что касается религіи, примѣромъ жены царевича и убѣжденные законными соображеніями, что не слѣдуетъ отказываться отъ предложенія такой великой государыни, которой къ тому же мы такъ много обязаны, мы рѣшили мой отъѣздъ. И такъ, дѣлая видъ, что приглашены въ Берлинъ, мой мужъ и я выѣхали изъ Цербста. Вскорѣ онъ получилъ приказаніе отправиться въ Штетинъ; я сдѣлала видъ, что сопровождаю его, но потомъ свернула на другую дорогу. Въ одинадцать дней я прибыла сюда и хотя не устала, но завтра отдохну здѣсь. Надѣюсь, что переѣздъ въ Ригу не продолжится болѣе недѣли; изъ Риги въ Петербургъ, если только санный путь продержится, еще менѣе".

Переѣздъ изъ Кенигсберга въ Мемель былъ совершенъ очень удачно: ночью выпалъ большой снѣгъ, утромъ подморозило, и они почти вдвое сократили путь, направляясь по Куришъ-Гафъ. „Президентъ Лешкованъ выслалъ впередъ рыбаковъ, которые прокладывали своими санями путь и испытывали прочность льда"[1]).

Въ Мемелѣ переночевали. Княгиня написала отсюда письма въ Петербургъ и Берлинъ, причемъ, благодаря Фридриха II за вниманіе, оказанное ей президентами Помераніи и Пруссіи, она извѣщала короля, что дочь ея отлично переноситъ тягости путешествія и вполнѣ здорова[2]).

31-го января, утромъ, графиня Рейнбекъ выѣхала изъ Мемеля. Теперь почтовыхъ лошадей уже не было, приходилось нанимать обывательскихъ, причемъ подъ четыре экипажа требовалось 24 лошади, такъ какъ снѣга не было и ѣхали на колесахъ. Сани привязали сзади экипажей, „на случай если понадобятся, и этотъ поѣздъ четырехъ каретъ съ санями сзади имѣлъ смѣшной видъ". Морозъ все крѣпчалъ; путники ѣхали весело, безъ приключеній. Въ этотъ переѣздъ, изъ Мемеля въ Митаву, принцесса немного прихворнула: „Я разстроила желудокъ — пишетъ она отцу — но это не имѣло послѣдствій.

---

1) *Siebigk*, 24. — 2) Nous sommes assés heureuse, ma fille et moy, pour soutenir notre fatige avec santé. *Siebigk* 24.

Отчасти я сама этому виновата, такъ какъ уничтожила все пиво, случившееся на дорогѣ. Дорогая мама отняла у меня пиво и я теперь совершенно здорова“ [1]).

Только 5-го февраля пріѣхали въ Митаву, пріѣхали усталые. „Путешествіе начинаетъ утомлять насъ немного“, пишетъ княгиня супругу. Здѣсь, въ Митавѣ, въ первый разъ во время всего путешествія, графиня Рейнбекъ была привѣтствована, какъ владѣтельная княгиня цербстская; командующій русскимъ отрядомъ полковникъ Воейковъ, командиръ лифляндскаго полка, представился княгинѣ и выразилъ свое удовольствіе, какъ перваго русскаго, который имѣетъ счастіе привѣтствовать столь близкую родственницу своей государыни. Въ сопровожденіи этого Воейкова и небольшой эскорты графиня Рейнбекъ выѣхала изъ Митавы 6-го февраля, и въ тотъ же день княгиня цербстская прибыла въ Ригу.

Изъ Риги, для встрѣчи высокихъ гостей, выѣхалъ камергеръ императрицы Семенъ Кириловичъ Нарышкинъ, бывшій посланникъ въ Лондонѣ, будущій гофмаршалъ. Онъ привѣтствовалъ, отъ имени императрицы, ея свѣтлость княгиню и ея дочь, поздравилъ съ благополучнымъ путешествіемъ и сообщилъ желаніе императрицы, находившейся уже въ Москвѣ, чтобы высокія путешественницы остались два дня въ Петербургѣ, какъ для отдыха, такъ и „для изготовленія платьевъ такого покроя, какой употребляется въ странѣ“ [2]). Нарышкинъ передалъ княгинѣ и письмо отъ Брюммера:

„Государыня,

„Милостивое письмо Вашей Свѣтлости доставило мнѣ то совершенное удовольствіе, которое чувствуетъ всякій столь искренно, какъ я, преданный благополучію и славѣ Вашего именитаго дома. Не могу, Государыня, выразить Вашей Свѣтлости несказанную радость, съ которою я узналъ, что Вы не теряя времени отправились въ путь. Ея Императорское Величество, нетерпѣливо ожидающая увидѣть Вашу Свѣтлость, ежедневно освѣдомляется: не имѣю-ли я отъ Васъ извѣстій, проѣхали-ли Вы Данцигъ и когда можете прибыть въ Москву? На все это я отвѣчаю, что еслибъ Ваша Свѣт-

---

[1]) Отъ 1-го февраля 1744 г., изъ Либавы. *Siebigk*, 26. — [2]) Umb vor der Nachreise sich und die Prinzessin in denen dortigen Landes Ahrten der Anzuges zu setzen. *Siebigk*, 29.

ость имѣли крылья, то воспользовались бы ими, чтобы не терять ни минуты.

„Такъ какъ августѣйшая императрица признала нужнымъ отправить камергера Нарышкина на встрѣчу Вашей Свѣтлости, я пользуюсь этимъ обстоятельствомъ, чтобы повторить Вашей Свѣтлости то совершенное почтеніе, которое я питаю къ особѣ Вашей. Названный камергеръ — человѣкъ умный и достойный, и я осмѣливаюсь почтительнѣйше умолять Вашу Свѣтлость положиться на него и довѣрять всему, что онъ будетъ имѣть честь говорить Вамъ.

„Въ то же время, такъ какъ я глубоко интересуюсь всѣмъ, что касается Вашей Свѣтлости, дозвольте мнѣ открыть Вамъ свое сердце и разрѣшите посовѣтовать Вамъ, при первой же встрѣчѣ съ императрицей въ Москвѣ, оказать Ея Императорскому Величеству чрезвычайное почтеніе, поцѣловавъ у нее руку, по обычаю здѣшней страны. Хорошо знаю, что это предостереженіе для Васъ излишне, но если Вы обратите вниманіе на его источникъ, Вы не объясните его въ дурную сторону. Друзья, которыхъ Вы имѣете уже въ этой странѣ, просили меня и даже заставили написать Вамъ объ этомъ.

„Его Императорское Высочество ничего еще не знаетъ о пріѣздѣ возлюбленной его тетки. Когда Ея Императорское Величество сообщитъ ему объ этомъ, онъ, я убѣжденъ, будетъ вполнѣ счастливъ. Императрица, славу Богу, совершенно здорова; въ будущую пятницу она отправляется въ Москву.

„Здѣшній купецъ Домъ уплатитъ, по моему приказу, двѣ тысячи рублей Вашей Свѣтлости, если Вы будете нуждаться въ деньгахъ".

Двинулись къ Ригѣ. Не доѣзжая до города, гостей встрѣтили гражданскія и военныя власти съ вице-губернаторомъ княземъ Долгоруковымъ во главѣ, который предложилъ княгинѣ пересѣсть въ карету, нарочно приготовленную для торжественнаго въѣзда въ городъ. Едва карета, въ которой сидѣли княгиня, принцесса Софія и дѣвица Каинъ, переѣхала по льду Двину, залпъ изъ крѣпостныхъ орудій привѣтствовалъ вступленіе высокихъ гостей въ предѣлы Россійской Имперіи.

Декорація сразу и рѣзко перемѣнилась. Гофъ-фурьеры, кирасиры полка великаго князя, почетный караулъ у подъѣзда, часовые въ сѣняхъ и при каждой двери внутреннихъ покоевъ, звуки трубъ и литавръ, бой барабановъ, придворный этикетъ съ низкими реверансами и почтительнымъ baise-main, генералъ-аншефъ Салтыковъ,

супруга фельдмаршала Ласси[1]), представители мѣстнаго дворянства, петербургской гвардіи, всюду золото, бархатъ, серебро, шелкъ. . . Даже у княгини голова закружилась.

---

[1]) Тщеславная княгиня точно сообщала своимъ роднымъ чины и званіе лицъ, назначенныхъ для встрѣчи ея и дочери, даже назначенныхъ, но почему-либо неприбывшихъ къ сроку — die Kayserin haben den Feldmarschallen Lascy nachgesandt, umb ihm anhero zu meinen Empfang zu senden, er ist aber schon Plescov passiert gewesen" (*Siebigk*, 31). Ни въ нѣмецкихъ письмахъ къ мужу, ни во французской реляціи о путешествіи княгиня не упоминаетъ о встрѣчѣ съ генераломъ Брауномъ. Между тѣмъ, въ „Разсказахъ", записанныхъ П. Ѳ. Карабановымъ, сохранившимъ много драгоцѣнныхъ устныхъ преданій, сообщено слѣдующее извѣстіе: „Когда Екатерина, бывъ избранной невѣстой великому князю Петру Ѳедоровичу, ѣхала въ Россію, для встрѣчи ея отъ двора посланъ въ Ригу генералъ-маіоръ Юрій Юрьевичъ фонъ-Броунъ, впослѣдствіи тамъ находившійся генералъ-губернаторомъ. Принцесса, по прибытіи въ городъ, отъ усталости скоро прошла въ назначенныя для нея комнаты, не удостоя вниманія присланнаго генерала, которому, по возвышеннымъ его чувствамъ, показалось сіе оскорбительнымъ; вскорѣ выслала она пригласить его въ 6 часовъ утра для свиданія. Въ назначенное время Броунъ является къ принцессѣ, которая, обласкавъ его, продолжала, что, рожденная въ маломъ нѣмецкомъ княжествѣ, судьбою назначена жить и умереть въ великой имперіи, встрѣтясь на границѣ съ первымъ россійскимъ чиновникомъ, со всею откровенностію проситъ (подавая перо и бумагу) безпристрастно описать ей умы, характеры, достоинства, пороки и связи всѣхъ извѣстныхъ особъ, составляющихъ дворъ императрицы Елизаветы, обѣщая хранить въ тайнѣ, что симъ средствомъ можетъ пріобрѣсть ея довѣренность и дружбу, а ложнымъ показаніемъ презрѣніе. Сіе предложеніе исполнено въ точности. Принцесса, по пріѣздѣ въ Петербургъ, удивила всѣхъ внимательнымъ обхожденіемъ и вскорѣ успѣла привлечь къ себѣ всеобщую любовь. Броунъ дѣйствительно былъ ея другомъ, имѣлъ позволеніе не спрашиваясь пріѣзжать въ Петербургъ и во всякое время ходить къ ней по малой лѣстницѣ; онъ говорилъ ей правду и наводилъ страхъ на ея фаворитовъ, не исключая самого князя Потемкина" (*Русская Старина*, IV, 693; V, 129). Браунъ не былъ въ Ригѣ при въѣздѣ Екатерины въ Россію, и принцесса Софія не могла играть приписываемой ей роли, которая придумана гораздо позже, для объясненія позднѣйшихъ отношеній императрицы Екатерины II къ Брауну. Эти отношенія объясняются, однако, совершенно иначе — услугою, которую Екатерина требовала отъ Брауна собственноручнымъ письмомъ отъ 28 іюня 1762 года, что будетъ разъяснено въ своемъ мѣстѣ.

„Мнѣ все кажется — пишетъ она — что я нахожусь въ свитѣ Ея Императорскаго Величества или какой-нибудь великой монархини. Мнѣ и въ голову не приходитъ, что все это для меня, для бѣдной, для которой въ другихъ мѣстахъ едва били въ барабаны, а въ иныхъ и того не дѣлаютъ. Все происходило здѣсь съ такимъ величіемъ и почетомъ, что мнѣ тогда казалось, да и теперь еще, при видѣ роскоши, меня окружающей, мнѣ кажется, что все это сонъ"[1]). По этому признанію матери можно уже себѣ представить впечатлѣніе, вынесенное дочерью, принцессою Софіей, при первомъ вступленіи на русскую землю. Въ Ригѣ принцесса получила первый подарокъ отъ императрицы — великолѣпную соболью шубу, покрытую парчей. У бабушки, въ Гамбургѣ, видала она дорогіе мѣха, но такихъ соболей — никогда. Торжественность встрѣчи, роскошь обстановки, великолѣпіе пріема ободрили принцессу, прогнали всякую усталость: „наша дочь такъ здорова и бодра, что я даже дивлюсь"[2]), писала княгиня мужу изъ Риги. Та дѣйствительность, которую мать принимала за сонъ, являлась для дочери живымъ осуществленіемъ разсказовъ, слышанныхъ ею въ Штетинѣ, въ дѣтской отъ няни, въ Цербстѣ, Гамбургѣ, Брауншвейгѣ. Вотъ она, богатая, роскошная Россія, обѣдающая на серебрѣ; вотъ русское побѣдное воинство — эти преображенцы, кирасиры, измайловцы, стоящіе на караулѣ у дверей ея комнаты! Давно-ли она ночевала въ свинарнѣ, опасалась воровъ на большой дорогѣ и хохотала при видѣ саней, привязанныхъ сзади кареты, а теперь?

29-го января (9 февраля), въ 11 часовъ утра, принцесса съ матерью покинули Ригу. Весь городъ собрался провожать высокихъ гостей, для которыхъ были присланы императорскія сани — длинныя, съ кузовомъ, обшитыя внутри соболями, съ матрасами изъ шелковой ткани, съ мѣховою полостью, запряженныя въ десять лошадей, по

---

[1]) Alles mit viehler Grandeur und honneur zugegangen ist; ich deuchtete mich dabey und Noch jetzt bey allen fracas so mich environiert, als wäre ich im Traum (*Siebigk*, 31, 32; *Сборникъ*, VII, 15). — [2]) Unsere Tochter ist so Gesundt und Munter, das mir darüber wundern muss. *Siebigk*, 31.

двѣ въ рядъ. Вмѣсто четырехъ каретъ графини Рейнбекъ, кортежъ принцессы цербстской выѣхалъ изъ Риги въ слѣдующемъ порядкѣ: а) эскадронъ кирасирскаго его высочества наслѣдникова полка; б) императорскія сани, на передкѣ — камергеръ Нарышкинъ, шталмейстеръ высочайшаго двора, дежурный офицеръ измайловскаго полка и г. Латторфъ, на запяткахъ — два камеръ-лакея и два преображенца; в) отрядъ лифляндскаго полка; г) вице-губернаторъ и комендантъ; д) сани дѣвицы Каинъ; е) сани камергера Нарышкина; ж) рядъ саней съ лицами свиты, представителями дворянства, магистрата, депутатами различныхъ корпорацій и офицерами, не скакавшими вокругъ императорскихъ саней. Никогда еще принцесса Софія не ѣздила съ такою помпою.

И ѣзда была не та. Не смотря на остановки при перемѣнѣ лошадей, для ужина, утренняго кофе и завтрака, на другой день, 30-го января, уже обѣдали въ Дерптѣ, гдѣ командующій генералъ вызвалъ войска подъ ружье для отданія имъ чести. Здѣсь же, въ Дерптѣ, встрѣтилъ ихъ секретарь русскаго посольства въ Берлинѣ, знакомый имъ Шриверъ — онъ привозилъ имъ въ Цербстъ портретъ Елизаветы Петровны. Они ѣхали только днемъ; ночью отдыхали. Въ Нарву прибыли поздно вечеромъ — городъ былъ иллюминованъ. Изъ Нарвы они выѣхали въ полдень и, на другой же день, 3-го февраля, прибыли въ Петербургъ.

VI.

3-го февраля 1744 г. въ Петербургѣ былъ морозный, свѣтлый день. Ровно въ полдень императорскія сани остановились у главнаго подъѣзда тогдашняго зимняго дворца[1]). Едва принцессы вышли изъ саней, залпъ орудій на адмиралтейской крѣпости привѣтствовалъ высокихъ путешественниковъ. На подъѣздѣ ихъ встрѣтили петербургскій вице-губернаторъ князь Репнинъ, окруженный придворными, военными и гражданскими чинами; въ сѣняхъ — четыре придворныя дамы, назначенныя сопровождать ихъ въ Москву, куда дворъ переѣхалъ двѣ недѣли назадъ.

Въ то время отъѣздъ двора въ Москву составлялъ, дѣйствительно, событіе. Это былъ не временной переѣздъ изъ Петербурга въ Москву, а цѣлое переселеніе, вслѣдствіе котораго Москва замѣтно оживлялась, Петербургъ на столько же пустѣлъ. Подобныя переѣзды разсчитывались на годъ, если не болѣе; самыя же пересе-

---

1) Въ № 11-мъ „Санктпетербургскихъ Вѣдомостей" за 1744 г. точно обозначено, что княгиня цербстская прибыла въ Петербургъ *3-го Февраля*, что въ высокосномъ 1744 г. приходилось въ пятницу. Между тѣмъ, въ своихъ сообщеніяхъ къ роднымъ, княгиня говоритъ, что „въ *пятницу*, поздно вечеромъ" прибыла въ Нарву; въ субботу, въ полдень, выѣхали изъ Нарвы, „скакали всю ночь и въ часъ пополудни были доставлены въ Петербургъ", т. е. въ воскресенье. (*Сборникъ*, VII, 19). Княгиня, очевидно, ошиблась: они пріѣхали въ Нарву не въ пятницу, а въ среду. Ошибочно также указаніе издателей „Сборника", будто пріѣздъ въ Петербургъ состоялся 4-го февраля. Замѣтивъ эту путаницу въ числахъ и дняхъ, *Брикнеръ* вовсе умалчиваетъ о времени прибытія въ Петербургъ (206).

ленія длились нѣсколько недѣль, если не мѣсяцевъ. На всемъ пути, отъ Петербурга до Москвы, на почтовыхъ станціяхъ заготовлялись усиленныя поставы лошадей; въ путевыхъ дворцахъ размѣщались особыя отдѣленія дворцовой кухни на все время передвиженія, такъ какъ пользоваться путевыми дворцами разрѣшалось не только представителямъ иностранныхъ дворовъ, но также придворнымъ и высшимъ чинамъ имперіи. За дворцовой кухней сопровождаемой обыкновенно длиннымъ обозомъ, отправлялась, прежде всего, придворная конюшенная контора, не только съ экипажами и лошадьми, но и со всею канцеляріею. Нѣсколько дней спустя, въ срокъ, точно и заранѣе опредѣленный, ѣхала императорская фамилія съ придворнымъ штатомъ; затѣмъ, всегда въ промежутки нѣсколькихъ дней, сенатъ, почти въ полномъ составѣ, часть синода, коллегій, канцелярій и конторъ, имѣвшихъ пребываніе въ Петербургѣ; весь дипломатическій корпусъ и почти вся коллегія иностранныхъ дѣлъ также переселялись въ Москву. Покидали Петербургъ и всѣ зажиточные и именитые люди, имѣвшіе входъ ко двору. Англійскій посолъ лордъ Гиндфордъ, извѣщая статсъ-секретаря герцога Ньюкэстльскаго о подобномъ переселеніи, преувеличивалъ, конечно, сообщая, будто „около ста тысячъ человѣкъ отправлялись въ Москву“[1]), но не очень. Онъ самъ переселялся, по его словамъ, „всѣмъ домомъ“: онъ бралъ съ собою не только всѣ экипажи и всѣхъ лошадей, но весь погребъ, всю кухню, даже часть мебели. Неудивительно, что подобное переселеніе растягивалось на мѣсяцы: спустя три недѣли послѣ отъѣзда императрицы, посолъ выражаетъ еще только надежду найти лошадей на станціяхъ[2])

---

[1]) Въ депешѣ отъ 15-го декабря 1748 г.: There are near a hundred thousend people in moton for that journey (*Лонд. Архивъ*, Russia, № 56). — [2]) Въ депешѣ отъ 5-го января 1749 г.: I hope in a few days to find horses enough for my journey to Moscow (*Конд. Архивъ*, Russia, № 56). На „faute de chevaux“ жаловался и Шетарди, въ депешѣ отъ 21-го января 1744 г. (*Парижс. Архивъ*, Russie vol. 44, f. 17). Посламъ эти переѣзды стоили очень дорого. Даже скупой Фридрихъ II назначилъ барону Мардефельду 1,200 экю на поѣздку въ Москву. *Pol. Corr.*, III, 34.

Вотъ почему 3-го февраля въ Петербургѣ было еще много лицъ, имѣвшихъ входъ ко двору, хотя императрица уѣхала въ Москву еще 21 января. При пріѣздѣ цербстскихъ принцессъ залы зимняго дворца были полны. Начались представленія „тысячи лицъ“: въ день пріѣзда — придворныхъ, военныхъ и гражданскихъ чиновъ, на другой день — духовенства. Это было нѣсколько утомительно, особенно послѣ долгой дороги и для непривычныхъ къ такимъ большимъ пріемамъ принцессъ; но блескъ почета превозмогалъ усталость.

Въ день же пріѣзда въ Петербургъ, княгиня-мать написала императрицѣ письмо, въ которомъ приносила „толикое покорнѣйшее благодареніе за неизреченно-оказанныя въ прибытіе мое отличности“, увѣдомляла, что 5-го же февраля выѣзжаетъ въ Москву: „послѣ завтрея отъѣзжаю“[1]), и ни единымъ словомъ не упоминала о дочери. Интереснѣе письмо[2]) ея къ графу М. Л. Воронцову:

„Мой господинъ!

„Съ безконечною радостію я вашему превосходительству увѣдомляю, что я уже за 80 миль отъ ея императорскаго величества, нашей несравненной самодержицы, нахожуся, и столь чувствительными и столь возвышенными опытами о ея высокой протекціи и о пріумноженіи ея ко мнѣ яснѣйшихъ (illustres) благостей, что мнѣ о томъ только подлинное (propre), но неизобразительное мнѣніе остается.

„Мое вождѣленіе, какъ я вамъ уже сказала, на всякой часъ умножается, и я завтра здѣсь пробыть себѣ не дозволила бы, ежели бъ то учинить принуждена не была, дабы моей дочери дать немного отдохновенія.

„Ея императорское величество сверхъ всего и ту атенцію присовокупить изволила, для меня здѣсь четыре своихъ придворныхъ дамы оставить, которыми я предовольна, а особливо госпожею Менгденовою, милость, которую я чувствовать и признавать должна.

„Прошу васъ, мой господинъ, меня къ стопамъ ея императорскаго величества представить и ей хорошенько изъяснить, что я такъ изрядно въ ея покояхъ себя устрою, что я въ ихъ оставлю мой веселый умъ (mon esprit follet) для вспамятованіи ея о мнѣ, когда она изволитъ сюда возвратиться.

---

[1]) По современному переводу, см. *Осьмнадц. вѣкъ*, I, 20. — [2]) Ibid., 21.

„Учините мнѣ пріязнь за нѣсколько верстъ отъ Москвы мнѣ знать дать, того часу ли съ моего пріѣзда ея императорское величество меня допустить къ себѣ прикажетъ, дабы я мой уборъ пристойнымъ по тому распорядить могла. При семъ же господину тайному совѣтнику Лестоку засвидѣтельствую мою дружбу. Пребываю совершенно, мой господинъ, вашего превосходительства преданнѣйшая пріятельница и служебница.

„П. Елизаветъ“.

„Я уповаю подлинно около 10 числа прибыть.
„Изъ С.-П-бурга 3 февраля
1744 году“.

Описывая своимъ „chers parens“ подробности путешествія, княгиня записала о первомъ днѣ пребыванія въ Петербургѣ: „Я обѣдала одна съ дамами и кавалерами, которыхъ Ея Императорское Величество назначила состоять при мнѣ; мнѣ прислуживаютъ, какъ королевѣ. Вечеромъ посѣтили меня дамы. Я играла въ карты и ужинала съ тѣми, которыя были признаны достойными того“. На второй день, 4-го февраля, послѣ привѣтствія „священниковъ и монаховъ“, цѣлый день было „множество народа“. Изъ всѣхъ этихъ представленій и посѣщеній княгиня вынесла очень хорошее впечатлѣніе: „Къ чести русскихъ я должна сказать, что они умные люди. Я вижу старыхъ генераловъ, которые служили и помогали Петру Великому. Не чувствую усталости, слушая ихъ разсказы о своемъ творцѣ, какъ они его называютъ“.

Слушаетъ эти разсказы, забывая усталость, слушаетъ, не пропуская ни одного слова, и дочь княгини, принцесса Софія. „Фике переноситъ усталость лучше, чѣмъ я; но, слава Богу, мы обѣ здоровы“ [1]), извѣщаетъ княгиня своего супруга. То же писала она, между прочимъ, и Фридриху II: „Нужно желѣзное здоровье, чтобъ перенести всѣ трудности путешествія и утомленіе придворнаго этикета. Моя дочь счастливѣе меня въ этомъ отношеніи; ее поддерживаетъ молодость. Подобно молодымъ солдатамъ, которые презираютъ опасность, потому что не сознаютъ ея, она наслаждается величіемъ, которое окружаетъ ее“ [2]). Какимъ образомъ добыто это „величіе“, принцесса Софія

---

[1]) Figgen southenirt die fatige besser als ich. *Siebigk*, 38. — [2]) *Siebigk*, 43.

узнала на второй же день своего пребыванія въ Петербургѣ: ей показывали „мѣсто, откуда императрица отправилась добывать престолъ, знаменитую казарму преображенскаго полка, изъ которой она взяла первыхъ солдатъ, весь путь, пройденный императрицею"[1]). Принцесса Софія видѣла лейбъ-кампанцевъ, возведшихъ Елизавету на престолъ, слышала подробности переворота 25-го ноября 1741 года. . .

Въ числѣ лицъ, представлявшихся владѣтельной княгинѣ цербстской, былъ весь дипломатическій корпусъ, неуспѣвшій еще выѣхать въ Москву, но „особенно старательно ѣздили къ ней на поклонъ" прусскій посланникъ баронъ Мардефельдъ и французскій дипломатъ маркизъ де-ла Шетарди[2]). Они разъяснили княгинѣ, по своему, конечно, положеніе дѣла, но не сказали ничего новаго — они дополнили лишь живыми красками то, что она слышала уже въ Берлинѣ. Для французскаго дипломата важнѣе всего было объяснить княгинѣ враждебное ей лично предложеніе въ супруги русскому великому князю одной изъ принцессъ французской королевской фамиліи, и Шетарди увѣряетъ княгиню, что предложеніе французской принцессы было сдѣлано только для отвода постороннихъ глазъ отъ цербстской принцессы, противъ которой и саксонскій, и англійскій дворъ — оба эти двора опасаются, что бракъ великаго князя съ дочерью княгини при-

---

[1]) *Сборникъ* VII, 20; *Siebigk,* 34.

[2]) Депеша англійскаго посланника, отъ 11 февраля 1744 г.: M-r de la Chetardie and M-r Mardefeld have been very assiduous in making their court (*Лонд. Архивъ,* Russia, № 45). Изъ всѣхъ иностранныхъ пословъ, бывшихъ тогда въ Петербургѣ, одинъ только англійскій посланникъ Вичъ былъ давно уже знакомъ съ владѣтельной княгиней цербстской. Въ депешѣ отъ 21-го января, онъ самъ сообщаетъ. I have the honour to be acquainted with the Mother since her infancy (*Лонд. Архивъ,* ibid.). Въ самый день пріѣзда въ Петербургъ княгиня посылала за нимъ, но онъ былъ боленъ и не могъ поэтому видѣть ее. Если Шетарди пишетъ Амело, отъ 21 января 1744 г.: M. Mardefeld et moi qui la connaissons particulièrement l'attendrons ici pour empêcher que personne ne s'en empare pendant l'absence de la Czarine (*Париж. Архивъ,* Russie, № 44 ср. *Арх. кн. Воронцова,* I, 483), то французъ только хвастаетъ.

ведетъ къ тройственному союзу Россіи, Пруссіи и Швеціи. Въ видѣ противодѣйствія этому браку, саксонскому посланнику барону Герсдорфу поручено было предложить саксонскую принцессу Марію-Анну. Этотъ саксонскій проектъ не былъ отклоненъ, и Герсдорфъ былъ убѣжденъ въ успѣхѣ порученнаго ему дѣла, пока императрица, за нѣсколько дней до отъѣзда въ Москву, не объявила о скоромъ пріѣздѣ цербстской принцессы[1]). Такъ говорилъ Шетарди; вѣрила-ли ему княгиня? Она знала объ участіи Шетарди въ переворотѣ 1741 г., Фридрихъ II называлъ его ей своимъ „приверженцемъ", Мардефельдъ — „врагомъ" Бестужева, и княгиня съ полнымъ довѣріемъ относилась къ Шетарди, преувеличивая и его вліяніе на Елизавету Петровну, и его значеніе, какъ представителя извѣстной партіи.

Сообщенія Мардефельда дополнили картину. По его словамъ, близость родства принцессы Софіи съ великимъ княземъ явилась довольно серьезнымъ препятствіемъ, тѣмъ болѣе, что противникомъ этого брака былъ архіепископъ новгородской имѣющій большое вліяніе на императрицу. Это препятствіе было, однако, устранено: архіепископу была предложена тысяча рублей съ обѣщаніемъ утроить взятку (tripler la dose), если архіепископъ заявитъ императрицѣ, какъ бы по собственному побужденію, что онъ, старательно перелистовавъ всѣхъ греческихъ отцовъ церкви и взвѣсивъ всѣ доводы, ясно увидѣлъ, что этотъ бракъ не противорѣчитъ канонамъ греческой церкви[2]).

---

[1]) Изъ письма княгини къ мужу, отъ 4-го февраля 1744 г.: Allhier habe Alle Auswärtige ministres noch vorgefunden, unter welchen v. Mardefeld und Chetardie mir von verschiedenen Dingen informiert. Des Letztern vermeintes négoce vor einer Madame de France ist nur eine verstellte Karte Gewesen, dass dessain uns betreffend zu bementeln, so die höff von Sachsen und Engellandt nicht gerne sehen, weilen die Allience der Keyserin, Preussen und Schweden, so daraus entstehet ihnen redoutable scheinen wollen, u. s. w. *Siebigk,* 37.

[2]) *Pol. Corr.* II, 481, 488. Фридрихъ II, въ „Histoire de mon temps", глухо, никого не называя, говоритъ, что „не жалѣли денегъ" для устраненія препятствія, заключавшагося въ близости родства (*Posner*, 304). Прусскій король основалъ свой разсказъ на донесеніяхъ Мардефельда, но словамъ Мардефельда довѣрять нельзя. Нов-

За архіепископомъ новгородскимъ выступилъ противникъ болѣе опасный — вице-канцлеръ графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ, взявшій уже взятку съ саксонскаго двора. Чтобъ побѣдить этого противника, необходимо содѣйствіе княгини, которымъ Фридрихъ II обнадежилъ уже своего посланника[1]). „Словомъ — прибавляетъ княгиня въ письмѣ къ мужу — я нашла здѣсь все въ томъ именно положеніи, какъ мнѣ говорили король и Подевильсъ въ Берлинѣ“[2]). Разногласія въ этомъ случаѣ и быть не могло — въ Берлинѣ судили о положеніи дѣла по донесеніямъ того же Мардефельда.

Въ общемъ, картина, нарисованная обоими дипломатами, представлялась далеко не въ привлекательномъ свѣтѣ. Не только политическая, даже церковная сторона

городскимъ архіепископомъ былъ въ то время Амвросій Юшкевичъ, бывшій епископъ вологодскій, извѣстный ораторъ и одинъ изъ образованнѣйшихъ людей, привыкшій угождать сильнымъ, но никогда не толковавшій церковные каноны по звону золота. Такъ какъ дѣдъ великаго князя и дѣдъ цербстской принцессы были родными братьями, другими словами — женихъ и невѣста были троюродными братомъ и сестрой, то болѣе чѣмъ вѣроятно, что противники этого брака могли выставлять подобное родство, какъ препятствіе; но для устраненія этого препятствія вовсе не требовалось созывать синодъ (*Ranke*, III, 126; *Siebigk*, 13; *Schlözer*. 35; *Brückner*, 20; *Диринъ*, 23); самое же предложеніе синоду подобнаго вопроса, хоть бы и безъ наименованія лицъ, но съ указаніемъ родства, разоблачило бы тайну — кому же въ то время не было извѣстно, кто былъ родной братъ дѣда жениха-великаго князя? Ко всему этому извѣстію Мардефельда мы относимся поэтому съ недовѣріемъ и полагаемъ, что въ данномъ случаѣ или онъ былъ обманутъ, или онъ, преувеличивая свои заслуги предъ королемъ, вводилъ его въ заблужденіе. То же указаніе на подкупъ синода, но безъ указанія мотива, встрѣчается и въ депешѣ *Шетарди*, отъ 15 февраля: Dans le cas où il est essentiel d'être informé de ce qui se passe dans l'interieue de la Czarine et plus encore de s'aider sûrement de ses prejugés superstitieux en interessant pour soi son confesseur et les prelats qui composent le synode, ce ne peut jamais être que la nature de la circonstance qui peut décider du plus ou du moins de dépense (*Париж. Архивъ*, Russie, № 44, f. 24; *Арх. кн. Воронцова*, I, 499).

[1]) Въ рескриптѣ короля Мардефельду, отъ 14 января 1744 г., черезъ два дня послѣ отъѣзда княгини изъ Берлина: La princesse Johanne-Elisabeth sera une corde de plus à notre arc pour culbuter Bestuschew. *Pol. Corr.* III, 11. — *Siebigk*, 38.

брачнаго вопроса не была еще окончательно рѣшена: если архіепископъ новгородскій только за деньги согласился разрѣшить бракъ, онъ, за бо́льшую сумму, можетъ и измѣнить свое мнѣніе; представители многихъ державъ прямо враждебны этому браку, русскій вице-канцлеръ — тоже. Какъ же отнеслась княгиня къ этимъ затрудненіямъ? Какое впечатлѣніе произвели на нее рѣчи Шетарди и Мардефельда? Легкомысленная, esprit follet, какъ она себя называла, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, самоувѣренная до дерзости, княгиня успокоивала и себя, и мужа: „Подобныхъ людей страшиться нечего; но они могутъ причинить великія пакости, если не принять предосторожности“[1]).

Какой же предосторожности? Ее указалъ княгинѣ еще Фридрихъ II въ Берлинѣ — необходимо свергнуть Бестужева. Онъ врагъ Пруссіи и уже только по этому противникъ брака великаго князя съ цербстской принцессой, дочерью прусскаго генерала. Падетъ Бестужевъ, нетрудно будетъ исполнить и порученіе прусскаго короля — склонить императрицу къ заключенію тройного союза Россіи, Пруссіи и Швеціи, даже еще лучше — четверного, съ присоединеніемъ Франціи[2]). Цербстская княгиня, какъ и большинство мелкихъ владѣтельныхъ особъ Германіи въ то время, боготворила Фридриха II, его глазами смотрѣла на политическія дѣла и его желанія принимала за подлежащія исполненію приказанія. Она не сомнѣвалась, что эти желанія благотворны, разъ они высказаны Фридрихомъ II. Къ тому же она не одна, у нея есть друзья въ Москвѣ — тамъ Брюммеръ, правая рука великаго князя, тамъ Лестокъ, всесильный у императрицы. Какъ не успѣть при такихъ условіяхъ?

Съ такою широкою политическою программою, полная надеждъ на успѣхъ, цербстская княгиня съ своею дочерью, въ ночь съ 5-го на 6-е февраля[3]), выѣхала изъ

---

[1]) Ibid. — [2]) Депеша англійскаго посланника *Вича* къ лорду Гаррингтону, отъ 25-го февраля 1744 г. (*Лонд. Архивъ*, Russia, № 45).

[3]) Извѣстія, которыя княгиня сообщала родственникамъ о своемъ путешествіи, отличаются извѣстною хвастливостью; какъ женщина довольно пустая, княгиня любила рисоваться. Такъ, она

Петербурга. Ихъ сопровождали отъ 20 до 30 саней. „Для насъ повсюду находились готовыя смѣны лошадей, пишетъ княгиня. Утренній кофе, обѣды и ужины подавались весьма удобно на почтовыхъ станціяхъ, гдѣ мѣняютъ лошадей. Здѣсь есть путевые дворцы, очень пристойные, въ которыхъ мы встрѣчали, кромѣ офицеровъ и караула, всевозможныя удобства. Мы ѣхали день и ночь“.

Княгиня торопилась — ей хотѣлось прибыть въ Москву не позже 9-го февраля, такъ какъ 10-го былъ день рожденія великаго князя. Между тѣмъ, на второй же день, 7-го февраля, императорскія сани, раскатившись на поворотѣ, ударились объ уголъ избы въ какой-то деревнѣ и сломались — пришлось чинить. Эта остановка, однако, ничему не помѣшала, и уже 9-го февраля, въ 4 часа дня, путники были въ 70 верстахъ отъ Москвы. Этотъ послѣдній уже переѣздъ къ мѣсту назначенія былъ совершенъ въ три часа. Объ немъ княгиня писала своему мужу такія подробности:

„Я встрѣтила здѣсь двухъ курьеровъ отъ Ея Императорскаго Величества; одинъ изъ нихъ передалъ мнѣ письмо к. оберъ-гофмаршала фонъ-Брюммера. Въ этомъ письмѣ, кромѣ заявленнаго въ высшей степени милостиваго нетерпѣнія несравненной государыни поскорѣе увидѣть насъ, заключались нѣкоторыя свѣденія относительно

разсказываетъ, будто какіе-то „мелкіе придворные служителя“ хотѣли задержать ея отъѣздъ изъ Петербурга; но она во-время узнала объ интригѣ и настояла на своемъ (*Сборникъ*, VII, 21). Мы признаемъ этотъ разсказъ за пустой вымыселъ. Княгиня извѣщала уже императрицу, что выѣзжаетъ изъ Петербурга 5-го февраля; всѣ приготовленія заранѣе уже были сдѣланы, и камергеръ Нарышкинъ, сторонникъ Брюммера, назначенъ императрицею облегчать цербстскимъ гостямъ переѣздъ — что же значатъ при этомъ мелкіе придворные служителя? Служителя были орудіемъ въ рукахъ людей, желавшихъ, чтобъ княгиня не поспѣла въ Москву къ 10-го февраля, дню рожденія великаго князя, и тѣмъ огорчила бы императрицу — такъ объясняетъ княгиня. А зачѣмъ же камергеръ Нарышкинъ? Онъ являлся первымъ отвѣтственнымъ лицомъ предъ императрицею за всякое промедленіе и, конечно, прежде княгини устранилъ бы всѣ prétextes frivoles.

нашей одежды[1]). Столъ уже былъ накрытъ, но такъ какъ переодѣванье взяло много времени, то намъ было уже не до ѣды — я не проглотила ни кусочка. Какъ только курьеры были отправлены обратно въ Москву, въ наши сани впрягли 16 лошадей, вмѣсто прежнихъ 10-ти, и мы уже скорѣе летѣли, чѣмъ ѣхали, о чемъ ты можешь составить себѣ понятіе, если я тебѣ скажу, что мы десять добрыхъ нѣмецкихъ миль по дурной дорогѣ проскакали въ три часа. Въ трехъ верстахъ, или въ полумилѣ нѣмецкой, отъ города насъ встрѣтилъ камеръ-юнкеръ Сиверсъ, милостиво привѣтствовалъ отъ имени Ея Императорскаго Величества и великаго князя, и увѣрялъ, что они считаютъ минуты и секунды въ нетерпѣніи свидѣться съ нами. Онъ сѣлъ съ нами въ сани и все торопилъ ямщиковъ. Неподалеку отъ дворца, мы опустили верхъ саней"[2]).

Въ четвергъ, 9-го февраля, въ 8-мъ часу вечера[3]), цербстская принцесса и ея мать подъѣхали къ головинскому деревянному дворцу. Придворные чины, лейбъ-компанцы, офицеры гвардіи встрѣтили ихъ „при выходѣ изъ саней"[4]). Въ сѣняхъ же ихъ встрѣтилъ оберъ-маршалъ Брюммеръ и знаменитый Лестокъ, такъ много потрудившіеся на пользу предположеннаго брака цербстской принцессы. Едва они прошли въ приготовленныя

---

[1]) Einige Nachricht unsers Anzug wegen... da der umbzug nicht ohne Verweylung zugehen können etc. Въ сообщеніи для родныхъ, писанномъ на французскомъ языкѣ, сказано: nous changeâmes de linge (*Сборникъ*. VII, 24). Издатели „Сборника" мѣняютъ *linge* на *ligne* и переводятъ: „мы перешли въ другія сани". Еслибъ на встрѣчу гостей были высланы новыя сани, княгиня не преминула бы упомянуть о такомъ вниманіи. Императорскія сани, въ которыхъ ѣхали цербстскіе гости, были исправлены отъ поврежденій при бывшемъ толчкѣ, о чемъ, къ тому же, въ Москвѣ ничего и знать не могли; откуда же явятся „другія сани" въ худшемъ случаѣ столь же великолѣпныя, какъ и императорскія? — [2]) *Siebigk*, 40. — [3]) Very late in the night. (*Лондон. Архивъ*, Russia, № 45). — [4]) Во французскомъ сообщеніи родственникамъ княгиня вставила слѣдующую подробность: „Sa Majesté Impériale, impatiente de nous voir de près, s'était avenue dans un petit passage où entourée d'officiers on ne pouvait la voir, mais nous passions devant elle" (*Сборникъ*, VII, 24). Этой подозрительной подробности нѣтъ въ нѣмецкомъ письмѣ къ мужу.

для нихъ комнаты, не успѣли еще снять шубы и дорожные капоры, какъ явился великій князь Петръ Ѳедоровичъ, въ сопровожденіи принца гессенъ-гомбургскаго[1]) и нѣсколькихъ придворныхъ дамъ. Его высочество нѣжнѣйшимъ образомъ (aufs tendreste) привѣтствовалъ дорогихъ гостей, представилъ принца и заявилъ, что они такъ нетерпѣливо ожидали ихъ, что готовы были ѣхать къ нимъ на встрѣчу. Вскорѣ императрица прислала сказать великому князю, что чѣмъ скорѣе онъ приведетъ къ ней милыхъ гостей, тѣмъ ей будетъ пріятнѣе. Тотчасъ же всѣ отправились во внутренніе покои императрицы.

Елизавета Петровна находилась въ первой пріемной, рядомъ съ опочивальней. Императрица сдѣлала нѣсколько шаговъ на встрѣчу гостей, обняла и поцѣловала ихъ. Княгиня, слѣдуя совѣту Брюммера, поцѣловала руку императрицы и сказала: „Я пріѣхала повергнуть къ стопамъ Вашего Величества чувства живѣйшей признательности за благодѣянія, которыя Вы изливаете на мою семью и новые знаки которыхъ сопровождали каждый шагъ, сдѣланный мною во владѣніяхъ Вашего Величества. У меня нѣтъ другихъ заслугъ, кромѣ того, что я такъ живо чувствую эти благодѣянія, чтобы осмѣлиться просить Вашего покровительства себѣ, остальному моему семейству и той изъ моихъ дочерей, которой Ваше Величество удостоили дозволить сопровождать меня въ поѣздкѣ къ Вашему двору". Елизавета Петровна отвѣчала: „Все, что я сдѣлала, ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что я желала бы сдѣлать для своей семьи; моя кровь мнѣ не дороже, чѣмъ ваша. Намѣренія мои всегда останутся тѣми же и моя дружба должна цѣниться по моимъ дѣйствіямъ въ пользу всѣхъ васъ"[2]). Послѣ обмѣна этихъ первыхъ привѣтствій императрица обняла и поцѣловала принцессу Софію.

Перешли въ опочивальню императрицы. Подали кресла, но разговоръ сталъ до того оживленъ, что никто не

---

[1]) Лудвигъ-Іоганнъ-Вильгельмъ принцъ Гессенъ-Гомбургскій, 1705—1745, генералъ-фельдмаршалъ русской службы. Онъ былъ женатъ на княгинѣ Трубецкой. — [2]) *Сборникъ*, VII, 25; Siebigk, 41.

садился. Елизавета Петровна долго смотрѣла на княгиню, быстро повернулась и ушла въ сосѣднюю комнату — сходство княгини съ ея покойнымъ братомъ, женихомъ императрицы, взволновало Елизавету Петровну, и она въ другой комнатѣ скрыла слезу отъ любопытныхъ глазъ. Императрица скоро оправилась, пришла опять въ опочивальню и разговоръ продолжался.

Въ „Запискахъ" Штелина, учителя великаго князя, отмѣчено[1]): „Пріѣздъ княгини Авгальтъ-Цербстской съ ея дочерью. Восторгъ императрицы".

---

[1]) *Штелинъ*, 87.

VII.

Въ „Запискахъ“ Штелина отмѣчено: „Императрица Елизавета первое время была очарована княгинею Ангальтъ-Цербстскою“. Это очарованіе высказывалось во всемъ — въ пожалованіяхъ, которыми императрица отличала своихъ цербстскихъ гостей, въ милостяхъ, сыпавшихся на нихъ, въ томъ пріемѣ, который былъ имъ оказанъ.

Не прошло и сутокъ по пріѣздѣ цербстской принцессы и ея матери, какъ императрица пожаловала матери и дочери ордена св. Екатерины. Онѣ были сдѣланы „кавалерственными дамами“ 10-го же февраля, въ день рожденія великаго князя, причемъ Елизавета Петровна весьма деликатно отнесла это пожалованіе къ лицу своего наслѣдника, который, по выраженію императрицы, „вчера еще хотѣлъ просить ее объ этомъ, но не посмѣлъ“[1]). Это пожалованіе было обставлено большою торжественностію: ордена были принесены двумя дежурными камергерами; статсъ-дамы Воронцова и Чоглокова пристегивали булавками ленты; тайный совѣтникъ Лестокъ, какъ старѣйшій изъ кавалеровъ, имѣвшій портретъ императрицы, снялъ съ княгини пожалованный ей еще въ 1742 г. портретъ, кокорый, по уставу, не можетъ быть носимъ вмѣстѣ съ орденомъ.

Бѣдная цербстская княгиня не ожидала ни такихъ отличій, ни подобныхъ пожалованій. Ее ослѣплялъ блескъ и роскошь обстановки, созданной императрицею для

---

1) *Сборникъ*, VII, 28; *Siebigk*, 44.

цербстской принцессы и ея матери. „Мы живемъ какъ королевы, моя дочь и я. Все въ галунахъ, выложено золотомъ, великолѣпно. Когда мы выѣзжаемъ, то выѣздъ удивительный“[1]). У нихъ свой дворъ: два камергера, два камеръ-юнкера, четыре камеръ-пажа и множество прислуги. Княгиня въ восторгѣ.

Императрица — самодержица, и императрица видимо на ея сторонѣ. Кто же можетъ помѣшать осуществленію тѣхъ плановъ, которые привели цербстскую княгиню въ Россію? Кто же тѣ, съ которыми или противъ которыхъ княгинѣ придется дѣйствовать? Ихъ назвала и обрисовала ея же дочь, принцесса Софія, много лѣтъ спустя, когда событія представлялись ей въ болѣе осмысленной формѣ:

„Русскій дворъ, въ то время когда Екатерина съ матерью прибыла въ Москву 9-го февраля 1744 года, раздѣленъ былъ на двѣ большія партіи. Во главѣ первой, начинавшей подниматься послѣ своего униженія, находился вице-канцлеръ графъ Бестужевъ-Рюминъ. Его несравненно болѣе боялись, чѣмъ любили; онъ былъ чрезвычайно пронырливъ и подозрителенъ, твердъ и непоколебимъ въ своихъ мнѣніяхъ, довольно деспотиченъ, врагъ неумолимый, но другъ друзей своихъ, которыхъ не покидалъ, пока они сами не измѣняли ему; къ тому же неуживчивъ и часто мелоченъ. Онъ стоялъ во главѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Передъ поѣздкою двора въ Москву онъ потерпѣлъ неудачу въ борьбѣ съ приближенными императрицы, но начиналъ уже поправляться. Онъ былъ на сторонѣ дворовъ вѣнскаго, саксонскаго и англійскаго. Пріѣздъ Екатерины и ея матери вовсе не былъ ему пріятенъ: это было дѣло противной ему партіи, устроенное въ тайнѣ отъ него. Число враговъ графа Бестужева было весьма велико, но онъ заставлялъ трепетать всѣхъ ихъ. Онъ превосходилъ ихъ и занимаемымъ мѣстомъ, и своимъ характеромъ, безконечно возвышавшими его надъ политиками лакейской.

„Партія, противная Бестужеву, была за Францію, по-

---

[1]) *Сборникъ*, VII, 28.

кровительствуемую ею Швецію и за прусскаго короля. Душею этой партіи былъ маркизъ де-ла Шетарди; главнѣйшими членами — придворные, пріѣхавшіе изъ Голштиніи. Они привлекли къ себѣ Лестока, одного изъ главныхъ дѣятелей въ переворотѣ, возведшемъ императрицу Елизавету на русскій престолъ. Онъ пользовался полнымъ довѣріемъ императрицы. Онъ былъ ея врачемъ по смерти императрицы Екатерины I, при которой состоялъ; онъ оказалъ важныя услуги матери и дочери; онъ былъ довольно уменъ, ловокъ, хитеръ, но злого нрава и чернаго, дурного сердца. Всѣ эти иностранцы поддерживали и выводили впередъ графа Михаила Воронцова, который участвовалъ въ переворотѣ и сопровождалъ Елизавету въ ту ночь, когда она взошла на престолъ. Елизавета женила его на племянницѣ императрицы Екатерины I, графинѣ Аннѣ Карловнѣ Скавронской, воспитанной вмѣстѣ съ императрицей Елизаветой и весьма ей преданной. Къ этой же партіи примкнулъ графъ Александръ Румянцевъ, заключившій абовскій миръ со Швеціею, почти безъ участія Бестужева. Они разсчитывали еще на генералъ-прокурора кн. Трубецкого, на всю фамилію Трубецкихъ и, слѣдовательно, на принца Гессенъ-Гомбургскаго, женатаго на княжнѣ этого дома. Принцъ Гессенъ-Гомбургскій, очень тогда уважавшійся, самъ по себѣ былъ ничтожествомъ, и уважался по многочисленной семьѣ своей жены, отецъ и мать которой были еще живы; старуха была въ большемъ почетѣ.

„Остальные приближенные императрицы принадлежали тогда къ фамиліи Шуваловыхъ. Они соперничали съ оберъ-егермейстеромъ Разумовскимъ[1]), который въ то время былъ титулованнымъ фаворитомъ.

„Графъ Бестужевъ умѣлъ пользоваться Шуваловыми, но главною его опорою былъ баронъ Черкасовъ[2]), каби-

---

[1]) Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій; 1709—1771, сынъ реэстроваго казака, уроженецъ села Лемеши, Козельскаго уѣзда, Черниговской Губерніи: въ 1744 году возведенъ въ графское достоинство. Пособникъ императрицы при переворотѣ 1741 г.; Елизавета Петровна состояла съ нимъ въ морганатическомъ бракѣ. — [2]) Баронъ Иванъ Антоновичъ Черкасовъ, 1689—1752, одинъ изъ „птен-

нетъ-секретарь императрицы, служившій еще при кабинетѣ Петра I. Это былъ человѣкъ суровый и упрямый, требовавшій во всемъ порядка и справедливости. Остальные придворные присоединялись къ той или другой партіи, смотря по своимъ личнымъ видамъ"[1]).

На первомъ планѣ этой картины, нарисованной рукою мастера, средоточіемъ всѣхъ интригъ при русскомъ дворѣ 1744 года является графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ.

Царедворцы, стоявшіе у трона Елизаветы Петровны, представляли, какъ всегда и вездѣ, довольно цеструю толпу, добровольно отрекшуюся отъ собственной воли, обезличившую себя, ради богатства, почести, власти, которыхъ они не заслуживали ни по уму, ни по трудамъ, ни по образованію. Тутъ были свои, русскіе люди, и чужестранцы, ради выгодъ измѣнившіе своей родинѣ; люди знатные, роднившіеся съ Рюрикомъ, и выскочки, непомнившіе родства и нелюбившіе вспоминать о своемъ происхожденіи; тутъ иностранные дипломаты мѣшались съ русскими сановниками, между которыми были и даровитые, и талантливые, но сгубившіе дары Божіи невѣжествомъ и угодливостью. Рядомъ съ графомъ Воронцовымъ и Шуваловымъ — Шубины и Возжинскіе; тутъ ничтожный принцъ Гессенъ-Гомбургскій и братья Панины; тутъ баронъ Черкасовъ и презрѣнный Лестокъ; тутъ маркизъ Шетарди и князь Бѣлосельскій, баронъ Мардефельдъ и графъ Апраксинъ; тутъ Петръ Румянцевъ, князь Трубецкой, Иванъ Талызинъ, князь Куракинъ и англійскій консулъ Вольфъ; тутъ малороссъ Разумовскій, голштинецъ Брюммеръ, не-русскій Грюнштейнъ, тутъ курляндцы, шведы, поляки, масса русскихъ, и надъ всѣми царитъ и властвуетъ подобострастіе и низкопоклонство, составляющія единственную ихъ заслугу и наложившія на нихъ свою отверженную печать. И почестей, и власти, и богатства они достигли не услугами отечеству и не пользой

цовъ" Петра I, При Аннѣ Ивановнѣ сосланъ въ Казань и Астраханъ; при Елизаветѣ возвращенъ изъ ссылки.

[1]) *Mémoires*, 7—9.

родинѣ, но нечистыми средствами и темными путями. У нихъ нѣтъ собственнаго мнѣнія и не было природной чести; своя польза и личная выгода заставляютъ ихъ мѣнять свои убѣжденія и не дорожить честью. Даже въ присутствіи императрицы эта разноязычная и разношерстная толпа угодливо разступалась и невольно преклоняла головы при появленіи графа Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина. Тихою, увѣренною поступью, съ приподнятою слегка головою, скромно выступалъ онъ въ толпѣ, которая также страшилась и ненавидѣла его, какъ онъ презиралъ и не щадилъ ее. Онъ одинъ изъ всей этой толпы достигъ своего высокаго положенія личнымъ усиленнымъ трудомъ, полученнымъ имъ образованіемъ и честною службою родинѣ; его одного изъ всей этой смѣси лицъ отличилъ и отмѣтилъ Петръ В., брильянтовый портретъ котораго украшаетъ его грудь. Одинъ онъ, не кривя душею, смѣло высказывалъ свои мнѣнія и Петру I, и его дочери Елизаветѣ Петровнѣ; одинъ онъ имѣлъ право, передъ смертію, начертить свой девизъ: semper idem. У него были недостатки, были и пороки — онъ былъ сыномъ вѣка: но у него были и достоинства, которыя ставили его головою, двумя выше сыновъ того вѣка.

Алексѣю Петровичу Бестужеву-Рюмину было 15 лѣтъ, когда Петръ I послалъ его, въ 1708 г., за границу учиться. Онъ посѣтилъ Копенгагенъ, жилъ въ Берлинѣ; по окончаніи ученія, онъ, въ теченіе двадцати лѣтъ, служилъ по дипломатической части; былъ чиновникомъ при русскомъ посольствѣ на утрехтскомъ конгрессѣ и въ Ганноверѣ, камеръ-юнкеромъ въ Лондонѣ, оберъ-камеръюнкеромъ въ Митавѣ, посланникомъ въ Копенгагенѣ и Лондонѣ, посломъ въ Гаагѣ и чрезвычайнымъ посланникомъ въ Гамбургѣ. Только въ 1740 г. онъ окончательно поселился въ Россіи и занялъ мѣсто кабинетъ-министра Волынскаго, безвинно обезглавленнаго. Возведенный въ это высокое званіе Бирономъ, Бестужевъ-Рюминъ палъ вмѣстѣ съ регентомъ: онъ былъ присужденъ къ смертной казни, но правительница, въ память отца, оказавшаго ей важныя услуги, ограничила наказаніе сына отставкою отъ службы. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, императрица

Елизавета Петровна осыпала его почестями, назначила генералъ-почтъ-директоромъ, вице-канцлеромъ[1]), позже канцлеромъ.

Ему не было и 50 лѣтъ, когда Елизавета Петровна призвала его къ дѣятельности. Онъ явился при дворѣ императрицы носителемъ традицій ея отца, послѣднимъ „птенцомъ" Петра В. Долгое пребываніе за границей пошло ему въ прокъ. Это былъ вполнѣ европеецъ, свободно объяснявшійся на французскомъ, нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ; онъ хорошо зналъ дипломатическую исторію европейскихъ державъ, былъ свѣдущъ въ наукахъ. Въ Килѣ, въ архивѣ голштинскаго герцога, онъ открылъ „Тестаментъ императрицы Екатерины I", которымъ воспользовалася Елизавета Петровна; живя въ Копенгагенѣ, онъ изобрѣлъ „жизненныя капли"[2]), разнесшія его имя по всей Европѣ. Онъ лучше говорилъ, чѣмъ писалъ. Его логическою, послѣдовательною рѣчью плѣнился курфюрстъ ганноверскій и, съ разрѣшенія Петра I, взялъ его къ себѣ на службу; ставъ позже англійскимъ королемъ Георгомъ I, онъ послалъ его въ Петербургъ, въ качествѣ англійскаго полномочнаго министра, съ извѣщеніемъ о своемъ вступленіи на престолъ. У него былъ чрезвычайно свѣтлый умъ, способный обнять всякую политическую „коньюнктуру", какъ ни была бы она сложна, ясно представить себѣ и другимъ данное положеніе и воз-

---

[1]) Онъ былъ назначенъ вице-канцлеромъ 12-го декабря 1741 г., черезъ двѣ недѣли послѣ переворота. Объ этомъ назначеніи англійскій посланникъ *Финчъ*, въ депешѣ отъ 5-го еще декабря, писалъ лорду Гаррингтону: Mr. Bestuchef will be charged with the Foreign Affairs and probably have the character of Vice-Chancellor; indeed they have no other among the eleven (in the High Council) in any degree fit for this post and province (*Лонд. Архивъ*, Russia, № 38).

[2]) Tinctura inervina Bestuschevi. Химикъ Лембке, работавшій у Бестужева въ Копенгагенѣ, продалъ секретъ, и капли стали продаваться подъ названіемъ elixir d'or, elixir de Lamotte. Въ 1748 г. изобрѣтатель самъ передалъ секретъ академику Моделю; Модель, въ 1779 г., открылъ тайну аптекарю Дуропу, а Дуропъ, умирая, аптекарю Винтербергеру. При посредствѣ лейбъ-медика Роджерсона, Екатерина II купила у вдовъ Дуропъ и Винтербергъ секретъ приготовленія капель за 3,000 руб. и обнародовала его. *Терещенко*, II, 95.

можныя его послѣдствія. Онъ, конечно, не родился дипломатомъ, но долгою жизнью въ иностранныхъ миссіяхъ выработалъ изъ себя дипломата. Онъ не любилъ обманывать — предпочиталъ сказываться больнымъ, отмалчиваться; но и его трудно было обойти или обмануть. „За сообщенную мнѣ — пишетъ онъ гр. М. Л. Воронцову — съ письма отъ короля Прусскаго къ вашему сіятельству копію всепокорно благодарствую. Онъ подлинно толь необыкновенно ласкательно или паче сказать уловительно пишетъ, что мнѣ при чтеніи того Италъянская весьма правдивая пословица на умъ пришла, а именно: кто чрезвычайно льститъ и по губамъ мажетъ, тотъ или обманулъ, или обмануть ищетъ“ [1]). Всякій политическій вопросъ, требовавшій рѣшенія, Бестужевъ старался разсмотрѣть со всѣхъ сторонъ, обсудить даже побочныя обстоятельства, уяснить ближайшія цѣли и отдаленнѣйшія послѣдствія, и когда послѣ такой работы принималъ извѣстный планъ, то проводилъ его твердою рукою, ни предъ чѣмъ не останавливаясь, ни для кого не уступая.

Когда Бестужевъ Рюминъ былъ призванъ управлять иностранными дѣлами, первый серьезный вопросъ, подлежавшій рѣшенію, заключался въ отношеніяхъ Россіи къ австропрусской распрѣ, возникшей изъ-за захвата Фридрихомъ II Силезіи. За кого выскажется Россія — за Австрію или за Пруссію? Кого поддержитъ русское правительство — Марію-Терезію или Фридриха II? Трудный вопросъ для Бестужева-Рюмина: за Австрію стоялъ ненавистный Остерманъ, одно имя котораго раздражаетъ императрицу; императрица находится подъ вліяніемъ Лестока, а Лестокъ продался Франціи, союзницѣ Пруссіи, и говоритъ Елизаветѣ Петровнѣ только то, чего жалаютъ Шетарди и Мардефельдъ; рѣшительно всѣ за Пруссію — и гр. Воронцовъ, и принцъ Гессенъ-Гомбургскій и Брюммеръ. Личный интересъ, личная выгода заставляла Бестужева-Рюмина высказаться за Пруссію и тѣмъ упрочить свое положеніе и служебное, и придворное, и общественное, по крайней мѣрѣ, той среды, въ которой онъ вращался.

---

[1]) *Арх. кн. Воронцев*, II, 45.

„Оставляя все до меня персонально касающееся, всякое похлебство, дружбу, ненависть или партикулярную вражду и все, что страстію именоваться можетъ“ [1]), онъ высказался за Австрію, противъ Пруссіи, убѣдилъ императрицу въ правотѣ своего мнѣнія, навлекъ на себя вражду всѣхъ, но настоялъ на своемъ.

Лица, близко знавшія Бестужева-Рюмина, рисуютъ его неуживчивымъ, мелочнымъ, подозрительнымъ. Конечно, это черты непривлекательныя, и нѣтъ причинъ не довѣрять показаніямъ въ этомъ отношеніи Екатерины II; но государственные дѣятели судятся по ихъ государственнымъ дѣламъ, не по чертамъ ихъ частной, семейной жизни. Гораздо важнѣе обвиненіе его въ продажности, подкупности, даже во взяточничествѣ. По словамъ его личнаго врага, прусскаго короля Фридриха II, Бестужевъ-Рюминъ „былъ до такой степени продаженъ, что продалъ бы самую императрицу, если бы нашлось у кого довольно денегъ, чтобы заплатить ему за нее“ [2]). Фридриху II, безъ сомнѣнія, было бы очень на̀-руку, если-бы это̀ была правда — онъ первый подкупилъ бы Бестужева-Рюмина. Онъ этого и домогался всѣми мѣрами, но безуспѣшно: онъ опредѣлялъ на подкупъ русскаго канцлера большія суммы, готовъ былъ даже выплатить ту сумму, „какая потребуется“ [3]) — ничто не удалось. Екатерина II, такъ вѣрно и такъ безпристрастно охарактеризовавшая Бестужева-Рюмина, утверждаетъ положительно, что онъ былъ неподкупенъ: jamais on ne le gagna par argent [4]). Въ 1747 г., очень нуждаясь въ деньгахъ, онъ занялъ у англійскаго консула 50,000 рублей подъ залогъ своего дома [5]),

---

[1]) *Арх. кн. Воронцова*, II, 18. — [2]) *Розенеr*, 192. — [3]) *Pol Corr. XIII*, 340, 546, 562. — [4]) *Храповицкій*, 480.

[5]) Въ лондонскомъ архивѣ хранится цѣлая переписка по этому поводу. Закладная подписана 21 ноября 1747 г., при чемъ свидѣтелями были: гр, А. Разумовскій, гр. М. Воронцовъ, Ст. Апраксинъ, Ив. Талызинъ, кн. Бѣлосельскій. Это не была, слѣдовательно, какая-либо фиктивная сдѣлка. Въ перепискѣ, предшествовавшей закладу, упоминается о просьбѣ канцлера ссудить ему сумму на десять лѣтъ, безъ процентовъ. Это послѣднее условіе объясняется „всегдашнею готовностью канцлера служить интересамъ англійскаго короля“. Канцлеръ и свидѣтели не сомнѣвались, что императрица

хотя, конечно, англійское правительство, нуждавшееся въ 30,000-мъ русскомъ корпусѣ, стоявшемъ въ Лифляндіи, готово было бы употребить даже большую сумму на „подкупъ“ канцлера[1]).

Въ теченіи всей своей государственной дѣятельности,

сама выкупитъ канцлерскій домъ — домъ г. Остермана, подаренный Елизаветою Петровною Бестужеву-Рюмину и требовавшій ремонта; это нынѣшнее зданіе сената. Было условлено, что когда императрица посѣтитъ вновь отремонтированный домъ и, по обычаю станетъ пить здоровье „хозяина дома“, то графъ Разумовскій скажетъ: „т. е. англійскаго консула Вольфа“ и потомъ разскажетъ о закладѣ, послѣ чего императрица „всеконечно“ выдастъ сумму, потребную для выкупа (*Лондон. Архивъ*, Russia № 54 и 55).

[1]) О подкупности канцлера говорятъ его враги — Фридрихъ II и прусскіе посланники, особенно Мардефельдъ. Съ ихъ словъ это повторяютъ новѣйшіе нѣмецкіе историки — Германъ, Дройзенъ, Козеръ, Брюкнеръ, и др.; за нѣмецкими и наши, русскіе, принимаютъ подкупность елизаветинскаго канцлера за фактъ, неподлежащій сомнѣнію. Свидѣтельство прусскаго короля и прусскихъ посланниковъ, какъ намъ кажется, не можетъ имѣть рѣшающаго значенія въ данномъ случаѣ; тѣмъ болѣе, что и они не указываютъ ни одного факта. Въ прошломъ столѣтіи уплата пенсіоновъ различными дворами, особенно французскимъ, была обычнымъ дѣломъ. До настоящаго времени не доказано, чтобъ Бестужевъ-Рюминъ ради полученія подобной даже пенсіи измѣнилъ интересамъ Россіи. Величайшій изъ русскихъ канцлеровъ не только XVIII ст., надолго подорвавшій силы Пруссіи, заслуживаетъ, кажется, чтобъ къ его памяти относились безъ предвзятой мысли, чтобъ его судили не по отзыву его враговъ, чужестранныхъ министровъ. До чего доходили они въ своихъ отзывахъ о Бестужевѣ, довольно привести одинъ примѣръ: Son pouvoir est si étendu, qu'on peut l'appeller le grand vizir de ce pays. ·Son caractère est un composé si monstrueux des qualités les plus odieuses qu'on ne doit pas craindre de charger le tableau: fourbe, dissimullé, vindicatif, ingrat, rien n'est sacré pour lui lorsqu'il s'agit de parvenir à ses fins. Ce n'est pas un génie supérieur, mais il est consommé dans l'intrigue. *Schlözer*, 64. Не лучше и отзывъ *Дальона* въ письмѣ принцу Конти, отъ 4-го января 1746 г.: Il est foncierement malhonnête homme; il vent son crédit immense à beaux deniers comptant aux anglais, aux autrichiens et aux saxons sans pretendre cependant s'ôter la liberté de glaner ailleurs (*Париж. Архивъ*, vol, 48, f 6). Напротивъ, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ называетъ Бестужева un grand et habile ministre (*Париж. Архивъ*, v. 50(въ письмѣ къ Дальону отъ 29-го октября 1747 г. Достойный Бестужева отзывъ см. *Marche*, 22 sqq.; недостойный — *Манштейнъ*, 244.

до самой смерти, Бестужевъ-Рюминъ былъ въ политикѣ сторонникомъ „системы Петра В.“, какъ онъ говорилъ, т. е. двухъ морскихъ державъ, Англіи и Голландіи, и двухъ континентальныхъ, Австріи и Саксоніи. Онъ ни предъ кѣмъ не скрывалъ своей вражды къ прусскому королю, слишкомъ „захватчивому“. Понятно, что и при выборѣ невѣсты для наслѣдника русскаго престола онъ стоялъ за саксонскую принцессу, противъ цербстской, дочери прусскаго генерала.

Съ пріѣздомъ цербстской княгини въ Москву, число враговъ Бестужева-Рюмина увеличилось, и враги стали значительно смѣлѣе. „Я много разсчитываю на помощь княгини Цербстской“[1]), писалъ Фридрихъ II Мардефельду; „мы много отъ помоществованія княгини Цербстской надѣемся“[2]), сообщалъ Шетарди министру Амело. Чего хотятъ враги? Прежде всего, низложенія Бестужева-Рюмина и потомъ заключенія тройственнаго союза Россіи, Пруссіи и Швеціи.

Фридрихъ II давно уже понялъ, что будетъ имѣть опасную соперницу въ Россіи, пока иностранными дѣлами руководитъ Бестужевъ-Рюминъ, человѣкъ твердый, дѣйствующій по заранѣе выработанной программѣ, министръ энергичный, неподдающійся „звенящимъ прелестямъ“. Для устраненія Бестужева-Рюмина отъ вліянія на иностранную политику Россіи враги его измышляли одинъ планъ за другимъ и, надо имъ отдать справедливость, много потрудились для осуществленія своихъ козней[3]). Сперва они хотѣли возвести въ канцлеры генерала Румянцева, который, такимъ образомъ, „будучи по сему рангу главнымъ въ коллегіи (Бестужевъ-Рюминъ былъ въ то время вице-канцлеромъ), для воздержанія господина Бестужева силу въ рукахъ имѣть будетъ“; потомъ было предположено „изъ сей коллегіи совѣтъ или кабинетъ учредить, изъ толикаго довольнаго числа членовъ, чтобы вице-канцлеръ не могъ въ немъ всею силою завладѣть“. Послѣ посвященія

---

[1]) *Pol. Corr.*, III, 18. — [2]) *Арх. кн. Воронцова*, I, 506, 540, 522.

[3]) Въ перепискѣ маркиза Шетарди, въ *Арх. кн. Воронцова*, I, 476, 480, 497, 506, 543, 545, 550, 554, 577, 618; *Pol. Corr.* II, 406, 461, 469; III, 10, 15, 47, 49, 62, 79, 88 sqq.

княгини цербстской въ эту интригу, враги вице-канцлера задались планомъ болѣе рѣшительнымъ: Бестужевъ-Рюминъ будетъ совершенно удаленъ отъ дѣлъ; мѣсто канцлера займетъ Румянцевъ, вице-канцлера — кн. Трубецкой, генералъ-прокуроръ. Такъ какъ задача заключалась въ томъ, чтобы составить такое русское министерство, которое подчинялось бы видамъ Берлина и Парижа, то Мардефельдъ находилъ выборъ кн. Трубецкого довольно неудачнымъ: онъ умнѣе Бестужева, смѣлѣе его и, по родству съ принцемъ Гессенъ-Гомбургскимъ, имѣетъ бóльшую поддержку при дворѣ, а между тѣмъ своими пороками не уступаетъ Бестужеву. Фридрихъ II согласился, что кн. Трубецкой неудобенъ. Кромѣ названныхъ лицъ, въ этой интригѣ противъ Бестужева-Рюмина принимали дѣятельное участіе: тайный совѣтникъ Лестокъ, гофмаршалъ великаго князя Брюммеръ и „ихъ адгеренты", о которыхъ „еще по нынѣ не свѣдомо". Бестужевъ-Рюминъ находилъ довольно „сильное подкрѣпленіе" въ камергерѣ Воронцовѣ — враги вице-канцлера постановили: камергера Воронцова отправить въ Парижъ посломъ. Искренно или притворно, но враги вице-канцлера высказывали увѣренность, что „Царица къ Бестужеву никогда конфиденціи не имѣла и имѣть не будетъ"[1]).

Вслѣдъ за сверженіемъ Бестужева-Рюмина должно было послѣдовать заключеніе союза между Россіей, Пруссіей и Швеціей[2]). Враги вице-канцлера предполагали, что только при такомъ союзѣ Елизавета Петровна „могла на престолѣ удержаться", между тѣмъ какъ Бестужевъ „не признаваетъ гдѣ индѣ спасенія, какъ только въ союзѣ между Россіею, морскими державами, королевою венгерскою, королемъ Августомъ и ихъ адгерентами". И въ этомъ случаѣ враги Бестужева сильно разсчитывали на помощь цербстской княгини, такъ какъ „ее сердце уязвлено было всѣми отъ вѣнскаго двора голштинскому дому оказанными поступками". Къ тому же помощь княгини не должна была остаться безкорыстною: въ случаѣ успѣха,

---

[1]) *Pol. Corr.*, III, 10; *Арх. кн. Воронцова*, I, 476, 536. — [2]) *Pol. Corr.* III. 46, 84, 88; *Арх. кн. Воронцова*, I, 484, 501, 506, 564, 566.

Фридрихъ II обѣщалъ сдѣлать ея сестру аббатиссою кведлинбургскою [1]).

Княгинѣ Іоганнѣ-Елизаветѣ было 32 года, когда она пріѣхала въ Москву. Она не была красавицею, но была весьма привлекательна. Всегда веселая, ко всѣмъ привѣтливая, привыкшая одерживать верхъ въ цербстскомъ муравейникѣ, она, вскорѣ же по пріѣздѣ въ Москву, съ чисто женскимъ легкомысліемъ, принялась выполнять роль, предложенную ей врагами Бестужева. Почти забывая главную цѣль, ради которой она покинула Цербстъ, княгиня заводитъ политическіе разговоры съ императрицей, старается вліять на великаго князя, переговариваетъ съ одними, шепчется съ другими, ведетъ обширную переписку. По плечу-ли, однако, цербстской сплетницѣ такая политическая интрига?

---

[1]) *Pol. Corr.*, III, 79.

VIII.

Принцесса Софія произвела выгодное впечатлѣніе и на императрицу, и на великаго князя. „Наша дочь стяжала полное одобреніе — пишетъ княгиня мужу — императрица ласкаетъ, великій князь любитъ ее"[1]). Тоже вспоминала позже и Екатерина II: „Великій князь, казалось, былъ радъ моему пріѣзду. Въ первые дни онъ былъ очень предупредителенъ ко мнѣ"[2]).

Какое же впечатлѣніе произвелъ великій князь на принцессу Софію?

Не въ сорочкѣ родился голштинскій принцъ Карлъ-Петръ. Въ день его рожденія, 10 (21) февраля 1728 г., Бассевичъ, сообщая въ Петербургъ о разрѣшеніи цесаревны Анны Петровны отъ бремени сыномъ, именно прибавилъ: „здоровымъ, крѣпкимъ"[3]). Между тѣмъ, онъ никогда не былъ ни крѣпкимъ, ни здоровымъ. Мать привѣтствовала его рожденіе грустнымъ предчувствіемъ: „Бѣдный малютка, не на радость ты родился". Спустя три мѣсяца, умерла Анна Петровна, какъ кажется, отъ чахотки; немного спустя — ребенокъ занемогъ[4]) и съ тѣхъ поръ уже не поправлялся: онъ всегда былъ хилый, болѣзненный. Ему было десять лѣтъ, когда Екатерина II

---

[1]) Notre fille trouve grande approbation. La Souveraine la chérit, le successeur l'aime et c'est une affaire faite. Письмо отъ 18-го февраля 1744 г. *Siecigk*, 45. Въ письмѣ *Шетарди* къ Пуссену въ Гамбургъ: „Ея Императорское Величество столько склонности и любви къ принцессѣ Цербстской имѣетъ, сколько великій князь любезности къ ней чувствуетъ" (*Арх. кн. Воронцова*, I, 522). — [2]) *Mémoires*, 9. — [3]) *Госуд. Архивъ*, II, № 66. — [4]) *Сборникъ*, I, 203.

впервые увидѣла его въ Эйтинѣ, въ 1739 г., и онъ произвелъ на нее впечатлѣніе ребенка слабаго, болѣзненнаго. Въ январѣ 1742 г., когда онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, онъ былъ „блѣденъ и, повидимому, слабаго здоровья"[1]); въ апрѣлѣ же онъ захворалъ[2]). Осенью 1743 года, мѣсяца за три до пріѣзда принцессы Софіи въ Москву, онъ опасно заболѣлъ перемежающеюся лихорадкою и едва не умеръ[3]). Его учитель Штелинъ передаетъ слѣдующія подробности объ этой болѣзни:

„12 октября. Замѣчена необыкновенная слабость въ его высочествѣ; поэтому я разспросилъ его и узналъ, что онъ не имѣетъ сна и почти аппетита и чувствуетъ часто наклонность къ обмороку. По пульсу я нашелъ, что это имѣетъ основаніе. Пріѣхалъ его голштинскій лейбъ-медикъ Струве и прописалъ его высочеству капли. Спустя нѣсколько дней, во время занятій моихъ съ его высочествомъ, онъ совершенно ослабѣлъ и почти безъ чувствъ упалъ на руки ко мнѣ и сказалъ: „Я право больше не могу". Я сказалъ объ этомъ придворному врачу императрицы Боергаве, который немедленно пріѣхалъ къ великому князю вмѣстѣ съ врачемъ Сушѐ. Пришла Ея Величество и поручила обоимъ врачамъ позаботиться объ его высочествѣ. Великій князь долженъ былъ лечь и тогда, доселѣ скрытная, лихорадка обратилась въ изнурительную. Въ концѣ октября его высочество не по-

---

1) *Штелинъ*, 72.

2) The Duke of Holstein has been very ill of the measles, but His Highnest is in a fair way to recovery. The air of Moscow does not agree with him. Депеша *Финча* лорду Гаррингтону отъ 17 апрѣля 1742 г. *Лондон. Архивъ*, Russia, № 60,

3) The Great Duke is very ill of a fever accompanied with a looseness. As his Imperial Highness has not the most robust constitution, his sickness may be attended with very bad consequences, and if he should happen to dye, you will easily imagine what alteration and confusion such an unexpected accident will occasion at this court. If you does not hear from me next post, it is a certain sign that his Highness is in great danger or dead, and that the posts are stopped. Депеша *Вича* Гаррингтону отъ 8 ноября 1743 г. Но уже отъ 12 ноября онъ доноситъ: His Highness is at present out of danger (*Лонд. Архивъ*, Russia, № 44).

давалъ никакой надежды на выздоровленіе. Онъ ослабѣлъ до крайности и потерялъ охоту ко всему, что нравилось ему во время болѣзни, даже къ музыкѣ. Когда однажды, въ субботу, послѣ обѣда, въ передней его высочества играла музыка и кастратъ пѣлъ его любимую арію, онъ сказалъ едва слышнымъ голосомъ: „Скоро-ли перестанутъ играть?“ Это насъ испугало и докторъ Боергаве воскликнулъ: „Ахъ, Господи! Это дурной знакъ“. Около вечера всѣ потеряли надежду. Великій князь лежалъ съ полуугасшими глазами и едва хрипѣлъ. Ея Величество скорѣе прибѣжала, чѣмъ пришла при этомъ извѣстіи. Она залилась слезами и ее съ трудомъ оттащили отъ постели великаго князя. Около полуночи, когда болѣе нечего было дѣлать и надѣяться, я отправился къ Боергаве, въ его квартиру, по близости, гдѣ онъ просилъ меня остаться, пока къ утру придетъ извѣстіе о кризисѣ или о смерти. Каждые полчаса приходилъ камеръ-лакей съ рапортомъ отъ придворнаго хирурга Гюона (Gugon). Все извѣщали, что великій князь лежитъ по прежнему безъ движенія. Около 5 часовъ утра камеръ-лакей объявилъ, что на лбу у великаго князя показался крупный потъ. При этомъ извѣстіи Боергаве вскочилъ со стула и сказалъ: „Taut aus Gott danken, de grootvirst sal genesen“[1]). Мы отправились къ великому князю. Съ этого дня началось выздоровленіе. Въ половинѣ ноября великій князь всталъ съ постели; но почти до половины декабря не выходилъ изъ комнаты“[2]).

Больныхъ дѣтей надо лечить, а не учить. Плохо шло ученіе и великаго князя. Въ журналѣ занятій, при отмѣткѣ „слабило“, не было уроковъ въ теченіе всего дня. Вѣроятно, вслѣдствіе болѣзненности, ученіе никогда не шло правильно.

До семи лѣтъ ребенокъ былъ на попеченіи женщинъ, которыя учили его французскому языку; позже у него былъ учитель французскаго языка Миле. Въ 1735 г. принца передали на руки нѣсколькимъ офицерамъ герцог-

---

[1]) Возблагодаримъ Господа — великій князь выздоровѣетъ. — [2]) *Штелинъ*, 84—86.

ской гвардіи: его стали учить ружейнымъ пріемамъ, маршировкѣ; онъ былъ сдѣланъ унтеръ-офицеромъ, ходилъ на дежурство, пристрастился къ военщинѣ, бредилъ солдатчиной. Когда въ Килѣ производился разводъ или парадъ, всякое ученіе прекращалось: принцъ бросался къ окну и до конца парада любовался солдатами. Въ видѣ наказанія, за дурное поведеніе, завѣшивали нижнюю половину оконъ, такъ чтобы принцъ не могъ видѣть солдатъ. Къ несчастью, „l'enfant de Kiel", какъ называли принца при московскомъ дворѣ, былъ претендентомъ двухъ коронъ — русской и шведской; поэтому его обучали то русскому, то шведскому языку, смотря по тому, гдѣ предвидѣлась большая надежда на успѣхъ; въ результатѣ оказалось, что принцъ не зналъ ни того, ни другого языка[1]). Точно также и уроки закона Божія ему преподавалъ и придворный пасторъ Хоземанъ, и іеромонахъ греческой церкви, бывшей при кильскомъ дворѣ во время герцогини Анны Петровны[2]). Въ Килѣ же принца начали учить латинскому языку, на которомъ его отецъ объяснялся совершенно свободно, но, кромѣ отвращенія къ латыни, изъ этихъ уроковъ ничего не вышло, не смотря на всѣ старанія ректора кильской латинской школы.

Въ Петербургѣ даже и императрица удивилась, что герцога ничему не учили въ Голштиніи[3]). Прежде всего, обращено было вниманіе на русскій языкъ. Кильскіе уроки легаціонрата Рихарда пропали даромъ; столь же мало успѣшны были и уроки Исаака Веселовскаго. Болѣе всего принесли пользы занятія съ Симономъ Тодорскимъ, который, кромѣ русскаго языка, преподавалъ и

---

[1]) Недавно напечатаны „Краткія вѣдомости" путешествія Елизаветы Петровны въ Кронштадтъ, написанныя великимъ княземъ Петромъ Ѳедоровичемъ на нѣмецкомъ языкѣ и имъ же переведенныя „на русское". Несмотря на то, что вѣдомости составлены въ маѣ 1743 г., когда авторъ былъ уже объявленъ наслѣдникомъ русскаго престола и болѣе года жилъ въ Россіи, въ нихъ видно весьма слабое знаніе русской грамоты. Онъ пишетъ, напр., что императрица изволила „адевшись въ мусшкомъ платѣ ехать верхомъ въ Чарско сѣло" (*Истор. Вѣстн.*, XXXI, 252). — [2]) *Helbig*, Biographie, I, 0—21; *Штелинъ*, 70. — [3]) *Штелинъ*, 74; *Helbig*, I, 33.

Законъ Божій. Въ результатѣ все-таки оказалось, что „помысломъ касательно вѣры онъ былъ болѣе протестантъ, чѣмъ русскій“ [1]). Къ нему былъ назначенъ и особый инструкторъ. Елизавета Петровна, поручая заботу о его образованіи академику Штелину, сказала племяннику: „я вижу, что его высочество часто скучаетъ, и долженъ еще научиться многому хорошему, и потому приставляю къ нему человѣка, который займетъ его полезно и пріятно“. Кто такой Штелинъ?

Саксонецъ, выписанный въ 1735 г. въ академію, гдѣ состоялъ ординарнымъ профессоромъ элоквенціи и поэзіи. По требованію „слѣдственной о академіи наукъ коммиссіи“ онъ представилъ подробный перечень своихъ трудовъ [2]), ярко рисующій и Штелина, и академію того времени. За что только не брался и чего не дѣлалъ саксонецъ-академикъ! Въ академической авдиторіи онъ читалъ русскимъ и нѣмецкимъ студентамъ публичныя лекціи (publica): литературную исторію о элоквенціи и ораторіи, реторику, о правахъ естественныхъ, критику, нравоучительную науку; приватно же (privata) училъ нѣмецкому штилю, первымъ началамъ собранной философіи Готшеда, сокращенной Вольфовой логикѣ и пр. По порученію академіи, сочинялъ поздравительные вирши на всякіе случаи — на новый годъ и коронацію, на дни рожденія, побѣды, мирныя заключенія, издавалъ описаніе иллюминацій и фейерверковъ, составлялъ виньетки къ книгамъ и ландкартамъ, работалъ въ кунсткамерѣ, приводилъ въ порядокъ библіотеку и т. п. По требованію двора, выдумывалъ медали на побѣды надъ татарами, на смерть Анны Ивановны и на восшествіе Елизаветы Петровны; описалъ катафалкъ въ крѣпостной церкви при прогребеніи Анны Ивановны, переводилъ комедіи и интермедіи съ итальянскаго на нѣмецкій, переводилъ „отчасти простымъ штилемъ, а отчасти виршами“ итальянскія оперы, описывалъ картины въ Петергофѣ, велъ придворный журналъ, устраивалъ оперный залъ въ Москвѣ, управлялъ музыкантскимъ хоромъ, сочи-

---

[1]) *Сборникъ*, VI, 464; *Штелинъ*, 111; *Болотовъ*, II, 127; *Mémoires*, 10. — [2]) *Чтенія*, 1886, IV, смѣсь 119.

нялъ эмблемы къ фейерверку и т. п. Этому-то Штелину поручено было „обучать великаго князя надлежащимъ наукамъ“. Екатерина II застала Штелина, видѣла какъ онъ обучалъ великаго князя и признала въ немъ не столько наставника, какъ „шута гороховаго“[1]). Ставъ императрицей, она тотчасъ же повелѣла „быть ему при одной профессорской должности“[2]).

Три года занимался Штелинъ съ своимъ ученикомъ. Приноравливаясь къ „склонностямъ и вкусамъ“ ученика, онъ разсматривалъ съ нимъ книги съ картинками, дѣлалъ математическія модели, по старымъ монетамъ разсказывалъ древнюю русскую исторію, а по медалямъ Петра I — новѣйшую, разсматривалъ планъ комнатъ ученика. Когда ученикъ не хотѣлъ сидѣть, учитель ходилъ съ нимъ по комнатѣ, занимая его „полезнымъ разговоромъ“. По сознанію самого Штелина, „первые полгода, во время пребыванія въ Москвѣ, прошли болѣе въ приготовленіи къ ученію, чѣмъ въ настоящемъ ученіи“. Въ Петербургѣ ученіе великаго князя „пошло серьезнѣе“: проходили по глобусу математическую географію, изучали исторію сосѣднихъ государствъ, объясняли „положеніе текущихъ государственныхъ дѣлъ“, фортификацію и артиллерію. „Для узнанія укрѣпленій русскаго государства, великій князь получилъ отъ фельдцейхмейстера принца Гессенъ-Гомбургскаго большую тайную книгу, подъ названіемъ „Сила имперіи“, въ которой были изображены всѣ укрѣпленія отъ Риги до китайскихъ границъ, въ планѣ и профиляхъ“[3]. По вечерамъ разсматривали различныя книги, „особенно же такія, въ которыхъ были поучительныя картины“, инструменты, модели изъ кунсткамеры, „съ объясненіемъ посредствомъ разговора“. Въ своемъ отчетѣ „объ учебныхъ занятіяхъ“, хвастливый Штелинъ не удовольствовался цѣлою таблицею съ номенклатурою различныхъ предметовъ, пройденныхъ съ великимъ княземъ, и прибавилъ указанія, по которымъ легко судить какъ изучались предметы. Вотъ выдержка изъ этихъ указаній:

---

[1]) Mémoires, 5. — [2]) *Архивъ Сената*, кн. 106, л. 241. — [3]) *Штелинъ*, 79.

„Старались извлечь пользу изъ каждаго случая, какъ, напримѣръ, на *охотѣ* просматривали книги объ охотѣ съ картинками; при *плафонахъ* объяснены мифологическія метаморфозы; при *кукольныхъ* машинахъ объясненъ механизмъ и всѣ уловки фокусниковъ; при *пожарѣ* показаны всѣ орудія и ихъ композиціи; при *министерскихъ аудіенціяхъ* объяснено церемоніальное право дворовъ; на *прогулкѣ по городу* показано устройство полиціи, въ особенности пожарной“[1]) и т. п. Очевидно: это были не уроки, а своего рода развлеченія, при чемъ даже не старались пріучить къ труду, тѣмъ менѣе къ самостоятельнымъ занятіямъ. Его не пріохотили даже къ чтенію книгъ — онъ не любилъ читать и никогда ничего не читалъ.

Какъ въ Килѣ, такъ и въ Петербургѣ обращали преимущественно вниманіе на танцы. Въ Голштиніи его заставляли „играть въ кадрилью“ съ дочерью г-жи Брокдорфъ, такъ что ребенокъ говаривалъ: „я увѣренъ, что они хотятъ сдѣлать меня профессоромъ кадрильи, а другого ничего мнѣ знать не надобно“; въ Россіи ему надоѣдали уроками французскаго танцмейстера Лоде, ради угожденія Елизаветѣ Петровнѣ: „Сама императрица, говоритъ Штелинъ, была отличная и прекраснѣйшая танцовщица изъ всего двора. Всѣ старались хорошо танцовать, поэтому и принцъ долженъ былъ выправлять свои ноги, хотя онъ и не имѣлъ къ тому охоты. Четыре раза въ недѣлю мучилъ его этотъ Лоде, и если онъ послѣ обѣда являлся съ своимъ скрипачемъ Гайя, то его высочество долженъ былъ бросать все и идти танцовать. Это доходило до балетовъ. Принцъ долженъ былъ съ фрейлинами танцовать на придворныхъ маскерадахъ“.

Такъ учили Петра Θедоровича; какъ его воспитывали?

Ему не было и трехъ мѣсяцевъ, когда умерла мать. Отецъ не обращалъ вниманія на сына: молодой, 28-лѣтній вдовецъ, и при жизни жены не отличавшійся особеннымъ пристрастіемъ къ семейному очагу[2]), онъ теперь всецѣло

---

[1]) *Штелинъ*, 115.

[2]) Герцогиня Анна Петровна писала изъ Киля цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ: „Доношу вамъ, что герцогъ да Маврушка извло-

посвятилъ себя казармѣ, проводя все время въ выправкѣ солдатъ. Единственно, что онъ передалъ сыну, была „несчастная страсть къ военщинѣ“[1]). По разсказамъ Петра Ѳедоровича, „замѣчательнѣйшій день въ его жизни былъ для него тотъ, въ который, на девятомъ году возраста, онъ произведенъ изъ унтеръ-офицеровъ въ секундъ-лейтенанты. Тогда при дворѣ съ возможною пышностью праздновали день рожденія герцога и былъ большой обѣдъ. Маленькій принцъ въ чинѣ сержанта стоялъ на часахъ вмѣстѣ съ другимъ взрослымъ сержантомъ, у дверей въ столовую залу. Такъ какъ онъ на этотъ разъ долженъ былъ смотрѣть на обѣдъ, въ которомъ обыкновенно участвовалъ, то у него часто текли слюнки. Герцогъ глядѣлъ на него смѣясь и указывалъ нѣкоторымъ изъ сидѣвшихъ съ нимъ вмѣстѣ. Когда подали второе блюдо, онъ велѣлъ смѣнить маленькаго унтеръ-офицера, поздравилъ его лейтенантомъ и позволилъ ему занять мѣсто за столомъ, по его новому чину. Въ радости отъ такого неожиданнаго повышенія онъ почти ничего не могъ ѣсть“[2]).

Это было въ 1738 г.; въ 1739-мъ умеръ отецъ. Опекуномъ принца и администраторомъ Голштиніи сталъ дядя герцога, принцъ Адольфъ-Фридрихъ голштейнъ-готторпскій, родной братъ матери Екатерины II. Подобно отцу, и дядя нисколько не заботился о воспитаніи малолѣтняго герцога. Онъ поручилъ его оберъ-гофмаршалу Брюммеру[3]). Трудно было сдѣлать болѣе неудачный выборъ. Это былъ злой интригантъ, круглый невѣжда и безстыд-

---

чились: ни одного дня дома не сидятъ, все водной каретѣ ѣздятъ либо въ гости, или въ комедію“ (*Госуд. Архивъ*, IV, 18; *Соловьевъ*, XIX, 373, 43). *Мавруша* т. е. Мавра Егоровна Шепелева. О письмахъ ея къ Елизаветѣ Петровнѣ см. выше, стр. 14, прим. 1.

[1]) Die unglückliche militärische Neigung. *Helbig*, I, 21. — [2]) *Штелинъ*, 69. — [3]) И оберъ-камергеру Берхгольцу, но лишь номинально, и Берхгольцъ не принималъ никакого участія въ воспитаніи принца. Это тотъ Фридрихъ Вильгельмъ Берхгольцъ, 1699—1766, который составилъ „Дневникъ“, представляющій весьма важный матеріалъ для русской исторіи съ 1721 по 1725 г. Дневникъ изданъ *Büsching*, XIX—XXII; переведенъ на русскій языкъ *Аммономъ*, въ Москвѣ, въ 1863 г.

ный развратникъ, находившійся подъ башмакомъ у нѣкоей г-жи Брокдорфъ, игравшей извѣстную роль въ голштинской администраціи. Какъ кавалеристъ, онъ славился своею верховою ѣздою, и французскій учитель Миле говоритъ, что Брюммеръ способенъ выѣзжать лошадей, а не воспитывать принца. Брюммеръ даже не присутствовалъ при урокахъ герцога, находя, что за то ничтожное вознагражденіе, которое онъ получаетъ, нельзя и требовать, чтобы онъ, подобно воспитателямъ другихъ принцевъ, посвящалъ герцогу столько времени. Его вліяніе на юнаго герцога было чрезвычайно вредно и въ физическомъ, и въ моральномъ отношеніи. Это сознавали всѣ, видѣвшіе плоды воспитательныхъ заботъ Брюммера, не только на своего воспитанника, но позднѣе и на императрицу, прибѣгали къ вздорнымъ сплетнямъ[1]).

Принцъ Карлъ-Петръ былъ ребенокъ хилый, болѣзненный. Между тѣмъ, по прихоти Брюммера, „ребенокъ часто долженъ былъ дожидаться кушанья до двухъ часовъ пополудни, и съ голоду охотно ѣлъ сухой хлѣбъ, а когда пріѣдетъ Брюммеръ и получитъ дурные отзывы учителей, то начинаетъ грозить строгими наказаніями послѣ обѣда, отъ чего ребенокъ сидѣлъ за столомъ ни живъ, ни мертвъ, и оттого послѣ обѣда подвергался головной боли и рвотѣ желчью“[2]). Въ видѣ наказанія, слабаго ребенка оставляли безъ обѣда. Незадолго до отъѣзда въ Россію, въ то время какъ придворные кавалеры обѣдали, молодой герцогъ, съ нарисованнымъ осломъ на шеѣ и съ розгою въ

---

[1]) Parmi les ministres il y en a deux qui ont toute la direction et tout le crédit auprès de la Czarine et qui gouvernent prèsque déspotiquement toutes les affaires du Duc: le premier, qui s'apelle Brummer, est le père du jeune Duc, et à présent du nombre des favoris de la Czarine, aprês l'avoir été de la soeur ainée, Duchesse de Holstein et mère du jeune Duc, dont il est actüellement le gouverneur et comme le dictateur pour toute la conduite de cette petite cour. Il avait été recommandé en termes peu communs par la mère du Duc à la Czarine d'aujourd'hui; le second s'apelle Holmes etc. Депеша *Дальона* отъ 6 ноября 1742 года. (*Парижс. Архивъ*, Russie, vol. 41, f. 273). О близкихъ отношеніяхъ Брюммера къ Аннѣ Петровнѣ упоминаетъ и *Гредорфъ*, въ депешѣ отъ 30 марта 1742 года (*Herrmann*, Hof, 286).

[2]) *Соловьевъ*, XXII, 86.

рукахъ, смотрѣлъ на обѣдъ изъ своей спальни, двери въ которую были отворены. Другія наказанія были не лучше и дурно вліяли на физическій ростъ ребенка — стояніе голыми колѣнями на горохѣ, такъ что „колѣни краснѣли и распухали",[1]), привязываніе къ столу, сѣченіе розгами и хлыстомъ. Въ то время какъ маленькая Фике рѣзвилась съ своими сверстницами въ городскомъ саду Штетина, ея будущаго супруга держали точно за карауломъ, такъ что и въ прекрасную лѣтнюю погоду едва позволяли имѣть движеніе на свѣжемъ воздухѣ, а вмѣсто того заставляли бывать два раза въ недѣлю на вечерахъ съ шести часовъ; въ лѣтніе же дни, вмѣсто прогулокъ, заставляли играть въ кадрилью съ дочерью г-жи Брокдорфъ. День былъ распредѣленъ такъ: до 6-ти часовъ принца заставляли учиться, отъ 6-ти до 8-ми играть въ кадрилью, въ 8 ч. вечера ужинать и послѣ ужина спать[2]).

На физическое развитіе ребенка не обращали никакого вниманія, даже вредили ему[3]). То же, къ сожалѣнію,

---

[1]) *Штелинъ*, 69. — [2]) *Соловьевъ*, XXII, 86.

[3]) Русскій посланникъ при датскомъ дворѣ Корфъ привезъ изъ Киля, въ 1745 г., записку неизвѣстнаго лица о дурномъ воспитаніи принца въ Голштиніи. Въ запискѣ этой, составленной врагомъ Брюммера, много чрезвычайно важныхъ указаній, но есть, безъ сомнѣнія, и преувлеченія. Запискою можно пользоваться лишь съ большою осторожностію. Въ ней, напр., совершенно вѣрно замѣчено, что Брюммеръ „не питалъ къ принцу ни малѣйшей любви", но это подтверждается болѣе чѣмъ сомнительнымъ обращеніемъ его къ воспитаннику въ слѣдующихъ словахъ: „Я васъ такъ велю сѣчь, что собаки кровь лизать будутъ; какъ бы я былъ радъ, еслибъ вы сейчасъ же издохли". Къ числу совершенно невѣроятныхъ разсказовъ мы относимъ и слѣдующій: „Однажды въ ассамблеѣ, когда герцогъ разговаривалъ съ камергеромъ Брокдорфомъ, неизвѣстно какимъ образомъ подкатилось къ его ногамъ яблоко. Герцогъ, большой охотникъ до фруктовъ, взялъ яблоко и положилъ въ карманъ. Брокдорфу яблоко показалось подозрительнымъ и онъ почти силою вынулъ его изъ кармана герцога. Яблоко разрѣзали — оно оказалось чернымъ внутри; дали его съѣсть свиньямъ — свиньи издохли. Ясно, что отрава, но Брюммеръ постарался затушить это дѣло". *Соловьевъ*, XXII, 88; *Брикнеръ*, 23; *Marche*, 4, 5; *Rulhière*, 17, отзывается съ похвалою о воспитателяхъ великаго князя, не называя Брюммера.

должно сказать и относительно моральнаго: съ нимъ обращались грубо, унижали его, подавляли въ немъ чувство собственнаго достоинства, раздражали его и, что хуже всего, съ нимъ поступали несправедливо.

Когда принцу было не болѣе 10—11-ти лѣтъ, его заставляли держать себя взрослымъ человѣкомъ, для чего его стѣсняли и принуждали казаться больше своихъ лѣтъ. Эта постоянная принужденность, фальшивость имѣла вліяніе и на его характеръ[1]). Его нерѣдко оскорбляли совершенно безвинно. Сохранился такой разсказъ: „Молодой человѣкъ, по имени Тиренъ, родственникъ г-жи Брокдорфъ, напился пьянъ во время ярмарки. Юный герцогъ, найдя знаки его пьянства въ ассамблейной залѣ, сказалъ его родственницѣ, фрейлинѣ Блюменъ, дочери Брокдорфъ, чтобъ она уговорила Тирена уйти домой. Фрейлина отвѣчала герцогу, что онъ не смѣетъ ей приказывать, не смѣетъ ни кого высылать вонъ — все это принадлежитъ оберъ-гофмаршалу, которому она и будетъ жаловаться. Молодой герцогъ обратился къ одной знатной дамѣ, г-жѣ Боркгорстъ, съ просьбою сходить къ г-жѣ Брокдорфъ и потребовать, чтобы она сдѣлала выговоръ своей дочери, а въ случаѣ несогласія сказать ей, чтобы она и дочь ея впредь не являлись при дворѣ. Боркгорстъ исполнила порученіе, но Брокдорфъ, вмѣсто выговора своей дочери, пожаловалась Брюммеру и тотъ приговорилъ наказать молодого герцога хлыстомъ, а послѣ наказанія заставить его просить прощенія у г-жи Брокдорфъ“[2]).

Даже и въ Россіи, уже съ великимъ княземъ, Брюммеръ обращался „большею частью презрительно и деспотически. Отъ этого часто между ними происходили сильныя стычки. Великій князь, защищая себя противъ его, иногда несправедливыхъ и неприличныхъ, выговоровъ, привыкъ къ искусству ловко возражать и къ вспыльчивости“. Въ настоящее время трудно повѣрить, до чего обострились отношенія между воспитателемъ и воспитанникомъ. Приведемъ сцену, бывшую въ Петергофѣ, въ

---

[1]) *Mémoires*, 5. — [2]) *Соловьевъ*, XXII, 88.

1744 году, въ присутствіи оберъ-камергера Бергхольца и профессора Штелина:

„Однажды ссора дошла до того, что Брюммеръ вскочилъ и, сжавъ кулаки, бросился къ великому князю, чтобы его ударить. Профессоръ Штелинъ бросился между ними съ простертыми руками и отстранилъ ударъ, а великій князь упалъ на софу, но тотчасъ опять вскочилъ и побѣжалъ къ окну, чтобы позвать на помощь гренадеровъ

гвардіи, стоящихъ на часахъ. Профессоръ удержалъ его и представилъ великому князю всѣ непріятности, которыя могутъ отъ этого произойти; но г. оберъ-гофмаршалу, который, въ своемъ бѣшенствѣ, стоялъ, совершенно пораженный, профессоръ сказалъ: „Поздравляю ваше сіятельство, что вы не нанесли удара его высочеству, и что крикъ его не раздался изъ окна. Я не желалъ бы быть свидѣтелемъ, какъ бьютъ великаго князя, объявленнаго наслѣдникомъ россійскаго престола". Между тѣмъ его высочество убѣжалъ въ свою спальню, возвратился оттуда со шпагою въ рукѣ и сказалъ оберъ-гофмаршалу: „Эта ваша выходка должна быть послѣднею: въ первый разъ, какъ только вы осмѣлитесь поднять на меня руку, я васъ проколю насквозь вотъ этою шпагою. Замѣтьте это себѣ, и скажите, если угодно, ея величеству, а не то — я самъ скажу". Ни графъ Брюммеръ, ни оберъ-камергеръ Бергхольцъ не сказали ни слова. Профессоръ постарался успокоить его высочество, и получилъ отъ него обѣщаніе забыть все это происшествіе, и никому объ немъ не говорить"[1]).

Не трудно было предвидѣть, какіе получатся результаты отъ подобнаго воспитанія. Всегда находившійся въ раздраженномъ состояніи, принужденный постоянно ка-

---

[1]) *Штелинъ*, 81. Въ депешѣ саксонскаго резидента *Пецольда*, отъ 15 декабря 1742 г., разсказывается, между прочимъ, будто еще въ Килѣ принцъ угрожалъ пустить Брюммеру пулю въ лобъ (*Сборникъ*, VI, 465). Это извѣстіе не заслуживаетъ, конечно, довѣрія, такъ какъ Петръ Θеодоровичъ только въ Россіи научился стрѣлять (*Штелинъ*, 80) и объ угрозѣ пулею ничего не разсказывалъ Штелину; но оно рисуетъ взглядъ современниковъ на отношенія герцога къ Брюммеру.

заться не тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, стѣсненный на каждомъ шагу, Петръ Ѳедоровичъ, отъ природы слабый здоровьемъ, не вынесъ такой пытки: онъ сталъ вспыльчивъ, фальшивъ, любилъ хвастать, пріучился лгать. „Онъ часто разсказывалъ, что, будучи лейтенантомъ, онъ съ отрядомъ голштинцевъ разбилъ отрядъ датчанъ и обратилъ ихъ въ бѣгство. Объ этомъ событіи, прибавляетъ Штелинъ, не могъ разсказать мнѣ ни одинъ изъ голштинцевъ, которые находились при немъ съ малолѣтства"[1]). Самъ разскачикъ вѣрилъ своей выдумкѣ, варьировалъ ее на всѣ лады. Екатерина II тоже слышала этотъ разсказъ, но въ слѣдующей обстановкѣ: „Первая ложь, выдуманная великимъ княземъ, была составлена ради хвастовства передъ молодыми дамами и дѣвицами, которымъ онъ, разсчитывая на ихъ незнаніе, разсказывалъ, будто бы отецъ поручилъ ему начальство надъ гвардейскимъ отрядомъ и послалъ его овладѣть таборомъ цыганъ, бродившихъ вокругъ Киля и совершавшихъ, какъ онъ говорилъ, страшныя опустошенія. Онъ передавалъ подробности этихъ опустошеній, разсказывалъ какія онъ употреблялъ хитрости, чтобъ окружить цыганъ, какъ онъ вступалъ нѣсколько разъ съ ними въ бой, какія чудеса ловкости и храбрости онъ выказывалъ въ этихъ битвахъ, послѣ чего онъ плѣнилъ ихъ и привелъ въ Киль. Сперва онъ былъ остороженъ на столько, что разсказывалъ все это только людямъ, незнакомымъ съ его прошлымъ; но, мало по малу становясь смѣлѣе, онъ началъ разсказывать это всѣмъ, на скромность которыхъ могъ положиться, что они не изоблачатъ его во лжи. Когда же онъ разсказалъ эту басню въ моемъ присутствіи, я спросила его: за сколько лѣтъ до смерти отца это случилось? Не задумываясь, онъ отвѣчалъ: „Года за три или за четыре". — „Ну, сказала я, молодымъ же начали вы совершать геройскіе подвиги: за три или за четыре года до смерти вашего отца-герцога, вамъ было всего шесть или семь лѣтъ, такъ какъ по его смерти вы остались одиннадцати лѣтъ, подъ опекою моего дяди, наслѣднаго принца шведскаго. И что меня осо-

---

1) *Штелинъ*, 111.

бенно удивляетъ, прибавила я, что вашъ отецъ, имѣя въ васъ единственнаго сына, къ тому же слабаго здоровьемъ, посылалъ васъ, шести или семилѣтняго ребенка, воевать противъ какихъ-то разбойниковъ". Великій князь страшно разозлился на меня и сказалъ, что я желаю ославить его лжецомъ и уронить во мнѣніи свѣта. Я отвѣчала, что не я, а календарь изобличаетъ его. Онъ замолчалъ: но вскорѣ все это забылось, и онъ опять началъ, даже въ моемъ присутствіи, разсказывать эту басню, варьируя ее на всѣ лады"[1]).

Петръ Ѳедоровичъ вышелъ изъ воспитательнаго возраста капризнымъ, неразвитымъ ребенкомъ. Онъ былъ страшный трусъ и потому рисовался своею храбростью; любилъ лакейское общество съ его грязными, чувственными инстинктами и тяготился всякою серьезною мыслью; былъ жестокъ съ людьми, наслаждался мученіемъ животныхъ и по цѣлымъ часамъ игралъ съ оловянными солдатиками, которыхъ онъ разставлялъ, съ лакеями, съ карликомъ Андреемъ, съ егеремъ Бастіаномъ и съ прочею челядью.

Впечатлѣніе, произведенное русскимъ великимъ княземъ на цербстскую принцессу, очень мѣтко опредѣлено въ „Запискахъ императрицы Екатерины II". Петръ Ѳедоровичъ былъ очень радъ пріѣзду принцессы Софіи. Оба они были молоды: ему было 16 лѣтъ, ей — 15-ть; они были троюродные братъ и сестра. Между молодыми людьми скоро завязалась дружба, выражавшаяся, прежде всего, въ довѣрчивомъ обмѣнѣ мыслей, намѣреній, желаній. Великій князь обрадовался возможности болтать о чемъ ему вздумается, повѣрять свои тайны, не спрашивая предварительно позволенія ни у Брюммера, ни у Штелина. Изъ этой болтовни принцесса Софія скоро замѣтила, что великій князь, хотя и старше ея годомъ, былъ все же большой еще ребенокъ[2]).

---

[1]) *Mémoires*, 271. Въ этомъ случаѣ разсказъ Екатерины II вполнѣ подтверждается несомнѣннымъ свидѣтельствомъ Штелина, только что приведеннымъ. Ср. *Дашкова*, 40. — [2]) Il était fort enfant. *Mémoires*, 10. Это сказывалось и во внѣшности: He locks very puny and he is not taller at fourteen, than the generality of children, not remarkably low, are of ten. Депеша *Финча* отъ 6 февр. 1742 г. (*Лондон. Архивъ*, Russia, № 40.

IX.

„C'est une affaire faite", писала цербстская княгиня своему мужу черезъ девять же дней по пріѣздѣ въ Москву. Дѣйствительно, принцесса Софія всѣмъ понравилась, всѣ ее полюбили. Она, кажется, еще въ дорогѣ свыклась съ мыслью, что ѣдетъ въ страну, которая должна стать вторымъ ея отечествомъ и, тотчасъ же по пріѣздѣ въ Москву, стала употреблять всѣ усилія, чтобъ быть достойною той судьбы, какую ей готовили.

Принцесса Софія поняла, что, прежде всего, ей необходимо стать православною и усвоить русскій языкъ, словомъ, сдѣлаться русскою, насколько это возможно для нѣмки[1]). Ей назначили тѣхъ же учителей, которые были у великаго князя: Ададурова — для русскаго языка, Симона Тодорскаго — для православнаго Закона Божія. Русская азбука того времени была трудна, склады — вдвое, даже для русскихъ; каково же для нѣмки? Принцесса съ увлеченіемъ начала учиться русскому языку и, чтобъ лучше вытвердить урокъ Ададурова, вставала по ночамъ и учила склады: буки-азъ — ба, вѣди-азъ — ва и т. д. Вставая съ постели, когда всѣ спали, принцесса, не обуваясь, босая, безъ чулокъ, ходила по холодному полу, и простудилась.

Еще 29-го февраля, въ письмѣ къ отцу, принцесса Софія извѣщала, что „совершенно здорова"[2]), 3-го марта она провожала императрицу, отправлявшуюся въ троицкій

---

[1]) Депеша Герсдорфа отъ 16-го марта 1744 года, см. *Herrmann*, Hof, 289. — [2]) *Сборникъ*, VII, 3.

походъ, а во вторникъ, 6-го марта, одѣваясь, чтобъ идти обѣдать на половину великаго князя, почувствовала ознобъ и должна была лечь въ постель[1]). „Когда мать возвратилась отъ обѣда — пишетъ Екатерина въ своихъ „Запискахъ“ — она нашла меня почти въ безпамятствѣ, въ жару, съ невыносимою болью въ боку. Она вообразила, что у меня начинается оспа, послала за докторами и хотѣла, чтобъ они лечили меня отъ оспы. Доктора нашли, что мнѣ необходимо пустить кровь; мать ни за что не соглашалась на это и говорила, что ея братъ умеръ въ Россіи отъ оспы только вслѣдствіе кровопусканія и что она вовсе не желаетъ, чтобъ то же случилось со мною. Доктора и приближенные великаго князя, который не имѣлъ оспы, отправили къ императрицѣ подробный докладъ о положеніи дѣла, а я лежала въ постели, окруженная матерью и докторами, спорившими о моей болѣзни, въ безпамятствѣ, въ лихорадкѣ и съ болью въ боку, заставлявшею меня стонать, за что мать бранила меня, требуя, чтобъ я терпѣливо сносила боль. Наконецъ, въ пятницу, вечеромъ, въ 7 часовъ, на пятый день моей болѣзни, императрица возвратилась изъ троицкаго монастыря. Она прямо изъ кареты прошла въ мою комнату и нашла меня въ безпамятствѣ. Въ свитѣ ея находился графъ

---

[1]) Время заболѣванія опредѣляется не по указаніямъ „Записокъ“ Екатерины: le cinquième jour de ma maladie l'Impératrice revint du couvent de Troitza (p. 12). Въ 1744 г. Елизавета Петровна дѣлала три похода въ троицкій монастырь: съ 3-го по 9-е марта, съ 19-го по 21-е іюля и съ 8-го по 9-е декабря. Принцесса заболѣла во время перваго похода, и такъ какъ императрица возвратилась 9-го марта (*Камерфур. журналъ* за 1744 г.), то „пятый день“ до возвращенія будетъ 4-е марта, между тѣмъ въ офиціальномъ объявленіи прямо сказано, что принцесса захворала 6-го марта (*Спб. Вѣдом.* за 1744 г. № 25). Въ „Запискахъ“, составленныхъ значительно позже, только въ рѣдкихъ случаяхъ дата указана вѣрно. Такъ и въ данномъ случаѣ, разсказъ о болѣзни начинается словами: „на *девятый* день по моемъ пріѣздѣ въ Москву, въ субботу, императрица отправилась въ Троицкій монастырь“ (p. 10); 3-е марта, дѣйствительно, было въ субботу, но на *двадцать третій* день по пріѣздѣ. Равнымъ образомъ, 9-е марта, день возвращенія императрицы, была пятница, а не суббота (p. 11).

Лестокъ и еще одинъ хирургъ; выслушавъ мнѣнія докторовъ, она сѣла у моего изголовья и велѣла пустить мнѣ кровь. Какъ только потекла кровь, я пришла въ себя и, открывъ глаза, увидѣла себя на рукахъ императрицы, которая приподнимала меня. Въ теченіе 27 дней я оставалась между жизнью и смертью; въ это время мнѣ пускали кровь шестнадцать разъ, иногда по четыре раза въ сутки. Мою мать почти не пускали въ мою комнату — она по прежнему была противъ этихъ кровопусканій и громко говорила, что меня уморятъ ими. Между тѣмъ, она уже убѣдилась, что у меня не будетъ оспы. Наконецъ, нарывъ въ правомъ боку прорвался, благодаря стараніямъ доктора Санхеса, португальца. Меня встошнило и съ тѣхъ поръ я начала поправляться"[1]).

Нѣсколько иначе разсказанъ ходъ болѣзни принцессы Софіи въ письмѣ ея матери къ мужу: „Императрица, только-что возвратившаяся изъ путешествія въ близлежащій троицкій монастырь, приняла большое участіе въ больной, присоединила къ лейбъ-медику великаго князя Боергаве, племяннику знаменитаго голландскаго врача, своего личнаго медика Санхеса и, вопреки протеста матери, приказала пустить кровь, причемъ сама держала принцессу въ своихъ объятіяхъ и богато одарила больную за ея терпѣливость — рана была прикрыта брильянтовымъ ожерельемъ на шею[2]) и дорогими серьгами съ привѣсками, цѣною до 20,000 рублей[3]); а великій князь подарилъ часы, осыпанные рубинами и брильянтами, стоящія отъ трехъ до четырехъ тысячъ рублей. Однако, польза отъ кровопусканія была не велика — положеніе больной все ухудшалось; врачи ожидали появленія оспы, но, наконецъ, было открыто присутствіе внутренняго нарыва, который былъ излеченъ самою натурою, такъ что больная, при хорошемъ уходѣ, благодаря своему здоровому сложенію, скоро оправилась отъ болѣзни, которую доктора припи-

---

[1]) *Mémoires*, 11. — [2]) Въ Депешѣ *Шетарди* къ статсъ-секретарю Амело, отъ 15-го марта: „Царица подарила молодой принцессѣ бантъ да серьги великой цѣны" (*Арх. кн. Воронцова*, I, 530). — [3]) Отъ 50 до 60 тысячъ по оцѣнкѣ „*Спб. Вѣдомостей*" за 1744 г. № 25.

сываютъ единственно воспаленію крови, вызванному труднымъ переѣздомъ"[1]).

Въ официальномъ объявленіи о болѣзни принцессы, составленномъ, вѣроятно, самими врачами, пользовавшими ее, сказано, что принцесса Софія занемогла 6-го марта „лихорадкой отъ флюса"; вскорѣ флюсъ, однако, измѣнился въ „опасный ревматизмъ съ одышкой" и только „чрезъ частое пусканіе крови" опасность миновала. 19-го марта былъ опаснѣйшій день, но больная „много мокроты выкинула". Кризисъ миновалъ счастливо. 27-го марта принцессѣ было гораздо легче. 20-го апрѣля она въ первый разъ вышла изъ комнаты[2]).

Быть можетъ, спеціалисты сумѣютъ примирить эти противорѣчивыя извѣстія и точно опредѣлить болѣзнь принцессы Софіи[3]); для насъ важенъ самый фактъ болѣзни, въ чемъ бы она ни состояла. Эта болѣзнь точнѣе опредѣлила взаимное положеніе лицъ и ярче обрисовала ихъ характеры.

Принцесса Софія стяжала во время этой болѣзни общую любовь и окончательно привязала къ себѣ сердца всѣхъ окружающихъ. Уже самая причина болѣзни — усиленное изученіе русскаго языка — рисовала ее всѣмъ русскимъ въ чрезвычайно привлекательномъ свѣтѣ; но во время болѣзни случилось обстоятельство еще болѣе важное, окончательно упрочившее положеніе принцессы Софіи. Вотъ какъ Екатерина II разсказываетъ это обстоятельство:

---

1) *Siebigk*, 48. — 2) Выдержки изъ довольно рѣдкихъ теперь „Спб. Вѣдомостей" за 1744 г., напечатаны въ *Осмнадц. Вѣкѣ*, I, 423.

3) Едва ли не вѣрнѣе всѣхъ опредѣлилъ болѣзнь англійскій посланникъ *Вичъ* въ депешѣ къ лорду Гаррингтону отъ 31-го марта: The young princess of Zerpst has been very dangerously ill of a peripneumony or inflammation in the lungs; and the seventeenth day of her sickness she was without hopes, when hn impostume broke in her breat, which gave her immediate ease, and she is now in a fair way of recovery (*Лондон. Архивъ*, Russia № 45). Въ депешѣ *Шетарди* къ Амело, отъ 15-го марта: c'est une peripneumonie formée au dire de medecins" (*Парижс. Архивъ*, Russie, vol. 44), что дешифровано было такъ: „апостема въ грудяхъ" (*Арх. кн. Воронцова*, I, 530). Отзывъ австрійскаго резидента Гогенгольца, въ депешахъ отъ 23-го марта и 9-го апрѣля 1744 г. см. Приложеніе I, 2 и 3.

„Когда мнѣ было очень худо, мать моя пожелала, чтобъ ко мнѣ былъ допущенъ лютеранскій пасторъ[1]). Мнѣ разсказывали позже, что когда я пришла въ себя, то мнѣ передали это предложеніе и что я отвѣчала: „Это зачѣмъ? позовите лучше Симона Тодорскаго — съ этимъ я охотно побесѣдую". Его призвали, и онъ бесѣдовалъ со мною, въ присутствіи всѣхъ, такъ что всѣ остались довольны. Это чрезвычайно помогло мнѣ въ глазахъ императрицы и всего двора"[2]).

Если принцесса Софія желала угодить императрицѣ, если она рѣшилась занять извѣстное положеніе въ Россіи и, прежде всего, въ придворномъ кругу, она не могла избрать лучшаго средства. Ее уже любили; теперь ею стали дорожить. „Императрица часто плачетъ обо мнѣ", говоритъ Екатерина въ своихъ „Запискахъ". „Великій князь былъ въ отчаяніи во время болѣзни прицессы"[3]), пишетъ княгиня мужу. Это замѣтила и сама принцесса: „Великій князь и всѣ приближенные принимали большое участіе въ моемъ положеніи"[4]).

---

[1]) Этотъ совѣтъ былъ внушенъ княгинѣ, вѣроятно, самимъ пасторомъ. Княгиня Іоганна-Елизавета вовсе не была „отчаянною" лютеранкою, подобно своему супругу, и въ то время была занята совершенно другими интересами. Если она, въ одномъ изъ писемъ къ князю, упоминаетъ, что императрица предоставила ей мѣсто въ лютеранской церкви, то единственно изъ желанія угодить мужу — ей всегда было-бы мѣсто въ церкви и безъ вмѣшательства императрицы (*Siebigk*, 50). Ея заботливости о спасеніи души своей дочери трудно повѣрить, зная, какъ она вела себя во время болѣзни.

[2]) Mémoires, 12. Княгиня, конечно, не могла упомянуть объ урокахъ по Закону Божію и, какъ увидимъ, обманывала мужа; *Штелинъ* вовсе не упоминаетъ о болѣзни принцессы Софіи. Этотъ эпизодъ вполнѣ объясняется личностію законоучителя. Архимандритъ ипатіевскаго монастыря, близъ Костромы, Симонъ Тодорскій штудировалъ въ Галле, долго жилъ за границей, былъ человѣкъ образованный и вѣротерпимый. Благодаря его урокамъ, принцесса Софія скоро пришла къ убѣжденію, что между православіемъ и лютеранствомъ нѣтъ существеннаго различія; даже княгиня-мать находила, что онъ преимущественно прилежалъ къ лютеранскому вѣроисповѣданію (il s'est préférablement appliqué à la réligion luthérienne) — зачѣмъ же было звать какого-то пастора, а не назначеннаго императрицей законоучителя? — [3]) Le Grand Duc a été au desespoir pendent que la jeune personne estoit mal. *Siebigk*, 50. — [4]) *Mémoires*, 14.

Во время болѣзни дочери опредѣлилось и положеніе матери. Ея крики противъ кровопусканія, спасшаго, по мнѣнію всѣхъ, принцессу, все поведеніе княгини за это время уронило ее въ общемъ мнѣніи. Не довѣряя матери, императрица поручила больную графинѣ Румянцевой[1]). Болѣе же всего повредила княгинѣ ея любовь къ нарядамъ. „Около Пасхи — разсказываетъ Екатерина — однимъ утромъ, мать прислала свою камерфрау сказать мнѣ, чтобы я уступила ей матерію голубую съ серебромъ, которую братъ отца подарилъ мнѣ передъ нашимъ отъѣздомъ въ Россію, зная, что эта матерія очень мнѣ нравилась. Я велѣла сказать матери, что она вольна взять ее, но что я очень люблю эту матерію, почему дядя и подарилъ ее мнѣ. Окружавшіе меня, видя, что я отдаю матерію противъ воли, послѣ того, что такъ долго была при смерти больна и лишь нѣсколько дней какъ стала поправляться, стали говорить между собою, что со стороны моей матери слишкомъ неблагоразумно причинять малѣйшее неудовольствіе умирающему ребенку, что не только отнимать у меня матерію, ей не слѣдовало бы даже заикаться объ ней. Все это было пересказано императрицѣ, которая тотчасъ же прислала мнѣ много кусковъ дорогихъ и великолѣпныхъ матерій и, между прочимъ, одну голубую съ серебромъ; но императрица осталась недовольна моею матерью. Ее обвиняли, что она не заботится обо мнѣ и не питаетъ ко мнѣ ни малѣйшей нѣжности“[2]). Въ 1744 г. свѣтлое вокресенье приходилось 25-го марта; 19-го марта былъ „опаснѣйшій день болѣзни“, и описанная сцена происходила, слѣдовательно, вскорѣ послѣ кризиса.

Зорко, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за ходомъ болѣзни двѣ противныя партіи — франко-прусская, приписывавшая себѣ устройство брака цербстской принцессы съ великимъ князе́мъ, и австро-саксонская, неуспѣвшая провести свое предложеніе саксонской принцессы, не смотря на поддержку вице-канцлера Бестужева-Рюмина.

---

[1]) *Mémoires*, 12. Депеша лорда *Тиравли* лорду Картерету, отъ 6-го іюня: lady Romanzow, who has attended on the princess of Zerbst as a honour (*Лондон. Архивъ*, Russia, № 45). — [2]) *Mémoires*, 13.

Шетарди, Мардефельдъ, Лестокъ, Брюммеръ, всѣ противники русскаго вице-канцлера, возлагали большія надежды на помощь цербстской княгини. При ея помощи надѣялись они свергнуть Бестужева-Рюмина, втянуть Россію въ интересы Пруссіи, заключить четверной союзъ — Россіи, Пруссіи, Швеціи и Франціи. Они надѣялись, казалось, не напрасно. Княгиня скоро обворожила императрицу. „Unglaublich wie sie geffalen", сообщаетъ Мардефельдъ Фридриху II спустя недѣлю по пріѣздѣ княгини въ Москву[1]). „Добросердечіе императрицы къ государынѣ Цербстской всякаго мгновенія ока вновь оказывается", пишетъ Шетарди спустя нѣсколько дней[2]). Что же будетъ если принцесса Софія умретъ? Княгиня, ея мать, потеряетъ всякое значеніе въ глазахъ императрицы, должна будетъ покинуть Россію и возвратиться въ Цербстъ. Всѣ происки, всѣ козни сразу рухнутъ; придется все начинать сначала. Не спускала глазъ съ постели больной и противная партія. Саксонскій посланникъ Герсдорфъ, все еще не получившій офиціальнаго отказа относительно предложенія саксонской принцессы, видѣлъ въ болѣзни цербстской принцессы какъ-бы помощь свыше: умретъ Софія, поднимутся шансы Маріи-Анны. Саксонское предложеніе обставлено уже довольно соблазнительнымъ для Россіи условіемъ — принцесса принесетъ, въ видѣ приданаго, герцогство Курляндское[3]), которое будетъ присоединено къ Россіи.

Вмѣшательство представителей иностранныхъ державъ и вообще иностранцевъ въ русскія дѣла достигло въ это время крайнихъ предѣловъ. Въ XVIII стол. подобное вмѣшательство было въ порядкѣ вещей и практиковалось во всей Европѣ; въ Россіи же, со смерти Петра I, оно приняло довольно опасные размѣры, отчасти благодаря ряду женщинъ, занимавшихъ русскій престолъ. Елизавета

---

[1]) Отъ 16 февраля. *Pol. Corr.*, III, 62; *Droysen*, V, II, 217. — [2]) Отъ 23 февраля. *Арх. кн. Воронцова*, I, 522.

[3]) Въ депешѣ *Мардефельда* отъ 6-го февр. 1744 г. (*Droysen*, У, 2, 216). Фридрихъ II въ рескриптѣ отъ 17-го февраля отвѣчалъ: Je trouve bien plaisant que la cour de Saxe ait donné ordre à son ministre d'offrir la Courlande qui ne lui appartient pas. *Pol. Corr.*, III, 34.

Петровна, многимъ обязанная Шетарди, Лестоку и другимъ чужеземцамъ, естественно подчинялась ихъ указаніямъ. Дерзость чужестранцевъ дошла въ это время до того, что какой-нибудь Брюммеръ даетъ слово за Елизавету Петровну, что она „къ Австріи не пристанетъ“ [1]), и этому слову вѣрятъ, съ нимъ считаются. Нужна была сильная воля и твердая рука, чтобы положить конецъ такому неприличному вмѣшательству чужеземцевъ въ русскія дѣла. Можно-ли ожидать этого отъ Елизаветы Петровны? Оказалось, что можно, если около нея находится такой совѣтникъ, какъ графъ Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что выборъ цербстской принцессы въ невѣсты великому князю, сдѣланный тайно отъ всѣхъ, произвелъ на вице-канцлера непріятное впечатлѣніе; но этотъ выборъ сдѣланъ самою императрицею, и умный Бестужевъ-Рюминъ вполнѣ подчинился ему. Онъ не былъ противъ принцессы Софіи, будущей великой княгини; онъ былъ противъ тѣхъ интригъ, которыя вела ея мать, цербстская княгиня. Всѣ разсказы о противодѣйствіи его „цербстскому“ браку измышлены его личными врагами, барономъ Мардефельдомъ и Маркизомъ Шетарди. Бестужевъ-Рюминъ импонировалъ своимъ лойяльнымъ поведеніемъ, своимъ строго законнымъ образомъ дѣйствій, а между тѣмъ Шетарди сообщаетъ статсъ-секретарю Амело, будто „вице-канцлеръ, въ первой своей оказанной и прибытіемъ принцессы Цербстской причиненной ярости, такъ себя позабылъ, что сказалъ: увидимъ-де мы, могутъ-ли такія брачныя сочетанія, не совѣтовавъ съ нами большими господами сего государства, заключены быть“ [2]).

---

1) *Pol. Corr.*, III, 62, 68.

2) Il faut voir si de semblables mariages peuvent se faire sans nous consulter nous autres grands de l'Empire (*Парижс. Архивъ*, Russie, vol. 44, въ депешѣ отъ 23-го февраля 1774 г.; ср. *Архивъ кн. Воронцова*, I, 509). Сообщникъ Шетарди, *Мардефельдъ* писалъ королю: Le mariage du Grand Duc avec la jeune Princesse de Zerbst a été un coup de foudre pour les saxons. Le vice-chancelier Bestuchef choqué et piqué au vif de la venue de la Princesse a dit dernièrement: Man will den Grossfürsten verheirathen, ohne dass Wir Grosse Russe es wissen. Die Sache ist noch nicht so richtig, es muss vorher mit der Geistlich-

Теперь, по случаю болѣзни принцессы Софіи, Мардефельдъ писалъ въ Берлинъ, будто Бестужевъ-Рюминъ „открыто" ликовалъ, увѣренный, что принцесса скоро умретъ[1]). Болѣзнь принцессы, вызывая извѣстныя надежды въ саксонской партіи, могла, конечно, радовать саксонскихъ министровъ[2]); но изъ того, что Бестужевъ-Рюминъ стоялъ за саксонскій проектъ, было бы слишкомъ смѣло заключать, что и онъ ликовалъ по случаю болѣзни цербстской принцессы.

Эта болѣзнь обезпокоила Фридриха II. Едва получивъ первое извѣстіе, прусскій король шлетъ письмо за письмомъ[3]): требуетъ отъ Мардефельда точныхъ свѣдѣній о ходѣ болѣзни, утѣшаетъ цербстскую княгиню-мать, безпокоится о рецидивѣ и желаетъ возможно скорѣе получить вѣсть о полномъ выздоровленіи принцессы. Что радовало саксонцевъ, то безпокоило прусаковъ — это понятно.

Радость саксонцевъ не имѣла, кажется, основанія. „Какое бы сей болѣзни окончаніе не было, пишетъ Шетарди, однакожъ изъ того нѣкоторая польза произойдетъ, по меньшей же мѣрѣ Царица при семъ случаѣ прямыя Саксонцевъ и ихъ сообщниковъ сентименты усмотрѣла, которые пакостнымъ ихъ при семъ случаѣ поступкомъ весьма себя уже открыли. Правдажъ, что и Царица имѣющагося своего за то гнѣва не скрыла же, ибо третьяго дни господину Бримеру и Лестоку она говорила, что

---

keit darüber gesprochen werden. Mais il ignore que le clergé l'a déjà approuvé. *Schlözer*, 44. Какъ Шетарди, такъ и Мардефельдъ могли передавать подобныя сообщенія только по слухамъ, какъ сплетню: они были въ Петербургѣ, а Бестужевъ-Рюминъ въ Москвѣ; невозможно предположить, чтобы вице-канцлеръ высказался подобнымъ образомъ въ присутствіи кого-либо изъ противной партіи; наконецъ, приписываемыя ему слова противорѣчатъ всему поведенію вице-канцлера.

[1]) *Pol. Corr.*, III, 191. — [2]) La joie que les ministres saxons on fait paraître au sujet de la maladie de la Princesse . . . *Pol. Corr.*, III, 95, *Гогенгольцъ*, въ депешѣ отъ 9-го апрѣля 1744 г., высказываетъ предположеніе, что полное выздоровленіе принцессы едва-ли возможно, см. Приложеніе I, 3. — [3]) *Pol. Corr.*, III, 94, 95, 105, 106.

они тѣмъ ничего не выиграютъ, а ежелибъ она такое дражайшее дитя потерять несчастіе имѣла, то она діаволомъ клялася (le diable m'en porte), что саксонской принцессы однакожъ никогда не возметъ"[1]).

Не въ лучшемъ свѣтѣ обрисовались и сторонники цербстскаго проекта. Вотъ что пишетъ Шетарди о Брюммерѣ и о себѣ: „Господинъ Бримеръ мнѣ въ конфиденціи открылъ, что въ случаѣ бѣдственной крайности, которой опасаться и предусматривать надлежитъ, онъ пути уже пріуготовилъ, и что молодая принцесса Дармштатская прекрасная собою, и которую король Прусской представлялъ, въ случаѣ когда-бъ принцесса Цербстская успѣха не получила, всѣмъ другимъ принцессамъ предпочтена была-бъ. Однакожъ прибѣжище къ такому способу не малымъ нещастіемъ быть имѣлобъ, и мы въ томъ многобъ потеряли, въ разсужденіи того мнѣнія и удостовѣренія, которое принцессы Цербстскія, мать и дочь, обо мнѣ имѣютъ, что я въ будущемъ ихъ благополучіи, которое имъ пріуготовляется, вспомоществовалъ"[2]). Хороши оба: Брюммеръ сочинялъ уже письмо герцогинѣ дармштатской, столь же, конечно, льстивое и фальшивое, какое онъ, три мѣсяца назадъ, писалъ княгинѣ цербстской; Шетарди сожалѣетъ лишь о томъ, что ему не удастся пожать плоды двойного обмана — и матери, и дочери.

Принцесса Софія разрушила всѣ эти надежды, планы, ликованія и печалованія. Въ понедѣльникъ на страстной недѣли былъ кризисъ, и со вторника святой, съ 27-го марта, принцесса стала замѣтно поправляться. Великій князь началъ теперь проводить всѣ вечера у выздоравливающей, развлекая ее играми, балтовнею, выказывая къ ней большую нѣжность. На ѳоминой недѣлѣ императрица подарила принцессѣ Софіи богатую, осыпанную брильянтами табакерку. Около этого же времени Елизавета Петровна съ большимъ, чисто женскимъ тактомъ, отерла невольную слезу, скатывавшуюся съ ея глазъ при взглядѣ на сестру ея несчастнаго жениха — она подарила

---

[1]) Въ депешѣ къ статсъ-секретарю Амело, отъ 15 марта. *Арх. князя Воронцова*, I, 530). — [2]) *Ibid.*

княгинѣ драгоцѣнный перстень, „стоющій по меньшей мѣрѣ тысячу талеровъ“, причемъ сказала, что „такъ какъ перстень этотъ былъ предназначенъ ея жениху, епископу Эйтинскому, брату княгини, который умеръ до обрученія, то она даритъ его сестрѣ его, чтобы еще разъ скрѣпить ихъ союзъ“[1]).

Въ апрѣлѣ принцесса Софія встала съ постели[2]), но не выходила изъ комнаты. Въ пятницу, 20-го апрѣля, она впервые „публично кушала“[3]), т. е. къ столу, сервированному въ покояхъ принцессы, были допущены нѣкоторые изъ придворныхъ особъ. Даже 21-го апрѣля, въ день своего рожденія, принцесса принимала поздравленія на своей же половинѣ, гдѣ состоялся въ этотъ день парадный обѣдъ „на 40 персонъ“ и балъ[4]), на который впервые были приглашены „иностранные министры“. Это былъ не только первый ея балъ, но первое появленіе въ публикѣ. „Полагаю, сознается Екатерина II, что публика не очень-то любовалась мною. Я сдѣлалась худа, какъ скелетъ; я выросла, но мое лицо и всѣ черты удлиннились, волосы вылѣзли и на лицѣ была смертельная блѣдность. Я сама видѣла, что могу пугать своимъ безобразіемъ; я сама себя не узнавала. Императрица прислала мнѣ въ этотъ день банку румянъ и приказала нарумяниться“[5]).

Весна, ранняя, теплая, помогала выздоровленію. Силы принцессы замѣтно крѣпли съ каждымъ днемъ. Начались опять занятія съ Симономъ Тодорскимъ, съ Ададуровымъ; возобновились танцы съ балетмейстеромъ Лоде. Все утро, почти весь день проходили въ урокахъ, на которыхъ при-

---

[1]) *Siebigk*, 50; *Штелинъ*, 87. — [2]) Хотя 27-го марта принцессѣ было „гораздо легче“ (*Спб. Вѣдомости* 1744 г. № 28), но еще 29-го марта, при „трактованіи конной гвардіи“, за большимъ столомъ присутствовала княгиня Іоганна-Елезавета, а о принцессѣ не упомянуто въ Камеръ-фурьерскомъ журналѣ. — [3]) *Спб. Вѣдомости* за 1744 годъ, № 35. — [4]) Депеша Шетарди, отъ 26 апрѣля (*Арх. кн. Воронцова*, I, 542). — [5]) *Mémoires*, 14. Этихъ подробностей нѣтъ въ письмахъ княгини къ мужу. Вмѣсто того, корысто-любивая княгиня упоминаетъ о подаркахъ, полученныхъ ею въ день рожденія дочери *Siebigk*, 51.

сутствовала одна только графиня Румянцева. Мать, въ это время, проводила цѣлые часы въ манежѣ, гдѣ училась ѣздить верхомъ: какъ только стаялъ снѣгъ и солнце просушило дороги, императрица, страстная наѣздница, начала свои любимыя прогулки верхомъ; княгиня, „изъ уваженія и въ угожденіе столь великой монархинѣ, должна была тоже учиться верховой ѣздѣ“[1]). Великій князь, пользуясь хорошей погодой, ежедневно отправлялся на прогулки по городу и въ окрестности Москвы; только къ обѣду или къ ужину приходилъ онъ на половину принцессы Софіи, причемъ „пускался въ ребяческія откровенности“. Екатерина припомнила позже одну изъ такихъ ребяческихъ откровенностей: „Между прочимъ, онъ говорилъ мнѣ, что болѣе всего ему нравится во мнѣ то, что я его троюродная сестра и что со мною, какъ родственницею, онъ можетъ болтать совершенно откровенно. Вслѣдъ за этимъ онъ сказалъ мнѣ, что былъ влюбленъ въ одну изъ фрейлинъ императрицы, удаленной отъ двора послѣ несчастія съ ея матерью, госпожею Лопухиною, которая была сослана въ Сибирь, что хотѣлъ жениться на ней, но готовъ жениться и на мнѣ, уступая желанію своей тетки. Я краснѣла, слушая эти родственныя откровенія, и благодарила его за преждевременное довѣріе“[2]).

Въ это время принцесса Софія и великій князь давно уже были невѣстою и женихомъ. Еще въ началѣ марта, незадолго до болѣзни принцессы Софіи, императрица, въ дружеской бесѣдѣ съ цербстской княгиней, сообщила ей о своихъ видахъ на ея дочь. Но оффиціально ничего еще объявлено не было, такъ какъ для этого требовалось согласіе отца принцессы. Только 1-го мая маіоръ Веселовскій повезъ въ Цербстъ письмо Елизаветы Петровны, въ которомъ императрица, воздавая похвалу необыкновеннымъ качествамъ (ausnehmende Qualitäten) принцессы Софіи, проситъ Христіана-Августа благословить свою дочь на бракъ съ великимъ княземъ и дать свое согласіе на переходъ ея въ лоно греческой церкви[3]). Отвѣтъ на это письмо

---

[1]) Княгиня должна „aus respect und Gehorsahm Für der so Grossen Monarchin Noch auf ihre Alten Tage“ (ей не было еще и 32 лѣтъ) учиться верховой ѣздѣ. *Siebigk*, 51. — [2]) *Mémoires*, 10. — [3]) *Siebigk*, 162.

не былъ еще полученъ, но въ согласіи отца никто не сомнѣвался; молодые люди привыкли уже считать себя женихомъ и невѣстою и, какъ видно, вели по этому поводу дѣтски-откровенныя бесѣды.

Пока женихъ откровенничаетъ подобнымъ образомъ съ своею невѣстою, свита великаго князя бесѣдуетъ и любезничаетъ съ его будущею тещею. У княгини, по вечерамъ, собиралось большое общество. Она очень подружилась съ домомъ Трубецкихъ, особенно же съ принцессою Гессенъ-Гомбургскою и съ И. И. Бецкимъ; ее часто навѣщали Лестокъ, Мардефельдъ, чаще другихъ — маркизъ де-ла Шетарди, графъ Брюммеръ. Памятуя завѣтъ отца — in keine Regierungs Sachen zu entriren — принцесса Софія, играя и болтая съ великимъ княземъ, ни мало не интересовалась разговорами „старшихъ", она не любопытствовала даже узнать о чемъ они говорятъ. Между тѣмъ, эти собранія у княгини „не нравились тѣмъ, которые не принимали въ нихъ участія и, между прочимъ, графу Бестужеву".

О чемъ же разговаривали въ салонахъ цербстской княгини? Почему эти разговоры не нравились вице-канцлеру?

X.

Императрица Елизавета Петровна, вступая на престолъ, дала обѣтъ: каждый разъ, когда она будетъ въ Москвѣ, посѣщать пѣшкомъ троицко-сергіеву обитель, въ которой ея отецъ, Петръ I, основатель императорскаго трона, нашелъ вѣрное убѣжище во время стрѣлецкаго бунта. Во исполненіе обѣта, императрица и въ 1744 году выступила въ троицкій походъ 1-го іюня, въ 8 часовъ вечера. Ее сопровождалъ великій князь и небольшая свита изъ наиболѣе близкихъ лицъ. Только-что оправившаяся отъ тяжкой болѣзни принцесса Софія не могла сопутствовать императрицѣ. Спустя три дня, изъ свиты императрицы прискакалъ офицеръ лейбъ-гвардіи и передалъ распоряженіе Елизаветы Петровны: принцесса Софія съ матерью должны пріѣхать въ экипажахъ на послѣдній переходъ, въ Клементьевскую Слободу, чтобъ присутствовать при торжественномъ входѣ императрицы во святую обитель.

Никогда еще принцесса Софія не видѣла ничего подобнаго. Ее поражало и подвижничество православнаго благочестія рядомъ съ выставкою азіатской пышности, и изможденные постомъ ряды монаховъ, смѣняющіеся блестящимъ строемъ лейбъ-кампанцевъ, и звонъ колоколовъ съ пѣніемъ молитвъ, незаглушавшіе шума отъ царскаго обоза, растянувшагося на версту; поразилъ ее и архимандритъ Арсеній Могилянскій, въ полномъ облаченіи, съ келаремъ и казначеемъ, со всѣмъ соборомъ вышедшій навстрѣчу императрицѣ. Все было ново, картинно; все плѣняло глазъ, очаровывало.

Принцессѣ и ея матери отвели въ „царскихъ кельяхъ" особые покои, рядомъ съ помѣщеніемъ великаго князя. Не успѣла принцесса осмотрѣться въ новомъ помѣщеніи, ознакомиться съ особенностями окружавшаго ее монастырскаго міра, какъ случилось событіе, навсегда врѣзавшееся въ ея памяти. „Послѣ обѣда, разсказываетъ она, когда великій князь пришелъ къ намъ въ комнату, неожиданно вошла императрица и приказала моей матушкѣ слѣдовать за нею въ другую комнату. Графъ Лестокъ также прошелъ туда. Мы съ великимъ княземъ усѣлись на окно въ ожиданіи матери и болтали. Бесѣда въ сосѣдней комнатѣ продолжалась долго. Наконецъ, показался графъ Лестокъ; проходя мимо и замѣтивъ, что мы весело хохочемъ, онъ приблизился къ намъ и сказалъ: „Эта великая радость скоро окончится"; обращаясь же ко мнѣ, онъ прибавилъ: „Вамъ остается только укладываться; вы немедленно отправитесь въ путь и вернетесь въ свой домъ". Великій князь пожелалъ узнать, что все это значитъ; Лестокъ отвѣчалъ: „Узнаете послѣ", и вышелъ исполнять данное ему порученіе. Мы съ великимъ княземъ стали гадать, что бы это могло значить. Онъ сказалъ: „Но если и виновата, то ваша матушка, а не вы". Я ему отвѣчала: „Мой долгъ слѣдовать за матушкой и исполнять, что она прикажетъ" [1]). Наконецъ, дверь сосѣдней ком-

---

[1]) Далѣе слѣдуетъ: Je vis clairement qu'il m'aurait quitté sans regret. Pour moi, vu ses dispositions, il m'était à peu près indifferent; mais la couronne de Russie ne me l'était pas (p. 16). Какая корона? Императрица Елизавета была тогда во цвѣтѣ лѣтъ — ей не было еще и 35 лѣтъ; великій князь Петръ Ѳедоровичъ былъ юношей, всего лишь годомъ старше самой принцессы. О какой же коронѣ могла мечтать цербстская принцесса въ іюнѣ 1744 года? Здѣсь, очевидно, послѣдующіе факты вспоминаются для оправданія предшествовавшихъ имъ рѣшеній. Между тѣмъ, этой именно фразѣ о коронѣ придаютъ особенное значеніе, забывая, что эта фраза была написана лѣтъ сорокъ спустя, если не болѣе, и для характеристики принцессы Софіи служить не можетъ. *Sybel,* Kleine hist. Schriften, I, 153; Katharina II und ihre Denkwürdigkeiten (*Hist. Zeit*, V, 96); *Брюкнеръ*, 216; *Соловьевъ* не приводитъ этого мѣста (XXI, 334); *Дирииъ* буквально повторяетъ Соловьева, фальшиво ссылаясь на *Mémoires* (стр. 92).

наты открылась; императрица вышла вся красная и съ разгнѣваннымъ видомъ; за нею слѣдовала моя мать съ красными, заплаканными глазами. При видѣ императрицы мы торопились соскочить съ довольно высокаго окошка, на которомъ сидѣли. Это разсмѣшило императрицу; она подошла къ намъ, обоихъ поцѣловала и вышла изъ комнаты. Когда она удалилась, мы отчасти узнали, въ чемъ было дѣло“.

Дѣло было въ томъ, что цербстской княгинѣ не по плечу была борьба съ вице-канцлеромъ Бестужевымъ-Рюминымъ.

Мать принцессы Софіи покинула Цербстъ единственно для того, чтобъ устроить судьбу своей дочери бракомъ съ наслѣдникомъ русскаго престола. Во время переѣзда изъ Цербста въ Москву цѣль эта значительно усложнилась: въ Берлинѣ, при свиданіи съ королемъ Фридрихомъ II, и въ Петербургѣ, при переговорахъ съ маркизомъ де-ла Шетарди, цербстская княгиня приняла на себя такія обязательства, истинный смыслъ которыхъ ей, какъ оказалось, былъ вовсе неизвѣстенъ. Какъ женщина легкомысленная и довольно пустая, способная скорѣе къ мелкой сплетнѣ, чѣмъ къ политической интригѣ, она пріѣхала въ Москву съ убѣжденіемъ, что необходимо свергнуть вице-канцлера Бестужева-Рюмина, на котораго она смотрѣла глазами берлинскаго и версальскаго дворовъ и въ которомъ видѣла врага своей дочери, не болѣе. За лицами княгиня не замѣчала принциповъ. Графъ Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ былъ представителемъ новой Россіи; онъ олицетворялъ идеи Петра I, являлся исполнителемъ его завѣтовъ. Борьба шла не противъ вице-канцлера Елизаветы Петровны — на карту было поставлено все развитіе Россіи какъ европейской державы; вопросъ шелъ объ обращеніи петровской Россіи въ московскую Русь, о замѣнѣ императорскаго штандарта великокняжескимъ стягомъ. Вотъ въ чемъ былъ заключенъ секретъ той политической интриги, которая началась еще при Аннѣ Леопольдовнѣ, помогла Елизаветѣ Петровнѣ взойти на престолъ, велась уже четыре года и разразилась той сце-

ной въ троицко-сергіевой пустынѣ, которую описала Екатерина II и которая была только прологомъ драмы.

Въ депешѣ отъ 21-го апрѣля 1741 г. Шетарди увѣрялъ свое министерство, что „если принцессѣ Елизаветѣ будетъ проложена дорога къ трону, то можно быть нравственно убѣжденнымъ, что претерпѣнное ею прежде, также какъ и любовь ея къ своему народу, побудятъ ее къ удаленію иноземцевъ и къ совершенной довѣрчивости къ русскимъ. Уступая склонности своей, а также и народа, она немедленно переѣдетъ въ Москву; хозяйственныя занятія, къ которымъ склонны знатные русскіе, побудятъ послѣднихъ тѣмъ болѣе обратиться къ нимъ, что они уже лишены этого съ давнихъ временъ; морскія силы будутъ пренебрежены, и Россію увидятъ постепенно обращающуюся къ старинѣ, которую Долгорукіе во времена Петра II и позже Волынскій желали возстановить и которая существовала до Петра I . . . Елизавета должна будетъ относительно Швеціи не только возвратить Ливонію, Эстонію, Ингрію и Карелію, но даже покинуть Петербургъ“. Отъ 16-го іюня того же 1741 г.: „Если Елизавета будетъ на тронѣ, то старинные принципы, любезные Россіи, одержутъ, вѣроятно, верхъ. Быть можетъ — и весьма было бы желательно не обмануться въ этомъ — въ царствованіе Елизаветы, при ея лѣтахъ, старина настолько успѣетъ укорениться, что голштинскій принцъ, ея племянникъ, всосетъ ее и привыкнетъ къ ней въ такой степени, что когда наслѣдуетъ корону, то будетъ въ совершенномъ невѣдѣніи о другихъ началахъ“ [1]). Относительно настроенія русскаго общества то же мнѣніе высказывалъ и англійскій посланникъ Финчъ, въ депешѣ отъ 21-го іюня 1741 г.: „Большая часть дворянъ — закоренѣлые русскіе; только принужденіе и насиліе могутъ воспрепятствовать имъ возвратиться къ ихъ стариннымъ обычаямъ. Между ними нѣтъ ни одного, который не желалъ бы видѣть Петербургъ провалившимся на дно морское, а всѣ завоеванныя у Швеціи провинціи отошедшими къ чорту, лишь бы только имѣть возможность возвратиться въ Москву,

---

[1]) *Пекарскій*, 244, 247, 271.

гдѣ, вблизи своихъ помѣстій, они могли бы жить съ наибольшею роскошью и съ меньшими издержками. Они вовсе не хотятъ имѣть дѣла съ Европою и ненавидятъ иноземцевъ“ [1]).

При извѣстіи о восшествіи Елизаветы Петровны на престолъ, французскій статсъ-секретарь Амело писалъ Кастеллану, въ Вѣну: „Совершившійся въ Россіи переворотъ знаменуетъ послѣдній предѣлъ величія Россіи. Такъ какъ новая императрица намѣрена не назначать иностранцевъ на высшія должности, то Россія, предоставленная самой себѣ, неминуемо обратится въ свое прежнее ничтожество“ [2]). Не въ такой рѣзкой формѣ, но то же убѣжденіе высказываетъ и прусскій король Фридрихъ II: основываясь на „сибаритскихъ наклонностяхъ императрицы“, онъ надѣялся, что съ переѣздомъ въ Москву для коронаціи русскій дворъ „потеряетъ изъ виду Петербургъ и Европу“ [3]).

Вотъ основная цѣль — обратить Россію въ „прежнее ничтожество“, заставить ее „потерять изъ виду Европу“, отказаться отъ Петербурга; одно изъ средствъ для достиженія этой цѣли, первое на очереди — свергнуть Бестужева-Рюмина. Почему? Потому, что всѣ эти расчеты были сдѣланы, по любимому выраженію Екатерины II, „безъ хозяина“. Слова нѣтъ, хозяинъ вовсе не былъ приготовленъ для государственной дѣятельности; конечно, Елизавета Петровна не любила заниматься „серьезными дѣлами“; но не подлежитъ также сомнѣнію, что она, ставъ императрицей, не рѣшала важныхъ дѣлъ безъ своихъ совѣтниковъ, главнымъ же совѣтникомъ по иностраннымъ дѣламъ былъ вице-канцлеръ Бестужевъ-Рюминъ, о котораго разбивались всѣ расчеты прусскаго и французскаго дворовъ. Если, слѣдовательно, желательно достичь главной цѣли — удалить Россію отъ Европы — то необходимо, прежде всего, устранить Бестужева-Рюмина.

Второй уже разъ маркизъ де-ла Шетарди посѣщаетъ Россію. Въ первый пріѣздъ, въ качествѣ французскаго

---

[1]) *Лондон. Архивъ*, Russia, № 37. — [2]) *Vandal*, 171. — [3]) *Pol. Corr.*, II, 47.

посланника, онъ содѣйствовалъ восшествію Елизаветы Петровны на престолъ; во второй его задача была гораздо скромнѣе — „ссадить" Бестужева-Рюмина съ занимаемаго имъ мѣста вице-канцлера. Неужели онъ не успѣетъ?

Высокаго роста, красивый, остроумный, въ высшей степени любезный, Шетарди плѣнилъ даже черстваго Фридриха II: „c'est du bonbon pour nous", говорилъ онъ, услышавъ о скоромъ пріѣздѣ маркиза въ Берлинъ. Ему не было и 36 лѣтъ, когда вся Европа узнала объ участіи его въ переворотѣ, доставившемъ русскій престолъ дочери Петра I; на него указывали уже какъ на образцоваго дипломата, его называли „искуснымъ негоціаторомъ изъ политической академіи". Между тѣмъ, это былъ пустой человѣкъ, самонадѣянный, какъ всѣ невѣжды, заносчивый до надоѣдливости. Въ 1742 г., передъ вторымъ его появленіемъ въ Россіи, одна герцогиня писала о немъ: „Я нахожу маркиза Шетарди довольно разсудительнымъ для француза. Онъ уклончивъ, вѣжливъ, краснорѣчивъ, всегда говоритъ изящно и изысканно. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ показался мнѣ похожимъ на старый рейнвеинъ: вино это никогда не теряетъ усвоеннаго имъ отъ почвы вкуса и въ то же время, по отзыву пьющихъ его въ извѣстномъ количествѣ, отягощаетъ голову и потомъ надоѣдаетъ. То же самое и съ Шетарди: у него бездна пріятныхъ и прекрасныхъ качествъ, но чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе чувствуешь, что къ нимъ примѣшана частица той заносчивости, которая никогда не покидаетъ француза, какого ни былъ бы онъ званія и возраста"[1]). Неужели такой человѣкъ можетъ одержать верхъ надъ Бестужевымъ?

Въ концѣ 1743 года, маркизъ Шетарди прибылъ въ Россію съ двумя кредитивными грамотами: въ одной Елизавета Петровна титуловалась Sa Majesté Impériale, въ другой императорскій титулъ былъ опущенъ. Онъ предпочелъ не предоставлять ни одной изъ нихъ и жить въ Петербургѣ частнымъ человѣкомъ — французскимъ дворяниномъ, лично извѣстнымъ императрицѣ. Онъ предпо-

---

[1]) О личности и жизни Шетарди, см. въ предисловіи къ „Маркизъ Шетарди въ Россіи", *Пекарскаго*, Спб. 1862.

лагалъ вести переговоры прямо съ Елизаветой Петровной, видѣться съ нею, бесѣдовать, безъ всякаго посредства коллегіи иностранныхъ дѣлъ, помимо вице-канцлера. Онъ понималъ, что это невозможно, что именно такое положеніе обратитъ на него особенное вниманіе вице-канцлера, и поэтому торопился подготовить „сверженіе" Бестужева-Рюмина, чтобы въ послѣдній моментъ, какъ сильнѣйшій аргументъ, представить кредитивныя граматы съ императорскимъ титуломъ и изъ частнаго лица обратиться въ офиціальнаго представителя французскаго двора. Эта легкомысленная комедія „съ переодѣваніемъ" не удалась. Бестужевъ зналъ намѣренія Шетарди, о которыхъ французскій маркизъ говорилъ еще въ Гамбургѣ, Копенгагенѣ, Стокгольмѣ[1]), проѣздомъ въ Россію, и принялъ свои мѣры.

Благодаря „особливому искусству и неусыпнымъ трудамъ" Гольдбаха, чиновника коллегіи иностранныхъ дѣлъ, вся переписка Шетарди тщательно перлюстровалась, причемъ были разобраны почти всѣ французскіе шифры. Нѣмецъ Гольдбахъ былъ виртуозъ въ искусствѣ перлюстраціи: распечатаетъ письмо, прочтетъ, если нужно спишетъ и дешифрируетъ, а между тѣмъ „ни кувертъ не поврежденъ, ни на подлинномъ цыфирные пассажи литерами не выписаны"[2]).

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, Шетарди замѣтилъ, что его письма распечатываютъ и читаютъ. „Подлинно, пишетъ онъ статсъ-секретарю Амело, безъ всякаго стыда и предосторожности нынѣ здѣсь всѣ письма распечатываютъ. Оное я могъ узнать по всѣмъ тѣмъ пись-

---

[1]) La nécessité ou M-r. Bestucheff a été de se soutenir par les cours de Vienne et de Londres contre les efforts qu'il est persuadé que le parti affectionné à la France a fait pour le déplacer, et dont il a cru ne devoir pas douter sur le rapport de quelques discours que l'on a prétendu que le marquis de la Chetardie avait tenu publiquement sur son compte à son passage à Stokholm lors de son retour en Russie. M, de *St. Savoeur* au comte Maurepas, de 9 février 1748 (*Парижс. Архивъ*, Russie, Supplem. № 7, carton 1748). О такихъ же рѣчахъ Шетарди въ Гамбургѣ и Копенгагенѣ см. *Манштейнъ*, 292.

[2]) *Арх. кн. Воронцова*, I, 619.

мамъ, кои я получилъ, и ежели *также усмотрится*, что и мои печати повреждены, то въ такомъ случаѣ его величество могъ бы мнѣ повелѣть о томъ жалобы произнесть; можетъ быть, что оное что нибудь поможетъ, ибо трудно, чтобъ какой либо Дворъ повторительныхъ о подобномъ дѣлѣ представленій въ разсужденіе не принялъ, и господинъ Мардефельдъ уже предъ нѣсколькими недѣлями отъ короля своего государя указъ получилъ о томъ весьма серьезнымъ образомъ представлять, чего для къ нему нѣкоторыя печати его ковертовъ обратно присланы, въ доказательство тому, еже онъ предъявлять имѣлъ"[1]).

Конечно, „также усмотрѣлось", и Бестужевъ поднесъ императрицѣ съ полсотни перлюстрованныхъ писемъ[2]), по которымъ ему не трудно было доказать, что Шетарди виновенъ не только въ составленіи „ругатель-

---

[1]) Депеша отъ 20 декабря 1743 г. (*Парижс. Архивъ*, vol. 43, f. 137; ср. *Арх. кн. Воронцова*, I, 472).

[2]) Эти депеши и письма *Шетарди*, дешифрованныя Гольдбахомъ, напечатаны въ „Архивѣ князя Воронцова" подъ заглавіемъ „Дѣло о маркизѣ Шетарди и объ его высылкѣ изъ Россіи" (I, 455—628). По сравненію ихъ съ подлинниками, хранящимися въ парижскомъ государственномъ архивѣ (Russie, vol. 44), оказывается: *вопервыхъ*, далеко не всѣ депеши были перехвачены и дешифрованы; такъ, напр., депеша отъ 17-го (28-го) мая 1744 г. вовсе не была извѣстна Бестужеву-Рюмину и сдѣланная на подлинникѣ помѣтка: „cette lettre a été interceptée par les ministres russes; mais M. de la Chetardie en a envoyé un duplicata" не соотвѣтствуетъ истинѣ — письмо не было получено въ Парижѣ, очевидно, по другимъ причинамъ и вѣроятнѣе всего, по ненадежности способа пересылки, что сознавалъ и самъ Шетарди, отправляя дубликатъ; *вовторыхъ*, не смотря на искусство Гольдбаха, депеши дешифровались довольно неискусно, причемъ встрѣчаются замѣчанія, въ родѣ: „здѣсь одинъ пассажъ весьма невнятный находится" (485), „значится нѣкакой городъ, котораго еще съ цыфръ разобрать не можно было" (497) и т. п., между тѣмъ какъ въ подлинникахъ пассажъ оказывается „весьма внятнымъ", а городъ — Брауншвейгомъ (Brunswick); наконецъ, *втретьихъ*, въ дешифрованныхъ депешахъ выбрасывались всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя не могли служить для той цѣли, ради которой письма перлюстровались, вслѣдствіе чего, при чтеніи депешъ въ „Архивѣ кн. Воронцова" получается впечатлѣніе, несоотвѣтствующее смыслу подлинныхъ депешъ, тѣмъ болѣе, что и самый переводъ депешъ не всегда вѣренъ.

ныхъ и предосудительныхъ реляцій", но, что хуже всего, въ „поношеніи освященныхъ государевыхъ персонъ качествъ и склонностей ихъ"[1]). Правду писала Екатерина II, что маркизъ Шетарди „на словахъ былъ гораздо скромнѣе, чѣмъ въ письмахъ, которыя были наполнены самою горькою желчью"[2]). Съ ужасомъ и негодованіемъ читала Елизавета Петровна эти перлюстраціи. Никогда еще императрица не выслушивала такихъ горькихъ истинъ: она легкомысленна, лѣнива и разсѣяна, она „пужается" всякаго серьезнаго дѣла и подписываетъ бумаги, не зная ихъ содержанія, она „единственно увеселеніямъ своимъ предана" и „совершенную омерзѣлость отъ дѣлъ" выказываетъ и т. п. Елизавета Петровна была оскорблена и какъ женщина за „услажденіе туалета четырежды или пятью на день повторенное"[3]).

---

[1]) Въ настоящее время вопросъ о высылкѣ маркиза Шетарди вполнѣ разъясненъ, благодаря обнародованію всѣхъ бумагъ, относящихся къ этому дѣлу, въ I-мъ томѣ „Архива кн. Воронцова", стр. 457—628. Не подлежитъ сомнѣнію, что эта высылка — дѣло вице-канцлера Бестужева-Рюмина. На этомъ вопросѣ можно убѣдиться еще разъ — еслибъ въ этомъ настояла надобность — какъ осторожно должно обращаться съ реляціями иностранныхъ посланниковъ. Англійскій посланникъ лордъ *Тираули*, къ тому же недавно прибывшій къ русскому двору, послалъ, 6-го же іюня, длинную депешу лорду Картерету, въ которой подробно говоритъ о высылкѣ Шетарди и прибавляетъ: J made now no secret of my share in this mater... the steps J have taken to expose this French Minister's conduct and have my part to lead things into the channel they have taken... when *we* trad opened the Empresses eyes upon his conduct и т. п. Все это, очевидно, ложь, и англійскій посланникъ до 6-го іюня и не думалъ о высылкѣ. (*Лондон. Архивъ*, Russia, № 45). — [2]) *Mémoires*, 16.

[3]) *Арх. кн. Воронцова*, I, 472, 473, 476, 482, 484, 504, 505, 535, 536, 553, 560, 564, 569. Въ депешахъ *Шетарди* нельзя указать ни одного отзыва объ „освященной государевой персонѣ", который не былъ бы повторяемъ и представителями другихъ дворовъ. Гораздо ранѣе Шетарди, англійскій посланникъ *Вичъ*, въ депешѣ отъ 16-го апрѣля 1743 г., писалъ: Her Imperial Majesty's attachement to her pleasures and her neglect of all foreign concerns make affairs move very slow and may occasion irreparable mischief (*Лондон. Архивъ*, Russia, № 43). Къ подобнымъ отзывамъ посланниковъ нельзя относиться серьезно — они вполнѣ зависятъ отъ успѣха или неудачи ихъ за-

Вмѣстѣ съ этими перлюстраціями вице-канцлеръ представилъ императрицѣ особый докладъ, въ которомъ онъ оцѣнивалъ поведеніе маркиза Шетарди и, въ заключеніе, предлагалъ: „велѣть ему, Шетардію, не заѣзжая никуда и ни съ кѣмъ не простясь, изъ города въ 24 часа, а изъ государства не занимая Петербурга, чрезъ Ригу, какъ скоро возможно выѣхать". Докладъ былъ утвержденъ, и 6 іюня маркизу Шетарди было объявлено особою деклараціею, что онъ, по высочайшему повелѣнію, высылается изъ Россіи; къ дому его былъ приставленъ караулъ[1]).

Изъ перлюстраціи депешъ Елизавета Петровна узнала, сверхъ того, о некрасивой роли прусскаго шпіона, добровольно принятой на себя матерью принцессы Софіи. Оказалось, что княгиня пересылалась письмами съ Фридрихомъ II, старалась нарушить добрыя отношенія императрицы къ Австріи, вела переговоры съ шведскимъ правительствомъ, работала въ пользу союза съ Пруссіею, подъ ея „кувертомъ" пересылались секретныя бумаги, она была придворнымъ, близкимъ къ императрицѣ агентомъ Шетарди и Мардефельда, интриговала противъ вице-канцлера, наконецъ, принимала извѣстное участіе въ судьбѣ браун-швейгской семьи[2]). Вотъ что было предметомъ разговора

мысловъ. Въ депешѣ отъ 11-го ноября 1745 г., о той же Елизаветѣ Петровнѣ англійскій посланникъ пишетъ: The Empress applies herself very assiduously to business, and as she has great penetration and abilities, I am persuaded etc. (*Лонд. Архивъ*, Russia, № 49).

[1]) *Манштейнъ*, 292; *Beauclaire*, 86. Въ парижскомъ архивѣ хранится рядъ неизданныхъ еще бумагъ, касающихся высылки маркиза Шетарди (Russie, vol. 45, f. 38, 45, 47, 56, 62 (protestation), 77, 145, 173. 207, 268, 300; vol. 46, f. 20, 159, 322).

[2]) *Архивъ кн. Воронцова*, I, 497, 498, 501, 540, 552, 567, 575, 579, 596. Подъ вліяніемъ Пруссіи княгиня видѣла большую опасность въ брауншвейгской семьѣ и высказывала свои опасенія императрицѣ, что особенно раздражало Елизавету Петровну. Мардефельдъ пишетъ королю, отъ 10-го марта 1744 г.: L'impératrice se fache qu'on lui fait envisager les dangers qu'elle court, obstinée à se croire bien affermie sur le trône (*Pol. Corr.* III, 17). Въ виду этого, прусскій посланникъ возлагалъ подобныя, раздражавшія императрицу, порученія на своего агента, княгиню цербстскую. Какъ видно, система

императрицы съ цербстской княгиней въ кельѣ троицко-сергіевой обители. Разговоръ былъ крупный: императрица вышла съ разгнѣваннымъ лицомъ, княгиня — съ заплаканными глазами. „Не знаю, пишетъ Екатерина, удалось-ли моей матери оправдаться предъ императрицею, но мы не уѣхали изъ Россіи, хотя съ моею матерью продолжали обращаться крайне недовѣрчиво и довольно холодно“[1]).

Эта холодность началась еще съ конца апрѣля. Императрица все рѣже посѣщаетъ цербстскую гостью въ ея аппартаментахъ и какъ бы избѣгаетъ встрѣчаться съ нею. Въ началѣ мая Шетарди извѣщалъ свой дворъ, что „принцессы Цербстскія нынѣ не меньше иныхъ того авантажа, дабы къ императрицѣ приближаться, лишены“[2]); въ концѣ мая, англійскій посланникъ видѣлъ уже княгиню въ слезахъ[3]). Лукавая княгиня, сообщавшая мужу всякія, даже мелкія подробности о своемъ пребываніи при русскомъ дворѣ, ни словомъ не обмолвилась о своемъ участіи въ планахъ Шетарди. Слезы ея, какъ подмѣченныя англійскимъ посланникомъ, такъ и видѣнныя ея дочерью, едва-ли были искренни; по крайней мѣрѣ, и послѣ высылки Шетарди, княгиня не перестала интриговать, продолжала роль прусскаго шпіона.

Мардефельдъ читалъ декларацію о высылкѣ Шетарди „закуся губу“. Онъ долженъ былъ теперь измѣнить свою тактику: вмѣсто четверного союза — Россіи, Пруссіи, Швеціи и Франціи, онъ предложилъ теперь тройной союзъ — Россіи, Пруссіи и Швеціи, въ надеждѣ, конечно, что Франція присоединится впослѣдствіи къ этому союзу. Это было крайне наивно и свидѣтельствовало, до какой степени прусскій посланникъ не понималъ Бестужева-Рюмина, полагая, что его такъ легко обмануть. Прусскій

запугиванія, обычно практикуемая съ слабыми коронованными головами, не имѣла успѣха у Елизаветы Петровны.

[1]) *Mémoires*, 17. Холодность эта объясняется сообщеніями *Гогенгольца*, въ депешѣ отъ 29 іюня 1744 г., см. Приложеніе I, 5. — [2]) Депеша отъ 10 мая (*Арх. кн. Воронцова*, I, 561).

[3]) Депеша лорда *Тираули* къ лорду Картерету, отъ 6-го іюня: The princess of Zerbst has been in tears for some days passt. (*Лондон. Архивъ*, Russia, № 45).

шпіонъ въ юбкѣ принялся, не смотря на недавнія слезы, за прежнюю роль: „цербстская княгиня побуждала Ея Императорское Величество заключить этотъ тройной союзъ, но императрица очень скоро заставила ее замолчать, сказавъ, что ей не къ лицу вмѣшиваться въ дѣла, которыя ее не касаются, причемъ императрица высказала желаніе, чтобъ это ея замѣчаніе послужило княгинѣ урокомъ на будущее время“[1]).

Ожидавшіе, что поведеніе матери отразится и на дочери[2]), ошиблись. Мы видѣли, какъ, въ троицко-сергіевой обители, императрица, доведя мать до слезъ, любовно цѣловала дочь. Отношенія великаго князя къ принцессѣ Софіи ясно указывали, что Елизавета Петровна ошибокъ матери не ставила въ вину дочери. Въ это время великій князь и принцесса Софія настолько уже подружились, что у нихъ образовался уже свой „языкъ влюбленныхъ“, тайну котораго они старательно скрывали, не замѣчая, конечно, что это былъ le secret de Polichinelle. Такъ какъ принцесса Софія много уже успѣла въ русскомъ языкѣ, то влюбленные условились провозглашать за обѣдомъ здоровье слѣдующею русскою фразою: „Дай Богъ, чтобы скорѣе сдѣлалось то, чего мы желаемъ“[3]), т. е. свадьба. Въ это время, принцесса Софія имѣла уже такое вліяніе

---

[1]) The princess of Zerbst had pressed Her Imp. Majesty to conclude this treaty, but the Empress had silenced her in a very short manner, by telling her, it looked very ill in her to meddle in things that did not concern her and the Empress desired that answer might be a lesson to her for the future. Депеша отъ 18-го іюня. (*Лонд. Архивъ*, Russia, № 45).

[2]) At present the Empress seems very weary of the Anhalt family. Депеша отъ 6-го іюня, (*Лонд. Архивъ*, № 45). — [3]) Памятна осталась эта фраза саксонскому посланнику барону *Герсдорфу*: хорошо понимая значеніе этой фразы, онъ, желая сдѣлать угодное великому князю, напомнилъ за обѣдомъ о необходимости „пить здоровье по-русски“; фраза была произнесена, но великій князь, обратясь къ посланнику, замѣтилъ, что еслибъ баронъ зналъ скрытый смыслъ фразы, онъ, конечно, измѣнилъ бы ее такъ: „Дай Богъ, чтобы скорѣе сдѣлалось то, чего мы не желаемъ“, намекая на противодѣйствіе саксонской партіи браку съ цербстскою принцессою. Депеша къ графу Брюлю, отъ 21-го іюня (*Арх. кн. Воронцова*, I, 625).

на великаго князя, что графъ Брюммеръ не разъ обращался къ ней съ жалобами на своего воспитанника и съ просьбою исправить великаго князя[1]). Конечно, такія отношенія между молодыми людьми могли установиться только свѣдома императрицы, съ ея согласія.

Императрица была недовольна матерью, но не дочерью. Въ глазахъ Елизаветы Петровны виновна была одна княгиня цербстская, и она получила полное воздаяніе за свои прегрѣшенія. Никогда еще судьба не насмѣхалась такъ зло надъ человѣческими расчетами: Шетарди желалъ „ссадить" Бестужева-Рюмина и самъ былъ высланъ подъ конвоемъ изъ Россіи; сторонники Пруссіи напрягали всѣ усилія, чтобъ отвлечь Россію отъ Австріи, и въ это именно время былъ заключенъ трактатъ съ Саксоніей, скрѣплявшій австро-русскій союзъ; княгиня цербстская стремилась повредить вице-канцлеру и 13-го же іюня поздравляла Бестужева-Рюмина, возведеннаго въ великіе канцлеры.

12-го іюня возвратились изъ „троицкаго похода" въ Москву, гдѣ уже находился майоръ Веселовскій, пріѣхавшій изъ Цербста съ отвѣтомъ отъ князя Христіана-Августа. Отвѣтъ былъ извѣстенъ заранѣе: видя въ избраніи принцессы Софіи „eine Führung Gottes", отецъ благословлялъ ее на бракъ съ великимъ княземъ, соглашался на переходъ ея въ православіе и только поручалъ женѣ озаботиться, чтобъ въ брачномъ договорѣ было точно опредѣлено вдовье содержаніе, „если можно, лучше всего въ Голштиніи или Лифляндіи"[2]). Не смотря на то, что согласіе отца не подлежало сомнѣнію, Петръ Ѳедоровичъ совсѣмъ оглупѣлъ отъ радости: онъ прыгалъ, смѣялся, носилъ письмо въ рукавѣ, безпрестанно цѣловалъ его, всѣмъ прочитывалъ. „Я никакъ не воображала, пишетъ княгиня мужу, чтобъ великій князь, не сомнѣвавшійся въ твоемъ согласіи, могъ быть до такой степени тронутъ твоимъ письмомъ. Еслибъ исполнились всѣ тѣ пожеланія, которыя высказываетъ твой будущій зять, ты, конечно, на вѣки былъ бы счастливъ"[3]).

---

[1]) *Mémoires*, 17. — [2]) *Siebigk*, 150. — [3]) *Siebigk*, 69.

XI.

Еще не въѣзжая въ Россію, принцесса Софія знала уже, что ей предстоитъ бракъ съ наслѣдникомъ русскаго престола и что для этого брака необходимо перемѣнить вѣру, изъ протестантки стать православной. Еще въ дѣтствѣ маленькой Фике говорили, что спастись можно только въ лютеранскомъ исповѣданіи; позже она слышала, что кромѣ лютеранъ, есть католики, „поклоняющіеся" римскому папѣ, противъ котораго такъ возставалъ Лютеръ. Но о православныхъ, исповѣдующихъ греческую вѣру, ей никто не говорилъ. Что значитъ стать православною — она не понимала, не имѣя никакого представленія о греческомъ исповѣданіи. Съ дороги въ Россію, изъ Кенигсберга, она писала отцу о предстоящихъ ей „искушеніяхъ", но чъ чемъ они состоятъ, какихъ потребуютъ жертвъ и къ чему могутъ повести — она не могла дать себѣ опредѣленнаго отчета.

Не болѣе свѣдуща въ этомъ отношеніи была и мать принцессы. Точно исполняя волю мужа, выраженную въ извѣстной „инструкціи"[1]), княгиня, вскорѣ же по пріѣздѣ въ Москву, спросила у императрицы, не можетъ-ли ея дочь остаться протестанткой, по примѣру супруги цесаревича Алексѣя Петровича. Елизавета Петровна категорически устранила подобную мысль,[2]) причемъ замѣтила,

---

1) Первый пунктъ „Pro Memoria" см. выше, стр. 39-я.

2) Сообщая свой разговоръ съ императрицею, княгиня или сама не поняла слышаннаго отъ императрицы, или умышленно, для успокоенія мужа, извратила смыслъ сказаннаго ей. Елизавета Петровна не могла говорить княгинѣ, будто цесаревичъ Алексѣй Петровичъ

что различіе вѣроисповѣданій не такъ значительно, какъ обыкновенно думаютъ, и предложила княгинѣ самой убѣдиться въ справедливости ея словъ, переговоривъ съ архимандритомъ, который былъ наставникомъ великаго князя и избранъ ею въ законоучители для принцессы Софіи. „Я выслушала архимандрита — пишетъ княгиня мужу, отъ 24 февраля — и клянусь тебѣ Богомъ, что я не нашла въ ихъ исповѣданіи никакого заблужденія. Я прошла съ нимъ весь ихъ символъ вѣры, также и катехизисъ Лютера: другими словами, но у нихъ высказаны тѣ же основныя ученія. Внѣшніе обряды, правда, весьма отличны отъ нашихъ. Я еще разъ тщательно перечла данную тобою мнѣ инструкцію, и такъ какъ въ ней ты предоставляешь самой дочери сдѣлать выборъ, если только дочь не встрѣтитъ въ греческомъ исповѣданіи ничего предосудительнаго, то, поэтому, я и предоставила это на волю дочери. Она занята теперь изложеніемъ для тебя на бумагѣ всего, чему ее учатъ, и она заклинаетъ меня, что въ этомъ ученіи нѣтъ ничего, что ее отталкивало бы. Она увѣрена, что греческая вѣра спасетъ ее. Я, какъ видишь, не торопилась и поступала согласно твоему указанію“[1]).

Если таковы были впечатлѣнія княгини-матери отъ бесѣды съ архимандритомъ, то, естественно, что на принцессу-дочь уроки законоучителя производили еще бóльшее впечатлѣніе. Уроки начались въ тотъ же день, когда княгиня писала свое письмо мужу[2]).

Зная законоучителя, архимандрита Симона Тодорскаго[3]), нельзя было и сомнѣваться въ успѣхѣ порученнаго

не былъ наслѣдникомъ своего отца, Петра I; равнымъ образомъ, императрица не могла увѣрять княгиню, будто Шарлотта, принцесса вольфенбюттельская, обязалась принять православіе въ случаѣ рожденія сына (*Siebigk*, 56). Нелѣпость эту замѣтилъ *Брюкнеръ*, 219. и добродушно повторилъ *Дирингъ*, 79.

[1]) *Siebigk*, 56. — [2]) On commencera demain à l'instruire dans la religion grecque. (Депеша *Шетарди* къ статсъ-секретарю Амело, отъ 23-го февр. 1744 г. (*Париж. Архивъ*, Russie vol. 44, f. 32; *Арх. кн. Воронцова*, I, 510).

[3]) Былъ еще *Арсеній* Тодорскій, архимандритъ коломенскаго спасскаго монастыря въ 1773 г., затѣмъ архимандритъ шести дру-

ему дѣла. Окончивъ курсъ въ московской духовной академіи, Тодорскій, не принимая еще постриженія, отправился за границу и четыре года слушалъ лекціи въ университетѣ, въ Галле. Незадолго до его прибытія, піэтическое направленіе, царившее въ университетѣ и доходившее до ханжества, было значительно подорвано блестящими чтеніями знаменитаго математика Христіана Вольфа, изгнаннаго, по доносу профессора-піэтиста Ланге, не только изъ Галле, но и изъ предѣловъ Пруссіи. Идеи, по счастію, не подлежатъ ссылкѣ, и во время пребыванія Тодорскаго въ Галле начиналъ уже зарождаться историко-критическій взглядъ на богословіе, развитый позже Землеромъ. Піэтисты были правы, возставая и противъ математическаго, и противъ историко-критическаго методовъ — они убили піэтизмъ и дали богословію научныя основы. Эта живая, горячая борьба мнѣній, взглядовъ, методовъ не могла не отразиться на Тодорскомъ: онъ былъ увлеченъ новою школою, ея методомъ при обсужденіи богословскихъ вопросовъ и возвратился въ Россію глубоко-убѣжденнымъ человѣкомъ, ставившимъ внутренній смыслъ христіанскаго ученія выше всякихъ внѣшнихъ обрядностей, и научно-образованнымъ богословомъ, понявшимъ тщету вѣроисповѣдныхъ особенностей. Саксонскій министръ въ Россіи, піэтистъ Пецольдъ, находилъ, что Тодорскій получилъ въ Галле „очень слабыя богословскія основы"[1]); послѣ, бесѣдуя съ архимандритомъ, княгиня цербстская вынесла убѣжденіе, что онъ „прилежалъ къ лютеранскому исповѣданію"[2]); принцесса Софія была въ восторгѣ отъ своего законоучителя и скоро вполнѣ подчинилась его

гихъ монастырей, наконецъ, епископъ вологодскій. Былъ-ли онъ въ родствѣ съ Симономъ — неизвѣстно. Симонъ Тодорскій, за обращеніе Петра Ѳедоровича, возведенъ, 12-го сентября 1743 г., въ архимандриты ипатіевскаго монастыря; за обращеніе Софіи, 31 марта 1746 г. — въ епископы костромскіе, потомъ псковскіе, наконецъ, въ 1748 г., въ архіепископы. Онъ умеръ въ 1754 году. Намъ неизвѣстно, почему *Штелинъ* утверждаетъ, что „онъ мечталъ быть папою" (77).

[1]) Arximandrit studierte in Halle und daselbst sehr gelinde principia adoptirt. Депеша *Пецольда* графу Брюлю, отъ 15-го дек. 1742 г. *Сборникъ*, VI, 464. — [2]) *Сборникъ*, VII, 29.

вліянію. Послѣ перваго же урока, она, въ письмѣ матери къ отцу, сдѣлала слѣдующую приписку, въ которой, вѣроятно, только повторяла слова учителя:

„Свѣтлѣйшій князь.

„Вполнѣ согласно тому, что дорогая матушка сообщила Вашей Свѣтлости, я надѣюсь вскорѣ представить Вамъ письменныя доказательства всеобщаго заблужденія, господствующаго относительно главной статьи, которой всѣ мы такъ неосновательно опасались и которую самъ Гейнекцій ошибочно объясняетъ. Внѣшніе обряды весьма различны, но церковь принуждена къ тому грубостью народа.

„Надѣюсь, я поступила не поспѣшно, тѣмъ болѣе, что послѣ основныхъ началъ нашего вѣрованія, я точно сообразовалась съ инструкціями Вашей Свѣтлости. Это послушаніе и почтеніе къ вашей особѣ будутъ всегда руководить мною. Я совершенно здорова; прошу вашего благословенія и остаюсь на всю мою жизнь вѣрною дочерью и слугою

„*Софія-Ф.А.*, принцесса Ангальтъ-Цербстская".

Христіанъ-Августъ не былъ фанатикъ; но, какъ піэтистъ, онъ весьма серьезно относился къ вопросамъ вѣры. Въ своемъ отвѣтѣ женѣ, онъ признаетъ, что „греческая церковь была первою, чистою апостольскою церковью", но не скрываетъ отъ себя, что „всякіе раздоры и обрядности замутили ее"; тѣмъ не менѣе, онъ опять повторяетъ, что „не видитъ никакого препятствія предоставить на волю дочери выборъ вѣроисповѣданія". Его піэтическая серьезность лучше всего сказалась въ письмѣ къ дочери. Съ нетерпѣніемъ ожидая обѣщаннаго отчета о греческомъ вѣроисповѣданіи, онъ увѣщеваетъ дочь тщательно испытать себя, прежде чѣмъ принять иную вѣру: „Ты должна относиться къ этому испытанію не легкомысленно, должна хорошенько испытать себя, дѣйствительно-ли одушевляющія тебя страсти господствуютъ въ твоей душѣ, не являются-ли онѣ, незамѣтно для тебя самой, послѣдствіемъ милостей императрицы и другихъ высокопоставленныхъ особъ при русскомъ дворѣ. Мы, люди, вслѣдствіе нашей слабости, чаще смотримъ лишь на то, что предъ глазами; Господь же испытуетъ сердца и внутреннія наши побужденія, и по нимъ уже, какъ всесправедливый, оказуетъ свои милости"[1]).

---

[1]) *Siebigk*, 59.

Весь мартъ принцесса Софія пролежала въ постели; только въ апрѣлѣ возобновились систематическія занятія съ Симономъ Тодорскимъ по Закону Божію и съ Ададуровымъ по русскому языку[1]). Молодая принцесса, съ увлеченіемъ предавшаяся изученію, дѣлала замѣтные успѣхи. Въ концѣ апрѣля она уже понимала обращенную къ ней русскую рѣчь и сама составляла недлинныя предложенія. Дружескія бесѣды съ великимъ княземъ много помогали урокамъ Ададурова: Петръ Ѳедоровичъ, сколько могъ, болталъ съ принцессою по-русски, переводя непонятныя выраженія на нѣмецкій языкъ и повторяя русскія слова. Это было изученіе чисто практическое, безъ всякой теоретической подготовки, удовлетворявшее, прежде всего, необходимости изъясняться по-русски, чѣмъ и объясняется его успѣшность.

Такой же характеръ, конечно, носили и занятія съ Симономъ Тодорскимъ: задача заключалась вовсе не въ разрѣшеніи теологическихъ антитезъ, представляемыхъ православіемъ и лютеранствомъ, а въ усвоеніи русскаго текста Символа Вѣры и условныхъ отвѣтовъ на условные вопросы. При умѣ и понятливости принцессы Софіи, сознававшей уже важное значеніе для всей ея жизни наставленій Симона Тодорскаго, дѣло спорилось. Къ началу мая принцесса Софія, еще не вполнѣ оправившаяся послѣ болѣзни, окончательно не могла найти никакого различія между протестантствомъ и православіемъ. Майоръ Веселовскій, отправлявшійся въ Цербстъ съ формальнымъ предложеніемъ отъ имени императрицы, повезъ Христіану-Августу слѣдующее письмо его дочери:

„Свѣтлѣйшій князь. Осмѣливаюсь писать Вашей Свѣтлости, чтобъ попросить у Васъ согласія на намѣреніе Ея Императорскаго Величества относительно меня. Могу увѣрить васъ, что Ваша воля всегда будетъ моею и что никто не въ силахъ отвратить меня отъ

---

[1]) Княгиня тоже начала было учиться русскому языку но не могла преодолѣть его трудностей. Она пишетъ мужу: Die russische Sprache ist schwerer als man Glauben solte, man mus das Griechische Alphabet lernen, ich würde schon ziemlich avenciert seyn, wenn Nicht so viele Behindernisse zwischen. Мы сомнѣваемся, однако, чтобы это изученіе русскаго языка княгинею дѣлалось по повелѣнію императрицы (auf Befehl der Kaiserin). *Siebigk*, 66.

обязанностей относительно Васъ. Впрочемъ, свѣтлѣйшій князь, всенижайше умоляю Васъ сохранить ко мнѣ Ваши милости и дать мнѣ Ваше благословеніе.

„Такъ какъ я не нахожу почти никакого различія между вѣрою греческою и лютеранскою, то я рѣшилась (сообразуясь съ милостивыми инструкціями Вашей Свѣтлости) перемѣнить религію и пришлю Вамъ съ первою же почтою мое исповѣданіе вѣры. Смѣю надѣяться, что Ваша Свѣтлость останетесь имъ довольны. Остаюсь во всю жизнь съ глубокимъ почтеніемъ Вашей Свѣтлости всенижайшая и всепокорнѣйшая дочь и слуга

„*Софія-А.-Ф.*, принцесса Ангальтъ-Цербстская.

„Москва, 3 мая 1744 года.

„P. S. Всенижайше прошу Вашу Свѣтлость передать мое почтеніе моему дяди и сказать, что я напишу ему съ первою же почтою — рука моя, очень еще слабая, не позволяетъ мнѣ сдѣлать это сегодня“.

По поводу столь важнаго шага въ судьбѣ юной цербстской принцессы, какъ перемѣна вѣры и бракъ съ русскимъ великимъ княземъ, происходилъ довольно оживленный обмѣнъ мыслей, какъ между родителями, такъ и родственниками принцессы Софіи. Почтовыя сношенія въ то время были крайне затруднительны — на поѣздку изъ Москвы въ Цербстъ и обратно требовалось болѣе мѣсяца; тѣмъ не менѣе, стороны обмѣнялись нѣсколькими письмами, которыя, къ сожалѣнію, не всѣ еще обнародованы. Въ напечатанныхъ же письмахъ не трудно усмотрѣть, хотя и въ общихъ чертахъ, два теченія мыслей, рѣзко обособленныя: въ Цербстѣ, среди ближайшихъ родственниковъ принцессы Софіи, косо смотрѣли на поѣздку цербстской княгини съ дочерью въ Москву, не одобряли предположеннаго брака съ русскимъ великимъ княземъ, негодовали по поводу предстоящей перемѣны вѣры; въ Москвѣ, напротивъ, видѣли все въ розовомъ свѣтѣ: путешествіе въ Москву предпринято по вызову императрицы, которая всегда относилась съ большимъ участіемъ къ голштинской фамиліи и благоволеніемъ которой нельзя не дорожить; никакой перемѣны вѣры не предстоитъ, такъ какъ лютеранское и греческое исповѣданіе — почти одно и тоже; что же касается брака, то

въ немъ заключено будущее счастіе не только дочери, но всей семьи.

И путешествіе въ Москву, и перемѣна вѣры были только подготовленіемъ къ браку цербстской принцессы съ русскимъ великимъ княземъ. Какъ же смотрѣли въ то время на подобный бракъ? Еще не забылась печальная судьба супруги царевича Алексѣя Петровича, дочери Людвига Брауншвейгъ-Вольфенбюттельскаго, несчастной Шарлотты, брошенной мужемъ, забытой царемъ; еще приходили изъ Россіи грустныя вѣсти о судьбѣ „брауншвейгской семьи“, которую волочили по русскимъ крѣпостямъ, вмѣстѣ съ младенцемъ-императоромъ, котораго даже корона не спасла отъ ссылки. Конечно, цербстская княгиня и ея дочь, прельщенныя блескомъ русскаго двора, богатствомъ внѣшней обстановки, увлеченныя самымъ титуломъ жениха, будущаго императора, смотрѣли на бракъ иными глазами, чѣмъ ихъ родственники, которые пережили и хорошо помнили длинный рядъ дворцовыхъ переворотовъ, еще такъ недавно потрясавшихъ русскій престолъ и обагрявшихъ кровью ступени русскаго трона; что для княгини казалось верхомъ благополучія, то для ея родственниковъ представлялось опаснымъ рискомъ, ненадежнымъ и шаткимъ, предвѣщавшимъ бѣдствіе и страданіе. Бабка принцессы Софіи, герцогиня Брауншвейгская, мать княгини, ея тетка, абатисса Кведлинбургская, и вообще женскій персоналъ семьи особенно возставалъ противъ „затѣи“ породниться съ русскимъ императорскимъ домомъ, наиболѣе революціоннымъ, наименѣе прочнымъ. Христіанъ-Августъ не умѣлъ защитить свою жену передъ родными, велъ крупную переписку, ссорился съ ними[1]); княгиня, какъ могла, поддерживала мужа своими письмами изъ Москвы. „Я не сомнѣвалась — пишетъ княгиня мужу — что поднимется буря изъ-за нашей поѣздки въ Москву; религія и честолюбіе даютъ хорошій къ тому поводъ. Но вѣдь и тетка, подобно намъ, не была бы въ силахъ измѣнить мудрыя пути Провидѣнія. Мою поѣздку сюда и все это дѣло нельзя приписать ничему иному, и

[1]) *Ranft*, 138; *Biester*, 93.

можно быть увѣреннымъ, что Всевидящій совершаетъ этимъ свои сокрытыя отъ насъ намѣренія. Мы, родители, можемъ утѣшаться тѣмъ, что только вслѣдствіе необходимости одно изъ нашихъ дѣтей будетъ призывать Бога по иному богослуженію, хотя, касательно истиннаго ученія, и ее, и наша совѣсть могутъ быть совершенно покойны. Конечно, намъ, родителямъ, очень тяжко видѣть свою дочь вдали отъ себя и какъ бы отрѣзанною, несмотря даже на то, что дочь будетъ обладать однимъ изъ величайшихъ въ мірѣ богатствъ. Въ этомъ случаѣ насъ можетъ утѣшать только увѣренность, что мы оставляемъ дочь среди народа, который ее дѣйствительно уже любитъ, и на попеченіи прекраснѣйшей и любезнѣйшей матери“ [1]).

Принцесса Софія знала объ этой перепискѣ, способной раздражить и не пятнадцатилѣтнюю дѣвушку. Правда, она теперь совершенно оправилась уже отъ болѣзни — выросла, похорошѣла, окрѣпла [2]); но, все-таки, предстоявшая перемѣна, неизвѣстное будущее, новая жизнь, самое приготовленіе къ торжествамъ, которыми должно сопровождаться публичное исповѣданіе и обрученіе, приводили ея нервы въ напряженное состояніе; когда же, вмѣсто поддержки и успокоенія, она узнавала о неудовольствіяхъ, даже объ опасеніяхъ родныхъ, юный организмъ не выдерживалъ — она заливалась слезами, которыя тщательно скрывала отъ постороннихъ глазъ [3]). Она плакала отъ волненія, которое такъ естественно въ ея положеніи.

Съ 12-го іюня, по возвращеніи изъ троицко-сергіевой лавры [4]), уроки по Закону Божію участились. Теперь Симонъ Тодорскій занимался съ принцессою Софіею по два часа ежедневно. На 28-е іюня было назначено торжественное принятіе исповѣданія православнаго греческаго закона и на 29-е, въ день Петра и Павла — обрученіе. Занятія съ архимандритомъ удвоились. Съ 26-го іюня

---

[1]) *Siebigk*, 64. — [2]) *Siebigk*, 66.

[3]) *Schlözer*. 50; *Siebigk*, 57. — [4]) Во время этого пребыванія Елизаветы Петровны въ троицкомъ-сергіевомъ монастырѣ, 8-го іюня 1744 г., подписанъ императрицею именной указъ о наименованіи монастыря лаврою.

принцесса Софія не появлялась въ публикѣ; 27-го она держала постъ. Ночь съ 27-го на 28-е спала какъ убитая.

Въ среду, 28-го іюня, принцесса Софія, въ платьѣ adrienne изъ алаго gros de Tours, выложеннаго по швамъ, въ рисунокъ, серебряннымъ галуномъ, безъ всякаго украшенія на головѣ, кромѣ бѣлой ленты въ ненапудренныхъ волосахъ, производила впечатлѣніе даже на женщинъ. Къ 10-ти часамъ, сенатъ, первые чины двора, сановники, генералитетъ съѣхались въ головкинскій дворецъ; синодъ въ полномъ составѣ ожидалъ высочайшихъ особъ въ дворцовой церкви. Получивъ благословеніе отъ новгородскаго архіепископа Амвросія Юшкевича, принцесса Софія „яснымъ и твердымъ голосомъ, чисто русскимъ языкомъ, удивившимъ всѣхъ присутствовавшихъ, произнесла символъ вѣры, не запнувшись ни на одномъ словѣ"; на всѣ вопросы архіепископа она отвѣчала „съ увѣренностію и твердостію". Въ этотъ день на литургіи впервые была провозглашена эктинья за „благовѣрную Екатерину Алексѣевну"[1]). Поведеніе принцессы въ дворцовой церкви, при торжественномъ священнодѣйствіи, на глазахъ сановниковъ церкви и государства, заслужило ей общее одобреніе. „Невозможно описать, коликое съ благочиніемъ соединенное усердіе сія достойнѣйшая принцесса при помянутомъ торжественномъ дѣйствіи оказывала, такъ что Ея Императорское Величество сама и большая часть бывшихъ притомъ знатныхъ особъ отъ радости не могли слезъ удержать"[2]). Цѣна подобныхъ слезъ извѣстна[3]); несомнѣнно, однако,

---

[1]) Елизавета Петровна нарекла цербстскую принцессу Екатериной въ честь своей матери (*Ranke*, III, 129). Приводимъ, какъ образчикъ того вздора, который княгиня сообщала мужу, нѣсколько словъ ея по поводу нареченія принцессы Екатериною Алексѣевною: Solche Confirmation öffentlich zu versieglen wirdt ein Nahme zugesetzt, unserer Tochter wirdt Chatarina seyn und der Alixsewna ist nach hiesiger Landes Ahrt und heisst Tochter des August, den der Nahme August Nach hiesiger Mundt Ahrt Nicht anders wie Alexiy gegeben werden kan. *Siebigk*, 63.

[2]) *Спб. Вѣдомости* за 1744 г., № 55. — [3]) Плакали и при переходѣ великаго князя въ православіе, хотя онъ, въ самый день обряда, глумился надъ священниками, говоря: „имъ обѣщаешь многое, чего и не думаешь исполнить". Dem ungeachtet hat den Prinz von

что въ этотъ день принцесса Софія привела всѣхъ въ восторгъ[1]), особенно же Елизавету Петровну, которая, вслѣдъ за окончаніемъ церемоніи, подарила ей „аграфъ и складень брильянтовый, цѣною въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей“[2]). Этотъ восторгъ былъ добытъ ею не легко: естественное волненіе, извѣстное насиліе надъ собою, желаніе точно исполнить урокъ, вѣрно повторить заученныя фразы, жесты, позы, такъ утомили принцессу, что она,

---

Hessen und den General procureur die von dem jungen Herzog während dem Kirchacte erwiesene Devotion so gerührt, dass da die Kaiserin mit Niederwerfung zur Erde Thränen zu vergiessen augefangen, sie mit selbiger um die Wette geweint. Депеша Пецольда отъ 15-го декабря 1742 г. (*Сборникъ*, VI, 465). — [1]) Tous les assistants ont versé un torrent de larmes. Mais la jeune Princesse n'en a pas répandu une seule pendant cet acte solennel et s'est comportée comme une vraie héroine. Elle à aussi prononcé la langue Russe dans la dernière nettété; enfin Elle fait l'admiration de la souveraine, de son futur et de toute la nation. Депеша *Мардефельда*, отъ 29-го іюня 1744 г. *Schlözer*, 51.

[2]) „*Спб. Вѣд.*“ за 1744 г., № 55. Подробности церемоніи заимствованы изъ „Relation de la profession publique de ma fille à l'Eglise Grece“ (*Siebigk*, 152; *Сборникъ*, VII, 29). Въ данномъ случаѣ является значительное разногласіе: княгиня говоритъ, что императрица подарила дочери „une agraffe en bustière de brillans et un Collier de la valeur de 150 milles roubles“. Ожерелье не складенъ; ни ошибиться, ни описаться княгиня не могла — въ письмахъ и запискахъ она особенно точно обозначаетъ перечень всѣхъ подарковъ и стоимость ихъ. Если княгиня называетъ „le reverens Pere Theodosios, archimandrite“, вм. Симона Тодорскаго — это ошибка, описка, какъ *Штелинъ* называлъ его *Ѳедоровскимъ* (стр. 77); но складень замѣненъ ожерельемъ не по ошибкѣ, а съ намѣреніемъ: со складнемъ связанъ вопросъ о почитаніи иконъ, о чемъ она еще ранѣе, для успокоенія лютеранской совѣсти мужа, писала: ich kan bezeugen dass bei Jhnen schlechterdings keine Anbehtung derer Heyligen statuieret wirdt (*Siebigk*, 61), и теперь она складень прикрыла ожерельемъ — это уже обманъ. Иногда она лжетъ такъ неумѣло, что ее не трудно уличить: такъ, извѣстивъ уже мужа объ урокахъ Тодорскаго въ двухъ письмахъ, отъ февраля, она въ іюнѣ пишетъ, будто эти уроки начались только послѣ полученія отъ князя согласія — depuis que le courier revenus de Zerbst en avois aportés votre consentement le reverens pere avoit étés authorisé par S. M. Imp. à l'explication des doctes Grecs; но складень такъ и остался для князя ожерельемъ.

постничавшая наканунѣ, не могла уже явиться къ столу — „она отдыхала, пока мы обѣдали“ [1]), говоритъ княгиня.

Ей нуженъ былъ отдыхъ, минута спокойствія, чтобы улеглись всѣ впечатлѣнія, вынесенныя ею въ послѣднее время и особенно сегодня. Приливъ новыхъ впечатлѣній, начавшійся съ самаго въѣзда въ Россію, прерывался только болѣзнью. Новыя мѣста, незнакомыя лица, небывалое положеніе — все ей было чуждо, ко всему надо было присмотрѣться, приготовиться, привыкнуть. Если было желаніе, а оно такъ естественно, чтобъ поѣздка въ Россію не была безуспѣшна, требовалось привлечь къ себѣ императрицу, понравиться великому князю. Одного желанія тутъ недостаточно; требуется постоянное насиліе надъ собою, неослабное наблюденіе за каждымъ своимъ шагомъ, осторожное взвѣшиваніе каждаго слова, и, прежде всего, нужно изучить русскій языкъ, принять православіе. Главная, самая тяжелая обуза, давившая мозгъ, угнетавшая память, спала сегодня съ плечъ: она не только православная, благовѣрная, она русская — Екатерина Алексѣевна.

Въ этотъ же день, 28-го іюня, вечеромъ, великій князь принималъ поздравленія наканунѣ своихъ именинъ, для чего Екатерина Алексѣевна въ сопровожденіи придворныхъ дамъ отправилась на половину Петра Ѳедоровича и подарила ему охотничій приборъ, осыпанный изумрудами и брильянтами [2]). Послѣ ужина весь дворъ переѣхалъ изъ головкинскаго дворца въ Кремль, гдѣ на другой день должно совершиться „къ брачному сочетанію обрученіе“ [3]).

Въ четвергъ, 29-го іюня, въ день Петра и Павла, рано утромъ, Лестокъ принесъ Екатеринѣ Алексѣевнѣ подарокъ императрицы — брильянтовый браслетъ съ миніатурными портретами императрицы и великаго князя.

---

[1]) Elle reposa pendens que nous dinions. *Siebigk*, 157; *Сборникъ* VII, 35.

[2]) Въ реляціи княгини не ясно: le presens que ma fille Lui portois consistois en un couteau de Chasse et un pomeau de canne avec touts les utensilles d'une Garniture complette d'or garnis d'Emeraudes et de brillans. *Siebigk*, 157. То же повторено въ *Сборникѣ*, VII, 35. — [3]) *Камеръ-фурьерскій журналъ*, 61.

Обрученіе совершилось въ успенскомъ соборѣ, передъ обѣдней. Епископъ громкимъ голосомъ прочелъ указъ, которымъ императрица объявляла всему государству о помолвкѣ великаго князя наслѣдника, „сына Нашей возлюбленной сестры“, съ свѣтлѣйшею принцессою Ангальтъ-Цербстскою, принявшею наканунѣ православіе и нареченною Екатериною Алексѣевною, и повелѣвала эту свѣтлѣйшую принцессу почитать Великою Княжною съ титуломъ Ея Императорскаго Высочества[1]). Императрица надѣла кольца на пальцы обручавшихся. „Эти кольца, прибавляетъ княгиня, настоящія маленькія

---

[1]) *П. С. З.* № 8983. Княгиня въ этомъ случаѣ довольно точно передала указъ и въ короткомъ письмѣ: les titres de rechtgläubigen Gros Furstin *Aller Reussen* und Kaiserliche Hoheit (*Siebigk*, 70 и 160). Между тѣмъ, по изданію русскаго историческаго общества, въ „Relation“, послѣ приведенныхъ словъ слѣдуетъ чрезвычайно важная вставка: le titre de rechtgläubigen Gross-Fürstin est d'une grande importance et la répute heritière (*Сборникъ*, VII, 38). Эта объяснительная вставка княгини ввела многихъ въ заблужденіе. Во „Всеобщемъ Лексиконѣ“ *Цедлера*, въ разсказѣ о помолвкѣ Петра Ѳедоровича съ Екатериною Алексѣевной, говорится: Die Prinzessin bekam von der Kayserin und dem Gross-Fürsten reiche Geschenke, und ward auch zur Erbin des Russischen Reichs eingesetzt, im Fall die Kayserin und der Gross-Fürst ohne Erben mit Tode abgehen sollten (LXI, 1597). Этому извѣстію П. И. *Бартеневъ* придаетъ полную вѣру и потому важное значеніе: „При бракосочетаніи Екатерины постановлено было, что, въ случаѣ бездѣтной кончины великаго князя, наслѣдницею Россійскаго престола будетъ Екатерина — условіе чрезвычайно важное и объясняющее намъ весь послѣдующій образъ дѣйствій Екатерины“ (*Осмнадц. Вѣкъ*, I, 29). Высоко цѣнитъ это извѣстіе и Я. К. *Гротъ*: „Для разъясненія всего образа дѣйствій Екатерины при дворѣ Елизаветы Петровны необходимо имѣть въ виду важное постановленіе, послѣдовавшее при бракосочетаніи ея: что, въ случаѣ кончины великаго князя бездѣтнымъ право на наслѣдство переходитъ къ ней“ (124). Такого „постановленія“ никогда не было и быть не могло, такъ какъ въ немъ не было надобности. Постановленія подобнаго рода обнародовались манифестами — такого манифеста не существуетъ; еслибъ манифестъ былъ изданъ, онъ былъ бы доставленъ въ лексиконъ Цедлера тѣмъ же лицомъ, которое обязательно сообщило ему всѣ подробности помолвки, не исключая даже манифеста значительно меньшей важности, который мы указали выше и которымъ повелѣвалось diese Durchl. Printzessin, als

чудовища — оба они могутъ стоить 50 тысячъ экю". За обѣдней, на эктиньяхъ, поминалась уже „обрученная невѣста Его Императорскаго Высочества благовѣрная госу-

---

Gross-Fürstin mit dem Titul: Ihro Kayserliche Hoheit, zu veneriren. Не было же надобности въ подобномъ постановленіи потому, что наслѣдникомъ престола былъ уже объявленъ, по манифесту Елизаветы Петровны, ея племянникъ Петръ Ѳедоровичъ; о какой-либо перемѣнѣ или дополненіи въ этомъ отношеніи могла быть рѣчь лишь въ случаѣ смерти великаго князя при жизни императрицы; по кончинѣ же Елизаветы Петровны, право распоряжаться въ этомъ отношеніи переходило къ императору Петру III. Но если такого постановленія не было, откуда почерпнулъ извѣстіе о немъ Цедлеръ для своего лексикона? О своемъ пребываніи въ Россіи княгиня Цербстская писала подробныя письма, родъ реляцій, своему мужу; она описала, между прочимъ, и помолвку своей дочери. Все, напечатанное по этому поводу во „Всеобщемъ Лексиконѣ" Цедлера, есть лишь пересказъ пространнаго письма княгини цербстской, напечатаннаго *Зибикомъ*, 152, и въ *Сборникѣ*, VII, 37; вотъ почему княгиня постоянно выставляется на видъ въ разсказѣ о событіи, въ которомъ она играла роль болѣе чѣмъ второстепенную. Едва упомянувъ, что diese Verlobung geschahe mit grossem Gepränge, лексиконъ прибавляетъ: der Ober-Hof-Marschall Graf Otto von Brümmer führte die Fürstin von Zerbst, und der gesammte Hof folgte. Въ лексиконѣ, конечно, опущены подробности о нежеланіи пословъ сидѣть ниже княгини; разсказано, однако, какъ всѣ обѣдали въ большой залѣ, за тремя столами, княгиня же обѣдала въ сосѣдней комнатѣ, но такъ, что могла видѣть все, что происходило въ большой залѣ, (Die Fürstin von Zerbst sass an einer besondern Tafel in einem Neben-Zimmer, worinnen sie Alles, was in dem grossen Saale vorging, sehen konnte) — подробность, настолько неумѣстная во „Всеобщемъ Лексиконѣ", что помѣщеніе ея трудно было бы и объяснить, еслибъ не было указаній на источникъ этой статьи. Ею же, княгиней цербстской, или по ея указанію, было помѣщено извѣстіе о правѣ наслѣдованія Екатерины Алексѣевны. Извѣстіе это, почерпнутое изъ лексикона Цедлера, передано г. Бартеневымъ неточно, причемъ исчезли двѣ особенности, доказывающія очевидную его нелѣпость: вопервыхъ, постановленіе о престолонаслѣдіи отнесено къ помолвкѣ (а не къ бракосочетанію), и, вовторыхъ, условіемъ его поставлена бездѣтность не только великаго князя, но и императрицы. Ни Соловьевъ (XXII, 41), ни Брикнеръ (237) вовсе не упоминаютъ объ этомъ постановленіи. Это былъ слухъ, сплетня, повторенная, между прочимъ (*Goudar*, 20), *Рюльеромъ* и опровергнутая княгинею Дашковою, еще до обнародованія этой книги, въ слѣдующихъ категорическихъ выраженіяхъ: Jamais il n'a été stipulé au mariage du Grand

дарыня великая княжна Екатерина Алексѣевна"[1]). Вся эта церемонія была обставлена чрезвычайною торжественностію: она совершалась въ присутсвіи синода, сената, высшихъ чиновъ государства, генералитета, при колокольномъ перезвонѣ, при пушечной пальбѣ.

Какая разница съ объявленіемъ въ 1742 г. голштинскаго герцога Карла-Петра великимъ княземъ и наслѣдникомъ престола Петромъ Ѳедоровичемъ! Два года назадъ, „боялись совершить этотъ торжественный актъ въ Кремлѣ, въ каѳедральномъ соборѣ, какъ этого требовалъ архіепископъ новгородскій, и выбрали дворцовую церковь, поставили у всѣхъ входовъ двойные караулы, приняли много другихъ предосторожностей", и все таки, „во дворцѣ, во время провозглашенія голштинскаго герцога великимъ княземъ, замѣчено было, по словамъ Лестока, множество подозрительныхъ личностей"[2])...

Послѣ обѣдни, въ Кремлѣ же, былъ большой выходъ

Duc (depuis empereur Pierre III) que sa femme régnerait après sa mort (*Арх. кн. Воронцова*, VII, 653). Негодность этого слуха была для княгини Дашковой до того очевидною, что она не считала даже возможнымъ, чтобъ книга, въ которой этотъ слухъ былъ повторенъ, могла быть писана Рюльеромъ: Quand je réfléchis — говоритъ она въ своихъ „Запискахъ" — que m r de la Rhulière avait été plusieurs années au bureau des affaires étrangères, qu'avec son esprit et sa capacité il n'aurait pas pu dire qu'au mariage de Pierre III avec la princesse de Serbst (depuis Catherine II) il avait été stipulé dans le contrat qu'en cas de son décès, c'est elle qui porterait la couronne, ce que le plus ignorant novice dans la diplomatie n'aurait pas, en contradiction avec la vérité, pu dire... je n'eus plus de toute que cet ouvrage prétendu de la Rhulière n'était qu'un apocryphe (*Арх. кн. Воронцова*, XXI, 189). Въ письмѣ къ мужу княгиня цербстская категорически заявляетъ, что титулъ великой княжны уполномочиваетъ ихъ дочь, въ случаѣ смерти великаго князя, наслѣдовать русскій престолъ — wodurch sie nach ihres Mannes Tode zur Nachfolge befähigt ist (*Siebigk*, 74). Нельзя думать, чтобъ княгинѣ были сообщены невѣрныя свѣдѣнія по столь важному вопросу; остается предположить, что и въ данномъ случаѣ княгиня передавала мужу завѣдомо невѣрныя свѣдѣнія. Въ позднѣйшихъ изданіяхъ повторяется о правѣ Екатерины наслѣдовать корону: *Dorville*, 209; *Beauclair*, 82; *Rulhière*, 4, 9.

[1]) *Камеръ-фурьерскій журналъ* за 1744 г., стр. 60. — [2]) Депеша Пецольда графу Брюлю, отъ 15 декабря 1742 г. (*Сборникъ*, VI, 463).

для принесенія поздравленій жениху и невѣстѣ; въ два часа — большой столъ, при чемъ Екатерина впервые сидѣла на тронѣ; вечеромъ — балъ и ужинъ, окончившійся въ два часа ночи. На другое утро великой княжнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ приносили поздравленіе гвардія, лейбъ-кампанія, кавалергарды, проходившіе передъ нею церемоніальнымъ маршемъ; именитое купечество, фабриканты и заводчики подносили ей свои издѣлія; депутаціямъ не было конца. Вся Москва приняла праздничный видъ, ликовала.

XII.

Только теперь, ставъ великой княжной Екатериной Алексѣевной, бывшая принцесса Софія почувствовала подъ собою почву, нетвердую, но все же почву, которой прежде не было. Еще чувствуется нѣкоторая зависимость отъ матери, она не живетъ еще самостоятельною жизнію, еще она не обвѣнчана съ великимъ княземъ, но уже ей оказываются извѣстныя отличія, императрица относится къ ней съ бóльшимъ довѣріемъ, великій князь видитъ въ ней свою будущую жену, у нея свой дворъ, у нея свои карманныя деньги.

Если прежде, до обрученія, она слышала отъ великаго князя, что за провинности матери она не можетъ подлежать отвѣтственности, то теперь она сама уже начинаетъ критически относиться къ поведенію своей родительницы. Мать осталась для нея матерью — она уважаетъ ее, выказываетъ ей послушаніе; но она уже чувствуетъ, что ея судьба не зависитъ отъ участи ея матери; скоро она сознáетъ, что жизненные пути ихъ различны. „Въ своемъ новомъ положеніи — пишетъ княгиня мужу — дочь ведетъ себя чрезвычайно умно: она краснѣетъ всякій разъ, когда ей приходится идти впереди меня[1].“ Если въ выборѣ этого примѣра для доказательства умнаго поведенія дочери видна вся чванливая пустота матери, то это же извѣстіе, въ сообщеніи дочери, дорисовываетъ княгиню окончательно; „Матери моей было непріятно, что я, ходившая всегда позади нея, стала теперь ходить передъ

[1]) *Siebigk*, 74.

нею; я избѣгала этого насколько возможно, но въ публикѣ я должна была быть впереди[1])." Между тѣмъ, именно теперь, въ іюлѣ, эти появленія въ публикѣ были особенно часты по случаю „торжества шведскаго мира", которое праздновалось въ Москвѣ рядомъ выходовъ, баловъ, спектаклей, маскарадовъ[2]), причемъ дочь привыкаетъ быть „впереди" матери.

Съ каждымъ днемъ положеніе Екатерины становится болѣе прочнымъ. Вскорѣ послѣ обрученія императрица прислала ей 30,000 р. „на булавки" или, какъ тогда говорили, „на карточную игру[3])". Вчерашняя Фике не сознавала, конечно, цѣнности этой суммы, но чувствовала себя обладательницей денегъ. Это чувство она съ удовольствіемъ проявила въ письмѣ къ отцу, отъ 5-го же іюля: „Услышивъ, что Ваша Свѣтлость послали брата моего въ Гамбургъ, и вспомнивъ, что для этого потребуются довольно большія издержки, осмѣливаюсь просить Вашу Свѣтлость оставить его тамъ такъ долго, какъ это будетъ необходимо для полнаго его излѣченія; я предлагаю уплатить всѣ издержки и почтительнѣйше умоляю Вашу Свѣтлость указать мнѣ банкира, которому я вышлю, сколько потребуется[4])". Въ этихъ строкахъ видно доброе сердце, а между строкъ чувствуется самостоятельность, хотя и не вполнѣ сознательная, что доказываетъ и самая подпись: „Екатерина, С. А. Ф. принцесса Ангальтъ-Цербстская" — недѣлю спустя послѣ обрученія, она еще не тверда въ собственномъ титулѣ, путается въ своемъ имени, не привыкла еще сознавать себя русской великой княжной.

Черезъ недѣлю, 15-го іюля, въ день празднованія мира со Швеціею, княгинѣ-матери былъ нанесенъ двойной ударъ: ея врагъ, Бестужевъ-Рюминъ, противъ котораго она такъ интриговала, желая „свергнуть" его съ поста вице-канцлера, былъ повышенъ въ этотъ день, сдѣланъ великимъ канцлеромъ, а для ея дочери, которую она съ неудовольствіемъ видѣла впереди себя, былъ составленъ особый придворный штатъ[5]). При выборѣ лицъ, которыя должны

---

[1]) *Mémoires*, 24. — [2]) *Госуд. Архивъ*, II, № 64. — [3]) *Sieвigk*, 78. — [4]) *Сборникъ*, VII, 5; *Sieigkb*, 151, почему-то скрылъ это мѣсто письма.

[5]) Прусскій посланникъ Мардефельдъ еще въ январѣ 1744 г.

были состоять при великой княжнѣ-невѣстѣ, не обошлось безъ интригъ, причемъ Бестужевъ опять одержалъ верхъ. Дворъ Екатерины составляли три камергера — Нарышкинъ, графъ Андрей Симоновичъ Гендриковъ и графъ Ефимовскій, и три камеръ-юнкера — графъ Захаръ Чернышевъ, Графъ Петръ Бестужевъ-Рюминъ[1]) и князь Александръ Голицынъ; гофмаршалъ не былъ еще назначенъ. Такой составъ двора не понравился княгинѣ и потому уже, что ея мнѣнія не было спрошено или, быть можетъ, не было уважено, „Мнѣ особенно не нравится то — пишетъ княгиня мужу — что все это слишкомъ молодые люди. Мы все надѣялись, что будетъ назначенъ извѣстный тебѣ Нарышкинъ, но такъ какъ большіе господа чаще всего не находятъ хорошимъ то, что имъ предлагаютъ, то изъ этого ничего не вышло. Однако, гофмаршалъ еще не назначенъ, и быть можетъ выборъ падетъ на него"[2]). Раздраженная княгиня упоминаетъ только о кавалерахъ, забывая о дамахъ: кромѣ гр. Ру-

---

сообщалъ Фридриху II: L'Impératrice a resolue de former à la Princesse une cour composée uniquemment de personnes de la Nationalité Russienne, qui parlent Allemand et Français (*Siebigk*, 14). Это извѣстіе невѣрно — дворъ былъ составленъ лишь послѣ обрученія; невѣрны, слѣдовательно, и выводы, построенные на этомъ извѣстіи *Я. К. Гротомъ* (118), причемъ невѣрно приведена и цитата изъ *Mémoires*, 37, относящаяся къ позднѣйшему времени — „après mon arrivée à Pétersbourg", а не въ Москвѣ,

[1]) Еще въ 1742 г. Бестужевъ-Рюминъ, тогда вице-канцлеръ, просилъ Брюммера опредѣлить его сына „большаго Петра" если не камергеромъ, то хоть шталмейстеромъ ко двору голштинскаго герцога; Брюммеръ отвѣчалъ, „что его королевское высочесто, собственной своей конюшни не имѣя, можно-ли такому чину быть". Потерпѣвъ неудачу, отецъ обратился къ посредничеству М. Л. Воронцова, которому писалъ: „Ежели паче чаянія Брюмеръ о томъ такимъ же образомъ отзовется, то ваше превосходительство всеуниженно прошу напротиву представить, что не имѣя своего стола, однако же есть гофмаршалъ князь Черкасской; такожде, хотя собственной полевой охоты и не имѣется, однакожъ есть оберъ-егермейстеръ иностранецъ Бредаль; почто же бы и русскому безъ собственныхъ лошадей не быть шталмейстеромъ?" (*Арх. кн. Воронцова*, II, 3). Теперь времена перемѣнились и Бестужевъ доставилъ сыну придворную должность, вопреки Лестоку, Брюммеру, княгинѣ и др.

[2]) *Siebigk*, 78.

мянцевой, которая съ начала марта находилась при Екатеринѣ, въ качествѣ гофмейстерины, теперь были назначены три камеръ-фрейлины — двѣ княжны Голицыны и дѣвица Кошелева[1]).

Эта новая обстановка, въ которую поставлена Екатерина, была вполнѣ естественна, но все же была новою. Требовалось время, чтобъ привыкнуть къ ней, и неудивительно, что Екатерина, ставъ уже великой княжной, продолжаетъ себя считать цербстской принцессой.

Отецъ Екатерины, Христіанъ-Августъ, прошедшій солдатскую школу, выросшій въ дисциплинѣ, лучше матери понялъ перемѣну, происшедшую въ судьбѣ дочери, но по складу своего ума, отнесся къ этой перемѣнѣ, прежде всего, съ чисто формальной стороны: въ своихъ письмахъ онъ не иначе называетъ дочь, какъ „императорскимъ высочествомъ". Это не нравилось матери, и она настоятельно проситъ мужа „относиться къ дочкѣ, какъ къ Фике, а то она подумаетъ, что ты ее не любишь"[2]). Отецъ не понялъ этого замѣчанія и продолжалъ великую княжну называть великой княжной.

Смыслъ этого замѣчанія крылся въ желаніи матери представить дочь все еще малолѣтнею, нуждающеюся въ помощи матери, безъ чего окончательное устройство ея судьбы могло бы подвергнуться большимъ случайностямъ. Отцу казалось, что послѣ обрученія, совершеннаго столь торжественно, на глазахъ всего народа, вопросъ о бракѣ представлялся лишь вопросомъ времени; мать, напротивъ, продолжаетъ говорить объ интригахъ саксонскаго посланника, который, при поддержкѣ Бестужева, теперь еще болѣе вліятельнаго, надѣется помѣшать браку. Въ письмѣ отъ 16-іюля княгиня сообщаетъ мужу: „Крайне необходимо, чтобъ наша дочь, своимъ поведеніемъ, во всемъ согласномъ съ желаніями императрицы, все болѣе укрѣпляла себя въ ея благоволеніи. Императрица любитъ ее, какъ свое собственное дитя, но злые люди могутъ многое. Пока я здѣсь, я съумѣю уберечь дочь въ милостяхъ императрицы, даже укрѣпить благоволеніе къ ней госуда-

---

[1]) *Mémoires*, 37. — [2]) *Siebigk*, 85.

рыни; но мнѣ непріятно и подумать, что я должна буду остаться здѣсь до совершенія брака"[1]). Изъ этого письма даже и не такой простоватый мужъ, какимъ былъ Христіанъ-Августъ, не могъ бы догадаться, что дочь его, вслѣдствіе дурного поведенія княгини, давно уже изолирована, по возможности, отъ вліянія матери; что козни саксонскаго посланника и содѣйствіе Бестужева выдуманы княгиней и что она именно желаетъ „остаться въ Россіи до совершенія брака"[2]). Почему? — „Въ это время, говорится въ „Запискахъ" Екатерины, моя мать очень подружилась съ принцемъ и принцессою Гессенъ-Гомбургскими и особенно близко сошлась съ братомъ принцессы, камергеромъ Бецкимъ. Эта связь не нравилась графинѣ Румянцевой, гофмаршалу Брюммеру и вообще всѣмъ"[3]).

Въ это именно время императрица предприняла свое пилигримство въ Кіевъ, на поклоненіе пещернымъ угодникамъ печерскаго монастыря. 26-го іюля, въ 4-мъ часу пополудни[4]), великій князь, великая княжна, въ сопровожденіи лицъ, назначенныхъ императрицею, выѣхали изъ Москвы. Мать Екатерины, обязанная сопровождать ее, съ неудовольствіемъ покинула Москву и была крайне раздражительна во все время поѣздки. Не смотря на всевозможныя удобства, которыми она никогда не пользовалась при поѣздкахъ въ Германіи, при чемъ въ экипажахъ были устроены даже постели, такъ что, по словамъ самой же княгини, путешественники вовсе не чувствовали усталости, она жалуется на „страшную жару и невыносимую пыль".[5]).

---

1) *Siebigk*, 82,

2) Упомянувъ о различныхъ просьбахъ, которыя приходили изъ Голштиніи и которыхъ княгиня не могла исполнить именно потому, что императрица относилась къ ней болѣе чѣмъ холодно, *Siebigk*, 77, прибавляетъ: Aus diesen Gründen lassen sich die gerade zur Zeit der Verlobung und kurz nach derselben mehrfach ausgesprochenen Betheuerungen der Geneigtheit je eher je lieber nach der Heimath zurückzukommen, wenn es nur angegangen wäre, trotz der glänzenden Verhältnisse, in denen die Fürstin lebte, recht wohl begreifen. Составитель „апоѳеоза" княгини даже не упоминаетъ о связи ея съ И. И. Бецкимъ и часто впадаетъ въ подобныя ошибки.

3) *Mémoires*, 18; депеша *Розенберга*, отъ 16-го ноября 1744 г. въ Приложеніи I, 6. — 4) *Васильчиковъ*, I, 45. — 5) *Siebigk*, 80.

Экипажи эскортировались легкоконными отрядами, преимущественно казаками. На всемъ пути, изъ деревень и ближайшихъ поселеній выходилъ народъ посмотрѣть проѣздъ „царскихъ дѣтей"; во время остановокъ для обѣда или отдыха, населеніе привѣтствовало великаго князя и великую княжну хлѣбомъ солью, подносило различные подарки, преимущественно предметы мѣстнаго производства. Путники ѣхали не торопясь и лишь 13 августа прибыли въ Козелецъ.

Для великой княжны это была не поѣздка, а скорѣе partie de plaisir. „Мы ѣхали — пишетъ Екатерина — небольшими переѣздами. Моя мать, я, графиня Румянцева и матушкина статсъ-дама въ одной каретѣ; великій князь, Брюммеръ, Беркгольцъ и Деккенъ въ другой. Великій князь, соскучившійся со своими педагогами, пересѣлъ въ нашу карету и съ тѣхъ поръ не хотѣлъ уже ѣхать иначе, какъ съ нами. Матушка, которой надоѣло видѣть передъ собою только его да меня, вздумала увеличить нашу компанію. Она сообщила свое желаніе молодымъ кавалерамъ нашей свиты, въ числѣ которыхъ находились князь Александръ Михайловичъ Голицынъ, позже фельдмаршалъ, и графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ. Тотчасъ опростали одну изъ каретъ, въ которой были наши постели, устроили вокругъ лавки, и на другой же день великій князь, моя мать, я, кн. Голицынъ, гр. Чернышевъ и еще одинъ или два изъ свиты, кто былъ помоложе, помѣстились въ этой каретѣ, и такъ продолжали все наше путешествіе. Намъ было очень весело; но всѣ, кто не попалъ въ нашу компанію, остались недовольны этимъ нововведеніемъ, которое не нравилось гофмаршалу Брюммеру, оберъ-камергеру Беркгольцу, графинѣ Румянцевой и матушкиной статсъ дамѣ. Мы веселились всю дорогу; они ссорились и скучали. Такимъ образомъ, въ концѣ третьей недѣли пріѣхали мы въ Козелецъ"[1]).

---

[1]) *Mémoires*, 18. Екатерина вездѣ называетъ городъ Козельскъ, Koselsk, вм. Козелецъ. Козельскъ — знаменитый отпоромъ, даннымъ 500 лѣтъ назадъ татарамъ и проклятый Батыемъ, какъ „злой городъ", былъ въ сторонѣ отъ ихъ пути. Не только переводчикъ „Записокъ" повторилъ эту ошибку, но и г. *Брикнеръ*, 228, Неудиви-

Переѣздъ изъ Москвы въ Козелецъ былъ сдѣланъ вполнѣ благополучно; только „невоздержный" великій князь прихворнулъ-было разстройствомъ желудка[1]). „Мы благополучно прибыли сюда—пишетъ княгиня изъ Козельца, отъ 14 августа — только великій князь чувствовалъ однѣ сутки легкое разстройство желудка, но съ тѣхъ поръ совершенно здоровъ. Великая же княжна, болѣе воздержная, все время чувствовала себя превосходно. Ни тотъ, ни другая вовсе не устали. Терпѣливо ожидаемъ прибытія нашей божественной Государыни".

Нѣсколько дней спустя, прибыла въ Козелецъ notre divine Souveraine. Поѣздъ императрицы былъ огромный: ее сопровождали оберъ-егермейстеръ графъ Алексѣй Разумовскій, оберъ-гофмейстеръ баронъ Минихъ, гофмаршалъ Шепелевъ, вице-канцлеръ гр. Воронцовъ, графъ Салтыковъ, „прочихъ камергеровъ довольно", духовникъ Ѳедоръ Яковлевичъ Дубянскій, два архіепископа — сарскій Платонъ Малиновскій и переяславскій Арсеній Могилянскій; вся свита состояла изъ 230 человѣкъ[2]).

„Мы оставались въ Козельцѣ до конца августа, пишетъ Екатерина, въ домѣ графа Разумовскаго[3]). Въ большой залѣ, занимавшей середину зданія, съ утра до вечера играли въ фараонъ и играли по большой. Всѣ,

---

тельно, поэтому, что *Siebigk*, 81, въ особомъ примѣчаніи, поправляетъ княгиню, вѣрно писавшую Козелецъ. Der Brief ist aus Koselsk in der Ukraine, die Fürstin schreibt Kacelitz. Козельскъ былъ и остается Калужской губерніи, въ 60 верстахъ отъ Калуги, при впаденіи Драгунки въ Жиздру; Козелецъ былъ Кіевской, теперь Черниговской губерніи, въ 72 верстахъ отъ Кіева, при рѣкѣ Острѣ. *Географ. Словарь*, Москва, 1788, II, 280.

[1]) Въ письмѣ гр. Брюммера императрицѣ, отъ 1-го августа: une indigestion, survenue la nuit passée à Son Altesse Imperiale Monseigneur le Grand Duc, и отъ 2-го августа: une legère indisposition. *Государств. Архивъ*, II, № 68. Въ письмѣ княгини цербстской М. Л. Воронцову, отъ 14 августа, изъ Козельца: Le Grand Duc a eu pendant un seul jour une legère indigestion. *Арх. кн. Воронцова*, I, 419.

[2]) *Васильчиковъ*, I, 48. — [3]) Княгиня въ письмѣ къ мужу говоритъ, что домъ Разумовскаго — ein recht kaiserliches Palais, wohl meublirt und wohl eingetheilt (*Siebigk*, 81); она же въ письмѣ къ М. И. Воронцову: cette maison du comte Rasoumoffski est charmante. *Арх. кн. Воронцова*, I, 419.

однако, были размѣщены весьма тѣсно. Мы съ матушкою спали въ одной и той же комнатѣ; графиня Румянцева и матушкина статсъ-дама помѣщались въ передней; другіе также ютились. Какъ-то великій князь зашелъ къ намъ, когда матушка писала и около нее стояла ея открытая шкатулка. Великій князь хотѣлъ изъ любопытства порыться въ шкатулкѣ; матушка просила не трогать ее шкатулки — онъ, подпрыгивая, отскочилъ въ другой уголъ комнаты. Но прыгая, чтобъ разсмѣшить меня, онъ задѣлъ за крышку шкатулки и уронилъ ее. Тогда моя мать разсердилась и они стали обмѣниваться крупными словами. Матушка упрекала великаго князя, что онъ намѣренно уронилъ шкатулку; великій князь кричалъ, что это несправедливо, и оба обращались ко мнѣ, какъ къ свидѣтельницѣ. Зная нравъ матушки, я боялась пощечинъ, если не приму ея сторону; вмѣстѣ съ тѣмъ я не хотѣла ни лгать, ни огорчать великаго князя, и очутилась между двухъ огней. Я сказала матушкѣ, что не думаю, чтобъ великій князь намѣренно сдѣлалъ это, но что, прыгая, онъ платьемъ зацѣпилъ за крышку шкатулки, стоявшей на низкомъ табуретѣ. Матушка накинулась на меня — ей надо же было выместить на комъ нибудь гнѣвъ свой. Я замолчала и стала плакать. Великій князь, видя, что весь гнѣвъ матушки обрушился на меня только потому, что я высказалась въ его пользу, сталъ обвинять матушку въ несправедливости и назвалъ ее гнѣвъ бѣшенствомъ; она назвала его дурно воспитаннымъ мальчишкой. Словомъ, трудно было, безъ драки, довести далѣе ссору. Великій князь возненавидѣлъ матушку и никогда не забылъ этой ссоры. Матушка тоже продолжала дуться на него, и между ними стала проявляться принужденность, недовѣрчивость, вѣчныя колкости. Оба они не скрывали этого отъ меня. Какъ я ни старалась успокоить ихъ, мнѣ это удавалось очень рѣдко. Оба они всегда были готовы наговорить другъ другу дерзостей" [1]).

Въ концѣ августа двинулись въ Кіеву. Встрѣча, приготовленная Елизаветѣ Петровнѣ украинской столицей,

---

[1]) *Mémoires*, 19.

была торжественна и оригинальна. Весь городъ, съ духовенствомъ во главѣ, встрѣчалъ 29-го августа императрицу. Съ благоговѣніемъ смотрѣла великая княжна на длинную вереницу священниковъ, монаховъ, инокинь, съ крестами, хоругвями, иконами, и тутъ же съ удивленіемъ взирала она на миѳологическихъ боговъ и героевъ, участвовавшихъ въ языческомъ представленіи. „За городъ выѣхалъ важный старикъ, самаго древняго виду, великолѣпно прибранный и украшенный короною и жезломъ, но сдѣланный съ молодого студента. Колесница у него была божескій фаетонъ, а въ него впряжены два піитическіе крылатые кони, называемые пегасы, прибранные изъ крѣпкихъ студентовъ. Старикъ сей значилъ древняго основателя и князя кіевскаго Кія. Онъ встрѣтилъ государыню на берегу Днѣпра, у конца моста, привѣтствовалъ ее важною рѣчью и, называя ее своею наслѣдницею, просилъ въ городъ, яко въ свое достояніе“ [1]). Въ самомъ Кіевѣ великая княжна то посѣщала пещерныя катакомбы и прикладывалась къ мощамъ святыхъ угодниковъ, то восхищалась танцами казацкихъ женъ и военными играми бунчуковыхъ товарищей съ обнаженными саблями; въ кіевской академіи смотрѣла она „вертепы“, семинаристы представляли предъ нею божественныя зрѣлища въ лицахъ; видѣла она Крещатикъ, любовалась Днѣпромъ.

Почти двѣ недѣли оставался дворъ въ Кіевѣ и, 8-го сентября, тѣмъ же порядкомъ, всѣ двинулись обратно. Изъ Глухова, отъ 12-го сентября, Екатерина написала императрицѣ письмо, въ которомъ передала ей благодарность своей тетки, вдовствующей принцессы Анны саксенъ-готской, за пожалованный ей орденъ св. Екатерины [2]). При этомъ великая княжна сообщала, что какъ великій князь, такъ и всѣ путники находятся въ добромъ здоровьѣ. 1-го октября возвратились въ Москву.

---

[1]) *Васильчиковъ*, I, 53. — [2]) *Сборникъ*, VII, 67. Письмо составлено на французскомъ языкѣ и, вѣроятно, только переписано Екатериною. *Дуринъ*, 96, говоритъ: „Приводимъ его цѣликомъ, *въ переводѣ*, какъ образецъ сношеній великой княжны съ императрицею и какъ первое письмо ея *на русскомъ языкѣ*, вызвавшее удовольствіе и одобреніе Елизаветы Петровны“.

Это была первая поѣздка Екатерины по Россіи, когда она впервые могла видѣть сельскую, трудящуюся Россію, конечно, подчищенную для царскаго поѣзда, по возможности прикрашенную, но все же сохранившую свои коренныя особенности. Для поѣздки Елизаветы Петровны въ Кіевъ дорога чрезъ Глуховъ, Кролевецъ, Батуринъ, Нѣжинъ и Козелецъ была не только исправлена, но даже расширена, мосты починены или выстроены новые, поставлены верстовые столбы; на станціяхъ были выстроены путевые дворцы, въ извѣстныхъ мѣстахъ приготовлены погреба для питей и припасовъ. Какое же впечатлѣніе могла вынести Екатерина изъ этой первой своей встрѣчи съ русскимъ народомъ лицомъ къ лицу? О какомъ-нибудь рѣзкомъ, опредѣленномъ впечатлѣніи, которое поразило бы и запечатлѣлось въ памяти, не можетъ быть и рѣчи — такія впечатлѣнія не встрѣчаются при царскихъ проѣздахъ; по самому своему положенію она не могла быть очень наблюдательною — она, конечно, смотрѣла прежде всего на то, что ей показывали, но не могла не видѣть и того, что само бросалось въ глаза. Не смотря на прекрасную погоду, грунтовыя дороги, пролегавшія среди полей, неокопанныя канавами, необсаженныя деревьями, давали себя чувствовать и ухабами, и пылью; сквозь казачій эскортъ виднѣлись кое-гдѣ бѣдныя деревушки съ поруразвалившимися избами, подгнившими клетями; за толпою разодѣтыхъ мужиковъ и бабъ, согнанныхъ для привѣтствованія „царскихъ дѣтей“, ютились босоногіе ребятишки, въ лохмотьяхъ, едва прикрывавшихъ наготу. Подъ Глуховомъ картина рѣзко измѣнилась: забитыя, испуганныя лица русскаго крестьянства замѣнились спокойнымъ, довольнымъ выраженіемъ малороссійскаго посполитства; грязныя избы уступили мѣсто чистымъ хатамъ, нигдѣ не видно ни лохмотьевъ, ни убожества. Но и въ Россіи, и въ Малороссіи — необозримыя поля, непроходимые лѣса, масса земли, воздѣланной и невоздѣланной, тянется на сотни и сотни верстъ. Екатерина проѣхала 750 верстъ, не встрѣтивъ ни одной владѣтельной особы — все по владѣніямъ русской императрицы. Общее впечатлѣніе получилось совершенно иное тому, что она при-

выкла видѣть въ Германіи и, не смотря на то, вѣрнѣе, именно вслѣдствіе этого, поѣздка въ Кіевъ укрѣпила въ великой княжнѣ высокое мнѣніе о Россіи и о русскихъ, составленное цербстской принцессой, заставила ее не забывать обѣденнаго тоста: „Дай Богъ, чтобы скорѣе сдѣлалось то, чего мы желаемъ“.

Съ возвращеніемъ двора въ Москву опять начались „балеты, комедіи, маскарады“. Одна „комедія“ осталась памятна Екатеринѣ:

„Однажды, въ комедіи, пишетъ она, сидя съ матушкой и великимъ княземъ въ ложѣ, насупротивъ ложи ея величества, я замѣтила, что императрица горячо говорила что-то Лестоку. Едва императрица умолкла, Лестокъ пришелъ въ нашу ложу и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ: „Видѣли вы, какъ императрица говорила со мною“? Я отвѣчала утвердительно. „Ну, такъ знайте-же, сказалъ онъ, что императрица очень гнѣвается на васъ“. — „На меня! а за что“? — „За то, что у васъ много долговъ. Она говоритъ, что такъ можно исчерпать всѣ источники, что, будучи царевною, она получала не больше вашего, но должна была содержать цѣлый домъ и не дѣлала долговъ, зная, что за нее некому платить“. Все это онъ произнесъ сердито, сухо, для того, очевидно, чтобы императрица видѣла изъ своей ложи, какъ онъ исполнилъ ея приказаніе. У меня слезы выступили на глазахъ, и я замолчала. Сказавъ это, онъ ушелъ. Великій князь, сидѣвшій рядомъ со мною и слышавшій почти весь нашъ разговоръ, спросилъ у меня чего не разслышалъ и, больше миной, чѣмъ словами, далъ мнѣ понять, что онъ раздѣляетъ взглядъ своей тетки и что его вовсе не безпокоитъ то, что меня побранили. У него всегда была такая метода: онъ думалъ угодить императрицѣ, поддакивая, когда она сердилась на кого нибудь. Моя матушка, узнавъ, въ чемъ дѣло, сказала, что это плоды усилій, устранившихъ меня отъ ея вліянія, что она умываетъ руки, такъ какъ мнѣ позволено поступать, не спрашиваясь ея совѣтовъ. Такимъ образомъ, и великій князь, и матушка были противъ меня.

„Я тотчасъ же рѣшила привести свои дѣла въ поря-

докъ и на другой же день потребовала всѣ счеты. Изъ нихъ я увидѣла, что должна 17,000 рублей. Передъ отъѣздомъ изъ Москвы въ Кіевъ, императрица прислала мнѣ 15,000 рублей и большой ящикъ съ простенькими матеріями, между тѣмъ какъ я должна была одѣваться весьма нарядно. Такимъ образомъ, подведя итоги, я должна была 2,000 рублей, что мнѣ казалось вовсе небольшой суммой. Разныя причины повергли меня въ эти расходы:

„Вопервыхъ, я пріѣхала въ Россію очень дурно одѣтая. Много, много если у меня было три или четыре платья, и это при дворѣ, гдѣ по три раза въ день мѣняли костюмы. Все мое бѣлье заключалось въ дюжинѣ рубашекъ; я пользовалась простынями матушки.

„Вовторыхъ, мнѣ говорили, что въ Россіи любятъ подарки, что щедростью пріобрѣтаютъ друзей и дѣлаются милыми.

„Втретьихъ, ко мнѣ приставили самую расточительную женщину въ Россіи, графиню Румянцеву, которая вѣчно была окружена торговцами и ежедневно приносила мнѣ всякую всячину, совѣтуя купить. Часто я покупала только для того, чтобы подарить ей, такъ какъ она этого хотѣла.

„Великій князь тоже стоилъ мнѣ много, потому что любилъ подарки. Моя матушка тоже становилась спокойнѣе, получивъ то, что ей нравилось, а такъ какъ она въ послѣднее время часто сердилась, особенно же на меня, то я не пренебрегала этимъ средствомъ, мною открытымъ. Матушка же была въ это время постоянно не въ духѣ, отчасти потому, что императрица была крайне недовольна ею, оскробляла ее и часто унижала“ [1]).

Разсказъ записанъ значительно позже, въ общихъ чертахъ, но по воспоминаніямъ, врѣзавшимся въ памяти, вѣрными штрихами. Въ немъ мѣтко обрисована та обстановка, среди которой приходилось жить и дѣйствовать великой княжнѣ-невѣстѣ. Екатерина знала свою мать и не ожидала отъ нея ни поддержки, ни совѣта; но великій князь, ея женихъ? Прежде она замѣчала въ немъ ребя-

---

[1] *Mémoires*, 21.

ческое своенравіе, дѣтскую вѣтреность, иногда живость, даже вспыльчивость, которыя объяснялись дурнымъ воспитаніемъ; теперь проявилась разсчетливая фальшивость, умышленное злорадство. Оказывается, что и на него, какъ на мать, полагаться нельзя. Его удаляютъ отъ всякихъ серьезныхъ занятій, съ нимъ запрещено говорить о государственныхъ дѣлахъ[1]); онъ не привыкъ самостоятельно мыслить — какой же онъ помощникъ, какой заступникъ? Вотъ какова та нравственная атмосфера, въ которой находилась Екатерина, недостигшая еще 16-ти лѣтъ; мать вымещаетъ на ней тѣ оскорбленія, которымъ подвергается за свое дурное поведеніе; женихъ изъявляетъ удовольствіе по поводу выговора, полученнаго ею; императрица возбуждена противъ нея и гнѣвъ свой передаетъ чрезъ постороннихъ лицъ. И все это въ чужой странѣ, среди чуждыхъ ей лицъ, совершенно одинокая, лишенная дружеской поддержки, ласковаго слова; у нея много враговъ и ни одного друга; часто слышитъ она выговоры, никогда совѣта. Слабая натура растеряется, измельчаетъ, падетъ подъ моральнымъ гнетомъ такого положенія; только крѣпкая, сильная способна вынести подобныя непріятности, закалиться въ борьбѣ съ ними, укрѣпить волю, выработать характеръ.

[1]) Христіанъ-Августъ переслалъ женѣ газету, съ просьбою показать великому князю какую-то статью; княгиня отвѣчала мужу Die Zeittungen habe desto wehniger dem Grossfürsten vorzeigen dürffen, da keines Weges erlaubt Ohne specielle Keyserliche erlaubnis dieselben von affaires zu sprechen und auch offentliche Blätter so ausser Landes Gedruckt hieselbst nicht allemahl Zugelassenheit führen. Der Grossfürst seyndt jung und vief und konten leichtlich aus lauter Guter neigung eine gute Sache verderben, deswegen ist besser die Werkzeuge der Vorsehnung ihnen selbst zu überlassen (*Siebigk,* 88). Ср. *Сборникъ,* VI, 465.

XIII.

Незадолго до пріѣзда Екатерины въ Россію, великій князь вынесъ тяжкую перемежающуюся лихорадку; во время путешествія въ Кіевъ, хворалъ разстройствомъ желудка и, вскорѣ по возвращеніи въ Москву, въ октябрѣ же, заболѣлъ воспаленіемъ подреберной плевы[1]). Капризный, избалованный мальчикъ очень скучалъ въ своей комнатѣ, изъ которой его не выпускали. Императрица посылала къ нему, для развлеченія, свою камеръ-юнгферу разсказывать сказки изъ „Тысячи и одной ночи"; Екатерина написала ему слѣдующую записку[2]), свидѣтельствующую о ея заботливомъ участіи къ положенію своего жениха:

„Monseigneur,

„Ayant consulté ma Mere sachant qu'elle peut beaucoup sur le Grand Marechal, elle m'a promis de lui en parler et de faire qu'on vous permettent de jouer sur les instrumens. Elle m'a aussy chargée de vous demander Monseigneur Sy vous voulez quelques Italiens aujourd'hui apres midy.

„Je Vous assure que je deviendray folle en Votre place sy on m'otois tous. Je Vous prie au Nom de Dieu ne lui montrez pas se billets[3]).

„*Catherine*".

---

[1]) Pleurésie. *Штелинъ*, 87.

[2]) *Бычковъ*, 1. Записка сохранилась въ бумагахъ Штелина. Намъ кажется, что подъ *grand maréchal* Екатерина разумѣетъ графа Брюммера, оберъ-гофмаршала великаго князя; по мнѣнію издателя — Д. А. Шепелева, оберъ-гофмаршала императрицы. Графъ Брюммеръ офиціально титуловался *оберъ-гофмаршаломъ (Камеръ-фурьерск.* журналъ за 1744 г., стр. 117); Шепелевъ не имѣлъ никакого отношенія ко двору великаго князя и герцога Голштиніи.

[3]) „Я совѣтовалась съ матушкою, зная, что она много можетъ

Едва былъ прерванъ воспалительный процессъ, какъ въ началѣ ноября обнаружилась вѣтреная оспа. Первоначально доктора не могли точно опредѣлить болѣзнь великаго князя, принимая ее то за оспу, то за корь, то за сыпную лихорадку[1]), и, въ видахъ предосторожности, изолировали больного. Великой княжнѣ сказали, что болѣзнь прилипчива, и Екатерина была опечалена этимъ извѣстіемъ, тѣмъ болѣе, что были приняты мѣры, пугавшія даже здоровыхъ: гофъ-фурьера, который посѣщалъ великаго князя, каждый разъ окуривали; императрица, выходя изъ комнаты больного, мылась, надѣвала другое платье, мѣняла даже бѣлье и, тѣмъ не менѣе, не рѣшалась видѣть великую княжну, опасаясь перенести заразу. Только въ половинѣ ноября Елизавета Петровна, послѣ всевозможныхъ предосторожностей, пришла къ Екатеринѣ и сообщила ей, что великій князь замѣтно поправляется. 26-го ноября въ церкви головкинскаго дворца былъ отслуженъ благодарственный молебенъ, на которомъ Екатерина впервые увидѣла своего жениха и расплакалась отъ радости[2]). Два дня спустя, 28-го ноября, Екатерина уже танцовала съ своимъ женихомъ на придворномъ маскарадѣ[3]).

Болѣзнь великаго князя произвела сильное впечатлѣ-

у гофмаршала, и она обѣщала поговорить съ нимъ и устроить такъ, чтобы вамъ разрѣшили заниматься музыкой. Она поручила мнѣ спросить васъ, не пожелаете-ли вы сегодня, послѣ полудня, итальянцевъ? Увѣряю васъ, что сошла бы съ ума на вашемъ мѣстѣ, еслибъ у меня отняли все. Именемъ Бога прошу васъ не показывать ему этой записки".

[1]) Der junge Herr hat das Friesel, die richtigen Blattern (*Siebigk*, 91); le grand duc prit la *rougeole* (*Mémoires*, 25); „у него была вѣтреная оспа, которую докторъ Суше принималъ за настоящую, но Боергаве призналъ за вѣтреную и въ доказательство предсказалъ настоящую чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ" (*Штелинъ*, 87). — [2]) Die Grossfürstin sah ihn hierbei zum ersten Male, ihre Freudenthränen vermehrten der Anwesenden Freude und Bewegung, писала княгиня-мать своему мужу отъ 30-го ноября. *Siebigk*, 92. — [3]) *Камеръ-фурьерскій* журналъ за 1744 г., стр. 113. Судя по записямъ журнала, великій князь заболѣлъ послѣ 26-го октября, когда „въ оперномъ домѣ имѣлась итальянская интермедія" (стр. 97); только спустя мѣсяцъ, 28-го ноября, великій князь опять упоминается по поводу маскарада.

ніе на Екатерину. Отъ нея сперва скрывали опасное положеніе больного, потомъ великую княжну старались завлечь выѣздами, осмотромъ Москвы, наконецъ, просто обманывали[1]). Кажется только два лица и были опечалены недугомъ Петра Ѳедоровича — великая княжна и императрица[2]). Княгиня-мать и теперь осталась вѣрна себѣ и продолжала интриговать, переписываясь съ Фридрихомъ II и перешептываясь съ его представителемъ въ Москвѣ. Въ это именно время княгиня, вовсе уже непользовавшаяся довѣріемъ Елизаветы Петровны, увѣряла прусскаго короля, что императрица вполнѣ предана его интересамъ и не позволитъ увлечь себя его противникамъ[3]). Исходъ болѣзни великаго князя далеко еще не опредѣлился, какъ княгиня совѣтуется уже съ Мардефельдомъ о выборѣ другого жениха для своей дочери. Прусскій посланникъ находилъ, что слѣдуетъ немедленно выдать княжну за протестантскаго принца и, лучше всего, за Георга дармштадтскаго, котораго ему расхваливали, какъ умнаго и красиваго принца[4]); прусскій министръ Подевильсъ, докладывая королю эту депешу, съ своей стороны высказался за маркграфа Карла, тѣмъ болѣе, что онъ имѣетъ уже нѣкоторыя права на Курляндію, а императрица, вѣроятно, объявитъ великую княжну наслѣдницею русскаго престола[5]). Очевидно, мать хлопочетъ, прежде всего, только „пристроить" дочь, безразлично за кого бы ни было. Это не могло ускользнуть отъ дочери, и, понятно, какъ выздоровленіе великаго князя должно было обрадовать Екатерину, даже до слезъ.

Слезы, однако, были напрасны, и вскорѣ Екатеринѣ предстояло вынести еще бóльшія тревоги по поводу болѣзненности Петра Ѳедоровича. Послѣ воспаленія и вѣтреной оспы, великій князь поправлялся чрезвычайно медленно; даже установившаяся, наконецъ, зима не повліяла на его здоровье столь благопріятно, какъ ожи-

---

1) *Siebigk*, 91. — 2) Депеша Мардефельда отъ 12-го ноября: l'Impératrice était dans une consternation excessive. *Pol. Corr.*, III, 341. — 3) L'Impératrice ne se laissera point entraîner à des démarches opposées. *Pol. Corr.*, III, 356. — 4) Dont on m'avait loué l'esprit et la figure. *Pol. Corr.*, III, 341. — 5) *Pol. Corr.*, III, 341.

дали. Онъ былъ еще довольно слабъ, когда, въ половинѣ декабря, назначенъ былъ отъѣздъ изъ Москвы въ Петербургъ.

Елизавета Петровна вполнѣ оцѣнила поведеніе Екатерины во время болѣзни великаго князя и еще болѣе привязалась къ ней. Незадолго до отъѣзда изъ Москвы, императрица выразила желаніе, чтобъ великая княжна жила въ Петербургѣ отдѣльно отъ матери и предложила Екатеринѣ выбрать себѣ одно изъ двухъ помѣщеній, имѣвшихся въ домѣ, смежномъ съ дворцомъ[1]). Въ день отъѣзда, 15-го декабря, императрица сама усадила великую княжну въ сани, закутала ее въ шубу, закрыла полостью и, находя, что полость и шуба недостаточно предохраняютъ отъ стужи, сняла съ себя горностаевый мѣхъ и набросила его на плечи Екатерины[2]).

Екатерина помѣстилась въ большихъ саняхъ, рядомъ съ матерью; въ другихъ сидѣли великій князь съ гр. Брюммеромъ; сзади — длинный рядъ саней со свитой и цѣлый обозъ съ багажомъ. На другой день, 16-го декабря, они прибыли въ Тверь и остановились въ архіерейскомъ домѣ, гдѣ все было приготовлено для встрѣчи императрицы, которая выѣхала изъ Москвы 17-го декабря и, какъ предполагали, должна была провести въ Твери 18-е декабря, день своего рожденія Елизавета Петровна разстроила всѣ эти предположенія — ночью проѣхала Тверь, не останавливаясь, и праздновала свое тезоименитство въ селѣ Мѣдномъ, въ путевомъ дворцѣ. 19-го декабря путники благополучно выѣхали изъ Твери. Весь день великій князь былъ веселъ, ѣлъ за четверыхъ. Къ вечеру, уже на ночлегѣ, появилась тошнота; лихорадочный жаръ. Докторъ Боергаве приписалъ это неумѣренности въ пищѣ и слишкомъ скорой ѣздѣ по ухабистой дорогѣ. Ночь прошла довольно безпокойно, но къ утру лихорадка зна-

---

[1]) *Mémoires*, 27. — [2]) Höchst Selbe wahren bei einsetzung in denen schlietten, des schnees, worauf sie standen unerachtet, selbst zu gehen und da Ihnen die peltz- und peltzdecken, womit die Grossfürstin bedeckt wahr, noch zu deren Wärme nicht genugsahm schienen, Nahmen sie einen um sich habenden sehr schönen Hermelinenpeltz ab und hülleten sie darinnen, *Siebigk*, 93.

чительно уменьшилась. Поѣхали дальше. Въ Хотиловскомъ яму, въ 400 верстахъ отъ Москвы, въ путевомъ дворцѣ, великій князь совершенно изнемогъ: онъ крайне ослабѣлъ, лихорадка увеличилась, показался сильный жаръ. Въ полдень Екатерину не пустили уже въ комнату великаго князя, такъ какъ доктора считали возможнымъ, что у великаго князя обнаружится оспа; къ 6-ти часамъ вечера появились оспенныя пятна. Екатерина была въ отчаяніи: она плакала, просила, чтобъ ее пустили къ больному, предлагала быть сидѣлкой у его постели[1]). Въ ту же ночь, по совѣту врачей, мать увезла Екатерину изъ Хотилова. Близъ Новгорода, среди дороги, встрѣтили они императрицу, которая летѣла въ Хотилово. Сани были остановлены, пологи приподняты: Елизавета Петровна, вся въ слезахъ, увидѣла плачущую Екатерину, услышала роковое извѣстіе объ оспѣ, и поскакала далѣе. 24-го декабря Екатерина прибыла въ Петербургъ.

Началась непріятная для Екатерины жизнь съ матерью, хотя и отдѣльно отъ нея. Непріятности начались именно изъ-за помѣщенія. „Насъ помѣстили — пишетъ Екатерина[2]) — въ одномъ изъ домовъ смежныхъ съ дворцомъ. Мое помѣщеніе было на лѣво отъ дворца, матушкино — на право. Едва мы вошли въ комнаты, матушка разсердилась; ей казалось, что мои комнаты были лучше расположены, и ненравилось, что наши комнаты раздѣлялись общею залою. На самомъ же дѣлѣ, у каждой изъ насъ было четыре комнаты, двѣ на улицу, двѣ во дворъ; всѣ комнаты были одинаковы, мебель обита голубою и розовою матеріею, безъ всякаго различія. Причина же гнѣва матушки заключалась вотъ въ чемъ: графиня Румянцева еще въ Москвѣ принесла мнѣ, отъ имени императрицы, планъ этого дома, запретила, именемъ же императрицы, говорить объ этомъ кому-либо и спрашивала моего мнѣнія, какъ лучше намъ размѣститься. Выбирать было не изъ чего — оба помѣщенія были одинаковы. Я такъ и сказала графинѣ, которая дала мнѣ почувствовать, что императрица желаетъ, чтобъ я жила отдѣльно, а не вмѣстѣ

---

1) *Siebigk*, 97. — 2) *Mémoires*, 27.

съ матушкою, какъ въ Москвѣ. Я сама желала этого — матушка меня стѣсняла. Она какъ-то провѣдала, что ко мнѣ приносили планъ дома, спросила меня объ этомъ и я сказала ей всю правду, какъ было дѣло. Она побранила меня за скрытничанье отъ нее; я отвѣчала, что мнѣ запрещено было говорить, но она не признавала этотъ доводъ серьезнымъ. Вообще, я видѣла, что она съ каждымъ днемъ все больше и больше гнѣвается на меня".

Екатерина, кажется, не очень огорчалась гнѣвомъ матери — душею и сердцемъ она была въ Хотиловѣ. Елизавета Петровна лучше матери понимала это и, тотчасъ же по прiѣздѣ въ Хотилово, написала великой княжнѣ записку, на которую Екатерина отвѣчала 26-го же декабря, т. е. черезъ два дня по прибытiи въ Петербургъ[1]). Курьеры изъ Хотилова прiѣзжали ежедневно. Болѣзнь великаго князя — натуральная оспа, отъ которой умеръ и женихъ Елизаветы Петровны, тоже принцъ голштинскiй — поглощала все вниманiе императрицы; но, какъ женщина, она понимала кто интересуется этою болѣзнью въ Петербургѣ и возможно часто писала Екатеринѣ. Какъ только опасность миновала, Елизавета Петровна пишетъ великой княжнѣ[2]):

„Ваше высочество, дражайшая моя племянница.

„Я весьма вашему высочеству благодарствую за прiятныя ваши мнѣ писанiи. На оное отвѣтомъ до днесь для того умедлила, что не столько подлинно о состоянiи здравiя его высочества великаго князя вамъ извѣстiя подать могла. А нынѣ могу васъ обнадежить, что онъ, къ радости нашей, слава Богу совершенно на нашей сторонѣ. При семъ пожелая вашему высочеству добраго здравiя съ искреннею любовiю есмь вашего высочества благосклоннѣйшая тетка *Елизавета.*

Эта переписка плѣняла Елизавету Петровну не только своимъ содержанiемъ, тѣми чувствами, которыя великая княжна выражала въ письмахъ къ императрицѣ и великому князю, но и тою формою, тѣмъ русскимъ языкомъ, которымъ они были писаны. Усиленное занятiе русскимъ языкомъ было, въ глазахъ императрицы, неложнымъ свидѣтельствомъ, что избранная ею въ супруги Петру Ѳедоровичу искренно желаетъ стать русскою великою княги-

---

[1]) *Сборникъ*, VII, 68. — [2]) *Сборникъ*, VII, 68, прим.

нею. Императрица выражала свое удовольствіе по поводу русскихъ писемъ Екатерины въ Хотилово, и великая княжна принимала съ неменьшимъ удовольствіемъ похвалы отъ тетки, хотя „правду сказать — сознавалась она позже — эти русскія письма сочинялъ мнѣ Ададуровъ, а я только переписывала ихъ своею рукою“[1]).

Въ отсутствіе императрицы Екатерина жила въ Петорбургѣ довольдо уединенно, занимаясь русскимъ языкомъ, музыкой, чтеніемъ. Въ это время, проѣздомъ изъ Москвы въ Стокгольмъ, посѣтилъ великую княжну графъ Гюлленборгъ, племянникъ шведскаго министра иностранныхъ дѣлъ[2]), пріѣзжавшій съ извѣстіемъ о совершившемся бракѣ наслѣднаго принца шведскаго, Адольфа-Фридриха голштинскаго, дяди Екатерины, съ прусскою принцессою Луизою-Ульрикою[3]), старшею сестрою Фридриха II. Это тотъ самый Гюлленборгъ, который видѣлъ принцессу Софію цербстскую въ Гамбургѣ и укорялъ ея мать за небреженіе къ не по лѣтамъ развитой дочери, въ которой онъ тогда уже замѣтилъ философское направленіе ума. Естественно, что онъ и теперь поинтересовался великой княжной. „Пріѣхавъ въ Петербургъ — пишетъ Екатерина — онъ пришелъ къ намъ и такъ какъ онъ еще въ Гамбургѣ

---

[1]) *Mémoires*, 31, Кажется, дѣло устроилось такъ, что Екатерина сочиняла письмо по-французски, а Ададуровъ, прочтя французское письмо, излагалъ основную его мысль по-русски, причемъ, обсуждая содержаніе письма, дѣлались вставки и измѣненія. На это указываютъ два письма къ императрицѣ отъ 26-го января 1745 года, оба собственноручныя, одно на французскомъ языкѣ (*Сборникъ*, VII, 69), другое на русскомъ (*Осмнадц. Вѣкъ*, II, 219; *Сборникъ*, XLII, 465).

[2]) We have had here a count Gyllenborg, who is a nephew to the Gyllenborg that is at the head of affairs in Sweden. Изъ депеши Тираули лорду Гаррингтону, отъ 2-го февр. 1745 г. (*Лондон. Архивъ*, Russia, № 47).

[3]) Екатерина, въ своихъ „Запискахъ“, описалась: le mariage du prince de Suède, frère de ma mère, avec une princesse de Suède (*Mémoires*, 28), вм. *Prusse*. Переводчикъ „Записокъ“ на русскій языкъ (Лондонъ, 1859) повторилъ эту описку, сообщивъ о бракѣ шведскаго принца съ *принцессой шведской* (стр. 10) и съ тѣхъ поръ эту ошибку повторяютъ всѣ: *Сборникъ*, X, 156; *Гротъ*, 120; *Брикнеръ*, 733; *Дирина*, 99.

сказалъ мнѣ, что у меня философское направленіе ума, то теперь онъ спросилъ меня, какъ идетъ моя философія въ томъ водоворотѣ, въ которомъ я живу? Я разсказала ему, чѣмъ я занимаюсь съ своей комнатѣ. Онъ замѣтилъ, что философъ въ 15 лѣтъ не можетъ познать самого себя; что я окружена столькими рифами, что можно опасаться моего крушенія, если только моя душа не особо высокаго закала; что необходимо питать душу возможно лучшимъ чтеніемъ и для этого онъ совѣтовалъ мнѣ читать „Жизнеописанія знаменитыхъ мужей Греціи и Рима“ Плутарха, жизнь Цицерона и „Причины величія и паденія Римской Республики“ Монтескье. Тотчасъ же я приказала отыскать эти книги, которыя въ Петербургѣ въ то время съ трудомъ можно было найти, и сказала графу, что набросаю ему свой портретъ, какъ я себя понимаю, чтобъ онъ могъ судить, знаю ли я себя или не знаю. Дѣйствительно, я написала свой портретъ, озаглавивъ „Портретъ философа въ 15-ть лѣтъ“ и отдала ему. Спустя много лѣтъ, и именно въ 1758 году, я отыскала этотъ „Портретъ“ и сама была удивлена, какъ глубоко я сознавала тогда себя. Къ сожалѣнію, я тогда же сожгла рукопись, со всѣми другими бумагами, опасаясь хранить какой-либо лоскутокъ во время несчастнаго дѣла Бестужева. Графъ Гюлленборгъ, спустя нѣсколько дней, возвратилъ мнѣ рукопись. Не знаю, снялъ ли онъ копію съ нея. Возвращая рукопись, онъ сопроводилъ ее дюжиною страницъ своихъ разсужденій по поводу меня, въ которыхъ онъ старался укрѣпить во мнѣ какъ возвышенность души и твердость, такъ и другія качества сердца и ума. Я читала и перечитывала много разъ его разсужденія, старалась проникнуться ими и искренно рѣшилась слѣдовать его указаніямъ. Я дала себѣ обѣтъ въ этомъ, а когда я давала себѣ въ чемъ нибудь обѣтъ, то не помню, чтобъ не исполнила его. Наконецъ, я возвратила графу Гюлленборгу его писаніе, какъ онъ меня просилъ, и должна признать, что его указанія много послужили къ образованію и укрѣпленію склада моего ума и моей души“[1]).

---

[1]) *Mémoires*, 29. Время разсказа опредѣлено довольно точно и

Пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ графъ Гюлленборгъ, въ 1740 г., въ Гамбургѣ, укорялъ цербстскую княгиню, что она мало обращаетъ вниманія на свою дочь — и какая разница, поразившая, вѣроятно, и шведскаго графа, между одиннадцатилѣтней дѣвочкой, Фике, цербстской принцессой, и вполнѣ развитой дѣвицей, великой княжной Екатериной Алексѣевной, невѣстой наслѣдника русскаго престола! Гамбургское замѣчаніе графа Гюлленборга ей передавали гораздо позже — въ то время она не поняла бы его; при петербургскомъ свиданіи она смѣло предлагаетъ графу нарисовать свой портретъ, и рисунокъ этотъ заставилъ призадуматься умнаго шведа и вызвалъ въ немъ рядъ мыслей, занявшихъ двѣнадцать страницъ. Это свиданіе произвело еще большее впечатлѣніе на Екатерину: она не разъ вспоминала его, и не успѣлъ еще графъ Гюлленборгъ уѣхать изъ Петербурга, какъ она просила своего учителя Ададурова достать ей книги, указанныя графомъ. Книги были получены, вѣроятно, изъ академической библіотеки[1]), но болѣе, чѣмъ вѣроятно, что Екатерина не читала ихъ. Отчасти, онѣ были слишкомъ еще серьезны для нея, даже скучны; отчасти, ей было не до чтенія въ то время.

26-го января императрица съ великимъ княземъ прибыла въ Царское Село; въ первыхъ числахъ февраля они

вполнѣ вѣрно: A la fin de notre séjour à Moscou était arrivée une ambassade suèdoise, à la tête de laquelle se trouvait le sénateur Cederkreutz (*Mémoires*, 28). Въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ за 1744 г., подъ 8-мъ октября, записано о пріемѣ Цедеркрейца (стр. 90). Peu de temps après arriva encore le comte Gyllenbourg (*ibid*). Въ депешѣ лондонскаго посланника, отъ 2-го февр. 1745 г. говорится, что гр. Гюлленборгъ былъ въ Петербургѣ „for some months“ (*Лондон. Архивъ*, Russia, № 47). По свидѣтельству *Я. К. Грота*, не только „Портрета философа въ 15 лѣтъ“, но даже вообще бумагъ гр. Гюлленборга не сохранилось въ архивѣ упсальскаго университета, куда онѣ были переданы (120). Разсказъ „Записокъ“ вполнѣ подтверждается письмомъ Екатерины II къ графу Гюлленборгу, писаннымъ въ 1766 г. и сохранившемся въ Государственномъ Архивѣ, см. *Сборникъ*, X, 156.

[1]) Въ февралѣ 1745 г., Шумахеръ пишетъ Ададурову, что посылаетъ, по требованію великой княжны, каталоги библіотеки академіи наукъ и книжнаго магазина. *Пекарскій*, Академія, I, 513.

пріѣхали въ Петербургъ. „Какъ только насъ извѣстили— пишетъ Екатерина, о прибытіи императрицы, мы вышли къ ней и встрѣтили ее въ большой залѣ, между четырьмя и пятью часами, почти въ потемкахъ. Не смотря на то, я почти испугалась, увидѣвъ великаго князя, который очень выросъ, но сталъ неузнаваемъ: черты лица огрубѣли, все лицо было еще вспухши и ясно было видно, что на лицѣ останутся замѣтные слѣды. Такъ какъ ему обрѣзали волосы, то онъ былъ въ огромномъ парикѣ, который еще болѣе безобразилъ его. Онъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ, узнаю-ли я его. Я пробормотала ему обычную любезность на счетъ его выздоровленія, но на самомъ дѣлѣ онъ сталъ ужасно дуренъ“ [1]). Этому легко повѣрить: Петръ Ѳедоровичъ былъ отъ природы некрасивъ; во время болѣзни онъ вытянулся, исхудалъ, лицо опухло; уродливый парикъ безобразилъ его окончательно. „Философомъ въ 15 лѣтъ“ легче быть на бумагѣ, чѣмъ въ жизни, и съ этого времени въ „Запискахъ“ Екатерины II все чаще упоминается о заплаканныхъ глазахъ, о пролитыхъ слезахъ [2])..,

---

[1]) *Mémoires*, 30; см, Приложеніе V. Совершенно противоположный взглядъ высказываетъ княгиня въ письмѣ къ мужу: Die Krankheit kan man recht gut wie dort in evangelio sagen, ist nicht zum Todte, sondern zur Ehre Gottes gewesen, denn wie wohl eine gar ansehnliche Veränderung mit dem GrosFürsten vorgegangen, so ist sie was Figur, Wesen, Gemühte, Verstand und Gesundhait betriefft, so Sehr zu Seyner unaussprechlichen avantage, dass Alle sich darüber Freuen und Gottes Gnaden erkennen (*Siebigk*, 99). Княгиня, какъ мы видѣли, часто обманывала своего мужа, сообщая ему всякій вздоръ; въ данномъ же случаѣ даже ея панегиристъ, Зибигкъ, возмутился и нашелъ въ этомъ ея отзывѣ etwas Befremdendes (100). Подробности свиданія, передаваемыя Кастерой, точно также не заслуживаютъ ни малѣйшаго довѣрія: La jeune princesse ne revit le grand duc qu'avec une secrète horreur; elle sut pourtant se contraindre, et courant au devant de lui, elle l'embrassa avec toutes les apparences de la joie. Mais dès qu'elle rentra dans son appartement, ne songeant qu'à son malheur, elle tomba évanouie et fut trois heures avant de reprendre l'usage de ses sens (*Castera*, I, 80). *Штелинъ*, говоря о болѣзни великаго князя (88), умалчиваетъ о перемѣнѣ, происшедшей во внѣшности больного. Во всякомъ случаѣ, отъ оспы не хорошѣютъ.

[2]) *Mémoires*, 43, sqq.

Елизавета Петровна понимала положеніе юнаго „философа“ и удвоила свои милости къ Екатеринѣ. Въ день рожденія великаго князя, 10 февраля, императрица обѣдала на тронѣ съ одною великою княжною[1]), причемъ осыпала ее любезностями, восхваляя ея русское произношеніе, восторгаясь ея красотою. На празднествахъ, бывшихъ по случаю дня рожденія великаго князя[2]), императрица всегда являлась съ великою княжною, уступая ей первое послѣ себя мѣсто. Съ чисто женскимъ тактомъ императрица именно теперь назначила къ Екатеринѣ четырехъ молоденькихъ, веселыхъ русскихъ женщинъ[3]). „Это мнѣ было очень удобно, пишетъ Екатерина: это все были молодыя дѣвушки; старшей изъ нихъ было 20 лѣтъ; всѣ онѣ были веселаго нрава, такъ что съ этого времени я, съ утра и до вечера, только и дѣлала, что пѣла, плясала и рѣзвилась съ ними въ моей комнатѣ. Вечеромъ, послѣ ужина, я приглашала въ спальню трехъ своихъ фрейлинъ, двухъ княженъ Гагариныхъ и дѣвицу Кошелеву, и мы играли въ жмурки и другія игры по нашему возрасту. Всѣ эти дѣвушки страшно боялись графини Румянцевой, но такъ какъ она, съ утра до ночи, играла въ карты, или въ моей пріемной, или у себя въ комнатѣ, и не вставала изъ-за стола, то она къ намъ никогда и не заглядывала[4]).

Императрица полюбила Екатерину, оцѣнила ее; а великій князь, ея женихъ? Онъ бралъ въ это время уроки предстоявшей ему брачной жизни у своего камердинера, который училъ его, какъ слѣдуетъ обращаться съ женою. „Румберъ, любимецъ великаго князя, бывшій шведскій

---

[1]) Elle dina avec moi seule sur le trône. Le grand-duc ne parut pas en public ce jour-là, ni de longtemps encor. On n'était pas pressé de le montrer dans l'état où l'avait mis la petite verole (*Mémoires*, 31). Это подтверждается Камеръ-фурьерскимъ журналомъ за 1745 г., что оправдываетъ отзывъ Екатерины о внѣшности своего жениха по возвращеніи изъ Хотилова. — [2]) Кромѣ торжественнаго обѣда, день этотъ праздновался „баломъ и аллегорическимъ фейерверкомъ“. *Штелинъ*, 88. — [3]) Afin de me faciliter l'usage de la langue russe, disait l'impératrice. *Mémoires*, 37.

[4]) *Mémoires*, 37.

драгунъ, теперь камердинеръ Петра Өедоровича, говорилъ ему, что его жена не смѣла пикнуть предъ нимъ, не дерзала вмѣшиваться въ его дѣла; какъ только она разѣвала ротъ, онъ приказывалъ ей молчать; онъ былъ глава въ домѣ; для мужа постыдно быть простакомъ и слушаться жены"[1]). Штелинъ записалъ, что „въ безбрачномъ состоянiи великiй князь проводилъ время въ однихъ увеселенiяхъ"[2]). Въ чемъ же состояли эти увеселенiя? Какъ малый ребенокъ, Петръ Өедоровичъ игралъ въ куклы, наряжалъ приближенныхъ въ прусскiя каски, училъ пажей маршировкѣ, игралъ въ карты и слушалъ лакейскiя сальности своихъ камердинеровъ. Отъ императрицы долго скрывали поведенiе великаго князя, но, наконецъ, она узнала, какъ проводитъ время наслѣдникъ русскаго престола и пришла въ ужасъ. „Она приказала Штелину, чтобъ онъ каждое утро присутствовалъ при вставанiи и одѣванiи великаго князя, чтобы удержать дерзкихъ камердинеровъ и лакеевъ отъ непристройныхъ разговоровъ съ его высочествомъ. Нѣкоторые изъ нихъ были вдругъ отосланы; между прочимъ, камердинеръ Румберъ запертъ въ крѣпость, а потомъ сосланъ въ Оренбургъ"[3]). Лакейскiе уроки пришлись по душѣ барину: великiй князь сталъ убѣгать общества своей невѣсты, предпочитая ей бесѣду съ своими лакеями и игру въ куклы[4]).

Екатерина видитъ поведенiе великаго князя — комнаты ихъ рядомъ, они видятся довольно часто; она слышитъ рѣчи своего жениха — Петръ Өедоровичъ довѣрчиво разсказываетъ ей рѣшительно все, не скрываетъ даже лакейскихъ уроковъ брачной жизни. Все это заставляло Екатерину призадумываться надъ предстоявшею ей участью, тѣмъ болѣе, что вокругъ нея нѣтъ никого, съ кѣмъ она могла бы посовѣтоваться, кто могъ бы поддержать ее, утѣшить. А мать?

Поведенiе княгини-мытери принесло много горя Екатеринѣ. Какъ вѣтряная женщина, какъ политическая скорѣе сплетница, чѣмъ интригантка, Іоганна-Елизавета не

---

1) *Mémoires*, 35. — 2) *Штелинъ*, 89. — 3) *Штелинъ*, 88. — 4) *Mémoires*, 32.

понимала своего положенія при русскомъ дворѣ, и своимъ вмѣшательствомъ въ дѣла, ей совершенно чуждыя, только вредила тѣмъ добрымъ отношеніямъ, которыя готовы были установиться между Елизаветой Петровной и родителями Екатерины. Урокъ съ маркизомъ де-ла Шетарди не образумилъ княгини: и послѣ высылки французскаго дипломата она продолжаетъ переписываться съ Фридрихомъ II[1]), по прежнему мирволитъ Мардефельду, враждуетъ Бестужеву, надѣясь побороть его, ведетъ обширную корреспонденцію, даже не подозрѣвая, что всѣ ея письма вскрываются, сплетничаетъ, желая разыгрывать роль, ей несвойственную, и не безъ зависти смотритъ на отличія, которыхъ удостоивается дочь уже по одному своему положенію русской великой княжны-невѣсты. Отношенія княгини къ своей дочери были въ это время довольно холодны, чтобъ не сказать болѣе. Приведемъ эпизодъ, записанный Екатериною и относящійся къ концу февраля 1745 года: „На первой недѣлѣ великаго поста, въ то время, какъ въ моей комнатѣ служили утреню, пришла M-lle Шенкъ, вся взволнованная и сказала, что матушкѣ дурно, что она лишилась чувствъ, Я тотчасъ же побѣжала въ ея комнаты: она лежала на полу, на матрацѣ, но была въ памяти. Я осмѣлилась спросить, что съ нею. Она отвѣчала, что хотѣла пустить себѣ кровь, но фельдшеръ, по неловки, четыре раза, на обѣихъ рукахъ и ногахъ, не попадалъ въ жилу, и она оттого лишилась чувствъ. Я знала уже, что матушка боялась кровопусканія, и недоумѣвала, почему она рѣшилась на него и зачѣмъ ей это было нужно. Тѣмъ не менѣе, она упрекала меня, что я вовсе не принимаю въ ней участія и наговорила мнѣ по этому поводу множество непріятностей. Я извинялась, какъ могла, заявляя свое полное невѣдѣніе, что она больна, но, видя, что она въ дурномъ расположеніи духа, я замолчала, стараясь удержать слезы и ушла отъ нее только тогда, когда она съ негодованіемъ приказала мнѣ удалиться. Я возвратилась въ свою комнату вся въ слезахъ и когда мои женщины спросили о причинѣ, я разсказала имъ все какъ

[1]) *Pol. Corr.*, IV, 55, 131.

было. Я навѣщала матушку по нѣсколько разъ въ день и оставалась въ ея комнатѣ сколько слѣдовало, чтобы не быть въ тягость, чего матушка строго всегда требовала и къ чему я уже привыкла" [1]). Очевидно: у Екатерины была родительница, но не было матери, которая сердцемъ чувствуетъ потребности дочери и идетъ имъ навстрѣчу съ ласкою, согрѣтою любовью, съ словомъ утѣшенія, съ добрымъ совѣтомъ. Екатерина была и оставалась одна.

---

[1]) *Mémoires*, 40. Это было первое проявленіе болѣзни, которая мѣсяца полтора, съ конца февраля по начало апрѣля, держала княгиню въ постели. Der eigentliche Sitz der Krankheit war der Unterleib gewesen und schrieb man nicht nur der Luft, sondern auch dem Genusse des Newawasser die Ursache davon zu, какъ писала княгиня мужу (*Siebigk*, 104). Только въ страстной четвертокъ, 11-го апрѣля, княгиня вышла изъ комнаты и присутствовала на богослуженіи. Если вѣрить слухамъ, сообщаемымъ *Розенбергомъ*, въ депешѣ отъ 16-го ноября 1744 года, болѣзнь княгини должно приписать ея вѣтренности, а не петербургскому воздуху или невской водѣ. Приложеніе VI, 6.

XIV.

Мать Екатерины Алексѣевны и отецъ Петра Ѳедоровича были двоюродные братъ и сестра; какъ великая княжна по матери, такъ великій князь по отцу были голштинскаго дома. Этого было бы уже достаточно, чтобъ связать судьбы Голштиніи съ политическими интересами русскаго двора; но сверхъ того, наслѣдникъ русскаго престола былъ въ то же время герцогомъ голштинскимъ, что придавало совершенно иную постановку голштинскому вопросу[1]), давно уже волновавшему сѣверныя державы. Въ чемъ же заключался голштинскій вопросъ?

Въ 1713 году, въ разгаръ сѣверной войны, союзныя Россіи датскія войска, преслѣдуя шведскій корпусъ генерала Стенбока, укрывшійся въ Голштинію, въ крѣпость Тенингенъ, вторглись въ предѣлы шлезвигской территоріи и овладѣли не только Шлезвигомъ, но и частью Голштиніи. Въ это время герцогомъ шлезвигъ-голштинскимъ былъ юный Карлъ-Фридрихъ, будущій отецъ Петра Ѳедоровича. Когда, въ 1718 году, шведскій король Каръ XII былъ убитъ, голштинскій герцогъ, какъ сынъ старшей сестры Карла XII, явился претендентомъ на шведскій престолъ, но былъ отстраненъ, и шведская корона досталась

---

[1]) „Всеподданнѣйшій докладъ отъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ", отъ 5-го октября 1759 года (изъ *московскаго главнаго архива* министерства иностранныхъ дѣлъ) см. Приложеніе VIII, 2. Eclaircissemens sur plusieurs faits relatifs au règne de Pierre-le-Grand, extraits des papiers du comte H. F. de Bassewitz (*Büsching*, IX, 283). Русскій переводъ, довольно точный, хотя и подъ невѣрнымъ заглавіемъ „Записки графа Бассевича" помѣщенъ въ „*Русск. Архивъ*", 1865, 91.

его теткѣ, младшей сестрѣ Карла XII, супругѣ горцога гессенъ-кассельскаго. Ограбленный Даніею, обойденный Швеціею, голштинскій герцогъ обратился къ Россіи.

Ни Голштинія, ни Шлезвигъ не интересовали Петра I; но съ Балтійскаго моря онъ не спускалъ глазъ, и въ этомъ отношеніи просьба голштинскаго герцога пріобрѣтала особое значеніе. Петръ В. владѣлъ уже на Западѣ морскимъ побережьемъ отъ Невы до Западной Двины; съ 1715 года его племянница, Екатерина Ивановна, была замужемъ за герцогомъ мекленбургскимъ, владѣвшимъ значительною береговою линіею; если и герцогъ голштинскій, владѣющій прибрежьемъ Нѣмецкаго моря, будетъ на его сторонѣ — русскому мореходству откроются такія перспективы, о которыхъ еще недавно Петръ не дерзалъ и мечтать. Мало того: герцогъ гессенъ-кассельскій, ставшій теперь шведскимъ королемъ Фридрихомъ I, бездѣтенъ; ближайшимъ наслѣдникомъ шведскаго престола былъ тотъ же голштинскій герцогъ — помочь ему, обязать его, если возможно, породниться съ нимъ, какъ будущимъ королемъ шведскимъ, значило обезпечить Россіи тѣ территоріальныя пріобрѣтенія, которыя только-что сдѣланы на счетъ Швеціи же. Вотъ въ чемъ заключался политическій смыслъ брачнаго союза цесаревны Анны Петровны съ голштинскимъ герцогомъ Карломъ-Фридрихомъ.

Въ мартѣ 1721 года герцогъ прибылъ въ Россію. Спустя два года, стараніями Россіи были уже возстановлены его права на шведскій престолъ: 19-го ноября 1723 г. шведскій король и государственные чины подписали актъ, удостовѣряющій, что шведская „нація обязана самою почтительною преданностію потомку Густава и не имѣетъ никакой причины, въ случаѣ смерти короля (Фридриха I), обойти особу его королевскаго высочества“, т. е. Карла-Фридриха. Одновременно съ этимъ Петръ велъ переговоры и съ датскимъ дворомъ о возвращеніи герцогу захваченнаго Даніею Шлезвига. Переговоры эти не имѣли успѣха, но не охладили Петра: въ русско-шведскомъ договорѣ 22-го февраля 1724 года, въ особомъ секретномъ артикулѣ, русскій императоръ и шведскій король согла-

сились употребить извѣстныя мѣры для возвращенія голштинскому герцогу земель, несправедливо захваченныхъ у него Даніею[1]). Въ томъ же году, 24-го ноября, былъ заключенъ брачный договоръ между герцогомъ шлезвигъ-голштинскимъ и цесаревною Анною Петровною, въ которомъ Петръ I обѣщалъ своему будущему зятю сильную поддержку какъ въ добываніи шведскаго престола, такъ и въ возвращеніи Шлезвига[2]). Петръ обѣщалъ помогать Карлу-Фридриху „со всею своею въ рукахъ имѣющеюся силою" и свидѣтельствовалъ, что „и руки прежде опускать не изволитъ, пока государю герцогу, дружелюбно любезному его зятю за свое отъ короля дацкаго черезъ толь многіе годы у него предудержанное герцогство Шлезвигское совершенное удовольство съ совокупленіемъ короны шведской исходатайствовано будетъ". Петръ I заинтересовалъ и короля прусскаго въ пользу Карла-Фридриха — графъ Александръ Головкинъ, русскій посланникъ въ Берлинѣ, извѣщалъ, что король говорилъ ему: „Я никогда не вступлю ни въ какія соглашенія ни противъ правъ герцога голштинскаго на шведскій престолъ, ни противъ возвращенія ему Шлезвига"[3]). Вспоминая это время, герцогъ Карлъ-Фридрихъ записалъ въ своихъ мемуарахъ: „При русскомъ дворѣ я, въ короткое время, былъ почтенъ милостію могущественнаго монарха въ такой степени, что могъ ожидать для себя величайшихъ отъ того выгодъ, а какъ такого же благоволенія удостоивала меня и августѣйшая его супруга, то все давало мнѣ поводъ надѣяться полнаго успѣха въ своихъ предпріятіяхъ"[4]).

Эти ожиданія и надежды не сбылись. Не понимая сущности самодержавной власти, герцогъ Карлъ-Фридрихъ заботился только о милости Петра I, о благоволеніи Екатерины I и не имѣлъ успѣха, благодаря вліянію барона Остермана и кн. Меншикова.

---

[1]) *П. С. З.*, № 4465. Артикулъ секретный первый, касающійся „княженія шлезвигскаго", помѣщенъ въ брошюрѣ *Щебальскаго*, 1. — [2]) *Мартенсъ*, V, 213, 230, 231. — [3]) *Мартенсъ*, V, 233. — [4]) *Сборникъ*, I, 200.

28 января 1725 г. умеръ Петръ В., но была жива Екатерина I, „благоволившая“ Карлу-Фридриху и шедшая по стопамъ своего покойнаго супруга. Положеніе голштинскаго герцога при русскомъ дворѣ значительно упрочилось бракомъ его съ цесаревною Анною Петровною, совершившимся 21-го мая 1725 г. Вскорѣ герцогъ-зять былъ сдѣланъ членомъ верховнаго тайнаго совѣта[1]). Въ союзныхъ договорахъ Россіи съ Австріею и Пруссіею, заключенныхъ въ августѣ 1726 года, Екатерина I, подобно Петру I, заботилась о своемъ зятѣ и даже поставила голштинскій вопросъ на болѣе практическую почву: въ русско-австрійскомъ договорѣ выкокіе контрагенты постановили, что они употребятъ „пріятельскія старанія“ въ пользу Карла-Фридриха, „но буде таковыя пріятельскія старанія тому насупротивъ чрезъ цѣлое время одного году пожеланнаго плода не принесутъ, то къ такому случаю обязуются Его Цесарское Католическое Величество и Ея Всероссійское Величество совокупно оружіе дѣйствительно воспріять и оное не прежде нисположить, пока Свѣтлѣйшій Герцогъ сатисфакцію получитъ и ему надлежащее возвратятъ“[2]).

Не прошло, однако, и года, какъ умерла Екатерина I. Сошли со сцены мирволившіе герцогу Петръ В. и Екатерина; положеніемъ овладѣли его враги — баронъ Остерманъ и князь Меншиковъ. Вслѣдъ за смертію тещи, герцогъ самъ уже призналъ „не приличнымъ своему положенію“ оставаться въ Россіи, и 5-го августа 1727 г. молодая чета отправилась въ Голштинію. Отъѣзжая изъ Россіи, герцогъ увезъ съ собою „декларацію“ русскаго двора, которою подтверждались всѣ договоры и секретныя

---

[1]) Протоколъ совѣта отъ 17-го февраля 1726 г. (*Сборникъ*, LV, № 16, 43). Къ герцогу былъ приставленъ камергеръ графъ Михаилъ Головкинъ для перевода „съ русскаго на нѣмецкій языкъ о чемъ будетъ совѣтовано и что чинено“ (*Сборникъ*, LV, № 22, 52). — [2]) *Мартенсъ*, I, 42. Подобное же условіе, приложенное къ русско-прусскому договору, еще не обнародовано. Договоръ 10-го августа 1726 г. помѣщенъ въ *П. С. З.* № 4947, но безъ секретныхъ артикуловъ, о которыхъ только упоминаетъ, не приводя ихъ, *Щебальскій*, 13, прим,

ихъ статьи въ пользу правъ Карла-Фридриха на Шлезвигъ[1]). Это была послѣдняя „бумага", лишенная всякой силы, но, тѣмъ не менѣе, говорившая въ пользу голштинскаго герцога; скоро русское правительство совершенно отречется отъ герцога и даже станетъ на сторону его враговъ.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Киль, 10-го февраля 1728 года, Анна Петровна разрѣшилась отъ бремени сыномъ — Карломъ-Петромъ-Ульрихомъ, будущимъ русскимъ императоромъ Петромъ III; черезъ три мѣсяца, 15-го мая, она умерла. Эта смерть значительно умаляла связи съ Россіею; воцареніе Анны Ивановны порвало ихъ окончательно[2]). Еще на конгрессахъ въ Камбрэ и Суассонѣ русскимъ уполномоченнымъ было предписано хлопотать въ пользу герцога Карла-Фридриха, требуя возвращенія ему Шлезвига, но уже 26-го мая 1732 года былъ заключенъ въ Копенгагенѣ тройной русско-австро-датскій союзъ, которымъ Данія согласилась уплатить герцогу милліонъ ефимковъ за Шлезвигъ, а Россія и Австрія обязались гарантировать Даніи свободное обладаніе Шлезвигомъ[3]). Покинутый и Россіею, герцогъ Каръ-Фридрихъ не продалъ, однако, Даніи своего права на Шлезвигъ — онъ

---

[1]) *П. С. З.*, № 5128.

[2]) Въ Россіи слышались еще въ началѣ царствованія Анны Ивановны голоса, утверждавшіе, что „въ Голштиніи имѣется одинъ принцъ, внукъ Петра Перваго, который истинный наслѣдникъ Россійской Имперіи, и отдалить его отъ сего никакъ невозможно"; но, вопервыхъ, этотъ принцъ вспоминался не самъ по себѣ, а потому, что „нынѣ у насъ въ Россіи честнымъ людямъ никакъ жить невозможно; паче же кои по лучше другихъ разумѣютъ, тѣ весьма въ краткомъ времени пропадаютъ" (*Михайловъ.* Сборникъ историч. матерьяловъ и документовъ, Спб. 1873, 197; *Заря* 1870 г., № 7; *Русскій Архивъ* 1871 года, 35), и, вовторыхъ, скоро и этихъ отдѣльныхъ голосовъ не было уже слышно. — [3]) „Его римско-цесарское величество и ея величество всероссійское его королевскому величеству дацкому бывшую княжескую часть герцогства Шлезвигскаго, какъ его королевское величество нынѣ оною владѣетъ, безъ всякаго изъятія, гарантировать и онаго въ спокойномъ и безпомѣшательномъ владѣніи оной противъ всѣхъ содержать хотятъ". *Мартенсъ*, I, 63.

отвергъ денежное вознагражденіе и, умирая, передалъ сыну свои права на Шлезвигъ.

Елизавета Петровна знала, что, призывая изъ Киля своего племянника, она навязываетъ русскому правительству и „голштинскій вопросъ", но надѣялась, что русская корона заставитъ юнаго герцога забыть о притязаніяхъ на Шлезвигъ. Императрица, однако, ошиблась.

Въ 1739 году умеръ герцогъ Карлъ-Фридрихъ, и всѣ его титулы и права перешли къ его малолѣтному сыну. Администраторомъ Голштиніи былъ назначенъ его дядя, принцъ Адольфъ-Фридрихъ, принимавшій близко къ сердцу интересы шведскіе, даже датскіе, только не голштинскіе: онъ и былъ вскорѣ избранъ на шведскій престолъ. Его администрація вела голштинскія дѣла во вредъ малолѣтнему герцогу. Когда русскій камергеръ баронъ Корфъ пріѣхалъ въ Киль за герцогомъ-ребенкомъ, чтобъ увезти его въ Россію, въ Килѣ слышались голоса: „Слава Богу, онъ уѣхалъ, и мы его болѣе не увидимъ". При голштинскомъ дворѣ была партія датская, шведская, но не было голштинской.

Въ 1742 году герцогъ голштинскій принялъ православіе и былъ объявленъ наслѣдникомъ русскаго престола. Датскій дворъ, зорко слѣдившій за всѣмъ, что происходило въ Голштиніи, хотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ и къ захваченному уже Шлезвигу присоединить теперь и всю Голштинію. Основываясь на томъ, будто лицо, исповѣдующее греческую вѣру, не можетъ быть членомъ Германской имперіи, датскій дворъ вошелъ въ соглашеніе съ лондонскимъ, чтобы объявить Петра Ѳедоровича лишеннымъ всѣхъ правъ на голштинскія владѣнія и присоединить эти земли къ датской коронѣ. Англійскій король поручилъ своему представителю въ Гагѣ увѣдомить объ этомъ соглашеніи Соединенные Штаты, которые онъ приглашалъ или присоединиться къ англо-датскому соглашенію, или, по крайней мѣрѣ, оставаться нейтральными[1]). Треворъ, англійскій посланникъ въ Гагѣ, испол-

[1]) Декларація англійскаго посланника въ Гагѣ, Тревора (изъ *Лондон. Архива*) см. Приложеніе VIII, 1.

нилъ возложенное на него порученіе настолько торжественно и публично, что, спустя нѣсколько дней, въ „Gazette Française“ была напечатана сущность его декларацiи, и, такимъ образомъ, датская интрига была узнана въ Петербургѣ[1]). Эта интрига не удалась: декларировать свои притязанія все-таки легче, чѣмъ захватывать чужія земли. Шлезвигъ былъ захваченъ въ то время, когда малолѣтній Карлъ-Фридрихъ былъ въ Швеціи, у своей бабки; захватить Голштинію въ то время, когда несовершеннолѣтній Петръ Ѳедоровичъ былъ уже объявленъ наслѣдникомъ русскаго престола, значило объявить войну Россіи. Данія понимала это и ограничилась декларацiей.

Положеніе Голштиніи въ то время, дѣйствительно, могло подать Даніи поводъ предполагать, что ей удастся захватить землю, о которой, казалось, нѣкто не заботился: несовершеннолѣтній герцогъ перемѣнилъ вѣру и сталъ наслѣдникомъ русскаго престола; опекунъ герцога, голштинскій принцъ Адольфъ-Фридрихъ, избранъ въ шведскіе наслѣдные принцы; Голштиніею правитъ административный совѣтъ изъ частныхъ лицъ, продажныхъ и покупныхъ настолько, что Даніи не трудно было составить свою партію и ввести ея членовъ въ самый совѣтъ. Трудно управлять побережьемъ Нѣмецкаго моря изъ Петербурга или Стокгольма; въ Копенгагенѣ вовсе не ожидали, что можно быть русскимъ великимъ княземъ и все-таки предпочитать Голштинію Россіи.

Въ Килѣ и въ Петербургѣ шла сложная интрига по поводу Голштиніи. Видная роль въ этой интригѣ принадлежала, конечно, цербстской княгинѣ Іоганнѣ-Елизаветѣ, урожденной принцессѣ голштинской. Она вела по этому поводу обширную переписку, изъ которой, къ сожалѣнію, извѣстны только небольшіе отрывки. Судя по нимъ, можно, однако, догадываться, что вопросъ сводился къ чисто матерьяльнымъ интересамъ — кому распоряжаться доходами голштинскихъ земель. Опекунъ, какъ шведскій кронпринцъ, къ тому-же женатый на прусской принцессѣ,

---

[1]) Депеша *Вича* лорду Гаррингтону отъ 18-го октября 1743 г. (*Лондон. Архивъ*, Russia, № 44).

былъ неудобенъ для Россіи; онъ весь отдался прусско-французскимъ интересамъ. Для устраненія „неудобнаго оцекуна“, русскій дворъ хлопоталъ о возможно скорѣйшемъ объявленіи герцога совершеннолѣтнимъ. Въ Килѣ составилась партія въ пользу графа Брюммера, какъ штатгальтера Голштиніи; за Брюммера была и княгиня цербстская; противную партію представлялъ принцъ Августъ-Фридрихъ, братъ княгини и опекуна Адольфа-Фридриха, привозившій въ Петербургъ портретъ Фике; за принца Августа была его сестра, герцогиня саксенъ-готская, и канцлеръ Бестужевъ. Обѣ партіи и не предполагали, кажется, что Петръ Өеодоровичъ, какъ герцогъ, рѣшится взять въ свои руки управленіе отчиной.

Княгиню особенно раздражала кандидатура ея брата, принца Августа: для нея было очевидно, что враги хотѣли заранѣе объявить великаго князя, какъ герцога, совершеннолѣтнимъ и этимъ путемъ уничтожить опекунство старшаго брата, принца Адольфа, наслѣднаго принца шведскаго, причемъ младшій братъ, принцъ Августъ, сталъ бы управлять Голштиніею отъ имени великаго князя[1]). Княгиня, на этотъ разъ, была совершенно права: принцъ Адольфъ шведскій, поддерживаемый Пруссіею и Франціею, имѣлъ болѣе шансовъ защитить Голштинію отъ притязаній Даніи, чѣмъ слабый принцъ Августъ, готовый даже женитьтя на датской принцессѣ[2]). Іоганна-Елизавета желала, поэтому, чтобы опекуномъ былъ попрежнему старшій братъ, а штатгальтеромъ его и позже великаго князя — графъ Брюммеръ. Въ этихъ видахъ она признавала необходимымъ, прежде всего, удалить принца Августа даже изъ Голштиніи: она совѣтовала ему принять участіе

---

1) *Mémoires*, 32.

2) Мы основываемся на подлинныхъ документахъ (*Русск. Архивъ*, 1863, 906; вт. изд. 364). Въ депешѣ англійскаго посланника, отъ 20-го марта 1749 г., это изложено въ иномъ видѣ: There is a project on foot, which is kept very secret, of marrying the princess royal of Denmark to prince August, the present administrator of the Dutchy of Holstein, in order to exslude him from the succession of Holstein in case the Great Duke has no issue, which it is probable he never will (*Лондон. Архивъ*, Russia, № 58).

въ голландской войнѣ, выпросила у Елизаветы Петровны денежное вспоможеніе принцу-воину и, скрывая отъ сестры свои намѣренія, писала герцогинѣ саксенъ-готской, отъ 27-го іюля 1744 года:

„Правда, дражайшая сестрица, что я моего добраго и дорогого Августа предупрежденна нахожу. Онъ дѣйствительно противъ меня, и подлинно онъ мнѣ несправедливость чинитъ. Однакожъ онъ по совѣту моему во Фландрію поѣхалъ, чѣмъ я такъ наипаче довольна, что то подѣйствовало: ибо, когда я о томъ ея императорскому величеству, сказала, то она ему 10,000 рублевъ въ презентъ пожаловала. Благополучно-бъ для Голштиніи было, ежели-бъ онъ статгальтеромъ тамъ учиненъ быть могъ; но тому еще время, ибо его прилежное желаніе непріятелямъ Голштинскаго дома желаемой случай подать могло-бъ къ произведенію подозрѣній, которымъ по благоразумію себя подвергать не надлежитъ. Повѣрьте мнѣ, что я, будучи на мѣстѣ, состояніе здѣшнее знаю и серце правое имѣю[1]).

Конечно, „на мѣстѣ" виднѣе, и герцогиня саксенъ-готская признавала, что ея сестра „сердце правое имѣетъ", но братъ этого не признавалъ: въ августѣ же, будучи въ Кіевѣ, княгиня получила отъ принца Августа письмо, въ которомъ онъ заявлялъ о своемъ намѣреніи пріѣхать въ Россію. Княгиня удаляетъ его даже изъ Голштиніи, а онъ собирается въ Россію; очевидно, его научаютъ ея враги и, прежде всего, канцлеръ Бестужевъ, чтобъ повредить графу Брюммеру и всѣмъ сторонникамъ наслѣднаго шведскаго принца, опекуна великаго князя, какъ герцога голштинскаго. Раздраженная этими соображеніями, княгиня отвѣчала ему изъ Козельца очень рѣзко: вмѣсто того, чтобъ играть въ руку враговъ своего брата, онъ лучше поѣхалъ бы къ мѣсту своего служенія въ Голландію; лучше съ честью пасть въ бою, чѣмъ строить козни

---

[1]) *Осмнадц. Вѣкъ*, I, 26. Всѣ письма цербстской княгини перлюстровались и немедленно переводились на русскій языкъ; онѣ изданы г. Бартеневымъ въ современномъ переводѣ.

брату и присоединяться къ врагамъ сестры въ Россіи"[1]). Письмо, конечно, было перлюстровано: императрица находила слишкомъ жестокимъ и безчеловѣчнымъ желать брату смерти; княгиня, напротивъ, похвалялась этой фразой, находя въ ней „une expression ferme et sonnante".

О принцѣ Августѣ составилось неблагопріятное мнѣніе. Елизавета Петровна считала его человѣкомъ легковѣрнымъ, котораго „весьма не трудно на всѣ стороны склонить"; Екатерина II находила его просто „глупымъ"[2]). Отвѣтъ принца сестрѣ, полный ироніи, рисуетъ его въ совершенно иномъ свѣтѣ:

„Я не преминулъ получить ваше милостивое письмо, отправленное за двѣ мили отъ Кіева, въ то время, когда я къ баталіи съ непріятелемъ въ маршѣ находился, что препятствовало мнѣ по нынѣ на оное отвѣтствовать. Вы безъ трудности разсудите, дрожайшая и любезнѣйшая моя сестра, какое увеселеніе оное письмо мнѣ причинить могло, будучи наканунѣ окончанія моей жизни. Ежелибъ я не столько флегматикъ былъ, какъ я есмь, то оное не знаю, что во мнѣ произвесть могло бъ. Но какъ бы то ни было, я вамъ за то зла не желаю, и будьте удостовѣрены, что, несмотря на все то, должная моя къ вамъ дружба и любовь въ сердцѣ моемъ никогда быть не перестанутъ. Я сокрушаюся, видя васъ противъ меня огорченныхъ; но разсудите, сестрица, что вы въ томъ не правы, когда упоминаете, что письмо мое къ вамъ противъ васъ было. Вы не хорошо то поняли. Я досадовалъ противъ моихъ клеветниковъ и противъ тѣхъ, кто меня съ вами ссоривалъ; ибо, Богъ мнѣ свидѣтель, что я столько повѣренности къ вамъ имѣю, что я предовольно извѣстенъ, что вы никогда ничего противъ меня сдѣзать не можете; но другіе токмо вашу къ нимъ милость худо употребляютъ. Я вамъ подробно на все не отвѣтствую, ибо я съ вами ссориться всеконечно не желаю. Оригиналъ, копію и все, что вы изволите, беречь буду. Меня увѣдомляютъ, что вы вскорѣ въ Германію возвратиться намѣреніе имѣете; я васъ искать буду и въ полчаса все вамъ предъявлю и васъ удостовѣрю дружески о томъ, коимъ образомъ, что до меня принадлежитъ, васъ обольстили.

„Я уповаю, дрожайшая моя сестрица, что вы мною нынѣ довольны будете. Чтожъ до меня принадлежитъ, то я, хотя бы вы

---

[1]) *Mémoires*, 33. — [2]) *Русскій Архивъ*, 1863, 366; *Mémoires*, 34. Эти отзывы принимаетъ на вѣру г. *Барсковъ*, называя принца „простымъ и легкомысленнымъ" (*Осмнадц. Вѣкъ*, I, 29); г. *Дирипъ* причисляетъ принца „къ категоріи такихъ личностей, которыхъ семья воздерживается выставлять на показъ" (101).

мнѣ и не знаю что сдѣлали, доволенъ вами буду[1]). Правда, что я самое дѣло ненавидѣлъ бы, но дружба и согласіе, которыя по сродству быть имѣютъ, отъ того претерпѣвать не долженствуютъ. Таковы суть, дрожайшая моя сестрица, мои сентименты. Я вѣдаю, что и вы таковые же имѣете и для того прекратимъ всякую опечаливающую корреспонденцію и возстановимъ древнюю, такову, какова она прежде бывала.

„Я еще вамъ, дрожайшая сестрица, скажу, что кампанія окончилася и что я въ 15 дней въ Голштинію поѣду. Ежели что либо тамъ къ желаніямъ вашимъ находиться будетъ, то я вашихъ повелѣній ожидать стану“.

Письмо помѣчено 2 (13) октября 1744 г. и „глупый“ принцъ послалъ его въ копіи, канцлеру Бестужеву. Онъ, конечно, напрасно „искалъ сестрицу въ Германіи“ и, спустя четыре мѣсяца, въ февралѣ 1745 г., явился въ Петербургъ, и своимъ появленіемъ повергъ въ отчаяніе свою сестру-княгиню[2]).

Принцъ Августъ скоро сошелся съ великимъ княземъ, который полюбилъ его, какъ родственника и, къ тому же, голштинца; особенно сблизила ихъ общая ненависть къ графу Брюммеру. Дядя говорилъ племяннику о Голштиніи, которую Петръ Ѳедоровичъ такъ любилъ; онъ указывалъ герцогу дурныя стороны администраціи Голштиніи и находилъ, что только объявленіе герцога совершеннолѣтнимъ можетъ поправить дѣла его родины. Этими рѣчами, конечно, набрасывалась тѣнь на опекунское управленіе Голштиніею принца Адольфа, о чемъ княгиня не замедлила сообщить въ Стокгольмъ, брату, съ которымъ была въ постоянной перепискѣ. Принцъ Адольфъ отвѣчалъ, между прочимъ, сестрѣ: „Стараются очернить людей мнѣ преданныхъ, и недостаетъ только одного, чтобы назвали меня по имени. Я не боюсь никакого слѣдствія; напротивъ, буду радъ, ибо увѣренъ, что слѣдствіе обратится въ мою пользу. Признавая охлажденіе между мною и великимъ княземъ чрезвычайно опаснымъ для нашего дома, считаю необходимымъ предупреждать всѣ внушенія,

---

[1]) Послѣднихъ трехъ словъ въ оригиналѣ нѣтъ, а съ боку приписано: *сенса не достаетъ.* Кажется, смыслъ возстановляется довольно точно приведенными тремя словами. *Осмнадц. Вѣкъ*, I, 27. — [2]) Elle étoit à peu près au désespoir de son arrivée. *Mémoires*, 34.

которыя, какъ видно, сдѣланы были ему противъ меня. Я увѣренъ, дрожайшая сестрица, что вы приложите къ тому всѣ свои старанія; я требовалъ того-же и у великой княгини, по вашему совѣту. Я при первомъ надежномъ случаѣ пришлю вамъ два экземпляра съ цыфирью, которыя вы и великая княгиня можете употреблять; но я усерднѣйше васъ прошу внушить ей, чтобы она въ этомъ случаѣ поступала со всевозможнымъ благоразуміемъ и осторожностью. Братъ мой Августъ приноситъ на меня несправедливую жалобу"[1]).

Въ чемъ заключалась жалоба принца Августа на своего брата можно лишь догадываться — въ небреженіи голштинскими дѣлами; но нельзя сомнѣваться, что „глупый" принцъ дѣйствовалъ вполнѣ успѣшно относительно объявленія великаго князя, какъ герцога голштинскаго, совершеннолѣтнимъ. 17-го іюня 1745 г., въ Петергофѣ, въ торжественной аудіенціи, императорскій посланникъ баронъ Герсдорфъ, въ присутствіи саксонскаго резидента Пецольда, отъ имени курфюрста саксонскаго, какъ викарія Римской имперіи, представилъ грамоту о достиженіи Петромъ Ѳедоровичемъ, какъ герцогомъ, совершеннолѣтія[2]) и о признаніи за нимъ права самостоятельно управлять Голштиніею. Если вѣрить Штелину, великій князь, возвратясь съ этимъ дипломомъ въ свои покои, прочиталъ его весь, громкимъ голосомъ, и, обратясь къ Брюммеру и Берхгольцу сказалъ имъ; „Вотъ, видите-ли, господа, наконецъ исполнилось то, чего я давно желалъ: я — владѣтельный герцогъ, вашъ государь; теперь моя очередь по-

---

[1]) Перлюстрація 1745 г. въ москов. архивѣ мин. иностр. дѣлъ, у *Соловьева*, XXII, 42,

[2]) Въ депешѣ *Гиндфорда* графу Гаррингтону, отъ 18-го іюня 1745 г.: M-r Petzolt, the Saxon resident, presented yesterday a diploma from his master, the vicar of the Empire, granting the venia aetatis to the great Duke. This puts entirely an end to count Brummer's administration of the affairs of the dutchy of Holstein, and is likewise very desagreable to the princess of Zerbst (*Лондон. Архивъ*, Russia, № 48). Въ депешѣ *Дальона* маркизу Даржансону, отъ того же числа: L'électeur de Saxe, comme vicaire de l'Empir, vient d'accorder une dispense d'âge pour la majorité du grand-duc en qualité de duc de Holstein (*Парижс. Архивъ*, Russie, vol. 46, f. 470).

велѣвать. Прощайте! Вы мнѣ болѣе не нужны, и я постараюсь возвратить васъ въ Голштинію“[1]).

Въ Килѣ не ожидали ничего подобнаго, и не успѣли еще приготовиться, когда пріѣхалъ камергеръ Корфъ, русскій посланникъ въ Копенгагенѣ, для устройства голштинскихъ дѣлъ. Госпожа Брокдорфъ, принадлежавшая къ администраторской партіи, увѣряла сначала, что Корфъ пріѣхалъ въ Киль вовсе не для провозглашенія совершеннолѣтія герцога; но когда кильскій батальонъ былъ собранъ на площади, приведенъ къ присягѣ и три раза выпалилъ изъ ружья съ криками „vivat“, она, всплеснувъ руками, сказала: „Боже мой, что это въ Петербургѣ дѣлаютъ! Графъ Брюммеръ еще съ послѣднею почтою писалъ ко мнѣ, что о совершеннолѣтіи нѣтъ даже и помину. Боюсь, что не сбудется его надежда получить званіе штатгальтера[2]). Корфъ доносилъ, что голштинцы выражаютъ полную преданность своему юному государю, причемъ прибавлялъ, что и шляхетство также предано, но, опасаясь датчанъ, не смѣетъ выражать своихъ чувствъ. Кто же будетъ назначенъ намѣстникомъ въ Голштиніи? Люди благонамѣренные говорили Корфу, что если управленіе страною будетъ поручено частному лицу, кто бы онъ ни былъ, это очень повредитъ интересамъ герцога, потому что частное лицо всегда будетъ находиться подъ вліяніемъ то шведскихъ, то датскихъ интригъ, и всегда будетъ безотвѣтственно, такъ какъ, въ случаѣ неудовольствія на него въ Россіи, легко можетъ перейти въ датскую или шведскую службу. Корфъ предлагалъ назначить штатгальтеромъ принца Августа, „качества котораго превозносятъ въ Голштиніи и шляхетство и горожане“, и котораго Корфъ находитъ „проницательнымъ и бодрымъ“. Во всякомъ же случаѣ, по мнѣнію Корфа, необходимо удалить

---

[1]) *Штелинъ*, 82. Дословное повтореніе рѣчей всегда подозрительно; въ данномъ же случаѣ Штелинъ ошибся даже относительно года церемоніи: Брюммеръ и Берхгольцъ „оставались еще болѣе года при дворѣ, состоя попрежнему въ штатѣ великаго князя, пока, наконецъ, получили увольненіе, осенью 1745 года“. Такимъ образомъ, признаніе герцога совершеннолѣтнимъ отнесено Штелинымъ къ 1744 году. — [2]) *Соловьевъ*, XXII, 85.

всѣхъ членомъ прежней администраціи. „По вопросу объ устройствѣ новаго правительстиа, писалъ Корфъ, въ Килѣ нѣтъ недостатка въ конференціяхъ и совѣщаніяхъ, которыя клонятся къ тому, чтобы удержать на мѣстахъ приверженцевъ прежней администраціи. Большіе съѣзды бываютъ у госпожи Брокдорфъ; эти съѣзды подозрительны тѣмъ, что въ нихъ участвуетъ слуга Даніи — камергеръ Бухвальдъ. Интересъ великаго князя требуетъ, чтобы разомъ пресѣчь иностранныя интриги и удалить отъ дѣлъ всѣхъ приверженцевъ прежней администраціи: если они предпочли наслѣдника шведскаго престола великому князю, то надобно опасаться, что они и впредь не оставятъ своихъ прежнихъ связей"[1]). Положеніе голштинскихъ финансовъ Корфъ признавалъ безнадежнымъ: администрація увеличила государственный долгъ на 200,900 ефимковъ; въ бюджетѣ 1745 г. расходы превышали доходъ на 241,398 рейхсталеровъ; чрезвычайные расходы увеличились на 192,000 ефимковъ. Что при этомъ не обходилось безъ мошенничества, видно изъ того, что еврей Мусафія, при посредствѣ котораго дѣлались займы, бѣжалъ изъ Киля, какъ только было объявлено о совершеннолѣтіи великаго князя-герцога.

Донесенія камергера Корфа вполнѣ оправдали принца Августа, который получилъ теперь еще бо́льшее вліяніе на великаго князя. Княгиня цербстская еще разъ оказалась неправою и, что хуже всего, дѣйствующею во вредъ русскимъ интерасамъ. Бестужевъ восторжествовалъ и въ голштинскомъ вопросѣ.

---

1) *Соловьевъ*, XXII, 86.

XV.

Вскорѣ по возвращеніи двора въ Петербургъ, начались приготовленія къ свадьбѣ. Въ императорской Россіи еще не бывало церемоніи бракосочетанія наслѣдника престола; бракъ царевича Алексѣя Петровича совершался въ Торгау, въ Саксоніи. Елизавета Петровна присутствовала при бракѣ своей сестры, матери Петра Өедоровича, и при бракѣ принцессы Анны Мекленбургской, когда, въ обоихъ случаяхъ, торжество имѣло болѣе семейный характеръ; бракъ самой Елизаветы Петровны, какъ морганатическій, въ счетъ не идетъ: онъ совершился скромно, тихо, тайкомъ — очень немногіе изъ современниковъ знали о замужествѣ императрицы. Браку же Петра Өедоровича имѣли въ виду придать возможно бóльшую огласку, торжественность[1]). Къ этому были какъ политическія при-

---

[1]) Эта торжественность была сопряжена, конечно, съ большими расходами. Иностранные посланники, непонимавшіе экономическихъ условій крѣпостной Россіи, рѣшительно недоумѣвали, откуда добываются средства на свадебныя приготовленія, поражавшія ихъ своею роскошью. Незадолго до свадьбы, 7-го іюня 1745 г., *Гиндфордъ* писалъ въ Лондонъ: The revenues and finances of this country are in extreme desorder. There is not a shilling in the publick coffers, although the expence and bad oeconomy of the court increaseth daily (*Лонд. Архивъ,* Russia, № 48). Нѣмецкій дипломатъ приводитъ даже указанія этого крайняго безденежья: Der Mangel an Geld und Kredit war so gros, dass man sogar Noth hatte nur die Vorschüsse auf die zu verschreibenden Livreetücher und Tressen, geschweige denn für die grössern Kostbarkeiten zusammen zu bringen (*Herrmann,* V., 90). По многимъ и весьма сложнымъ причинамъ, финансовое положеніе Россіи рѣдко находилось въ блестящемъ положеніи, но при Елиза-

чины — желаніе публично, предъ лицомъ всей Россіи, узаконить опредѣленное императрицею престолонаслѣдіе, такъ, быть можетъ, и личныя побужденія: Елизавета Петровна, какъ женщина, хотѣла предоставить своей невѣсткѣ ту торжественную обстановку брака, въ которой ей самой было отказано обстоятельствами. Императрицу занимали, казалось, даже самыя мелкія подробности предстоящаго торжества; она вся отдалась заботамъ о брачныхъ церемоніяхъ, неохотно выслушивала доклады сената и канцлера, если эти доклацы не относились къ занимавшему ее вопросу; незадолго до дня свадьбы были пріостановлены всѣ государственныя дѣла, требовавшія ея рѣшенія, даже просто подписи[1]). Приготовленія начались изданіемъ 16-го марта 1745 г. слѣдующаго именнаго указа:

„Чрезъ сіе объявляемъ. Понеже мы, съ помощію и благословеніемъ Божіимъ, всемилостивѣйше намѣреніе воспріяли благопостановленное ихъ императорскихъ высочествъ, нашего вселюбезнѣйшаго племянника, великаго князя Всероссійскаго, владѣющаго герцога Шлезвигъ-Голштинскаго, Петра Ѳедоровича, и обрученной невѣсты его великой княжны Екатерины Алексѣевны, сочетаніе бракомъ совершить, еже съ приличными тому торжествованіями, по Его же Божескому соизволенію, въ первыхъ числахъ іюля мѣсяца нынѣшняго года здѣсь въ Санктпетербургѣ и учиниться имѣетъ. Того ради мы всемилостивѣйше соизволили о семъ нынѣ заблаговременно нашему сенату знать дать и всѣмъ знатныхъ чиновъ нашей имперіи персонамъ для извѣстія объявить повелѣть, дабы

ветѣ Петровнѣ казначейство безъ затрудненія выполняло обязательства, вызванныя бракомъ великаго князя, даже чрезвычайныя, въ родѣ, напр., выдачи всѣмъ чинамъ первыхъ четырехъ классовъ „напередъ по окладамъ ихъ жалованья на весь нынѣшній годъ“ (*П. С. З.*, № 9123, именной указъ отъ 16-го марта 1745 г.), мотивированный экстраординарными расходами по случаю свадьбы. Иностранцамъ не были извѣстны такіе указы, какъ, напр., указъ 8-го іюля 1745 г. „о поставкѣ по астраханскому тракту подводъ и лодокъ для возки ко двору фруктовъ“ (*П. С. З.*, № 9186), которые разъяснили бы имъ систему покрытія расходовъ по браку безъ обремененія государственнаго бюджета.

[1]) This court is at present so busy in preparing for the Great Duke's marriage, that every thing else is at a stand. Въ депешѣ *Гиндфорда* лорду Гаррингтону отъ 23-го іюля 1745 г. (*Лондон. Архивъ*, Russia № 49).

всѣ тѣ персоны, которые въ первыхъ четырехъ классахъ находятся и тогда здѣсь въ Санктпетербургѣ присутствовать будутъ, такожде и всѣ придворные кавалеры, къ тому времени, свои для такого торжествованія и церемоній, пристойныя и по возможности каждаго богатыя платья, кареты цугами и прочіе экипажи изготовили; якоже для сего торжественнаго случая имъ, какъ на платьи, такъ и экипажахъ своихъ золотыя и серебряныя убранства по возможности же каждаго употреблять позволяется. И понеже сіе торжествованіе чрезъ нѣсколько дней продолжено быть имѣетъ, то хотя для онаго, каждой персонѣ, какъ мужеской, такъ и дамамъ, по одному новому платью себѣ сдѣлать надобно; однакоже притомъ на волю ихъ отдается, ежели кто похочетъ и два или инако больше себѣ такихъ новыхъ платьевъ сдѣлать, равномѣрно же и помянутые экипажи, по одному каждой персонѣ приготовить, а притомъ такожде на волю оставляется, буде кто похочетъ и другой для своей жены особливой экипажъ имѣть. Служителей же ихъ при экипажахъ по нижеписанной пропорціи имѣть: перваго и втораго классамъ персонамъ, у каждой кареты по два гайдука, и отъ осми до двѣнадцати лакѣевъ, кто сколько похочетъ, токмо бъ не меньше осми человѣкъ было, такожде по два скорохода, и кто пожелаетъ притомъ еще по два или по одному пажу и по два егеря; а третьяго класса персонамъ имѣть у каждой же кареты по шести лакѣевъ и по два скорохода; нашимъ же камергерамъ и прочимъ того ранга придворнымъ кавалерамъ по шести-же лакѣевъ, и кто пожелаетъ по два скорохода; а четвертаго класса персонамъ и камеръ-юнкерамъ нашимъ, такожде ихъ императорскихъ высочествъ камергерамъ и камеръ-юнкерамъ, по четыре лакѣя; да и прочимъ всѣмъ, какъ въ пятомъ, такъ и въ шестомъ классахъ находящимся персонамъ, во время сего торжества, хотя не для церемоніи, однако жъ для пріѣзда ко двору нашему, платье и экипажъ свои, по пристойности каждаго, хорошія имѣть надлежитъ"[1]).

Росписать число гайдуковъ и егерей по классамъ и чинамъ „персонъ" было не трудно; а дальше что? Въ канцеляріяхъ и у камеръ-фурьерскихъ дѣлъ оказалось очень мало свѣдѣній относительно церемоніи подобнаго рода[2]); пришлось обратиться къ помощи иностранныхъ

[1]) *П. С. З.*, № 9124. Указъ именный о приготовленіи придворнымъ и другимъ первокласснымъ чинамъ платьевъ и экипажей по случаю бракосочетанія великаго князя Петра Ѳеодоровича.

[2]) Въ *Государственномъ Архивѣ* (П. № 71, л. 76) хранится „Описаніе торжества брачнаго нынѣ царствующей Государыни совершившагося въ 1745 году", причемъ сдѣлано слѣдующее замѣчаніе: „Проектъ сему торжеству постановленъ былъ, сообразуя съ тѣмъ, что происходило при брачномъ сочетаніи принцессы Анны 1739-го года".

дворовъ. Написали въ Парижъ, гдѣ не такъ давно праздновали бракосочетаніе дофина съ испанской принцессой; послали запросъ въ Дрезденъ, гдѣ соперникъ Людовика XIV по роскоши и мотовству Августъ II устраивалъ недавно свадьбу своего сына, польскаго короля Августа III. Представители Россіи при французскомъ и саксонскомъ дворахъ прислали въ Петербургъ цѣлые ворохи церемоніаловъ, описаній, даже рисунковъ[1]).

Какъ только вскрылась Нева, изъ Кенигсберга и Данцига, изъ Штетина и Любека начали приходить суда съ экипажами, матеріями, готовыми платьями и ливреями, заказанными заграницею для предстоявшихъ празднествъ. Прибыли, между прочимъ, и шелковыя матеріи цербстскаго производства — подарокъ цербстскаго князя своей женѣ и дочери по случаю свадьбы. Можно вѣрить извѣстію, что цербстскія матеріи были великолѣпны: Цербстъ славился въ прошломъ вѣкѣ своими шелковыми матеріями, особенно-же затканными золотыми и серебряными узорами. Въ то время золотые и серебряные цвѣты на свѣтломъ шелковомъ фонѣ были въ модѣ; особенно цѣнились англійскія произведенія[2]); второе послѣ англійскихъ мѣсто занимали цербстскія матеріи[3]).

Какъ ни торопились приготовленіями къ свадьбѣ, все таки опоздали мѣсяца на полтора. Въ мартѣ, именнымъ указомъ свадьба была назначена въ первыхъ числахъ іюля, въ іюлѣ была отложена до начала августа, въ началѣ августа днемъ бракосочетанія было опредѣлено 21-е августа,

---

[1]) *Beauclair*, 84. *Брикнеръ* ссылается на *Siebigk*, 103, не замѣчая, что это дословная выписка изъ *Herrmann*, V, 90.

[2]) The Empress is a great lover of english stuffs, particularly white and other light colours with large flowers of gold and silver. Депеша *Гиндфорда* лорду Гаррингтону, отъ 19-го марта 1745 г. (*Лондон. Архивъ*, Russia № 47). — [3]) Вмѣстѣ съ матеріею князь прислалъ, кстати, и цербстское пиво, которое и до нашихъ дней пользуется вполнѣ заслуженною извѣстностью (Zerbster Bitterbier). Князь разсчитывалъ, кажется, сдѣлать пиво статьею экспорта, но оно въ Россіи не понравилось, не смотря на всѣ старанія княгини, которая писала мужу отъ 31-го іюля: Das Zerbster Bier ist angekommen und wird an einigen, denen es was neues, ausgegeben werden, Auch lasse einiges davon Kaufleuten schenkén, ob vielleicht hinfüro was zu debitieren. *Siebigk*, 115.

торжества должны продолжаться десять дней и закончиться, 30-го августа, кавалерскимъ праздникомъ ордена св. Александра Невскаго.

„По мѣрѣ того какъ приближался день свадьбы — пишетъ Екатерина[1]) — я становилась все болѣе и болѣе грустною. Сердце не предвѣщало мнѣ большого счастія". Почему?

Чѣмъ долѣе жила Екатерина подъ одной кровлей съ Петромъ Ѳедоровичемъ, тѣмъ болѣе находила она несимпатичныя черты въ характерѣ и умѣ своего жениха. Какъ ни была молода Екатерина, какъ ни мало она знала жизнь, но причуды великаго князя, его пренебреженіе къ самымъ элементарнымъ понятіямъ приличія и порядочности бросались и ей въ глаза. Онъ дулся на Екатерину за исполненіе ею обрядовъ греческой церкви, болталъ во время богослуженія; цѣлые дни проводилъ онъ съ лакеями, играя съ ними въ солдатики, даже въ куклы. Любовь къ солдатчинѣ могла быть объяснена несчастною страстью, унаслѣдованною отъ отца; но чѣмъ оправдать пристрастіе къ лакейскому сообществу? Игра въ куклы наканунѣ свадьбы свидѣтельствовала объ остановившемся развитіи. Мало того, что женихъ въ 17 лѣтъ былъ ребенкомъ, но это оказался ребенокъ капризный, страдавшій, какъ всѣ избалованныя и неразвитыя дѣти, надутымъ самомнѣніемъ. Онъ не только наивно воображалъ, что всѣ люди одного съ нимъ мнѣнія, но былъ серьезно убѣжденъ, что всѣ обязаны держаться его мнѣнія. Въ 17 лѣтъ онъ проявлялъ уже всѣ задатки самодура, тѣмъ болѣе опаснаго, что его воля ничѣмъ не сдерживалась. Лично для Екатерины хуже всего было, однако, то, что при всемъ стараніи она не могла замѣтить въ немъ не только любви, даже привязанности къ себѣ. Въ маѣ, съ переѣздомъ въ лѣтній дворецъ, на Фонтанкѣ, великій князь прислалъ сказать своей невѣстѣ, что не можетъ посѣщать ее часто, такъ какъ живетъ слишкомъ далеко; въ іюнѣ и іюлѣ, въ Петергофѣ, женихъ забывалъ свою невѣсту ради военныхъ забавъ. Это оскорбляло Екатерину, какъ

[1]) *Mémoires*, 47.

невѣсту, и она въ то время находила утѣшеніе только въ слезахъ[1]).

Было нѣсколько причинъ, заставлявшихъ Елизавету Петровну торопиться этой свадьбой; главная же, существенная, заключалась въ утвержденіи престолонаслѣдія. Не смотря на то, что голштинскій герцогъ Петръ Ѳедоровичъ былъ объявленъ наслѣдникомъ престола, память о брауншвейгской семьѣ, объ императорѣ Иванѣ, не исчезала; вмѣстѣ съ тѣмъ не прекращались и явленія, свидѣтельствовавшія о какомъ-то неудовольствіи, причемъ подозрительныя личности стали прокрадываться даже въ самый дворецъ. Въ іюнѣ, въ уборной императрицы, за занавѣской, былъ найденъ неизвѣстный человѣкъ съ ножомъ въ рукахъ; его схватили, пытали, но не могли вымучить ни одного слова[2]). Вслѣдъ затѣмъ, уже незадолго до свадьбы, 30 іюля и 15 августа, были изданы указы относительно бумагъ правительницы Анны и императора Ивана[3]). Бракомъ наслѣдника престола съ великой княжной думали укрѣпить тронъ и отнять всякую надежду у сторонниковъ Ивана, если они дѣйствительно были. Это былъ мотивъ государственный, на столько важный, что свадьбой торопились, пренебрегая даже совѣтами врачей, находившихъ необходимымъ, вслѣдствіе слабаго здоровья великаго князя, отложить бракъ по крайней мѣрѣ еще на годъ[4]). Великій князь, дѣйствительно, былъ слабъ; прошло не болѣе мѣсяца по возвращеніи Петра Ѳедоровича

---

[1]) *Mémoires*, 36, 39, 42, sqq.

[1]) There has been lately a wicked design against the life of the Empress by a person who was found hid behind a curtain in her dressing room with a nacked hanger under his coad. He was immediately seized and carryed to the forteress, but they have not been able by the most exquisite torments to draw one single word about of him, as yet. There are eight more persons taken up, and the examinations are going on every day. Депеша *Гиндфорда* отъ 17-го іюня 1745 г. (*Лондон. Архивъ*, Russia, № 48). — [2]) *П. С. З.*, № 9192 — указъ объ уничтоженіи указовъ въ правленіе герцога Курляндскаго и принцессы Анны Брауншвейгъ - Люнебургской; № 9197 — указъ о храненіи за печатью въ тайной канцеляріи и конторѣ указовъ и дѣлъ съ титуломъ принца Іоанна. — [3]) *Штелинъ*, 88; депеша *Розенберга* отъ 29 февраля 1744 г. изъ *Вѣнскаго Архива* въ Приложеніи, I, 1.

изъ Хотилово, гдѣ онъ лежалъ въ оспѣ, какъ, въ мартѣ 1745 г., онъ опять захворалъ, такъ что долженъ былъ нѣсколько дней пролежать въ постели[1]).

Въ числѣ второстепенныхъ причинъ, заставлявшихъ торопиться бракомъ, было и желаніе возможно скорѣе отправить княгиню-мать обратно въ Цербстъ. Мелочной, довольно несносный характеръ Іоганны-Елизаветы возстановилъ противъ нея рѣшительно всѣхъ, не исключая даже родной дочери. Въ „Запискахъ" Екатерины отмѣчено за это время нѣсколько фактовъ, рисующихъ княгиню-мать съ самой непривлекательной стороны. Она дошла до того, что по наговорамъ прислуги — видно, всѣ голштинцы братались съ прислугою — обвиняла Екатерину въ томъ, будто она ночью ходила къ великому князю. „Болѣе всего меня огорчало — пишетъ Екатерина — обвиненіе, будто мы ходили на верхъ, въ комнаты великаго князя. Я сказала матери, что это вопіющая клевета, отчего она такъ разсердилась, что вышла изъ себя и прогнала меня вонъ; я возвратилась въ свою комнату вся въ слезахъ"[2]). Отчаянная сплетница и довольно низкая интригантка, княгиня прибѣгала даже къ помощи другихъ, чтобы впутать свою дочь въ интригу и довела дѣло до того, что ея братъ, шведскій кронпринцъ, прислалъ Екатеринѣ, какъ мы говорили, даже шифръ для секретной съ нимъ переписки. Екатерина не слѣдовала, однако, примѣру матери и, въ то время по крайней мѣрѣ, вовсе не интересовалась политическими дѣлами[3]). Не было такого непріятнаго „инцидента", въ которомъ княгиня не была бы замѣшана — даже въ дѣлѣ лейбъ-кампанца Грюнштейна, избившаго на большой дорогѣ родственниковъ гр. Разумовскаго[4]). Княгиня постоянно вела какіе-то пе-

[1]) The Great-Duke has kept his bed for 8 or 10 days past, being very much indisposed by a fever and cold. Депеша *Гиндфорда*, отъ 9-го марта 1745 г. (*Лондон. Архивъ*, Russia, № 48).

[2]) *Mémoires*, 46. — [3]) Pour moi, dans tout ceci, j'étais un spectateur très passif, très discret, et à peu près indifférent. *Mémoires*, 42. — [4]) The princess of Zerbst has been indisposed some days past, for, upon the confession or accusation of a person called Greenstein, the procurator general Trubetzkoi has been examined by the fiscal general

реговоры съ гр. Брюммеромъ, Мардефельдомъ, Лестокомъ — тремя лицами, которыя всѣ были на дурномъ счету у императрицы, какъ преданныя франко-прусскимъ интересамъ, что заставило относиться и къ ней весьма подозрительно[1]). Пріѣздъ принца Августа еще болѣе дискредитовалъ княгиню въ глазахъ императрицы, и, наконецъ, лѣтомъ 1745 г., за два мѣсяца до свадьбы, „въ разсужденіи какихъ-либо могущихъ быть неугодностей и толкованій о нынѣшнемъ вступленіи великаго князя въ голштинское правительство, императрица изволила указать кореспонденцію принцессы цербстской секретно открывать и разсматривать, а буде что предосудительное найдется, то и оригинальныя письма удерживать“[2]). Англійскій посланникъ сообщаетъ, что „императрица рѣшилась отпраздновать свадьбу великой княгини возможно скорѣе, лишь бы прилично отдѣлаться. отъ княгини цербстской и гр. Брюммера“[3]).

Съ половины августа, въ теченіе трехъ дней, особые герольды, въ латахъ, сопровождаемые отрядомъ конной гвардіи и драгунъ, разъѣзжали по Петербургу и, при звукахъ литавръ, оповѣщали населеніе о предстоявшемъ бракосочетаніи ихъ императорскихъ высочествъ[4]). Народъ

Uchakoff, by order of the Empress; however Trubetzkoi still appears in publick, but the princess of Zerbst, whether from a guilty conscience, or because Trubetzkoi is a particular friend and confident of hers, fell into fits and has been very much out of order, ever sinee she heard of his being examined. Депеша *Гиндфорди*, отъ 9-го марта 1745 г. (*Лондон. Архивъ*, Russia, № 49).

[1]) Депеша *Гиндфорда*, отъ 27 апр. 1745 г. (*Лондон, Архивъ*, Russia, № 48).

[2]) Перлюстрація 1745 г. въ Московск. архивѣ мин. иностр. дѣлъ. *Соловьевъ*, 43.

[3]) The Empress is determined to celebrate the marriage of the Great Duke as soon as possible in order decently ro get red of the princess of Zerbst and count Brümmer. Депеша *Гиндфорба*, отъ 2-го марта 1745 г. (*Лондон. Архивъ*, Enssia, № 48). Въ депешѣ австрійскаго резидента *Гогенгольца* къ Улефельду, отъ 29-го іюня 1741 г., повторенъ тотъ-же мотивъ, см. Приложеніе I, 5.

[4]) Relation du mariage du Grand-Duc et de la Grande-Duchesse et des fêtes, qui se sont données à cette occasion. *Сборникъ*, VII, 44;

толпами стекался ко дворцу, на адмиралтейскую площадь, гдѣ строили великолѣпные фонтаны, которые будутъ бить виномъ, ставили столы для яствъ, предназначенныхъ для народа, и къ казанской церкви, гдѣ должно совершиться вѣнчаніе и гдѣ теперь работали сотни рукъ надъ возведеніемъ роскошныхъ помостовъ, обитыхъ бархатомъ и сукномъ[1]). Къ 19-му августа въ Неву вошла цѣлая эскадра галеръ и яхтъ, расположившаяся близь дворца и адмиралтейства. 20-го августа, съ 9-ти до 11 ч. вечера, пушечные выстрѣлы и звонъ во всѣ церковные колокола извѣщали столицу о завтрашнемъ торжествѣ.

Въ пятницу, 21-го августа, въ 5 часовъ утра, пушечные выстрѣлы съ крѣпости, адмиралтейства и судовъ подали сигналы для сбора войскъ, которыя размѣстились шпалерами на пути отъ зимняго дворца, по Невскому проспекту, къ Казанской церкви. Въ 7 часовъ утра, великая княжна явилась къ императрицѣ, въ уборную, гдѣ ее одѣли къ вѣнцу. „Императрица надѣла на голову невѣсты маленькую брильянтовую корону; волосы не были напудрены, платье было изъ великолѣпнаго серебрянаго glacé, окаймленное на высотѣ полъ-юбки золотою мишурою. Это украшеніе, драгоцѣнности, которыми она была покрыта, придавали ей обворожительный видъ. Ее немного подрумянили, и цвѣтъ ея лица никогда не былъ прекрасенъ, какъ въ это время. Ея свѣтло-черные волосы,

---

Siebigk, 171. Очень подробное описаніе всей церемоніи, составленное цербстскою княгинею, въ общемъ довольно вѣрное и согласное съ Камеръ-фурьерскимъ журналомъ. Княгиня пишетъ, что при вѣнчаніи, въ казанской церкви, Les Ministres etrangèrs n'y furent points, parce qu'ils devoits se trouvers à la Cour au sortir de l'Eglise et qu'il n'y aurois jamais eûs moyens de les faires passers sans troubler l'ordres du cortêge, s'ils y avoits êtés; между тѣмъ въ „Описаніи торжества брачнаго" сказано, что въ церкви „сдѣлана была ложа для пословъ и чужестранныхъ министровъ" (*Госуд. Архивъ*, II, 71, л. 77). Въ „Церемоніалѣ о брачномъ сочетаніи" тоже говорится о мѣстахъ „для пословъ и чужестранныхъ министровъ" (*Камеръ-фурьерск. журн* 1745 г., стр. 187).

[1]) „Описаніе торжества брачнаго нынѣ царствующей Государыни, совершившагося въ 1745 году" въ *Государств. Архивѣ*, II, 71, л. 76.

лоснящіеся, еще болѣе выказывали ея юный видъ и придавали прелестямъ брюнетки нѣжность блондинки“[1]). Въ 10 часовъ утра, при звукахъ трубъ и литавръ, процессія двинулась въ путь. Отряды кирасиръ, конногвардейцевъ, драгунъ и гусаръ раздѣляли длинныя вереницы 120 придворныхъ и частныхъ экипажей, окруженныхъ гайдуками, скороходами, лакеями, арабами, пажами и гусарами. Карета ея величества съ женихомъ и невѣстою, въ 8 лошадей, ведомыхъ конюшими, была предшествуема оберъ-церемоніймейстеромъ и оберъ-гофмаршаломъ съ ихъ жезлами, въ открытыхъ колянскахъ, и окружена массою придворныхъ чиновъ верхомъ. Англійскій посланникъ сознается, что онъ никогда не видѣлъ такой великолѣпной процессіи[2]).

Процессія была такъ многолюдна, что императрица прибыла въ казанскую церковь только къ часу дня. Обрядъ вѣнчанія былъ совершенъ съ подобающею церковною пышностью. Вѣнецъ держали: надъ великимъ княземъ — принцъ Августъ голштинскій, надъ великою княжною — оберъ-егермейстеръ графъ Алексѣй Разумовскій. Духовникъ высокобрачащихся, Симонъ Тодорскій, уже епископъ псковскій, произнесъ слово: „онъ видѣлъ перстъ Провидѣнія въ рожденіи этихъ двухъ отраслей домовъ ангальтинскаго и голштинскаго“. Церковный обрядъ окончился лишь къ 4-мъ часамъ. Тѣмъ же порядкомъ процессія возвратилась изъ церкви въ зимній дворецъ. Въ этотъ день при дворѣ былъ большой столъ и потомъ балъ, закончившійся окодо часа пополуночи. Въ субботу, 22-го августа, поутру, великій князь подарилъ своей супругѣ полный уборъ изъ сапфировъ и брильянтовъ, императрица — такой же уборъ изъ изумрудовъ и полное приданое, состоявшее изъ бѣлья, кружевъ, платьевъ.

---

[1]) Изъ письма Іоганны-Елизаветы къ своему мужу, *Siebigk*, 137.

[2]) The procession was the most magnificent that ever was known in this country, and infinitely surpassed any thing J ever saw. Депеша отъ 24-го августа 1745 г. (*Лондон. Архивъ*, Russia, № 49). *Дальонъ* пишетъ Даржансону, отъ того же числа: l'on ne peut guères rien roir de plus grand et de plus magnifique (*Парижс. Архивъ*, Russia, vol. 47, f. 115).

Согласно церемоніалу, празднества длились десять дней, причемъ балы смѣнялись маскарадами, обѣды ужинами, итальянская опера французской комедіей, не говоря уже о пріемахъ и выѣздахъ, иллюминаціяхъ и фейерверкахъ.

Торжества закончились церемоніею, никогда уже больше неповторявшеюся — выводкою на воду „дѣдушки русскаго флота", знаменитаго ботика Петра Великаго[1]).

Указомъ отъ 2-го сентября 1724 г. Петръ I повелѣлъ „ботикъ въ 30-мъ числѣ августа для торжествованія выводить повсегодно на воду и имѣть при Александро-Невскомъ монастырѣ". Вскорѣ Петръ В. умеръ и объ указѣ его, казалось, совсѣмъ забыли; его вспомнила, спустя 20 лѣтъ, Елизавета Петровна, и ботикъ былъ выводимъ въ 1744 г. къ Алсксандро-Невскому монастырю; въ 1745 г. его выводили во второй и уже послѣдній разъ. Въ „Повседневныхъ Запискахъ", веденныхъ въ санктпетербургской комендантской канцеляріи, церемонія эта описана такъ:

„30 числа августа, пополуночи въ 6 часу, наряженная галера, именуемая „Жаръ", подъ командою капитана Кашкина, взявъ изъ Петропавловской крѣпости ботикъ и поставя оный на безпалубный ботъ, который покрытъ былъ по воду краснымъ сукномъ, буксировала вверхъ по Невѣ-рѣкѣ, и предъ нею шли двѣ 12-ти-весельныя шлюпки со служителями съ наряднымъ мундиромъ и на нихъ по два трубача.

„За ними слѣдовали: въ церемоніи корабль св. Варвары[2]), стоящія при дворѣ ея императорскаго величества яхты, всѣхъ флагмановъ и коллегіи адмиралтейской членовъ и морскихъ капитановъ шлюпки, а партикулярной верфи всѣ гребныя суда, сколько оныхъ тогда набралось.

„Для ботика на 2-хъ шлюпкахъ и на галерѣ играли на трубахъ и литаврахъ и били въ барабанъ походъ, тожъ чинили на кораблѣ и яхтахъ. Въ 11-мъ часу, передъ полуднемъ, прибыли къ невскому монастырю и противъ берега онаго, какъ корабль, такъ и яхты, стали на якорь, а ботикъ поставили сначала къ пристани,

---

[1]) *Ѳ. Ѳ. Веселаго*, Дѣдушка русскаго флота, 1688 -1832, въ „Русск. Старинѣ", IV, 463. — [2]) Военный корабль „Святая Варвара", 60-типушечный, былъ выстроенъ въ адмиралтействѣ и спущенъ на воду 6-го іюня 1745 г. Это былъ первый корабль при спускѣ котораго присутствовала Екатерина. *Siebigk*, 109.

поднявъ тогда на мачтѣ вымпелъ, а на кормѣ и на носу ординарные флаги, причемъ и всѣ шлюпки находились.

„Въ 12-мъ часу, на кораблѣ при выстрѣлѣ изъ пушки поднятъ былъ молитвенный флагъ; по окончанiи литургiи и молебнаго пѣнiя, архiерей с.-петербургской[1]) съ надлежащимъ своимъ клиромъ и по облаченiи вышелъ и покропилъ оный ботикъ святою водою... Въ 4 часу, какъ изъ невскаго канала вышедъ, ботикъ и за нимъ около 20-ти шлюпокъ въ Неву поверстался противъ корабля, кричали съ корабля 7 разъ „ура“. Съ робите на которомъ ея императорское величество изволила сидѣть, отвѣтствовали одинъ, потомъ съ корабля отвѣтствовали вторично три раза „виватъ“. Потомъ стали палить изъ пушекъ, когда выпалили изъ пушки, то подняли на ботикѣ штандартъ“.

Штандартъ былъ поднятъ потому, что императрица, въ платьѣ ордена св. Александра Невскаго, отслушавъ въ монастырѣ обѣдню и молебенъ и угостивъ въ трапезной кавалеровъ ордена, поѣхала, въ сопровожденiи молодыхъ, на „знаменитый ботикъ и поцѣловала находившееся на немъ изображенiе ея отца“. Потомъ императрица „отправилась въ своей шлюпкѣ для поставленiя ботика на мѣсто. Четыре галеры при звукѣ барабановъ и трубъ предшествовали ей. Ботикъ слишкомъ ветхъ, его нельзя спустить на воду и для перевозки его сдѣлали родъ длинной лодки. На лодкѣ — адмиральскiй флагъ и она занята вице-адмираломъ; тянутъ ее двѣ шлюпки, на которыхъ сидятъ офицеры. Ея императорское величество слѣдовала за ними въ своей яхтѣ, имѣя императорскiй штандартъ и рулевымъ капитана командора... Императрица сходила у крѣпости и возвратила ботикъ, храненiе котораго ввѣрено крѣпости“[2]).

По возвращенiи императрицы во дворецъ, начался балъ, затѣмъ фейерверкъ и, наконецъ, ужинъ, чѣмъ и заключились десятидневныя свадебныя празднества, „самыя веселыя, быть можетъ, какiя только бывали въ Европѣ“, какъ писала княгиня Iоганна-Елизавета своимъ роднымъ.

Екатерина не написала за эти дни ни одной строчки

---

[1]) Намѣстникъ троицко-сергiевой лавры Өеодосiй Янковскiй, съ 10-го марта 1745 г. архiепископъ санктпетербургскiй и ревельскiй. — [2]) *Сборникъ*, VII, 66; *Siebikg*, 189.

никому, ни даже отцу. Мать такъ объясняла отцу это молчанiе дочери: „Великая княгиня свидѣтельствуетъ тебѣ свое почтенiе, но сама не имѣетъ времени тебѣ писать — для нее такъ ново еще быть съ своимъ мужемъ, что оба они не разстаются другъ съ другомъ ни на четверть часа“[1]). Сама Екатерина такъ вспоминала объ этомъ времени: „Мой дорогой супругъ нисколько не занимался мною... Я зѣвала, скучала; мнѣ не съ кѣмъ было перемолвить слово“[2]).

---

[1]) *Siebigk*, 121. — [2]) *Mémoires*, 47.

XVI.

21-го августа 1745 года исполнилась главная цѣль поѣздки цербстской княгини въ Россію. Іоганна-Елизавета была вызвана императрицею изъ Цербста для женитьбы великаго князя на ея дочери; по совершеніи брака, пребываніе княгини въ Петербургѣ теряло свой смыслъ и, спустя мѣсяцъ, она выѣхала обратно на родину.

Сборы къ отъѣзду княгини начались вскорѣ же послѣ свадьбы. Съ половины сентября „лошади для нее на ямахъ готовыми стояли". Для „препровожденія" княгини, тещи великаго князя, было назначено 44 человѣка, въ томъ числѣ камергеръ Скворцовъ и совѣтникъ кабинета Ея Величества Нероновъ; о ея пріѣздѣ въ Ригу былъ извѣщенъ мѣстный вице-губернаторъ кн. Долгоруковъ[1]).

Княгиня выѣхала изъ Петербурга въ субботу, 28-го сентября, въ 3-мъ часу пополудни, послѣ фамильнаго обѣда у Петра Ѳедоровича. На прощанье, какъ княгиня, такъ и ея свита были щедро одарены. „Ея Императорское Величество, передъ отъѣздомъ ея, пятьдесятъ тысячъ рублевъ деньгами да два сундука разныхъ Китайскихъ вещей и камокъ, камеръ-юнкеру Латорфу пять тысячъ рублевъ да соболью шубу, фрейлинѣ Кейнѣ четыре тысячи рублевъ и брильянтовый шлейфъ, да двумъ камеръ-юнкерамъ двѣ тысячи рублевъ, камеръ-лакею пятьсотъ и каждому лакею по двѣсти рублевъ пожаловать соизволила. Государь же Великій Князь къ его свѣтлости принцу Ангальтъ-Цербстскому свои бриліантовыя пуговицы съ кафтана, бриліан-

---

[1]) *Госуд. Архивъ*, II, № 69, л. 44.

тами обложенную шпагу и бриліантовыя пряжки и нѣсколько тому подобныхъ вещей въ подарокъ послалъ"[1]).

Растроганная, вѣроятно, этими щедрыми милостями, „княгиня, прощаясь съ императрицею, упала къ ея ногамъ и со слезами на глазахъ просила простить ее, если чѣмъ-либо оскорбила ея величество. Императрица отвѣчала, что теперь поздно уже думать объ этомъ, и прибавила, что еслибъ княгиня была всегда такъ кротка, это было-бы гораздо лучше для нея же самой"[2]).

Великая княгиня съ своимъ супругомъ провожала мать до Краснаго Села, гдѣ былъ назначенъ ночлегъ; принцъ Августъ Голштинскій провожалъ сестру до Коскова[3]). Княгиня ѣхала не торопясь, съ остановками для ночлега, и только 12-го октября прибыла въ Ригу. „Дорога до здешняго мѣста — писалъ Нероновъ барону Черкасову — весьма хороша. Только лошади никуда годны. А о людяхъ и описать не можно, какия дьяволы безтолковые"[4]). Такъ какъ княгиня, передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, получила отъ мужа письмо, въ которомъ сообщалось, между прочимъ, „будто Польскіе уланы на

---

[1]) Изъ частнаго письма гр. А. П. Бестужева-Рюмина графу М. И. Воронцову, отъ 6-го октября 1745 г. (*Арх. кн. Воронцова*, II, 122).

[2]) When she took leave she fell at the Empress 's feet and with a flood of tears asked pardon if she had done any thing to offend Her Majesty. The Empress answered that it was now too late to think of that, and told her, that if she had been all along so humble, it would have been better for her. Депеша *Гиндфорда*, отъ 1-го октября 1845 г. (*Лонд. Архивъ*, Russia, № 49), Княгиня нѣсколько иначе описала своему мужу сцену прощанія: Der abscheydt war ein sehr beweglicher, besonders wahr mir fast ohnmöglich von Keys. Maj. mich zu coniedijren und solche grosse Monarchin that mir auf Ihrer Seyte die Gnade so innig attendrieret zu seyn, dass der anwesende hoff darüber gleichfalls in der grössesten Beweglichkeit gesetzet wardt; unendliche mahle wardt abscheydt genommen und endlich begleitete diese huldreichste Beherrscherin mir mit Thränen und den zärtlichsten und gnädigsten Ausdrücken bis zur Treppe. *Siebigk*, 121. Объ отъѣздѣ княгини *Дальонъ* извѣщалъ Даржансона въ выраженіяхъ, мѣтко и правдиво ее характеризующихъ (*Парижс. Архивъ*, Russie, vol, 47, f. 208).

[3]) *Камеръ-фурьерскій журналъ* за 1745 г., стр. 100, — [4]) *Госуд. Архивъ*. II, № 69, л. 43; Приложеніе II.

Прусскія земли набѣги чинятъ и пассажировъ обезпокоиваютъ", то были назначены сержанты и гренадеры, которые должны были провожать ее за границей[1]). Въ Ригѣ княгиня прожила нѣсколько дней и, въ Ригѣ-же, получила отъ императрицы слѣдующее письмо[2]):

„Мадамъ моя племянница. Я за потребно разсудила вамъ рекомендовать, по прибытіи вашемъ въ Берлинъ, его величеству королю Прусскому внушить, что мнѣ весьма пріятно будетъ, ежели полномочнаго своего министра барона Мардефельда отозвать, а на его мѣсто какого другого, кромѣ господина Фокерода, прислать изволитъ, обѣщая себѣ отъ искусства Вашей Свѣтлости, что вы стараніе приложите сіе представленіе наплутчимъ образомъ препровождать и его величеству уразумѣть дать, что я моимъ требованіемъ никакого другого вида не имѣю, какъ съ нимъ дружбу и совершеннѣйшее согласіе ненарушимо содержать.

„Впротчемъ, я вамъ желаю, мадамъ, щастливаго пути, и есмь наисклоннѣйшая добрая пріятельница

8 октября 1875 г. „*Елизаветъ*".

Трудно было нанести княгинѣ болѣе тяжкій ударъ; проѣздомъ въ Россію она похвалялась въ Берлинѣ употребить всѣ усилія на поддержку барона Мардефельда; въ письмахъ изъ Москвы и Петербурга она извѣщала прусскаго короля объ успѣхѣ своихъ усилій, и теперь ее заставляютъ сознаться въ Берлинѣ, предъ лицомъ Фридриха II, что баронъ Мардефельдъ не пользуется довѣріемъ императрицы, что онъ долженъ быть отозванъ! Она бралась склонить Россію на сторону Пруссіи, а ей поручаютъ объявить о происшедшемъ охлажденіи — это непріятно для всякаго, на чью долю выпало бы подобное порученіе, особенно же для цербстской княгини, считавшей себя „тонкимъ дипломатомъ". Что же произошло въ это время? Что случилось въ послѣднія двѣ недѣли?

Въ самый день отъѣзда княгини изъ Петербурга, 28-го сентября, въ Петербургѣ стало извѣстно, что прусскій

---

[1]) Это сообщеніе, оказавшееся ложнымъ, напугало императрицу (*Арх. кн. Воронцова*, I, II): въ это время уѣхалъ за границу гр. М- И. Воронцовъ, и Елизавета Петровна отправила къ нему двухъ ундеръ-офицеровъ „для безопасности", которые были ему только въ тягость, такъ какъ никакой опасности не было (*Арх. кн. Воронцова*, II, 118, 124).

[2]) *Осмнадц. Вѣкъ*, I, 29; депеша *Гиндфорда*, отъ 19-го октября 1745 г. (*Лонд. Архивъ*, Russia, № 49).

королѣ, въ письмѣ къ наслѣднику шведской короны, находилъ невозможнымъ, чтобъ великій князь, принявшій греческую вѣру, могъ владѣть Голштиніею или пользоваться правомъ голоса въ Римской Имперіи, и совѣтовалъ Адольфу-Фридриху настаивать на своихъ правахъ на Голштинію, причемъ обѣщалъ ему военную помощь для овладѣнія не только Голштиніею, но и Шлезвигомъ[1]). Это извѣстіе произвело крайне непріятное впечатлѣніе при петербургскомъ дворѣ, а такъ какъ наслѣдникъ шведской короны, Адольфъ-Фридрихъ, былъ родной братъ княгини, то это впечатлѣніе отразилось и на нее. Мало того: княгиня уѣхала въ субботу, а три дня спустя, въ среду, 2-го октября, баронъ Мардефельдъ пріѣхалъ „безъ всякой обсылки" къ канцлеру графу Бестужеву-Рюмину „съ вѣдомостью о полученной королемъ его государемъ надъ союзническою арміею побѣдѣ"[2]); на другой же день, совѣтъ подъ предсѣдательствомъ императрицы единогласно постановилъ, что „съ его величествомъ королемъ Польскимъ случай союза дѣйствительно настоитъ, и ему знатнымъ корпусомъ войскъ противъ насильственнаго и мирогубительнаго поступка короля Прусскаго скорую помощь послать надлежитъ"[3]). Успѣхи прусскаго короля во второй силезской войнѣ обусловили отозваніе Мардефельда, а такъ какъ императрица знала, что Фридрихъ II предписалъ своему посланнику поступать во всемъ согласно съ княгиней цербстской, то ей же и было поручено сообщить королю объ отозваніи Мардефельда[4]).

Изъ Россіи княгиня продолжала свой путь по преж-

---

[1]) This court has lately been informed that the king of Prussia has sent a writing to the successor of Sweden, setling fort the incompatibility of the Great Duke of Russia possessing the Dutchy of Holstein, or of his having a vote in the Empire, as he is the Greck religion. The King of Prussia adviseth the successor of Sweden to insist on his right to that Dutchy and gives him the strongest assurances, that he will assist the successor which his whole force to put him in possession not only of that Dutchy, but likewise the Dutchy of Sleswick. Депеша *Гиндфорда* отъ 28-го сентября 1745 г. (*Лонд. Архивъ*, Russia, № 49).

[2]) При Соррѣ, 19-го сентября. — [3]) *Арх. кн. Воронцова*, II, 123. — [4]) Депеша *Гиндфорда* отъ 19-го октября 1745 г. (*Лонд. Архивъ*, Russia, № 49).

нему, не торопясь. 20-го октября она была въ Либавѣ, 22-го — въ Мемелѣ и затѣмъ, чрезъ Кенигсбергъ, Данцигъ и Штетинъ, прибыла 15 (26) ноября въ Берлинъ, гдѣ должна была исполнить непріятное порученіе относительно своего друга Мардефельда. По счастью для княгини, прусскаго короля не было въ это время въ Берлинѣ. Покрытый уже славою побѣдъ при Гогенфридбергѣ и Соррѣ, онъ готовился теперь нанести рѣшительный ударъ, который и послѣдовалъ 4 (15) декабря при Кессельсдорфѣ и закончилъ славную для него вторую силезскую войну. За отсутствіемъ короля, княгиня передала порученіе его министру Подевильсу, который немедленно извѣстилъ объ этой непріятности Фридриха II. Въ своемъ донесеніи королю Подевильсъ писалъ, не со словъ, конечно, княгини, что Мардефельдъ, какъ „интриганъ и человѣкъ неспокойный", неугоденъ императрицѣ, которая готова принять на его мѣсто всякаго другого, за исключеніемъ Фокерода, потому что онъ „очень друженъ съ Лестокомъ"[1]). Постоянно обманываемый Мардефельдомъ и княгинею, Фридрихъ II никакъ не ожидалъ ничего подобнаго: „Я былъ пораженъ — отвѣчаетъ онъ Подевильсу — предложеніемъ, которое цербстская княгиня вынуждена была сдѣлать относительно Мардефельда"[2]). Въ письмѣ къ княгинѣ Фридрихъ II проситъ ее передать императрицѣ, что желаніе ея будетъ исполнено[3]).

1-го декабря 1745 года княгиня Іоганна-Елизавета возвратилась въ Цербстъ, который она покинула 10-го января 1744 года. Вспоминая событія этихъ двухъ лѣтъ, которыя она провела въ Россіи, княгиня должна была сознать, что главная, чисто семейная цѣль, ради которой она была вызвана изъ Цербста, увѣнчалась полнымъ успѣхомъ; всѣ же побочныя, преимущественно политическія цѣли, которыя были добровольно ею на себя приняты или

---

1) Parceque M. Fockerodt avait un pied trop familier avec Lestocq. *Pol. Corr.*, IV, 359, примѣч.

2) „Мы не знаемъ. говоритъ *Брикнеръ*, какъ это предложеніе было принято королемъ Фридрихомъ II" (241). Письмо Фридриха II къ Подевильсу (*Pol. Corr.*, IV, 359) не оставляетъ въ этомъ отношеніи никакого сомнѣнія. — 3) *Pol. Corr.*, V, 4.

ей навязаны, не только не были достигнуты, но привели къ совершенно противнымъ результатамъ.

Іоганна-Елизавета привезла въ Москву свою дочь, невѣсту великаго князя, и была принята Елизаветою Петровною съ распростертыми объятіями. Княгинѣ этого, однако, показалось мало — она хотѣла играть политическую роль, руководить политикою русскаго двора и, не понимая русской политики, дѣлала ошибки. Іоганна-Елизавета не поняла своего новаго положенія, созданнаго бракомъ ея дочери съ наслѣдникомъ русскаго престола. Она никогда не могла возвыситься до интересовъ большой державы, какъ теща будущаго русскаго императора, и въ своихъ политическихъ соображеніяхъ всегда оставалась женою прусскаго генерала, зависимою отъ указаній, исходящихъ изъ Берлина. Интересы Пруссіи были для нея выше интересовъ Россіи, съ которыми она связала судьбу своей единственной дочери. Это была большая ошибка, обусловившая всѣ ея неудачи.

Еще въ Берлинѣ, проѣздомъ въ Россію, княгиня получила отъ Фридриха II пристрастныя свѣдѣнія о русскомъ вице-канцлерѣ; въ Петербургѣ маркизъ Шетарди и баронъ Мардефельдъ еще болѣе возстановили княгиню противъ него, и она въѣхала въ Москву съ упрямымъ намѣреніемъ свергнуть гр. Бестужева-Рюмина. Враги его стали ея совѣтниками и друзьями. Результатъ извѣстенъ: Шетарди высланъ изъ Россіи съ конвоемъ, Мардефельдъ — отозванъ, и, что важнѣе всего, вице-канцлеръ пожалованъ въ великіе канцлеры. Для цербстской княгини это было предостереженіемъ, которымъ она не съумѣла воспользоваться: она не понимала, что за лицами кроются принципы, что какъ Шетарди и Мардефельдъ, такъ и Бестужевъ-Рюминъ представляли извѣстныя политическія идеи. Для нея Бестужевъ не болѣе, какъ „заклятой врагъ“[1]. Какъ женщина легкомысленная, она не принимала мѣръ, которыя ограждали бы ее отъ этого врага; напротивъ, своими письмами и всѣмъ своимъ поведеніемъ она играла ему въ

---

[1]) Un ennemi déclaré, ein geschworner, allerärgster, Feind, и т. п. *Сборникъ*, VII, 40; *Siebigk*, 192, 198.

руку. Бестужеву не трудно было, письмами самой же княгини, разоблачить всѣ ея интриги и возстановить противъ нея императрицу.

Елизавета Петровна въ началѣ была очень расположена въ пользу родителей своей невѣстки; но поведеніе матери скоро заставило ее быть осторожною. Это выразилось, прежде всего, неприглашеніемъ князя Христіана-Августа ни на обрученіе, ни на свадьбу его дочери. Это приглашеніе, столь естественное, почти обязательное, ожидалось не только въ Цербстѣ, даже въ Берлинѣ; но ожиданія не исполнились. Еще задолго до обрученія княгиня выдумывала цѣлыя басни и беззастѣнчиво лгала, сообщая мужу, что хотя въ Россіи боятся иностранныхъ принцевъ, послѣ всѣхъ золъ, причиненныхъ брауншвейгскимъ герцогомъ Антономъ-Ульрихомъ, отцомъ Ивана III, но императрица и великій князь очень желаютъ познакомиться съ нимъ и, поэтому, онъ долженъ приготовиться къ путешествію въ Россію[1]. Князь вѣрилъ этимъ нелѣпостямъ и ждалъ приглашенія, которое, однако, не послѣдовало. Мардефельдъ съ своей стороны обманывалъ Фридриха II, и прусскій король, еще задолго до свадьбы, писалъ Христіану-Августу, чтобъ онъ готовился къ отъѣзду въ Россію, такъ какъ скоро получитъ приглашеніе явиться на свадьбу своей дочери[2]. Князь опять повѣрилъ, собрался въ путь и, долго не получая приглашенія, запросилъ княгиню, которая, наконецъ, увѣдомила мужа, что при русскомъ дворѣ болѣе думаютъ объ отъѣздѣ княгини, чѣмъ о пріѣздѣ князя. Это уже свидѣтельствовало о нѣкоторомъ охлажденіи къ цербстскому дому; вскорѣ это проявилось въ болѣе рѣзкой формѣ: по случаю обрученія великаго князя императрица пожаловала многимъ лицамъ чины и ордена, отцу же великой княжны — ничего. Княгиня позолотила эту пилюлю новою ложью: она написала мужу, будто бы по приказанію императрицы, что такъ какъ онъ имѣетъ уже оранжевую ленту (прусскій орденъ Чернаго Орла) и императрица опасается, что Фридрихъ II будетъ недоволенъ, если она дастъ князю голубую (орденъ

---

1) *Siebigk*, 47. — 2) *Siebigk*, 87.

св. Андрея Первозваннаго), то она предпочитаетъ пожаловать голубую ленту не отцу, а сыну, Фридриху-Августу, брату Екатерины. Ложь эта немедленно разоблачилась, такъ какъ и малолѣтній сынъ, подобно отцу, не получилъ тогда голубой ленты[1]).

Іоганна-Елизавета поняла, наконецъ, что ни одно желаніе, какъ бы незначительно оно ни было, ни одна просьба не исполнялись, если относились къ лицамъ цербстской фамиліи. Князь писалъ женѣ, напримѣръ, чтобъ она попросила императрицу о пожалованіи ордена св. Екатерины вдовствующей цербстской княгинѣ Гедвигѣ-Фридерикѣ и ея невѣсткѣ принцессѣ Софіи-Христинѣ, сестрѣ князя; Іоганна-Елизавета отвѣчала, что „лучше предоставить это самой императрицѣ — хотя дѣло это само по себѣ и не важное, но можно просьбами стать въ тягость и въ такомъ случаѣ придется воздержаться отъ просьбъ при обстоятельствѣ болѣе существенномъ[2]).

Болѣе существенное обстоятельство скоро представилось, въ видѣ соблазнительнаго герцогства Курляндскаго.

Послѣдній гроссмейстеръ тевтонскаго ордена, Готгардъ Кеттлеръ, тѣснимый русскими, отдался подъ покровительство Польши: виленскимъ договоромъ 1561 года онъ уступилъ Сигизмунду II Августу польскую Лифляндію и получилъ отъ него, какъ наслѣдственный ленъ, Курляндію и Семигалію. Полтораста лѣтъ всѣ герцоги Курляндіи были изъ дома Кеттлеровъ. Вслѣдствіе брака герцога курляндскаго Фридриха-Вильгельма на царевнѣ Аннѣ Ивановнѣ, въ 1710 году, Курляндія подпала извѣстному вліянію Россіи, которое стало еще болѣе рѣзкимъ, когда, въ 1711 году, умеръ герцогъ, и его вдова, покровительствуемая своимъ дядею, Петромъ I, сдѣлалась регентшею. Когда, по смерти Петра II, въ 1730 году, Анна Ивановна была возведена на русскій престолъ, она признала своего дядю Фердинанда герцогомъ Курляндскимъ

---

[1]) Панегиристъ княгини Іоганны Елизаветы, Зибигкъ, недоумѣваетъ и не знаетъ, чѣмъ объяснить эту auffallende Mittheilung, которая кажется ему особенно удивительною nach jetzigen Verhältnissen (*Siebigk*, 71). — [2]) *Siebigk*, 77, 89.

и съумѣла защитить его права; умеръ Фердинандъ — она заставила избрать герцогомъ своего любимца, графа Эрнста-Іоганна фонъ-Бирона. Въ 1740 г. умерла Анна Ивановна, и ея преемникъ, императоръ Иванъ III, сослалъ курляндскаго герцога въ Сибирь. Стулъ герцогскій оказался вакантнымъ.

Герцоги Курляндіи были вассалами Польши и выборъ герцога всегда возбуждалъ борьбу обѣихъ въ герцогствѣ вліяній — русскаго и польскаго. На курляндскомъ сеймѣ 1741 года русская партія выставила кандидатуру принца Лудвига-Эрнста Брауншвейгскаго; вслѣдствіе противодѣйствія польской партіи выборъ не состоялся. По восшествіи на престолъ Елизаветы Петровны, въ герцоги курляндскіе былъ предложенъ принцъ Лудвигъ Гессенъ-Гомбургскій, и тоже безуспѣшно. Не желая распалять партійныя страсти, государственные чины Курляндіи въ теченіе трехъ лѣтъ не собирали сейма; только въ началѣ 1744 года былъ назначенъ на августъ мѣсяцъ выборный сеймъ въ Митавѣ.

Замѣщеніе герцогскаго стула въ Курляндіи много зависѣло отъ русской императрицы. Князь цербстскій никогда прежде и не думалъ о Курляндіи, но теперь обстоятельства перемѣнились: императрица въ восторгѣ отъ цербстской княгини, въ восхищеніи отъ цербстской принцессы; если дочь признана достойною быть русскою великою княгинею, отчего отецъ не достоинъ быть курляндскимъ герцогомъ? Его берлинскій пріятель, секретарь русскаго посольства Шриверъ, первый подалъ князю мысль выставить свою кандидатуру; мысль понравилась. Съ начала 1744 года возникаетъ оживленная переписка между Москвой, Цербстомъ, Берлиномъ и Митавой[1]). Переписка велась шифромъ; большинство писемъ было уничтожено, уцѣлѣла только часть, но и по ней можно возстановить довольно полную картину.

---

[1]) Четырнадцать писемъ, преимущественно княгини, помѣщены *Siebigk*, 192; шесть писемъ князя — *Осмнадц. Вѣкъ*, I, 23. Очень немногія письма изданы вполнѣ; по большей же части только въ отрывкахъ, касающихся курляндскаго дѣла; къ тому же письма князя изданы въ современныхъ переводахъ, а не въ подлинникахъ.

Зная вліяніе Россіи на Курляндію, отъ княгини, ласкаемой императрицею въ Москвѣ, ожидали наиболѣе рѣшительныхъ дѣйствій въ пользу кандидатуры князя Христіана-Августа на герцогскій стулъ. Княгиня, конечно, поддержитъ своего мужа, съумѣетъ сказать слово въ его пользу; но, къ сожалѣнію, въ Москвѣ этимъ никто не интересуется, объ этомъ не говорятъ, княгиню не спрашиваютъ и она недоумѣваетъ, какъ приняться за дѣло. „Дай Богъ — пишетъ она мужу, отъ 16-го апрѣля — чтобъ изъ приложеннаго письма что нибудь вышло. Мнѣ здѣсь ни слова не говорятъ объ этомъ, и я не знаю, съ чего начать. Еслибъ дѣло стояло такъ, какъ объ немъ пишутъ, мнѣ, конечно, сказали бы объ этомъ. Извѣсти меня, пересланнымъ тебѣ шифромъ, могу-ли я, если спросятъ моего совѣта, увѣрить твоимъ именемъ, что ты не откажешься отъ предложенія, если не въ свою пользу, то, покрайней мѣрѣ, въ пользу сына нашего". Князь, конечно, изъявлялъ полную готовность стать герцогомъ, за себя и за сына. „Полученіе герцогской короны — пишетъ княгиня, отъ 14-го мая — составило бы счастіе и радость моего сердца! Я хлопочу не о 80 тысячахъ вдовьяго содержанія, а забочусь о тебѣ и о нашемъ сынѣ. Здѣсь, однако, ни слова еще не слышно объ этомъ дѣлѣ. Да и трудно разсчитывать на успѣхъ, пока подобными дѣлами заправляетъ вице-канцлеръ Бестужевъ, злѣйшій нашъ врагъ". Княгиня собираетъ, однако, повсюду свѣдѣнія, хлопочетъ, проситъ, переписывается съ Митавой и Берлиномъ, пускаетъ въ ходъ всѣ средства, и убѣждается, наконецъ, что задуманное дѣло едва-ли можетъ имѣть успѣхъ. „Рѣшительно не понимаю — пишетъ она мужу, отъ 28-го мая — откуда Шриверъ получаетъ тѣ свѣдѣнія, которыя онъ сообщаетъ тебѣ и мнѣ! Еслибъ таково было намѣреніе здѣшняго двора, мои друзья и Ея Величество, конечно, сообщили бы мнѣ объ этомъ. Между тѣмъ, я узнала, что при вступленіи императрицы на престолъ, герцогскій стулъ Курляндіи былъ обѣщанъ принцу Гессенъ-Гомбургскому".

Тѣмъ не менѣе, цербстскіе агенты въ Курляндіи не сидѣли сложа руки. Изъ Митавы, Либавы, Вендена и

другихъ мѣстностей присылались массы писемъ къ князю съ просьбою выступить кандидатомъ на предстоящихъ выборахъ и, пользуясь фаворомъ императрицы, произвесть извѣстное давленіе на избирателей. Князь недоумѣвалъ, не зналъ на что рѣшиться и писалъ Шриверу, въ Берлинъ, отъ 2-го іюля:

„Изъ отправленнаго ко мнѣ вашего благородія письма я усмотрѣлъ, что ея любовь, моя супруга, о извѣстномъ дѣлѣ къ вамъ писала, навѣдываяся о томъ, какимъ образомъ то дѣло начать. Я уповаю, что она охотно все возможное учинитъ, дабы въ томъ предуспѣть; однакожъ я не усматриваю, какъ она сіе дѣло предложить можетъ, ежели ей отъ одной или другой партіи двора, или же отъ ея величества самой способовъ къ тому не подастся. Мнѣ же предъявленіе вашего благородія о газетахъ еще наилутчимъ быть кажется, ибо при томъ моя супруга случай получила бъ о сентиментахъ ея величество въ томъ сондировать. . . Что до меня принадлежитъ, то я тѣмъ доволенъ, что я имѣю[1]), и ежели я добрымъ благожелательствомъ чиновъ и подкрѣпляющею милостью ея императорскаго величества до учиненнаго мнѣ предложенія достигнуть не могу, то я онаго другими каналами искать не стану; а между тѣмъ, буде что случится, ежели бъ къ моему авантажу въ томъ служить могло, я, сколько мнѣ возможно, ничего не пренебрегу, и потому я склонныхъ вашего благородія сентиментовъ и того, еже вы мнѣ иногда полезнаго присовѣтовать можете, далѣе себѣ спрашиваю“.

На братской конференціи курляндскихъ чиновъ, собравшейся въ Митавѣ 17-го августа 1744 года, раздоръ партій проявился во всей силѣ. Меньшинство высказалось въ пользу прежняго герцога Эрнста-Іоганна, въ пользу сосланнаго Бирона; большинство — за возстановленіе вообще герцогскаго правленія. Партіи громили другъ друга, метали взаимные укоры и обвиненія, причемъ мень-

---

[1]) Эта фраза ввела въ заблужденіе г. *Бартенева,* которому „кажется, что самъ Христіанъ-Августъ вовсе не былъ честолюбивъ, и что мысль сдѣлаться владѣтелемъ богатой Курляндіи прельщала не столько его самого, какъ его княгиню“ (*Осмнадц. Вѣкъ,* I, 23). Напротивъ: именно княгиня была противъ этой мысли.

шинство укоряло своихъ противниковъ, что они не заботятся о благѣ родины, а лишь о сохраненіи за собою арендъ коронныхъ земель; въ счетъ обвиненій ставилось, между прочимъ, и „желаніе предоставить герцогство князю Христіану-Августу Ангальтъ-Цербстскому“[1]). Это упоминаніе князя, служившее укоромъ въ глазахъ патріотовъ, было единственнымъ результатомъ всѣхъ его усилій.

Къ чести княгини должно сказать, что она первая сознала неисполнимость задуманнаго плана. Она подробно и весьма доказательно писала мужу, что ему не видать Курляндіи, какъ ушей своихъ, и довольно краснорѣчиво заявляла, что бѣдный Цербстъ ей милѣе богатой Курляндіи[2]). Князь, однако, настаивалъ. „Вполнѣ съ тобою согласенъ — пишетъ онъ женѣ — но такъ какъ, по мнѣнію Шривера, выборъ зависитъ отъ императрицы, а ея величество ищетъ только средства удержать насъ близь себя, то все дѣло сводится лишь къ тому, чтобъ узнать взгляды императрицы и великаго князя. Это тебѣ легко сдѣлать: читая имъ пересланныя тебѣ газеты, ты можешь совершенно невинно вывѣдать ихъ мнѣніе. Если императрица окажется противъ моего выбора, то, конечно, было бы безуміемъ настаивать на этомъ; если же она не составила еще опредѣленнаго рѣшенія и необходимо только натолкнуть ее на мою кандидатуру, то, не сдѣлавъ этого, мы вѣчно будемъ укорять себя, что прозѣвали такой благопріятный случай. . . Я, слава Богу, совершенно доволенъ тѣмъ, что мы имѣемъ; но мнѣ не хотѣлось бы слышать

---

[1]) *Cruze,* Curland unter den Herzögen, Mitau, 1837, II, 19. Князь не только не былъ избранъ, но не былъ даже избираемъ. Извѣстіе, сообщаемое *Цедлеромъ,* совершенно невѣрно: Im Jahre 1747 wurde er von einem Theile der Curländischen Land-Stände auf dem gehaltenen Land-Tage zum Hertzoge von Curland erwehlet; doch ist er nicht zu dem Besitz dieses Hertzogthums gelanget, immassen sich gar bald viele Hindernisse fanden *(Zedler,* 1595). — [2]) Zerbst im Hemde mir ist lieber als Kurland im Gelde (*Siebigk,* 198). Въ длинномъ письмѣ отъ 20-го іюля 1745 г. приведены четыре пункта и высказаны такія соображенія, которыя дѣлаютъ честь уму и такту княгини.

позже укоризны, что мы проспали свое счастье, въ такое благопріятное для насъ время“.

Вслѣдствіе такихъ настояній, княгиня еще цѣлый годъ, до самаго отъѣзда изъ Россіи, должна была вести дѣятельную переписку по поводу курляндской короны. Даже наканунѣ выѣзда изъ Петербурга, княгиня передала императрицѣ письмо князя[1]), въ которомъ онъ просилъ о ея высокомъ предстательствѣ въ пользу его кандидатуры. Елизавета Петровна отклонила эту просьбу категорическимъ заявленіемъ, что пока живъ Биронъ, съ которымъ Анна Ивановна вошла по этому поводу въ извѣстныя обязательства, она будетъ противиться всякому выбору въ курляндскіе герцоги.

Не только герцогство Курляндское, даже графство Вартенбергское не удалось пріобрѣсти, хотя князь ожидалъ, что „силезское имѣніе сосланнаго Бирона“ безъ спора уступятъ тестю великаго князя. Княгиня, съ своей стороны, очень домогалась завладѣть Рейнбекскимъ округомъ въ Голштиніи — и это не удалось.

Вспоминая въ своемъ Цербстѣ всѣ обстоятельства жизни въ Россіи, княгиня должна была горько раскаяться, что слишкомъ много довѣряла прусскому королю и его клевретамъ при русскомъ дворѣ — Мардефельду, Шетарди, Лестоку, Брюммеру и другимъ нерусскимъ людямъ. Винить-ли ее? Намъ кажется, что къ ней нельзя относиться съ строгимъ осужденіемъ. Не только для цербстской княгини, жены прусскаго генерала, но и для большинства современниковъ, даже для такихъ государственныхъ умовъ, какъ Фридрихъ II, была непонятна совершавшаяся въ Россіи перемѣна. Это было время политическаго перелома, когда Россія только еще начинала

---

[1]) Ссылаясь на многія письма изъ Курляндіи, въ которыхъ просятъ „дабы я подъ всемилостивѣйшимъ защищеніемъ в. имп. в. кандидатомъ ко испражненному герцогскому стулу себя представилъ“, князь рѣшается „протекцію къ сему избранію испросить“. Письмо помѣчено изъ Цербста, 2-го августа 1745 г. Въ *Осмнад. Вѣкѣ*, I, 24, вѣроятно, вслѣдствіе опечатки, помѣченъ 1744 годъ.

направлять свою внѣшнюю политику къ преслѣдованію чисто русскихъ интересовъ, къ достиженію исключительно своихъ государственныхъ цѣлей. Только къ концу царствованія Елизаветы Петровны этотъ поворотъ обозначился яснѣе и окончательно завершился лишь въ правленіе Екатерины II.

XVII.

Съ отъѣздомъ матери, Екатерина почувствовала себя еще болѣе одинокою. Мелкія непріятности, происходившія отъ несноснаго характера Іоганны-Елизаветы, забылись; отсутствіе матери чувствовалось довольно долго. „Ее отъѣздъ искренно опечалилъ меня — пишетъ Екатерина — и я много плакала“ [1]). Одиночество пагубно только для слабыхъ; сильныя натуры еще болѣе крѣпнутъ духомъ, закаляютъ въ одиночествѣ свой характеръ, становясь болѣе наблюдательными ко всему окружающему, болѣе чуткими къ своему внутренному міру. Екатеринѣ, поставленной въ совершенно новую для нея обстановку, все подлежало наблюденію, многое заставляло задумываться.

Вскорѣ по отъѣздѣ матери, Екатерина присутствовала, 25-го ноября, на празднованіи годовщины восшествія императрицы на престолъ. Въ этотъ день состоялось „вечернее кушанье“, въ честь лейбъ-кампанцевъ, главныхъ дѣятелей знаменательной ночи. Въ большой залѣ зимняго дворца былъ накрытъ столъ для 330 унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ. Императрица, „въ кавалерскомъ гренадерскомъ уборѣ, яко капитанъ“, въ большихъ сапогахъ, съ бѣлымъ перомъ на шляпѣ, обѣдала за общимъ столомъ, съ своими „камрадами“. Въ сосѣдней комнатѣ, такъ называемой „картинной“, былъ накрытъ столъ для ихъ высочествъ, иностранныхъ министровъ и придворныхъ

---

[1]) *Mémoires*, 48.

чиновъ[1]). Екатерина видѣла императрицу, любовалась мужскимъ нарядомъ, который такъ шелъ къ ней; великая княгиня слушала разсказы о переворотѣ, дивилась смѣлости Елизаветы Петровны, разспрашивала о свергнутой браунштейгской фамиліи, сожалѣла ребенка-императора Ивана III, о судьбѣ котораго никто не зналъ ничего вѣрнаго, имя котораго всякій произносилъ лишь шепотомъ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Въ половинѣ марта 1746 г. прошелъ слухъ о смерти матери императора Ивана: говорили, будто она родила сына и, спустя нѣсколько дней, умерла, отъ родильной горячки[2]). 19-го марта, отъ двора были разосланы повѣстки, ко всѣмъ знатнымъ особамъ съ извѣщеніемъ, что „принцесса Анна Люнебургская горячкою скончалась“, причемъ всѣ желавшіе проститься съ принцессой приглашались въ александроневскій монастырь, гдѣ въ суботу, 22-го марта, назначено было погребеніе. На другой день — новая повѣстка: погребеніе совершится въ пятницу, 21 марта[3]).

Весь Петербургъ ходилъ эти три дня въ монастырь прощаться съ бывшей правительницей имперіи; весь городъ говорилъ о судьбѣ браунштейгской фамиліи. Мало кто зналъ дѣйствительные факты; многіе разсказы отличались фантастичностью. Чѣмъ болѣе правительство скрывало, тѣмъ болѣе общество измышляло. Городскіе слухи проникали во дворецъ, доходили до Екатерины.

Въ ночь съ 24-го на 25-е января 1741 г., цесаревна Елизавета Петровна, забывъ присягу, данную малолѣтнему императору Ивану III, арестовала младенца-императора, его мать-правительницу, всю браунштейгскую семью, и сама взошла на престолъ. Елизавета Петровна разсчитала вѣрно: если „Paris vaut la messe“, то за Россію

---

[1]) Депеша *Гиндфорда,* отъ 30-го ноября 1745 г. (*Лондон. Архивъ,* Russia, № 49); *Камеръ-фурьерскій журналъ* 1745 г., 133; *Lynar,* I, 396.

[2]) I have this moment heard from good hands that the unhappy Princess of Brunswick died lately in childbed. She brought forth a son who is in good health, so that there are now three sons and two doughters alive in this family. Депеша *Гиндфорда,* отъ 16-го марта 1746 г. (*Лондон. Архивъ,* Russia, № 50). — [3]) *Камеръ-фурьерскій журналъ,* 1746 г., 43.

можно, конечно, отречься отъ „клятвеннаго обѣщанія“[1]). Велика, однако, сила традиціи — нарушивъ сегодня присягу, Елизавета Петровна на завтра же, „секретнѣйшимъ“ указомъ отъ 7-го декабря, потребовала такую же присягу отъ Анны Леопольдовны: „чтобъ она въ вѣрности присягу учинила и въ томъ за себя и за сына своего, принца Іоанна, и дочь свою, принцессу Екатерину, подписалась“[2]).

Въ манифестѣ о восшествіи Елизаветы Петровны на престолъ императрица такъ опредѣлила будущую судьбу низложеннаго ею императора: „и хотя она, принцесса Анна, и сынъ ея, принцъ Іоаннъ, и дочь, принцесса Екатерина, ни малѣйшей претензіи и права къ наслѣдію всероссійскаго престола ни по чему не имѣютъ, но, однако, въ разсужденіи ихъ, принцессы и его принца Ульриха Брауншвейгскаго, къ императору Петру II по матерямъ свойствъ, и изъ особливой нашей природной къ нимъ императорской милости, не хотя никакихъ имъ причинить огорченій, съ надлежащею имъ честію и съ достойнымъ удовольствованіемъ, предавъ всѣ ихъ къ намъ разные предосудительные поступки крайнему забытію, всѣхъ ихъ въ ихъ отечество всемилостивѣйше отправить повелѣли“[3]). Дѣйствительно, 12-го декабря 1741 года изъ Петербурга выѣхало нѣсколько кибитокъ, окруженныхъ надежнымъ конвоемъ[4]); въ кибиткахъ находились: „несчастнорожденный“ Иванъ со всею брауншвейгскою фамиліею, фрейлина правительницы Юлія Менгденъ, прислуга и сопровождавшій брауншвейгцевъ генералъ-адъютантъ В. Ѳ. Салтыковъ. Поѣздъ направлялся въ Нарву, Ригу, Кенигсбергъ, Брауншвейгъ.

Иванъ III никогда уже болѣе не видѣлъ Петербурга, въ которомъ онъ родился, прожилъ шестнадцать мѣсяцевъ и изъ нихъ тринадцать въ качествѣ „императора

---

[1]) *Государств. Архивъ*, II, № 51.

[2]) „Описи дѣламъ по секретной коллегіи относительно принца и принцессы Брауншвейгъ-Люнебургскихъ и ихъ семейства“, въ *Чтеніяхъ* за 1861 г., II, Смѣсь, стр. 1—58. Дѣла обрываются 1752 годомъ. Въ заголовкѣ, очевидно, опечатка: *Морючникова* вм. *Морсочникова*. — [3]) *П. С. З.*, № 8476. — [4]) Депеша *Финча*, отъ 19-го декабря 1741 г. (*Лондон. Архивъ*, Russia, № 38).

всероссійскаго". Елизавета Петровна старалась, чтобъ не только Петербургъ, но и вся Россія забыла и объ Иванѣ, и объ его правленіи. Особыми указами было предписано уничтожить всѣ монеты и медали съ изображеніемъ Ивана III, прислать въ сенатъ для сожженія всѣ бумаги, въ которыхъ упоминалось имя Ивана III — присяжные листы, манифесты, граматы, указы, распоряженія, и впредь поминать тринадцатимѣсячное правленіе Ивана не иначе, какъ „правленіе бывшаго герцога Курляндскаго и принцессы Анны Люнебургской"[1]). Елизавета Петровна желала уничтожить всякій слѣдъ Ивана III, хотѣла, чтобъ самое имя его было забыто. Императрица хотѣла невозможнаго.

Революціонныя мѣры не проходятъ безслѣдно. Вскорѣ же по воцареніи Елизаветы Петровны, недовольные стали вспоминать низверженнаго императора, сожалѣли о немъ. Прошло лишь семь мѣсяцевъ послѣ переворота, какъ, въ іюлѣ 1742 года, камеръ-лакей Турчаниновъ и два гвардейца, Ивашкинъ и Сновидовъ, составили заговоръ: они предполагали умертвить Елизавету Петровну и герцога голштинскаго Петра и возвести на престолъ низложеннаго Ивана III Антоновича. Заговоръ былъ открытъ, виновные высѣчены кнутомъ и сосланы въ Сибирь[2]).

Спустя годъ, въ іюлѣ 1743 г., вспыхнуло „лопухинское дѣло", опять въ пользу Ивана III. Подполковникъ Лопухинъ говорилъ поручику лейбъ-кирасирскаго полка Бергеру и маіору Фалькенбергу: „Будетъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ перемѣна. Рижскій караулъ, который у императора Іоанна и у матери его, очень къ императору склоненъ, а нынѣшней государынѣ съ тремъ стами канальями ея лейбъ-кампаніи что сдѣлать? Прежній караулъ былъ и крѣпче, да сдѣлали, а теперь перемѣнѣ легко сдѣлаться. Императору Іоанну будетъ король прусскій помогать, а наши, надѣюсь, за ружье не примутся. Австрійскій посланникъ, маркизъ Ботта, императору Іоанну вѣрный слуга и доброжелатель". Слѣдствіе по этому

---

[1]) *П. С. З.*. № 8494, 8712, 9192, 9197, 9206. — [2]) Дѣла Тайной Канцеляріи въ *Госуд. Архивѣ*; *Соловьевъ*, XXI, 199; *Сборникъ*, VI, 469.

дѣлу велось энергично, „съ пристрастіемъ“; обвиняемыхъ оказалось тринадцать русско-подданныхъ и одинъ иностранецъ — императорскій посланникъ маркизъ Ботта д'Адорно. Всѣ обвиняемые были признаны виновными и наказаны: четверыхъ высѣкли кнутомъ и, урѣзавъ языки, сослали въ Сибирь; двухъ высѣкли кнутомъ, двухъ плетьми и послали въ ту же Сибирь; трехъ опредѣлили въ армейскіе полки; одного записали въ матросы, одного сослали въ деревню. Императрица Марія-Терезія прислала „нарочитое“ посольство, сожалѣя, что ея министръ обвиненъ „въ мерзостномъ и проклятія достойномъ преступленіи“ и объявляла, что она маркиза Ботту „велѣла посадить въ замокъ-Грацъ, гдѣ обыкновенно содержатся государственные арестанты, а время заключенія предоставила опредѣлить прославленной въ свѣтѣ милости ея императорскаго величества“[1]).

При такихъ обстоятельствахъ самъ собою возникалъ серьезный вопросъ, вопросъ государственной важности: насколько безопасно выпустить изъ рукъ брауншвейгскую фамилію? За границей, на свободѣ, не явится-ли со временемъ въ лицѣ Ивана III опасный претендентъ на русскій престолъ? Не надежнѣе-ли держать его у себя, въ заточеніи, заживо обречь на политическую и гражданскую смерть? Мнѣнія по этому вопросу раздѣлились. Съ момента арестованія брауншвейгской фамиліи, одни, преимущественно русскіе люди и, прежде всего, А. П. Бестужевъ-Рюминъ, высказывались за отправку Ивана III и всей брауншвейгской фамиліи за границу, на родину; другіе же, исключительно иностранцы, и во главѣ ихъ Лестокъ, настаивали на пожизненномъ заключеніи брауншвейгцевъ въ Россіи. Сперва русскіе взяли верхъ, и въ манифестѣ было объявлено рѣшеніе „всѣхъ ихъ въ ихъ отечество отправить“; потомъ, послѣ заговора Турчанинова, особенно же послѣ лопухинскаго дѣла, взяли верхъ ино-

---

[1]) Лопухинское дѣло въ *Государ. въ Архивѣ*; депеши *Вича*, отъ 30-го іюля и 5-го авг. 1743 г. (*Лондон. Архивъ*, Russia, № 44); депеша *Гогенгольца* о „Bottaische Affaire“ см. Приложеніе I, 2, 3, 4; *Сборникъ*, VI, 490; *Соловьевъ*, XXI, 286.

странцы, и брауншвейгская семья была обречена на пожизненное заключеніе въ Россіи.

Весь 1742-й годъ, съ 9-го января по 13-е декабря, браунпвейгцы провели въ Ригѣ; ихъ содержали какъ преступниковъ: „къ принцу и принцессѣ кромѣ Салтыкова и опредѣленныхъ при немъ" никого не допускали. Изъ Риги ихъ перевели въ Динаминдъ-Шанцъ, въ крѣпость. Браунпвейгская семья содержалась еще въ Динамюнде, когда въ Ригу пріѣхала цербстская княгиня съ дочерью. Екатерина видѣла генерала-адъютанта Салтыкова и майора Корфа, состоявшихъ при караулѣ браунпвейгцевъ; слышала, какъ мать называла ихъ „государственными преступниками" и во всемъ оправдывала императрицу[1]). Въ Динамюнде браунпвейгская семья содержалась болѣе года; тамъ у Анны Леопольдовны родилась дочь Елизавета[2]). Въ январѣ 1744 г. приказано было перевезти „извѣстныхъ персонъ" изъ Динамюнде въ Раненбургъ[3]), отъ границы внутрь имперіи. Спустя полгода, камергеру барону Н. А. Корфу, свойственнику императрицы, лицу довѣренному, повелѣно веревезти „извѣстныхъ персонъ" изъ Раненбурга, чрезъ Архангельскъ, въ Соловецкій монастырь и тамъ оставить, причемъ крѣпко наказывалось „ввести фамилію въ Соловецкій монастырь ночью, чтобъ ихъ никто не видалъ". При отъѣздѣ изъ Раненбурга императоръ-младенецъ былъ впервые и на всегда разлученъ съ родителями — его увезъ въ отдѣльномъ экипажѣ майоръ Миллеръ. Этотъ Миллеръ получилъ такой указъ: „Когда Корфъ вамъ отдастъ младенца четырехлѣтняго, то онаго посадить въ коляску и самому съ нимъ сѣсть и одного служителя своего или солдата имѣть въ коляскѣ для береженія и содержанія онаго; именемъ его называть

---

1) *Сборникъ*, VII, 15. Die Mittheilungen der Fürstin über die in Dünamünde befindliche gestürzte Kaiserfamilie sind zu sehr den Urtheilen der Parthei der Kaiserin Elisabeth gemäss, als dass wir sie hier anführen möchten. *Siebigk*, 32.

2) Приложеніе VI, письмо 3-е. — 3) Раненбургъ, вѣрнѣе Ораніенбургъ, Воронежской губерніи, съ крѣпостью, выстроенною кн. А. Д. Меншиковымъ; теперь — уѣздный городъ Рязанской губерніи. —

Григорій. Ѣхать въ Соловецкій монастырь, а что вы имѣете съ собою какого младенца, того никому не объявлять, имѣть всегда коляску закрытою"[1]).

Совершенно случайно, вслѣдствіе распутицы и бездорожья, „арестанты" не могли быть доставлены въ Соловецкій монастырь, гдѣ для нихъ было уже приготовлено помѣщеніе, и были водворены въ Холмогорахъ[2]), въ архіерейскомъ домѣ. Елизавета Петровна одобрила „впредь до новаго указа" выборъ Холмогоръ, причемъ приказала „извѣстныхъ персонъ въ теснѣйшемъ заключеніи содержать", но Ивана отдѣльно отъ другихъ. Корфъ прибылъ въ Холмогоры 9-го ноября 1744 г.; въ мартѣ слѣдующаго года ему было приказано возвратиться въ Петербургъ, сдавъ арестáнтовъ въ смотрѣніе капитану измайловскаго полка Гурьеву. Вмѣстѣ съ тѣмъ камергеръ Корфъ получилъ слѣдующій секретный приказъ: „Ежели, по волѣ Божіей, случится кому изъ извѣстныхъ персонъ смерть, особливо же принцессѣ Аннѣ или принцу Іоанну, то учиня надъ умершимъ тѣломъ анатомію и положа въ спиртъ, тотчасъ то смертное тѣло къ намъ прислать съ нарочнымъ офицеромъ, а съ прочими чинить по тому-жъ, токмо сюда не присылать, а доносить намъ и ждать указу. И сіе держать въ крѣпкомъ секретѣ, чтобы о томъ никто другіе не вѣдали, а какъ оттуда поѣдете, то объявя о томъ майору Гурьеву словесно, а сію цидулку съ собою къ намъ привезть"[3]).

Тяжелый и долгій переѣздъ изъ Раненбурга въ Холмогоры бывшая правительница Анна Леопольдовна сдѣлала въ болѣзненномъ состояніи: она была въ интересномъ положеніи и, вскорѣ по пріѣздѣ въ Холмогоры, въ

---

[1]) *Соловьевъ*, XXII, 96. — [2]) Въ то время посадъ, позже, съ 1780 года, уѣздный городъ Архангелогородской Области. Славные нѣкогда торгомъ съ датчанами, Холмогоры въ это время были настолько никому за границей неизвѣстны, что Фридрихъ II писалъ въ „Histoire de mon temps": Ils furent conduits au de là d'Archangel, dans un lieu si barbare, qu'on en ignore même le nom (*Posner*, 303); въ Россіи, напротивъ, Холмогоры получили въ это время особую извѣстность, благодаря Ломоносову, уроженцу одной изъ холмогорскихъ волостей.

[3]) *Отеч. Записки*, CLXV, 535.

мартѣ 1745 года, родила сына Петра. Она, однако, скоро оправилась и весь 1745 годъ пользовалась хорошимъ здоровьемъ. Извѣстіе о рожденіи Петра Антоновича произвело въ Петербургѣ непріятное впечатлѣніе: въ Динамюнде родилась дѣвочка, теперь — мальчикъ, новый претендентъ, братъ Ивана. Не прошло и года—въ февралѣ 1746 г. родился опять мальчикъ, Алексѣй. Императрица, получивъ объ этомъ донесеніе, „изволила оный рапортъ разодрать", надо полагать, съ досады. Приращеніе брауншвейгской семьи, особенно членами мужескаго пола, могло только обезпокоивать Елизавету Петровну; вскорѣ, однако, пришла вѣсть объ умаленіи семьи.

27-го февраля принцесса Анна родила Алексѣя[1]), 5-го марта занемогла „великою горячкою", 7-го марта умерла. Согласно секретному указу, тѣло Анны Леопольдовны было анатомировано и 10-го марта отправлено въ Петербургъ.

Получивъ рапортъ о смерти принцессы Анны, Елизавета Петровна написала принцу Антону-Ульриху слѣдующее письмо[2]):

„Свѣтлѣйшій принцъ.

„Увѣдомились мы отъ майора Гурьева, что принцесса, ваша супруга, волею Божіею скончалась, о чемъ мы сожалѣемъ, но понеже въ репортѣ онаго майора Гурьева къ намъ не написано потребныхъ обстоятельствъ онаго печальнаго случая, можетъ быть затѣмъ, что ему невозможно всегда при ней быть, а ваша свѣтлость неотлучно при томъ были; того для требуемъ отъ вашей свѣтлости обстоятельнаго о томъ извѣстія, какою болѣзнію принцесса супруга ваша скончалась, которое сами изволите написавъ прислать къ намъ.

„Елисаветъ".

Это письмо было отправлено въ Холмогоры къ Гурьеву при слѣдующемъ повелѣніи: „Репорты ваши о рожденіи принца и о кончинѣ принцессы Анны мы получили, и что вы по указу тѣло принцессы Анны сюда отправляете, о томъ извѣстны. Приложенное присемъ къ принцу Антону наше письмо отдай, и на оное отвѣтъ дай ему своею рукою написать, и какъ напишетъ, то оное къ намъ не-

---

[1]) Приложеніе VI, письмо 3-е. — [2]) Дѣло браунпвейгской фамиліи въ *Госуд. Архивѣ*; *Соловьевъ*, XX, 97.

медленно пришли. Скажи принцу, чтобъ онъ только писалъ, какою болѣзнью умерла, и не упоминалъ бы о рожденіи принца".

Отъ принца-отца требовали невозможнаго: Анна Леопольдовна умерла отъ родильной горячки, а ему запрещалось упоминать о рожденіи принца-сына! Правительство старалось скрывать рожденіе принца, и Гурьеву былъ посланъ особый указъ „о необъявленіи никому о состояніи коммиссіи, а паче о числѣ дѣтей Принцессиныхъ и какого пола". Всѣ эти мѣры не привели ни къ чему — въ Петербургѣ всѣ знали, что въ Холмогорахъ содержатся три сына и двѣ дочери бывшей правительницы Анны.

Подпоручикъ лейбъ-гвардіи измайловскаго полка Левъ Писаревъ, сопровождавшій тѣло принцессы Анны изъ Холмогоръ, получилъ изъ Петербурга указъ „о слѣдованіи съ послѣдней къ Петербургу почты прямо въ Невскій монастырь". Въ монастырской церкви торопились приготовленіями къ погребальной церемоніи, бывшей при погребеніи царевны Екатерины Ивановны, герцогини Мекленбургской, матери Анны Леопольдовны.

Великій князь былъ въ это время болѣнъ, не выходилъ изъ комнаты. Екатерина, вся въ черномъ, сопровождала императрицу, 21-го марта, въ александро-невскій монастырь и присутствовала при погребеніи „со всѣмъ придворнымъ штатомъ, також де знатными, какъ духовными, такъ и свѣтскими обоего пола персонами". Принцесса Анна была погребена въ монастырѣ, „подлѣ гроба покойной ея матери" [1]).

---

[1]) Письмо гр. Бестужева-Рюмина къ гр. М. И. Воронцову, въ *Арх. кн. Воронцова*, II. 148. Письмо помѣчено 21-мъ марта; вѣроятно это опечатка, вм. 22-го марта, такъ какъ въ немъ говорится о погребеніи, бывшемъ „вчерашняго же дня", а погребеніе совершенно въ пятницу, 21-го марта. Въ депешѣ *Тиндфорда* отъ 22-го марта 1746 г. сказано: The body of the Princess Ann has been brought here and after having laid in State for some days in the convent of Alexander Newsky was buried yesterday in that church (*Лондон. Архивъ*, Russia, № 50); депеша *Дальона* отъ того же числа (*Парижс. Архивъ*, Russie, vol. 48, f. 160). Словесный указъ императрицы о погребеніи „бла-

Какъ нѣкогда въ Ригѣ, со словъ матери, такъ и теперь въ Петербургѣ, присутствуя на погребеніи принцессы Брауншвейгъ-Люнебургской, Екатерина вполнѣ оправдывала Елизавету Петровну относительно брауншвейгской семьи. Между тѣмъ какъ многіе, обезпокоенные болѣзнію великаго князя, полагали, что, въ случаѣ его смерти, наслѣдникомъ престола будетъ объявленъ Иванъ III[1]), Екатерина ни на минуту не сомнѣвалась, что императрица никогда не сдѣлаетъ подобной ошибки. Въ „Запискахъ" Екатерины, доведенныхъ до 1758 года, ни разу не упоминается ни одинъ изъ членовъ злополучной брауншвейгской семьи. Въ то время многимъ казалось совершенно естественнымъ и справедливымъ, какъ низложеніе Ивана III, такъ и заточеніе всей брауншвейгской семьи; для Екатерины же то и другое представлялось, сверхъ того, единственною причиною занимаемаго ею положенія русской великой княгини. Она знакомилась, изъ разсказовъ лейбъ-кампанцевъ, съ подробностями революціи, возведшей Елизавету Петровну на престолъ, и во очію убѣждалась, что подобные перевороты возможны, что они не сопряжены съ неопредолимыми трудностями и не вызываютъ противодѣйствія среди общества, преклоняющагося предъ успѣхомъ.

Могла-ли Екатерина смотрѣть иначе на „брауншвейгскій инцидентъ"? Еще въ Ригѣ, два года назадъ, она слышала отъ матери, которой вполнѣ тогда довѣряла, что Елизавета Петровна совершенно права относительно своихъ брауншвейгскихъ родственниковъ[2]); теперь Екатерина слышала только полное одобреніе всѣмъ распоряженіямъ, касавшимся злосчастной семьи. До Екатерины не доходили, ни теперь, ни послѣ, ни во все время, пока она

говѣрной принцессы Анны Брауншвейгъ-Люнебургской", см. *Шаховской*, 286.

[1]) The Great Duke still continues in a very weakly condition, and if any accident should happen to him Your Lordship would soon hear of Ivan being recalled, tho' perhaps not his parents. Депеша *Гиндфорда* лорду Гаррингтону, отъ 16-го марта 1746 г. (*Лондон. Архивъ*, Russia, № 50).

[2]) *Siebigk*, 32.

была великою княгинею, даже и глухіе слухи о возбужденіи, вызванномъ революціоннымъ переворотомъ 1741 года. Какъ не слышала она ничего о „заговорѣ“ Турчанинова, такъ не услышитъ она ничего ни о „умыслѣ“ Зубарева[2]), ни о „сочувствіи“ прусскаго короля къ браунвейгской семьѣ, ни даже о самой семьѣ. Объ этомъ при дворѣ знали очень немногіе и никто не говорилъ, менѣе же всего съ великою княгинею.

---

[1]) „Приключенія посадскаго Ивана Зубарева“, см. *Пекарскій*, Бумаги К. И. Арсеньева, Спб. 1874, стр. 375.

XVIII.

Елизавета Петровна любила повеселиться; бракосочетаніе великаго князя дало поводъ къ новымъ забавамъ и развлеченіямъ. Зимній сезонъ 1745—46 гг. былъ въ этомъ отношеніи весьма разнообразенъ; заранѣе была составлена программа придворныхъ развлеченій на всю недѣлю [1]). Особенно веселились на масляницѣ. „Нынѣ у насъ Карневалъ — пишетъ Бестужевъ гр. Воронцову — и маскарадныя забавы на основаніи тѣхъ, кои при жизни Его Императорскаго Величества блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государя Петра Великаго были, начались такимъ образомъ, что въ домахъ перваго и второго классовъ оныя въ учрежденныя къ тому дни держатся, и гдѣ Наша Всемилостивѣйшая Государыня Самодержица, со всею Своею Высочайшею Императорскою Фамиліею и придворнымъ штатомъ всегда находиться изволитъ, къ чему весь генералитетъ и знатное шляхетство равномѣрно-жъ приглашаются, такъ что отъ трехъ до четырехъ сотъ масокъ вмѣстѣ бываетъ" [2]).

Въ одномъ изъ такихъ маскарадовъ великій князь простудился. „Послѣдній маскарадъ — говоритъ Екатерина — былъ данъ генералъ-полиціймейстеромъ Татищевымъ, въ домѣ принадлежавшемъ императрицѣ и называв-

---

[1]) *Камеръ-фурьерскій журналъ* за 1745 г., подъ 15-мъ сентября. — [2]) *Арх. кн. Воронцова*, II, 142. Письмо помѣчено 23-мъ января 1746 г. и можетъ служить доказательствомъ вѣрности „Записокъ" Екатерины, которая, 40 лѣтъ спустя, отмѣтила по этому поводу: L'hiver de 1746 se passa en mascarades dans les principales maisons de la ville; la cour et toute la ville y assistaient regulièrement, *Mémoires*, 51.

шемся Смольный дворецъ. Середина этого деревяннаго дома была уничтожена пожаромъ, сохранились только двухэтажные флигели. Въ одномъ изъ нихъ танцовали: ужинать же надо было идти въ другой флигель, черезъ дворъ, по снѣгу, и это въ январѣ. Послѣ ужина приходилось повторить тотъ же путь. Возвратившись домой, великій князь легъ спать, но на другой день проснулся съ страшною головною болью, такъ что не могъ встать съ постели. Я позвала докторовъ, которые объявили, что у него жестокая горячка [1]). Къ вечеру его перенесли съ моей постели въ мою пріемную, гдѣ ему пустили кровь и уложили въ приготовленную для него кроват. Нѣсколько разъ ему пускали кровь. Онъ былъ очень опасенъ. Императрица по нѣскольку разъ въ день приходила навѣщать его, и была очень довольна, видя меня въ слезахъ... Императрица прислала однажды свою любимицу, г-жу Измайлову, сказать мнѣ, чтобъ я надѣялась на Бога, не огорчалась болѣзнью мужа и что императрица ни въ какомъ случаѣ не оставитъ меня... Въ комнату великаго князя, въ ту, гдѣ онъ лежалъ, я входила лишь тогда, когда надѣялась, что не буду лищнею, хотя эта комната была рядомъ съ моею: я замѣтила, что онъ нисколько не заботился о моемъ присутствіи и предпочиталъ оставаться съ своими приближенными, которые, по правдѣ сказать, мнѣ не нравились... Оправившись отъ болѣзни, онъ продолжалъ сказываться больнымъ, чтобы не выходить изъ своей комнаты, гдѣ ему было пріятнѣе, чѣмъ на придворныхъ представленіяхъ. Онъ вышелъ только на страстной недѣли" [2]).

Во время болѣзни, великій князь опять пристрастился къ кукламъ. Въ началѣ апрѣля, „послѣ святой — пишетъ Екатерина — онъ устроилъ въ своей комнатѣ кукольный театръ [3]), на который онъ приглашалъ придвор-

---

[1]) The Great Duke has had a violent fever and recovers so slowly that it is so to be feared his life is still in danger, for the distemper is seems to have fallen upon his lungs. Депеша *Гиндфорда*, отъ 11-го марта 1746 г. (*Лонд. Архивъ*, Russia, № 50). — [2]) *Mémoires*, 51—54. — [3]) Въ депешѣ отъ 8-го марта 1746 г., *Дальонъ* сообщаетъ объ этомъ

ныхъ, и даже дамъ. Этотъ театръ былъ величайшею глупостью. Въ комнатѣ, гдѣ былъ устроенъ театръ, была одна дверь глухая, потому что она выходила въ покои императрицы, въ ту именно комнату, гдѣ стоялъ обѣденный столъ, при помощи машины опускавшійся и поднимавшійся, чтобъ обѣдать безъ прислуги. Однажды, великій князь, приготовляя въ своей комнатѣ спектакль, услышалъ говоръ въ сосѣдней комнатѣ. Онъ тотчасъ схватилъ коловоротъ и просверлилъ дыры въ глухой двери, такъ что можно было видѣть, что дѣлается въ сосѣдней комнатѣ: императрица тамъ обѣдала съ оберъ-егермейстеромъ графомъ Разумовскимъ, который былъ въ стеганомъ халатѣ, такъ какъ былъ нездоровъ, и еще съ двѣнадцатью лицами, наиболѣе приближенными. Великій князь не только самъ наслаждался плодами своей искусной работы, но еще пригласилъ всѣхъ, бывшихъ съ нимъ, поглядѣть въ дыры, сдѣланныя имъ съ такимъ искусствомъ. Когда онъ самъ и его приближенные насытились такимъ нескромнымъ удовольствіемъ, онъ сталъ приглашать меня и моихъ дамъ посмотрѣть кое-что, чего мы никогда не видѣли. Такъ какъ я не торопилась послѣдовать его приглашенію, онъ увелъ моихъ дамъ; я пришла послѣднею и увидѣла ихъ у завѣтной двери, предъ которою онъ наставилъ стульевъ, скамеекъ и подножекъ — для удобства зрителей, какъ онъ говорилъ. Войдя въ комнату, я спросила, что это такое; онъ подбѣжалъ ко мнѣ и сказалъ въ чемъ дѣло. Эта дерзость испугала и разсердила меня. Я объявила ему, что не хочу ни смотрѣть, ни принимать участія въ этой опасной забавѣ, которая, конечно, причинитъ ему непріятности, если его тетка узнаетъ объ этомъ, и что ей трудно не узнать, такъ какъ онъ посвятилъ въ эту тайну по меньшей мѣрѣ человѣкъ двадцать... Великій князь смутился и сталъ заниматься своимъ теат-

---

театрѣ, какъ существующемъ уже три мѣсяца: Héritier presomptif d'un vaste empire et majeure en sa qualité de duc de Holstein, il y a trois mois que son grand amusement est un théâtre de marionettes qu'il a fait dresser dans son appartement. (*Парижс. Архивъ*, Russie, vol. 48, f. 136).

ромъ; я ушла въ свою комнату. До воскресенья объ этомъ ничего не было слышно. Въ этотъ день, послѣ обѣдни, императрица пришла ко мнѣ; лицо ея было сердитое и очень красное. Она велѣла позвать великаго князя, а между тѣмъ побранила меня за то, что я нѣсколько опоздала къ обѣднѣ. Явился великій князь. Она начала спрашивать его, какъ онъ осмѣлился сдѣлать то, что сдѣлалъ? Она сказала, что была въ столовой, видѣла дверь всю въ дырахъ, что всѣ дыры противъ того мѣста, гдѣ она обыкновенно сидитъ; что онъ, вѣроятно, забылъ, чѣмъ ей обязанъ; что она не можетъ теперь смотрѣть на него иначе, какъ на неблагодарнаго; что у ея отца, Петра I, также былъ неблагодарный сынъ, котораго онъ наказалъ, лишивъ его наслѣдства[1]); что при императрицѣ Аннѣ она вседа оказывала ей почтеніе, подобающее лицу коронованному и Богомъ помазанному, что Анна Ивановна не любила много разговаривать, а сажала въ крѣпость тѣхъ, кто не оказывалъ ей почтенія; что онъ глупый мальчишка, котораго она научитъ, какъ надо жить. Тутъ ужъ великій князь началъ сердиться, хотѣлъ ей отвѣчать и пробормоталъ нѣсколько словъ, но она приказала ему молчать, взволновалась и уже не знала мѣры своему гнѣву. Она наговорила ему множество оскорбительныхъ и рѣзкихъ словъ, показывая ему и гнѣвъ свой, и презрѣніе. У меня навернулись при этомъ слезы. Императрица замѣтила ихъ и сказала мнѣ: „То, что я говорю, относится не къ вамъ; я знаю, что вы не участвовали въ его продѣлкѣ и что вы не смотрѣли и даже не хотѣли смотрѣть сквозь дверь“. Это сужденіе успокоило ее нѣсколько; она поклонилась намъ и ушла къ себѣ“[2]).

Поведеніе великаго князя никогда не отличалось особенною пристойностію; это былъ дурно воспитанный юно-

---

[1]) Въ депешѣ гр. *Линара*, отъ 26-го февраля 1741 г.: L'Impératrice a dit en présence de plusieurs personnes que si le Grand Duc se gouvernoit mal, elle lui feroit éprouver le même sort que Pierre premier avoit fait subir à son fils Alexis. Ce n'est pas la première fois qu'elle tient ce langage et qu'elle a même fait faire au grand duc de pareils complimens. *Lynar*, I, 442.

[2]) *Mémoires*, 54. Кажется, англійскій посланникъ имѣлъ именно эту исторію въ виду, сообщая лорду Гаррингтону, въ депешѣ отъ 12-го

ша[1]). Онъ возмущалъ иногда даже такихъ лицъ, какъ Штелинъ, на котораго былъ возложенъ довольно неблагодарный трудъ перевоспитанія голштинскаго герцога. Его любовь къ лакейскому обществу, его страсть къ фальшивой военщинѣ, къ игрѣ въ куклы, даже его необузданная грубость, безсердечное самодурство — все это было извѣстно императрицѣ, однако, не вызывало съ ея стороны серьезныхъ мѣръ. Глумленіе надъ православнымъ духовенствомъ, насмѣшки надъ русскимъ языкомъ, издѣвательства надъ русскимъ народомъ, все, что дѣлало его недостойнымъ русской короны — все ему прощалось, такъ какъ не касалось лица императрицы. Теперь, проявленіе низкой души, лакейская склонность къ подсматриванью затрогивала лично Елизавету Петровну, и „лицо коронованное и Богомъ помазанное“ возмутилось — не за имперію, не за судьбу народа, которыми она призвана управлять, а за свою личность, за свободу бражничанья съ своими фаворитами. Только теперь были приняты мѣры и не только противъ великаго князя, но противъ обоихъ супруговъ; противъ безвинной великой княгини и противъ виновнаго великаго князя.

Исторія съ подсматриваніемъ разыгралась въ половинѣ апрѣля, а уже 10-го мая 1746 г. гр. Бестужевъ-Рюминъ представилъ императрицѣ сочиненную имъ „по высочайшему повелѣнію“ инструкцію для „знатной дамы“, назначенной состоять при великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ[2]). Выборъ знатной дамы, „вмѣсто обыкновенной гофмейстерины“, зависѣлъ, конечно, отъ императрицы;

апрѣля: The Great Dutchess is fallen into disgrace, but it would be too long to trouble Your Lordship with a detail of the reasons of her (*Лонд. Архивъ*, Russia, № 50).

[1]) Il a avec un chacun sans distinction les façons les plus rebutantes. Il ce livre au vin. Il ne se plait qu'avec la jeunesse la plus mal morigénée ou avec des espèces de bouffon. Депеша *Дальона* отъ 8-го марта 1746 г. (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 48, f. 136).

[2]) Инструкціи для лицъ, назначаемыхъ состоять при великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и при великомъ князѣ Петрѣ Ѳеодоровичѣ, сочиненныя графомъ А. П. Бестужевымъ-Рюминымъ (*Арх. кн. Воронцова*, II, 98). Депеша *Функс* отъ 1-го октября 1755 г. см. *Hermann*, Hof, 297.

но на какую даму ни палъ бы выборъ, всякая обязывалась исполнять слѣдующіе пять пунктовъ инструкціи:

1-е) истинное усердіе къ православной греческой вѣрѣ, „не токмо для вида, но наиглавнѣйше внутренно и дѣйствительно", было поставлено, конечно, на первый планъ.

2-е) наблюденіе „брачной повѣренности между обоими Императорскими Высочествами", какъ государственный вопросъ о престолонаслѣдіи, представлялся наиболѣе деликатнымъ пунктомъ инструкціи, причемъ знатная дама обязана внушать великой княгинѣ, что она „въ нынѣшнее достоинство Императорскаго Высочества ни́ въ какомъиномъ видѣ и надѣяніи возвышена, какъ токмо дабы имперіи пожеланный наслѣдникъ и отрасль всевысочайшаго императорскаго дома получена быть могла";

3-е) надзоръ за каждымъ шагомъ великой княгини, для чего необходимо „всегда за нею слѣдовать", устраняя какъ „подозрѣніе возбуждающую фамильярность" великой княгини съ придворными кавалерами, пажами и лакеями, такъ и „смѣлость кого бы ни было Ея Высочеству на ухо шептать, письма, цедульки или книги тайно отдавать";

4-е) воздержаніе великой княгини какъ отъ всякаго вмѣшательства „въ здѣшнія государственныя или голштинскаго правленія дѣла", такъ и „отъ излишней и тайной переписки", такъ какъ великая княгиня „всегда свои потребныя письма въ нашей коллегіи иностранныхъ дѣлъ сочинять и къ подписанію себѣ приносить приказать можетъ";

и 5-е), разрѣшеніе великой княгинѣ имѣть „всегда къ намъ отверстой доступъ для изъустнаго донесенія о своихъ нуждахъ".

Трудно себѣ представить болѣе безсодержательную инструкцію. Всѣ эти пункты, за исключеніемъ 4-го, и заключающіяся въ нихъ тенденціи настолько элементарны, даже банальны, что, кажется, вся инструкція составлена только для приличія: вѣроятно, признано было неловкимъ ограничиться инструкціею относительно одного великаго князя. Къ тому же, составленіе инструкціи для великаго князя было поручено гр. Бестужеву-Рюмину, который воспользовался этимъ случаемъ, чтобы ограничить великую

княгиню относительно вмѣшательства въ политическія дѣла и переписки — двухъ пунктовъ, памятныхъ канцлеру еще со времени пребыванія цербстской княгини, матери Екатерины. Бестужевъ хорошо зналъ, что яблоко отъ яблони недалеко падаетъ, и принималъ мѣры. Вотъ почему только этотъ 4-й пунктъ мотивированъ тѣмъ, что вмѣшательство въ государственныя дѣла „недовѣрность и тайное непріятельство на нашихъ вѣрныхъ министровъ, коимъ дѣла поручены, возбуждается"; вотъ почему именно въ 4-мъ пунктѣ разрѣшается знатной дамѣ „сію инструкцію прочитать дать" великой княгинѣ; вотъ почему, наконецъ, письма великой княгини должны составляться именно въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, бывшей въ завѣдываніи гр. Бестужева-Рюмина.

Представляя 10-го мая инструкцію относительно великой княгини, Бестужевъ прибавлялъ, что „другая же изготовляется, и какъ скоро и та поспѣетъ, то равномѣрнымъ же образомъ къ высокомонаршескимъ Вашего Императорскаго Величества стопамъ подвергнется"; на другой же день, 11-го мая, была имъ представлена инструкція относительно великаго князя. Къ чему же такая торопливость въ представленіи первой инструкціи за сутки до второй? Очевидно: вторая была уже готова, но первая представляла бо́льшій интересъ лично для Бестужева.

Первая инструкція, для великой княгини, ничѣмъ не мотивирована въ представленіи канцлера; при представленіи же второй прямо указано, что она „по чинимымъ въ нынѣшней младости проступкамъ во всѣхъ пунктахъ сочинена". Слѣдовательно, изъ инструкціи можно сдѣлать обратное заключеніе о поведеніи великаго князя — въ ней предписывается воздерживать великаго князя отъ проступковъ, къ которымъ онъ болѣе склоненъ. Въ этомъ отношеніи инструкція является оффиціальнымъ документомъ, вполнѣ подтверждающимъ, иногда почти дословно, различныя замѣчанія Екатерины, разсѣянныя въ ея „Запискахъ", относительно поведенія ея супруга. Въ чемъ же, по инструкціи, состояли проступки великаго князя?

Онъ пренебрегалъ догматами и обрядами православной греческой церкви, при богослуженіи проявлялъ „вся-

кое небреженіе, холодность и индиферентность, чѣмъ всѣ въ церкви находящіеся явно озлоблены бываютъ"[1]), относился непочтительно къ духовнымъ лицамъ. У себя, въ своей комнатѣ, проводилъ время въ „играніи егорями и солдатами или иными игрушками"[2]), предавался „всякой пагубной фамильярности съ комнатными и иными негодными служителями", шутилъ „съ лакеями и иными подлыми людьми"[3]), наряжалъ ихъ въ военные мундиры, роздалъ имъ ружья, устроилъ въ своихъ комнатахъ цѣлый полкъ и превратилъ „военное искуство въ шутки"[4]). Всѣ эти подробности, нерѣдко, дѣйствительно, невѣроятныя въ юношѣ 19-ти лѣтъ, уже женатомъ, отмѣчены въ „Запискахъ, Екатерины и до изданія инструкціи признавались многими за преувеличенія, которыми Екатерина хотѣла оправдать свои позднѣйшіе поступки. Между тѣмъ, въ этомъ отношеніи инструкція даетъ еще болѣе, чѣмъ „Записки". Такъ, между прочимъ, инструкція обвиняетъ великаго князя въ томъ, что онъ неприлично велъ себя за столомъ: издѣвался надъ служителями, обливалъ ихъ виномъ, позволялъ себѣ даже непристойныя шутки; въ разговорахъ съ посторонними лицами употреблялъ подлыя слова, дѣлалъ подлыя мины, и т. п.

Какою-то ироніею отзывается, послѣ этого, начало инструкціи: „Понеже Его императорское высочество вели-

---

1) Le grand duc me gronda beaucoup de l'extrême dévotion, selon lui, dans laquelle je me donnais, mais n'ayant pas durant la messe d'autre que moi à qui parler, cessa à me bouder... Quand le grand duc apprit que je continuais à faire maigre il me gronda baaucoup, *Mémoires*, 39, 40, 54; *Лафермьеръ*, 195. — 2) Le grand duc passait le temps à des enfantillages inouis pour son âge, car il jouait aux poupées... Il fit dresser un théatre de marionettes dans sa chambre, c'était la chose du monde la plus insipide.., M-me Kruse procura au grand duc des jouets des poupées et d'autres joujoux d'enfants qu'il aimait à la folie. *Mémoires*, 44, 54, 82. — 3) Le grand duc passait le temp à la lettre dans la compagnie des vaets,.. Il était continuellement avec ses valets. *Mémoires*, 44, 47; *Лафермьеръ*, 197. — 4) Le graud duc enregimenta toute sa suite. Les domestiques de la cour, les chasseurs, les jardiniers, tous eurent le mousquet sur l'épaule. Son Altesse Impériale les exerçait tous les jours, leur faisait monter la garde: le corridor de la maison leur servait de corps de garde, ou ils passaient la journée. *Mémoires*, 73.

кій князь, нашъ любезнѣйшій племянникъ, милостію всевышняго Творца, до такой зрѣлости лѣтъ своихъ достигъ, что голштинскія свои земли самъ управлять за способнаго признанъ: того ради мы съ особливымъ удовольствіемъ наше всемилостивѣйшее соизволеніе дать преминуть не хотѣли, дабы его высочество нынѣ самъ, яко владѣющій герцогъ, надъ своими землями и подданными правленіе имѣлъ, отъ прежнихъ своихъ управителей освобожденнымъ, а напротивъ того собственному своему зрѣлому разсужденію и разумному и съ достоинствомъ его сходственному поведенію препорученнымъ быть могъ" [1]. Лицу, которому поручалось попечительство надъ великимъ княземъ, вмѣнялось въ обязанность помогать ему „дѣломъ и совѣтомъ во всѣхъ случаяхъ, кромѣ управленія голштинскихъ дѣлъ". Человѣкъ, издѣвающійся надъ религіею, небрегущій серьезными дѣлами, якшающійся только съ лакеями, неумѣющій даже порядочно сидѣть за столомъ, признается способнымъ управлять народомъ вполнѣ самостоятельно, безъ всякаго вмѣшательства кого бы ни было, безъ чьей бы ни было помощи, безъ совѣта. . .

Такимъ образомъ, великому князю предоставлялась свобода дѣйствія въ извѣстной сферѣ и именно въ той, къ которой онъ всегда оказывалъ особенную склонность; онъ могъ, еслибъ пожелалъ, заняться серьезнымъ дѣломъ. Не то съ великою княгинею: инструкція ограничивала ее рѣшительно во всемъ и не предоставляла ей никакого занятія, ничего, чѣмъ она могла бы наполнить досужее время. Особенно чувствительнымъ для нея лишеніемъ являлось безусловное воспрещеніе переписки, даже съ отцомъ, особенно же съ матерью. „Для избѣжанія подозрѣнія отъ излишней и тайной переписки", Екатеринѣ вовсе было запрещено писать письма — она должна была только подписываться подъ офиціальными письмами, которыя сочинялись за нее въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Всѣ такія письма составлялись по извѣстному шаблону и все ихъ содержаніе исчерпывалось стереотипною фразой:

---

[1]) Депеша *Функе* отъ 1-го октября 1755 года, см. *Herrmann*, Hof, 297.

я здорова, чего и вамъ желаю. Могли-ли подобныя письма удовлетворить Екатерину? Сама инструкція наталкивала великую княгиню на скрытую изворотливость, на явный обманъ: ей запрещали писать прямо, открыто — она стала писать тайно, чрезъ третьи руки.

Вскорѣ послѣ составленія инструкціи Екатеринѣ удалось, подписывая составленное въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ письмо къ матери, приписать три строчки: „Enfin, voilà l'énigme expliqué; à bon entendeur salur. Devinez, madame, s'il vous est possible et croyez que je suis encore toujours la même"[1]). Это совершенно невинное и случайное начало тайной переписки приняло вскорѣ, благодаря ловкости матери, совершенно иной видъ. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ сама Екатерина:

„Не помню въ точности, но кажется въ это именно время пріѣхалъ въ Россію кавалеръ, Сакромозо. Давно уже въ Россіи не было мальтійскаго кавалера и вообще очень немногіе иностранцы пріѣзжали тогда въ Петербургъ; его появленіе было, поэтому, своего рода событіемъ. Его приняли какъ нельзя лучше и показывали ему все замѣчательное въ Петербургѣ и Кронштадтѣ. Капитанъ линейнаго корабля, позже адмиралъ, Полянскій, лучшій морской офицеръ, былъ назначенъ сопровождать кавалера Сакромозо. Онъ былъ представленъ намъ. Цѣлуя мою руку, Сакромозо сунулъ мнѣ въ руку маленькую бумажную трубочку и сказалъ чуть слышно: „Это отъ вашей матушки". Я почти обомлѣла въ ужасѣ отъ того, что онъ сдѣлалъ. Я умирала отъ страха, чтобъ кто нибудь не замѣтилъ этого, особенно же Чоглоковы, которые стояли весьма близко. Тѣмъ не менѣе, я взяла записку и пропустила ее въ правую свою перчатку; никто ничего не замѣтилъ. Возвратясь въ свою комнату, я дѣйствительно нашла въ этой свернутой бумажкѣ (въ которой Сакромозо извѣщалъ меня, что ждетъ отвѣта чрезъ итальянскаго музыканта, участвовавшаго въ концертахъ великаго князя) небольшую записку отъ моей матери, которая, безпокоясь о моемъ невольномъ молчаніи, спрашивала у

---

[1]) *Сборникъ*, VII, 70.

меня причину тому и хотѣла знать, въ какомъ я нахожусь положенiи. Я написала отвѣтъ матушкѣ и сообщила ей все, что она хотѣла знать. Я передала, что мнѣ запрещено писать ей или кому бы то ни было, подъ предлогомъ, что русской великой княгинѣ неприлично писать иныя письма, кромѣ тѣхъ, которыя сочинялись въ коллегiи иностранныхъ дѣлъ, къ которымъ я должна была только прикладывать свою подпись и никогда не говорить, чтó должно отвѣчать, такъ какъ коллегiя знаетъ лучше меня, что пристойно писать; я написала ей, что г. Олсуфьеву вмѣнили чуть-ли не въ преступленiе то, что онъ получилъ отъ меня нѣсколько строкъ, которыя я просила его вставить въ письмо къ моей матери. Я сообщила ей еще и другiя извѣстiя, которыя она требовала. Свернувъ письмо въ трубочку, подобную мною полученной, я съ нетерпѣнiемъ и безпокойствомъ ждала минуты, чтобъ сбыть ее. На первомъ же концертѣ, бывшемъ у великаго князя, я обошла оркестръ и остановилась за стуломъ скрипача-солиста д'Ололiо — это и было лицо, мнѣ указанное. Когда онъ увидѣлъ меня за своимъ стуломъ, то сдѣлалъ видъ, будто достаетъ платокъ изъ кармана и тѣмъ открылъ свой карманъ во всю ширину. Я преспокойно опустила туда свою записку и отошла въ сторону. Никто ничего не подозрѣвалъ. Сакромозо, во время своего пребыванiя въ Петербургѣ, передалъ мнѣ еще двѣ или три записочки такого же содержанiя; мои отвѣты сообщались ему такимъ же образомъ, и никогда никто ничего не узналъ"[1]).

---

[1]) *Mémoires,* 92. Быть можетъ, тогда никто не зналъ, но позже многiе, вѣроятно, догадывались. Одна изъ такихъ догадокъ записана была еще при жизни Екатерины II, и хотя разсказу придана невѣроятная форма, но въ немъ вѣрно представлено участiе матери, какъ главной изобрѣтательницы тайной пересылки писемъ: On l'observait la princesse de Zerbst bien sévèrement; il lui devint très-difficile d'entretenir des correspondances. Voici comment elle s'y prit un jour pour faire parvenir une lettre au roi de Suède. Il y avoit bal à la cour; la princesse de Zerbst y étoit avec la grande-duchesse, sa fille. Tout-à-coup la grande-duchesse s'avance vers le vieux Lestocq, qui, suivant sa coutume, s'amusoit à causer avec des femmes, et lui jettant un gant, elle lui dit qu'elle veut danser avec lui. En ramassant le gant, Lestocq

Запретительныя мѣры, подобно насильственнымъ, никогда не достигаютъ цѣли, которую преслѣдуютъ; въ большинствѣ случаевъ онѣ приводятъ къ результатамъ прямо противоположнымъ. Инструкцію, составленную Бестужевымъ-Рюминымъ для оберъ-гофмейстерины великой княгини, постигла та же участь — она не достигла цѣли ни по одному изъ пяти пунктовъ, менѣе же всего по второму.

---

s'apercoit qu'il contient un papier. Alors le fin courtisan dit en riant à la grande-duchesse: „J'accepte le défi, madame; mais au lieu de vous rendre votre gant, je vous prie de me donner l'autre, pour que je les présente tous deux, de votre part, à ma femme: la faveur sera complète". La contredanse finie, Lestocq s'esquiva en cachant les gants sous sa veste, de peur que l'impératrice n'eut été avertie et ne le fit fouiller à la porte (*Castèra*, 1, 95).

XIX.

Главнымъ, основнымъ пунктомъ инструкціи относительно великой княгини былъ, конечно, второй, которымъ „знатной дамѣ" предписывалось „брачную повѣренность между обоими императорскими высочествами возможнѣйше и неотмѣнно соблюдать". Пунктъ, повторяемъ, весьма деликатный, требовавшій большого такта со стороны той дамы, на обязанность которой онъ возлагался. Этотъ второй пунктъ инструкціи составленъ въ слѣдующей формѣ:

„И понеже при томъ ея императорское высочество достойною супругою дражайшаго нашего племянника, его императорскаго высочества великаго князя и наслѣдника имперіи, избрана, и оная въ нынѣшнее достоинство императорскаго высочества не въ какомъ иномъ видѣ и надѣяніи возвышена, какъ токмо дабы ея императорское высочество своимъ благоразуміемъ, разумомъ и добродѣтельми его императорское высочество къ искренней любви побуждать, сердце его къ себѣ привлещи, и тѣмъ *имперіи пожеланной наслѣдникъ* и отрасль нашего всевысочайшаго императорскаго дома получена быть могла; а сего безъ основанія взаимной истинной любви и брачной откровенности, а именно безъ совершеннаго нраву его угожденія, ожидать нельзя: того ради мы къ ея императорскому высочеству всемилостивѣйшее надѣяніе имѣемъ, что она, въ томъ разсужденіи, что собственное ея счастіе и благополучіе отъ того зависятъ, о семъ важномъ видѣ зрѣло уважать и къ достиженію онаго, съ своей стороны, наилутчее угожденіе и всѣ возможныя способы вяще и вяще употреблять не преминетъ. Вамъ же наикрѣпчайше повелѣваемъ сіе намъ и всему отечеству толь важное желаніе ея императорскому высочеству великой княгинѣ, при всякомъ случаѣ, ревностно представлять и неотступно побуждать, чтобъ ея императорское высочество съ своимъ супругомъ всегда, со всеудобьвымышленнымъ добрымъ и привѣтливымъ поступкомъ,

15*

его нраву угожденіемъ, уступленіемъ, любовію, пріятностію и горячестію обходилась и генерально все то употребляла, чѣмъ бы сердце его императорскаго высочества совершенно къ себѣ привлещи, какимъ бы образомъ съ нимъ въ постоянномъ добромъ согласіи жить; всѣ случаи къ нѣкоторой холодности и оскорбленію избѣгать, и потому себѣ самой и своему супругу наисладчайшее и благополучнѣйшее житіе, а намъ желаемое исполненіе нашихъ полезныхъ матернихъ видовъ исходатайствовать и всѣхъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ усердное желаніе исполнить. И для того вы крайнѣйшее стараніе ваше приложите дражайшее доброе согласіе и искреннѣйшую любовь и *брачную повѣренность* между обоими императорскими высочествами возможнѣйше и неотмѣнно соблюдать, наималѣйшей холодности или недоразумѣнію пріятнымъ совѣтомъ и привѣтствіемъ обоимъ предупреждать и препятствовать, въ неудачливомъ же случаѣ намъ немедленно вѣрнѣйше о томъ доносить. Въ которомъ видѣ ея императорскому высочеству великой княгинѣ представлять и ее уважать заставить, что ея супругъ не токмо ея государь, но со времянемъ ея императоръ, а она тогда въ совершенномъ его покореніи будетъ, такъ какъ они оба теперь первѣйшими ея императорскаго величества подданными въ Россійской Имперіи суть, и потому ея императорское высочество, для собственнаго своего настоящаго и будущаго блага, по справедливости во всемъ по волѣ своего супруга поступать, а для содержанія горячей любви и постояннаго согласія и въ несправедливооказующихся вещахъ лучше себѣ принужденіе учинить имѣетъ, нежели прекословіемъ или упрямствомъ къ весьма вредительному несогласію и холодности между собою, а намъ къ наичувствительнѣйшему прискорбію и сокрушенію случай подавать".

Кажется, ясно. Инструкція составлена на девятомъ мѣсяцѣ послѣ брака, когда уже истекъ срокъ, чтобъ „желаемое исполненіе полезныхъ матернихъ видовъ" могло быть своевременно удовлетворено. Надо отдать честь Бестужеву: онъ высказалъ мысль Елизаветы Петровны весьма точно и довольно искусно, предоставляя ея выполненіе „знатной дамѣ" по выбору императрицы. На кого же палъ выборъ?

Двоюродная сестра императрицы, старшая дочь Симона Леонтьевича Гендрикова, Марья Симоновна выросла на глазахъ Елизаветы Петровны и была ея любимицею. Въ день коронаціи весь родъ Гендриковыхъ, два брата и двѣ сестры, былъ возведенъ въ графское достоинство, а 19-тилѣтняя дѣвица Марья Симоновна, сверхъ того, пожалована въ статсъ-дамы. Въ августѣ того-же 1742 года графиня

Марья Гендрикова вышла замужъ за камергера Чоглокова. Молодые были поселены во дворцѣ; дѣтей ихъ пеленали андреевскими лентами съ плеча императрицы. У императрицы не было дамы болѣе къ ней близкой, болѣе ею любимой, чѣмъ Чоглокова — ее-то Елизавета Петровна и назначила оберъ-гофмейстериной къ малому двору. Чоглокова была молода — ей шелъ 24-й годъ — очень красива, любила мужа, имѣла уже дѣтей и еще „соблюдала строгія правила въ поведеніи", отъ которыхъ отреклась лишь гораздо позже. „Ея императорское величество — писалъ Бестужевъ гр. Воронцову — всевысочайшую милость имѣла графиню Марью Симоновну оберъ-гофмейстериною при ея императорскомъ высочествѣ великой княгинѣ пожаловать. Я честь имѣлъ ее въ такомъ достоинствѣ великой княгинѣ представить, а потомъ фрейлейнамъ и кавалерамъ при ея высочествѣ, по именному ея императорскаго величества указу, объявить, чтобъ они во всемъ къ оберъ-гофмейстеринѣ адресовались, безъ вѣдома ея ни о чемъ ея высочеству не докладывали, о постороннихъ же еще вяще сихъ разумѣется"[1]).

„Ce fut un coup de foudre pour moi", говоритъ Екатерина. Она считала Чоглокову женщиною „глупою, злою, корыстолюбивою" и, что въ ея глазахъ было хуже всего, „вполнѣ преданною графу Бестужеву"[2]). Въ этой характеристикѣ только послѣднее замѣчаніе вполнѣ справедливо — Чоглоковы, мужъ и жена, были въ то время клевретами Бестужева, и, кажется, это одно обстоятельство обусловило всю характеристку: молодая оберъ-гофмейстерина была капризна, какъ всѣ женщины, и вовсе не была глу-

---

1) (*Арх. кн. Воронцова*, II, 155. Чоглокова названа *графинею* только изъ излишней любезности. Въ депешѣ французскаго повѣреннаго *Дальона* къ Даржансону, отъ 28-го апр. 1747 г.: Le grand Duc laisse echapper des discours qui denotent la plus grande sensibilité au joug qu'on lui impose, que le joug devient tous les jours plus pesant et que qui que ce soit sans exception ne peut lui parler, non plus qu'à la Grande-Duchesse, ni en public, ni en particulier qu'en presence de M. et de M-me Tchoglokoff, gens entièrement devoués au chancelier (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 50, f. 125). — 2) *Mémoires*, 61. Подобные же отзывы о Чоглоковой повторены въ „Запискахъ" и позже, см. стр. 76, 172, 179 и др.

пѣе, злѣе или корыстолюбивѣе другихъ. Напротивъ, сама же Екатерина имѣла позже случай убѣдиться, что съ Чоглоковою можно ладить и даже подчинить ее своей волѣ. Если же Екатерина навсегда сохранила дурное мнѣніе о своей первой оберъ-гофмейстеринѣ, то виною этого была не Чоглокова, а та инструкція, которую она должна была выполнять. На кого ни была бы возложена подобная задача, всякая ея выполнительница оставила бы по себѣ дурную память въ Екатеринѣ.

Назначеніе Чоглоковой тотчасъ-же раскрыло все значеніе второго пункта инструкціи. Это назначеніе сопровождалось слѣдующими подробностями, сохраненными Екатериною: „Въ концѣ мая[1]) императрица опредѣлила ко мнѣ, какъ главную надзирательницу, г-жу Чоглокову, одну изъ статсъ-дамъ, свою родственницу. Мужъ ея, камергеръ императрицы, ѣздилъ въ это время въ Вѣну, не знаю съ какимъ-то порученіемъ отъ императрицы[2]). Я много плакала при ея переѣздѣ ко мнѣ и во весь тотъ день. На другой день я даже должна была пустить себѣ кровь. Утромъ, императрица пришла ко мнѣ въ комнату и, замѣтивъ, что у меня глаза красныя, сказала мнѣ, что молодыя женщины, нелюбящія своихъ мужей, всегда плачутъ; что моя матушка, однако, увѣряла ее, что я не имѣла отвращенія къ браку съ великимъ княземъ, что, впрочемъ, она меня къ этому не принуждала и что, во всякомъ случаѣ, такъ какъ я уже замужемъ, то нечего плакать. Я сказала императрицѣ: „Виновата, матушка", и она успокоилась. Въ это время вошелъ великій князь, котораго императрица приняла весьма привѣтливо, и затѣмъ удалилась. Мнѣ пустили кровь, въ чемъ я сильно нуждалась; потомъ я легла въ постель и проплакала весь день. На

---

[1]) Замѣчательная точность: назначеніе состоялось 26-го мая, какъ отмѣчено въ календарѣ Глѣбовымъ, вторымъ мужемъ Чоглоковой (*Русск. Стар.*, II, 472). Бестужевъ-Рюминъ, въ письмѣ отъ 17-го іюня, говоритъ, что назначеніе состоялось „предъ нѣсколькимъ временемъ" (*Арх. кн. Воронцова*, II, 155). — [2]) Совершенно вѣрно: онъ ѣздилъ въ Вѣну „съ поздравленіемъ къ римскому императору съ возвышеніемъ въ сіе высокое достоинство" (*Арх. кн. Воронцова*, II, 143, 148).

другой день, послѣ обѣда, великій князь отвелъ меня въ сторону, и изъ его словъ я ясно замѣтила, что назначеніе ко мнѣ Чоглоковой объяснили ему тѣмъ, что я не люблю его. Я сказала ему, что не понимаю, какимъ образомъ думаютъ усилить мою нѣжность къ нему, назначая ко мнѣ подобную женщину. Другое дѣло быть моимъ аргусомъ; но для этого слѣдовало выбрать кого нибудь по умнѣе и, конечно, для такой обязанности недостаточно быть злою и коварною. Чоглокову считали чрезвычайно добродѣтельною, потому что она безъ памяти любила тогда своего мужа. Она вышла за него по любви: мнѣ дали ее, какъ прекрасный примѣръ для подражанія".

Императрица, какъ и всѣ ея „вѣрные подданные" и, прежде всего, всѣ придворные, видѣли только внѣшнюю сторону супружескихъ отношеній ихъ высочествъ — прошло девять мѣсяцевъ послѣ брака, а „имперіи пожеланной наслѣдникъ" не являлся еще на свѣтъ; сторона внутренняя оставалась для всѣхъ закрытою, въ всякомъ случаѣ неясною. Кто былъ виною, великій князь или великая княгиня, что цѣль брака не была еще достигнута?

Во второмъ пунктѣ инструкціи вся вина отнесена, хотя и въ отрицательной формѣ, къ великой княгинѣ: ей ставится какъ бы упрекъ въ недостаткѣ „искреннѣйшей любви", въ несоблюденіи „брачной повѣренности" относительно великаго князя. Екатерина отрицаетъ это въ самой категорической формѣ: „Если-бъ великій князь желалъ быть любимымъ, то относительно меня это вовсе было не трудно: я отъ природы была наклонна и привычна къ исполненію своихъ обязанностей"[1]. Эти слова Екатерина подтвердила позже дѣломъ — у нея были дѣти. Петръ Ѳедоровичъ не оставилъ въ свое оправданіе ни слова, ни дѣла: въ немногихъ его письмахъ, обнародованныхъ до настоящаго времени, объ этомъ вовсе не упоминается и, какъ извѣстно, у него въ это время не было дѣтей ни прямыхъ, отъ супруги, ни побочныхъ, отъ метрессъ, если таковыя были у него. Былъ-ли тому причиною какой ни-

---

[1]) *Mémoires*, 54.

будь недостатокъ чисто физическій, какъ иные полагали[1]), или это происходило отъ простой случайности, въ томъ и другомъ случаѣ это въ равной степени причиняло безпокойство императрицѣ и вызывало съ ея стороны заботы, которыя высказались, между прочимъ, во второмъ пунктѣ инструкціи. Какъ императрицу, такъ, кажется, еще болѣе великую княгиню, вводила въ заблужденіе чрезвычайная влюбчивость великаго князя, которая, казалось, могла служить нѣкоторымъ оправданіемъ Петра Ѳедоровича. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Россію, 14-ти-лѣтній герцогъ голштинскій влюбился въ фрейлину Лопухину, о чемъ, какъ мы видѣли, онъ самъ сообщилъ своей невѣстѣ; двѣ недѣли спустя послѣ брака, великій князь влюбился въ фрейлину Корфъ, въ чемъ также откровенно признался своей молодой супругѣ; позже онъ былъ влюбленъ въ младшую Шафирову, и постоянно былъ въ кого нибудь влюбленъ, волочился за всѣми женщинами[2]).

---

[1]) Депеша *Гогенгольца*, отъ 29-го февраля 1744 г. (Приложеніе, I, 1), и подробное донесеніе *Шампо*, отъ 8-го сентября 1758 года (Приложеніе, V) вполнѣ разъясняютъ вопросъ. Если Гогенгольцъ передаетъ только по слухамъ, то Шампо составилъ свое донесеніе со словъ русскаго резидента въ Гамбургѣ, С. В. Салтыкова, имѣвшаго полную возможность знать истинное положеніе дѣла. Спустя полгода послѣ свадьбы, *Дальонъ*, въ депешѣ отъ 26-го февраля 1746 года, сообщалъ: On assure que le Grand-Duc n'a pas fait voir encore à la Grande-Duchesse qu'il fut homme. Si cela arrivait du moins une fois il y a apparence que les personnes qui aiment les sûretés et à qui elles importent, mettant toute delicatesse à l'écart emploieraient des moyens'certains pour procurer des héritiers à la Russie (*Парижс. Архивъ*, vol. 48, f, 92). *Кастера* сообщаетъ по этому поводу неполныя свѣдѣнія: Le grand-duc avait une imperfection qui, quoiqu'aisée à détruire, sembloit bien plus cruelle: la violence de son amour, ses efforts réitérés ne purent le faire reussir à consommer le mariage. Si ce prince s'étoit confié à quelqu'un qui eut un peu d'expérience, l'obstacle qui s'opposoit à ses désirs eut été vaincu, Le dernier rabin de Pétersbourg ou le moindre chirurgien l'en auroit délivré. Mais telle étoit la honte dont l'accabloit ce malheur, qu'il n'eut pas même le courage de le révéler, et la princesse qui ne recevoit plus ses caresses qu'avec répugnance, et qui n'étoit pas alors moins expérimentée que lui, ne songea ni à le consoler, ni à lui faire chercher des moyens qui le ramenâssent dans ses bras. *Castèra*, I, 81.

[2]) *Mémoires*, 10, 53, 69, 131, 174.

Придворная атмосфера никогда не бываетъ насыщена началами нравственности и морали; XVIII-е столѣтіе не было въ этомъ отношеніи хуже своихъ предшественниковъ, но не было и лучше. Русскій дворъ не составлялъ исключенія, и любовныя похожденія придворныхъ Елизаветы Петровны, даже самаго преступнаго свойства, разсматривались какъ безгрѣшныя шалости. Дворцовая мораль того времени не допускала возможности чистой, порядочной жизни, безъ любовныхъ интригъ, безъ преступныхъ связей, несчитавшихся преступными. По взгляду современниковъ, Екатерина не могла же составлять исключенія; на ея счетъ возникли оскорбительныя подозрѣнія, ускорившія, по ея словамъ, и составленіе инструкціи, и назначеніе Чоглоковой ея оберъ-гофмейстериной. Въ чемъ же заключались подозрѣнія?

„Когда я пріѣхала въ Москву — разсказываетъ Екатерина — у великаго князя было три камеръ-лакея, по фамиліи Чернышевы; всѣ они были сыновьями гренадеровъ императорской лейбъ-кампаніи. Младшіе Чернышевы были родными братьями, старшій — ихъ двоюродный братъ[1]).

---

[1]) Совершенно вѣрно. Чернышевыхъ было трое: 1) старшій, *Андрей Гавриловичъ*, сынъ лейбъ-кампанца, назначенъ камеръ-лакеемъ при великомъ князѣ въ 1743 г.; въ маѣ 1746 г. удаленъ изъ дворца; въ 1748 г., по распоряженію тайной канцеляріи, отправленъ на службу въ оренбургскій гарнизонъ; въ 1762 г., Петромъ III возвращенъ и пожалованъ въ генералъ-адъютанты: въ 1763 г. вышелъ въ отставку съ чиномъ генералъ-майора; съ 1773 г. по 1798 г. состоялъ комендантомъ и оберъ-комендантомъ петербургской крѣпости; 2) *Алексѣй Матвѣевичъ*, сынъ польскаго шляхтича, камеръ-лакей великаго князя, тоже удаленный изъ дворца и отправленный въ оренбургскій гарнизонъ прапорщикомъ; позже онъ перешелъ въ архангелогородскій гарнизонъ, гдѣ былъ уже поручикомъ, когда въ 1762 г., по повелѣнію Петра III, возвращенъ, и 3) *Петръ Матвѣевичъ*, родной братъ предъидущаго, поступилъ камеръ-лакеемъ къ великому князю только въ августѣ 1745 г.; 23-го мая 1746 г. выпущенъ вмѣстѣ съ братомъ прапорщикомъ въ полевые полки и въ 1762 г. съ нимъ же возвращенъ; въ 1766 году онъ, въ чинѣ полковника, былъ назначенъ комендантомъ Симбирска; въ 1773 г. повѣшенъ Пугачевымъ. (*Кн. М. Оболенскій*, Историческія замѣчанія, въ *Русск. Архивъ*, 1865, стр. 991). Есть свѣдѣніе, что въ 1755 г. Алексѣй и Петръ Чернышевы служили въ Кизлярѣ, а въ тайной канцеляріи значилось ихъ показаніе,

Великій князь очень любилъ всѣхъ трехъ. Они были самыми близкими къ нему людьми, и, дѣйствительно, они были весьма услужливы; всѣ трое — высокаго роста, прекрасно сложены, особенно старшій Чернышевъ. Онъ исполнялъ всѣ порученія великаго князя, который по нѣскольку разъ въ день присылалъ его ко мнѣ; ему же великій князь повѣрялъ всѣ свои тайны, когда не хотѣлъ идти ко мнѣ. Старшій Чернышевъ былъ очень друженъ съ Евреиновымъ, моимъ камердинеромъ, и этимъ путемъ я часто узнавала многое, что безъ него было бы мнѣ неизвѣстно. Сверхъ того, оба они, Евреиновъ и Чернышевъ, были душевно и сердечно привязаны ко мнѣ, и я нерѣдко получала отъ нихъ такія свѣдѣнія о разныхъ предметахъ, которыя мнѣ было бы весьма трудно пріобрѣсти инымъ путемъ. Не знаю по какому случаю, старшій Чернышевъ сказалъ однажды великому князю, говоря обо мнѣ: „Вѣдь она не моя невѣста, а ваша". Великій князь расхохотался, передалъ это мнѣ, и съ тѣхъ поръ его высочеству нравилось называть меня „его невѣста", а Андрея Чернышева, въ разговорѣ со мною, „вашъ женихъ". Чтобы прекратить эту шалость, Андрей Чернышевъ предложилъ его высочеству, послѣ нашей свадьбы, называть меня „матушкою"; я стала звать его „сынокъ мой". Мы съ великимъ княземъ безпрестанно толковали объ этомъ сынкѣ, такъ какъ онъ не чаялъ въ немъ души, и я тоже полюбила его.

„Мои люди дѣлали изъ мухи слона — одни изъ ревности, другіе изъ боязни послѣдствій, которыя могли оказаться и для нихъ, и для насъ. Однажды, во время придворнаго бала-маскарада, когда я пришла въ свою комнату, чтобъ перемѣнить костюмъ, мой камердинеръ, Тимофей Евреиновъ, отвелъ меня въ сторону и сказалъ, что онъ, какъ и всѣ мои люди, страшится опасности, которой я себя подвергаю. Я его спросила, что бы это могло значить? Онъ сказалъ мнѣ: „Вы только и говорите, что объ

будто „великая княгиня такъ ихъ жаловала, что скрытно ихъ дарила — изъ ея подарковъ до сихъ поръ у нихъ часы и шпага". *Соловьевъ*, XXIV, 55.

Андреѣ Чернышевѣ, только имъ и заняты". — „Ну, такъ что́ же, сказала я въ невинности своего сердца, что́ тутъ дурного? Это мой сынокъ; великій князь также любитъ его, и еще больше моего; онъ къ намъ привязанъ, онъ вѣрный слуга". — „Да, отвѣчалъ онъ, великій князь можетъ дѣлать, что ему угодно, но вы не имѣете права такъ поступать. Что вы объясняете добротою и привязанностью, потому что онъ вѣрно служитъ вамъ, люди ваши называютъ любовью". Когда онъ произнесъ это слово, никогда неприходившее мнѣ даже въ голову, я была какъ громомъ поражена и дерзкими толками моихъ людей, и тѣмъ опаснымъ положеніемъ, въ которомъ я находилась, вовсе даже того и не подозрѣвая. Евреиновъ сказалъ еще мнѣ, что, по дружбѣ къ Чернышеву, онъ посовѣтовалъ ему сказаться больнымъ, чтобъ прекратить всѣ толки. Чернышевъ послѣдовалъ совѣту Евреинова, и мнимая его болѣзнь продолжалась почти до апрѣля. Великій князь, ничего этого не зная, очень интересовался болѣзнью Чернышева и безпрестанно говорилъ со мною объ ней. Когда мы переѣхали въ лѣтній дворецъ, Чернышевъ вновь появился; я не могла видѣть его безъ нѣкотораго смущенія. Между тѣмъ, императрица нашла нужнымъ сдѣлать новый распорядокъ для дворцовой прислуги: камеръ-лакеи, въ томъ числѣ, слѣдовательно, и Андрей Чернышевъ, должны были поочередно служить во всѣхъ комнатахъ. У великаго князя часто бывали послѣ-обѣденные концерты; онъ самъ игралъ на скрипкѣ. Я обыкновенно скучала на этихъ концертахъ и однажды ушла въ свою комнату. Она выходила въ большую залу лѣтняго дворца, въ которой тогда расписывали потолокъ; она была загромождена лѣсами. Не найдя въ своей комнатѣ ни души, я, отъ скуки, отворила дверь въ залу и на другомъ концѣ ея увидала Андрея Чернышева. Я знакомъ подозвала его; онъ подошелъ къ моей двери, правду сказать, съ большимъ опасеніемъ. Я спросила его, скоро-ли прибудетъ императрица, онъ отвѣчалъ: „Мнѣ трудно говорить — здѣсь очень шумятъ; позвольте мнѣ войти въ вашу комнату". — „Нѣтъ, не нужно". Я держала дверь полуотворенною; онъ стоялъ за дверями, въ залѣ, я — въ моей комнатѣ, и такъ

мы разговаривали. Невольнымъ движеніемъ я повернула голову въ сторону противоположную отъ двери, у которой стояла, и увидѣла, у другой двери моей уборной комнаты, камергера графа Девьера[1]), который сказалъ мнѣ: „Великій князь проситъ ваше высочество къ себѣ". Я затворила дверь въ залу и вмѣстѣ съ графомъ Девьеромъ возвратилась въ комнаты, гдѣ великій князь давалъ свой концертъ. Позже я узнала, что графъ Девьеръ, какъ и многіе другіе изъ состоявшихъ при насъ липъ, занимался подслушиваніемъ и доносами. На другой же день, въ воскресенье, послѣ обѣдни, мы съ великимъ княземъ узнали, что всѣ три Чернышева опредѣлены офицерами въ полки, расположенные по оренбургской линіи, и въ этотъ же самый день, послѣ обѣда, ко мнѣ приставили г-жу Чоглокову"[2]).

23-го мая 1746 года Чернышевы были удалены изъ дворца, около двухъ лѣтъ содержались подъ арестомъ въ Рыбачьей Слободѣ близъ Петербурга[3]), и только въ 1748 г. разосланы по гарнизонамъ. Во время ихъ ареста производилось стрóгое слѣдствіе, вѣроятно, „съ пристрастіемъ". Мы не знаемъ ни хода этого слѣдствія, ни его результатовъ: намъ извѣстно, однако, самое главное — допросъ великой княгини. Онъ былъ произведенъ въ слѣдующей довольно оригинальной формѣ:

„Въ началѣ августа 1746 года—пишетъ Екатерина— императрица прислала сказать намъ, великому князю и мнѣ, чтобы мы говѣли. Мы покорились ея волѣ, и тотчасъ же у насъ начались заутрени и вечерни; мы каждый день ходили къ обѣднѣ. Въ пятницу, когда мы исповѣдовались, разъяснилось зачѣмъ насъ заставили говѣть. Симонъ Тодорскій, епископъ псковской, много допрашивалъ насъ, каждаго по одиночкѣ, чтó происходило между Чернышевыми и нами. Но такъ какъ рѣшительно ничего не происходило, то онъ былъ нѣсколько смущенъ, когда мы съ невиннымъ чистосердечіемъ заявили, что тутъ не

---

[1]) Графъ Петръ Антоновичъ, будущій герой Семилѣтней войны, генералъ-аншефъ съ 1762 г.; умеръ въ 1773 г. — [2]) *Mémoires*, 63. — [3]) *Mémoires*, 77.

было даже и тѣни того, что осмѣлились подозрѣвать. Во время бесѣды со мною у него сорвалось съ языка: „Но кто же наговорилъ императрицѣ совершенно другое?“ Я отвѣчала, что не знаю. По всѣмъ вѣроятіямъ, нашъ духовникъ сообщилъ нашу исповѣдь духовнику императрицы, а этотъ передалъ все ея величеству, что́, конечно, не могло намъ повредить“[1]).

Чоглокова не была умна и вскорѣ же доказала, что совершенно не годилась къ новой для нея роли. Какъ оберъ-гофмейстерина, она возбудила противъ себя не только великую княгиню, но и всѣхъ окружающихъ. На всякую шутку, самую невинную, она твердила; „Pareil discours déplairait à Sa Majesté“; всякое движеніе, малѣйшее желаніе она останавливала замѣчаніемъ: „Pareille chose ne serait pas approuvée par l'Impératrice“. Эти „строгости“ дошли, конечно, до Елизаветы Петровны, и Чоглоковой былъ сдѣланъ выговоръ, ни мало, однако, неисправившій ее. Какъ хранительница „брачной повѣренности“, Чоглокова обманула всѣ надежды императрицы. Началось съ того, что ея мужъ, Чоглоковъ, возвратившись изъ Вѣны, вошелъ въ непозволительную связь съ фрейлиной великой же княгини, дѣвицею Кошелевою, что́ произвело невозможный скандалъ при дворѣ; на глазахъ Чоглоковой, графъ Кириллъ Разумовскій, братъ фаворита, влюбился въ великую княгиню; мало того: ея же мужъ, Чоглоковъ, дерзко засматривался на Екатерину, а оберъ-гофмейстерина ничего даже и не подозрѣвала! Въ комнатахъ Чеглоковой, едва-ли не при ея содѣйствіи, великій князь ухаживалъ за придворными дамами, влюблялся въ фрейлинъ своей супруги и вовсе не заботился объ исполненіи второго пункта инструкціи[2]). Не зная, какъ взяться за дѣло,

---

[1]) *Mémoires*, 72. Не подлежитъ сомнѣнію, что „дерзкія подозрѣнія“ основывались на какихъ-нибудь вздорныхъ сплетняхъ; но изъ „Записокъ“ же Екатерины видно, что она сама могла давать поводъ къ этимъ сплетнямъ: она разсказываетъ, напр., что Андрей Чернышевъ даже изъ-подъ ареста прислалъ ей письмо, на которое она отвѣчала (*Mémoires*, 101), давалъ ей порученія, которыя она исполняла (*Idid.*, 109), и вообше Екатерина интересовалась имъ и его судьбою.

[2]) *Mémoires*, 94, 112, 128, 131, 145.

Чеглокова прямо и грубо заявила однажды ихъ высочествамъ, что „императрица очень изволитъ гнѣваться, что у нихъ нѣтъ дѣтей и желаетъ знать кто изъ нихъ тому виною, для чего пришлетъ повивальную бабку къ великой княгинѣ и доктора къ великому князю". Чоглокова высказала при этомъ много „оскорбительныхъ" предположеній[1]), но приказанія императрицы не исполнила, и великій князь не былъ подвергнутъ медицинскому осмотру. Не трудно догадаться, что второй пунктъ инструкціи былъ не по плечу Чеглоковой. Полгода спустя послѣ назначенія ея гофмейстериной, великій князь писалъ своей супругѣ:

„Madame,

„Je vous prie de ne point vous incommodés cette nuit de dormir avec moi, car il n' est plus tems de me trompés, le lit a été trop étroit après deux semaines de séparation de vous. Aujourd' hui, après midi.

„Votre très infortuné mari qui vous ne daignés jamais de ce nom.

„Peter[2])"

---

1) *Mémoires*, 130. — 2) *Mémoires*, 353.

XX.

Представляя императрицѣ инструкцію относительно великаго князя, гр. Бестужевъ-Рюминъ писалъ: „Впрочемъ же всеподданнѣйшее и слабѣйшее мое мнѣніе есть, дабы Ваше императорское величество его императорскому высочеству какъ наискорѣе позволеніе дать соизволили извѣстныя опредѣленія оберъ Маршалу Брюммеру и камергеру Бергхольцу отдать, чѣмъ они самѣ побуждены будутъ увольненія своего отсюда просить". Эти „опредѣленія" заключались въ томъ, что великій князь, какъ герцогъ голштинскій, давно уже требовавшій, чтобы Брюммеръ и Бергхольцъ подали въ отставку[1]), назначалъ имъ извѣстныя должности въ Голштиніи и, сверхъ того, пенсіи изъ доходовъ герцогства. Спустя мѣсяцъ Бестужевъ писалъ путешествующему за границей гр. М. И. Воронцову: „О происшедшемъ здѣсь съ оберъ-маршаломъ Брюммеромъ и оберъ камергеромъ Бергхольцемъ подробно увѣдомить ваше сіятельство преминуть не хотѣлъ. Его императорское высочество предъявлялъ имъ въ награжденіе за ихъ услуги каждому по весьма знатному амту въ Голштиніи, и первому по двѣ тысячи по пятисотъ, а другому

---

[1]) Count Brummer's fall approcheth. The Great-Duke has advised him to ask his demission, which if he does not do, he will be sent away ignominiously. Депеша *Гиндфорда* отъ 12-го апр. 1746 г. (*Лонд. Архивъ*, Russia, № 50). Брюммеръ потерялъ еще раньше всякое значеніе при дворѣ. Въ депешѣ *Дальона*, отъ 10-го декабря 1745 г., говорится: il s'est rendu incapable de tout bien et de tout mal et a assez de peine à se soutenir lui-même (*Парижск. Архивъ*, Russie, vol. 47, f. 328).

по двѣ тысячи ефимковъ пенсіи на годъ, дабы они тѣмъ въ его герцогствѣ пользовались; но они вмѣсто принятія съ благодареніемъ той отличной къ нимъ милости просили о увольненіи изъ службы его императорскаго высочества, послѣ чего имъ на другой день со всевысочайшей Ея императорскаго величества апробаціи и абшиты даны, и они теперь къ совершенному своему отъѣзду совсѣмъ изготовляются и уповательно въ скорыхъ числахъ отсюда отправятся" [1]).

Такъ начались перемѣны въ личномъ составѣ малаго двора. 21-го мая графъ Брюммеръ получилъ отставку изъ рукъ принца Августа, администратора Голштиніи [2]); 23-го мая были удалены Чернышевы; въ концѣ мая генералъ князь Василій Никитичъ Репнинъ былъ назначенъ гофмаршаломъ при великомъ князѣ, Марья Симоновна Чоглокова — оберъ-гофмейстериной при великой княгинѣ. Замѣна гр. Брюммера княземъ Репнинымъ очень понравилась Екатеринѣ: „Лучшаго выбора — говоритъ она — императрица не могла сдѣлать. Князь Репнинъ былъ не только благородный и честный, но къ тому же умный и очень любезный человѣкъ, проникнутый чувствомъ законности, съ чистыми правилами. Относительно меня лично поведеніе князя Репнина было выше всякихъ похвалъ. О графѣ Брюммерѣ я не сожалѣла: онъ надоѣдалъ мнѣ своими вѣчными политическими разговорами; отъ нево несло интригой, между тѣмъ какъ открытый, прямой нравъ Репнина внушалъ полное довѣріе" [3]).

---

[1]) *Архивъ кн. Воронцова*, II, 156. „Великій князь далъ отставку своему прежнему оберъ-гофмаршалу графу Брюммеру и оберъ-каммергеру Бергхольцу, предложивъ имъ должность въ Голштиніи. Но они, не довѣряя ему, отказались и получили отъ императрицы, чрезъ оберъ-егермейстера графа Разумовскаго, ежегодную пенсію: первый въ 3,000 рублей, а второй въ 2,000 руб. и избрали своимъ мѣстопребываніемъ Висмаръ". *Штелинъ*, 89.

[2]) On the twenty first inst. count Brummer received his dismission from the hands of prince August, administrator of Holstein, and the rest of that counsel assembled for that purpose, as likewise did M. Birkholtz, great chamberlain to the Great-Duke and under-strupper of Brummer. Депеша *Гиндфорда*, отъ 24-го мая 1746 г. (*Лондон. Архивъ*, Russia, № 50).

[3](*Mémoires*, 60. Этотъ отзывъ о кн. Репнинѣ подтверждается

Если кто-либо могъ оказать благотворное вліяніе на великаго князя, испорченнаго такими людьми, какъ гр. Брюммеръ, то, конечно, человѣкъ такого закала, какъ князь Репнинъ. Къ сожалѣнію, онъ скоро впалъ въ немилость и былъ замѣненъ Чоглоковымъ возвратившимся изъ Вѣны. „Это былъ гордый и глупый дуракъ; всѣ его боялись, какъ и его жены; оба они дѣйствительно были коварные люди"[1]). Чоглоковъ началъ съ того, что удалилъ отъ молодого двора камергера гр. Девьера и камеръ-юнкера Вильбоа, какъ кажется, единственно только за то, что они нравились великому князю. Вскорѣ затѣмъ были удалены „еще четыре лица, въ томъ числѣ три пажа, которыхъ великій князь особенно любилъ"[2]). Вскорѣ долженъ былъ уѣхать изъ Россіи и принцъ Августъ Голштинскій, человѣкъ особенно близкій великому князю и дядя великой княгини. Камергеръ молодого двора князь Александръ Михайдовичъ Голицынъ былъ назначенъ министромъ въ Гамбургъ: молодая чухонка, ходившая за гардеробомъ великой княгини, была выдана замужъ[3]) —

современниками. Въ депешѣ отъ 28-го мая 1746 г. *Дальонъ* сообщаетъ: Le prince Repnine est un des plus aimables russes que je connaisse et une des meilleures têtes de ce pays-ci (*Парижс. Архивъ*, Russie, vol. 48, f. 276).

[1]) *Mémoires*, 76.

[2]) Это глухое, безъ именъ, замѣчаніе Екатерины (*Mémoires*, 84). подтверждается современной депешей *Гиндфорда* отъ 18-го апрѣля 1747 года. M-r Bredal, a Holsteiner, son to admiral Bredal in this service, who is master of the horse and grand veneur to the Great Duke is to leave this place as soon as the season is open. One Duker, a chamberlain to the Great Duke and Great Dutchess, a Livonian by birth, is likewise dismist as well as the Great Duke's favourite maitre d'hotel Cremen and his first huntsman, who marriade a favourite fille de chambre of the Great Dutchess. A merchant from Curland, Schriver, was obliged to leave all his business and debts at court in twice twenty four hours (*Лондон. Архивъ*, Russia, № 53). Гиндфордъ объясняетъ эти перемѣны придворными интригами и кознями. Въ депешѣ *Дальона*, отъ 18-го же апрѣля, названъ въ числѣ удаленныхъ отъ двора, и sieur Bastien, chasseur du Grand-Duk (*Парижс. Архивъ*, Russie, vol. 50, f. 124), что, однако, опровергается самою Екатериною: Бастьенъ былъ арестованъ и высланъ за границу только въ 1754 году (*Mémoires*, 224). — [3]) *Mémoires*, 77, 103, 104.

какъ видно, пользовались всѣми средствами, чтобъ удалить отъ молодого двора лицъ, пользовавшихся довѣріемъ князя или княгини.

Трудно сказать, чего хотѣли достичь этими частыми смѣнами лицъ, окружавшихъ великокняжескую чету, и чѣмъ эта смѣна могла быть объяснена, если не оправдана. Екатерина приписывала всѣ эти удаленія отъ двора интригамъ графа Бестужева, но это едва-ли справедлнво. Какая цѣль могла быть у канцлера безпрестанно мѣнять лицъ великокняжескаго двора? Это могло быть еще объяснимо относительно принца Августа, который переписывался съ коронованными особами и если не игралъ, то могъ играть политическую роль[1]); но зачѣмъ Бестужеву понадобилось бы удаленіе какого нибудь полковника Вильбоа или молоденькой чухоночки? Кажется, эти частыя смѣны были слѣдствіемъ просто мелкой зависти, придворныхъ пересудовъ, быть можетъ, корыстолюбивыхъ разсчетовъ. Но чѣмъ ни объяснялось бы это явленіе, оно не могло остаться безъ вліянія на Екатерину; этимъ ее отучали быть привязанною къ кому-либо и заставляли быть осторожною относительно каждаго новаго лица. Для нея лично въ этомъ была, однако, и своя полезная сторона — Екатерина все болѣе и болѣе знакомилась съ новыми лицами, съ разнообразными характерами; она пріучалась ладить съ одними, противодѣйствовать другимъ, уживаться со всѣми. Въ результатѣ получалась та гибкость въ житейскихъ сношеніяхъ съ людьмп, то умѣнье пользоваться силами другихъ, та способность эксплоатировать, не оскорбляя, которая позже заставляла многихъ удивляться.

Не всегда, однако, эти перемѣны лицъ были непріятны Екатеринѣ. Замѣна ворчлпвой г-жи Крузе любезною Владиславовою была, конечно, дѣломъ графа Бестужева-Рюмина, но вовсе не во вредъ великой княгинѣ. „Это

---

[1]) Prince Augustus of Holstein, brother to the princess of Zerbst, has been entering into his sister's prussian intrignes, and it is already notified to him that there is a small man of war ready to carry him to Holstein, as the air of this country does not seem to agree with his constitution. Депеша *Гиндфорда* отъ 26-го мая 1747 г. (*Лондон. Архивъ*, Russia, № 53).

была женщина статная — говоритъ Екатерина — обладавшая, казалось, хорошими манерами; ея умное лицо понравилось мнѣ съ перваго же взгляда. Я посовѣтовалась по поводу ея съ моимъ оракуломъ Тимофеемъ Евреиновымъ. Онъ сказалъ мнѣ, что эта женщина, которую я прежде никогда не видала, была тёща совѣтника Пуговишникова, главнаго чиновника при графѣ Бестужевѣ; что она женщина умная, веселая, но слыветъ очень хитрою; что надобно еще посмотрѣть, какъ она поведетъ себя, и особенно на первыхъ порахъ не слишкомъ довѣряться ей. Ее звали Прасковья Никитишна. Она сразу зарекомендовала себя съ хорошей стороны; она была общительна, любила говорить, говорила и разсказывала умно, хорошо знала всѣ анекдоты прошлаго и настоящаго времени, знала четыре или пять поколѣній въ каждомъ семействѣ, твердо помнила родословную всѣхъ отцовъ, матерей, дѣдушекъ, бабушекъ и предковъ съ отцовской и материнской стороны. Никто лучше ея не передавалъ мнѣ всего, что происходило въ Россіи въ послѣднія сто лѣтъ. Мнѣ нравился умъ этой женщины, ея взгляды, и когда мнѣ бывало скучно, я вызывала ее на болтовню, на что она всегда охотно поддавалась. Я безъ труда замѣтила, что ей часто не нравились рѣчи и поступки Чоглоковыхъ, но такъ какъ она сама часто ходила на половину ея величества и не было извѣстно для чего, то мы до нѣкоторой степени остерегались ея, зная, что самыя невинныя слова и дѣйствія могутъ быть всячески растолкованы"[1]). Послѣ недолгаго испытанія Екатерина убѣдилась, что Владиславова — честная, порядочная женщина; она доказала великой княгинѣ, въ трудное для Екатерины время, что предана ей не менѣе ея оракула Евреинова.

И оракула смѣнили. „Это было самое тяжкое горе — говоритъ Екатерина — которое я испытала во все время царствованія императрицы Елизаветы". Старый камердинеръ великой княгини, вѣрный совѣтникъ, преданный слуга, Тимофей Евреиновъ пользовался полною довѣренностію Екатерины. Хорошо зная придворную жизнь, поль-

---

1) *Mémoires*, 129.

зуясь общимъ уваженіемъ, онъ нерѣдко предостерегалъ Екатерину отъ ложныхъ шаговъ, которые она могла бы дѣлать въ новой для нея обстановкѣ, предварялъ ее объ опасностяхъ, которымъ она подвергала себя по молодости лѣтъ или въ невинности сердца; онъ всегда помогалъ ей умнымъ совѣтомъ, серьезнымъ замѣчаніемъ, иногда строгимъ наставленіемъ. Екатерина слушалась его и не имѣла повода раскаяваться. Евреиновъ предостерегъ виликую княгиню о толкахъ, ходившихъ по поводу ея отношеній къ Андрею Чернышеву; онъ же передалъ ей письмо Чернышева, проѣздомъ его чрезъ Москву въ оренбургскую ссылку; отъ Евреинова Екатерина узнала и о болѣзни императрицы въ 1749 году, и объ арестованіи Лестока и о многомъ другомъ. Быть можетъ, о подобныхъ услугахъ догадывались; по крайней мѣрѣ, для удаленія его отъ двора воспользовались предлогомъ крайне ничтожнымъ: Евреиновъ перебранивался въ гардеробной съ лакеемъ, подававшимъ кофе; проходившій мимо великій князь слышалъ отчасти эту перебранку — по приказанію императрицы Евреиновъ былъ сосланъ въ Казань[1]). Евреиновъ былъ позже казанскимъ полиціймейстеромъ, дослужился до полковничьяго чина и вышелъ въ отставку. Екатерина не забыла своихъ старыхъ слугъ и, по воцареніи, писала Олсуфьеву, отъ 24-го еекабря 1762 г.:

„Адамъ Васильевичъ, я тебѣ поручаю выбрать мѣсто или, однимъ словомъ сказать, хлѣба дать Андрею Чернышеву, генералъ-адъютанту бывшаго императора, да отставному полковнику Тимофею Евреинову. Первому вели шить шубу. Au nom de Dieu, défaite moi de leur prière: ils ont souffert pour moi autre fois et je leur laisse battre le pavé faute de savoir quoi en faire“[2]).

Интересовавшая Екатерину смѣна лицъ, ее окружавшихъ, не ограничивалась тѣсною сферою малаго двора. Къ этому времени относится удаленіе двухъ лицъ, которыхъ Екатерина съ самаго пріѣзда въ Россію привыкла-было считать, по указанію матери, своими надежнѣйшими

---

[1]) *Mémoires*, 140. — [2]) Ради самого Бога, избавьте меня отъ ихъ просьбы: они нѣкогда за меня пострадали, а я оставляю ихъ гранить мостовую, не зная, чтобы для нихъ сдѣлать. *Русскій Архивъ*, 1863, 94 (404).

сторонниками, вѣрнѣйшими совѣтниками, чуть-ли не личными благодѣтелями: баронъ Мардефельдъ долженъ былъ выѣхать изъ Россіи, графъ Лестокъ угодилъ въ крѣпость.

Двадцать два года уже баронъ Аксель фонъ-Мардефельдъ состоялъ прусскимъ посланникомъ при русскомъ дворѣ. Онъ прибылъ въ Россію въ 1724 году, лично зналъ Петра В., былъ акредитованъ при дворѣ Екатерины I, Петра II, Анны Ивановны; на его глазахъ Биронъ возвысился и палъ, при его участіи Анна Леопольдовна стала правительницею; его друзья, маркизъ Шетарди и лейбъ-хирургъ Лестокъ, содѣйствовали восшествію на престолъ Елизаветы Петровны. Мардефельдъ занималъ выдающееся мѣсто при русскомъ дворѣ, игралъ первенствующую роль въ высшемъ русскомъ обществѣ, былъ въ теченіе многихъ лѣтъ persona gratissima въ Петербургѣ. Ни австрійскій посланникъ маркизъ Ботта, ни саксонскій фаворитъ Линаръ не могли поколебать его значенія; но и онъ, подобно своимъ друзьямъ, не устоялъ въ неравной борьбѣ съ Бестужевымъ. Представитель прусскихъ интересовъ, привыкшій въ теченіе двадцати лѣтъ видѣть русскую политику въ рукахъ нѣмцевъ, Мардефельдъ не могъ допустить, ;чтобъ русскій канцлеръ въ равной же степени могъ преслѣдовать чисто русскіе интересы. На его глазахъ былъ высланъ Шетарди, потеряла свое значеніе цербстская княгиня, былъ удаленъ графъ Брюммеръ, и, тѣмъ не менѣе, Мардефельдъ продолжалъ борьбу съ русскою политическою тенденціею, которую представлялъ графъ Бестужевъ-Рюминъ. Результатъ былъ тотъ-же: Мардефельдъ пережилъ свою петербургскую славу и долженъ былъ постыдно удалиться изъ Россіи.

Еще осенью 1745 г. цербстская княгиня увезла съ собою изъ Россіи непріятное для нея порученіе передать Фридриху II желаніе императрицы, чтобъ Мардефельдъ былъ отозванъ[1]); весною 1746 г. русскій посланникъ при

---

[1]) 10-го января 1746 г, императрица подписала рескриптъ графу Чернышеву съ приказаніемъ напомнить цербстской княгинѣ объ отозваніи Мардефельда. Изъ этого заключаютъ, что княгиня „медлила исполненіемъ непріятнаго для нея порученія" (*Соловьевъ*, XXII,

берлинскомъ дворѣ графъ Чернышевъ былъ переведенъ въ Лондонъ. Между тѣмъ, Фридрихъ II все медлилъ. Наконецъ, 30-го іюня, на обыкновенной конференціи, Бестужевъ объявилъ Мардефельду, что „такъ какъ прусскому королю давно уже заявлено нежеланіе ея императорскаго величества видѣть барона Мардефельда акредитованнымъ при ея императорскомъ дворѣ, а между тѣмъ его не отзываютъ, хотя Чернышевъ уже отозванъ, то ему симъ объявляется, что отъ него болѣе не примутъ ни словесныхъ, ни письменныхъ сообщеній“[1]). Прочтя такое категорическое объявленіе, Мардефельдъ все-таки выразилъ англійскому посланнику Гиндфорду свое убѣжденіе, что еслибъ съ его отозваніемъ можно было бы протянуть до возвращенія изъ-за границы вице-канцлера гр. Воронцова, то онъ, Мардефельдъ, свергнулъ бы самого канцлера[2]). Весь іюль, съ 3-го по 29-е, дворъ провелъ въ путешествіи въ Ревель и обратно; 17-го августа Мардефельдъ откланялся въ Петергофѣ великой княгинѣ[3]), которая прежде относилась къ нему съ полнымъ довѣріемъ, а теперь не рѣшалась даже говорить съ нимъ[4]). Въ октябрѣ Мардефельдъ навсегда оставилъ Россію. Фрндрихъ II, относившійся съ полнымъ довѣріемъ къ донесеніямъ своего посланника, былъ крайне раздраженъ такимъ исходомъ миссіи Мардефельда — этотъ исходъ ясно свидѣтельствовалъ о крайнемъ усиленіи Бестужева, который, по мнѣнію прусскаго короля, возстановляетъ противъ него императрицу. Желая поправить дѣло, Фридрихъ II, въ октябрѣ

---

145). Заключеніе невѣрное: мы уже видѣли, что княгиня, не заставъ въ Берлинѣ Фридриха II, сообщила, что ей было поручено, Подевильсу (*Pol. Corr.* IV, 359).

1) Депеша *Гиндфорда* отъ 5-го іюля 1746 г. (*Лондон. Архивъ*, Russia, № 51).

2) If he could protracted his rapel till the return of the vice chancelor he might have been able to have displaced the chancelor himself (*Лондон. Архивъ*, Russia, № 51). *Дальонъ*, въ депешѣ отъ 5-го іюля 1746 г., тоже связываетъ отозваніе Мардефельда съ возвращеніемъ гр. Воронцова (*Парижс. Архивъ*, Russie, vol. 49, f. 86).

3) Депеша *Гиндфорда* отъ 18-го авг. 1746 г. (*Лондон. Архивъ*, Russia, № 51).

4) *Schlözer*, 65.

же, обезглавилъ Фербера, признаннаго за русскаго шпіона, и найденныя у него бумаги переслалъ въ Петербургъ, какъ доказательство своего довѣрія къ императрицѣ, съ которою его хотятъ поссорить. Дѣло этимъ не поправилось: 10 ноября были получены бумаги Фербера, а 13-го прусскій шпіонъ Шмитманъ, капитанъ прусской службы, былъ сосланъ въ Сибирь[1]).

Удаленіе Мардефельда не произвело на Екатерину никакого впечатлѣнія, прошло совершенно незамѣченнымъ — въ своихъ „Запискахъ" она даже не упоминаетъ о немъ. Время удаленія друга ея матери осталось ей памятнымъ по совершенно иной причинѣ: „Всякій вечеръ къ намъ собирался весь нашъ дворъ, и мы играли въ разныя игры или у насъ давались концерты. Два раза въ недѣли бывали спектакли въ большомъ театрѣ, насупротивъ казанской церкви. Словомъ, эта зима была самая веселая и самая удачная, какую я когда либо проводила въ моей жизни. Каждый день мы то и дѣло что хохотали и плясали"[2]). Въ какой нибудь годъ, Екатерина совершенно освободилась отъ политическихъ взглядовъ своей матери; для нея Мардефельдъ представлялся, очевидно, лицомъ, враждебнымъ русской политикѣ, и только. Еще годъ, два, и Екатерина настолько сроднится съ русскими взглядами, что протянетъ руку Бестужеву, тому Бестужеву, котораго ея мать считала „злѣйшимъ врагомъ" своего дома.

Арестъ Лестока, напротивъ, крайне интересовалъ великую княгиню. Это былъ послѣдній въ Россіи „другъ" ея матери, изъ числа немногихъ, которымъ она вполнѣ довѣряла и уважать, слушаться которыхъ завѣщала своей

---

1) *Бильбасовъ*, 5. Депеша *Гиндфорда*, отъ 15-го ноября 1746 года: Two days age a prussian spy, called Smithmann and formerly a captain in that service, who had been here for some time past, was arrested and sent to Siberia and probably this is not the only paroli, that will be made for M-r Fiberg, who has lost his head of Spandau (*Лондон. Архивъ*, Russia, № 51). Объ этомъ упоминаетъ (un nommé Schmidmann, prussien de nation) *Дальонъ* въ депешѣ отъ 18-ге ноября (*Парижс. Архивъ,* Rustie vol. 49, f. 106).

2) *Mémoires,* 75.

дочери: высланъ Шетарди, удаленъ Брюммеръ, отозванъ Мардефельдъ, остался только Лестокъ. Всѣ эти лица, съ матерью во главѣ, бранили и поносили ей Бестужева, и всѣ они, кромѣ Лестока, должны были такъ или иначе покинуть русскій дворъ, удалиться изъ Россіи, между тѣмъ какъ Бестужевъ пользуется все бо́льшимъ довѣріемъ императрицы, изъ вице-канцлеровъ сталъ великимъ канцлеромъ. Неужели всѣ удаленные пострадали безвинно, а виновный Бестужевъ торжествуетъ? Этотъ вопросъ долженъ былъ разрѣшить Екатеринѣ послѣдній изъ друзей матери, графъ Лестокъ. Екатерина уже не Фике; четыре года, проведенныя въ Россіи, при дворѣ, не прошли напрасно — она имѣла время осмотрѣться, могла понять, что мать во многомъ ошиблась, но къ Лестоку она продолжала относиться съ уваженіемъ: онъ возвелъ Елизавету Петровну на престолъ, императрица оказываетъ ему знаки своей милости; еще недавно онъ женился на фрейлинѣ императрицы, дѣвицѣ Менгденъ, и Елизавета Петровна удостоила молодыхъ своимъ посѣщеніемъ. Въ послѣднее время, правда, императрица стала относиться къ Лестоку недовѣрчиво; съ лѣта 1747 г. уже не Лестокъ открывалъ кровь Елизаветѣ Петровнѣ[1]); но, тѣмъ не менѣе, онъ бывалъ при дворѣ, онъ всегда одинъ изъ „приближенныхъ" императрицы, и Екатерина смотрѣла на него, какъ на вѣрнаго слугу своей тетки. Зимою 1748 года, на куртагѣ, великая княгиня подошла къ Лестоку, хотѣла поговорить съ нимъ, но онъ шепотомъ остановилъ ее: „Не подходите ко мнѣ — я въ подозрѣніи". — Это что значитъ? — „Серьезно повторяю вамъ: не подходите ко мнѣ — я заподозрѣнъ, отъ меня надо удаляться". Лицо Лестока было красно; Екатерина подумала, что онъ пьянъ и отошла въ сторону[2]).

---

[1]) L'Impératrice ayant eu besoin ces jours-ci d'une saignée de précaution s'est fait saigner par un autre que par M. de Lestock. C'est un terrible coup pour un homme qui ne se soutenait plus que par sa lancette. Депеша *Дальона* отъ 14-го іюля 1747 г. (*Парижс. Архивъ*, Moscovie, vol. 50, f. 136).

[2]) *Mémoires*, 100.

Лестокъ не былъ пьянъ и говорилъ правду. Куртагъ происходилъ въ пятницу, а за два дня предъ тѣмъ, въ среду, 9-го ноября 1748 г., былъ арестованъ племянникъ Лестока, Шапизо, капитанъ ингерманландскаго полка[1]). Въ воскресенье, 13-го ноября, Тимофей Евреиновъ, причесывая великую княгиню, сказалъ ей: „Сегодня ночью арестовали графа Лестока и его жену; ихъ отвезли въ крѣпость, какъ государственныхъ преступниковъ“[2]). За что? Лестока обвиняли въ тайныхъ связяхъ съ французскимъ, шведскимъ и прусскимъ дворами, въ подговорѣ русскихъ ко вреду русского правительства, въ непочтительныхъ отзывахъ объ императрицѣ[3]). Шапизо показалъ, что Лестокъ чрезъ Мардефельда получилъ отъ прусскаго короля 10,000 руб. Главною же уликою служили перлюстрованныя письма прусскаго посланника Финкенштейна. Въ допросныхъ пунктахъ, предложенныхъ Лестоку, третій близко касался Екатерины: „Ты въ нѣкоторое время ея императорскому величеству самой говорилъ, что если-бъ де принцесса цербстская послушала твоихъ и Брюммеровыхъ совѣтовъ, тобъ она великаго князя за носъ водила: такъ объяви, въ чемъ совѣты твои состояли“? Лестокъ все отрицалъ; не смотря даже на пытку[4]), онъ ни въ чемъ не признался и никого не выдалъ. Его сослали въ Угличъ.

---

[1]) A certain captain, called Chapuzeau, a near relation of the noted M-r Lestock. Депеша *Гиндфорда* отъ 15-го ноября 1748 г. (*Лондон. Архивъ*, Russia, № 56). Въ этой депешѣ указаны дни и числа, вполнѣ подтверждающіе „Записки“ Екатерины. — [2]) *Mémoires*, 101.

[3]) Using disrespectful language with regard to the person of the Empress. Депеша *Гиндфорда*, отъ 23-го янв, 1749 г. (*Лондон. Архивъ*, Russia, № 58). Подробности ареста см. въ депешѣ австрійскаго посланника графа Берни (*Арх. князя Воронцова*, III, 328); о впечатлѣніи, какое произвелъ арестъ Лестока въ Берлинѣ, см. чрезвычайно интересное донесеніе гр. Кейзерлинга изъ Берлина, отъ 17-го дек. 1748 г. (*Ibid.* III, 323). О шаткомъ положеніи Лестока встрѣчаются указанія еще въ 1745 г.: on ne l'écoute plus dès qu'il sort d'un certain district, сказано въ депешѣ *Дальона* отъ 10-го декабря (*Парижс. Архивъ*, vol. 47, f. 328). *Арх. кн. Воронцова*, III, 328; IV, 160; XXIV, 60; XXV, 123.

[4]) Notwithstanding that he was hung up by the arms backwards

Екатерина знала подробности ареста Лестока, его вины и наказаніе, его постигшее. При дворѣ было нѣсколько лицъ, сообщавшихъ ей всѣ придворныя и городскія новости, не смотря на строгое запрещеніе. Камергеръ князь Александръ Юрьевичъ Трубецкой передалъ ей о винѣ и наказаніи Лестока; графъ Иванъ Симоновичъ Гендриковъ, братъ Чоглоковой, служилъ для многихъ посредникомъ для передачи великой княгинѣ всѣхъ свѣдѣній, которыя могли интересовать ее[2]); были, конечно, и другіе пути, которыми въ великокняжескіе покои проникали иные взгляды, несогласные со взглядами нѣмецкой партіи, иныя мнѣнія, чуждыя посѣяннымъ цербстскою княгинею. Чисто русское направленіе, представляемое гр. Бестужевымъ-Рюминымъ, все болѣе и болѣе усвоивается Екатериною; приговоръ надъ Лестокомъ окончательно убѣдилъ Екатерину, что мать его ошиблась какъ въ немъ, такъ и въ его сторонникахъ. Мало-по-малу, подъ давленіемъ весьма разнообразныхъ фактовъ, обстоятельствъ, вліяній, цербстская Фике стала замѣтно перерождаться въ русскую Екатерину Алексѣевну. На сколько Екатерина

---

for a considerable time (*Лондон. Архивъ*, Russia, № 58). Il a soutenu la torture, въ депешѣ Берни (*Арх. кн. Воронцова*, III, 328). Англійскій посланникъ *Гиндфордъ*, вѣроятно, со словъ Бестужева, прибавляетъ, что императрица, желая выпытать отъ Лестока имена его русскихъ сообщниковъ, has ordered Lestock to be put to the extreme torture, before he is sent away from his prison, но Бестужевъ совѣтовалъ не прибѣгать къ новымъ пыткамъ, убѣжденный, что Лестокъ никого не выдастъ (*Лондон. Архивъ*, Russia, № 58). Австрійскій посланникъ, напротивъ, намекаетъ, что безполезность пытки была высказана императрицей. Лестокъ содержался въ крѣпости болѣе года. Гиндфордъ, въ депешѣ отъ 24-го окт. 1749 г., сообщаетъ, что у Лестока четыре комнаты, что караульнымъ офицерамъ разрѣшено играть съ нимъ въ карты, обѣдать за однимъ столомъ, что его обѣдъ изъ восьми блюдъ, причемъ вино, какое потребуетъ, but the worst of all of these indulgences is that his wife has now the liberty of cohabiting with him (*Лондон. Архивъ*, Russia, № 58). *Гюи-Диккенсъ*, въ депешѣ отъ 23-го декабря, прибавляетъ: M-r Lestock may receive what visits he pleases, and his adjutant, captain Chapuzeau will soon be set at liberty (*Лондон. Архивъ*, Russia, № 60). См. депешу гр. Линара гр. Беркентину, отъ 18-го сентября 1750 г. (*Lynar*, I, 382). — [2]) *Mémoires*, 85, 101.

успѣла уже обрусѣть, показываетъ ея поступокъ со Шкуринымъ, замѣнившимъ Евреинова, какъ камердинера: вопреки запрещенію Екатерины, Шкуринъ передалъ Чоглоковой довольно невинныя слова великой княгини; узнавъ объ этомъ, Екатерина вышла въ гардеробную, гдѣ обыкновенно находился Шкуринъ, и „сколько было силы" дала ему пощечину, прибавивъ, что велитъ еще отодрать (étriller) его[1]. Похоже ли это на Фике изъ Цербста?

---

[1]) *Mémoires*, 170.

XXI.

Въ половинѣ прошлаго вѣка Россія производила культурную иллюзію, какъ въ декоративной живописи, только на перспективномъ отдаленіи; при болѣе близкомъ знакомствѣ всякая иллюзія пропадала. Екатерина испытала это на себѣ. Въ Штетинѣ, Цербстѣ, даже въ Берлинѣ Россія представлялась ей не только сильною, богатою, но и культурною страною; по пріѣздѣ къ русскому двору, золото и парча, нѣга и роскошь ослѣпили ее, плѣнили неопытный глазъ, и лишь послѣ нѣсколькихъ лѣтъ жизни въ Россіи ей удалось разсмотрѣть, что это не золото, а позолота, не нѣга, а развратъ. Она увидѣла себя въ совершенно чуждомъ ей, иномъ мірѣ, съ иными нравами и обычаями, гдѣ люди чувствовали и мыслили иначе, иначе одѣвались, иначе ѣли. Екатерина, конечно, ознакомилась, прежде всего, съ жизнью двора и лицъ придворныхъ, съ обстановкою наиболѣе богатою, наиболѣе сходною съ общеевропейскою, и, тѣмъ не менѣе, была поражена тѣмъ, что она увидѣла.

Со времени Петра I русскій дворъ былъ поставленъ на европейскую ногу. По внѣшности, своею блестящею роскошью, онъ не уступалъ дававшему тонъ всей Европѣ двору версальскому. Огромные, высокіе залы, украшенные во всю стѣну цѣльными зеркалами, мозаичные полы, расписанные живописью потолки; петергофскій дворецъ, по сознанію даже иностранныхъ министровъ, былъ роскошнѣе версальскаго[1]). Въ этихъ дворцахъ, на выходахъ и кур-

---

[1]) Dieser ohrt, Lustschloss Peterhof, den die Sonst sehr difficillen

тагахъ, на балахъ и маскарадахъ, толпились придворные въ бархатныхъ епанчахъ и шитыхъ золотомъ камзолахъ, съ алмазными тресилами и изумрудными аграфами, рядомъ съ дамскими робами и самарами свѣтлыхъ цвѣтовъ[1]); на головахъ пудра, на лицахъ румяна и мушки; у дверей — почетные караулы; всюду егеря, гайдуки, скороходы, гусары, карлики — все великолѣпно, богато, блестяще. Какъ же жилось въ этихъ дворцахъ?

Какъ дворцы императорской фамиліи, такъ и домы вельможъ были въ то время, по большей части, деревянные. Расположеніе, въ общемъ, было одно и то же: одна или нѣсколько большихъ залъ для пріемовъ и нѣсколько клѣтушекъ для жилья. Постройка чисто плотничная, на скорую руку: двери не затворялись, въ окна дуло, въ полахъ щели, печи дымили. Въ лѣтнемъ дворцѣ, въ Петербургѣ, окна великокняжеской половины „выходили съ одной стороны на Фонтанку, которая была тогда вонючимъ болотомъ, съ другой — на узкій грязный дворикъ"; въ Москвѣ, въ деревянномъ флигелѣ дворца, „вода текла по стѣннымъ обшивкамъ, и комнаты были чрезвычайно сыры". Въ архіерейскомъ домѣ[2]) принадлежавшемъ императрицѣ, въ комнатахъ отведенныхъ для великаго князя, „печи были такъ ветхи, что когда ихъ топили, то въ трубѣ былъ виденъ огонь, такъ много было трещинъ, и дымъ наполнялъ комнаты". Въ московскомъ домѣ Нарышкиныхъ, на свадьбѣ хозяина, на которой присутствовала

Fremden ministres selbst Versaille vorziehen, ist desto schöner, dass gleichsahm Natur und Kunst beydes den Meister spielen wollen. *Siebigk*, 110.

[1]) The Empress is a great lover of english stuffs, particurlarly white and other light colours with large flowers of gold and silver. Депеша *Гиндфорда*, отъ 19-го марта 1745 г. (*Лондон. Архивъ*, Russia, № 47). *Лаферьеръ*, 189. — [2]) Когда московскій дворецъ сгорѣлъ, императрица переѣхала въ Петровское, а великая княгиня сперва въ домъ Чоглоковыхъ, а потомъ въ „архіерейскій", въ Нѣмецкой Слободѣ (*Mémoires*, 201). Девять лѣтъ спустя, Екатерина писала кн. Трубецкому, завѣдывавшему приготовленіями къ коронаціи, отъ 9-го августа 1762 года: „Освѣдомитесь пожалуй не отдано-ли кому въ Неметской слободѣ домъ, которой слылся архіерейской, гдѣ послѣ пожара мы жили". *Архивъ Сената*, кн. CXXI, л. 143.

императрица и весь дворъ, чтобъ проводить молодыхъ въ спальню, великой княгинѣ пришлось „пройти нѣсколько холодныхъ коридоровъ, взбираться по нетопленнымъ лѣстницамъ, наконецъ, пройти галерею, только-что выстроенную, изъ сырыхъ досокъ, гдѣ со всѣхъ сторонъ капала вода“. Домъ Чоглоковыхъ, въ Москвѣ, на Большой Слободской, состоялъ „изъ залы посрединѣ и четырехъ комнатъ на каждой сторонѣ; отовсюду несло сквознымъ вѣтромъ, окна и двери на половину сгнили, въ полахъ щели въ три пальца и, въ добавокъ, пропасть разныхъ насѣкомыхъ“. Для первыхъ родовъ Екатерины, подарившей императрицѣ наслѣдника престола, были приготовлены двѣ комнаты въ лѣтнемъ дворцѣ, рядомъ съ покоями императрицы, причемъ „кровать была поставлена между трехъ дверей, въ которыя сквозило; сзади кровати — два окна, въ которыя дуло“; послѣ родовъ, одну дверь заколотили, повѣсили двойную суконную занавѣску, заставили большимъ экраномъ, и, тѣмъ не менѣе, такъ дуло, что Екатерина получила ревматизмъ[1]).

Екатерина стала помнить себя въ штетинскомъ замкѣ, капитальномъ строеніи померанскихъ герцоговъ; она провела дѣтство въ цербстскомъ замкѣ, сооруженномъ изъ гранитнаго камня; замокъ ея бабушки, въ Гамбургѣ — каменное зданіе XVI вѣка. Всѣ эти замки строились вѣками, но и стояли столѣтія, стоятъ и понынѣ. Неудивительно, что деревянныя постройки въ Россіи производили на Екатерину впечатлѣніе временныхъ шалашей, легко воздвигаемыхъ, но также легко истребляемыхъ временемъ, климатомъ, огнемъ. Московскій дворецъ, занимавшій до трехъ верстъ въ окружности, сгорѣлъ на ея глазахъ въ какіе нибудь три часа; архіерейскій домъ загорался раза два или три въ теченіе мѣсяца, пока въ немъ жила великая княгиня; между тѣмъ, въ домѣ была только одна лѣстница и, конечно, деревянная. „Изъ моихъ оконъ лѣтняго дворца — говоритъ Екатерина — мнѣ случалось видѣть разомъ по два, по три, по четыре и даже по пяти пожаровъ въ различныхъ концахъ Москвы“[2]). На мѣстѣ

---

[1]) *Mémoires,* 119, 140, 183, 197, 201, 217, 226. — [2]) Екатерина не

сгорѣвшаго возводили, въ нѣсколько недѣль, новое зданіе, также деревянное, до новаго пожара. Когда сгорѣлъ московскій дворецъ, императрица приказала выстроить „въ шесть недѣль" новый, и онъ былъ выстроенъ. Къ такимъ постройкамъ Екатерина не могла, конечно, относиться иначе, какъ съ удивленіемъ; она всегда была противъ нихъ, и позже, ставъ императрицей, старалась замѣнить по возможности деревянныя зданія каменными. Въ бумагахъ Екатерины сохранилась небольшая пѣсенка[1]), записанная ея рукою; въ этой пѣсенкѣ, въ шести строкахъ, выраженъ взглядъ на деревянныя постройки того времени:

Jean bâtit une maison
Qui n'a ni rime ni raison:
L'hiver on y gèle tout roide,
L'été ne la rend point froide;
Il y oublia l'escalier
Puis le bâtit en espalier.

Дома были худо выстроены, еще хуже меблированы. Въ то время мебель была принадлежностью не комнаты, даже не дома, а извѣстнаго лица, и возилась за этимъ лицемъ, какъ возилось платье, бѣлье, обувь. „Дворъ въ то время — говоритъ Екатерина — былъ такъ бѣденъ мебелью, что зеркала, кровати, стулья, столы и комоды, которые служили намъ въ зимнемъ дворцѣ, перевозились вслѣдъ за нами въ лѣтній дворецъ, оттуда въ Петергофъ и даже ѣздили съ нами въ Москву. При этихъ перевозкахъ многое ломалось и билось, и въ такомъ изломанномъ видѣ ставилось на свое мѣсто, такъ что и пользоваться-то этою мебелью было довольно трудно". Если такъ дѣлалось при дворѣ, притомъ что дворцовъ было много, а мебели мало, то въ частныхъ домахъ было еще хуже. Въ домѣ Чоглоковой, куда великокняжеская чета должна была переѣхать послѣ пожара, истребившаго дворецъ, „вовсе

преувеличивала. L'Impératrice venait de recevoir la nouvelle du quatrième incendie consecutif arrivé à Moscou dont Elle fut affligée jusqu'aux larmes. M. de *Saint-Sauveur* au comte de Maurepas, 14 juin 1748 (*Парижс. Архивъ*, Russie, suppl. № 7, carton 1748).

[1]) *Сборникъ*, XXIII, 168; *Mémoires*, 197, 201, 205, 206; *Арх. кн. Воронцова*, V, 17.

не было мебели". Черезъ шесть недѣль послѣ первыхъ родовъ Екатерины, для принятія обычныхъ поздравленій, въ пустую комнату, сосѣднюю съ тою, въ которой родился Павелъ Петровичъ, была внесена „богатая мебель", и Екатерина, сидя на бархатной, розовой съ серебрянымъ шитьемъ постели, принимала поздравленія придворныхъ и дипломатическаго корпуса; по окончаніи церемоніи мебель опять унесли. Очевидно, все меблировалось только для извѣстнаго случая. Нѣтъ самой необходимой мебели, и есть совершенно ненужные предметы чисто азіатской роскоши, какъ, напр., тазъ императрицы съ драгоцѣнными каменьями, купленный гр. Румянцевымъ въ Константинополѣ за 8,000 червонцевъ; нѣтъ стула, и есть зеркала во всю стѣну, испугавшія мать фаворита гр. Разумовскаго[1]).

Такое безпорядочное, даже хищническое хозяйство не могло нравиться Екатеринѣ, родившейся и выросшей въ бѣдной, сравнительно, но удобной, порядочной обстановкѣ. Еще будучи великой княгиней, она стала вводить въ этомъ отношеніи свои порядки. „Такъ какъ требовалось особое разрѣшеніе императрицы, чтобы получить мебель, а добраться до императрицы было по большей части весьма трудно и даже невозможно, то я рѣшилась покупать на свой счетъ мало-по-малу комоды и другую болѣе необходимую мебель, какъ для зимняго, такъ и для лѣтняго дворца, и, переѣзжая изъ одного дворца въ другой, я находила все на своемъ мѣстѣ, избѣгая къ тому же ломки при перевозкѣ"[2]).

Въ этихъ-то дворцахъ, выстроенныхъ и меблирован-

---

1) *Васильчиковъ*, I, 13; *Mémoires*, 163, 197, 199, 225. Не въ такой, быть можетъ, степени, но недостатокъ мебели замѣчается и въ западной Европѣ прошлаго вѣка. Такъ, въ 1744 г., когда Людовикъ XV приказалъ маркизу *Шетарди*, высланному изъ Россіи, жить, до окончанія слѣдствія о его поведеніи при русскомъ дворѣ, въ его помѣстьи Chetardie, то маркизъ, письмомъ отъ 2-го сентября 1744 г., извѣщаетъ короля, что поселится въ своемъ помѣстьѣ у фермера, а не въ замкѣ, въ которомъ нѣтъ мебели: le château est absolument dépourvu de meubles (*Парижс. Архивъ*, Russie, vol. 45, f. 146. — 2) *Mémoires*, 163.

ныхъ болѣе на показъ, чѣмъ для жилья, окруженная массою соглядатаевъ, жила великая княгиня съ своимъ супругомъ. Для поверхностнаго наблюдателя ея жизнь текла довольно пріятно: Екатерину видѣли во всѣхъ придворныхъ спектакляхъ и маскарадахъ, на всѣхъ дворцовыхъ балахъ и выходахъ, всегда привѣтливою, веселою, казалось, радостною; но придворными развлеченіями жизнь далеко не исчерпывается. Возвращаясь въ свои покои со спектакля или бала, изъ маскарада или съ выхода, она не встрѣчала ни ласки любимаго мужа, ни интереснаго занятія, ни, вообще, какого-либо дѣла. Она рѣшительно не знала, какъ убить время, и въ первые годы жестоко скучала. Великій князь, влюблявшійся во всѣхъ, кромѣ своей супруги, былъ человѣкъ, какъ мы видѣли, неспособный внушить къ себѣ сильной привязанности; у него были четыре, способныя возбудить къ нему отвращеніе. Ни умомъ, ни сердцемъ онъ не могъ быть другомъ великой княгини. Всякое занятіе, даже самое невинное, признавалось неприличнымъ для великой княгини; всякій серьезный интересъ къ лицамъ или учрежденіямъ считался преступнымъ. По счастью, не запрещалось читать, и она много читала, но, конечно, сперва одни романы; къ серьезному чтенію она перешла позже, но и романы разгоняли скуку одиночества, сослужили службу въ свое время. Какъ-же проводила день Екатерина въ первые годы послѣ замужества?

„Обыкновенно — говоритъ Екатерина — я сидѣла одна-одинешенька въ своей комнатѣ и читала, пока не являлся великій князь, принимавшійся шагать по комнатѣ и говорившій мнѣ о предметахъ, которые интересовали его, но для меня не имѣли никакой цѣны. Его прогулки изъ угла въ уголъ продолжались часъ или два и повторялись нѣсколько разъ въ день; надо было ходить съ нимъ рядомъ до истощенія силъ, слушать его внимательно, отвѣчать ему, а въ его рѣчахъ по большей части не было ни смысла, ни толку, часто же это была просто игра воображенія. Помню, что въ теченіе всей зимы онъ постоянно толковалъ о своемъ намѣреніи выстроить близъ Ораніенбаума увеселительный домъ на манеръ капуцин-

скаго монастыря, гдѣ онъ, я и весь его дворъ должны были нарядиться капуцинами; онъ находилъ это одѣяніе восхитительнымъ и удобнымъ. У каждаго должна была быть кляча, чтобъ поочередно ѣздить за водой и привозить припасы въ мнимый монастырь. Онъ хохоталъ до упаду и восхищался своимъ изобрѣтеніемъ. Онъ заставилъ меня набросать ему карандашемъ планъ этого прелестнаго произведенія и каждый день нужно было что-нибудь прибавить или убавить въ этомъ рисункѣ. Какъ ни твердо рѣшилась я быть съ нимъ любезною и терпѣливою, часто, признаюсь откровенно, на меня нагоняло чрезвычайную скуку его посѣщенія, прогулки и разговоры, превосходившіе все своею крайнею глупостью. Когда онъ уходилъ, самая скучная книга казалась мнѣ пріятнымъ развлеченіемъ"[1]).

Лѣтомъ, особенно въ Ораніенбаумѣ, день проходилъ иначе. „Поутру — говоритъ Екатерина — я вставала въ три часа и одѣвалась сама съ ногъ до головы въ мужской костюмъ. Старый егерь ожидалъ уже меня, съ ружьями; на берегу стояла рыбачья ладья; мы проходили садомъ, съ ружьями на плечахъ; я, егерь, лягавая собака и рыбакъ садились въ лодку. Я стрѣляла утокъ въ тростникѣ по берегамъ ораніенбаумскаго канала, который на двѣ версты уходитъ въ море. Нерѣдко мы проходили весь каналъ и выходили въ море, на этой ладьѣ, при довольно свѣжемъ вѣтрѣ. Великій князь являлся часомъ или двумя позже, такъ какъ ему непремѣнно нужно было имѣть съ собою завтракъ и Богъ знаетъ чего еще онъ не тащилъ за собою. Если онъ встрѣчалъ насъ, мы отправлялись дальше вмѣстѣ; если нѣтъ — стрѣляли и охотились порознь. Часовъ въ десять, иногда и позже, я возвращалась домой и одѣвалась къ обѣду. Послѣ обѣда — отдыхъ; по вечерамъ у великаго князя бывала музыка, или же мы катались верхомъ"[2]).

Еслибъ не извѣстная безпорядочность, господствовавшая при Елизаветѣ Петровнѣ, трудно было бы повѣрить подобному разсказу. Правда, Ораніенбаумъ былъ соб-

---

1) *Mémoires*, 165. — 2) *Mémoires*, 96.

ственностью великаго князя, великая княгиня была въ Ораніенбаумѣ у себя дома; но море свободно для всѣхъ, а рыбачья ладья вовсе не безопасна для подобныхъ прогулокъ. Эта охота на утокъ, очевидно, выходила изъ сферы инструкціи. Впрочемъ, и въ Петербургѣ, въ зимнемъ дворцѣ, на глазахъ у императрицы, инструкція нерѣдко забывалась.

Два обстоятельства огорчали въ это время Екатерину — сперва собаки, потомъ вино. Какъ и великой княгинѣ, великому князю нечего было дѣлать, да, сверхъ того, онъ и не любилъ занятій, не былъ пріученъ къ нимъ. Книгъ онъ также не выносилъ; фрейлины жены и куклы все-таки оставляли еще много свободнаго времени, и Петръ Ѳедоровичъ пристрастился было одно время къ собакамъ.

Въ 1747 году, лѣтомъ, великій князь завелъ себѣ свору собакъ и началъ самъ дрессировать ихъ, причемъ, конечно, больше терзалъ ихъ, чѣмъ натаскивалъ, такъ какъ самъ былъ дурной охотникъ. Въ деревнѣ, близь Ораніенбаума, эта забава никому, кромѣ собакъ, не была въ тягость; но великій князь взялъ ихъ съ собою въ зимній дворецъ, что было ему запрещено, и, чтобъ скрыть десятокъ большихъ охотничьихъ собакъ, онъ помѣстилъ ихъ въ деревянномъ чуланѣ, отдѣлявшемъ альковъ спальни великой княгини отъ большихъ сѣней, бывшихъ позади великокняжескихъ покоевъ. „Сквозь досчатую перегородку алькова — говоритъ Екатерина — несло псиной, и мы оба спали въ этой вони. На мои жалобы великій князь отвѣчалъ, что нѣтъ возможности устроить иначе. Такъ какъ собачья конура составляла большой секретъ, то я сносила эти неудобства, не выдавая тайны его высочества“. Спустя два года, уже въ Москвѣ, эта собачья забава не давала уже никому покоя ни утромъ, ни днемъ, ни вечеромъ. „Великій князь, съ рѣдкою настойчивостью — говоритъ Екатерина — дрессировалъ свору собакъ при помощи большой плетки; покрикивая на собакъ, какъ кричатъ охотники, онъ заставлялъ собакъ бѣгать изъ одной комнаты въ другую — у него всего ихъ было двѣ. Тѣхъ собакъ, которыя уставали или убѣгали, онъ жестоко на-

казывалъ, отчего онѣ кричали еще громче. Когда эти упражненія, невыносимыя для ушей и спокойствія сосѣдей, надоѣдали великому князю, онъ брался за скрипку и, прохаживаясь по комнатамъ, пилилъ, что было силъ, послѣ чего снова принимался за дрессировку собакъ и ихъ истязянія, которыя казались мнѣ слишкомъ ужь жестокими. Однажды я услышала страшный собачій визгъ, долго непрекращавшійся; я открыла дверь моей спальни въ ту комнату, гдѣ происходили собачьи упражненія, и вотъ что увидѣла: великій князь поднялъ за ошейникъ маленькую болонку англійской породы, велѣлъ мальчику-калмыку держать ее за хвостъ, и изъ всей силы билъ собаку рукояткою своей плетки".

Уроки Елизаветы Петровны, очевидно, не пошли въ прокъ: вскорѣ по пріѣздѣ племянника въ Россію, императрица, узнавъ какъ онъ мучитъ животныхъ, давала великому князю „наставленіе касательно жестокости и нечувствительности къ несчастію людей и мученію животныхъ". Послѣ разсказанной сцены съ болонкой, можно повѣрить Екатеринѣ, что „слезы и крики только бѣсили великаго князя, не возбуждая ни малѣйшаго состраданія; жалость была для него тягостнымъ, даже невыносимымъ чувствомъ" [1]).

Лично для Екатерины собаки были, однако, ничто, сравнительно съ виномъ. Непостоянный, вѣтряный великій князь часто мѣнялъ свои привязанности, и охота къ собакамъ скоро прошла безвозвратно; страсть же къ вину, разъ пріобрѣтенная, никогда уже не покидала его. Ни одинъ пьяница не въ состояніи точно опредѣлить, когда онъ началъ запивать, да и Петръ Ѳедоровичъ не былъ горькимъ пьяницей: онъ пилъ, онъ бывалъ пьянъ, но запоемъ никогда не пилъ. „Петръ III обнаружилъ склонность къ пьянству съ десятилѣтняго возраста", говоритъ Екатерина, что́ едва-ли справедливо. Его отецъ не былъ пьяницей, окружавшіе — тоже; откуда же эта склонность въ ребенкѣ десяти лѣтъ? Кажется, эта страсть великаго князя обнаружилась уже послѣ его пріѣзда въ Россію и

---

[1]) *Штелинъ*, 86; *Mémoires*, 82, 84, 108.

развилась, благодаря окружавшей его обстановкѣ[1]), во всякомъ случаѣ, уже послѣ брака. По крайней мѣрѣ, Екатерина впервые упоминаетъ о „пьяномъ“ великомъ князѣ не ранѣе лѣта 1749 года, и упоминаетъ въ такой формѣ, которая даетъ право заключить, что это было для нея явленіе совершенно новое, къ которому она еще не привыкла: „Мы были приглашены императрицей въ Тайницкое[2]), гдѣ имѣли честь обѣдать за столомъ ея величества. Императрица сидѣла одна на концѣ стола, по правую руку отъ нее — великій князь, по лѣвую — я, прямо противъ него; возлѣ великаго князя — фельдмаршалъ Бутурлинъ, около меня — графиня Шувалова. Столъ былъ очень длинный и узкій. Великій князь, сидя между императрицей и фельдмаршаломъ Бутурлинымъ, такъ напился, благодаря фельдмаршалу, который любилъ выпить, что потерялъ всякое сознаніе, не помнилъ, что говорилъ, что дѣлалъ, едва ворочалъ языкомъ и производилъ отвратительное впечатлѣніе. Въ то время я старалась, насколько могла, скрывать и сглаживать его дурныя стороны, и его положеніе довело меня до слезъ. Императрица оцѣнила мою чувствительность и сама встала изъза стола ранѣе обыкновеннаго“. Спустя нѣсколько лѣтъ, въ 1753 г., Екатерина стала замѣчать, что великій князь часто бываетъ въ возбужденномъ состояніи; „quasi journellement“, что́, конечно, преувеличено. Пожаръ московскаго дворца вполнѣ разоблачилъ пристрастіе великаго князя къ крѣпкимъ напиткамъ: „Въ покояхъ великаго князя было нѣсколько большихъ комодовъ; когда ихъ стали выносить, нѣсколько ящиковъ незапертыхъ или плохо запертыхъ обнаружили, что въ нихъ находилось. Повѣрятъ ли? Всѣ ящики были наполнены ничѣмъ инымъ, какъ массою бутылокъ съ виномъ и ликерами — эти

---

[1]) „Онъ постоянно пилъ вино съ водою, но когда угощалъ голштинскихъ офицеровъ, то хотѣлъ по-солдатски раздѣлять съ ними все, и пилъ иногда нѣсколько бокаловъ вина безъ воды. Но это никогда не проходило ему даромъ, и на другой день онъ чувствовалъ себя дурно и оставался цѣлый день въ шлафрокѣ“ (*Штелинъ*, 109). — [2]) Тайницкое — дворцовое село, въ 23-хъ верстахъ отъ Москвы.

ящики были виннымъ погребомъ его высочества"! Всѣ придворные, отъ егеря Бахштейна и камердинера Брессана до фельдмаршала Бутурлина и гофмаршала Шувалова, естественно потворствовали всѣмъ склонностямъ великаго князя, потворствовали и пьянству — кому же охота навлекать на себя неудовольствіе будущаго самодержца? Въ этомъ отношеніи одна императрица могла бы имѣть вліяніе на своего племянника; но отъ Елизаветы Петровны скрывали подобныя склонности великаго князя, какъ не сообщали ей ничего, что могло опечалить ее, потревожить, особенно въ то время, когда императрица не пользовалась уже прежнимъ здоровьемъ. Съ годами великій князь все чаще и чаще напивался пьянъ. Невоздержный по природѣ, раздражительный по воспитанію, онъ становился рѣшительно невозможнымъ въ опьянѣломъ состояніи — онъ буйствовалъ, бранился, обнажалъ шпагу, причемъ, конечно, болѣе всего доставалось великой княгинѣ [1]).

Екатерина пріѣхала въ Россію еще дѣвочкою — ей не было 15-ти лѣтъ. Послѣ болѣзни, вынесенной ею въ 1744 г., она выросла, вытянулась, похудѣла, и прошло года два, три, прежде чѣмъ она окрѣпла, поправилась; во всякомъ случаѣ, къ 20-ти годамъ она стала вполнѣ здоровою женщиною, крѣпкаго сложенія, полною силъ. Эти силы требовали упражненія, примѣненія, и Екатерина по цѣлымъ часамъ охотится [2]), съ удовольствіемъ катается верхомъ, танцуетъ безъ устали.

На родинѣ Екатерина не ѣздила верхомъ, тамъ это было не въ обычаѣ, и даже ея мать стала учиться верховой ѣздѣ только въ Москвѣ. Въ Москвѣ же, въ 1744 г., и Екатерина впервые сѣла на лошадь; она была тогда еще довольно слаба, и ѣзда не понравилась ей. Спустя годъ, она стала брать уроки верховой ѣзды въ казармахъ измайловскаго полка и скоро вполнѣ пристрастилась къ этому удовольствію: въ 1750 году она заслужила уже одобреніе Елизаветы Петровны, лихой наѣздницы. Объ этомъ

---

[1]) *Mémoires*, 3, 116, 131, 192, 200, 224, 232, 277, 303; Le Grand-Duc se livre au vin, сказано въ депешѣ *Дальона* уже отъ 8-го марта 1746 г. *Парижск. Архивъ*, vol. 48, f. 136); *Арх. кн. Воронцова*, V, 19; *Лафермьеръ* 194. — [2]) *Mémoires*, 113, 143.

Екатерина разсказываетъ съ подробностями, выдающими истаго любителя:

„Въ духовъ день, императрица приказала мнѣ пригласить съ собою кататься верхомъ г-жу Арнгеймъ, жену саксонскаго посланника. Это была высокая, статная дама, 25-ти, 26-ти лѣтъ, нѣсколько сухощавая и вовсе некрасивая лицомъ, на которомъ замѣтны были слѣды оспы; но она хорошо одѣвалась и, издали, производила впечатлѣніе и казалась чистою лицомъ. Г-жа Арнгеймъ пріѣхала ко мнѣ около пяти часовъ послѣ обѣда, съ головы до ногъ въ мужскомъ нарядѣ — въ красномъ суконномъ платьѣ съ золотымъ галуномъ и въ зеленомъ гродетуровомъ камзолѣ съ такими же галунами. Она не знала куда дѣвать свою шляпу, какъ держать руки, и показалась намъ очень неловкою. Зная, что императрица не любила, чтобъ я ѣздила по-мужски, я велѣла осѣдлать дамскимъ англійскимъ сѣдломъ и надѣла амазонку à l'anglaise, очень дорогой матеріи, небеснаго цвѣта съ серебромъ, съ хрустальными пуговицами, блестѣвшими точно брильянтовыя; на черной шапочкѣ была повязана нитка брильянтовъ. Въ ту минуту какъ я пошла садиться на лошадь, ея величество пришла въ наши покои посмотрѣть изъ окна, какъ мы поѣдемъ. Я была въ то время очень ловка и привычна къ верховой ѣздѣ; я подошла къ лошади, вскочила въ сѣдло и распустила разрѣзную юбку по обѣимъ сторонамъ. Увидя, какъ легко и ловко я вскочила въ сѣдло, императрица диву далась и замѣтила, что невозможно сидѣть лучше моего. Она спросила на какомъ я сѣдлѣ и, узнавъ, что на дамскомъ, сказала: „Можно было бы поклясться, что она на мужскомъ сѣдлѣ". Когда пришла очередь г-жи Арнгеймъ, ея ловкость не бросилась въ глаза ея величеству. Эта госпожа привела изъ дому свою лошадь. Это была дрянная кляча, вороной масти, очень высокая, неуклюжая; придворные увѣряли, что это упряжная лошадь. Нужна была лѣсенка, чтобъ взобраться на нее; г-жа Арнгеймъ сѣла на лошадь съ большими приготовленіями и при помощи многихъ лицъ. Когдо она сѣла, лошадь пошла очень тряскою рысью; всадница скользила

въ сѣдлѣ, теряла стремена и держалась за луку. Я поѣхала впередъ; за мною послѣдовали другіе".

Екатерина до страсти любила верховую ѣзду, особенно же на мужскомъ сѣдлѣ, чтó ей, однако, строго было запрещено императрицею. Елизавета Петровна была убѣждена, что ѣзда по-мужски препятствуетъ рожденію дѣтей. „Въ это время — говоритъ Екатерина подъ 1750 годомъ — я изобрѣла сѣдло, на которомъ можно было сидѣть какъ угодно: въ сѣдлѣ былъ особый англійскій крючекъ, который поворачивался и, перекинувъ ногу чрезъ луку, можно было сѣсть по-мужски; правое стремя можно было поднимать или опускать по произволу. Когда у берейторовъ спрашивали какъ я ѣзжу, они, зная волю императрицы, отвѣчали: „на дамскомъ сѣдлѣ". Я перекидывала правую ногу только въ томъ случаѣ, когда была увѣрена, что никто не видитъ меня. Такъ какъ я не хвасталась моимъ изобрѣтеніемъ, а прислуга была рада доставить мнѣ удовольствіе, то все обходилось благополучно". Лѣтомъ 1756 года, въ Ораніенбаумѣ, Екатерина стала брать уроки верховой ѣзды у рейтмейстера сухопутнаго кадетскаго корпуса, Циммермана. „Какъ только я начала брать правильные уроки верховой ѣзды, я снова со страстью отдалась этому упражненію. Я вставала въ 6 часовъ утра, одѣвалась по-мужски и шла въ свой садъ, гдѣ было устроено, на чистомъ воздухѣ, особое мѣсто, служившее мнѣ манежемъ. На этихъ урокахъ присутствовали только мой старый хирургъ Гюонъ, одна камеръфрау и нѣсколько камердинеровъ. Въ три недѣли я прошла всю школу верховой ѣзды"[1]).

Лѣтомъ — охота, верховая ѣзда; зимою — танцы. Екатерина любила танцовать и танцовала много, безъ устали. „Г-жа Арнгеймъ танцовала лучше, чѣмъ ѣздила верхомъ. Однажды — говоритъ Екатерина — мы заспорили, которая изъ насъ скорѣе устанетъ въ танцахъ, и оказалось, что она: она бросилась на стулъ, объявляя, что не можетъ уже двигаться, между тѣмъ какъ я продолжала еще танцовать"[2]).

---

1) *Mémoires*, 42. 43, 77, 141, 143, 144, 175, 178, 252. — 2) *Mémoires*, 119, 117, 157, 165, 168, 202.

Такое препровожденіе времени, какъ охота, съ ружьемъ за плечомъ, или катанье верхомъ по нѣскольку часовъ свидѣтельствуетъ о запасѣ, даже избыткѣ физическихъ силъ, требующихъ упражненія, о крѣпкомъ здоровьѣ, причемъ подобныя упражненія еще болѣе укрѣпляютъ здоровье, накопляютъ физическія силы. Какъ охота, такъ и верховая ѣзда развивали въ Екатеринѣ смѣлость, отвагу, пріучали ее къ самостоятельности, находчивости.

Зимою, въ городѣ, по условіямъ придворной жизни, Екатерина была ближе къ своему супругу и, живя рядомъ съ нимъ, если не въ однѣхъ комнатахъ, невольно должна была видѣть его занятія, если не принимать въ нихъ участія. Дрессировка собакъ и ухаживаніе за фрейлинами жены далеко не могли наполнить дня; что же дѣлалъ великій князь?

Въ 1753 году, когда великому князю было 26 лѣтъ, Екатерина вошла однажды въ комнату его высочества и была поражена необычайнымъ зрѣлищемъ: посрединѣ комнаты была повѣшена крыса: „Я спросила, что это значитъ? Великій князь сказалъ мнѣ, что эта крыса совершила уголовное преступленіе, наказуемое по военнымъ законамъ жесточайшею казнью: крыса вскарабкалась на картонную крѣпость, стоявшую на столѣ, перелѣзла черезъ крѣпостной валъ и сгрызла на бастіонѣ двухъ часовыхъ изъ крахмала. Великій князь велѣлъ судить преступницу военно-полевымъ судомъ. Его собака поймала крысу, которую немедленно повѣсили и которая будетъ висѣть трое сутокъ на глазахъ публики для внушенія примѣра“. Спустя два года, въ 1755 году, когда Петру Ѳедоровичу было уже 28 лѣтъ, „главною забавою великаго князя было множество маленькихъ куколъ — солдатиковъ изъ дерева, свинца, крахмала и воска, которыхъ онъ разставлялъ на узкихъ столахъ, загромождавшихъ всю комнату; между столами едва можно было проходить. Онъ прибилъ вдоль столовъ узкія мѣдныя рѣшеточки, къ нимъ привязалъ шнурки; если дернуть за шнурокъ, мѣдныя рѣшетки издавали звукъ, который, по его мнѣнію, походилъ на бѣглый ружейный огонь. Съ чрезвычайною точностію онъ чествовалъ всѣ придворные праздники, заставляя свои вой-

ска стрѣлять ружейнымъ огнемъ; сверхъ того, онъ каждый день разводилъ патрули — бралъ нѣсколько куколъ, которыя должны были играть роль часовыхъ, причемъ онъ самъ присутствовалъ въ полномъ мундирѣ, ботфортахъ, шпорахъ и въ шарфѣ. Лакеи, которыхъ онъ удостоивалъ присутствовать на экзерциціяхъ, обязаны были являться въ полной формѣ" [1]).

Какъ великій князь не довольствовался дрессировкой собакъ, ухаживаніемъ за фрейлинами и посвящалъ досугъ кукламъ, такъ и великая княгиня, кромѣ охоты и верховой ѣзды, коротала дни за книгами. Что же она читала?

---

[1]) *Mémoires*, 193, 242.

XXII.

Въ инструкціи для великаго князя чтеніе „романовъ“ прямо воспрещалось, а „чтеніе книгъ“ рекомендовалось какъ забава отъ обѣда до ужина, когда „онъ ничего серьезнаго предпринимать не захочетъ“; въ инструкціи же для великой княгини вовсе не упоминалось о чтеніи. Между тѣмъ, Петръ Ѳедоровичъ не любилъ книгъ и ничего не читалъ; Екатерина же любила читать, читала много и охотно. Если вѣрить разсказамъ современниковъ, почти всѣ образованныя лица, имѣвшія случай разговаривать съ великою княгинею, были поражаемы ея свѣтлымъ умомъ и совѣтовали ей развивать свои дарованія чтеніемъ серьезныхъ книгъ; сама же Екатерина называетъ въ своихъ „Запискахъ“ только шведскаго графа Гюлленборга, который рекомендовалъ ей читать Плутарха, Цицерона, Монтескье. Умный прусакъ, баронъ Мардефельдъ, узнавъ отъ самой великой княгини, что она посвящаетъ свой досугъ чтенію легкихъ бельлетристическихъ книгъ, совѣтовалъ ей серьезное чтеніе, вызывающее на размышленіе[1]); графъ Лестокъ рекомендовалъ ей „Dictionnaire historique et critique“ Бэля[2]).

---

[1]) *Сумароковъ*, 20.

[2]) Le comte Lestocq, homme d'esprit, fut le premier à deviner Catherine; il l'engagea à s'instruire. Cette proposition fut accueillie avec empressement et il lui donna pour première lectute le Dictionnaire de Bayle. Изъ неизданныхъ „Souvenirs de comtesse *Golovine*“. Въ нѣкоторыхъ спискахъ вмѣсто „comte Lestocq“ читается „comte Munnich“, что̀, очевидно, описка, такъ какъ при дворѣ Елизаветы Петровны не было ни одного изъ графовъ Миниховъ: отецъ Бурхардъ былъ въ ссылкѣ, въ Пелымѣ, сынъ Эрнстъ — въ Вологдѣ; въ то

Совѣты легче давать, чѣмъ выполнять. Къ чтенію серьезному, „вызывающему на размышленіе", нужно подготовиться; какъ ни увлекателенъ Монтескье, какъ ни интересенъ Бэль, но за ними легко уснуть непривычному къ подобному чтенію. Екатерина, сверхъ того, была стѣснена въ выборѣ книгъ[1]): никакой библіотеки во дворцѣ не было, приходилось прибѣгать къ помощи постороннихъ лицъ для полученія книгъ, что было особенно затруднительно послѣ того, какъ Адодуровъ пересталъ преподавать русскій языкъ великой княгинѣ; окружавшія же Екатерину лица и сами ничего не читали, кромѣ романовъ. Съ романовъ и начала Екатерина. „Послѣ замужества я много читала. Первая книга, которую я прочла, будучи уже замужемъ, былъ романъ „Tiran le blanc" и въ теченіе цѣлаго года я ничего не читала, кромѣ романовъ"[2]).

Екатерина не называетъ другихъ романовъ, кромѣ „Tyran le blanc", но, судя по тому, что она вслѣдъ за этимъ прибавляетъ: „эти романы стали мнѣ надоѣдать", можно догадываться, что она читала растянутые, скучные романы Лакальпренеда, многотомныя писанія „десятой музы", дѣвицы Скюдери, быть можетъ, романъ „Astrée" родоначальника буколическихъ повѣстей Дурфэ и навѣр-

---

время былъ при дворѣ только баронъ Минихъ, grand-maître de la maison. Графиня прибавляетъ: Je tiens toutes ces particularités de mon oncle, à qui l'impératrice les a racontés elle-meme. Авторъ „Воспоминаній" — графиня Варвара Николаевна Головина; ея отецъ князь Николай Өедоровичъ Голицынъ, 1723—1780, былъ женатъ на Прасковьѣ Ивановнѣ Шуваловой, родной сестрѣ И. И. Шувалова.

[1]) Этому, повидимому, противорѣчитъ указаніе самой Екатерины, что она уже въ 1744 году, въ Москвѣ, покупала себѣ книги— je m'achetais des livres (*Mémoires*, 28). Это указаніе, однако, едва-ли справедливо: въ Москвѣ того времени не было книжныхъ лавокъ, и какія книги могла она покупать? Въ то время она еще только училась по русски, и Адодуровъ снабжалъ ее книгами изъ академической библіотеки. — [2]) *Mémoires*, 74. Намъ не удалось познакомиться съ этимъ романомъ, мѣсто дѣйствія котораго было, вѣроятно, въ новомъ свѣтѣ, такъ какъ собственно tyran le blanc — tyrannus albus, изъ породы хищныхъ птицъ, въ Америкѣ.

ное прочла знаменитый романъ „Les amours pastorales de Daphnis et Chloé“ въ переводѣ Jacques Amyot[1]).

Пастушекъ Дафнъ и пастушка Хлоя любили другъ друга, не подозрѣвая, что любовь не ограничивается поцѣлуями и обниманіями; сострадательная сосѣдка сжалилась надъ красавцемъ Дафномъ и преподала ему первый урокъ любви, но при этомъ разсказала, чего будетъ стоить этотъ урокъ Хлоѣ, почему Дафнъ и не рѣшается подвергнуть свою возлюбленную пастушку подобнымъ непріятностямъ. Какъ въ современной опереткѣ, влюбленные пастушекъ и пастушка оказываются сыномъ и дочерью богатыхъ родителей; какъ въ опереткѣ, все оканчивается свадебнымъ пиромъ, „aprez quoy Chloé cognut bien que ce qu'ils faisoyent paravant dedans les bois et emmy les champs n'estoyent que jeux de petitz enfans“. Въ настоящее время только немногіе изъ мущинъ читали этотъ романъ греческаго софиста Лонга; въ прошломъ вѣкѣ не было ни женщины, ни дамы, ни даже барышни, которая не читала бы „Les amours de Daphnis et Chloé“. Эта циническая „Postoralia“ была переведена на всѣ языки, выдержала много изданій и въ 1718 году появилось роскошное изданіе со множествомъ картинъ, столь же неприличныхъ. Урокъ любви — образецъ цинизма пастушеской наивности[2]).

Въ „Astrée“ маркиза Дюрфэ выведенъ пастушекъ Се-

---

[1]) Греческій софистъ Лонгъ, IV или V вѣка, написалъ пастушескій романъ, въ 4-хъ книгахъ, „*Ποιμενικά*“ или „Pastoralia“, посвященный любви пастушка Дафна и пастушки Хлои. Лучшее изданіе подлинника у *Hercher*, Scriptores erotici graeci, Lpz. 1858. Юнгерманъ и Гюэ издали два латинскіе перевода; переводовъ на нѣмецкій, французскій и итальянскій языкъ было нѣсколько. Въ прошломъ вѣкѣ лучшій французскій переводъ былъ сдѣланъ Яковомъ Аміо; лучшее изданіе — 1718 года, s. l., съ рисунками. Мы цитируемъ это послѣднее изданіе.

[2]) Apres que Daphnis se fut assis aupres d'elle, qu'il l'eust baisée et se fust couché par terre, Lycoenion le trouvant en estat, le sousleva un peu et se glissa adroitement dessous luy, puis elle le mit dans le chemin qu'il avoit jusques-là cherché, tout se passa à l'ordinaire, la nature elle-mesme luy ayant appris ce qu'il y avoit de plus à faire. Весь урокъ см. стр. 96—99.

ладонъ, бросающійся въ воду вслѣдствіе холодности своей пастушки и остающійся холоднымъ предъ прелестями трехъ спасшихъ его нимфъ, причемъ довольно безцеремонно описана сцена трехъ голыхъ женщинъ и ихъ прелестей.

Заслуга г-жи Скюдери заключается именно въ томъ, что она первая рѣшилась очистить романъ отъ всякихъ моральныхъ и нравственныхъ нечистотъ, придать своимъ героинямъ болѣе стыдливости, а героямъ болѣе порядочности. Въ предисловіи къ первому же своему роману „Ibrahim ou l'illustre Bassa" она прямо заявляетъ, что въ ея романѣ нѣтъ ничего, чего дамы не могли бы читать, не потупляя глазъ и не краснѣя[1]). Но зато романы г-жи Скюдери нельзя читать не зѣвая: не говоря уже о растянутости романовъ, всѣ ея герои и героини взяты на прокатъ изъ Персіи или изъ Рима, чтобъ изображать французовъ XVII вѣка; интрига романовъ безхитростна, хотя и лишена простоты; разсказъ вялъ, тягучъ; и въ замыслѣ, и въ языкѣ она тщательно избѣгаетъ естественности, искренности, правды.

Романическаго интереса все-таки гораздо больше въ романахъ Лакальпренеда. Для насъ они скучны, даже досадны потому только, что невѣжественный авторъ придалъ имъ историческую основу, изображая въ „Cassandre" раздѣлъ имперіи Александра Македонскаго, въ „Cléopatre" — послѣдніе дни римской имперіи, въ „Tharamond" — начало французской монархіи; но Лакальпренедъ обладаетъ богатымъ воображеніемъ, у него горячее сердце и онъ мѣстами трогаетъ, производитъ впечатлѣніе. Его Артабанъ сталъ типомъ гордости; онъ не забытъ до сихъ поръ, какъ памятенъ всѣмъ и Селадонъ; между тѣмъ какъ отъ г-жи Скюдери не осталось ничего, все забыто.

---

[1]) Vous y verrez, lecteur, la bienséance des choses et des conditions assez exactement observée et je n'ay rien mis en mon livre, que les dames ne puissent lire sans baisser les yeux et sans rougir. Preface d'Ibrahim Bassa, p. IV. Этотъ первый ея романъ, появившійся въ 1641 г., единственный однотомный; слѣдовавшіе за нимъ, въ 1650 г. „Artamène ou le grand Cyrus" въ 10-ти томахъ, въ 1656 г. „Clelie, histoire romaine" въ 10-ти томахъ.

Быть можетъ, Екатерина читала и другіе романы — „Polexandre" или „Alcidiane" Гомбервилля, „Polombe" Понкаррэ, „Pucelle" Шапелэна, „Moïse sauvé" Сентъ-Амана, „Clovis" Демарэ, „Saint-Louis" Ле-Муаня и т. п.[1]) — въ прозѣ или въ стихахъ, все равно, впечатлѣніе, вынесенное ею изъ этого чтенія было вѣрно: романы эти прискучили ей въ какой нибудь годъ. Это впутываніе героевъ классической древности въ романическіе вымыслы времени далеко не классическаго, это навязываніе библейскимъ типамъ чуждыхъ имъ идей, это смѣшеніе вѣковъ и понятій вело къ фальши, которая бросалась въ глаза, нимало не искупалась изящной формой и не могла не надоѣсть; вынести изъ чтенія подобныхъ романовъ что нибудь, кромѣ скуки, невозможно. Екатерина, еще дѣвочкой, съ своею M-lle Кардель, читавшая Корнеля, Расина и Мольера, не могла, конечно, удовлетвориться какимъ нибудь Шапелэномъ или Демарэ. Они принесли ей, однако, свою долю пользы, и весьма существенную — они пріучили ее читать, быть всегда съ книгою, интересоваться литературой. Теперь она уже не разстается съ книгою: оставаясь одна въ комнатѣ, она читаетъ „все, что попадетъ подъ руку"; на прогулкѣ у нея книга въ карманѣ и, въ свободную минуту, она ее читаетъ. И выборъ книгъ, и время чтенія совершенно случайны; она читаетъ ту книгу, которая попадаетъ на глаза, читаетъ тогда, когда ей никто не мѣшаетъ[2]).

---

[1]) Не упоминаемъ ни „Zaïde", ни „Princesse de Clèves" г-жи Лафайетъ, такъ какъ Екатерина не читала ихъ въ это время. Почти одновременно съ составленіемъ своихъ „Записокъ", Екатерина составила краткій каталогъ книгъ, наиболѣе ею цѣнимыхъ, и послала его сыну при запискѣ: „Si quelqu'un de vous autres, mari, femme ou enfants, nés ou à naître, serez tentés de ce que contient le catalogue ci-joint, on m'en avertira de bouche"; въ этомъ каталогѣ отмѣчено всего 34 названія и, въ томъ числѣ, на 8-мъ мѣстѣ, вслѣдъ за письмами г-жи де Севиньё, названъ романъ „La princesse de Clèves" (*Русс. Старина*, IX, 48). Еслибъ Екатерина читала его „въ первый годъ по замужествѣ", она указала бы это въ „Запискахъ", какъ указала „Les lettres de M-me de Sevigné".

[2]) *Mémoires*, 77, 145.

„Случайно мнѣ попались „Lettres de M-me de Sevigné“: это чтеніе заинтересовало меня“, говоритъ Екатерина[1]. Эти письма и въ настоящее время читаются съ большимъ интересомъ и, вѣроятно, навсегда сохранятъ массу читателей не въ одной только Франціи. Простой, живой слогъ; здравыя, правдивыя мысли; ясный, открытый взглядъ и разлитая во всѣхъ письмахъ гуманность сужденія и искренность чувства — вотъ что плѣняетъ въ „Письмахъ г-жи Савиньѐ“. 18-ти-лѣтняя Марія Рабютэнъ-Шанталь вышла въ 1644 году замужъ за маркиза де-Севиньѐ и 25-ти лѣтъ овдовѣла. Она была богата, красива, образована и умна: она отвергла всѣхъ искателей ея руки, посвятивъ себя исключительно воспитанію сына и дочери, особенно дочери, которую обожала. Когда дочь вышла замужъ за Граньяна и уѣхала на югъ Франціи, такъ какъ мужъ ея былъ губернаторомъ Прованса, мать утѣшала себя бесѣдою съ дочерью въ письмахъ. Она писала не для печати — Севиньѐ умерла въ 1696 году, а письма ея впервые появились въ печати только въ 1726 году — писала что видѣла, что думала, что говорила, и, какъ живая, встаетъ она передъ нами въ своихъ письмахъ: умная, веселая, всегда правдивая, честная, никогда нерисовавшаяся, остроумная безъ всякой желчи, религіозная безъ малѣйшаго ханжества, менѣе всего сплетница и, прежде всего, огромный литературный талантъ. Екатерина, по ея собственному выраженію, „пожирала“ письма г-жи Севиньѐ, и это понятно: въ нихъ она встрѣтила много сочувственныхъ, родныхъ ей чертъ — правдивость, непринужденность, веселость. Послѣ скучныхъ, дѣланныхъ романовъ Скюдери и Лакальпренеда, простыя, живыя письма Севиньѐ произвели глубокое впечатлѣніе на юную Екатерину, еще болѣе своими внутренними достоинствами, чѣмъ внѣшними, болѣе содержаніемъ, чѣмъ языкомъ. Эти письма успокоиваютъ, облагораживаютъ, возвышаютъ читателя, даже необращающаго вниманія на прелестную форму, въ которую они вылиты.

---

[1]) *Mémoires*, 74.

Вслѣдъ за письмами Севиньé, въ 1746 году, Екатерина впервые прочла одно изъ произведенiй Вольтера, которое, однако, не произвело на нее большаго впечатлѣнiя[1]). Въ два слѣдующiе года, въ 1747 и 1748 гг., она прочла два историческiе труда — извѣстную „Исторiю Генриха Великаго" Перефикса и только-что вышедшую тогда „Исторiю Германiи" о. Барра — и такъ понравившiяся ей записки Брантома.

Жизнь Генриха IV, частная и публичная, какъ человѣка, вождя партiи и государя, представляетъ рядъ чисто драматическихъ положенiй и въ высшей степени способна возбудить интересъ, приковать вниманiе. Глава протестантовъ, онъ женится на Маргаритѣ Валуа, влюбленной въ герцога Гиза, и этотъ бракъ даетъ сигналъ къ варѳоломеевской ночи; гугенотъ, онъ отрекается отъ протестантизма и, ставъ католикомъ, издаетъ нантскiй эдиктъ; онъ сознаетъ, что Медичи пагубны ему, народу, Францiи, и

---

[1]) Les oeuvres de Voltaire me tombèront sous la main. Après cette lecture je cherchai des livres avec plus de choix *(Mémoires*, 74). Мы не можемъ довѣрять этому показанiю Екатерины. Въ 1763 г. въ первомъ своемъ письмѣ къ Вольтеру, Екатерина, желая вызвать его на переписку, льститъ ему, говоря: Je peux vous assurer que depuis 1746, que je dispose de mon temps, je vous ai les plus grands obligations. Avant cette époque je ne lisais que des romans, mais par hasard vos ouvrages me tombèrent dans les mains: depuis je n'ai cessé de les lire et n'ai voulu d'aucuns livres qui ne fussent aussi bien écrits, et où il n'y eût autant à profiter. Mais où les trouver? Je retournais donc à ce premier moteur de mon goût et de mon plus cher amusement etc. Какъ письмо къ Вольтеру — это очень хорошо, но оно никуда не годится, какъ историческiй матерьялъ: мы знаемъ, со словъ самой же Екатерины, что она прочла послѣ 1746 г. очень много сочиненiй, самыхъ разнообразныхъ, и, въ томъ числѣ, только одно историческое сочиненiе Вольтера, прочла уже послѣ рожденiя Павла Петровича и все же не могла даже вспомнить его названiе (*Mémoires*, 225). Спустя 20 лѣтъ, Екатерина, другими словами, но то же записываетъ и въ свои мемуары. Между тѣмъ, въ 1746 г. нельзя еще было говорить о „Oeuvres de Voltaire", какъ сорокъ лѣтъ спустя; къ тому же Екатерина довольно точно обозначаетъ читаемыя ею сочиненiя, даже Перефикса и Барра; отчего же въ этомъ случаѣ она даже не умѣетъ назвать, какое именно сочиненiе Вольтера она читала въ 1746 году, а въ 1754 г. называетъ невѣрно? *Гротъ*, 120; *Брикнеръ*, 739; *Дирингъ*, 131.

женится на Маріи Медичи, вслѣдъ за коронованіемъ которой онъ былъ убитъ Равальякомъ; веселый, развратный, необузданный, онъ усмирилъ гражданскія смуты въ королевствѣ, развилъ промышленность, поднялъ торговлю, возвеличилъ французскую націю и высоко поднялъ значеніе монархической власти. Епископъ Перефиксъ написалъ очень хорошую для своего времени „Исторія Генриха Великаго“[1]); она составлена довольно обстоятельно и изложена съ чувствомъ, съ увлеченіемъ. Авторъ видитъ въ своемъ героѣ человѣка великаго, но казнитъ его за увлеченіе женщинами[2]); онъ рисуетъ его геніальнымъ политикомъ, восторгается имъ, когда разсказываетъ, что „вечеромъ того же дня, какъ Парижъ открылъ ему свои ворота, онъ игралъ въ карты съ герцогиней Монпансье, изъ дома Гизовъ, страстной приверженницей католической лиги“[3]), и признаетъ, что несчастная семейная жизнь помѣшала ему оказать величайшую услугу христіанскому міру изгнаніемъ турокъ изъ Европы[4]). Во всемъ сочине-

---

[1]) Hardouin de Beaumont de *Péréfixe*, наставникъ Людовика XIV, членъ французской академіи, издалъ, въ 1661 году, „Histoire de Henry le Grand“, въ 1662 г. сталъ архіепископомъ парижскимъ и въ 1670 г. умеръ. Его сочиненіе выдержало много изданій и было любимымъ чтеніемъ французскаго общества прошлаго вѣка. Но его не читалъ г. *Диринъ*, напечатавшій буквально слѣдующее: „Екатерина читала жизнь Генриха IV, извѣстное сочиненіе Перефикса — „Hardouin de Beaumont“, а потомъ записки Брантома“ (132). — [2]) Il seroit à souhaiter peur l'honneur de sa mémoire qu'il n'eût eu que le defaut de jeu. Mais cette fragilité continuelle qu'il avoit pour les belles femmes en estoit un autre bien plus blasmable dans un prince chrestien, dans un homme de son âge, qui estoit marié, à qui Dieu avoit fait tant de graces et qui rouloit tant de grandes entreprises dans son esprit. Quelquefois il avoit des desirs qui estoient passagers, et qui ne l'attachoient que pour une nuit; mais quand il rencontroit des beautez qui le frappoient au coeur, il aimoit jusqu'à la folie et dans ces transports il ne paroissoit rien moins que Henry le Grand. La fable dit qu'Hercule prit la quenouille et fila pour l'amour de la belle Omphale: Henry fit quelque chose de plus bas pour ses maitresses. Il se travestit un jour en païsan et chargea un fardeau de paille sur son cou pour pouvoir aborder Madame Gabrielle; et l'on dit que la marquise de Verneuil l'a veu plus d'une fois à ses pieds essuyer ses dedains et ses injures. *Péréfixe*, 461.

[3]) *Péréfixe*, 225. — [4]) L'ennuy et le déplaisir des brouilleries do-

нiи Перефикса видна рука духовнаго лица, но лица умнаго, получившаго хорошее для своего времени образованiе.

Благодаря, отчасти, Перефиксу, Генрихъ IV сталъ любимымъ героемъ Екатерины. Она вспоминала его всякiй разъ, когда хотѣла указать на великаго полководца, „примѣрнаго" государя, умнаго человѣка. Она просила Фальконета достать ей портретъ Генриха IV, желала имѣть его бюстъ; она писала Вольтеру, что желала бы „встрѣтиться на томъ свѣтѣ" съ Генрихомъ IV, котораго она „такъ высоко цѣнитъ"; когда революцiонное движенiе охватило Францiю, она не переставала указывать принцу Де-Линю, герцогу Брольи, графу д'Артуа, что только политика Генриха IV можетъ спасти Францiю[1]).

Въ это же время, въ 1748—1749 гг., Екатерина читала записки Брантома, „которыя меня очень занимали". Признанiе чрезвычайно важное, и вотъ почему:

Брантомъ принадлежалъ къ старинному роду Бурдель[2]) и провелъ всю свою жизнь при различныхъ дворахъ XVI вѣка. Онъ воспитывался при дворѣ Маргариты Наваррской, сестры Францисна I; всю молодость провелъ при дворѣ Гизовъ, былъ камергеромъ герцога Орлеанскаго; на его глазахъ умеръ Карлъ IX; онъ присутствовалъ при коронованiи Генриха III. Брантомъ много путешествовалъ: былъ въ Италiи и Швейцарiи, на о Мальтѣ

---

mestiques retardoient asseurément l'execution du grand dessein qu'il avoit formé pour le bien et le repos perpetuel de la Chrestienté et pour la destruction en suite de la puissance Ottomane. *Péréfixe,* 463. —

[1]) *Сборникъ,* XVII, 36, 40; X, 407; XIII, 377; XXIII, 479, 480, 488, 557, 558, 570, 572, 582; XLII, 81, 205, 206, 209; *Русск. Архивъ* за 1869, 206; за 1866, 399.

[2]) Pierre de Bourdeilles, seigneur de *Brantôme*, 1540—1614, авторъ слѣдующихъ шести сочиненiй: Vies des hommes illustres et grands capitaines français, Vies des grands capitaines étrangers, Vies des dames illustres françaises et étrangères, Vies des dames galantes, Les anecdotes touchant les duels, Les rodomontades et juremens des espagnols. Всѣ эти сочиненiя были изданы уже послѣ смерти автора. Не смотря на безпрестанныя указанiя: j'ai vu, j'étois là, je tiens ça des anciens de la cour, или j'ay ouy dire, онъ очень неточенъ въ своихъ показанiяхъ; какъ гасконецъ, онъ очень хвастливъ; но, въ общемъ, представленная имъ картина французскаго общества XVI стол. довольно вѣрна.

и въ Англіи, изъѣздилъ всю Францію; онъ былъ хорошо образованъ: зналъ латинскій языкъ, свободно говорилъ по-итальянски, по-испански, много читалъ и владѣлъ перомъ не хуже чѣмъ шпагою; какъ воинъ, онъ принималъ участіе въ междоусобныхъ распряхъ своего времени и, какъ аббатъ, этотъ свѣтскій „révérend père en Dieu abbé de Brantôme“, посѣщавшій будуары всѣхъ придворныхъ красавицъ, провелъ послѣдніе годы жизни въ своемъ аббатствѣ, гдѣ написалъ нѣсколько томовъ воспоминаній изъ своей бурной жизни, въ видѣ краткихъ біографій. Его внутренній образъ весь вылился въ его писаніяхъ, въ которыхъ онъ является сыномъ своего вѣка и своей среды: онъ не отличаетъ добра отъ зла; какъ придворный, вскормленный въ покояхъ луврскаго дворца, онъ преклоняется предъ сильными міра сего и разсказываетъ ихъ пороки и преступленія, не отдавая себѣ даже отчета хорошо, или дурно они поступали. Онъ вполнѣ равнодушенъ и къ женской чести, и къ мужской морали; онъ спокойно разсказываетъ ужасныя преступленія, не придавая имъ особаго значенія, называетъ „добрымъ“ короля Людовика XI, отравившаго своего брата, и провозглашаетъ дамъ высшаго общества „цѣломудренными“, разсказывая о нихъ такія гадости, которыя нельзя читать безъ омерзенія. Тѣмъ рельефнѣе, конечно, выдаются и производятъ еще бо́льшее впечатлѣніе тѣ страницы, въ которыхъ онъ описываетъ суровость „великаго констабля“ Монморанси, честность канцлера Лопиталя, несчастія Маріи Стуартъ; но такихъ страницъ очень немного у Брантома.

Екатерина не говоритъ въ своихъ „Запискахъ“, что именно она читала изъ сочиненій Брантома, и мы можемъ только догадываться, что она прочла біографіи военачальниковъ, французскихъ и иностранныхъ, и жизнеописанія знаменитыхъ дамъ; болѣе распространенное въ прошломъ вѣкѣ жизнеописаніе „веселыхъ“ дамъ едва-ли могло въ то время попасть въ ея руки. Что Екатерина могла вынести изъ этого чтенія? Очень много для нея новаго, много невѣроятнаго, что способно было не только занять, но и увлечь. Она узнала, что Карлъ V хотѣлъ сдѣлать пап-

скую тіару наслѣдственною въ своемъ родѣ[1]); она прочла, въ біографіи Монгомери, что развратъ нисколько не мѣшаетъ быть великимъ полководцемъ[2]); въ жизнеописаніи „La seconde reyne Jeanne" ей доказывали, что супружеская вѣрность не только излишня, но преступна для высокопоставленныхъ дамъ[3]); Екатерина призадумалась вѣроятно, надъ біографіей „Madame Jeanne de France", гдѣ выставлены „des marys inhabiles et impotents". Въ цѣломъ рядѣ картинъ, болѣе или менѣе соблазнительныхъ, со всевозможными подробностями, рисовалась безнаказанность преступныхъ дѣяній, оправдывался успѣхъ, не смотря на цѣну, которою онъ былъ достигнутъ, восхвалялись самые низкіе инстинкты, прославлялись самыя безсовѣстныя цѣли, уничтожалось всякое различіе понятій между добромъ и зломъ. Если подобныя записки „очень занимали" Екатерину, то надо полагать, что эта занимательность происходила отъ

---

[1]) S'il eût pu accomplir un dessein qu'il avoit de se faire pape, comme il vouloit, il eût encore mieux éclairé le monde, comme étant tout divin; mais il ne le put pas par les voix de cardinaux... s'il eût eu encore des forces du corps comme de son esprit, il fût allé jusques à Rome avec une puissante armée, pour se faire élire par amour ou par force... il vouloit rendre le papat héréditaire (chose pour jamais non ouïe) en la maison d'Autriche, *Capit. étrang.*, I, 36. — [2]) Montgommeri estoit le plus nonchalant en sa charge et aussi peu sou cieux qu'il estoit possible, car il aimoit fort le vin, le jeu et les femmes; mais quand il avoit une fois le cul sur la selle, c'estoit le plus vaillant et le plus soigneux capitaine qu'on eust sceu voir. *Cap. étrang.*, III, 234.—[3]) Ceste reyne laissa un bruict de femme impudique, comme de qui l'on disoit qu'elle estoit tousjours amoureuse de quelqu'un, ayant, par plusieurs sortes et avecques plusieurs, faict plaisir de son corps. Mais pour sela, c'est le vice le moins blasmable à une reyne, grande princesse et belle, qui soit point... Les belles et grandes dames et princesses devoient ressembler le soleil, qui respand de sa lueur et de ses rayons à un chascun de tout le monde, si bien qu'un chascun s'en ressent. Tous de mesmes doibvent faire ces grandes et belles, en prodigant de leur beautéz et de leur grâces à ceux qui en bruslent... Telles belles et grandes dames, qui peuvent beaucoup contenter le monde, soit par leurs douceurs, soit par leurs beaux visages, soit par frequentations, soit par infinies belles demonstrations et signes, ou soit par les beaux effects, qui est plus à preferer, ne se doibvent nullement arrester à un amour, mais à plusieurs; et telles inconstances leur sont belles et permises. *Dames illustres,* 434.

совершенно новыхъ для нея взглядовъ, отъ соображеній вполнѣ оригинальныхъ, ей еще чуждыхъ.

Отъ игривыхъ до безстыдства разсказовъ Брантома къ „Всеобщей исторіи Германіи“ отца Барра[1])—переходъ довольно рѣзокъ. Екатерина говоритъ, что читала „по одному тому Барра въ недѣлю“, и „отъ скуки“ трудно прочесть болѣе: это толстые томы, въ четверку, довольно легко изложенные, но тѣмъ не менѣе представляющіе весьма серьезное чтеніе. Екатерина читала „Всеобщую исторію Германіи“ въ Москвѣ, въ 1749 году, когда трудъ Барра, только-что появившійся въ Парижѣ въ 1748 г., представлялъ новинку, и въ Москвѣ, особенно же при дворѣ, вѣроятно, кромѣ великой княгини никого не интересовалъ — она могла читать не торопясь. Сочиненіе о. Барра — первое на французскомъ языкѣ, обнимающее историческія судьбы Германіи съ древнѣйшихъ временъ до 1740 года; это чисто прагматическое изложеніе не только гражданской и военной, но и церковной исторіи Германіи.

Едва-ли Екатерину могли заинтересовать первые томы, древнѣйшая исторія Германіи. Не смотря на весьма талантливый сводъ извѣстныхъ въ то время розысканій и изслѣдованій, самый предметъ разсказа, со всѣми подробностями, скучными до утомленія, мало интересенъ даже и для нѣмки. Въ общихъ чертахъ, Екатерина, конечно, знала уже древнѣйшую исторію своей родины, мелкія же

[1]) Histoire générale d'Allemagne, par le p. *Barre,* chanoine régulier de Sainte-Geneviève et chancelier de l'université de Paris. Dedié au roy de Pologne Auguste III. Paris, 1748, X vis, Въ нашей Публичной Библіотекѣ хранится экземпляръ, переданный изъ эрмитажной библіотеки — тотъ самый, вѣроятно, которымъ пользовалась Екатерина. Къ сожалѣнію, имъ не пользовался никто изъ писавшихъ о Екатеринѣ. Я. Гротъ измѣнилъ даже имя автора и, не довѣряя Екатеринѣ, пишетъ *Барри*; довѣряя г. Гроту, всѣ повторяютъ эту ошибку. Составляя свои „Записки“ много лѣтъ спустя, Екатерина ошиблась, говоря, что читала *девять* томовъ (*Mémoires,* 107), и всѣ повторяютъ эти злополучные „девять томовъ“, не подозрѣвая, что ихъ не девять, а одиннадцать, такъ такъ восьмая часть въ двухъ томахъ. *Гротъ*, 121; *Брюкнеръ*, 741; *Дирингъ*, 133; *Brückner*, 38, осторожно называетъ сочиненіе „многотомнымъ“,

подробности едва-ли могли занимать ее. Интересъ возросталъ только по мѣрѣ приближенія къ новѣйшему времени и, вѣроятно, послѣдніе томы произвели на великую княгиню наибо́льшее впечатлѣніе. Начиная съ восьмаго тома, встрѣчаются уже ея предки, герцоги Голштиніи, судьбою которыхъ она не могла не интересоваться. Чѣмъ дальше, тѣмъ интереснѣе; образованіе прусскаго королевства, осада русскими роднаго ея Штетина, захватъ Шлезвига датчанами, осада Данцига, бѣгство изъ него Станислава Лещинскаго[1]) — событія, знакомыя ей по разсказамъ, слышаннымъ еще въ дѣтствѣ, въ штетинскомъ замкѣ. Со вниманіемъ прочла она о подвигахъ предводителя католической лиги въ Германіи, опозорившаго славное имя Тилли магдебургскими жестокостями, о военномъ талантѣ принца Евгенія, этого героя, „jamais vaincu, toujours vainqueur"[2]); съ интересомъ слѣдила Екатерина за первыми шагами своихъ современниковъ — за „сыномъ любви" графомъ Морицомъ Саксонскимъ, другомъ Адріенны Лекуврёръ, за Маріей-Терезіей, дочерью Прагматической Санкціи, за Фридрихомъ II, начавшимъ свое царствованіе захватомъ Силезіи. Она никого не видѣла изъ этихъ лицъ, но о Морицѣ графѣ Саксонскомъ много слышала въ Петербургѣ, а въ судьбѣ Маріи-Терезіи и Фридриха II сама играла позже весьма видную роль. Графъ Саксонскій покинулъ Петербургъ за годъ почти до пріѣзда Екатерины, когда онъ хлопоталъ о своемъ избраніи въ герцоги курляндскіе, и вскорѣ затѣмъ побѣдами при Фонтенуа и Рокурѣ, Бергъ-оп-Цомѣ и Мастрихтѣ заставилъ говорить о себѣ. Въ сочиненіи о. Барра Екатерина прочла не только прагматическую санкцію, но и сильную рѣчь курфюрста баварскаго[3]), дававшую уже предчувствовать тяжелые годы Маріи-Терезіи, начавшіеся потерей Силезіи; она познакомилась въ этомъ трудѣ съ непримѣримымъ антагонизмомъ между Австріей и Пруссіей, узнала государственный строй „римской имперіи германской націи", поддерживаемый Франціею и Швеціею, изучила силу и значеніе имперскихъ

---

[1]) *Barre*, X, 400, 674, 775, 842. — [2]) *Barre*, IX, 623, X, 882. — [3]) *Barre*, X, 763, 796, 810, 933.

князей и, какъ женщина, получила инстинктивное отвращеніе къ прусскому королю, которое позже выразила такъ рельефно. Ставъ императрицей, Екатерина доказала, своими отношеніями къ Германіи, что хорошо знакома съ ея исторіею, и этимъ она была обязана, прежде всего, о. Барру.

Екатерина читала въ это время тѣ книги, которыя „попадались подъ руку": изъ Парижа прислали только-что вышедшіе одиннадцать томовъ „Histoire générale d'Allemagne" — ими никто не интересуется, она беретъ ихъ и „отъ скуки" читаетъ. Изъ книгъ, прочитанныхъ ею въ первыя десять лѣтъ пребыванія въ Россіи, только относительно „Словаря" Бэля сохранилось указаніе, что чтеніе его было ей рекомендовано. Дѣйствительно, романы, письма Севиньé, сочиненіе Перефикса и разсказы Брантома могли попасться подъ руку, но „Словарь" Бэля, эти четыре огромные фоліанта, нужно было искать, пріобрѣсть, добыть, особенно въ Россіи того времени. Можно-ли читать „Словарь" Бэля? Его можно изучать[1]), имъ можно пользоваться, какъ справочною книгою по вопросамъ культуры и особенно литературы XVII стол., но какъ же читать? Между тѣмъ Екатерина, по совѣту людей, которымъ она довѣряла, прочла этотъ „Словарь", отъ А до Z: она начала его читать въ 1751 году, употребляла на каждый томъ около полугода и, лѣтомъ 1753 года, когда сгорѣлъ московскій дворецъ, оканчивала послѣдній, четвертый томъ. Что же прочла она въ этомъ словарѣ?

---

[1]) *Lenient*, Etude sur Bayle, Paris, 1855, дѣйствительно, изучилъ „Словарь" Бэля, который составленъ такъ, что Екатерина *не могла* читать его: не говоря уже о длинныхъ цитатахъ латинскихъ и греческихъ, безъ перевода на французскій языкъ, основная мысль заключается въ указаніи ошибокъ, вкравшихся въ книги и въ пополненіи пропусковъ, встрѣчающихся въ нихъ, почему словарь и названъ „критическимъ". Ne seroit-il pas à souhaiter, говоритъ Бэль, qu'il y eût au monde un „Dictionnaire critique", auquel on put avoir recours, pour être assuré si ce qu'on trouve dans les autres dictionnaires et dans toute sorte d'autres livres est veritable? Ce seroit la pierre de touche des autres livres. Сверхъ того, „Словарь" посвященъ преимущественно обсужденію вѣроисповѣдныхъ контроверзъ и философскихъ ученій, что также было недоступно Екатеринѣ.

Сынъ Пастора, протестантъ Петръ Бэль еще на школьной скамьѣ, въ пюи-лоранской академіи, проявилъ сомнѣніе по всѣмъ вопросамъ, которые представлялись его 19-тилѣтнему уму, съ юношескимъ увлеченіемъ искавшему истины. Въ тулузскомъ университетѣ эти сомнѣнія привели его къ перемѣнѣ вѣры — въ 1669-мъ году Бэль перешелъ въ католичество. Но и въ католицизмѣ скептическій умъ Бэля не нашелъ успокоенія: хорошо ознакомившись съ ученіемъ католической церкви, Бэль, сравнивая протестанство и католичество, отдалъ преимущество протестанству и въ 1670-мъ же году снова покинулъ католичество, не переставая сомнѣваться ни въ протестанствѣ, ни въ католичествѣ. Онъ былъ всесторонне образованъ, свободно писалъ по-латыни, легко понималъ греческихъ авторовъ, прошелъ высшій курсъ философіи, много читалъ, свѣтло мыслилъ, обладалъ изумительною памятью и былъ невѣроятно трудолюбивъ. Съ 1675 г. Бэль преподавалъ филисофію въ седанскомъ университетѣ; когда, въ 1781 г., протестантскіе университеты были закрыты, Бэль переселился въ Роттердамъ, гдѣ продолжалъ преподавать философію. Къ этому году относится первое его сочиненіе — о кометѣ[1]) — въ которомъ онъ съ безпощадною логикою и неотразимою аргументаціею доказывалъ, что „кометы никоимъ образомъ не предвѣщаютъ несчастія“. Въ XVII стол. эта мысль была настолько еретическою, что возбудила противъ автора цѣлую бурю, отъ которой, казалось, только крѣпли и закалялись его сужденія. Съ каждымъ новымъ произведеніемъ его направленіе выступало все рельефнѣе и отчетливѣе, вызывая все бо́льшія нападки противной стороны: его „Critique général de l'istoire du calvinisme de Mr. Maimbourg“ была сожжена въ Парижѣ на Гревской площади; его журналъ „Nouvelles de la République

---

[1]) Lettre à M. L. A. D. C. docteur de Sorbonne. Où il est prouvé par plusieurs raisons tirées de la philosophie et de la théologie que les comètes ne sont point le présage d'aucun malheur. Avec plusieurs réflexions morales et politiques et plusieurs observations historiques, et la réfutation de quelques erreurs populair. Cologne, 1682. Какъ въ большей части сочиненій Бэля, здѣсь нѣтъ имени автора и мѣсто печатанія показано умышленно невѣрно.

des Lettres", въ которомъ онъ давалъ отчетъ о всѣхъ литературныхъ новостяхъ, представлялъ широкое поприще для выраженія новыхъ взглядовъ, для бичеванія предразсудковъ, для проповѣди сомнѣнія и противорѣчія, но, въ то же время, увеличивалъ число его враговъ, ожесточалъ старовѣровъ. Въ 1685 г., вслѣдъ за отмѣной нантскаго эдикта, Бэль издалъ брошюру „Ce que c'est que la France toute catholique sous le regne de Louis le Grand", въ которой доказывалъ, что „попы и монахи всюду вносятъ съ собою раздоръ, возмущеніе и жестокость", и проповѣдовалъ необходимость терпимости. Въ чисто полемической „La cabale chimérique" разсказаны мерзости, которыми враги Бэля силились отравить его жизнь. Отчетливѣе и полнѣе всего направленіе Бэля выразилось въ его послѣднемъ огромномъ трудѣ „Dictionnaire historique et critique", гдѣ подверглись пересмотру всѣ вопросы морали, философіи, политики, жизни. Иногда парадоксами, чаще логическими доводами Бэль совлекаетъ съ своего читателя „ветхаго человѣка", разрушаетъ его вѣрованія, громитъ предразсудки, колеблетъ убѣжденія, замѣняя ихъ плодотворнымъ сомнѣніемъ, и проповѣдуетъ невѣріе, прикрывая его широкою терпимостью. Въ этомъ отношеніи Бэль является предтечей Вольтера, а его Dictionnaire — прообразомъ Encyclopédie XVIII вѣка.

Опуская латинскія и греческія цитаты, приводимыя Бэлемъ безъ перевода, Екатерина, вѣроятно, только пробѣгала глазами теологическіе споры, философскія разсужденія и филологическія замѣтки, которыми усѣянъ „Словарь"; она сосредоточивала вниманіе на матерьялѣ ей доступномъ, и этого матерьяла оказалось такъ много, что требовалось около полугода для прочтенія каждаго тома. Въ „Словарѣ" Екатерина встрѣтила много совершенно новыхъ для нея понятій, а старыя представились въ совершенно новомъ освѣщеніи. Здѣсь она узнала, что при перемѣнѣ вѣры, даже самой искренней, нѣтъ надобности ни отвергать все, чему учило старое исповѣданіе, ни принимать все, что проповѣдуетъ новое; она впервые прочла новый для нея политическій догматъ о верховныхъ правахъ народа (la souveraineté du peuple), рядомъ съ признаніемъ,

что „короли великіе бездѣльники“; бывшая цербстская принцесса увидѣла, какъ французскіе короли низко цѣнятъ браки съ нѣмецкими принцессами; Екатерина убѣждалась, что мораль M-lle Кардель и истины почтеннаго Вагнера не выдерживаютъ критики Бэля, что традиціи Цербста и обычаи Петербурга весьма условны, что какъ въ морали, такъ въ политикѣ и жизни нѣтъ ни вѣчныхъ истинъ, ни неоспоримыхъ принциповъ[1]).

Быть можетъ, Екатерина читала въ это время и другія еще книги, кромѣ указанныхъ выше; быть можетъ, указанныя она читала не въ томъ порядкѣ, какой приведенъ ею-же въ своихъ „Запискахъ“ — письма Севиньé прерывались, вѣроятно, романами, „Словарь“ Бэля бросался для разсказовъ Брантома. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что въ самообразованіи Екатерины, выразившемся въ чтеніи, играетъ важную роль 1754 годъ, годъ рожденія ею перваго ребенка: до этого времени она читала Севинье, Перефикса, Брантома и закончила „Словаремъ“ Бэля; послѣ 1754 г. на ея столѣ явятся произведенія Вольтера, Монтескье, Тацита и, наконецъ, Encyclopédie. Изъ этого простого перечня именъ легко уже видѣть разницу этихъ двухъ періодовъ самообразованія, раздѣленныхъ столь важнымъ для Екатерины событіемъ, какъ рожденіе сына: въ первомъ, разсмотрѣнномъ нами періодѣ, только накоплялся матерьялъ, разработка котораго принадлежитъ уже второму періоду.

---

[1]) Il faut avouer que les rois sont de grands fripons (II, 743). Les maximes de l'art de regner sont contraires à l'exacte probité (III, 170). Ср. I, 40; II, 740 и т. д. Подобныя замѣчанія разсѣяны во всѣхъ томахъ.

XXIII.

Святки 1750 года были особенно оживлены въ Петербургѣ. При дворѣ балы смѣнялись маскарадами и танцамъ не было конца. Одинъ изъ такихъ вечеровъ остался памятенъ Екатеринѣ:

„Въ то время я очень любила танцовать. На большихъ балахъ я обыкновенно раза три мѣняла платье; мои туалеты бывали самые изысканные, и если мое маскарадное платье заслуживало общія похвалы, я ужь его, конечно, болѣе не надѣвала, держась правила, что платье произведшее уже разъ эффектъ, во второй разъ не произведетъ такого впечатлѣнія. На малые балы, гдѣ публика не присутствовала, я одѣвалась возможно скромнѣе, что нравилось императрицѣ, которая не любила, чтобъ на эти балы являлись слишкомъ разодѣтыми. Зато въ тѣ маскарады, когда дамы являлись въ мужскомъ костюмѣ, а мущины — въ дамскомъ, я наряжалась въ великолѣпное платье, вышитое по всѣмъ швамъ и съ большимъ вкусомъ, за что не получала выговоровъ — напротивъ: не знаю почему, но императрицѣ это очень нравилось. Надо сознаться, что тогда кокетство было въ большомъ ходу при дворѣ, и всѣ старались перещеголять другъ друга нарядами. Помню, какъ, однажды, узнавъ, что для одного изъ такихъ большихъ маскарадовъ всѣ готовили себѣ новыя платья, одно лучше другого, и отчаяваясь перещеголять другихъ, я придумала себѣ корсажъ изъ бѣлаго гродетура (у меня была тогда очень тонкая талія), такую же юбку на маленькихъ фижмахъ; длинные, густые и очень хорошіе волосы я зачесала назадъ, перехвативъ ихъ бѣ-

лою ленточкою „en queue de renard", на голову приколола одну только розу, съ бутономъ и листьями, точно живую, другую розу — къ корсажу; надѣла бѣлый газовый шарфъ, газовыя манжеты, газовый передничекъ, и отправилась на балъ. Едва я вошла, всѣ обратили на меня вниманіе. Я прошла, не останавливаясь, галерею, прямо въ сосѣднія комнаты. Тамъ императрица встрѣтила меня восклицаніемъ: „Боже мой, какая простота! Какъ, даже ни одной мушки"! Я засмѣялась, и сказала, что такъ легче. Она вынула изъ кармана коробочку съ мушками, выбрала одну средней величины и налѣпила мнѣ на щеку. Возвратясь въ галерею, я показала императрицыну мушку не только своимъ дамамъ, но и любимицамъ Ея величества. Это меня развеселило, и я танцовала больше обыкновеннаго. Не помню, чтобъ когда нибудь въ своей жизни я слышала отъ всѣхъ столько похвалъ, какъ въ этотъ вечеръ. Всѣ находили, что я прекрасна, какъ день, и какъ-то особенно прелестна. По правдѣ сказать, я никогда не считала себя очень красивою, но я нравилась, и въ этомъ, полагаю, заключалась моя сила"[1]).

Въ то время эту „силу" чувствовали очень многіе, и только сама Екатерина не сознавала ея. Лѣтомъ 1749 г., когда молодой дворъ ютился въ скучномъ Раевѣ, имѣніи Чоглоковыхъ, туда пріѣзжалъ чуть не каждый день малороссійскій гетманъ, молодой графъ Кирилъ Григорьевичъ Разумовскій — обѣдалъ при велико-княжескомъ дворѣ, ужиналъ и возвращался въ свое Петровское, дѣлая ежедневно отъ 40 до 50 верстъ. „Лѣтъ двадцать спустя, говоритъ Екатерина, мнѣ вздумалось спросить графа, что его заставляло пріѣзжать въ Раево и дѣлить съ нами скучную и глупую жизнь, тогда какъ у него въ Петровскомъ собиралось ежедневно все лучшее общество Москвы. Онъ не запинаясь, отвѣчалъ: „Любовь". — „Что Вы — да въ кого же вы могли быть влюблены у насъ"? — „Въ кого? въ васъ". Я отъ души расхохоталась, потому что въ жизнь свою не подозрѣвала объ этой любви"[2]). Ея положеніе, какъ великой княгини, устраняло въ то

---

1) *Mémoires*, 155. — 2) *Mémoires*, 113.

время всякую мысль о возможности любовной интриги, хотя она жила въ атмосферѣ, насыщенной любовными стремленіями. Гофмаршалъ малаго двора, Чоглоковъ, въ интригѣ съ фрейлиною Кошелевою; ея гофмейстерина Чоглокова — съ княземъ Репнинымъ; при большомъ дворѣ новый фаворитъ И. И. Шуваловъ; великій князь безъ перерыва влюбляется то въ ту, то въ другую фрейлину. Среди этой обстановки сердце Екатерины оставалось до времени спокойно, и она не имѣла случая провѣрить сердечный крикъ г-жи Скюдери:

Sans employer la langue, il est des interprètes
Qui parlent clairement des atteintes secrètes:
Un soupir, un regard, une simple rougeur,
Un silence est assez pour expliquer un coeur,

Случай вскорѣ представился. Въ 1749 г. Екатерина даже не подрозѣвала, что Графъ Кириллъ Разумовскій именно для нея пріѣзжалъ въ Раево; спустя годъ, въ 1750 г., она съ ужасомъ стала замѣчать, что Чоглоковъ относится къ ней съ особеннымъ вниманіемъ: „Прежде всего, онъ мнѣ вовсе не нравился — онъ былъ блондинъ и нахалъ; слишкомъ толстъ и умомъ столько же неповоротливъ, какъ и тѣломъ; его всѣ ненавидѣли, какъ волокиту, и онъ вовсе не былъ любезенъ". Такимъ образомъ, Чоглоковъ отвергнутъ потому только, что не нравился — онъ толстъ, неуклюжъ, нелюбезенъ. Этого нельзя было сказать про графа Захара Григорьевича Чернышева. Молодой камеръ-юнкеръ, умный, веселый, удаленный отъ двора еше по просьбѣ цербстской княгини, Захаръ Чернышевъ давно уже нравился Екатеринѣ; въ 1751 г. онъ опять появился при дворѣ.

„Онъ началъ съ того — говоритъ Екатерина, — что сказалъ мнѣ, будто я очень похорошѣла; въ первый разъ въ моей жизни я услышала подобныя рѣчи. Это мнѣ понравилось; мало того; я имѣла малодушіе считать, что онъ говоритъ правду. На каждомъ балу какое нибудь новое замѣчаніе въ этомъ же родѣ. Однажды, княжна Гагарина принесла мнѣ отъ него девизу, разламывая которую я замѣтила, что она была уже вскрыта, расклеена. Какъ во всѣхъ девизахъ, въ ней находился печатный би-

летикъ — это были два стиха, очень нѣжные и чувствительные. Послѣ обѣда я приказала принести себѣ девизы и стала искать такого билетика, который, не выдавая меня могъ бы служить отвѣтомъ, на его билетикъ. Я отыскала такой, вложила его въ девизъ, изображавшій апельсинъ, и отдала княжнѣ Гагариной для передачи графу Чернышеву. На другой день она принесла мнѣ отъ него другой девизъ, но на этотъ разъ на билетикѣ было нѣсколько строкъ его руки; я тотчасъ же отвѣчала, и вотъ между нами завязалась очень чувствительная переписка. Въ первый же послѣ этого маскарадъ, танцуя со мною, онъ сказалъ, что хотѣлъ бы о многомъ переговорить со мною,. чего не можетъ довѣрить ни бумагѣ, ни девизу, который княжна Гагарина можетъ или сломать въ карманѣ, или утерять; онъ просилъ, чтобъ я назначила ему свиданіе въ своей комнатѣ или гдѣ найду болѣе удобнымъ. Я отвѣчала, что это положительно невозможно — комнаты мои недоступны и я сама не могу выходить изъ нихъ. Онъ сказалъ, что, если нужно, готовъ переодѣться лакеемъ; я наотрѣзъ отказала ему, и все ограничилось этою перепискою чрезъ девизы"[1])

Да, до времени, и вотъ почему: въ числѣ камергеровъ великокняжескаго двора состояли два брата Салтыковы, сыновья генералъ-адъютанта Василія Ѳедоровича, жена котораго, Марья Алексѣевна, рожд. княжна Голицына, пользовалась особенною милостью Елизаветы Петровны, вслѣдствіе нѣкоторыхъ услугъ, оказанныхъ ею при восшествіи императрицы на престолъ[2]). Въ глазахъ Екате-

---

[1]) *Mémoires*, 18, 26, 77, 166. Очень вѣроятно, что вначалѣ эта переписка была, дѣйствительно, вполнѣ невиннаго свойства, но впослѣдствіи она приняла совершенно иной характеръ, если судить о ней по сохранившимся образцамъ. Любовныя записочки Екатерины къ гр. Захару Чернышеву, если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, важнѣйшія, были найдены задѣланными въ стѣну колокольни, въ томъ селѣ Задонскаго уѣзда, которое нѣкогда принадлежало графамъ Чернышевымъ. Всего найдено 23 записки; онѣ напечатаны, какъ „Любовныя записочки высокой особы XVIII вѣка", въ *Русск. Архивѣ* за 1881 г., I, 390. Для характеристики Екатерины весьма важно послѣднее письмо (401) — [2]) Приложеніе VI, письмо 14-е.

рины братья являлись противоположностью другъ другу; старшій, Петръ Салтыковъ „былъ дуракъ въ полномъ смыслѣ слова и обладалъ самою глупою физіономіею, какую я когда-либо видѣла въ моей жизни: большіе оловянные глаза, вздернутый носъ, ротъ всегда полуоткрытый ко всему этому онъ былъ страшный сплетникъ"; младшій, Сергѣй Салтыковъ „былъ прекрасенъ, какъ день, и, конечно, никто не могъ съ нимъ равняться даже при большомъ дворѣ, не говоря уже про нашъ. Онъ былъ довольно уменъ и обладалъ тою прелестью обращенія, тѣми мягкими манерами, какія пріобрѣтаются жизнью въ большомъ свѣтѣ, особенно при дворѣ. Въ 1752 г. ему было 26 лѣтъ. Вообще и по рожденію, и по многимъ другимъ качествамъ, это была выдающаяся личность. У него были недостатки, но онъ умѣлъ скрывать ихъ; величайшіе его недостатки заключались въ склонности къ интригѣ и въ отсутствіи строгихъ правилъ; но все это было мнѣ неизвѣстно тогда". Къ тому же родъ Салтыковыхъ „былъ однимъ изъ самыхъ древнихъ и самыхъ знатныхъ родовъ въ Россіи; онъ находился даже въ свойствѣ съ императорскимъ домомъ, такъ какъ мать императрицы Анны Ивановны, царица Прасковья Θедоровна, была изъ рода Салтыковыхъ". Въ 1750 г. Сергѣй Салтыковъ женился, по любви, на красивой фрейлинѣ императрицы Матренѣ Павловнѣ Балкъ[1]).

Съ весны 1752 года Екатерина „стала замѣчать, что камергеръ Сергѣй Салтыковъ что-то чаще обыкновеннаго пріѣзжаетъ ко двору"; сверхъ того, онъ началъ всячески подлащиваться къ Чоглоковымъ, а „такъ какъ Чоглоковы вовсе не были ни любезны, ни умны, ни занимательны, то частыя посѣщенія ихъ Салтыковымъ могли быть объяснены только какими нибудь скрытыми цѣлями". Чоглокова была въ это время въ интересномъ положеніи, часто хворала; она просила Екатерину навѣщать ее, а когда великая княгиня приходила къ своей гофмейстеринѣ, она всегда заставала тамъ Льва Нарышкина, игравшаго роль шута, свою фрейлину княжну Гагарину, нѣсколько придворныхъ

---

[1]) *Mémoires*, 145—147, 174; *Laveaux*, III, 46.

дамъ, кавалеровъ и непремѣнно Сергѣя Салтыкова. По вечерамъ, на концертахъ у великаго князя всегда присутствовалъ Чоглоковъ, стѣснявшій всѣхъ — Сергѣй Салтыковъ нашелъ средство обезвредить Чоглокова: онъ открылъ въ немъ удивительный поэтическій талантъ, и Чоглоковъ охотно, по первой же просьбѣ, садился въ уголъ, „чаще всего къ печкѣ", и принимался риѳмовать пѣсни; Левъ Нарышкинъ тутъ же подбиралъ мотивъ къ этой чепухѣ, и всѣ приходили, конечно, въ восторгъ, находя стихи безподобными; а пока Чоглоковъ коптѣлъ надъ риѳмами, „у насъ шелъ непринужденный разговоръ — всякій говорилъ что хотѣлъ. Кончалась одна пѣсенька, Чоглокова засаживали за другую. Екатерина говоритъ, что у нее набралась толстая книга этихъ пѣсень — требовалось, значитъ, довольно часто отвлекать вниманіе Чоглокова.

Въ одинъ изъ такихъ концертовъ, пока Чоглоковъ сочинялъ стишки, Сергѣй Салтыковъ объяснилъ великой княгинѣ настоящую причину своихъ частыхъ появленій при дворѣ. Екатерина молча выслушала его признаніе и ничего не отвѣчала. „Когда же онъ въ другой разъ заговорилъ о томъ же, я спросила его, на что онъ расчитываетъ? Тогда онъ нарисовалъ плѣнительную и страстную картину того счастья, на которое онъ расчитывалъ. — „А ваша жена, на которой вы женились по страсти, всего лишь два года, въ которую, говорятъ, вы влюблены и она въ васъ — что она скажетъ на это"? Салтыковъ сталъ говорить, что не все то золото, что блеститъ, что онъ дорого заплатилъ за минуту ослѣпленія. Я употребляла всевозможныя средства, чтобы отвлечь его отъ этого; но мнѣ было жаль его и, по несчастію, я продолжала слушать его". Такъ, желая отдѣлаться отъ его ухаживаній, Екатерина намекнула Салтыкову, что его выборъ очень неудаченъ, и прибавила: „Почемъ вы знаете — можетъ быть, мое сердце уже занято"? Екатерина расчитывала, что это образумитъ Салтыкова, но ошиблась: „его преслѣдованіе сдѣлалось только еще болѣе настойчивымъ".

Такъ прошла весна и часть лѣта. Въ августѣ Чоглоковъ устроилъ у себя на острову охоту на зайцевъ.

„Мы отправились въ шлюпкахъ; тамъ были уже приготовлены лошади. Какъ только вышли на берегъ, я вскочила на лошадь, и мы поскакали за собаками. Сергѣй Салтыковъ улучилъ минуту, когда всѣ были заняты зайцами, подъѣхалъ ко мнѣ и завелъ рѣчь на излюбленную имъ тему. Я слушала его внимательнѣе обыкновеннаго. Онъ рисовалъ мнѣ придуманный имъ планъ, какъ держать въ глубокой тайнѣ то счастіе, которымъ можно наслаждаться въ подобномъ случаѣ. Я не проронила ни слова; пользуясь моимъ молчаніемъ, онъ сталъ говорить, что страстно любитъ меня и просилъ у меня позволенія быть увѣреннымъ, что я, по крайней мѣрѣ, не совсѣмъ равнодушна къ нему. Я отвѣчала, что не могу мѣшать ему наслаждаться своими фантазіями сколько ему угодно. Онъ началъ перебирать всѣхъ придворныхъ и заставилъ меня согласиться, что онъ лучше другихъ; изъ этого онъ заключилъ, что мой выборъ долженъ пасть на него. Я смѣялась, слушая его; но въ сущности онъ нравился мнѣ. Разговоръ длился часа полтора; и я стала прогонять его, такъ какъ такой продолжительный разговоръ могъ возбудить подозрѣнія. Онъ отвѣчалъ, что не уйдетъ отъ меня пока не услышитъ, что я неравнодушна къ нему. — „Да, да, но только убирайтесь". — „Хорошо, слово дано", сказалъ онъ и пришпорилъ лошадь. Я закричала ему вслѣдъ: „Нѣтъ, нѣтъ"! Онъ отвѣчалъ „Да, да". На этомъ мы разстались"[1]).

И вскорѣ должны были разстаться надолго. Дѣло въ томъ, что и въ обществѣ, не только при дворѣ, „глубокія тайны" очень рѣдко остаются тайнами. На этотъ разъ великій князь первый замѣтилъ, что „Салтыковъ и моя жена обманываютъ Чоглокова и потомъ смѣются надъ нимъ". Какіе-то глухіе толки дошли и до императрицы. Елизавета Петровна сдѣлала строгій выговоръ Чоглоковой, обозвала ея мужа „колпакомъ", который позволяетъ „соплякамъ" водить себя за носъ. Сопляки почуяли приближеніе грозы и разбѣжались: Сергѣй Салтыковъ и Левъ Нарышкинъ взяли мѣсячный отпускъ и

1) *Mémoires*, 172—175.

отправились навѣщать своихъ родныхъ, внезапно и очень опасно захворавшихъ. Салтыковъ у родныхъ простудился, заболѣлъ, что значительно продолжило его отсутствіе.

Прошла осень, наступила зима, а съ нею опять балы, маскарады, танцы, которые Екатерина такъ любила. Къ сожалѣнію, въ это время около великой княгини не было ни одной пожилой женщины, съ которою она могла бы посовѣтоваться — даже Чоглокова, въ ожиданіи родовъ, не выходила изъ комнаты. Въ половинѣ декабря была назначена поѣздка двора въ Москву. Екатерина выѣхала изъ Петербурга „съ легкими признаками беременности", на которые, по молодости, не обратила должнаго вниманія. Бывшій съ нею великій князь оказался въ этомъ случаѣ столь же неопытнымъ, какъ и Екатерина. „Мы ѣхали очень скоро; ѣхали день и ночь. На послѣдней станціи передъ Москвою обнаружилась сильная рѣзь въ животѣ и признаки беременности исчезли. Я пріѣхала въ Москву больная".

Екатерина скоро поправилась. Въ февралѣ 1752 г. пріѣхала въ Москву Чоглокова; нѣсколько дней спустя прибылъ и Салтыковъ; еще раньше явился Левъ Нарышкинъ. Опять составился прежній интимный кружокъ, съ тою, однако, разницею, что послѣ петербургскихъ толковъ, Сергѣй Салтыковъ сталъ рѣже являться ко двору, что „меня очень огорчало", прибавляетъ Екатерина. Въ Москвѣ Екатерина впервые сблизилась съ Бестужевымъ — они нуждались другъ въ другѣ: оба были окружены врагами; Екатеринѣ нуженъ былъ совѣтъ Бестужева, канцлеру — поддержка великой княгини, и они подали другъ другу руки. Посредникомъ для взаимныхъ сношеній, которыя осторожность требовала скрывать отъ подозрительныхъ глазъ, былъ Салтыковъ[1]). Въ Москвѣ же, вѣроятно въ мартѣ, произошла извѣстная сцена съ Чоглоковой, получившей недавно выговоръ за неисполненіе второго пункта инструкціи. Эта сцена такъ разсказана въ „Запискахъ" Екатерины:

„Чоглокова, всегда занятая своими заботами о пре-

---

[1]) *Mémoires*, 185.

столонаслѣдіи, сказала мнѣ: „Послушайте, я хочу поговорить съ вами совершенно откровенно“. Я, понятно, вся обратилась въ слухъ. Она начала длиннымъ разглагольствованіемъ о своей привязанности къ мужу, о своемъ благоразуміи, о томъ, что нужно и чего не нужно для взаимной любви и для облегченія супружескихъ узъ, и потомъ ограничилась заявленіемъ, что бываютъ иногда положенія высшаго порядка, допускающія исключенія изъ правила. Я дала ей говорить все, что она желаетъ, не прерывала ее и не понимала куда она клонитъ; я была нѣсколько удивлена и не знала, ставитъ-ли она мнѣ ловушку или говоритъ искренно. Пока я внутренно размышляла объ этомъ, она сказала мнѣ: „Вы увидите, люблю-ли я свое отечество и насколько я искренна — не можетъ быть, что бы кое-кто вамъ не нравился; предоставляю вамъ выбирать между Сергѣемъ Салтыковымъ и Львомъ Нарышкинымъ. Если я не ошибаюсь, то избранникъ Нарышкинъ“. Я невольно вскричала: „Нѣтъ, вовсе нѣтъ“. — „Ну, если не Нарышкинъ, то ужь, конечно, Салтыковъ“. На это я промолчала, а она продолжала: „Вы увидите, что отъ меня не будетъ вамъ затрудненій“[1]).

И на этотъ разъ, разговоръ, хотя и вполнѣ искренній со стороны Чоглоковой, не имѣлъ никакихъ послѣдствій и не измѣнилъ поведенія ни великой княгини, ни ея гофмейстерины. Екатерина продолжала вести прежній образъ жизни; не измѣнилась и Чоглокова. Даже выказанная ею въ разговорѣ искренность не заставила Чоглокову быть внимательнѣе къ великой княгинѣ. Такъ, напримѣръ,

---

[1]) *Mémoires*, 176, 179, 183, 184, 187. Такъ эта сцена записана самой Екатериной, которая могла измѣнить подробности, запамятовать частности, но общій смыслъ переданъ ею вѣрно: эта сцена 1753 года логически вытекаетъ изъ инструкціи 1746 г. Бестужеву, какъ составителю инструкціи, лучше чѣмъ кому-либо была извѣстна ея цѣль, и, незадолго до того, какъ Чоглокова разговаривала съ Екатериной, Бестужевъ говорилъ Салтыкову: „Въ благодарность за доброе расположеніе, которое великая княгиня изволитъ мнѣ оказывать, я сдѣлаю ей услугу, которую, я полагаю, она вполнѣ оцѣнитъ: Владиславова станетъ кротка какъ агнецъ и будетъ готова на всѣ услуги“ (*Mémoires*, 186). Разнымъ языкомъ, но оба, Чоглокова и Бестужевъ, говорили одно и то же.

она, какъ оберъ-гофмейстерина, имѣла полную возможность и даже была обязана отстранить поѣздку въ Люберцы: въ этомъ селѣ, принадлежавшемъ великому князю, не было даже дома, и великая княгиня должна была жить въ палаткѣ, разбитой на дворѣ строившагося дома, гдѣ шумъ и крики рабочихъ не давали никому покоя. Чоглокова не могла не знать, что великая княгиня пріѣхала въ Люберцы уже въ интересномъ положеніи, требовавшемъ особенной осторожности въ виду бывшаго примѣра; а между тѣмъ Екатерина по-прежнему принимаетъ участіе въ прогулкахъ великаго князя и даже въ охотѣ. Такое невниманіе къ положенію великой княгини не замедлило обнаружиться: 29-го іюня, въ день имянинъ своего супруга, Екатерина „нарядилась, присутствовала на богослуженіи, обѣдала за большимъ столомъ, танцовала на балѣ, была за ужиномъ", а на другой день выкинула.

На этотъ разъ Екатерина поправилась не такъ скоро. Первыя двѣ недѣли она была между жизнью и смертью; въ теченіе шести недѣль не выходила изъ комнаты. Осень 1753 г. великокняжескій дворъ опять провелъ въ Люберцахъ, въ только что отстроенномъ дворцѣ, очень красивомъ и довольно помѣстительномъ. „Каждый вечеръ устраивались танцы", и, повидимому, теперь въ Люберцахъ жилось довольно весело.

На одномъ изъ такихъ вечеровъ великій князь долго шептался съ Чоглоковымъ, все еще разыгрывавшимъ роль влюбленнаго въ великую княгиню, послѣ чего Чоглоковъ насупился, сталъ задумчивъ и какъ-то холодно относился къ Салтыкову. Фаворитка великаго князя, дѣвица Мареа Шафирова, выдала своего обожателя, сообщивъ, что великій князь нѣсколько уже разъ говорилъ ей: „Салтыковъ и жена моя неслыханнымъ образомъ обманываютъ Чоглокова; онъ влюбленъ въ великую княгиню, а она терпѣть его не можетъ. Чоглоковъ полагается на Салтыкова, который увѣряетъ его, будто старается у моей жены въ его пользу, между тѣмъ какъ онъ старается для самаго себя, а она — она терпитъ Салтыкова, потому что ей съ нимъ весело и она пользуется имъ, чтобъ дѣлать изъ Чоглокова что ей угодно; на самомъ же дѣлѣ она смѣется надъ ними

обоими (et au fond elle se moque de tous les deux). Я долженъ разувѣрить бѣднягу Чоглокова, котораго мнѣ жаль; я долженъ сказать ему правду, тогда онъ увидитъ, кто истинный другъ ему — я или моя жена"[1]).

Великій князь естественно являлся въ этомъ случаѣ наиболѣе компетентнымъ судьею, и онъ вполнѣ обѣлялъ свою супругу, говоря, что она „смѣется надъ обоими" вздыхателями, надъ Чоглоковымъ и надъ Салтыковымъ. Это категорическое заявленіе великаго князя должно было прекратить всѣ придворные сплетни и розсказни. Конечно, только „должно было", но не прекратило, не смотря даже на то, что въ это именно время при великокняжескомъ дворѣ произошли довольно серьезныя личныя перемѣны: гофмейстерина Чоглокова, „не смотря на все свое благоразуміе, возъимѣла полное отвращеніе къ мужу и воспылала страстью къ князю Петру Ивановичу Репнину"; фрейлина великой княгини престарѣлая княжна Гагарина вышла замужъ за красавца Матюшкина; гофмаршалъ Чоглоковъ, въ апрѣлѣ 1754 г., умеръ, и его замѣнилъ въ должности гофмаршала великаго князя Александръ Ивановичъ Шуваловъ. Екатерина, въ то время беременная въ третій разъ, такъ посмотрѣла на это назначеніе:

„Этотъ Шуваловъ, не самъ по себѣ, а по занимаемому имъ мѣсту, былъ пугаломъ двора, города, всей имперіи. Онъ былъ начальникомъ государственнаго инквизиціоннаго судилища, которое тогда называлось тайною канцеляріею. Говорили, будто именно отъ этой должности у него сдѣлались особаго рода судорожныя движенія во всей правой сторонѣ лица, отъ глаза до подбородка, проявлявшіяся при всякомъ волненіи — отъ радости или гнѣва, отъ страха или опасенія. Удивительно, какимъ образомъ человѣка съ такими отвратительными гримасами могли выбрать въ постоянные спутники молодой беременной женщины! Полагаю, императрица очень сердилась бы, еслибъ я родила ребенка съ такими подергиваніями. Между тѣмъ, это весьма могло случиться, такъ какъ я постоянно видѣла его передъ собою, не только безъ удо-

---

1) *Mémoires*, 188, 191, 202.

вольствія, но всегда съ отвращеніемъ, внушаемымъ и его личностью, и его роднею, и его должностью инквизитора, отъ чего бесѣда съ нимъ не становилась, конечно, пріятнѣе"[1]). Кажется, соображенія вполнѣ понятныя и дѣлающія честь будущей матери.

Въ іюнѣ дворъ возратился изъ Москвы[2]), лѣто провелъ въ Петергофѣ и въ концѣ августа переѣхалъ въ Петербургъ, въ лѣтній дворецъ.

„Какъ громомъ поразила меня вѣсть — говоритъ Екатерина — что для родинъ мнѣ приготовили двѣ комнаты, на другомъ концѣ дворца, рядомъ съ покоями императрицы. Александръ Шуваловъ повелъ меня посмотрѣть ихъ — это были двѣ комнаты, какъ всѣ комнаты лѣтняго дворца, скучныя, съ однимъ выходомъ, дурно убранныя пунцовою камкою, почти безъ мебели и безъ всякихъ удобствъ. Я поняла, что буду въ нихъ совершенно одинока, безъ всякаго общества, несчастна какъ сирота. Я сказала объ этомъ Салтыкову и княжнѣ Гагариной; хотя они и не любили другъ друга, но ихъ соединяла дружба ко мнѣ. Они были совершенно согласны со мною, но помочь дѣлу не могли. Я должна была перейти въ эти комнаты, очень удаленныя отъ комнатъ великаго князя. Во вторникъ, вечеромъ, я легла въ постель и ночью проснулась отъ болей"[3]). Повивальная бабка фонъ-Дершартъ[4]) объявила, что великая княгиня „скоро ро-

---

[1]) *Mèmoires*, 206, 210, 212. Екатерина не ошибалась; въ письмѣ отъ 7-го апрѣля 1754 г. она извѣщаетъ свою мать, что въ октябрѣ предстоитъ разрѣшеніе отъ бремени. *Herrmann*, Hof, 300. — [2]) Переѣздъ изъ Москвы въ Петербургъ длился около мѣсяца: въ виду беременности великой княгини дѣлали не болѣе 30 верстъ въ день, о чемъ Екатерина сообщала матери въ письмѣ отъ 21-го августа 175ч г. (*Herrmann*, Hof, 302. — [3]) *Mèmoires*, 215. Екатерина ошибается, говоря, что это было во вторникъ: канунъ рожденія Павла Петровича, 19-е сентября приходилось въ 1754 году въ понедѣльникъ. *Laveaux*, I, 77; III, 46—58.

[4]) Въ 1765 году повивальная бабка Адріана фонъ-Дершартъ обратилась къ императрицѣ Екатеринѣ II съ просьбою, въ которой заявляла, что она была принята въ 1754 году въ службу ко двору для пріема великаго князя Павла Петровича, что императрица Елизавета Петровна хотѣла „ей пріискать въ наслѣдство деревню", но

дитъ“. Разбудили великаго князя, дали знать императрицѣ, Шувалову; въ два часа ночи всѣ собрались къ комнатѣ родильницы. Спустя десять часовъ, около полудня, во вторникъ, 20-го сентября 1754 года, Екатерина родила сына. „Какъ только его спеленали, императрица позвала своего духовника, который нарекъ ребенка именемъ Павла; вслѣдъ затѣмъ императрица приказала повивальной бабкѣ взять младенца и слѣдовать за нею“. За императрицей ушли всѣ остальныя лица, бывшія при родахъ; Екатерина осталась одна.

„Я осталась — вспоминаетъ Екатерина — на родильной постели. Постель эта стояла насупротивъ двери, сквозь которую я видѣла свѣтъ; сзади меня два громадныя окна, плохо затворявшіяся; справа и слѣва постели двѣ двери — одна въ мою уборную, другая въ комнату Владиславовой. Какъ только удалилась императрица, великій князь ушелъ къ себѣ, за нимъ графъ и графиня Шуваловы, и я никого больше не видѣла до трехъ часовъ. Я много потѣла, просила Владиславову перемѣнить бѣлье, перевести меня въ мою постель — она отвѣчала, что не смѣетъ. Она нѣсколько разъ посылала за бабушкой, но та не приходила. Я просила пить, но получала тотъ же отвѣтъ. Наконецъ, уже послѣ трехъ часовъ, явилась графиня Шувалова, вся разодѣтая. Увидѣвъ меня все на томъ же мѣстѣ, на которомъ она меня оставила, она ужаснулась, сказавъ, что такъ можно уморить меня. Въ этомъ было мало утѣшительнаго для меня, заливавшейся слезами съ той минуты, какъ я родила, и особенно отъ того, что меня всѣ бросили одну, въ дурномъ помѣщеніи, послѣ тяжелыхъ и болѣзненныхъ усилій, между дверьми и окнами, плохо затворявшимися; никто не смѣлъ перенести меня на мою постель, которая была въ двухъ шагахъ, а я сама не имѣла силы перейти. Шувалова тот-

---

не успѣла и умерла; между тѣмъ сынъ просительницы вступилъ въ компанію съ голландскимъ купцомъ Андреемъ Греномъ и разорился, причемъ на немъ числится небольшой долгъ казнѣ; Дершартъ просила простить ея сыну этотъ долгъ. На докладѣ Екатерина II положила 1-го августа 1765 г. слѣдующую резолюцію: По причинѣ сей не взыскивать“ (*Архивъ Сената*, кн. 115, л. 126).

часъ же ушла и, вѣроятно, она велѣла позвать бабушку, потому что съ полчаса спустя пришла бабушка и сказала, что императрица была занята новорожденнымъ и не отпускала ее ни на минуту. Обо мнѣ же вовсе и не думали. Такое забвеніе или презрѣніе не было для меня особенно лестно. Я умирала отъ жажды. Наконецъ, меня перенесли на мою постель, и я въ этотъ день никого уже болѣе не видѣла; никто не присылалъ даже навѣдаться о моемъ здоровьѣ. Великій князь только пилъ съ своими приближенными, императрица занималась исключительно новорожденнымъ. На другой же день я начала чувствовать нестерпимую ревматическую боль отъ бедра вдоль голени лѣвой ноги. Боль эта не давала мнѣ спать; къ этому еще привязалась сильная лихорадка. Не смотря на то и въ этотъ день я удостоилась такого же вниманія: я никого не видѣла и никто не интересовался моимъ здоровьемъ. Великій князь заходилъ, правда, на минутку, но тотчасъ же ушелъ, сказавъ, что ему некогда оставаться со мною. Я только плакала и стонала въ постели; въ комнатѣ была одна Владиславова; она въ душѣ жалѣла меня, но не могла помочь мнѣ" [1]).

25-го сентября происходили крестины новорожденнаго. Обрядъ былъ совершенъ съ обыкновенною торжественностью, причемъ воспріемницею отъ купели была императрица-королева Марія-Терезія [2]). По окончаніи церемоніи, императрица пришла въ комнату великой княгини и принесла ей на золотомъ блюдѣ указъ кабинету о пожалованіи 100,000 рублей; сверхъ того, императрица подарила родильницѣ ожерелье, серьги и два перстня. Деньги очень обрадовали Екатерину, такъ какъ у нея „много было долговъ и ни копейки денегъ"; подарки же не понравились ей: „такое бѣдное ожерелье и такіе жалкіе перстни я постыдилась бы подарить моей камеръ-фрау"! Между тѣмъ, подарки остались у Екатерины, а съ деньгами ей пришлось вскорѣ разстаться. „Черезъ четыре или пять дней послѣ того, какъ мнѣ принесли пожалованныя императрицею

---

[1]) *Mémoires*, 216. — [2]) Депеша маркиза *Лопиталя* аббату Берни, отъ 12 ноября 1757 г. (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 54, f. 93).

деньги, баронъ Черкасовъ, секретарь кабинета, именемъ Бога умолялъ меня дать эти 100,000 р. въ займы кабинету — императрица спрашиваетъ денегъ, а въ кабинетѣ нѣтъ ни копейки. Оказалось, что великій князь, узнавъ, что я получила такую сумму, страшно разсердился, отчего ему ничего не дали. Онъ съ досадою говорилъ объ этомъ съ гр. Шуваловымъ; Шуваловъ передалъ это императрицѣ и она приказала выдать великому князю такую же сумму, какую я получила — для этого-то и занимали у меня деньги".

7-го октября, „на семнадцатый день послѣ родовъ — говоритъ Екатерина — мнѣ сообщили двѣ пріятныя новости разомъ: вопервыхъ, что Сергѣя Салтыкова отправляютъ въ Швецію съ извѣстіемъ о рожденіи моего сына, а, вовторыхъ, что свадьба княжны Гагариной состоится на слѣдующей недѣлѣ. Это значило, говоря яснѣе, что меня скоро лишатъ двухъ лицъ, которыхъ я наиболѣе любила изъ всѣхъ окружавшихъ меня. Я еще болѣе замкнулась въ своей комнатѣ и сильно грустила. Чтобъ не выходить, я сказала, что у меня возобновилась боль въ ногѣ, и я не могу встать съ постели; по правдѣ же сказать, я не могла и не хотѣла никого видѣть — мнѣ было очень грустно".

Только на сороковой день послѣ родовъ Екатерина впервые увидѣла своего сына. Въ этотъ день великая княгиня брала очистительную молитву, въ присутствіи императрицы, за которою внесли и новорожденнаго. „Я нашла его очень хорошенькимъ и видъ его немного порадовалъ меня". По окончаніи обряда, ребенка унесли. 1-го ноября великая княгиня принимала обычныя поздравленія[1]).

Рожденіе сына особенно перваго, у наслѣдника престола всегда представляетъ извѣстный династическій интересъ; рожденіе же Павла Петровича имѣло особое значеніе. Призывъ въ Петербургъ Карла-Петра-Ульриха изъ Голштиніи, объявленіе его наслѣдникомъ русскаго престола, женитьба его на цербстской принцессѣ имѣли

[1]) *Штелинъ*, 92; *Mémoires*, 221, 223, 225.

въ виду одну только цѣль — утвержденіе престолонаслѣдія, подвергавшагося въ послѣднее время всякимъ случайностямъ. Въ теченіе девяти лѣтъ бракъ этотъ оказывался безплоднымъ, всѣ надежды и ожиданія — напрасными[1]); тѣмъ съ бо́льшимъ восторгомъ была привѣтствована вѣсть о рожденіи сына у великой княгини. Въ данномъ случаѣ, это не была семейная радость — это было политическое событіе, полное государственнаго значенія. Елизавета Петровна могла теперь спать спокойнѣе; образъ дитяти-императора Ивана III заслонялся колыбелью новорожденнаго великаго князя; младенецъ, покоившійся въ этой колыбели, являлся опорою трона, не только ограждавшею его отъ случайностей, но, въ случаѣ крайности, представлявшею угрозу своему отцу. Этими соображеніями вполнѣ объясняется восторгъ, возбужденный рожденіемъ первенца у великой княгини. Какъ только явился на свѣтъ божій Павелъ Петровичъ, великая княгиня отошла на задній планъ; все вниманіе, всѣ взоры сосредоточивались на колыбели малютки, не на постели его родительницы. При жестокихъ нравахъ того времени это легко могло проявляться въ той грубой формѣ, которая отмѣчена въ „Запискахъ" Екатерины.

Тотчасъ послѣ крестинъ новорожденнаго начались праздники, обѣды, маскарады, иллюминаціи и фейерверки по случаю „счастливаго событія"[2]). Эти увеселенія продолжались до великаго поста, около полугода; но Екатерина, „подъ предлогомъ болѣзни, не участвовала ни въ одномъ изъ нихъ". Какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, иностранные дворы, преимущественно родственные, были

---

[1]) Эти ожиданія выражались въ слухахъ о беременности великой княгини. Въ депешѣ отъ 22-го сент. 1747 г. англійскій посланникъ сообщаетъ: There is a report in town that the Great Dutchess is with child (*Лондон. Архивъ*, Russia, № 54). Подобныя извѣстія, довольно часто встрѣчающіяся въ сообщеніяхъ иностранныхъ представителей, совершенно прекращаются уже къ 1751 году; по крайней мѣрѣ, съ 1752 г. мы не встрѣтили ни одного.

[2]) *Mémoires*, 223, 227; *Штелинъ*, 92; *Арх. кн. Воронцова*, V, 18; Qui est ce qui aurait cru alors, en ce rejouissant de la naissance de Paul, que c'est un tiran qui naissait pour la Russie?

увѣдомлены о рожденіи Павла Петровича, причемъ въ Стокгольмъ былъ отправленъ камергеръ великаго князя Салтыковъ. „Къ концу масляницы — говоритъ Екатерина — Сергѣй Салтыковъ возвратился изъ Швеціи. Во время его отсутствія великій канцлеръ графъ Бестуженъ присылалъ мнѣ всѣ извѣстія, получавшіяся отъ него, и депеши Панина, въ то время русскаго посланника въ Швеціи. Мнѣ передавала эти бумаги г-жа Владиславова, получавшая ихъ отъ своего зятя, перваго секретаря великаго канцлера; я отсылала ихъ тѣмъ же путемъ. Отъ этихъ же лицъ я узнала, что было рѣшено отправить Сергѣя Салтыкова, какъ только онъ возвратится изъ Швеціи, въ Гамбургъ, въ качествѣ русскаго представителя, на мѣсто князя Александра Голицына, котораго перемѣщали въ армію. Это новое распоряженіе не уменьшило моей грусти“.

Всѣ обстоятельства, сопровождавшія рожденіе Павла Петровича, произвели глубокое впечатлѣніе на великую княгиню. Ея самолюбіе подверглось за это время самымъ тяжкимъ испытаніямъ. Рожденіе перваго ребенка — важный переломъ въ жизни женщины; лично же для Екатерины, этотъ чисто физіологическій процессъ усложнился такими психологическими особенностями, что произвелъ цѣлый переворотъ въ ея развитіи, придавъ совершенно иное направленіе не только ея чувствованіямъ, но и мыслямъ. Только теперь, по рожденіи сына, встрѣчается въ „Запискахъ“ Екатерины слѣдующее характерное признаніе: „Я начала видѣть вещи въ черномъ свѣтѣ и отыскивать въ предметахъ, представлявшихся моему взору, причины болѣе глубокія и болѣе сложныя“. Это мрачное настроеніе, какъ и крайняя вдумчивость прежде незамѣчались и легко объясняются новой обстановкой.

У матери отняли сына[1]), и она навсегда была лишена

---

[1]) Императрица взяла Павла Петровича на свое попеченіе и заботилась о немъ со всѣмъ самоотверженіемъ, на какое только была способна. Это, конечно, не нравилось Екатеринѣ (*Mémoires*, 216, 221, 233 sqq.) и вызвало самыя нелѣпыя сплетни, доходившія до сказки о подмѣнѣ новорожденнаго сыномъ самой Елизаветы Петровны! Разсказавъ о мнимомъ свиданіи императрицы съ бывшимъ

практики материнскихъ чувствъ. Физическое развитіе Екатерины, не находя исхода въ семейныхъ заботахъ, заставляло ее искать иного примѣненія своихъ силъ. Въ поводахъ къ этому не было недостатка, тѣмъ болѣе, что теперь, когда она исполнила свой долгъ, такъ недвумысленно отмѣченный во второмъ пунктѣ инструкціи, ей была предоставлена большая свобода во всѣхъ отношеніяхъ. Какъ же она воспольловалась этою свободою?

императоромъ Иваномъ III, *Лопиталь* въ депешѣ отъ 27-го іюля 1757 года, прибавлялъ: Cependant je ne puis concilier cette entrevue avec l'amour que l'Impératrice a pour le fils de la Grande-Duchesse, que l'on dit être de M. de Soltikoff. Mais cet enfant chéri de l'impératrice est, dit-on, de l'impératrice même, ayant fait changer le fils de la Grande Duchesse contre le sien (*Парижс. Архивъ*, Russie, vol. 55, f. 171). Не смотря на приписку Лопиталя: „Tout ce que je viens de vous donner passe pour constant", аббатъ *Берни* усомнился въ подмѣнѣ младенца и особымъ министерскимъ рескриптомъ отъ 19-го сентября 1757 года поручалъ посланнику собрать по этому поводу болѣе точныя свѣдѣнія (*Ibid.*, vol. 54, f. 20). Лопиталь вскорѣ же долженъ былъ сознаться, что повѣрилъ крайне нелѣпому слуху, но сдѣлалъ это въ формѣ довольно неудачной: въ депешѣ отъ 30-го ноября 1757 г., сообщая объ ужинѣ у гр. Воронцова, въ присутствіи императрицы, *Лопиталь* разсказывалъ: Sa Majesté Impériale envoya chercher après le souper le portrait du fils du Grand Duc, parceque j'avais dit que je n'avais jamais eu l'honneur de le voir. J'ai bien examiné ce portrait; j'ai trouvé qu'il ressemblait parfaitement à Madame la Grande Duchesse. Cette ressemblance et des éclaircissements plus certains que j'ai pris, me persuadent que j'ai été trompé lorsque je vous ai mandé que cet enfant chéri de l'Impératrice était, disait-on, de l'Impératrice même qui avait fait changer le fils de la Grande-Duchesse contre le sien (*Ibid.*, vol. 54, f. 136). Аббатъ Берни справедливо возразилъ, „что великій князь Павелъ такъ еще малъ, что сходство съ великой княгиней ничего не значитъ и не можетъ служить опроверженіемъ слуховъ о подмѣнѣ" (отъ 27-го января 1758 г. въ *Парижс. Архивъ*, Russie, vol. 55, f. 111). *Castéra*, I, 216; *Историческій Сборникъ*, Лондонъ, 1861, II, 251.

XXIV.

17-го іюня 1745 г. великій князь Петръ Ѳедоровичъ былъ признанъ, какъ герцогъ Голштиніи, совершеннолѣтнимъ и вступилъ въ управленіе своимъ наслѣдственнымъ герцогствомъ. 12-го ноября того же года, онъ, какъ владѣтельный герцогъ, назначилъ своего дядю принца Августа штатгальтеромъ Голштиніи[1]). Весною 1746 года, императрица приказала, чтобы „его высочество самъ яко владѣющій герцогъ, надъ своими землями и подданными правленіе имѣлъ". Для управленія герцогствомъ, при великомъ князѣ былъ образованъ особый совѣтъ изъ голштинцевъ: тайный совѣтникъ Пехлинъ и Пфенингъ были министрами по голштинскимъ дѣламъ, фонъ-Левенбахъ — совѣтникомъ, фонъ-Брэмбзенъ и Цейсъ — секретарями. Прежде, въ первые годы пребыванія великаго князя въ Россіи, голштинцамъ былъ запрещенъ въѣздъ въ Россію безъ особаго разрѣшенія; теперь Петръ Ѳедоровичъ все болѣе и болѣе окружаетъ себя голштинцами; подполковники фонъ-Шильдъ и Катцау, камергеръ фонъ-Дункеръ, лейтенантъ Цвейдель, майоръ Штефенсъ, капитанъ Ферстеръ, генералъ Брокдорфъ — все это голштинцы, близкіе люди великаго князя.

---

[1]) Prince Augustus of Holstein is declared administrator of that Dutchy to the great desappointment of M. Brummer, who expected to have been employed there. Депеша *Гиндфорда*, отъ 16-го ноября 1745 г. (*Лондон. Архивъ*, Russia, № 49). Тоже сообщалъ *Дальонъ* въ депешѣ отъ 23-го ноября (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 47, f. 299). Письмо гр. Бестужева гр. М. Воронцову отъ 13-го ноября 1745 г. въ *Арх. кн. Воронцова*, II, 136.

Казалось, императрица рѣшилась обратить серьезное вниманіе на „голштинскій вопросъ". Ничуть не бывало. Елизавета Петровна, напротивъ, первая изъ русскихъ государей отреклась отъ Шлезвига: въ договорѣ 14-го іюня 1745 г., заключенномъ между Россіей и Швеціей, императрица „нынѣ владѣющему герцогу Гольштейнъ-Шлезвигскому, его императорскому высочеству великому князю и наслѣднику Всероссійской имперіи Петру Өедоровичу и его мужскаго пола наслѣдникамъ наиторжественнѣйше гарантируетъ *нынѣшнія* его въ Германіи владѣющія земли" — только „нынѣшнія", слѣдовательно не Шлезвигъ, которымъ владѣла тогда Данія; въ трактатѣ 22-го мая 1746 года между Россіей и Австріей равнымъ образомъ говорится о гарантіи герцогу лишь „*нынѣ* въ Германіи во владѣніи его находящихся земель", т. е. опять безъ Шлезвига. Петръ I и Екатерина I готовы были вооруженною рукою защищать права отца великаго князя на Шлезвигъ; Елизавета Петровна не упоминаетъ уже о вооруженномъ вмѣшательствѣ и ограничивается заявленіемъ: „если бы производимая съ россійско-императорской стороны съ королевскимъ датскимъ дворомъ негоціація о непостановленномъ правѣ на принадлежность сего герцогскаго дома, противу всякаго чаянія, не возымѣла успѣха", то обѣ императрицы, „смотря по обстоятельствамъ, учинятъ между собою особливый договоръ". Каково могло быть участіе Елизаветы Петровны въ негоціаціи съ датскимъ дворомъ можно видѣть изъ договора Россіи съ Даніею, отъ 10-го іюня 1746 г., которымъ императрица обязывалась защищать владѣніе Даніею Шлезвигомъ „противъ всѣхъ и каждаго, выключая токмо его императорское высочество великаго князя и его мужскаго пола потомковъ" — но, вѣдь, ни великій князь, ни его мужскаго пола потомки не могли безъ воли императрицы объявить войну Даніи!

Елизавета Петровна рѣзко, какъ видно, отдѣляла русскіе интересы отъ голштинскаго вопроса. Ея примѣру слѣдовалъ и Петръ Өедоровичъ, съ тою, однако, разницею, что императрица выше всего ставила интересы Россіи, великій же князь предпочиталъ всему Голштинію. Отсюда

— цѣлый рядъ недоразумѣній и нерѣдкія столкновенія. Голштинцы привезли своему герцогу модель города Киля; великому князю Киль понравился болѣе, чѣмъ „все русское государство“ — императрица такъ „огорчилась“ этимъ, что прогнала голштинцевъ, привезшихъ модель, обратно въ Голштинію. Лѣтомъ, въ Ораніенбаумѣ, герцогъ устроилъ свою жизнь по-голштински: выстроилъ крѣпостцу, собралъ роту, завелъ ежедневныя ученья, маршировки — императрица, узнавъ объ этой „militaire marotte“, пришла „въ величайшее неудовольствіе“ и смѣнила гофмаршала кн. Репнина, допустившаго такую солдатчину[1]). Но преемники кн. Репнина, Чоглоковъ и гр. Шуваловъ именно въ потворствѣ голштинскимъ увлеченіямъ герцога видѣли вѣрное средство сохранить вліяніе на великаго князя, пріобрѣсть милость будущаго императора, и пользовались этимъ, обманывая императрицу Дошло до того, что въ 1755 г. былъ выписанъ изъ Голштиніи цѣлый отрядъ для потѣхи великаго князя. Вотъ что объ этомъ разсказываетъ Екатерина:

„Прибывъ въ Ораніенбаумъ, мы увидѣли небывалое зрѣлище. Его императорское высочество, котораго голштинцы постоянно вводили въ долги и которому всѣ совѣтовали уменьшить число этихъ безполезныхъ людей, тѣмъ болѣе, что онъ могъ видѣть ихъ только тайкомъ и урывками, вздумалъ вдругъ выписать изъ Голштиніи цѣлый отрядъ. Это опять были штуки негоднаго Брокдорфа, который потворствовалъ господствующей страсти герцога. Онъ увѣрилъ Шуваловыхъ, что, потакая этой забавѣ, они навсегда обезпечатъ себѣ благоволеніе великаго князя, займутъ его этимъ и могутъ быть увѣрены, что онъ одобритъ всѣ прочія ихъ распоряженія. Императрица ненавидѣла Голштинію и все голштинское; она видѣла какъ подобныя военныя забавы погубили отца великаго князя, герцога Карла-Фридриха, въ глазахъ Петра I и въ общественномъ мнѣніи Россіи. Кажется, отъ нея сперва скрывали выписку этого отряда, а позже представили такою бездѣлицею, о которой не стоило и говорить. Къ тому

[1]) *Штелинъ*, 89, 90.

же, одного присутствія гр. Шувалова было уже достаточно, чтобъ дѣло это осталось безъ послѣдствій. Этотъ отрядъ сѣлъ на суда въ Килѣ, пришелъ въ Кронштадтъ и оттуда въ Ораніенбумъ. При Чоглоковѣ великій князь носилъ голштинскую форму только у себя въ комнатѣ, и то тайкомъ; теперь же, онъ не носилъ иной формы, мѣняя ее только въ куртаги, хотя онъ былъ подполковникомъ преображенскаго полка и, сверхъ того, имѣлъ свой кирасирскій полкъ въ Россіи. По совѣту Брокдорфа, великій князь скрылъ отъ меня эту выписку отряда. Признаюсь, узнавъ объ этомъ, я содрогнулась отъ дурныхъ для великаго князя послѣдствій этого поступка, какъ въ общественномъ мнѣніи, такъ и въ глазахъ императрицы, взгляды которой были мнѣ хорошо извѣстны. Александръ Шуваловъ стоялъ на балконѣ ораніенбаумскаго дворца, когда проходилъ отрядъ, и только моргалъ глазами; я стояла рядомъ съ нимъ. Въ сущности, онъ не одобрялъ того, на что самъ онъ и его родственники согласились смотрѣть сквозь пальцы. Караулы въ ораніенбаумскомъ дворцѣ занималъ ингерманландскій полкъ, смѣнявшійся астраханскимъ. Мнѣ передавали, что солдаты, глядя на голштинскія войска, говорили: „Эти проклятые нѣмцы всѣ проданы прусскому королю; вотъ навезли въ Россію измѣнниковъ“. Вообще, публика была раздражена появленіемъ голштинцевъ; даже наиболѣе преданные люди пожимали плечами, самые умѣренные находили это страннымъ; въ сущности это было весьма неблагоразумное ребячество. Я молчала, но когда со мной заговаривали объ этомъ, я прямо высказывала свое мнѣніе, такъ что всѣ видѣли, что я не одобряла этой глупости, которую я считала во всѣхъ отношеніяхъ крайне вредною для великаго князя. И можно ли было быть другого мнѣнія? Удовольствіе великаго князя никакъ не могло вознаградить то зло, которое этимъ наносилось ему въ общественномъ мнѣніи. Но великій князь, въ восторгѣ отъ своего войска, приказалъ устроить для него лагерь, поселился самъ въ этомъ лагерѣ, и то и дѣло производилъ ученія. Однако, войско надо было кормить, а объ этомъ-то и не подумали. Медлить нельзя; начались споры съ гофмар-

шаломъ, который вовсе не ожидалъ такого требованія. Наконецъ, гофмаршалъ согласился, и придворные лакеи вмѣстѣ съ солдатами ингерманландскаго полка, должны были носить кушанье съ придворной кухни въ лагерь новоприбывшихъ. Лагерь былъ разбитъ не очень-то близко отъ дворца; ни лакеямъ, ни солдатамъ ничего не платили за носку кушанья; можно себѣ представить, какое милое впечатлѣніе производило это мудрое и деликатное распоряженіе. Солдаты ингерманландскаго полка ворчали: „Вотъ, мы стали слугами этихъ проклятыхъ нѣмцевъ"; придворная челядь роптала; „Насъ заставляютъ прислуживать грубой сволочи". Узнавъ все это, я рѣшилась держаться какъ можно подальше отъ этой вредной ребяческой затѣи... Осенью голштинскія войска были посланы моремъ въ Голштинію"[1]).

Великій князь пренебрегаетъ общественнымъ мнѣніемъ, рискуетъ негодованіемъ императрицы ради ничтожной горсти солдатъ изъ возлюбленной имъ Голштиніи; можно ли же ожидать, что дипломатическая „негоціація" приведетъ къ полюбовному соглашенію съ Даніею, что онъ согласится отказаться отъ Шлезвига? Въ теченіе семнадцати лѣтъ четыре датскіе посланника, люди образованные, опытные и даровитые — графъ Гольштейнъ, графъ Линаръ, баронъ Мальцанъ и баронъ фонъ-Остенъ — прилагали всѣ старанія, чтобъ склонить великаго князя къ полюбовному соглашенію, и не успѣли. Въ послѣднія шесть лѣтъ, въ виду чисто военныхъ соображеній, вызываемыхъ войною съ Пруссіею, датскія предложенія сильно поддерживались представителями Франціи и Австріи; за соглашеніе были, сверхъ того, императрица и канцлеръ— тѣмъ не менѣе, всѣ ихъ усилія разбились о „твердую волю" великаго князя.

Въ 1745 году графъ Гольштейнъ хлопоталъ объ исполненіи договора, составленнаго нѣкогда гр. Зекендорфомъ и барономъ Бракелемъ, причемъ предлагалъ даже увеличить нѣсколько сумму, предложенную отцу великаго князя, за уступку Даніи Шлезвига. Голштинскіе министры

---

1) *Mémoires*, 233, 240.

Пехлинъ и Пфеннингъ, напротивъ, требовали не только возвращенія Шлезвига, но и уплаты нѣсколькихъ мильоновъ въ возмѣщеніе убытковъ. Въ 1746 г., по настоянію великаго князя, всякіе переговоры были прерваны, не смотря даже на то, что русское правительство находило датскія предложенія довольно выгодными[1]). Эти переговоры потомъ возобновлялись, но всегда успѣхъ ихъ расчитывался не на согласіи великаго князя, какъ владѣтельнаго герцога, а на принужденіи, которое, какъ полагали, императрица сдѣлаетъ надъ своимъ наслѣдникомъ, въ интересахъ привлеченія Даніи къ болѣе тѣсному союзу съ Россіею[2]). Это была большая ошибка: императрица признавала несовмѣстнымъ ни съ правами герцога голштинскаго, принуждать великаго князя и не желала даже вмѣшиваться въ это дѣло. „Я въ это дѣло съ датскимъ дворомъ не вступлю, потому что оно принадлежитъ великому князю", говорила Елизавета Петровна въ 1746 г. и до конца жизни осталась вѣрна себѣ.

Въ началѣ 1750 года прибылъ въ Петербургъ датскій посланникъ графъ Линаръ, бывшій датскимъ посломъ въ Стокгольмѣ, гдѣ онъ проводилъ болѣе тѣсное единеніе Даніи съ Швеціею въ видахъ противодѣйствія усиливающемуся значенію Россіи. Онъ привезъ совершенно новый проектъ улаженія датско-голштинской распри: великій князь отрекается отъ Шлезвига, за что Данія уплачиваетъ ему полтора мильона талеровъ, и уступаетъ Даніи свою Голштинію, взамѣнъ которой получаетъ графства Ольденбургъ и Дельменгорстъ, „причемъ его датское королевское величество не токмо согласуется къ перенесенію голоса имперскаго князя на графство Ольденбургское, но и

---

[1]) Le ministère russe souhaiterait fort que l'héritier presomptif du trône de Russie ne possedât aucun état étranger. Депеша *Дальона* отъ 31-го авг. 1745 г. (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 47, f. 129). La négociation du Danemark pour le Sleswick est entièrement rompue. Депеша его же, отъ 22-го марта 1746 г. (*Ibid.*, vol. 48, f. 160).

[2]) The Empress might to entire to her the Denmark at a much easier rate, by only making the Great Duke of Russia, her Nephew, renounce his pretensions to the Dutchy of Sleswick. Депеша *Гиндфорда* отъ 20-го марта 1749 г. (*Лондон. Архивъ*, Russia, № 58).

обѣщаетъ добрыя свои старанія вездѣ сильно употребить, дабы помянутое графство въ герцогство возвышено было". Канцлеръ гр. Бестужевъ-Рюминъ, другъ графа Линара, нашелъ это предложеніе вполнѣ согласнымъ съ интересами великаго князя; министръ по голштинскимъ дѣламъ Пехлинъ призналъ его очень выгоднымъ для герцога, своего государя. Но Петръ Ѳедоровичъ и слышать не хотѣлъ ни о какихъ предложеніяхъ, касающихся Голштиніи. Пехлинъ „заявилъ великому князю, что выслушать предложеніе не значитъ еще вести переговоры, а отъ веденія переговоровъ очень еще далеко до принятія предлагаемыхъ условій, и что великій князь всегда воленъ прервать переговоры, какъ только признаетъ то необходимымъ". Великій князь сдался. Начались переговоры. Графъ Линаръ вручилъ Пехлину подробно разработанный проектъ въ 25-ти пунктахъ. Пехлинъ представилъ этотъ проектъ великому князю при особой отъ себя запискѣ, въ которой онъ подробно разсматриваетъ каждый пунктъ и точно мотивируетъ свое мнѣніе. Его аргументація проста и убѣдительна.

Пехлинъ, прежде всего, признаетъ, что права герцога на Шлезвигъ не подлежатъ сомнѣнію и что по всей справедливости незаконно захваченное владѣніе должно быть возвращено герцогу; „только, прибавляетъ онъ, сомнительно, чтобы какая европейская держава, хотя бы сіе дѣло и за справедливое признавала, склонилась на то поступить, ибо въ самыя новѣйшія времена примѣру нѣтъ, чтобы какая нибудь держава, по любви къ справедливости, а еще меньше по дружбѣ или великодушію за другую вступилась въ войну", а безъ войны невозможно же побудить Данію къ возвращенію Шлезвига, которымъ она спокойно владѣетъ, не смотря на всѣ протесты и постоянно заявляемыя права герцога. Полтора мильона талеровъ за отреченіе отъ правъ на Шлезвигъ, по мнѣнію Пехлина, цѣна хорошая: эта сумма достаточна не только для уплаты долговъ герцога, но и для возстановленія баланса въ текущихъ расходахъ.

Обмѣнъ Голштиніи на графства Ольденбургъ и Дальменгорстъ Пехлинъ признаетъ весьма выгоднымъ для ве-

ликаго князя, и, прежде всего, по ихъ географическому положенію: оба графства удалены отъ Даніи, между тѣмъ какъ Голштинія граничитъ съ одной стороны съ Даніею, столь расположенною къ захватамъ, а съ другой, — съ землею курфюрста Ганноверскаго, который, будучи королемъ Англіи, является довольно опаснымъ сосѣдомъ. Для Пехлина не подлежитъ сомнѣнію, что Данія имѣетъ въ виду рано или поздно захватить Голштинію — на это указываетъ та черезполосица, съ какою это владѣніе возвращено было въ 1720 году: „нынѣ въ Голштиніи королевскіе и высококняжескіе амты такъ перемѣшаны, что королевскіе почти совсѣмъ обняли великокняжескіе, и невозможно по великокняжескимъ землямъ трехъ, четырехъ или, по высшей мѣрѣ, пяти миль проѣхать, не захватя датскихъ земель... а Даніи въ томъ нужды нѣтъ, ибо она себѣ земли умѣла такъ выбрать, что оныя другъ съ другомъ соединены“. Наконецъ, доходы графства Ольденбургъ и Дельменгорстъ значительно превышаютъ доходы Голштиніи, населеніе въ нихъ зажиточное; оба графства граничатъ съ Соединенными Голландскими Штатами, содержащими наемное войско, что даетъ возможность герцогу посылать туда на службу два или три полка и получать за нихъ хорошую плату. Пехлинъ не забылъ при этомъ и главнаго возраженія со стороны великаго князя: ставъ русскимъ императоромъ, герцогъ, конечно, получитъ значительный перевѣсъ надъ Даніею, но чтобъ обнаружить этотъ перевѣсъ придется все таки вести войну и посылать 70,000 корпусъ за 300 миль отъ своихъ границъ, что, во всякомъ случаѣ, весьма рискованно.

Доводы Пехлина побѣдили великаго князя. Осенью 1751 г. герцогъ соглашался уже на обмѣнъ. Между тѣмъ, коллегія иностранныхъ дѣлъ, въ докладѣ отъ 5-го октября, доносила императрицѣ: „Когда негоціація дошла уже до того, что не только пункты къ заключенной концессіи о конечной сдѣлкѣ его императорскаго высочества съ королемъ датскимъ графомъ Линаромъ сообщены были барону Пехлину, но и промеморіею помянутаго графа высочайшая вашего императорскаго величества медіація со стороны Даніи испрошена была, а баронъ Пехлинъ его император-

скому высочеству доложилъ, что уже пора, чтобъ и онъ испросилъ вашего императорскаго величества медіаціи, то его высочество внезапно изволилъ декларировать, что дѣло сіе пресѣчено быть имѣетъ и онъ болѣе о томъ слышать не хочетъ"[1]). Почему?

Потому что на сцену выступила великая княгиня съ своими политическими взглядами. По просьбѣ великаго князя, своего супруга, она приняла участіе, хотя и негласное, въ переговорахъ о датско-голштинской распрѣ, и сразу дала имъ иное направленіе.

Почти одновременно съ гр. Линаромъ прибылъ въ Петербургъ посолъ вѣнскаго двора итальянецъ гр. Берни. Умный, любезный, веселый, онъ плѣнилъ всѣхъ своимъ ласковымъ обхожденіемъ, своею пріятною бесѣдою и понравился даже великому князю. Не разъ и не два Петръ Өедоровичъ совѣтовался съ нимъ о своемъ голштинскомъ дѣлѣ, о долгахъ своей отчины, о предложеніяхъ гр. Линара; но изъ этихъ совѣщаній ничего не выходило: или австрійскій посолъ не считалъ для себя удобнымъ высказываться по этому вопросу, или голштинскій герцогъ не былъ въ состояніи уловить смыслъ словъ, только въ концѣ концовъ великій князь выразилъ желаніе, чтобъ великая княгиня поговорила съ гр. Берни о датско-голштинской распрѣ. Екатерина исполнила „приказаніе" великаго князя и, въ началѣ 1751 года, на придворномъ маскарадѣ, завела съ австрійскимъ посломъ первый въ своей жизни политическій разговоръ.

„Графъ Берни — говоритъ она — слушалъ меня съ большимъ участіемъ и вниманіемъ. Я откровенно сказала ему, что, по молодости и безъ совѣтниковъ, я, быть можетъ, плохо смыслю въ дѣлахъ и, по неопытности, не умѣю склонять ихъ въ свою пользу. Я смотрю на вещи какъ понимаю ихъ, и хотя, быть можетъ, у меня не достаетъ знаній, но мнѣ кажется, прежде всего, что дѣла Голштиніи вовсе не въ такомъ отчаянномъ положеніи, какъ ихъ хотятъ представить, и, потомъ, относительно самаго обмѣна, я разумѣла, что онъ могъ быть гораздо

[1]) Приложеніе VIII, 2.

полезнѣе для Россіи, чѣмъ для великаго князя. Конечно, ему, какъ наслѣднику русскаго престола, выгода имперіи должна быть мила и дорога, но если для этой выгоды необходимо нужно, чтобъ великій князь раздѣлался съ Голштиніею и тѣмъ покончилъ нескончаемыя размолвки съ Даніею, то вопросъ заключался бы лишь въ томъ, чтобы, удерживая Голштинію, выбрать наиболѣе удобное время, въ которое великій князь и согласился бы на обмѣнъ. По моему же мнѣнію, настоящее время неудобно ни для выгодъ Россіи, ни для личной славы великаго князя. Можетъ наступить такое время, когда обстоятельства сдѣлаютъ такой обмѣнъ болѣе важнымъ и болѣе славнымъ для великаго князя, и, можетъ быть, болѣе выгоднымъ для самой Россіи; но теперь все это дѣло имѣетъ видъ чистой интриги, которая, если удастся, набросить на великаго князя подозрѣніе въ слабости, отъ котораго онъ не очистится въ общественномъ мнѣніи, быть можетъ, во всю свою жизнь: что онъ управлялъ дѣлами Голштиніи всего лишь нѣсколько дней, страстно любилъ эту страну и, не смотря на это, далъ себя уговорить обмѣнять эту страну, самъ даже не зная хорошенько зачѣмъ, на Ольденбургъ, вовсе ему неизвѣстный и еще болѣе удаленный отъ Россіи. Наконецъ, сверхъ всего этого, Киль, какъ портъ, въ рукахъ великаго князя могъ бы быть весьма важенъ для русскаго мореплаванія. Графъ Берни согласился со всѣми моими доводами и въ заключеніе сказазъ мнѣ: „Какъ посолъ, я не имѣю по этому вопросу никакихъ инструкцій; но какъ графъ Берни я полагаю, что вы правы". Великій князь тоже передавалъ мнѣ, что посолъ сказалъ ему: „Могу вамъ сказать по этому вопросу только одно: я полагаю, что ваша супруга вѣрно смотритъ на дѣло, и вы хорошо сдѣлаете, если послушаетесь ея"... Я уговорила великаго князя прервать переговоры съ Даніею; онъ послушался меня и приказалъ прекратить негоціацію безъ всякаго рѣшенія, что и было исполнено"[1]).

Графъ Линаръ вскорѣ послѣ пріѣзда въ Петербургъ замѣтилъ уже вліяніе великой княгини на ходъ переговоровъ. Въ своихъ депешахъ онъ не разъ упоминаетъ о

[1]) *Mémoires*, 135, 158, 182.

великой княгинѣ, сожалѣетъ, что великій князь „имѣетъ слабость все сообщать своей супругѣ“ и безошибочно приписываетъ ей полную неудачу своей миссіи[1]).

Переговоры прерваны. Великій князь опять долженъ заниматься голштинскими дѣлами, между тѣмъ какъ всякое серьезное занятіе было ему въ тягость.

„Въ концѣ 1754 года — говоритъ Екатерина — великій князь, видя свои дѣла въ состояніи, грозившемъ полнымъ банкротствомъ, рѣшился поручить мнѣ заботы о поправленіи этихъ дѣлъ. Сперва я не хотѣла принимать это на себя, предвидя и затрудненія къ поправленію такого безнадежнаго положенія дѣлъ, и ревность, и зависть, которыя это навлечетъ на меня; но, наконецъ, я рѣшилась согласиться, такъ какъ не могла болѣе отказываться, не огорчивъ великаго князя. Я испросила у него, за его подписью и печатью, особый указъ для голштинскихъ чиновниковъ, чтобъ они слушались меня. Указъ этотъ у Пехлина“.

Это извѣстіе записано Екатериною въ 1760 г., въ ея замѣткахъ; много лѣтъ позже, въ своихъ „Запискахъ“, она разсказала очень характерную сцену, вызвавшую порученіе ей голштинскихъ дѣлъ:

„Въ одно прекрасное утро, великій князь, подпрыгивая, влетѣлъ ко мнѣ въ комнату; за нимъ бѣжалъ его секретарь, Цейсъ, съ бумагою въ рукѣ. Великій князь обратился ко мнѣ: „Посмотрите, вотъ несносный человѣкъ! Вчера я много пилъ и сегодня еще хмѣленъ, а онъ вздумалъ приставать ко мнѣ съ дѣлами — это только списокъ дѣлъ, которыя онъ хочетъ, чтобъ я рѣшилъ; онъ преслѣдуетъ меня даже въ вашей комнатѣ“. Цейсъ мнѣ сказалъ: „Всѣ эти бумаги требуютъ только *да* или *нѣтъ*; все можно кончить въ четверть часа“. — „Ну, въ самомъ дѣлѣ, сказала я, попробуйте: можетъ быть, вы кончите скорѣе, чѣмъ думаете“. Цейсъ началъ читать и, по мѣрѣ того какъ онъ читалъ, я говорила *да* или *нѣтъ*. Это понравилось великому князю, и Цейсъ сказалъ ему: „Вотъ,

---

[1]) On s'attend à de fortes oppositions de la part de la g... d.... Le grand duc a la foiblesse de lui dire tout. Депеша отъ 18-го іюня 1750 г. *Lynar*, I, 283, 331, 364, 420, 448, 461.

ваше высочество, еслибъ вы согласились такъ дѣлать по два раза въ недѣлю, ваши дѣла не залеживались бы; это все пустяки, но надобно, чтобъ они шли своимъ чередомъ; великая княгиня окончила все, сказавъ шесть *да* и столько же *нѣтъ*". Съ этого дня его высочество сталъ присылать ко мнѣ Цейса всякій разъ, когда тотъ требовалъ отъ него *да* или *нѣтъ*. Спустя нѣкоторое время, я сказала великому князю, чтобъ онъ далъ мнѣ подписанный указъ, какія дѣла я могла кончать безъ его спроса и какія не могла, что онъ и сдѣлалъ. Объ этомъ распоряженіи знали только Пехлинъ, Цейсъ и я"[1]).

Это была хорошая школа для Екатерины. Вопросы религіи, права, образованія и экономіи, дѣла финансовыя, торговыя и промышленныя, весь сложный механизмъ управленія страною, со всею борьбою честолюбія, корысти, интриги, все проходило черезъ ея руки, со всѣмъ она знакомилась по масштабу довольно малому, но весьма полному. Ея политическіе взгляды формировались на докладахъ о голштинскихъ дѣлахъ, которыя представляли ей возможность практически знакомиться съ политико-государственными вопросами.

О датско-голштинской распрѣ, о притязаніи великаго князя на Шлезвигъ и датскаго короля на Голштинію не было потомъ и помина, пока не вспыхнула война съ Пруссіею. Картина сразу перемѣнилась, такъ какъ положеніе Даніи представлялось въ данномъ случаѣ чрезвычайно важнымъ. Франція и Австрія очень хлопотали привлечь Данію въ коалицію противъ Фридриха II; онѣ знали, что лучшимъ къ тому средствомъ можетъ служить улаженіе датско-голштинской распри, и принимали свои мѣры. Еще въ началѣ 1757 года, французскій представитель въ Петербургѣ, Дугласъ, переговариваетъ съ вице-канцлеромъ Воронцовымъ о примиреніи великаго князя съ Даніею[2]);

---

[1]) *Сборникъ*, VII, 93; *Mémoires*, 269; Avertissement à mon conseiller privé actuel le baron de Pechlin, см. *Herrmann*, Hof 307.

[2]) Депеша *Дугласа* къ Рулье, отъ 21-го апрѣля 1757 г. (*Париж. Архивъ*, Russie vol. 52, f. 316), гдѣ гр. Воронцовъ приводитъ три соображенія, по которымъ Елизавета Петровна не желаетъ вмѣши-

въ іюлѣ того же года, Марія-Терезія заключаетъ съ великимъ княземъ, какъ герцогомъ Голштиніи, особую конвенцію, которою великій князь обязуется держать „всю голштинскую армію“ подъ ружьемъ къ услугамъ императрицы-королевы, за что получаетъ ежегодную субсидію въ 100,000 флориновъ[1]); наконецъ, 4-го мая 1758 г., въ Копенгагенѣ былъ заключенъ франко- датскій договоръ, по которому Данія обязалась выставить 24,000 корпусъ, а Франція — употребить старанія, чтобъ склонить великаго князя взять Остъ-Фрисландію за Шлезвигъ и обмѣнять Голштинію на Ольденбургъ и Дельменгорстъ. Къ этому договору приступила позже и Австрія[2]).

При такихъ обстоятельствахъ возобновились переговоры по датско-голштинской распрѣ. Франція и Австрія принимали на себя въ этомъ случаѣ обязательство, выполнить которое было не въ ихъ силахъ. Если Данія за одно обѣщаніе „употребить старанія“ къ улаженію распри обязалась выставить 24,000 корпусъ, чтобы „защитить Голштинію отъ вторженія прусаковъ“[3]), то, очевидно, что предложенный Даніею проектъ настолько невыгоденъ для великаго князя, что не могъ быть имъ принятъ. Послы французскій и австрійскій добросовѣстно исполнили возложенное на нихъ порученіе: они всѣми силами старались

ваться въ соглашеніе между Даніей и великимъ княземъ. См. Приложеніе VIII, 3.

[1]) Convention entre l'Impèratrice-Reine et le Grand-Duc de Russie en qualité de Duc régnant de Sleswig-Holstein, въ *Париж. Архивъ*, Russie, vol, 53, f. 166. Въ депешѣ маркиза *Лопиталя* аббату Берни, отъ 17-го сент. 1757 года: C'est un pretexte honnête de faire une pension au Grand-Duc (*Ibid*, vol. 53, f. 341). Въ запискѣ отъ 1760 г. Екатерина говоритъ: Je fis conclure ce traité avec la cour de Vienne, où on lui donne 100 m, écus par an (*Сборникъ*, VII, 94). Участіе Екатерины въ этомъ случаѣ не можетъ быть опредѣлено безъ депешъ гр. Эстергази, хранящихся въ вѣнскомъ государственномъ архивѣ. Есть, напротивъ, указаніе, что эта субсидія была прекращена въ 1759 году по соглашенію гр. Эстергази съ великою княгинею: Il y a toute apparence que le paiement de ces cent mille florins a été suspendu de concert avec Madame la Grande Duchesse, afin de prendre le Grand-Duc par famine, сказано въ депешѣ маркиза *Лопиталя* отъ 30-го авг. 1759 г. (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 60, № 74). — [2]) См. Приложеніе VIII, 3. — [3]) *Lynar*, I, 302.

убѣдить русское правительство покончить датско-голштинскую распрю, дѣлали представленія канцлеру, писали ноты, сообщали деклараціи, переговаривали съ лицами, приближенными къ великому князю[1]), но не добились ничего. Русское министерство, поставленное въ довольно непріятное положеніе между великимъ княземъ и представителями союзниковъ, прибѣгло къ оригинальной мѣрѣ: оно отмалчивалось, по цѣлымъ мѣсяцамъ не отвѣчало на дѣлаемые ему запросы, затягивало переговоры. Неудивительно, что въ дипломатической перепискѣ по этому вопросу безпрестанно встрѣчается, какъ обычный припѣвъ, повторяющаяся мѣсяцы и годы, варіація на тему: „датское дѣло въ томъ же положеніи“[2]).

Участіе Екатерины въ этихъ переговорахъ чрезвычайно оригинально и рисуетъ ее, какъ женщину, съ совершенно новой стороны. Съ 1756 по 1760 годъ — самое тяжелое время для великой княгини. Ея семейная, придворная и политическая жизнь подвергалась въ это время наиболѣе серьезнымъ испытаніямъ. Она была окружена врагами; надъ нею тяготѣло обвиненіе въ государственной измѣнѣ; лица, ей близкія и преданныя, высланы изъ Россіи или арестованы; отъ нея всѣ отвернулись. Дошло до того, что она рѣшилась было уѣхать изъ Россіи на родину, въ Германію, къ матери, и именно въ это время умерла мать — Екатерина осталась совершенно одна, предоставленная самой себѣ. Въ это время ей было не до Голштиніи. При дворѣ великаго князя властвуетъ и вполнѣ руководитъ безпутнымъ герцогомъ голштинецъ Брокдорфъ, личный врагъ великой княгини, и такъ какъ Брокдорфъ

---

[1]) Депеша *Дугласа*, отъ 21-го апр. 1757 г,; депеши *Лопиталя* отъ 13-го авг. и 30-го ноября 1757, отъ 25-го янв., 25-го февр., 5-го окт. и 29-го ноября 1758, отъ 28-го февр., 20-го апр., 28-го іюля, 8-го авг., 30-го авг., 3-го октября и 5-го ноября 1759, отъ 18-го февр., 15-го іюля, 11-го авг. и 18-го сент. 1760 г., отъ 3-го февр. 1761 (*Париж. Архивъ,* Russie, vol. 52, f. 316; vol. 53, f. 272; vol. 54, № 136; vol 55, f. 86 et 198; vol. 58, № 27; vol. 60, №№ 40, 65, 69, 74; vol. 61, ff. 118, 310; vol. 63, №№ 5, 12; vol. 64, № 42; vol. 65, f. 293).

[2]) L'affaire du Danemark est dans la même position; l'affaire du Danemark languit toujours etc. (*Парижс. Архивъ*, vol. 63, № 45; vol. 65, f. 121).

противъ обмѣна земель, противъ улаженія датско-голштинской распри, то Екатерина высказывается за то и другое. Послы иностранныхъ державъ безпрестанно сообщаютъ за это время, что „великая княгиня желаетъ обмѣна“ Голштиніи на Ольденбургъ и Дельменгорстъ, что она „порицаетъ и ненависть великаго князя къ датскому королю, и его упрямство относительно Голштиніи“; они знаютъ даже побужденія, которыми руководилась въ данномъ случаѣ Екатерина[1]).

Голштинскій проходимецъ Брокдорфъ два раза пріѣзжалъ въ Россію: въ 1744 году графъ Брюммеръ выслалъ его изъ Риги, не допустивъ даже до Петербурга; въ 1754 году онъ пробрался въ Петергофъ подъ видомъ „торговца стекломъ“, почти нищимъ, въ одной парѣ платья. Это былъ тупой солдатъ, обладавшій способностью пить и не быть пьянымъ. Онъ понравился великому князю, который скоро сдѣлалъ его генералъ-майоромъ голштинскихъ войскъ, камергеромъ, министромъ по голштинскимъ дѣламъ. Брокдорфъ скоро замѣтилъ значеніе великой княгини и употреблялъ всевозможныя средства, чтобъ „раздавить змѣю“, какъ онъ называлъ Екатерину[2]). По отзыву всѣхъ, Брок-

---

[1]) Madame la Grande-Duchesse désire l'échange, въ депешѣ маркиза *Лопиталя*, отъ 20-го апр. 1759 г. (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 60, № 40); Madame la Grande-Duchesse désire vivement la fin de cet échange, въ депешѣ отъ 8-го авг. 1759 g. (*Idid.*, vol. 60, № 69); M. d'Osten dit que la Grande-Duchesse désapprouve et la haine de M. le Grand Duc contre le roi de Danemark, et son entêtement sur le Holstein, въ депешѣ барона *Бретеля*, отъ 15-го іюля 1760 г. (*Idid.*, vol. 63, — 5); Madame la Grande Duchesse est d'autant mieux disposée pour l'échange du Holstein qu'il lui en reviendra une somme considérable et que d'ailleurs c'est une pierre d'achoppement entre les deux branches de la maison de Holstein qui entrainerait inevitablement une guerre si on ne la prêvenait par cet échange, въ депешѣ 5-го окт. 1758 г. (*Idid.*, vol. 58, f. 27). Основываясь на неизданной перепискѣ, *Германъ* приписываетъ вліянію Бестужева происшедшую во взглядахъ великой княгини перемѣну на обмѣнъ земель (Hof, 304).

[2]) *Штелинъ*, 92. Депеши французскихъ посланниковъ: отъ 25-го февраля 1758 года (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 55, f, 198), отъ 29-го ноября 1758 года (*Idid.*, vol. 58, f. 263) и отъ 17-го ноября 1759 года (*Idid.*, vol. 61, f. 310). *Сборникъ*, VII, 92. Его фамилія и въ офиціальныхъ бумагахъ всегда писалась *Брокдорфъ*, вмѣсто Броткорфъ. Въ

дорфъ былъ глупъ[1]), и этому отзыву можно повѣрить. На одномъ изъ воскресныхъ обѣдовъ у французскаго посла маркиза Лопиталя Брокдорфъ подпилъ и сталъ увѣрять хозяина, что великій князь никогда не согласится на предлагаемый ему обмѣнъ Голштиніи; между прочимъ, Брокдорфъ сказалъ: „Когда великій князь станетъ императомъ, тогда другое дѣло — тогда ему будетъ довольно заботъ и безъ Германіи, и онъ, конечно, не станетъ воевать изъ-за Голштиніи; подобную войну выдумываютъ тѣ, которые желаютъ поспѣшить теперь же обмѣномъ земель“[2]). Между тѣмъ, умный гр. Бестужевъ еще въ 1750 г. предсказывалъ датскому посланнику графу Линару, что первою заботою великаго князя по вступленіи на престолъ будетъ война съ Даніею изъ-за пріобрѣтенія Шлезвига[3]). Послѣдствія оправдали гр. Бестужева.

московскомъ главномъ архивѣ мин. иностр. дѣлъ хранится много офиціальныхъ бумагъ съ подписью: C. A. *Brocktorff* (*Голшт. дѣла*, 1758, № 3, л. 8). Брокдорфъ былъ ремонтеромъ кирасирскихъ лошадей „для всероссійской императорской короны“ (*Idid.*, л. 4).

[1]) Brocdorff, comme un sot, въ депешѣ *Лопиталя*, отъ 20-го ноября 1758 г. (*Парижс. Архивъ*, Russie, vol. 58, fol. 267). *Сборникъ*, VII, 92.

[2]) Депеша *Лопиталя* отъ 29-го февраля 1759 г. (*Парижс. Архивъ*, Russie, vol. 59, № 27). Въ 1761 году этотъ же Брокдорфъ былъ уполномоченъ вести переговоры съ датскимъ дворомъ о датско-голштинской распрѣ. Въ рескриптѣ барону Корфу, отъ 2-го марта 1761 года, сказано, что великій князь „для оказанія искренней склонности къ полюбовному соглашенію съ датскимъ дворомъ“ назначилъ для переговоровъ оберъ-камергера Брокдорфа (*Москов. главн. Архивъ*, Рескрипты въ Копенгагенъ 1761 г.. № 2, л. 32). — [3]) Депеша гр. Линара королю отъ 1-го сентября 1750 г. *Lynar*, I, 367.

XXV.

Съ рожденіемъ Павла Петровича положеніе Екатерины значительно измѣнилось. Исполнивъ главную свою задачу, она отходитъ на второй планъ. Всѣ заботы, все вниманіе переносятся на ея сына: онъ обезпечиваетъ спокойствіе императрицы, въ немъ залогъ прочности престолонаслѣдія, онъ является уздою и, въ случаѣ надобности, угрозою Петру Ѳедоровичу. Какъ только родился Павелъ Петровичъ, великокняжеская инструкція стала излишнею; она не была отмѣнена, но уже не признавалось необходимымъ примѣнять ее съ прежнею строгостію. Екатерина получаетъ бóльшую свободу, выразившуюся въ ослабленіи надзора. Признательность за оказанную великою княгинею „услугу имперіи" скоро смѣнилась почти полнымъ безучастіемъ къ Екатеринѣ. Это оскорбило ее, но не подавило: Екатерина только болѣе сосредоточилась, стала серьезнѣе смотрѣть на жизнь, начала критически относиться къ явленіямъ, мнѣніямъ и людямъ.

Это настроеніе Екатерины сказалось, прежде всего, въ болѣе серьезномъ чтеніи. „Я читала тогда „Исторію Германіи" и „Всеобщую исторію" Вольтера, послѣ чего я прочла въ эту зиму столько русскихъ книгъ, сколько могла достать, въ томъ числѣ два толстые тома Баронія въ русскомъ переводѣ; потомъ мнѣ попался „Духъ законовъ" Монтескье, послѣ чего я прочла „Лѣтописи" Тацита, которыя произвели странный переворотъ въ моей головѣ"[1]).

[1]) *Mémoires*, 225. Въ настоящее время невозможно указать, какія именно русскія книги могла достать Екатерина въ 1754—1757 годахъ,

Выборъ книгъ, хоть и случайный, но чрезвычайно характерный: если неназванныя Екатериной русскія книги, вмѣстѣ съ двумя томами Баронія и съ неизвѣстною исторіею Германіи обогащали память новыми свѣдѣніями, то произведенія Тацита, Монтескье и Вольтера вносили новыя идеи, пробуждали мысль, придавали новую силу волѣ, твердость характеру.

Еще не родился человѣкъ, на котораго чтеніе твореній Тацита не произвело бы глубокаго впечатлѣнія. Екатерина, конечно, знала римскую исторію тѣхъ 54-хъ лѣтъ, отъ смерти Августа до смерти Нерона, которые описываетъ Тацитъ въ своихъ „Лѣтописяхъ“; ей были, конечно, извѣстны и событія, разсказанныя имъ въ утерянныхъ „книгахъ“ — заговоръ и смерть Сеяна, четыре года правленія Калигулы; но всѣ эти факты представлялись теперь въ совершенно иномъ свѣтѣ. Спокойно, годъ за годомъ, ведетъ Тацитъ свой разсказъ, выставляя факты въ ихъ собственномъ освѣщеніи, указывая причины и слѣдствія явленій, живыми красками рисуя людей и ихъ дѣянія. У него свой, имъ же выработанный языкъ, то живой и бурный, то спокойный и величественный, иногда рѣзкій, часто мѣткій, всегда точный, оригинальный, свидѣтельствующій о твердомъ убѣжденіи и самостоятельномъ мышленіи; его выраженія кратки, сжаты, они рисуютъ то, что авторъ желаетъ изобразить, не болѣе, ни менѣе; его мысли глубоки, анализъ тонокъ, и если для пониманія Тацита требуется порою извѣстное вниманіе, то вызванное напряженіе вполнѣ вознаграждается глубокимъ смысломъ, скрытомъ иногда въ краткой фразѣ, въ мѣткомъ словѣ. Не вина Тацита, что чтеніе его „Анналъ“ оставляетъ по себѣ тя-

---

да и нѣтъ надобности: онѣ, очевидно, не произвели на нее большого впечатлѣнія, если она даже не называетъ ихъ заглавій; отъ русскаго же перевода Баронія сохранилась только память какъ о deux immenses tomes. Это и понятно: „Дѣянія Церковныя“, обнимающія исторію церкви до VIII вѣка, представляютъ переводъ Annales Ecclesiastici, сдѣланный съ польскаго сокращенія, изъ котораго выброшено все, противное ученію православной церкви. Русскій переводъ изданъ въ 1719 г.; языкъ перевода очень тяжелъ и едва-ли Екатерина могла вполнѣ понимать его.

желое впечатлѣніе; эти отталкивающія картины не имъ выдуманы, не имъ созданы: изображая то безчестнаго и безжалостнаго обвинителя, налагающаго свою безпощадную руку на невинную жертву, то тайнаго доносщика, взывающаго къ жестокости Тиберія, то шпіона, устраивающаго заговоръ и губящаго участниковъ[1]), Тацитъ рисуетъ съ натуры. Онъ не клевещетъ на человѣчество, но вѣрно, безъ пощады, какъ и безъ злобы, изображаетъ испорченное общество и его низкіе нравы. Онъ самъ сожалѣетъ, что ему приходится описывать тяжелое время, когда деспотизмъ цезарей загубилъ всѣ добродѣтели, когда коварство и вѣроломство влекли на казнь все честное и справедливое[2]). Чтеніе „Анналовъ" произвело переворотъ въ головѣ Екатерины: она убѣдилась, что, говоря словами Тацита, при деспотическомъ, самовластномъ правленіи добродѣтели также гибельны для подданныхъ, какъ и пороки[3]).

Тацитъ, въ своихъ „Анналахъ", внушалъ отвращеніе къ деспотизму вѣрнымъ изображеніемъ практики деспотическихъ правленій; Монтескье, въ своемъ „Esprit des lois", опозорилъ деспотизмъ въ теоріи, указавъ его происхожденіе и формы дѣятельности, столь вредныя для свободнаго развитія націи.

Имя Монтескье было уже знакомо Екатеринѣ: еще въ 1744 г. графъ Гюлленборгъ совѣтовалъ ей читать, между прочимъ „Considérations sur les causes de la grandeur et de la décadence des Romains", которыя она, однако, не прочла, какъ не читала она и его „Lettres persanes". Екатерина впервые теперь познакомилась съ идеями Монтескье по лучшему его произведенію, для котораго предъидущіе его труды служили только подготовительной работой. Чтеніе „Духа законовъ" принесло большую пользу Екатеринѣ, неполучившей политическаго образованія: изъ него она познакомилась съ общими положеніями государственнаго права, узнала юридическія основы взаимныхъ отношеній, усвоила политическія тенденціи. Она, между прочимъ,

---

1) *Ann.*, I, 73, 74; II, 27; IV, 68; XVI, 22, 23. — 2) *Ann.*, IV, 32, 33. — 3) *Vita Agric*, cap. V.

поняла теперь серьезное значеніе политической свободы и увидѣла весь вредъ, происходящій для государства отъ тираніи. Въ этомъ произведеніи Монтескье она прочла, что всѣ формы правленія, при всемъ ихъ разнообразіи, сводятся къ тремъ главнымъ группамъ: республиканской, въ которой царитъ только самимъ же народомъ изданный законъ, монархической, гдѣ законъ устанавливается государемъ, только обѣщающимъ уважать его, и деспотической, когда закономъ является воля, капризъ государя; она узнала, что существенное основаніе республики заключается въ политической добродѣтели, монархіи — въ чести государя, абсолютизма — въ трепетѣ подданныхъ. Все это изложено простымъ, понятнымъ языкомъ, вся сила котораго скрывается въ здравомъ смыслѣ и старой логикѣ; иногда авторъ прибѣгаетъ къ картиннымъ о́бразамъ, рѣдко къ ироніи. „Когда дикари Луизіаны хотятъ добыть плоды, они рубятъ въ корнѣ дерево — вотъ деспотическое правленіе“[1]). Екатерина никогда еще не читала такой убійственной ироніи, съ какою Монтескье объясняетъ рабство негровъ: „Европейскіе народы, истребивъ дикихъ Америки, должны были наложить рабство на африканскихъ негровъ, чтобы заставить ихъ обработывать плантаціи. Сахаръ былъ бы очень дорогъ, еслибъ плантаціи обработывались не рабами, а вольнонаемнымъ трудомъ. Негры — черные съ головы до пятокъ, и у нихъ носъ такой плоскій, что ихъ почти невозможно жалѣть. Нельзя себѣ даже и представить, чтобы Господь Богъ, существо столь разумное, могъ вложить душу, къ тому же добрую, въ совершенно черное тѣло. Намъ невозможно допустить, чтобъ эти черныя существа были людьми, потому что, если мы признаемъ ихъ людьми, то придется сознаться, что мы вовсе не христіане. Люди вздорные слишкомъ ужъ преувеличиваютъ несправедливость, съ какою мы относимся къ неграмъ: еслибъ эта несправедливость дѣйствительно была бы такъ велика, неужели государи Европы, заключающіе между собою столько совершенно безполезныхъ конвенцій, не заключили одной общей въ пользу сожалѣнія и милосер-

---

[1]) *Esprit des lois,* Paris, 1851, liv. V, ch. 13, p. 51.

дія?"[1]) Екатерина, хорошо уже ознакомившаяся съ эпохою временщиковъ въ Россіи, съ особеннымъ вниманіемъ читала о законахъ, касающихся сущности деспотическаго правленія[2]), что она доказала, ставъ самодержицей. Она позже не разъ называла себя „республиканкой" именно въ томъ смыслѣ, какой придаетъ этому слову Монтескье. Въ устахъ Екатерины не было лучшей похвалы, какъ признать какое-либо произведеніе достойнымъ пера Монтескье; она называла „Esprit des lois" своимъ „молитвенникомъ" и находила, что книга эта должна быть молитвенникомъ „для всякаго государя, обладающаго здравымъ смысломъ"[3]). По мѣткому выраженію Вольтера, Монтескье „возвратилъ человѣчеству утерянныя имъ права". Дѣйствительно, весь смыслъ „Esprit des lois" заключается въ доказательствѣ правъ человѣческаго рода на свободное развитіе. Иными путями, но къ тому же стремился и Вольтеръ: какъ Монтескье возставалъ главнымъ образомъ противъ рабства, такъ Вольтеръ ратовалъ преимущественно за вѣротерпимость. Это былъ для Вольтера тотъ догматъ, который, по искреннему его убѣжденію, долженъ составить счастіе человѣчества, упрочить цивилизацію; проповѣди этого догмата Вольтеръ посвятилъ всю свою 84-лѣтнюю жизнь, и ему же онъ обязанъ всѣми гоненіями, которымъ подвергался и онъ лично и его произведенія. Какъ при жизни Вольтера, такъ и по смерти, его произведенія возбуждали или безграничный восторгъ, или необузданное негодованіе; даже по сейчасъ критикѣ не удалось установить правильный взглядъ на „фернейскаго патріарха", и она все еще колеблется между анаѳемой и апоѳеозомъ[4]). Это объ-

---

[1]) *Ibid.* liv. XV, ch, 5, p. 203. — [2]) *Ibid.* liv. II, ch. 5, p. 17.

[3]) *Сборникъ*, I, 269; X, 31; XXIII, 77, 130.

[4]) О Вольтерѣ много писано на всѣхъ языкахъ, кромѣ русскаго, такъ какъ и до настоящаго времени произведенія Вольтера запрещены къ ввозу въ Россію, не смотря на то, что Екатерина, болѣе ста лѣтъ назадъ писала: Donnez moi cent exemplaires complets des oeuvres de mon maître, afin que je les dépose tout partout. Je veux qu'elles servent d'exemple; je veux qu'on les étudie, qu'on les apprenne par coeur, que les esprits s'en nourrissent: cela formera des citoyens, des génies, des héros et des auteurs; cela développera cent mille talents,

ясняется тѣмъ, что догматъ вѣротерпимости, проповѣдуемый Вольтеромъ, глубоко затрогиваетъ самыя дорогія чувствованія, одно прикосновеніе къ которымъ вызываетъ уже на уста или благословеніе, или проклятіе. Такія крайнія сужденія не только свидѣтельствуютъ о высокомъ значеніи произведеній Вольтера, но и дѣлаютъ честь обществу, такъ серьезно относящемуся къ своимъ религіознымъ убѣжденіямъ.

Имя Вольтера давно уже гремѣло по Европѣ. Его трагедіи вызывали бурныя рукоплесканія, особенно послѣ колоссальнаго успѣха трагедіи „Zaïre"; его заключеніе въ Бастиліи, его высылка изъ Франціи, болѣе же всего сожженіе рукою палача его „Lettres philosophiques" покрыли Вольтера славою мученика; его сатиры и эпиграммы повторялись всѣми; его связь съ прусскимъ королемъ и особенно разрывъ съ Фридрихомъ II составляли событіе, которымъ интересовалось европейское общество. Его языкъ, чрезвычайно живой и легкій, полный остроумія и неумолимо ѣдкій, соблазнялъ современниковъ не менѣе высказываемыхъ имъ сужденій, гуманныхъ, справедливыхъ, всегда искреннихъ. Вольтеръ царилъ уже въ Европѣ, когда Екатерина начала читать его произведенія. Имя Вольтера было извѣстно великой княгинѣ и ранѣе: она, быть можетъ, слышала его отъ M-lle Кардель и, конечно, знала о хлопотахъ французскаго посланника Дальона относительно принятія Вольтера въ число почетныхъ членовъ петербургской академіи[1]); но Екатерина не имѣла еще случая

qui se perdront d'ailleurs dans la nuit des tenèbres, de l'ignorance etc. (*Сборникъ*, XXIII, 104). Лучшее сочиненіе о Вольтерѣ, безспорно, англійское — „Voltaire", by *John Morley*, выдержавшее много изданій и недавно переведенное на русскій языкъ г. Кирпичниковымъ (Москва, 1889). Изъ русскихъ компиляцій, лучшая — *С. Шашкова*, „Вольтеръ" (Дѣло, 1879, № 11, 233), гдѣ Вольтеръ представленъ со всѣми его выдающимися способностями и колосальными недостатками.

[1]) Переписка по этому поводу Даржансона съ Дальономъ, въ *Париж. Архивъ*, Russie, vol. 48. Депеша *Дальона*, отъ 29-го апрѣля 1746 г.: Je suis enfin parvenu à faire recevoir M. de Voltaire dans l'académie de Pétersbourg (*Idid.*, vol. 48, f. 202). Исторія избранія Вольтера академіею разсказана *Пекарскимъ*, акад. I, 382.

читать его произведенія и познакомилась, прежде всего, съ однимъ изъ наиболѣе полезныхъ для нея твореній Вольтера — Essai sur les moeurs et l'esprit des nations[1]).

Поэтъ и прозаикъ, драматургъ и романистъ, историкъ и философъ, публицистъ и памфлетистъ, Вольтеръ пробовалъ свои силы на всѣхъ родахъ литературы, „кромѣ скучнаго“[2]), и всюду вносилъ широкіе взгляды, новыя мысли, плѣняя читателя яснымъ, легкимъ изложеніемъ. Его геніальность довольно замѣтно сказалась даже въ историческихъ трудахъ, къ которымъ онъ, казалось, менѣе всего былъ приготовленъ.

Екатерина, конечно, прочла бы и „Histoire de Charles XII“, и „Siècle de Louis XIV“, даже „Annales de l'Empire“, еслибъ эти историческія сочиненія Вольтера „попались ей подъ руку“: по счастью, она прежде всего напала на его лучшее историческое произведеніе, на „Опытъ о нравахъ и духѣ народовъ“. На первой же страницѣ Екатерина встрѣтилась съ совершенно новыми для нея мыслями; она прочла, что не лица, не государи и ихъ войны, а законы, искусства, нравы и обычаи составляютъ существенное содержаніе исторіи, что тѣ мелкія подробности, которыя она читала въ „Исторіи Генриха Великаго“ Перификса или въ „Исторіи Германіи“ Барра, не имѣютъ никакого значенія — онѣ лишь напрасно усложняютъ задачу историка и безцѣльно утомляютъ читателя. Вольтеръ желалъ представить въ связномъ разсказѣ, въ общей картинѣ, культур-

---

[1]) Екатерина говоритъ, что она читала „Histoire Universelle de Voltaire“ *Mémoires*, 225). Тутъ очевидное недоразумѣніе, такъ какъ Вольтеръ никогда не писалъ всеобщей исторіи: Екатерина называетъ книгу по содержанію, а не по заглавію. По содержанію же, всеобщею исторіею можетъ быть названо скорѣе всего „Essai sur les moeurs et l'esprit des nations et sur les principaux faits de l'histoire depuis Charlemagne jusqu'à Louis XIII“, изданный, безъ согласія автора, въ 1754 г. Почти въ это же время появившіяся „Annales de l'Empire“, самое слабое изъ всѣхъ произведеній Вольтера, въ значительно меньшей степени подходятъ къ опредѣленію всеобщей исторіи. *Voltaire*, vol. XXII—XXIX.

[2]) Tous les genres sont bons hors le genre ennuyeux, говоритъ *Вольтеръ* въ предисловіи къ жалкой комедіи „L'enfant prodigue“, и это выраженіе такъ понравилось Екатеринѣ, что она очень часто вспоминала его; во Франціи оно стало поговоркой.

ное развитіе различныхъ народныхъ группъ въ разнообразныхъ проявленіяхъ ихъ исторической жизни — государственной, политической и общественной; онъ задумалъ написать исторію цивилизаціи Европы „отъ Карла В. до Людовика XIII“. Мысль, въ то время никѣмъ еще не высказывавшаяся, и мысль, для того времени, дѣйствительно, великая, своимъ величіемъ подавившая самого автора. Вольтеръ написалъ много прекрасныхъ страницъ, высказалъ много здравыхъ сужденій, проявилъ много остроумія, но не былъ въ силахъ представить грандіозную картину историческаго прогреса. Въ его „Опытѣ“ представленъ рядъ историческихъ фактовъ, но не указана ихъ причинная связь; одно событіе не вытекаетъ изъ другого, одно явленіе не влечетъ за собое другое; у него народы волнуются, но не двигаются. Это красивый калейдоскопъ историческихъ картинъ, а не стройная панорама хода исторіи. Современники Вольтера, восхищенные „Опытомъ“ совершенно новаго для нихъ представленія исторіи, не замѣчали его недостатковъ; не замѣчала ихъ и Екатерина. Она съ восторгомъ читала нападки Вольтера на католическую церковь: „Масса лжи, заблужденій и всякаго возмутительнаго вздора, въ которомъ мы погрязали столько вѣковъ, была, однако, безсильна причинить малѣйшій вредъ нашей религіи; она, безспорно, божественна, если даже семнадцать вѣковъ обмана и глупости не могли разрушить ее“; ей нравились выходки Вольтера противъ милитаризма: „Тысячи сраженій не принесли человѣчеству ни малѣйшей пользы, между тѣмъ какъ творенія великихъ людей всегда будутъ служить источникомъ чистыхъ наслажденій; шлюзъ канала, картина Пуссена, художественная трагедія, провозглашенная истина въ тысячу разъ цѣннѣе всѣхъ военныхъ кампаній“; она вполнѣ признавала взглядъ Вольтера на евреевъ: „Во всей іудейской исторіи вы не встрѣтите ни одного достойнаго подвига; евреи не знаютъ ни гостепріимства, ни щедрости, ни милосердія; духъ лихоимства обуялъ ихъ, и эксплуатація составляетъ высшее ихъ благо; евреи — враги человѣчества“. Екатерина, воспитанная на историческихъ взглядахъ Боссюэта, который повсюду видитъ перстъ Божій, отдала теперь предпочтеніе Воль-

теру, который „не допускаетъ Бога вмѣшиваться въ дѣла людей".

Всякое чтеніе полезно, но чтеніе Тацита, Монтескье, Вольтера необходимо должно имѣть глубокое вліяніе на взгляды, сужденія, на самый образъ мыслей читателя, особенно если читателемъ является женщина. Впечатлительный умъ, воспріимчивое чувство Екатерины поддались въ полной мѣрѣ этому вліянію, что она и высказала въ слѣдующемъ своемъ признаніи: „Je commençais à voir plus de choses en noir et à chercher des causes plus profondes et plus calquées sur les intérêts divers dans les choses qui se présentaient à ma vue"[1]).

Все свободное время Екатерина посвящала чтенію. Эту особенность ея времяпровожденія, какъ необычайную въ Россіи, особенно же для великой княгини, замѣтили и посланники иностранныхъ дворовъ[2]). Въ ихъ отзывахъ сказались и послѣдствія этой любви къ чтенію: если въ 1746 г. Дальонъ находилъ только, что великая княгиня умнѣе и серьезнѣе своихъ лѣтъ, то, десять лѣтъ спустя, Лопиталь сообщалъ уже о просвѣщенномъ умѣ и твердомъ характерѣ Екатерины[3]).

Въ томъ и другомъ отношеніи великій князь представлялся противоположностью своей супруги. Онъ не любилъ читать и ненавидѣлъ книгу. Лѣтомъ 1749 г., находясь въ затруднительномъ положеніи, „великій князь накупилъ себѣ нѣмецкихъ книгъ, но какихъ книгъ! Это все были на половину лютеранскіе молитвенники, на половину — судебные процессы разныхъ разбойниковъ, повѣшенныхъ или колесованныхъ"[4]). Великій князь бралъ то молитвенникъ, то показанія разбойника, желая забыться и чтеніемъ

---

1) *Mémoires*, 226. — 2) La Grande-Duchesse aime la lecture, въ депешѣ *Лопиталя*, отъ 1-го ноября 1757 г. (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 54, f. 83), чѣмъ подтверждаются *Mémoires*, 244, 281 и др.

3) Депеши *Лопиталя* отъ 27-го іюля 1757 г. и отъ 4-го февр. 1758, въ *Париж. Архивъ*, Russie, vol. 53, fol. 171; vol. 55, fol. 137. Эти отзывы имѣютъ цѣну — они исходятъ отъ француза, убѣжденнаго, что великая княгиня враждебна французскимъ интересамъ: les maximes de Madame la Grande Duchesse nous sont contraires, сказано въ депешѣ *Лопиталя* отъ 6-го января 1759 г. (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 59, № 7). *Гордтъ*, 315. — 4) *Mémoires*, 120.

разсѣять тревогу, но не могъ ни читать, ни успокоиться. Причина тревоги была очень характерна и обнаружила въ великомъ князѣ такіе недостатки, которыми воспользовалась позже Екатерина. Вотъ эта причина:

„Почти все лѣто, по крайней мѣрѣ во все время житья въ Раевѣ, я видѣла великаго князя только за столомъ; даже въ спальню онъ приходилъ когда я уже спала и уходилъ раньше, чѣмъ я вставала; все остальное время онъ посвящалъ охотѣ, вѣрнѣе, проводилъ цѣлые дни въ собачнѣ, или принималъ доклады своихъ егерей о благосостояніи своры собакъ, причемъ пилъ и бражничалъ съ егерями. Тогда́ въ Москвѣ стоялъ бутырскій полкъ; въ этомъ полку былъ капитанъ Яковъ Батуринъ, игрокъ, весь въ долгахъ, признанный негодяемъ, но человѣкъ весьма рѣшительный. Не знаю по какому случаю и какъ онъ свелъ знакомство съ егерями великаго князя, но только егеря стали говорить великому князю, что въ бутырскомъ полку есть капитанъ, чрезвычайно преданный его высочеству и говорившій, что весь полкъ раздѣляетъ это чувство. Великій князь былъ очень доволенъ этимъ разсказомъ и пожелалъ узнать отъ егерей разныя подробности о бутырскомъ полкѣ. Ему наговорили много дурного о начальствѣ полка и много хорошаго о подчиненныхъ. Наконецъ, Батуринъ чрезъ егерей же испросилъ разрѣшеніе представиться великому князю. Сперва великій князь не поддавался на это, но потомъ согласился. Короче, когда великій князь поѣхалъ на охоту, Батуринъ ожидалъ его въ уединенномъ мѣстѣ. Завидя великаго князя, Батуринъ упалъ на колѣни и поклялся, что признаетъ государемъ только его и сдѣлаетъ все, что онъ прикажетъ. Великій князь разсказывалъ мнѣ, что, услышавъ подобную клятву, онъ крайне испугался, пришпорилъ лошадь и оставилъ Батурина въ лѣсу, на колѣняхъ, и что егеря, скакавшіе впереди, не слышали клятвы. Великій князь увѣрялъ, что не имѣлъ съ Батуринымъ никакихъ. другихъ сношеній и даже предупреждалъ егерей остерегаться, чтобъ этотъ человѣкъ не ввелъ ихъ въ бѣду Теперь его тревожило извѣстіе, принесенное егерями же, что Батуринъ арестованъ и отвезенъ въ Преображенское,

гдѣ находилась тайная канцелярія, вѣдавшая государственныя преступленія. Его высочество трепеталъ за егерей и боялся быть замѣшаннымъ въ это дѣло. Онъ чрезвычайно трусилъ. Арестовали егерей, допросили въ Преображенскомъ и выслали изъ Москвы. Егеря на допросахъ ни разу не упомянули его имени. Великій князь прыгалъ отъ радости, получивъ это извѣстіе"[1]).

Этотъ эпизодъ, лучше всѣхъ книгъ, просвѣтилъ Екатерину относительно характера великаго князя. Комическая фигура пѣхотнаго офицера на колѣняхъ, въ полѣ, и убѣгающаго отъ него маршъ-маршемъ великаго князя произвела впечатлѣніе на Екатерину и, позже, встала передъ нею какъ живая, рисуя образъ ненаходчиваго, нерѣшительнаго супруга, неспособнаго на борьбу, на сопротивленіе. Екатерина сознается, что она „не читала послѣ и не видѣла дѣла Батурина", и, тѣмъ не менѣе, много лѣтъ спустя, она совершенно вѣрно описала эпизодъ — такъ онъ врѣзался ей въ памяти!

Какъ женщина умная, Екатерина всегда дѣйствовала осмотрительно, но съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ проявляла свой характеръ. Ребенкомъ, въ штетинскомъ городскомъ саду, она руководила играми сверстницъ; дѣвочкой, въ Москвѣ, она своими шалостями приводила въ отчаяніе надоѣдавшихъ ей камеръ-юнгферъ[2]); позже, съ годами, она

---

[1]) *Mémoires*, 121. Этотъ эпизодъ прекрасно изслѣдованъ А. П. *Барсуковымъ*, въ статьѣ „Іоасафъ Батуринъ" (Разсказы изъ русской исторіи XVIII вѣка, Спб. 1885) и можетъ служить новымъ доказательствомъ вѣрности „Записокъ" Екатерины. Она запамятовала только имя Батурина — Яковъ вм. Іоасафъ, и названіе полка — бутырскій вм. ширванскій, но какъ бы въ оправданіе ее, г. Барсуковъ говоритъ, что „ширванскій и бутырскій полки всегда состояли въ одной дивизіи".

[2]) „Нравъ Екатерины былъ веселый, шутливый, но смѣлый, горячій и при юности насмѣшливый... Однажды она, желая посмѣяться надъ своими аргусами и привести ихъ къ замѣшательству, спряталась подъ кровать и, держа въ рукѣ колокольчикъ, звонила. Приставницы, являясь къ призыву и не находя великой княгини въ комнатѣ, удалялись; звонъ опять повторялся, тѣ еще входили, и по неудачныхъ исканіяхъ, по изумленіи откуда происходилъ звукъ и куда она сокрылась, искали ее съ четверть чаеа, недоумѣвали, что

лихо ѣздила верхомъ, смѣло вела запретную переписку и безъ страха встрѣчала опасности; она сознавала себя храброю и, когда было нужно, похвалялась своею смѣлостью, доходившею до дерзости[1]). Обстоятельства, сопровождавшія рожденіе Павла Петровича показали, что великая княгиня обладаетъ твердымъ характеромъ. Спустя годъ, въ концѣ 1755 г., Екатерина уходила, переодѣтою, изъ скучнаго дворца, чтобъ повеселиться съ пріятелями. Вотъ какъ она сама разсказываетъ объ этихъ смѣлыхъ вылазкахъ съ переодѣваніемъ:

„Левъ Нарышкинъ, пустой малый, имѣлъ обыкновеніе мяукать по-кошачьи передъ моею дверью; если я ему отвѣчала, онъ входилъ. 17-го декабря, между 6 и 7 часами вечера, онъ замяукалъ, я его впустила. Онъ принесъ мнѣ поклонъ отъ жены своего старшаго брата, сказалъ, что она не такъ здорова, и прибавилъ:

„— Вамъ слѣдовало бы навѣстить ее.

„— Охотно бы, но вы знаете, что я не могу выходить безъ позволенія, а мнѣ ни за что не позволятъ навѣстить ее.

„— Я васъ проведу.

„— Вы съ ума сошли! Какъ мнѣ идти съ вами: васъ посадятъ за это въ крѣпость, а мнѣ будутъ Богъ знаетъ какія непріятности.

„— О, никто не узнаетъ. Мы примемъ всѣ предосторожности.

„— Какимъ образомъ?

„— Я приду за вами черезъ часъ или черезъ два; великій князь пойдетъ ужинать (давно уже я въ эти часы оставалась у себя въ комнатѣ, подъ предлогомъ, что не ужинаю), просидитъ за столомъ далеко за полночь, на-

---

донести императрицѣ, какъ вдругъ забавлявшаяся Екатерина предстала имъ съ великимъ смѣхомъ". *Сумароковъ*, 18.

[1]) Madame la Grande-Duchesse se pique d'un grand courage. Elle me disait dernièrement en pleine table et devant tous les ministres étrangers à propos de son goût pour monter à cheval: Il n'y a pas de femmes plus hardie que moi; je suis d'une temérité effrenée". Le comte Poniatowski était vis-à-vis d'Elle. Депеша *Лопиталя*, отъ 1-го ноября 1757 г. (*Парижс. Архивъ*, Russie, vol. 54, fol. 83). *Castéra*, I, 199.

пьется и пойдетъ спать (послѣ родовъ моихъ онъ по большей части спалъ въ своей комнатѣ). Для бо́льшей вѣрности, одѣньтесь мущиной и мы вмѣстѣ пойдемъ къ Аннѣ Никитишнѣ.

„Это похожденіе начинало соблазнять меня — я цѣлые дни просиживала одна, у себя въ комнатѣ, за книгами, безъ всякаго общества. Обсуждая съ нимъ это предложеніе, въ сущности весьма нелѣпое, я нашла возможнымъ доставить себѣ это удовольствіе. Онъ ушелъ. Я кликнула моего калмыка - парикмахера и велѣла ему принести одинъ изъ моихъ мужскихъ костюмовъ, сказавъ, что предполагаю подарить его. Калмыкъ этотъ никогда рта не открывалъ; его гораздо труднѣе было заставить говорить, чѣмъ другихъ молчать. Онъ быстро исполнилъ приказаніе и принесъ все, что было нужно. Я сказала, что у меня болитъ голова и что я лягу спать. Какъ только Владиславова уложила меня и ушла, я встала, одѣлась съ ногъ до головы по-мужски, прибравъ какъ можно лучше волосы, къ чему я уже была привычна и ловко подбирала ихъ. Въ условленный часъ Левъ Нарышкинъ пришелъ, комнатами великаго князя, мяукать у моей двери; я отворила ему. Чрезъ малую прихожую мы прошли въ сѣни и сѣли въ его карету, никѣмъ незамѣченные и помирая со смѣху. Левъ Нарышкинъ жилъ вмѣстѣ съ братомъ. Мы застали Анну Никитишну, которая никакъ не ожидала насъ, и провели время самымъ веселымъ образомъ. Спустя часа полтора, я возвратилась также счастливо — ни одна живая душа не повстрѣчалась намъ. Черезъ нѣсколько дней Левъ предложилъ отдать мнѣ визитъ, у меня въ комнатѣ; онъ провелъ всѣхъ ихъ ко мнѣ такъ, что никто не видѣлъ. Эти секретныя свиданія полюбились намъ и мы собирались по два, иногда по три раза въ недѣлю. Только два раза мнѣ пришлось возвращаться пѣшкомъ; но это было вмѣсто прогулки“ [1]).

Вотъ когда, еще при жизни Елизаветы Петровны, Екатерина уходитъ уже тайкомъ изъ дворца, рѣшается на поступокъ, который могъ дорого стоить ей, и рискуетъ

---

[1]) *Mémoires*, 243.

ради „болтовни“ съ пріятелями, ради развлеченія. Очевидно: когда представится крайняя нужда, когда явится вопросъ о самозащитѣ, она рѣшится на все и ни предъ чѣмъ не задумается.

„Такъ начался — говоритъ Екатерина — 1756-й годъ, когда готовились къ войнѣ съ королемъ прусскимъ“. Екатерина въ то время и не думала, конечно, что эта война явится для нея тяжкимъ испытаніемъ, что потребуется вся ея сила воли, весь ея умъ, твердость характера и находчивость, чтобъ удержать за собою занятую ею позицію.

XXVI.

Прусскій король Фридрихъ II всегда зорко слѣдилъ за Россіей. Въ своихъ мемуарахъ, писанныхъ въ 1746 году, онъ совѣтовалъ своимъ преемникамъ „дружбу“ съ Россіей, такъ какъ „Россія, по своему положенію и могуществу, опаснѣйшій изъ всѣхъ сосѣдей“, причемъ онъ высказывалъ въ то же время желаніе, чтобы „Россія никогда не вмѣшивалась въ нѣмецкія дѣла: самое лучшее— оставить медвѣдя въ его берлогѣ и не давать ему даже замѣтить, что въ немъ нуждаются или его боятся“[1]). Вскорѣ, однако, Фридрихъ убѣдился, что Россія можетъ вмѣшаться не только въ нѣмецкія, но даже въ прусскія дѣла: осенью 1746 г. въ Берлинѣ былъ арестованъ „русскій шпіонъ“, совѣтовавшій Россіи „занять Восточную Пруссію и тѣмъ обрѣзать крылья слишкомъ ужь воспарившему сосѣду“[2]); въ 1747 г. была заключена англо-русская субсидная конвенція, угрожавшая Пруссіи; въ 1750 г. были прерваны дипрломатическія сношенія Россіи съ Пруссіею. Для Фридриха II стало очевиднымъ, что медвѣдя въ берлогѣ не удержать, и онъ началъ изыскивать мѣры къ возможно бóльшему ослабленію, если не къ полному устраненію надвигавшагося съ востока удара. Лучшимъ къ тому средствомъ онъ признавалъ сближеніе съ Россіей; но на кого же онъ могъ разсчитывать въ Петербургѣ?

Менѣе всего на императрицу. Со времени воцаренія,

---

[1]) Pol. Corr. V, 11. — [2]) *Preussische Staatsschriften* aus der Regierungszeit König Friedrichs II, 194; *Бильбасовъ*, 5.

Елизавета Петровна всегда была вѣрна Австріи; даже прикосновеніе австрійскаго посланника маркиза Ботто д'Адорно къ лопухинскому дѣлу не охладило дружескихъ ея отношеній къ Маріи-Терезіи. Елизавета Петровна имѣла зубъ противъ Фридриха II, но не столько за безсовѣстный захватъ имъ Силезіи, сколько за „сѣверный вопросъ", въ которомъ Россія и Пруссія заняли непримиримыя положенія относительно Швеціи[1]). Всѣ усилія прусскаго короля сблизиться съ Елизаветой Петровной разбивались объ этотъ сѣверный вопросъ. Фридрихъ II хорошо зналъ это, и если, напримѣръ, въ 1755 году, когда графъ М. П. Бестужевъ-Рюминъ, братъ канцлера, былъ проѣздомъ въ Франкфуртѣ, онъ высказывалъ желаніе достичь „сердечнаго примиренія съ императрицей", или въ 1756 году, разговаривая съ Митчелемъ, „онъ удивлялся, почему русская императрица питаетъ къ нему такое отвращеніе"[2], то былъ лишь неискрененъ, обманывая и русскаго гофмаршала, и англійскаго посланника.

Русскій канцлеръ графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ — заклятой врагъ Пруссіи, но съ этою враждою возможна борьба и, какъ полагалъ Фридрихъ II, борьба довольно легкая: стоило только условиться въ суммѣ дукатовъ. Король скоро убѣдился, что онъ ошибался: Фридрихъ II опредѣлялъ на подкупъ Бестужева то 10,000 дукатовъ, то 100,000 экю, то, наконецъ, готовъ былъ выплатить ту сумму, какая потребуется[3]) — ничто не удалось, и Бестужевъ не взялъ ни гроша. Онъ, вѣроятно, взялъ бы, еслибъ могъ что-либо сдѣлать въ пользу прусскаго короля; но онъ ничего не могъ, ничего и не взялъ. Фридрихъ II убѣдился, что съ Россіею никакое соглашеніе невозможно, „пока дѣлами управляетъ графъ Бестужевъ" и пока жива Елизавета Петровна. „Съ русскими ничего не подѣлаешь, пишетъ онъ своему послу Мишелю въ Лондонъ. Меня извѣщаютъ, что императрица опасно больна; еслибъ она умерла, это могло бы повести къ перемѣнѣ воззрѣній русскаго двора; но помимо такой случайности нельзя ни на что разсчитывать"[4]).

[1]) *Preuss. Staatsschrift.*, II, 232. — [2]) *Pol. Corr.*, XI, 147; XIII, 35. — [3]) *Pol. Corr.*, XIII, 340, 546, 562. — [4]) *Pol. Corr.*, XIV, 230.

Кромѣ императрицы и канцлера, Фридрихъ II особенно хлопоталъ о расположенiи молодого двора. Вначалѣ, не имѣя еще точныхъ свѣдѣнiй о великомъ князѣ Петрѣ Ѳедоровичѣ, прусскiй король поручалъ своему представителю въ Петербургѣ „приласкивать по возможности великаго князя, чтобъ добиться его дружбы“[1]), но вскорѣ увидѣлъ, кому принадлежитъ выдающаяся роль при русскомъ молодомъ дворѣ. Уже въ 1747 году прусскiй посланникъ Финкенштейнъ сообщалъ своему королю: „Можно биться объ закладъ, что великiй князь никогда не будетъ царствовать въ Россiи; не говоря уже о его слабомъ здоровьѣ, угрожающемъ преждевременною смертью, русскiй народъ такъ ненавидитъ великаго князя, что онъ рискуетъ лишиться короны даже и въ томъ случаѣ, еслибъ она естественно перешла къ нему по смерти императрицы“[2]). Въ началѣ 1752 года самъ Фридрихъ II такъ уже отзывается о немъ: „Великiй князь чрезвычайно неостороженъ въ своихъ рѣчахъ, по большей части въ ссорѣ съ императрицей, мало уважаемъ, вѣрнѣе сказать презираемъ народомъ и слишкомъ ужь занятъ своею Голштинiею“[3]). Фридрихъ II менѣе интересуется уже великимъ княземъ и занятъ только великою княгинею: въ раздорахъ великокняжескаго двора его печалятъ только „непрiятности, испытываемыя великою княгинею“, только ей въ угоду назначаетъ онъ пенсiю гр. Брюммеру[4]).

Фридрихъ II не имѣлъ ни повода, ни возможности переписываться непосредственно съ русскою великою княгинею. До вступленiя на престолъ, Екатерина написала ему счетомъ три письма: въ первомъ, несохранившемся или, по крайней мѣрѣ, еще не обнародованномъ, принцесса Софiя извѣстила Фридриха II о своемъ обрученiи съ наслѣдникомъ русскаго престола[5]); во второмъ, отъ

---

[1]) *Pol. Corr.*, III, 28. — [2]) *Pol. Corr.*, V, 472. — [3]) *Pol. Corr.*, IX, 33. — [4]) *Pol. Corr.*, V, 66; VI, 255; VII, 213.

[5]) Въ „Перепискѣ императрицы Екатерины II съ королемъ Фридрихомъ II“, изданной русскимъ историч. обществомъ, не помѣщено письмо Фридриха къ великой княгинѣ отъ 5-го августа (25-го iюля) 1744 г., напечатанное въ *Pol. Corr.*, III, 237. Оно было переслано чрезъ барона Мардефельда, которому король писалъ: Je

21-го іюля 1744 года, благодарила его за участіе „въ созданіи того новаго положенія, въ которое она поставлена“, и въ третьемъ, отъ 12-го марта 1762 года — за поздравленіе „съ восшествіемъ на престолъ императора, ея супруга“. Всѣ эти письма, составленныя, по этикету того времени, въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, не представляютъ интереса и никоимъ образомъ не могутъ служить ни характеристикой Екатерины, ни указателемъ ея отношеній къ Фридриху II. До 1750 года, когда были прерваны всякія дипломатическія сношенія между Петербургомъ и Берлиномъ, Фридрихъ II имѣлъ свѣдѣнія о великокняжескомъ дворѣ отъ своихъ представителей; съ 1750 года, до него доходили только случайно извѣстія, нерѣдко отъ лицъ, проѣзжавшихъ чрезъ Берлинъ. Только съ 1755 года Фридрихъ II сталъ получать болѣе частыя извѣстія отъ Уильямса, англійскаго посланника въ Петербургѣ.

Положеніе сэра Чарльза Генбури Уильямса было чрезвычайно затруднительно. Его пребываніе въ Петербургѣ совпало со временемъ пересмотра международныхъ союзовъ, измѣнившаго политическую систему всей Европы. Поводъ къ этимъ перемѣнамъ подалъ Фридрихъ II, заключивъ союзный договоръ съ своимъ старымъ врагомъ, Англіею, именно въ то время, когда Англія воевала съ Франціею, старою союзницею Пруссіи.

---

vous adresse ci-clos ma réponse à la lettre que la grande duchesse des Russies m'a fait le plaisir de m'écrire (III, 239). Этого письма великой княгини тоже нѣтъ въ „Перепискѣ“ (*Сборникъ*, XX, 149). Судя по отвѣту, именно по встрѣчающемуся въ немъ выраженію: „l'élévation de Votre Altesse Impériale à cette dignité“, надо полагать, что принцесса Софія извѣщала Фридриха II о своемъ нареченіи великою княжною Екатериною Алексѣевною и обрученіи съ великимъ княземъ Петромъ Ѳедоровичемъ. Письмо Фридриха II отъ 5-го августа (25-го іюля) 1744 г. не могло быть отвѣтомъ на то письмо Екатерины, которое помѣщено въ „Перепискѣ“ первымъ: отправленное изъ Москвы 1-го августа (21-го іюля) оно не могло прибыть въ Берлинъ ранѣе 17-го (6-го) августа, считая три дня пути изъ Москвы до Петербурга и тринадцать — отъ Петербурга до Берлина, что видно изъ письма Екатерины II отъ 9-го (20-го) октября 1763 г. (*Сборникъ*, XX, 179).

Дорого заплатилъ Фридрихъ II за вестминстерскій договоръ 5-го января 1756 года. Это былъ капитальный промахъ[1]), подобнаго которому Фридрихъ II не дѣлалъ

---

[1]) Нѣмецкіе историки, долгое время видѣвшіе въ вестминстерскомъ договорѣ „мастерской маневръ" Фридриха II, начинаютъ сознавать, что это „великое намѣреніе" (das grosse Dessein) было довольно грубою ошибкою; но все еще стараются такъ или иначе свалить съ больной головы на здоровую, лишь бы оправдать „великаго короля". Такъ *Bernhardt*, въ своемъ „Friedrich II und der Beginn des siebenjährigen Krieges", говоритъ: Einer der vornehmlichsten Gesichtspunkte Friedrichs bei dem Vertrage mit England bestand gerade darin, sich durch denselhen gegen das mit dieser Macht befreundete Russland zu sichern. Man wird selbst bei Friedrichs Scharfblick diesen Irrthum wohl begreifen können, indem es ohne Zweifel zu den schwierigsten Aufgaben eines Staatsmannes gehört, eine Politik richtig zu schätzen, deren Mittelpunkt die Laune und Reizbarkeit eines Weibes bilden, und deren Organe sich vor allem von der Rücksicht auf die Höhe der zu ihrer Bestechung verwendeten Geldsumme leiten lassen (*Hist. Zeitschr.* XII, 50), О „капризахъ" Елизаветы Петровны въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи — можно только, зная ея характеръ, удивляться, напротивъ, ея выдержкѣ; что же касается подкуповъ, то они въ то время лишь облегчали дипломатическіе ходы — самъ же Фридрихъ II находилъ, что для успѣха нужно только „faire entrer un âne chargé d'or à Pétersbourg" (*Pol Corr.*, I, 91). Иначе смотритъ на этотъ договоръ *Max Duncker*, въ своемъ „Der siebenjährige Krieg". Der Entschluss des Königs war richtig, insoweit es darauf ankam, den Weg zu betreten, der möglicherweise den Frieden in Deutschland erhalten konnte, insoweit es die vornehmste Aufgabe war, wenigstens einen der Gegner (England) zu entwaffnen. Falsch hatte der König gerechnet, soweit er glaubte durch die Verbindung mit England auch Russland und Oesterreich, mindestens aber Russland, entwaffnen zu können. Er überschätzte die finanziellen Verlegenheiten Russlands und noch mehr die Oesterreichs; er überschätzte den Einfluss Englands in Wien und noch mehr dessen Einfluss in Petersburg. Er wusste nicht, wie eng, wie solidarisch Oesterreich und Russland verbunden waren, noch weniger, in welchem Masse Kaunitz den Hof von Paris gewonnen hatte (*Hist. Zeitschr.*, XIX, 157). Удивительная логика: если вестминстерскимъ договоромъ „обезоруживался одинъ противникъ, Англія", то имъ же вооружался новый — Францiя. Вѣдь, договоръ былъ подписанъ въ январѣ 1756 г., а еще въ 1754 г. французскіе колонисты Канады и Луизіаны своими фортами по океану, Огіо и Миссисипи возбуждали англійскихъ колонистовъ, и 28-го мая маіоръ Георгъ Вашингтовъ одержалъ первую побѣду; послѣ столкновенія въ водахъ Ньюфоундлэнда, 8-го іюня 1755 г., англійскаго и французскаго флотовъ не могло быть уже

ни прежде, ни послѣ: этимъ договоромъ число враговъ его не уменьшилось, такъ какъ мѣсто Англіи заняла теперь Францiя, врагъ, къ тому же, для Фридриха болѣе опасный, и не увеличилось число друзей — Россія, какъ была, такъ и осталась, союзницею Австріи, не Пруссіи. Но злѣйшій врагъ Фридриха, Австрія, послѣ версальскаго договора, бывшаго роковымъ, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ договора вестминстерскаго, получила новую силу и значеніе: какъ только Пруссія заключила союзъ съ своимъ врагомъ Англіею, Францiя примирилась съ своимъ вѣковымъ врагомъ Австріею и заключила версальскій союзный договоръ, къ которому пристала и Россія. Извѣстіе о вестминстерскомъ договорѣ произвело въ Петербургѣ крайне неблагопріятное для Фридриха впечатлѣніе, между тѣмъ какъ онъ разсчитывалъ именно на Россію: Фридрихъ разсчитывалъ, что при помощи англо-русскаго субсиднаго договора Англія не только удержитъ Россію отъ союза съ Австріею, но вовлечетъ ее вполнѣ въ сферу прусскихъ интересовъ, и просчиталъ — результатъ получился прямо противоположный. Именно: извѣстіе о вестминстерскомъ договорѣ пришло въ Петербургъ нѣсколько дней спустя послѣ ратификаціи англо-русскаго субсиднаго договора и вызвало знаменитую секретнѣйшую декларацію, déclaration secretissime, въ которой Елизавета Петровна категорически заявила, что субсидный договоръ заключенъ ею именно противъ Пруссіи. Когда Митчель, англійскій посланникъ, представилъ Фридриху эту декларацію, король „молча прочелъ и совершенно спокойно замѣтилъ, что эта декларація дѣлаетъ субсидный договоръ съ Россіею безполезнымъ“[1]), а вѣдь на субсидномъ-то договорѣ покоился, между прочимъ, и вестминстерскій договоръ!

сомнѣнія, что союзники Англіи будутъ признаны Франціей за своихъ враговъ, и наоборотъ. Если, наконецъ, ошибочный взглядъ на русскій дворъ и можетъ быть объясненъ отсутствіемъ прусскаго представителя (Preussen hatte zu jener Zeit keinen Gesandten an dem Petersburger Hofe), если прусскій посланникъ въ Вѣнѣ „не доросъ“ до Кауница (Keith in Wien Kaunitz in keiner Weise gewachsen war), то, вѣдь, Книпгаузенъ въ Парижѣ былъ цѣлою головою выше современныхъ ему дипломатовъ.

[1]) *Pol. Corr.*, XIII, 35.

Послѣ „секретнѣйшей декларацiи“, английское министерство хотѣло отозвать изъ Петербурга Уильямса. Противъ этого возсталъ именно Фридрихъ II. „Это было бы — писалъ онъ — большимъ несчастiемъ относительно молодого русскаго двора, который вдругъ лишился бы его добрыхъ совѣтовъ при обстоятельствахъ наиболѣе критическихъ“ [1]). Въ чемъ же состояли эти добрые совѣты? Почему Фридрихъ дорожилъ влiянiемъ Уильямса на Екатерину?

Въ инструкцiи, данной Уильямсу, отправлявшемуся въ Петербургъ, когда еще не было и рѣчи о сближенiи Англiи съ Пруссiею, сказано: „Крайне невѣроятно, чтобъ споръ Англiи съ Францiею (изъ-за американскихъ владѣнiй) могъ быть улаженъ мирнымъ путемъ; изъ этого спора возникнетъ война. Вслѣдствiе этого, и такъ какъ срокъ заключеннаго въ 1742 году субсиднаго договора съ Россiею истекаетъ въ 1757 году, необходимо заключить возможно скорѣе новый трактатъ. При этомъ русскихъ нужно убѣдить, что они останутся азiатскою ордою, если будутъ сидѣть сложа руки и тѣмъ дадутъ прусскому королю возможность привести въ исполненiе его честолюбивые, опасные и давно уже задуманные имъ планы увеличенiя своего королевства. Его величество король уполномочиваетъ васъ принять всѣ зависящiя отъ васъ мѣры къ предотвращенiю такого бѣдствiя“ (for preventing such a calamity). Другими словами: Уильямсу ставилось въ обязанность возбудить Россiю противъ Пруссiи, и въ одномъ изъ первыхъ же своихъ донесенiй изъ Петербурга онъ сообщаетъ: „Великая княгиня высказала мнѣ надняхъ чистосердечно свое мнѣнiе о прусскомъ королѣ — она не только убѣждена, что Фридрихъ II естественный и опасный врагъ Россiи, но даже лично ненавидитъ его. Прусскiй принцъ, сказала она мнѣ, не обладаетъ такимъ умомъ, какъ король, но его сердце не такое дурное, какъ у короля, сердце котораго, конечно, худшее во всемъ мiрѣ“ [2]).

---

1) *Pol. Corr.*, XIV, 247.

2) Издатель извлеченiй изъ депешъ Уильямса вполнѣ довѣряетъ его извѣстiямъ о „склонности“ Екатерины къ прусскому ко-

Такъ характеризировалъ Уильямсъ взглядъ Екатерины на Фридриха II въ октябрѣ 1755 года; черезъ три мѣсяца, въ январѣ 1756 года, былъ заключенъ вестминстерскій договоръ, въ силу котораго Уильямсу предписывалось ратовать при русскомъ дворѣ уже не противъ, а въ пользу прусскаго короля, какъ союзника Англіи, и Уильямсъ тотчасъ же сообщаетъ, будто „великая княгиня полагаетъ, что только союзъ Россіи, Пруссіи и Англіи можетъ спасти Европу", шлетъ депешу за депешею, убѣждая всѣхъ, что „la Grande-Duchesse est parfaitement bien disposée envers le roi de Prusse", называетъ великую княгиню „ma grande amie", увѣряетъ, что Екатерина очень высоко цѣнитъ „l'amitié du roi de Prusse"[1]) и т. п. Можно-ли довѣрять подобнымъ донесеніямъ?

Уильямсъ, однако, дѣлалъ, въ этомъ же смыслѣ и болѣе важныя сообщенія основанныя на добрыхъ отношеніяхъ, существовавшихъ между великою княгинею и главнокомандующимъ русскою арміею генералъ-фельдмаршаломъ Степаномъ Ѳедоровичемъ Апраксинымъ.

Изъ всѣхъ видныхъ дѣятелей того времени, Апраксинъ занималъ совершенно особое положеніе, не принадлежа ни къ одной изъ боровшихся партій: онъ былъ друженъ съ канцлеромъ Бестужевымъ и близокъ съ его врагами, Шуваловыми; въ случаѣ надобности, „онъ могъ быть полезнымъ посредникомъ между обѣими враждовавшими партіями"[2]). Посѣщая малый дворъ, Апраксинъ нерѣдко бесѣдовалъ съ великою княгинею и откровенно высказывалъ свое мнѣніе о неготовности арміи, собранной для предстоявшей войны, о невозможности зимняго похода въ Пруссію, о необходимости отложить начало военныхъ дѣйствій до весны будущаго года. Это онъ говорилъ императрицѣ, членамъ конференціи, въ коллегіяхъ, всѣмъ,

---

ролю; онъ не сомнѣвается, что и въ данномъ случаѣ Уильямсъ точно передалъ слова великой княгини, но заподозрѣваетъ ихъ искренность: Man darf zweifeln ob Katharina ganz aufrichtig sprach. *Raumer*, II, 296.

[1]) *Raumer*, II, 401; *Pol. Corr.*, XIV, 79, 149, 164, 188, 224.

[2]) *Mémoires*, 247.

ни отъ кого не скрывая своего мнѣнія. Доводы Апраксина были на столько убѣдительны, что не только Екатерина, мало, конечно, понимавшая въ военныхъ дѣлахъ, но Бестужевъ, члены конференціи и императрица вполнѣ соглашались съ нимъ и признавали невозможность зимняго похода. Добрыя отношенія Екатерины къ Апраксину были извѣстны и Елизаветѣ Петровнѣ, которая не видѣла въ нихъ ничего преступнаго, и Фридриху II, который возлагалъ на эту дружбу большія надежды, уже вполнѣ преступныя, относительно государственныхъ интересовъ Россіи.

Уильямсъ, въ своихъ депешахъ, нерѣдко упоминалъ, что такое-то секретное извѣстіе получено имъ отъ великой княгини, что такое-то распоряженіе сообщено ему Екатериною ранѣе его обнародованія[1]) и т. п. Довѣряя Уильямсу, Фридрихъ II полагалъ, что великая княгиня способна имѣть свою политику, политику малаго двора, проводить свои сепаратныя цѣли, несогласныя съ задачами русскаго правительства; Фридрихъ II считалъ возможнымъ подкупить Апраксина при помощи именно Екатерины! Англійскій посланникъ при берлинскомъ дворѣ, Митчель, писалъ своему товарищу въ Петербургъ, Уильямсу, отъ 8-го января 1757 года: „Генералъ Апраксинъ вполнѣ преданъ великой княгинѣ или, по крайней мѣрѣ, выдаетъ себя за преданнаго ей. Онъ вовсе не воинъ и дурного мнѣнія о своемъ войскѣ; поэтому можно полагать, что онъ вовсе не желаетъ схватиться съ прусаками въ открытомъ бою. Сверхъ того, Апраксинъ — человѣкъ расточительный и всегда нуждающійся, не смотря на богатые подарки, которые дѣлаетъ ему императрица. На этомъ основаніи прус-

---

[1]) Сообщая, со словъ канцлера Бестужева, чрезвычайно важныя извѣстія о рѣшеніи петербургскаго двора приступить къ версальскому договору, Уильямсъ прибавляетъ: La Grande-Duchesse m'a informé de tout ce qui s'est passé, avant même que le Chancelier m'en a parlé (*Pol. Corr.*, XIV, 164). Если это вѣрно, почему же Уильямсъ медлилъ сообщить эту новость Фридриху II до тѣхъ поръ, пока не узналъ ее отъ Бестужева? Уильямсъ просто клевещетъ на Екатерину; онъ узналъ эту новость офиціально. отъ канцлера Бестужева, и лишь похваляется, что зналъ ее раньше, отъ великой княгини.

скій король полагаетъ, что Апраксину можно предложить извѣстную сумму денегъ, лишь бы онъ задержалъ движеніе русскихъ войскъ, поводъ къ чему всегда легко найдется у главнокомандующаго. Слѣдовало бы при этомъ случаѣ воспользоваться великою княгиней, если она согласится взять это на себя"[1]).

Уильямсъ ошибался самъ и вводилъ въ заблужденіе Фридриха II относительно прусскихъ симпатій Екатерины. Подобныя инсинуаціи Уильямса не выдерживаютъ критики сами по себѣ и опровергаются непреложными данными. Навязываемая великой княгинѣ роль политическаго интригана и даже шпіона является въ данномъ случаѣ просто немыслимою: Екатерина не могла быть шпіономъ, еслибъ даже и желала. Какъ въ то время, такъ и позже, Екатерина „была глубоко убѣждена, что относительно правительства не могла ни въ чемъ упрекнуть себя"[2]). Самое положеніе великой княгини заставляетъ относиться съ полнымъ довѣріемъ къ этому признанію Екатерины. Какіе секреты были извѣстны великой княгинѣ? Какимъ значеніемъ при рѣшеніи государственныхъ вопросовъ она пользовалась? Что могла открыть она Уильямсу, въ чемъ помочь? До малаго двора доходили лишь городскіе слухи, бывшіе достояніемъ всѣхъ. Великій князь, правда, засѣдалъ иногда въ конференціи, но вѣдь великимъ княземъ-то былъ Петръ Ѳедоровичъ![3]) Вотъ почему Уильямсъ не сообщилъ въ своихъ депешахъ ни одной сколько-нибудь важной новости[4]), которая ранѣе того не была бы извѣстна изъ другихъ источниковъ. Желая увѣрить Фридриха II въ склонности Екатерины къ Пруссіи, Уильямсъ сообщалъ въ своихъ депешахъ о такихъ письмахъ къ нему великой княгини, которыхъ она никогда не писала и писать не могла[5]). Фридрихъ II вѣрилъ Уильямсу; вѣрилъ

[1]) *Raumer*, II, 420. — [2]) *Mémoires*, 318.

[3]) On ne traite que de bagatelles en sa présence et les affaires de quelque importance se règle à son insu (*Париж. Архивъ*, Russie, carton 1750, suppl. № 7); *Raumer*, II, 409; *Соловьевъ*, XXIV, 63.

[4]) Въ декабрѣ онъ не имѣлъ еще инструкціи Апраксину отъ 5-го октября, между тѣмъ какъ былъ „друженъ" съ Екатериною, а Екатерина „дружна" съ Апраксинымъ! — [5]) См. Изслѣдованіе 3-е: „Подложное письмо Екатерины".

на столько, что полагалъ, будто Екатерина способна содѣйствовать подкупу Апраксина! Лучшимъ отвѣтомъ на подобное предположеніе, выраженное въ вышеприведенномъ письмѣ отъ 8-го января 1757 года, служитъ слѣдующее собственноручное письмо Екатерины къ канцлеру Бестужеву, отъ 30-го же января:

„Я съ удовольствіемъ узнала изъ городскихъ слуховъ, что наша армія скоро начнетъ приводить въ исполненіе наши деклараціи, которыя покрыли бы насъ позоромъ, еслибъ остались неисполненными. Я поручила поздравить по этому поводу фельдмаршала Апраксина и выразить ему мои пожеланія возможно быстрыхъ успѣховъ, и поздравляю также и васъ, такъ какъ вы принимали наибольшее участіе въ тѣхъ рѣшеніяхъ, которыя, какъ я надѣюсь, послужатъ на пользу и къ славѣ Россіи и которыя, самымъ ослабленіемъ короля прусскаго, могутъ привести къ возстановленію старой системы, которая есть ваше дѣтище... Я прошу васъ рекомендовать нашему общему другу, фельдмаршалу Апраксину, чтобъ онъ, *побивъ короля прусскаго, ограничилъ его старыми предѣлами*, такъ чтобы мы сами не были вынуждены быть вѣчно насторожѣ. Въ этомъ состоитъ ваша система, и я ничего противъ нея не имѣю, потому что я усвоила ее себѣ“[1]).

Кажется, ясно, на чьей сторонѣ симпатіи Екатерины: Фридрихъ II надѣется задержать при ея помощи наступленіе русскихъ войскъ Апраксина, а Екатерина проситъ „recomander à maréchal Apraxin, après avoir battu le Roi de Prusse de le confiner dans les anciennes bornes“! Кажущееся въ этомъ случаѣ противорѣчіе Екатерины съ ея прежними взглядами легко объясняется. Пока Апраксинъ былъ въ

---

1) Письмо это сохранилось въ копіи, приложенной къ депешѣ саксонскаго резидента Прассе, отъ 2-го (13-го) февраля 1757 года. Прассе сообщаетъ, будто первая половина письма была составлена по-французски, вторая — по-русски; онъ даже называетъ ихъ двумя записками великой княгини, писанными въ одинъ и тотъ же день (*Preussische Jahrbücher*, XXVII, 576). Чтобъ вполнѣ оцѣнить всѣ эти догадки, высказываемыя саксонскимъ резидентомъ, необходимо принять во вниманіе, между прочимъ, слѣдующее воспоминаніе Екатерины о немъ. De M. Prasse paraissait souvent instruit de quantité de particularités dont on était étonné d'où il les savait. Plusieurs années après le canal se découvrit: il était l'amant fort secret et fort discret de la femme du vice-chancelier, la comtesse Anna Karlovna, née Scavronsky; celle-ci était très liée avec la femme du maitre des cérémonies Samarine, et c'était chez cette femme que la comtesse voyait M. Prasse. *Mémoires*, 302.

Петербургѣ и „убѣдительно“ доказывалъ невозможность зимняго похода, не только Екатерина или канцлеръ Бестужевъ, но даже и конференція соглашалась съ нимъ и признавала, что наступленіе не можетъ быть начато ранѣе весны[1]); теперь Апраксинъ, въ Ригѣ, среди войскъ, еще болѣе убѣдился въ неготовности арміи къ походу за границу, въ непріятельскую землю; но, съ отъѣздомъ Апраксина, Екатерина лишена уже свѣдѣній чисто военныхъ; въ Петербургѣ преобладаютъ теперь соображенія чисто политическія, и не только отдѣльныя лица, но и вся конференція находитъ, что „въ виду перемѣнившихся обстоятельствъ“ необходимо немедленно открыть кампанію, чтобъ „замыслы короля прусскаго уничтожить“. Письмо Екатерины къ Бестужеву — отголосокъ общаго настроенія, въ которомъ доминирующею нотою звучитъ желаніе „ограничить“ прусскаго короля.

Эта нота слышится и позже, въ томъ участіи, съ которымъ Екатерина слѣдитъ за дѣйствіями русской арміи. Весною, въ апрѣлѣ, Екатерина пишетъ Апраксину собственноручное письмо, въ которомъ проситъ его не медлить наступленіемъ на Пруссію[2]); когда пришло извѣстіе о пораженіи пруссаковъ подъ Гроссъ-Егердорфомъ, вели-

---

[1]) „До будущей весны не признавается за удобно всею арміею дѣйствовать противъ Пруссіи“, сказано въ инструкціи генералу Апраксину отъ 5-го октября 1756 года (*Арх. кн. Воронцова*, III, 525).

[2]) Письмо это не сохранилось. Объ немъ упоминается въ допросѣ генералъ-квартирмейстера Веймарна, который возилъ письмо (*Бильбасовъ*, 92). Содержаніе письма передаетъ маркизъ *Лопиталь* въ депешѣ отъ 14-го мая 1757 года: La Grande-Duchesse a eu l'indiscrétion, pour ne pas dire la témérité, d'écrire une lettre au général Apraxin par laquelle Elle le dispensait du serment qu'il lui avait fait de ne point faire agir l'armée, et lui donnait permission de la mettre en activité (*Парижс. Архивъ*, Russie, vol. 56, f. 165), И клятва Апраксина, и разрѣшеніе Екатерины — прикрасы французской партіи; письмо это, по содержанію, было сходно съ письмомъ Екатерины къ Бестужеву отъ 30-го января. Догадка Лопиталя, будто это письмо было первымъ шагомъ къ низложенію Бестужева, тоже не выдерживаетъ критики: M. de Bestuchew ayant un jour montré cette lettre en original à M. Bucow, lieutenant-général de l'Impératrice-Reine, qui est venu à Pétersbourg pour hâter les opérations de l'armée russe, cet officier général se fit un devoir d'aller dire aussitôt à M. de Woronzow,

кая княгиня „дала у себя, въ саду, большой обѣдъ“ въ честь побѣдителей[1]). Именно въ это время, въ 1757 г., Екатерина, сверхъ того, имѣла и личныя причины ненавидѣть Фридриха II и „противодѣйствовать“ ему[2]).

При великокняжескомъ дворѣ были, дѣйствительно, симпатіи къ Пруссіи, но Екатерина была въ нихъ неповинна: всѣмъ въ Петербургѣ было извѣстно, что великій князь такой же закоренѣлый прусакъ, какъ великая княгиня неисправимая англичанка[3]).

---

au chambellan Schouvaloff et à M. le comte Esterhazi. Voilà le premier pas qui a entraîné la chute de M. de Bestuchew (*Ibid.*).

[1]) *Mémoires*, 281. — [2]) *Preuss. Jahrb.*, XLVII, 577.

[3]) Le Grand-Duc est aussi prussien enraciné que M-me la Grande-Duchesse est anglaise forcenée. Депеша *Лопиталя*, отъ 30-го ноября 1757 г. (*Парижс. Архивъ*, Russie, vol. 54, f. 136).

XXVII.

Англійскій посланникъ сэръ Чарльзъ Генбури Уильямсъ прибылъ въ Петербургъ въ началѣ іюня 1755 года и въ день св. Петра и Павла, 29-го іюня, въ Ораніенбаумѣ, представлялся молодому двору. Уильямсъ произвелъ на великую княгиню самое благопріятное впечатлѣніе.

„Около троицына дня — говоритъ Екатерина — прибылъ въ Россію англійскій посланникъ кавалеръ Уильямсъ. Въ свитѣ его находился графъ Понятовскій, полякъ, отецъ котораго держалъ сторону Карла XII, шведскаго короля. Императрица приказала отпраздновать имянины великаго князя въ Ораніенбаумѣ. Къ намъ съѣхалось много народа; танцовали въ той залѣ, которая при входѣ въ мой садъ, и потомъ въ ней же ужинали; посланники и иностранные министры также явились. Помню, что за ужиномъ англійскій посланникъ, кавалеръ Уильямсъ, былъ моимъ сосѣдомъ, и мы вели съ нимъ пріятную и веселую бесѣду: онъ былъ уменъ, свѣдущъ, объѣздилъ всю Европу— съ нимъ нетрудно было разговаривать. Помню еще, что, увидѣвъ танцующаго графа Понятовскаго, я заговорила съ кавалеромъ Уильямсомъ объ отцѣ Понятовскаго и о томъ вредѣ, который онъ причинилъ Петру I. Англійскій посланникъ наговорилъ мнѣ много хорошаго о сынѣ и подтвердилъ то, что я уже знала, именно, что отецъ его и семья его матери, Чарторижскіе, составляли въ то время русскую партію въ Польшѣ; что отецъ послалъ сына въ Россію и поручилъ его ему съ тѣмъ, чтобъ воспитать въ

немъ ихъ же чувства къ Россіи. Графу Понятовскому могло быть тогда 22 или 23 года"[1]).

Этого мало: графъ Станиславъ Понятовскій былъ не только молодъ, но красивъ, любезенъ, ловокъ. Свѣтлый умъ Понятовскихъ, всестороннее образованіе Чарторижскихъ и природная живость поляка замѣтно выдѣляли графа Станислава изъ всей придворной jeunesse dorée того времени. По внѣшности, съ нимъ могъ бы поспорить развѣ Сергѣй Васильевичъ Салтыковъ[2]), но его поведеніе, вслѣдъ за рожденіемъ Павла Петровича, только „оскорбляло" Екатерину: „Я узнала въ это время до какой степени Салтыковъ велъ неумѣренную жизнь и какъ онъ волочился за всѣми дамами, которыя ему попадались" [3]). Послѣ этого Салтыковъ, еслибъ и оставался въ Петербургѣ, не могъ бы болѣе удержаться въ милости у великой княгини. Какое же сравненіе съ графомъ Понятовскимъ: едва лишь увидѣвъ Екатерину, онъ только и жилъ мыслью о ней. Присылаетъ-ли Левъ Нарышкинъ великой княгинѣ шутливыя записочки, „всегда прелестно составленныя и остроумныя", писанныя секретаремъ Нарышкина, оказывается, что этотъ секретарь — графъ Понятовскій; устраивается-ли какая-нибудь partie de plaisir, первое лицо, которое видитъ великая княгиня — графъ Понятовскій; всюду и всегда глазъ Екатерины встрѣчается со взглядомъ красиваго поляка графа Станислава. Зато, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, комнатная болонка великой княгини, бросавшаяся на чужихъ, ласкалась къ графу Понятовскому, вскакивала къ нему на колѣни, лизала его[4]).

Частыя свиданія съ графомъ Понятовскимъ, долгіе разговоры съ нимъ и о немъ познакомили Екатерину съ

---

[1]) *Mémoires*, 238, 239; *Laveaux*, I, 88; III, 63—69.

[2]) Только по внѣшности. Въ депешѣ *Лопиталя*, отъ 29-го ноября 1758 года: Mr. de Solticoff est un homme vain et un petit maitre russe, c'est-à-dire un homme ignorant, sans goût et sans mérite. По его мнѣнію, Салтыкова нельзя даже сравнить съ Понятовскимъ: il n'y a en effet aucune comparaison à faire. Лопиталь прибавляетъ: Un troisième encore plus aimable ferait oublier Mr. de Poniatowski (*Парижс. Архивъ*, Russie, vol. 58' f. 267). — [3]) *Mémoires*, 229, 240. — [4]) *Mémoires*, 241, 254, 254.

положеніемъ партій и дѣлъ въ Польшѣ, которою умный собесѣдникъ скоро заинтересовалъ великую княгиню. Онъ принадлежалъ къ русской партіи, во главѣ которой стояли родственники его матери, князья Чарторижскіе, и Екатерина начинаетъ ззботиться о положеніи этой партіи. Въ небольшой запискѣ къ канцлеру графу Бестужеву она извѣщаетъ его, что „составленъ проектъ выступить въ дѣлахъ Польши противъ графа Брюля и для этого послать гофмаршала Бестужева, его брата, посланникомъ въ Польшу, чтобъ разгромить всѣхъ, кто желалъ бы уничтожить сторонниковъ Россіи", что „поводомъ къ составленію этого проекта послужило то обстоятельство, будто онъ, канцлеръ, пренебрегаетъ интересами Россіи, для которой весьма важно имѣть свою партію въ сосѣднемъ королевствѣ, какова Польша, чтобъ стараться смѣнить министерство", и что, наконецъ, „графъ Брюль похваляется, будто канцлеръ Бестужевъ держитъ его сторону" [1]).

---

[1]) Объ этой запискѣ впервые упомянуто въ *Pol. Corr.*, XII, 305). Подлинникъ ея не сохранился, и она издана по копіи, которую саксонскій резидентъ въ Петербургѣ, Функе, прислалъ графу Брюлю въ Дрезденъ; графъ Брюль передалъ ее совѣтнику прусскаго посольства Мальцану, а Мальцанъ переслалъ Фридриху II. Изъ Петербурга копія была отправлена при депешѣ 1-го марта 1756 года и изложена въ слѣдующемъ видѣ: Le billet de la Grande-Duchesse au grand-chancelier Bestushew, pour l'avertir qu'il y avait un projet d'agir vigoureusement dans les affaires de Pologne contre le comte Brühl et d'envoyer pour cela le grand-maréchal Bestushew comme ambassadeur en Pologne, pour foudroyer tous ceux qui voudraient y détruire les partisans de la Russie; que les auteurs (de ce projet) se servaient du prétexte que le grand-chancelier Bestushew négligeait les intérêts de la Russie, à laquelle il importait d'avoir un parti dans un royaume voisin comme la Pologne, pour tâcher de changer le ministère; que le comte Brühl se vantait d'être sûr du Grand-Chancelier. Достовѣрность этого „billet" не подлежитъ сомнѣнію. Изъ бумагъ конференціи видно, что „нужнымъ и удобнымъ пунктомъ" признавалось „Польшу исподволь пріуготовлять, чтобы она проходу здѣшнихъ войскъ для атакованія Пруссіи не только не препятствовала, но паче охотно на то смотрѣла" (*Арх. кн. Воронцова*, III, 397), а для этого представлялось, что „надобность отправленія въ Польшу знатнаго министра нынѣ паче нежели когда настоитъ" (*idem*, III, 430). Не смотря, однако, на давнія интриги гофмаршала графа М. П. Бестужева-Рюмина противъ своего брата великаго канцлера графа

Исполнилась, слѣдовательно, надежда Уильямса, что графъ Понятовскій „будетъ имѣть успѣхъ въ Россіи“ — онъ имѣлъ успѣхъ у великой княгини, личный и политическій. А Уильямсъ, называвшій графа Понятовскаго „своимъ сыномъ“?

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, практическій англичанинъ подробно ознакомился съ положеніемъ великокняжескаго двора, причемъ довольно точно освѣдомился, что какъ великій князь, такъ и великая княгиня постоянно нуждаются въ деньгахъ. Уильямсъ, скоро оцѣнившій великую княгиню, открылъ Екатеринѣ довольно широкій кредитъ у англійскаго консула, банкира барона Вольфа, ссужавшаго великой княгинѣ, по его записочкамъ, десятки тысячъ рублей[1]).

Относительно денегъ Екатерина скоро обрусѣла и не знала имъ счета. Въ своихъ „Запискахъ“ она не разъ старается оправдать свои расходы и неизбѣжные, по ея мнѣнію, долги[2]); но эти оправданія слабы и неубѣдительны. Какъ великая княгиня, она получала 30,000 рублей въ годъ „карманныхъ денегъ“, которыхъ, конечно, оказывалось недостаточно при томъ, что она проигрывала въ карты по 17,000 руб. въ годъ или устраивала празднества, на которыхъ всему Ораніенбауму раздавались подарки. Накоплявшіеся долги Екатерина покрывала случайными

А. П. Бестужева-Рюмина (*Pol. Corr.*, XI, 248), въ Варшаву былъ отправленъ не гофмаршалъ Бестужевъ, а генералъ-квартирмейстеръ Веймарнъ. Въ это время графъ Брюль дѣйствовалъ заодно съ французскимъ посланникомъ Дюраномъ и секретаремъ прусскаго посольства Бенуа, то-есть, противъ русскихъ интересовъ, и могъ, конечно, только похвалиться, что „Бестужевъ въ его рукахъ“. Екатерина, узнавъ эти подробности отъ графа Понятовскаго, спѣшитъ предупредить канцлера Бестужева, въ то время ей вполнѣ преданнаго. Это, по счету, первое политическое письмо Екатерины.

[1]) До настоящаго времени извѣстны два займа, сдѣланные Екатериною у англійскаго консула Вольфа, отъ 21-го іюля 1756 года, въ тысячу червонцевъ, и отъ 11-го ноября того же года, въ 44,000 рублей (*Сборникъ*, VII, 73). Неизвѣстно, когда начались эти займы, но несомнѣнно, что заемъ 21-го іюля не былъ первымъ. Въ запискѣ отъ этого числа Екатерина пишетъ барону Вольфу: c'est avec peine que je m'adresse *de nouveau* à vous. — [2]) *Mémoires*, 23, 86, 222, 293, 304 и др.

полученіями, въ видѣ подарковъ отъ императрицы, какъ, напримѣръ, тѣми 100,000 руб., которыя она получила въ день крещенія Павла Петровича; но эти рѣдкія экстренныя полученія далеко не равнялись долгамъ. Пока Уильямсъ былъ въ Петербургѣ, денежная нужда Екатерины удовлетворялась довольно легко и, тѣмъ не менѣе, за мѣсяцъ до отъѣзда Уильямса, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, аббатъ Берни, извѣщаетъ уже французскаго посла въ Петербургѣ, маркиза Лопиталя, что по дошедшимъ „съ разныхъ сторонъ“ въ Парижъ свѣдѣніямъ великій князь и великая княгиня сильно нуждаются въ деньгахъ, и поручаетъ ему разузнать все обстоятельно, такъ какъ для французскаго короля было бы чрезвычайно выгодно ссудить деньги и тѣмъ обезпечить до извѣстной степени успѣхъ своего дѣла. Послу предписывается глубочайшая въ этомъ отношеніи тайна, особенно отъ императрицы[1]).

Уильямсъ обязалъ Екатерину не только денежными ссудами. Екатеринѣ было 26 лѣтъ, когда Уильямсъ прибылъ въ Петербургъ. Она была женщина красивая, веселая, энергичная и, по условіямъ придворной жизни того времени, лишенная всякой живой дѣятельности. Уже восьмой мѣсяцъ была она матерью перваго ребенка, но этого ребенка удалили отъ ея материнскихъ заботъ, и она по цѣлымъ мѣсяцамъ не видитъ его; отецъ этого ребенка только-что оказался недостойнымъ той любви, которою пользовался. Именно въ это время, въ свитѣ англійскаго посланника прибылъ въ Петербургъ полякъ графъ Понятовскій. Онъ произвелъ на Екатерину большое впечатлѣніе. Въ трудныя минуты жизни она вспом-

---

[1]) Nous avons par plus d'une voie des avis que le Grand-Duc et la Grande-Duchesse de Russie sont dans un grand besoin d'argent, et l'on nous a même fait des insinuations tendantes à les aider sesrètement de quelques sommes, ce que l'on assurait devoir les attacher à Sa Majesté et favoriser la réunion , . . Cette affaire doit rester dans le secret le plus profond. Vous jugerez combien il importe pour le Grand-Duc et la Grande-Duchesse qu'elle ne parvienne jamais à la connaissance de l'Imératrice qui pourrait prendre un parti capable de détruire ce que nous cherchons à faire. Отъ 17-го іюля 1757 года (*Парижс. Архивъ*, Russie, vol. 53, f. 157).

нила это и подобныя ему впечатлѣнія и такъ объясняла ихъ:

„Я была одарена очень большою чувствительностью и внѣшностью, по меньшей мѣрѣ, весьма привлекательною — я нравилась съ перваго же взгляда, не употребляя для этого никакого искусства, никакихъ прикрасъ. Я была въ высшей степени общительна и имѣла нравъ скорѣе мужской, чѣмъ женскій; но съ умомъ и характеромъ мужчины во мнѣ соединялась привлекательность весьма любезной женщины. Я сказала уже, что нравилась мужчинамъ; слѣдовательно, одна половина искушенія была уже готова, другая же, по самой сущности человѣческой природы, является вслѣдъ за первою, потому что искушать и быть искушаему — очень близко одно отъ другаго. Если же къ этому примѣшается еще чувствительность, то какіе бы строгіе принципы нравственности ни были запечатлѣны въ головѣ, непремѣнно очутишься гораздо дальше, чѣмъ предполагалъ, и я до сихъ поръ не знаю, какимъ образомъ можно преодолѣть это. Быть можетъ, въ этомъ случаѣ только удаленіе могло бы помочь; но бываютъ случаи, положенія, обстоятельства, когда никакое удаленіе невозможно — какъ избѣгать, какъ удаляться, отворачиваться среди придворной обстановки? Это тотчасъ обратило бы на себя вниманіе, возбудило бы толки. Да, если удалиться нельзя, то, по-моему, нѣтъ ничего труднѣе, какъ не поддаться тому, что сильно прельщаетъ. Все, что ни говорили бы противъ этого, все будетъ только лицемѣріе и незнаніе человѣческаго сердца. Человѣкъ невластенъ въ своемъ сердцѣ; его въ кулакѣ не удержишь, и оно никакихъ разсудочныхъ приказаній не слушаетъ"[1]).

Графъ Понятовскій былъ принятъ при большомъ дворѣ, появлялся въ высшемъ петербургскомъ обществѣ, сблизился съ малымъ дворомъ. Онъ понравился великому князю своими насмѣшками надъ саксонцами, не только надъ графомъ Брюлемъ, но и надъ королемъ Августомъ — Петру Ѳедоровичу нравился всякій, принижавшій вра-

---

[1]) *Mémoires*, 331.

говъ боготворимаго имъ Фридриха II; онъ увлекъ великую княгиню своею непринужденною веселостью, своимъ игривымъ остроуміемъ, красотою, умомъ, ловкостью. Графъ Понятовскій велъ себя въ Петербургѣ крайне неосторожно. Что онъ поддерживалъ родственную ему партію Чарторижскихъ, враждовавшихъ съ польскимъ королемъ, что онъ хлопоталъ объ острожскомъ наслѣдствѣ[1]), приносившемъ Чарторижскимъ мильонные доходы — это было, по крайней мѣрѣ, естественно и понятно со стороны частнаго человѣка, родственника князей Чарторижскихъ; но онъ позволялъ себѣ, сверхъ того, легкомысленныя выходки противъ государственныхъ людей Саксоніи, всякія интриги и происки противъ саксонскихъ интересовъ, стараясь „раздражить русскій дворъ противъ польско-саксонскаго" [2]). Графъ Понятовскій прожилъ въ Петербургѣ съ небольшимъ годъ и, въ августѣ 1756 года, долженъ былъ покинуть русскую столицу по требованію польско-саксонскаго правительства. Удаленіе графа Понятовскаго было крайне непріятно молодому двору, и великая княгиня употребила все свое вліяніе на канцлера Бестужева, чтобъ ускорить возвращеніе графа въ Петербургъ. Этому много содѣйствовалъ Уильямсъ[3]). По настоянію Екатерины, начались переговоры между графами Бестужевымъ и Брюлемъ. Бестужевъ признавалъ, что для императрицы графъ Понятовскій вовсе не persona grata, но усиленно доказывалъ необходимость исполнить желаніе молодого двора; Брюль находилъ несвоевременнымъ раздражать великокняжескую чету отказомъ, и 23-го декабря 1756 года графъ Понятовскій возвратился въ Петербургъ, но уже не частнымъ человѣкомъ, а въ качествѣ министра Польской Республики[4]).

Положеніе графа Понятовскаго, какъ лица офиціальнаго, стало теперь еще болѣе деликатнымъ, поведеніе же его еще болѣе неосторожнымъ. Тотчасъ по прибытіи въ

---

[1]) *A. de Broglie,* La diplomatie secrète de Louis XV (*Revue de deux Mondes*, 1870, mai, p. 299). — [2]) Депеша *Прассе*, отъ 21 іюня 1756 года.

[3]) *Mémoires,* 255. — [4]) *Mémoires,* 253; *Castéra,* I, 188.

Петербургъ, онъ передалъ канцлеру Бестужеву бумагу, которою ходатайствовалъ, чтобы русскому резиденту въ Варшавѣ приказано было хлопотать въ пользу Чарторижскихъ въ спорномъ дѣлѣ объ острожскомъ наслѣдствѣ[1]), и Бестужевъ долженъ былъ исполнить эту просьбу, такъ какъ она была поддержана собственноручной записочкой великой княгини[2]). Другими словами: официальный представитель польскаго короля дѣйствуетъ прямо во вредъ интересамъ своего государя[3]). Не удивительно, что графъ Брюль грозилъ немедленно же отозвать графа Понятовскаго изъ Петербурга[4]).

Эта угроза смутила Бестужева: если она будетъ приведена въ исполненіе, весь гнѣвъ великой княгини обрушится на него. Увѣдомляя великую княгиню о предстоящей бѣдѣ, графъ Бестужевъ указывалъ и средство избѣжать угрозы. Англійскій посланникъ Уильямсъ крайне враждебенъ польско-саксонскому двору, между тѣмъ графъ Понятовскій, представитель этого двора, сообщаетъ всѣ секреты своему другу Уильямсу, Уильямсъ передаетъ ихъ Фридриху II, а Фридрихъ II пользуется этими свѣдѣніями для своихъ злостныхъ видовъ противъ Саксоніи. Нельзя, поэтому, и винить гр. Брюля за его неудовольствіе на гр. Понятовскаго, и крайне необходимо, чтобъ графъ Понятовскій измѣнилъ свои отношенія къ Уильямсу — объ этомъ слѣдуетъ серьезно подумать, если желательно сохранить за графомъ Понятовскимъ занимаемый имъ постъ. Екатерина отвѣчала на это предостереженіе слѣдующимъ письмомъ графу Бестужеву:

„Благодарю васъ за сообщенныя вами извѣстія о злыхъ умыслахъ прусскаго короля; это даетъ мнѣ новое оружіе для противодѣйствія ему. Но наибольшее доказа-

---

[3]) Réflexions du Primas du royaume de Pologne (*Парижс. Архивъ*, Russie vol. 53, f. 325); депеша *Дугласа* къ Рулье отъ 23-го апрѣля 1757 года (*Ibid.*, vol. 53, f. 338). — [4]) Отъ 2-го февраля 1757 года. Записка эта не сохранилась; объ ней упоминаетъ Прассе въ депешѣ отъ 13-го февраля. *Preus. Jahrb.*, XLVII, 575. — [5]) Депеша *Лопиталя* отъ 13-го авг. 1757 г. (*Парижс. Архивъ*, Russie, vol. 53, suppl. № 9). — [6]) Письмо гр. *Брюля* саксонскому резиденту Прассе, отъ 21-го марта 1757 г. *Mémoires*, 302.

тельство дружбы вашей, какое вы можете представить мнѣ, заключается въ твердой и рѣшительной поддержкѣ и защитѣ графа Понятовскаго отъ его враговъ. Ему столь многимъ обязаны, что, казалось бы, не должны и думать о нанесенiи ему вреда. Если повредятъ, жестоко раскаются. Прощайте. Надѣюсь на Васъ" [1]).

Для Бестужева нѣтъ выбора; если надежды Екатерины на него не оправдаются, если графъ Понятовскiй будетъ отозванъ, Бестужевъ потеряетъ послѣднюю свою опору. Противъ него вице-канцлеръ Воронцовъ, противъ него всѣ Шуваловы; они возстановили противъ него и императрицу; только великая княгиня за него, только ради нее враги канцлера не высказываются еще открыто, громко. Выбора нѣтъ, и воля Екатерины должна быть исполнена. Послѣ недолгихъ переговоровъ, саксонскiй резидентъ Прассе заявилъ, что графъ Понятовскiй можетъ остаться въ Петербургѣ лишь подъ двумя условiями: прервать всякiя сношенiя съ Уильямсомъ и не идти противъ короля, своего государя, въ спорномъ вопросѣ объ острожскомъ наслѣдствѣ. Узнавъ эти условiя, Екатерина требовала отъ Бестужева, чтобъ онъ написалъ графу Брюлю рѣшительное письмо, въ которомъ сообщилъ бы ему, что отношенiя графа Понятовскаго къ Уильямсу никоимъ образомъ не вредятъ собственно варшавскому двору и что пребыванiе графа Понятовскаго въ Петербургѣ признается безусловно необходимымъ. Великая княгиня писала по этому поводу графу Бестужеву:

„Упрекать графа Понятовскаго за его сношенiя съ Уильямсомъ болѣе чѣмъ жестоко, такъ какъ вы сами одобряли эти сношенiя и даже требовали ихъ, находя, что только графу Понятовскому можно довѣрить подобную переписку. Теперь, вмѣсто того, чтобы быть ему благодарнымъ за то, что онъ честно хранитъ тайну, разоблаченiе которой послужило бы лучшимъ его оправданiемъ, вы платите недовѣрiемъ... Я знаю, что еслибъ вы потребовали отъ графа Брюля, чтобъ онъ не ѣлъ хлѣба, онъ послушается васъ. Лишь бы только вы дѣйствовали

---

[1]) *Preus. Jahrb.*, XLVII, 577.

такъ, какъ я желаю, то никогда не посмѣютъ поступать противно тому, чего вы искренно желаете. Я до послѣдней крайности послѣдую всѣмъ совѣтамъ, которые вы даете мнѣ относительно предосторожностей, и хотя онѣ, быть можетъ, только плодъ воображенія, я все таки благодарю васъ за нихъ. Все зависитъ отъ васъ, и я въ этомъ случаѣ полагаюсь и буду полагаться только на васъ"[1]).

Екатерина не ошиблась: по совѣту Бестужева, графъ Брюль, дѣйствительно, отказался отъ хлѣба. Саксонскій министръ вполнѣ подчинился въ этомъ случаѣ указаніямъ русскаго канцлера и писалъ ему изъ Варшавы, отъ 11-го іюля 1757 года: „Графомъ Понятовскимъ здѣсь на столько довольны, что вовсе и не думаютъ объ его отозваніи. Его королевское величество, не будучи въ состояніи достойно вознаградить его вѣрную службу деньгами и приличнымъ содержаніемъ, рѣшился поощрить усердную и полезную службу названнаго графа другимъ способомъ который ему будетъ, конечно, гораздо пріятнѣе и важнѣе, чѣмъ деньги"[2]).

Екатерина, такимъ образомъ, настояла на своемъ; она одержала побѣду, но неполную: графъ Понятовскій остался въ Петербургѣ, но сэръ Чарльзъ Уильямсъ былъ отозванъ. Противъ Уильямса, какъ и противъ Понятовскаго, „его ученика", была въ то время французская партія: вице-канцлеръ Воронцовъ, графы Шуваловы, французскій и австрійскій послы, маркизъ Лопиталь и графъ Эстергази, саксонскій резидентъ Прассе. Это и понятно: въ разгарѣ прусской войны, которую Россія вела въ союзѣ съ Франціею, странно было видѣть при русскомъ дворѣ посланника Англіи, враждовавшей съ Франціею какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ, на сушѣ и на морѣ, и бывшей въ союзѣ съ Пруссіею, съ которою мы вели войну. Депеши австрійскаго и французскаго пословъ за это время переполнены хлопотами о противодѣйствіи „англійскимъ симпатіямъ" великой княгини, которыя приписывались вліянію Уильямса и графа Понятовскаго. Отъѣздъ Уильямса

---

1) *Preus. Jahrb*, XLVII, 578. — 2) *Ibid.* 580.

огорчилъ великую княгиню и есть даже извѣстіе, что Екатерина плакала[1]), въ тотъ день, когда англійскій посланникъ откланивался малому двору. По пріѣздѣ въ Лондонъ Уильямсъ представилъ въ министерство слѣдующее собственноручное письмо великой княгини, полученное имъ 19-го августа 1757 года, передъ отъѣздомъ изъ Петербурга:

„Я рѣшилась писать вамъ, не будучи въ состояніи видѣть васъ, чтобы проститься съ вами. Самыя искреннія мои сожалѣнія провожаютъ того, кого я считаю своимъ лучшимъ другомъ и поведеніе котораго вызвало къ нему все мое уваженіе и мою дружбу. Никогда не забуду, чѣмъ я вамъ обязана. Чтобъ вознаградить васъ сообразно благородству вашихъ чувствованій, вотъ что я сдѣлаю: я воспользуюсь всѣми случаями, какіе можно только себѣ вообразить, чтобъ привести Россію къ тому, въ чемъ я признаю истинный ея интересъ — быть въ дружественномъ союзѣ съ Англіею, оказывать ей всюду содѣйствіе и предпочтеніе, необходимое для блага всей Европы и особенно Россіи, предъ ихъ общимъ врагомъ, Франціею, величіе которой составляетъ позоръ для Россіи. Я научусь практиковать эти чувства, на нихъ осную я свою славу и докажу королю, вашему государю, прочность этихъ моихъ чувствъ.

---

[1]) Je sais que la Grande-Duchesse est inconsolable du départ du chevalier Williams, qu'Elle a été en pleurs tout le jour qu'il a pris congé, et que cette Princesse ayant pour ami M. Poniatowski, élève de M. Williams, ce jeune ministre a beau se bien conduire en apparence, ce n'est qu'une comédie, et le fond de leur coeur est tout entier à l'Angleterre. Депеша *Лопиталя* отъ 17-го іюля 1757 года (*Парижс. Архивъ*, Russie, vol. 52, f. 171). Отъ 22-го августа: Le chevalier Williams continue à gâter l'esprit et à corrompre le coeur de la Grande-Duchesse par son argent et ses mauvais conseils (*Ibid.*, vol. 53, suppl. 9); отъ 30-го сентября: Mr. Williams est parti, mais il a laissé, au fond du coeur et de l'esprit de la Grande-Duchesse des traces profondes de principes anglais, que le temps seul peu détruire (*Ibid.*, vol. 54, № 41) и др. Сохранилось, между прочимъ, извѣстіе, будто Уильямсъ и изъ Лондона присылалъ деньги великой княгинѣ par le canal de Bernardi, son joaillier, qui est à présent arrêté et qui a tout avoué. Депеша отъ 14-го мая 1758 года, въ *Парижс. Архивъ*, Russie, vol. 55, f. 165.

„Будьте увѣрены, что я ничего на свѣтѣ такъ не желаю, какъ увидѣть васъ вновь въ Петербургѣ, но торжествующимъ. Когда-нибудь, какъ я надѣюсь, король, вашъ государь, не откажетъ мнѣ въ просьбѣ, съ которою я обращусь къ нему — вновь увидѣть васъ. Отъ этого онъ можетъ только выиграть“[1]).

Уѣхалъ Уильямсъ, остался Понятовскій, противъ котораго направились теперь всѣ усилія французской партіи при русскомъ дворѣ. „Такъ какъ графъ Понятовскій унаслѣдовалъ всѣ англійскіе принципы Уильямса и поддерживаетъ англійскія симпатіи великой княгини, — писалъ аббатъ Берни маркизу Лопиталю — то мы употребимъ всѣ наши усилія въ Варшавѣ, чтобъ заставить короля отозвать его изъ Петербурга. Ваше дѣло — какъ вести себя въ виду этого относительно великокняжескаго двора. Было бы неблагоразумно слишкомъ ужъ сближаться съ молодымъ дворомъ, но и удаляться отъ него тоже нельзя — не пришлось бы потомъ раскаяться. Вы, лучше чѣмъ кто нибудь, съумѣете держаться середины“[2]). Эти усилія французской партіи были тѣмъ непріятнѣе для великой княгини, что она была въ это время въ интересномъ положеніи[3]) и, естественно, не могла противодѣйствовать злымъ умысламъ противъ графа Понятовскаго въ такой мѣрѣ какъ бы желала — вслѣдствіе ошибочнаго расчета времени родовъ, она съ конца сентября не появлялась на придворныхъ выходахъ и никого не принимала у себя[4]).

---

[1]) *Raumer*, II, 451. Извѣстіе, сообщаемое маркизомъ Лопиталемъ, въ депешѣ отъ 11-го декабря 1757 года, будто великая княгиня „писала съ Уильямсомъ письмо англійскому королю“ (*Парижс. Архивъ*, Russie, vol. 54, № 148), едва-ли заслуживаетъ довѣрія.

[2]) Il serait imprudent d'avoir avec ces princes des liaisons trop étroites, mais on pourrait dans la suite se repentir d'avoir négligé leurs avances. Vous saurez mieux que personne garder un juste milieu. Отъ 8-го октября 1757 года (*Парижс. Архивъ*, Russie, vol. 54, № 46). Маркизъ Лопиталь оказался совершенно неспособнымъ выполнить эту нелегкую задачу; его же преемникъ, баронъ Бретэль, окончательно все испортилъ своимъ нелѣпымъ поведеніемъ въ іюнѣ 1762 года.

[3]) Le Grand-Duc étant regardé comme impuissant, on dit que la Grande-Duchesse qui est présentement grosse l'est du comte Poniatowski. Депеша отъ 27-го іюля 1757 г. — [4]) *Mémoires*, 300.

Въ этомъ случаѣ защиту графа Понятовскаго принялъ на себя великій князь, едва ли потому, однако, что, по словамъ вице-канцлера Воронцова, „графъ Бестужевъ обманывалъ графа Брюля, увѣряя его будто графъ Понятовскій — фаворитъ великой княгини“[1]). Великій князь принялся за дѣло чрезвычайно неумѣло: графу Эстергази онъ говорилъ, что французскій посолъ интригуетъ противъ графа Понятовскаго, зная его симпатіи къ Австріи[2]); И. И. Шувалову онъ заявлялъ, что въ отозваніи гр. Понятовскаго видитъ немилость къ себѣ императрицы и просилъ содѣйствія всесильнаго фаворита къ отъѣзду его въ возлюбленную Голштинію[3]). За графа Понятовскаго была, правда, императрица[4]), но активной помощи она оказать не могла или не желала: графъ Понятовскій былъ отозванъ, но сказался больнымъ и подъ этимъ предлогомъ остался пока въ Петербургѣ.

Въ ночь съ 8-го на 9-е декабря Екатерина почувствовала приближеніе родовъ. Дали знать великому князю, графу А. Шувалову, императрицѣ. „Немного времени

---

[1]) Le grand chancelier trompe le comte de Bruhl en lui faisant accroire que ce jeune homme est l'amant de la Grande-Duchesse. Депеша отъ 1-го ноября 1757 г. (*Парижс. Архивъ*, Russie, vol. 54, № 80).

[2]) Que dites vous du rappel de ce pauvre Poniatowski et de la manière avec laquelle on l'exige? C'est un coup d'essai de la France; elle en fera bien d'autres si on le laisse faire. Vous verrez, M. l'ambassadeur, que c'est à cause de l'affection de M. Poniatowski à la maison d'Autriche. Депеша отъ 30-го ноября 1757 г. (*Парижс. Архивъ*, Russie, vol. 54, f. 136).

[3]) „Je vous prie, Monsieur, de me rendre un grand service auprès de l'Impératrice: obtenez la permission de m'en aller chez moi — j'y aurai rang de colonel et j'y vivrai à ma fantaisie“. Le chambellan Schouvalow en a rendu compte à Sa Majesté Impériale, qui a haussé les epaules. Депеша отъ 30-го ноября 1757 г. (*Парижс. Архивъ*, Russie, vol. 54, f. 136).

[4]) L'Impératrice, à ce que M. Poniatowski m'a dit lui meme, l'a assuré qu'Elle n'avait nul sujet de se plaindre de lui, qu'au contraire; Elle était très satisfaite de sa conduite et très fachée de le voir partir. Депеша отъ 13-го ноября 1757 г. (*Парижс. Архивъ*, Russie, vol. 54, f. 115).

спустя — говоритъ Екатерина — ко мнѣ въ комнату явился великій князь, въ своемъ голштинскомъ мундирѣ, въ ботфортахъ, со шпорами, опоясанный шарфомъ, съ боку огромная шпага — въ полномъ парадѣ. Было около половины третьяго ночи. Удивленная, я спросила его о причинѣ такого парада, на что онъ отвѣчалъ, что истинные друзья познаются только въ важныхъ случаяхъ жизни, что въ этомъ мундирѣ онъ готовъ исполнить долгъ свой, что долгъ голштинскаго офицера — защищать, согласно присягѣ, герцогскій домъ отъ всѣхъ враговъ, и что такъ какъ я больна, то онъ поспѣшилъ ко мнѣ на помощь. Можно было подумать, что онъ шутитъ — ничуть ни бывало: онъ говорилъ совершенно серьезно. Онъ былъ пьянъ"[1]).

Тревога оказалась фальшивою почти на цѣлые сутки. Только на другой день, во вторникъ 9-го сентября, въ 11-мъ часу вечера, Екатерина родила дочь — великую княжну Анну Петровну. „Великій князь, повидимому, очень радовался рожденію ребенка, устраивалъ у себя въ комнатѣ торжественныя увеселенія, велѣлъ праздновать это событіе въ Голштиніи и съ полнымъ самодовольствіемъ принималъ поздравленія"[2]). На шестой день ребенка крестили, причемъ императрица была крестною матерью[3]) и подарила Екатеринѣ 60,000 рублей.

---

[1]) *Mémoires*, 302. — [2]) *Mémoires*, 304. Быть можетъ, великій князь хотѣлъ этими торжествами опровергнуть слѣдующій разсказъ Екатерины: Le grand duc prit de l'humeur contre ma grossesse et s'avisa de dire un jour dans sa chambre en présence de Léon Narichkine et de plusieurs autres: „Dieu sait où ma femme prend ses grossesses! je ne sais pas trop si cet enfant est à moi et s'il faut que je le prenne sur mon compte". *Mémoires*, 300. Великій князь тотчасъ же извѣстилъ о рожденіи дочери, какъ о счастливомъ событіи, своихъ ближайшихъ родственниковъ, принца Августа (*Москов. гл. архивъ*, 1757, № 1, л. 21) и принца Георгія-Лудвига Голштинскихъ (*Ib d.*, № 2, л. 1).

[3]) Императрица желала, чтобъ крестнымъ отцомъ былъ французскій король Людовикъ XV (Депеша *Лопиталя*, отъ 16-го сентября 1757 г.). Началась переписка. Не смотря на всѣ настоянія маркиза Лопиталя, король отклонилъ отъ себя эту честь, поручивъ своему

Конецъ декабря и половину января Екатерина не выходила изъ своей комнаты. 20-го января 1758 года она принимала поздравленія съ рожденіемъ великой княжны[1]).

послу заявить, что „католическому величеству“ не къ лицу крестить православную душу (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 64, f. 12, 136, 146). —

[1]) Депеша *Лопиталя*, отъ 31-го января 1758 г, (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 55, f. 124).

XXVIII.

Графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ, русскій канцлеръ, былъ головою, двумя выше всѣхъ Шуваловыхъ, выше вице-канцлера Воронцова, выше всѣхъ русскихъ царедворцевъ и иностранныхъ представителей, толпившихся при дворѣ Елизаветы Петровны. Онъ нѣкогда поборолъ князя Черкасскаго, мѣрялся съ Бирономъ, побѣдилъ Шетарди, погубилъ Лестока и за испытанное имъ „неповинное претерпѣніе“ былъ вознесенъ, пожалованъ, почтенъ. Бестужеву ли, посѣдѣвшему въ политической интригѣ и придворной кабалѣ, не осилить какого-нибудь Воронцова или Шувалова? Ни маркизу Лопиталю, ни графу Эстергази не по плечу борьба съ русскимъ канцлеромъ. Но Бестужевъ уже старъ — ему 70-й годъ; но онъ одинъ, а враги его тѣсно сплочиваются, они привлекли на свою сторону даже его родного брата и, что особенно важно, за нихъ молодой фаворитъ И. И. Шуваловъ, всесильный своимъ вліяніемъ на императрицу, которая думаетъ его мыслями, видитъ его глазами. Нервная, легкомысленная Елизавета никогда не любила Бестужева; она его терпитъ за его умъ, за его знаніе, за его опытность политическую — трудно-ли возбудить императрицу противъ него? Куда ни посмотритъ Бестужевъ, всюду онъ видитъ только враговъ, которые съ каждымъ днемъ становятся смѣлѣе, дерзче и все глубже подкапываются подъ него. Какъ устоять одному противъ всѣхъ? Борьба не равна. Бестужевъ ищетъ опоры — такою опорою могъ быть только молодой дворъ: онъ, конечно, теперь ничто, но въ будущемъ, и можетъ быть очень близкомъ, онъ все, и враги

Бестужева, видя близость его къ молодому двору, будутъ осторожнѣе, сдержаннѣе. Но что такое великокняжескій дворъ? Бестужевъ насквозь видитъ великаго князя, считаетъ его ребенкомъ, и ребенкомъ неумнымъ, знаетъ его увлеченіе прусскимъ королемъ, увлеченіе чисто внѣшнее, формальное[1]), знаетъ его готовность пожертвовать всѣмъ, ради возлюбленной Голштиніи; день восшествія на престолъ Петра Өедоровича будетъ днемъ гибели Бустужева, вѣкъ свой ратовавшаго противъ прусскаго короля, ни въ грошъ неставившаго Голштинію. Остается великая княгиня: Екатерина умна и пойметъ его, она честолюбива и поддержитъ его; нужно только заинтересовать ее, привлечь на свою сторону.

Въ 1753 году, въ Москвѣ, еще за годъ до рожденія Павла Петровича, Екатерина видѣла необходимость „уменьшить число враговъ“ С. В. Салтыкова и съ этою цѣлью сама сдѣлала первый шагъ къ сближенію съ Бестужевымъ[2]). Хотя въ то время положеніе канцлера было еще довольно прочно, онъ не остался въ долгу и скоро доказалъ Екатеринѣ, что онъ не такой „бука“, какимъ его представляли ей: благодаря ему, Владиславова стала „ягненкомъ“, покорною услужницею всѣхъ прихотей Екатерины; когда Салтыковъ уѣхалъ въ Швецію съ извѣщеніемъ о рожденіи Павла Петровича, Бестужевъ присылалъ великой княгинѣ всѣ донесенія его и о немъ; Бестужевъ первый разгадалъ графа Понятовскаго, сдѣлалъ его своимъ повѣреннымъ въ сношеніяхъ съ великой княгиней и ему Екатерина обязана тѣмъ, что графъ Понятовскій, такъ или иначе, прожилъ около трехъ лѣтъ въ Петербургѣ[3]). Для сближенія съ Екатериной Бестужевъ примирился съ

---

[1]) Le Grand-Duc est le singe du roi de Prusse qui est son héros, mais, il ne peut imiter que ce que frappe les sens, c'est-à-dire la manière de s'habiller, le goût militaire, dont il pratique très mal, faisant manoeuvrer actuellement un ou deux bataillons qu'il fait jaroueter impitoyablement à sa maison de campagne. Депеша *Лопиталя*, отъ 27-го іюля 1757 года (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 53, f. 171); *Castèra*, I, 193. — [2]) *Mémoires*, 185, Упоминаемый въ „Запискахъ“ Екатерины *Bremse* есть собственно *Brömbsen*, датскій подданный, камергеръ великаго князя. *Lynar*, I, 281. — [3]) *Mémoires*, 186, 223, 227, 255, 299, 321.

своимъ злѣйшимъ врагомъ, теперь, правда, совершенно безвреднымъ, съ матерью Екатерины, и не только самъ вступилъ съ нею въ переписку, но и пересылалъ всю кореспонденцію между великой княгиней и ея матерью[1]). Угодивъ, такимъ образомъ, дочери и женщинѣ, Бестужевъ старался обязать и будущую властительницу.

Еще въ 1747 году прусскій посланникъ Финкенштейнъ высказывалъ Фридриху II свое убѣжденіе, что Петръ Ѳеодоровичъ никогда не будетъ царствовать въ Россіи: онъ слабъ здоровьемъ и, сверхъ того, народъ такъ ненавидитъ великаго князя, что лишитъ его короны даже и въ томъ случаѣ, если она естественно перейдетъ къ нему по смерти императрицы[2]). Спустя десять лѣтъ, въ 1757 году, французскій посолъ маркизъ Лопиталь высказываетъ буквально то же мнѣніе: онъ убѣжденъ, что если великій князь, при своемъ слабомъ здоровьѣ, будетъ продолжать тотъ образъ жизни, какой онъ ведетъ, то онъ скоро умретъ, и это будетъ не большая потеря для Россіи; если же онъ наслѣдуетъ императрицѣ, то народъ не потерпитъ его на тронѣ и скоро отдѣлается отъ него[3]). Скоро и императрица узнала цѣну великому князю и, не смотря на всю свою прежнюю нѣжность къ племяннику, стала въ по-

---

[1]) La princesse de Zerbst, mère de M. la Grande-Duchesse, n'est plus aujourd'hui en correspondance qu'avec le chancelier. Депеша *Лопиталя* отъ 11-го декабря 1757 года (*Парижс. Архивъ*, Russie, vol. 54, f. 148). Образчикъ писемъ Іоганны Елизаветы къ Бестужеву см *Бильбасовъ*, 89. Въ письмѣ отъ 27-го января 1758 г. аббатъ *Берни* извѣщаетъ Лопиталя: M. le marquis de Fraignes nous mande que Madame la princesse de Zerbst a reçu de la Grande-Duchesse deux lettres dont elle parait assez contente (*Парижс. Архивъ*, Russie, vol. 55, f. 111). — [2]) *Pol. Corr.*, V, 472.

[3]) Si le Grand Duc continue la vie qu'il mène avec la faible constitution que Dieu lui a donné on peut sans être prophète prevoir qu'il n'a pas encep. bien des années à vivre; la perte sera légère (Депеша отъ 13-го авг, 1757 г., въ *Парижс. Архивъ*, Russie, vol. 53, Suppl. № 9). Le Grand Duc est gauche et abhorré des russes, des prêtres et des courtisans, ce qui me fait douter qu'il puisse jamais arriver au trône de Russie (Депеша отъ 24-го августа, *ibid.*, vol. 53, f. 321). Si l'Impératrice venait à mourir, on verrait alors des revolutions subites, car jamais on on laisserait le Grand Duc sur le trône et on s'en déferait sûrement (Депеша отъ 1-по ноября, *ibid.*, vol. 54, № 83).

слѣднее время задумываться надъ вопросомъ о престолонаслѣдіи. Она не скрывала своего неудовольствія къ Петру Ѳедоровичу, „она его почитала за неспособнаго къ правленію". Многіе догадывались, что Елизавета Петровна склонна назначить своимъ преемникомъ Павла Петровича и находили, что супругъ Екатерины недостоинъ занимать тронъ [1]).

Въ этомъ былъ убѣжденъ и канцлеръ Бестужевъ. Въ 1757 году онъ переслалъ великой княгинѣ, все чрезъ того же графа Понятовскаго, свой проектъ, касающійся престолонаслѣдія. Проектъ этотъ не сохранился — онъ былъ сожженъ; о немъ мы узнаемъ изъ „Записокъ" Екатерины:

„Болѣзненное состояніе и частые припадки императрицы заставили всѣхъ думать о будущемъ. Графъ Бестужевъ и по мѣсту, имъ занимаемому, и по своимъ умственнымъ способностямъ подумывалъ объ этомъ болѣе другихъ. Онъ зналъ о томъ отвращеніи къ нему, которое давно уже было внушено великому князю. Ему хорошо были извѣстны слабыя стороны великаго князя, рожденнаго наслѣдникомъ столькихъ коронъ. Естественно, что этотъ государственный человѣкъ, какъ и всякій бы

---

[1]) *Русскій Архивъ*, 1863, 383 (566); *Сборникъ*, XLII, 434; *Mémoires*, 329. Le Grand-Duc ne peut jamais avoir l'estime et la confiance de l'Impératrice qui connait le peu qu'il vaut (Депеша *Лопиталя*, отъ 14-го мая 1758 г., въ (*Парижс. Архивъ*, Russie, vol. 56, f. 165). L'Impératrice a des desseins sur Paul Petrowitz si Elle vit assez longtemps pour l'élever (Депеша *Лопиталя*, отъ 30-го ноября 1757 г., *ibid.*, vol. 54, № 136). *Лопиталь* сообщалъ въ депешѣ отъ 20-го мая 1759 года: Si l'Impératrice vit longtemps Elle laissera de côté le Grand Duc et la Grande-Duchesse pour mettre sur le trône de Russie le jeune Grand Duc, qu'Elle élève dans cette intention (*Ibid.*, vol. 60, № 47). Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ отвѣчалъ Лопиталю, отъ 17-го іюня: Si l'Impératrice de Russie a la possibilité de substituer un autre successeur, Elle ne pourra mieux faire, car il est difficile qu'elle en ait un aussi médiocre à tous égards que M. le Grand-Duc (*Ibid.*, vol. 60, № 47). Въ этомъ же смыслѣ высказывалось и общее желаніе: L'opinion générale est que l'Impératrice établira sur son trône le petit Grand-Duc qu'elle paraît aimer passionnement. Депеша *Бретеля*, отъ 28-го октября 1760 г. (*Парижс. Архивъ*, Russie, vol. 63, № 33).

на его мѣстѣ, желалъ удержаться на своемъ посту. Онъ зналъ, что я уже много лѣтъ отношусь къ нему съ уваженіемъ. Къ тому же онъ видѣлъ во мнѣ единственное въ то время лицо, на которомъ могли сосредоточиваться надежды общества въ моментъ, когда не стало бы императрицы. Эти и подобныя соображенія внушили ему планъ, чтобы, тотчасъ по кончинѣ императрицы, великій князь былъ объявленъ по праву императоромъ и, въ то же время, я была бы объявлена участницею въ управленіи, чтобы всѣ лица остались при своихъ должностяхъ и чтобъ ему былъ предоставленъ чинъ подполковника въ четырехъ гвардейскихъ полкахъ и президенство въ трехъ государственныхъ коллегіяхъ — иностранныхъ дѣлъ, военной и адмиралтейской. Его желанія, такимъ образомъ, были чрезмѣрны. Проектъ такого манифеста, писанный рукою Пуговишникова, Бестужевъ переслалъ мнѣ чрезъ графа Понятовскаго, посовѣтовавшись съ которымъ я отвѣчала графу Бестужеву словесно, что благодарю его за добрыя намѣренія относительно меня, но считаю ихъ трудно выполнимыми. Онъ много разъ исправлялъ и давалъ переписывать свой проектъ, измѣнялъ его, дополнялъ, сокращалъ и, казалось, былъ имъ очень занятъ. Правду сказать, я смотрѣла на этотъ проектъ, какъ на бредни, какъ на приманку, которою старикъ хотѣлъ войти ко мнѣ въ довѣріе; я, однако, не поддавалась на эту приманку, но, такъ какъ дѣло было не спѣшное, то я не хотѣла противорѣчить упрямому старику" [1]).

Вскорѣ новый припадокъ императрицы доказалъ, что это не спѣшное дѣло должно быть всегда наготовѣ.

8-го сентября 1757 года, въ праздникъ Рождества Богородицы, Елизавета Петровна отправилась изъ царскосельскаго дворца въ приходскую церьковь, въ двухъ шагахъ отъ дворцовыхъ воротъ. Едва началась служба, императрица почувствовала себя дурно, вышла изъ церкви, сошла по церковному крыльцу и, сдѣлавъ два шага, упала безъ чувствъ на траву. Ее обступила толпа на-

---

[1]) *Mémoires*, 315; *Болотовъ*, II, 168; *Beauclair*, 90; *Laveaux*, II 199; *Goudar*, 27; *Колотовъ*, I, 12; *Лефортъ*, I, 122.

рода, сошедшагося изъ города и окрестныхъ деревень на праздникъ, къ обѣднѣ. Императрица вышла изъ цевкви одна, безъ свиты; извѣщенныя дамы и другія приближенныя лица тотчасъ же прибѣжали на помощь и нашли императрицу все еще на травѣ, безъ сознанія, посреди народа, который смотрѣлъ на нее, но не смѣлъ прикоснуться. Ее покрыли бѣлымъ платкомъ и послали за докторами. Первымъ прибылъ хирургъ Фусадье, французскій эмигрантъ. Онъ немедленно, тутъ же, на травѣ, посреди народа, на глазахъ толпы, пустилъ ей кровь, но императрица не приходила въ себя. Долго ждали доктора Кондоиди, грека — онъ былъ болѣнъ и его принесли въ креслѣ. Наконецъ, добыли изъ дворца ширмы и кушетку; подняли императрицу, положили на кушетку, терли мазями, давали нюхать разные спирты — она не приходила въ себя; такою, въ безчувственномъ состояніи, и перенесли императрицу во дворецъ, послѣ того, что она болѣе двухъ часовъ лежала на улицѣ. Во время этого припадка Елизавета Петровна такъ прикусила себѣ языкъ, что въ теченіи нѣсколькихъ дней не владѣла имъ и долго потомъ говорила невнятно[1]). На другой день, поутру, Екатерина, жившая тогда въ Ораніенбаумѣ, получила отъ графа Понятовскаго записку, въ которой онъ сообщалъ великой княгинѣ приведенныя выше подробности.

Вопросъ о состояніи здоровья Елизаветы Петровны выступалъ на первый планъ не только для Россіи, такъ какъ съ нимъ тѣсно были связаны судьбы трона, но и для всей Европы, такъ какъ участіе Россіи въ Семилѣтней войнѣ вполнѣ зависѣло отъ лица, занимавшаго русскій престолъ: ни для кого не было тайною, что преемникъ Елизаветы Петровны будетъ воевать не противъ, но за Фридриха II. Сторонники Пруссіи хорошо понимали это и еще наканунѣ войны услужливые друзья шлютъ Фридриху II извѣстіе, что императрица „очень плоха", что „ей не прожить и двухъ мѣсяцевъ", что она „въ агоніи", что она, наконецъ, „умерла"[2]); противники Пруссіи, напротивъ,

---

1) *Mémoires*, 298. — 2) *Pol. Corr.*, XIII, 518; XIV, 15, 79, 82, 149, 170, 224, 230, 301, 347, 352, 390; *Raumer*, II, 295, 321. Всѣ эти извѣ-

даже наканунѣ припадка 8-го сентября находили, что „здоровье императрицы превосходно, вопреки всѣмъ слухамъ за послѣднее полугодіе"). Послѣ 8-го сентября нельзя уже было называть здоровье императрицы „превосходнымъ", и по совѣту французскаго посла, маркиза Лопиталя, недовѣрявшаго докторамъ, бывшимъ при русскомъ дворѣ, былъ выписанъ изъ Франціи докторъ Пуассонье, который и находился въ Петербургѣ около двухъ лѣтъ, съ осени 1758 по осень 1760 года[2]).

стія относятся ко времени, за полугодіе, отъ октября 1756 года по матсъ 1757 г. и всѣ ложны.

[1]) La santé de l'Impératrice est excellente malgré tout ce que l'on dit depuis six mois. Les seules craintes qui me restent sont celles du temps critique des femmes, cette Princesse ayant 48 ans. Депеша *Лопиталя*, отъ 13-го августа 1757 г. (*Парижс. Архивъ*, vol. 53, Suppl. № 9).

[2]) Въ *Парижскомъ Архивѣ* хранится любопытная переписка по этому вопросу. Извѣщая аббата Берни „о царскосельскомъ паденіи" императрицы, маркизъ *Лопиталь* высказываетъ увѣренность, что эту женскую болѣзнь можетъ излечить только Пуассонье, мужъ кормилицы герцога Бургундскаго (vol. 54, f. 104). Оказалось, что Пуассонье — военный врачъ, находившійся тогда при арміи Ришелье (vol. 54, f. 172). По требованію Елизаветы Петровны, вызовъ Пуассонье долженъ былъ сохраняться въ тайнѣ, поэтому вся переписка велась шифромъ; всякая бумага надписывалась: pour vous seul и дешифровалась не въ канцеляріи, а самими получателями: министромъ Берни въ Парижѣ и посломъ Лопиталемъ въ Петербургѣ (vol. 55, f. 159). Такъ какъ французская армія нуждалась во врачахъ, то военный министръ долго не давалъ отпуска врачу Пуассонье, а Берни не рѣшался открыть ему тайну, отчего отъѣздъ Пуассонье замедлился (vol. 55, f. 260), и онъ только 27-го октября 1758 г. прибылъ въ Петербургъ (vol. 58, f. 141). Тутъ новое затрудненіе: докторъ императрицы, грекъ Кондоиди, не желаетъ даже разговаривать съ Пуассонье, такъ какъ онъ „чиномъ малъ" (vol. 55, f. 200). Начинается переписка о возведеніи Пуассонье въ бригадиры, о чемъ французскій военный министръ и слышать не хочетъ; вопросъ о чинѣ, однако, уладился — Людовикъ XV сдѣлалъ Пуассонье „придворнымъ консультантомъ" и Кондоиди сдался. Фаворитъ Шуваловъ безъ ума отъ Пуассонье, канцлеръ Воронцовъ въ немъ души не слышитъ, но ни тотъ, ни другой не рѣшаются доложить императрицѣ, боясь ее потревожить (vol. 59, № 13). Пуассонье, наконецъ, осмотрѣлъ императрицу, нашелъ, что она страдаетъ des attaques de vapeurs histériques et des convulsions и что Кондоиди лечитъ ее по всѣмъ правиламъ искусства. Въ теченіе двухъ лѣтъ пребыванія въ Петербургѣ Пуассонье видѣлъ Елизавету Петровну счетомъ четыре

Царскосельскій припадокъ императрицы, породившій всевозможные толки и разоблачившій болѣзненное состояніе императрицы, которое тщательно скрывали даже отъ общества, не только отъ народа, былъ, по своимъ послѣдствіямъ, особенно памятенъ великой княгинѣ: имъ Екатерина была впутана въ интригу, погубившую канцлера Бестужева.

„Вскорѣ послѣ припадка — говоритъ Екатерина — мы узнали, что фельдмаршалъ Апраксинъ, вмѣсто того, чтобъ, воспользовавшись взятіемъ Мемеля и гроссъ-эгердорфскою побѣдою, идти впередъ, отступалъ съ такою поспѣшностью, что это отступленіе походило на бѣгство: онъ бросалъ и жегъ обозныя фуры, заклепывалъ пушки. Никто не понималъ причинъ этого отступленія; даже друзья Апраксина не знали, чѣмъ оправдать его. Графъ Бестужевъ увѣдомилъ меня, чрезъ Штамбке, какой оборотъ принимало отступленіе фельдмаршала Апраксина, на которое громко жаловались послы Австріи и Франціи. Бестужевъ просилъ меня написать фельдмаршалу, какъ другу моему, и, присоединяя мои увѣщанія къ доводамъ канцлера, убѣдить его снова двинуться впередъ и положить конецъ этому бѣгству, которое его враги объясняютъ самымъ неблагопріятнымъ и позорнымъ для него образомъ. Дѣйствительно, я написала Апраксину письмо, въ которомъ предупреждала его о дурныхъ о немъ слу. хахъ въ Петербургѣ и сообщала, что друзья его затрудняются оправдывать поспѣшность его отступленія, причемъ я просила его двинуться опять впередъ и выполнить повелѣнія, данныя императрицей. Бестужевъ послалъ ему это письмо. Фельдмаршалъ Апраксинъ не отвѣчалъ мнѣ“[1]).

Апраксинъ не могъ отвѣчать: онъ былъ смѣненъ и преданъ суду; главнокомандующимъ былъ назначенъ ге-

раза и въ августѣ 1760 г. хотѣлъ уже уѣхать, когда умеръ Кондоиди. Пуассонье, разсчитывая занять его мѣсто, отложилъ свой отъѣздъ, но о немъ даже не вспомнили, и онъ 18-го сентября 1760 года уѣхалъ во Францію, къ своему полку (vol. 63, f. 22). Въ Петербургѣ относились съ крайнимъ недовѣріемъ къ медицинскимъ познаніямъ Пуассонье. *Лаферьеръ*, 193.

[1]) *Mémoires*, 283.

нералъ Ферморъ. Въ Петербургѣ, незнакомые съ подробностями дѣла громко обвиняли Апраксина чуть-ли не въ измѣнѣ и приводили отступленіе „побѣдоносной“ русской арміи въ связь съ царскосельскимъ припадкомъ падучей Елизаветы Петровны[1]): Апраксинъ велъ свою Армію изъ Пруссіи обратно въ Россію, желая захватить въ свои руки положеніе дѣлъ въ случаѣ смерти императрицы, отчаянное состояніе которой было сообщено главнокомандующему его „другомъ“ Бестужевымъ[2]). Люди, стоявшіе у дѣла, знали, что „побѣдоносная“ армія умирала отъ голода, что Левальдъ гнался за нею по пятамъ, такъ что уже изъ Интербурга пришлось жечь всѣ деревни, чтобъ затруднить наступленіе непріятеля, искавшаго боя. Солдаты, вынесшіе на себѣ всю тяжесть похода, гроссъ-эгердорфскаго боя и отступленія, негодовали, что русскій Апраксинъ смѣненъ нѣмцемъ Ферморомъ.

Эта смѣна была нужна по политическимъ соображеніямъ — Апраксинъ являлся искупительною жертвою, предназначенною для успокоенія союзниковъ, австрійцевъ и французовъ. 7-го октября пять членовъ конференціи, каждый порознь, въ запечатанныхъ конвертахъ, представили императрицѣ свои мнѣнія о „предпринятой арміею нежданнымъ образомъ ретирадѣ“, причемъ оказалось, что всѣ члены находили необходимымъ отрѣшить Апраксина отъ командованія дѣйствующею арміею, вызвать его „для держанія надъ нимъ военнаго суда“, назначить главнокомандующимъ генерала Фермора и о всемъ этомъ „немедленно-жъ союзникамъ знать дать“[3]).

---

[1]) *Beauclair*, 90. Подобной связи быть не могло: отступленіе русской арміи было рѣшено военнымъ совѣтомъ *27-го августа*, царскосельскій же припадокъ случился *8-го сентября*. Это хорошо понималъ осторожный *Dorville*, 217. — [2]) Постановленіе объ отступленіи были рѣшены не единолично Апраксинымъ, а всѣмъ „генералитетомъ“, военнымъ совѣтомъ 27-го августа, 13-го и 28-го сентября, въ томъ числѣ и Ферморомъ, смѣнившимъ Апраксина въ главнокомандованіи. Послѣдовательность требовала бы обвинять всѣхъ генераловъ въ „дружбѣ“ съ гр. Бестужевымъ и въ измѣнѣ. *Соловьевъ*, XXIV, 181; *Масловскій*, 311.

[3]) Какъ самый протоколъ конференціи, такъ и отдѣльныя мнѣнія пяти членовъ см. Приложеніе III.

Еще до назначенія военнаго суда надъ Апраксинымъ императрица потребовала отъ генерала Фермора, чтобъ онъ представилъ свое мнѣніе о „безславной ретирадѣ“. Покоритель Мемеля, „какъ предъ Богомъ по сущей правдѣ“ показалъ, что причиною отступленія Апраксина изъ Пруссіи былъ „недостатокъ людямъ и лошадямъ субсистенціи“, вслѣдствіе чего они „въ совершенную худобу пришли“, такъ что невозможно было „съ желаемымъ успѣхомъ военныхъ операцій произвесть“. Фермору повѣрили на столько, что Фермора же назначили главнокомандующимъ на мѣсто Апраксина. Послѣ этого не могло быть и рѣчи о военномъ судѣ надъ Апраксинымъ — по вопросу о ретирадѣ онъ былъ обѣленъ вполнѣ. Начался судъ невоенный.

Апраксинъ друженъ съ Бестужевымъ, Шуваловы горой стоятъ за Апраксина; къ тому же Апраксинъ, по мнѣнію „союзниковъ“ [1]), человѣкъ недалекій, неимѣющій своего мнѣнія. Онъ, для нихъ, только орудіе въ рукахъ болѣе опытныхъ, и эти руки, водившія Апраксинымъ, бу-

---

[1]) Въ Петербургѣ выдающаяся роль въ этой интригѣ принадлежала графу Эстергази. Маркизъ *Лопиталь* былъ, по вопросу о ретирадѣ, иного мнѣнія объ Апраксинѣ и Бестужевѣ. Проѣздомъ въ Петербургъ, онъ видѣлъ Апраксина въ русскомъ лагерѣ, при Шадовѣ: M. le maréchal Apraxin est âgé de 55 ans; sa figure est belle et noble; il est grand, mais il est grave et pesant; sa phisionomie est ouverte et il passe pour avoir le caractère franc et sincère. Il a passé par tous les grades militaires, comme il est d'usage en Russie, et a servi ;de sa tendre jeunesse sous Pierre I et sous le général Munich (Депеша отъ 7-го іюня 1757 г., *Парижс. Архивъ*, Russie, vol. 53, f. 19). Онъ знаетъ, что Бестужевъ сильно настаивалъ, чтобъ Апраксинъ воспользовался гроссъ-эгердорфской побѣдой (отъ 16-го сент., *ibid.*, vol. 54, Suppl. № 9); онъ сообщаетъ, что Бестужевъ est furieux de la conduite de ce général (отъ 24-го сент., *ibid.*, vol. 54, № 39). Самую медленность операцій Апраксина онъ объясняетъ такъ: Tout le monde sait ici que les lenteurs de ses opérations viennent d'un reste de parti prussien que le chevalier Williams a entretenu jusqu'ici dans l'esprit du Grand Duc et de la Grande-Duchesse (отъ 13-го августа, *ibid.*, vol. 53, f. 172). При этомъ трудно было, конечно, обвинять Бестужева; но въ интригѣ, направленной противъ канцлера, Лопиталь принялъ участіе и поддерживалъ графа Эстергази, согласно указаніямъ полученнымъ имъ изъ Франціи.

дутъ управлять и Ферморомъ, и всякимъ главнокомандующимъ. Для союзниковъ важенъ не Апраксинъ, не отъ него зависитъ ходъ дѣла — отъ Бестужева.

У Бестужева много враговъ, противъ него всѣ члены конференціи, но за Бестужева еще Императрица. Онъ падетъ только тогда лишь, когда императрица убѣдится, что онъ измѣняетъ ей, что онъ ведетъ „свою", помимо ея, политику. Эта „своя" политика могла быть только политикою малаго двора, и вотъ Елизаветѣ Петровнѣ говорятъ о перепискѣ великой княгини съ Апраксинымъ, затѣянной Бестужевымъ. Враги Бестужева знаютъ, что переписка эта совершенно невиннаго свойства, они читали письма Екатерины къ Апраксину, у нихъ есть копіи этихъ писемъ; но они знаютъ также Елизавету Петровну: довольно только возбудить ея подозрительность, достаточно самаго факта переписки — въ чемъ бы эта переписка ни заключалась, она во всякомъ случаѣ преступна въ ея глазахъ, и если Бестужевъ зналъ объ этой перепискѣ и не доложилъ императрицѣ — онъ виноватъ.

Елизавета Петровна не сразу повѣрила графу Эстергази[1]). Въ половинѣ января 1758 года, графъ А. Шуваловъ, „великій инквизиторъ", былъ посланъ въ Нарву, чтобы переговорить съ Апраксинымъ о его перепискѣ съ великой княгиней и взять у него самыя письма Екате-

---

[1]) Преимущественную роль въ этомъ случаѣ графа Эстергази мы основываемъ на его же словахъ. Такъ, онъ передавалъ *Лопиталю* слѣдующій свой разговоръ съ императрицей о Бестужевѣ: L'Impératrice lui a dit qu'Elle connaissait M. de Bestouchew pour méchant et mauvait serviteur, qu'Elle avait pour lui le plus d'éloignement et qu'il n'était propre qu'à troubler tout. — „En ce cas, a dit l'ambassadeur, Votre Majesté ne devrart pas le laisser à la tête des affaires". = „Mais qu'en ferai-je?" — „Donnez lui, Madame, une pension de 100 mille roubles, Vous y gagnerez encore mille pour cent" (Депеша отъ 30-го ноября 1757 года, въ *Парижс. Архивѣ*, Russie, vol. 54, f. 136). Со словъ гр. Эстергази, маркизъ Лопиталь, въ депешѣ отъ 29-го анваря 1758 года, извѣщаетъ, будто на придворномъ балѣ императрица сказала гр. Эстергази о Бестужевѣ: „Prenez patience, mon cher ambassadeur, lui dit secrètement Sa Majesté Impériale, nous en serons bientôt quittes" (*Ibid.*, vol. 55, f. 124).

рины[1]). Въ началѣ февраля графъ Шуваловъ возвратился изъ Нарвы: Апраксинъ, правда, подъ присягою показалъ, что не получалъ отъ великой княгини никакихъ увѣщаній, противныхъ волѣ императрицы, но призналъ, что переписывался съ Екатериною и выдалъ ея письма къ нему. Въ глазахъ Елизаветы Петровны это былъ уже corpus delicti, но болѣе противъ великой княгини, чѣмъ противъ великаго канцлера; императрица недовольна, но болѣе Екатериной, чѣмъ Бестужевымъ.

Для начала, однако, и этого было достаточно; нужно было только продолжать начатое. Императрицѣ указали, что графъ Понятовскій, вопреки ея волѣ, но по желанію графа Бестужева, остается въ Петербургѣ, что министръ по голштинскимъ дѣламъ Штамбке, по волѣ Бестужева, получилъ польскій орденъ Бѣлаго Орла, и, быть можетъ, другіе факты, столь же незначительные, но свидѣтельствующіе о какомъ-то особомъ значеніи Бестужева, которое подозрительность легко приводила въ связь съ ущербомъ самодержавія императрицы. Маркизъ Лопиталь, французскій посолъ, въ это же время заявилъ вице-канцлеру Воронцову, съ которымъ, по личному приказанію императрицы, онъ велъ всѣ переговоры, что получилъ отъ своего государя предписаніе прекратить сношенія съ вице-канцлеромъ и впредь сноситься только съ канцлеромъ Бестужевымъ[2]); немного спустя, великій князь явился къ своей августѣйшей теткѣ, каялся въ своемъ дурномъ поведеніи, говорилъ, что оно происходило отъ дурныхъ совѣтовъ и называлъ такимъ совѣтникомъ графа Бестужева. Для подозрительной и нервной императрицы этого было уже вполнѣ достаточно; но Елизавету Петровну увѣрили

---

[1]) Въ депешѣ отъ 29-го января 1758 года, извѣщая о секретномъ отъѣздѣ гр. Шувалова въ Нарву, *Лопиталь* прибавляетъ: L'Impératrice veut s'éclaircir d'un point très delicat sur certaines lettres qu'on a prétendu avoir été écrites par M. la Grande-Duchesse au général Apraxin, après avoir passées par les mains du chancelier Bestuchew (*Пtriж. Архивъ*, Russie, vol. 55, f. 124). — [2]) *Mémoires*, 310. Въ *Парижскомъ Архивѣ* подобной инструкціи маркизу Лопиталю мы не нашли; равнымъ образомъ и въ депешахъ посла ни о чемъ подобномъ не упоминается.

еще, что, по арестованіи Бестужева, въ домѣ канцлера найдутся бумаги, изъ которыхъ раскроется преступная близость Бестужева къ великой княгинѣ, связанная съ вопросомъ о престолонаслѣдіи, и императрица дала, наконецъ, свое согласіе на арестъ великаго канцлера гр. Бестужева-Рюмина.

Надо полагать, что Бестужевъ зналъ о направленной противъ него интригѣ, но противодѣйствовать ей не могъ — въ декабрѣ 1757 года онъ занемогъ и не выходилъ изъ комнаты. Эту болѣзнь считали притворною, приписывали ее неудовольствію на него императрицы[1]). Въ половинѣ января посѣтилъ канцлера маркизъ Лопиталь и такъ сообщалъ о здоровьѣ Бестужева: „Канцлеръ, повидимому, очень нездоровъ; онъ принялп меня въ халатѣ, съ палкой въ рукѣ, небритый; во время разговора онъ дѣлалъ гримасы, какъ бы стараясь преодолѣть боль — притворную или дѣйствительную, Богъ вѣсть“[2]).

14-го февраля, въ субботу вечеромъ, назначено было засѣданіе конференціи. Бестужевъ прислалъ сказать, что болѣнъ и не можетъ явиться. Елизаветѣ Петровнѣ представили это какъ ослушаніе воли ея величества. Императрица разгнѣвалась и приказала Бестужеву явиться. Едва великій канцлеръ вошелъ въ конференцъ-залу, какъ былъ арестованъ и подъ конвоемъ отведенъ въ свой домъ[3]).

Канцлеръ Бестужевъ былъ арестованъ во дворцѣ, близъ великокняжескихъ покоевъ, и Екатерина ничего не знала объ этомъ. На другой день, поутру, она получила

---

[1]) L'Impératrice est fort indisposée contre le chancelier, qui fait le malade et ne paraît point. Депеша отъ 29-го декабря 1757 г., въ *Париж. Архивъ*, Russie, vol. 54, f. 162.

[2]) Депеша отъ 29-го января 1758 г., въ *Париж. Архивъ*, Russie, vol, 55, f. 124.

[3]) M. le chancelier Bestuchew a été arrêté hier au soir avec sa femme et son fils. Бумаги его опечатаны; слѣдствіе поручено гр. А. Шувалову, кн. Трубецкому и Бутурлину; арестованы также Адодуровъ и Бернарди (Депеша *Лопиталя*, отъ 26-го февраля, въ *Париж. Архивъ*, Russie, vol. 55, f. 198). Это собственно только P. S. къ депешѣ отъ 25-го февраля, причемъ Лопиталь помѣтилъ: „8 h. du soir“, что свидѣтельствуетъ, что и французскій посолъ узналъ объ арестованіи Бестужева спустя болѣе 24-хъ часовъ. *Mémoires*, 310.

отъ графа Понятовскаго слѣдующую записочку: „Вчера, вечеромъ, графъ Бестужевъ арестованъ, лишенъ всѣхъ должностей и чиновъ; арестованъ также вашъ брильянщикъ Бернарди, Елагинъ и Адодуровъ“.

Екатерину не пугала поѣздка графа Шувалова въ Нарву за ея письмами — ея переписка съ Апраксинымъ такъ невинна, такъ согласна съ видами правительства. Что ей до ареста Бернарди, Елагина, Адодурова? Итальянецъ Бернарди, торговавшій брильянтами, былъ вхожъ во всѣ дома, всѣмъ оказывалъ мелкія услуги, всѣ были ему должны; отъ умнаго, бывалаго итальянца ничего политическаго не узнаютъ, такъ какъ онъ самъ ничего политическаго не знаетъ. Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, бывшій адъютантъ оберъ-егермейстера А. Г. Разумовскаго, другъ графа Понятовскаго, честный, правдивый, рыцарски преданный великой княгинѣ, ничего лишняго не скажетъ, хотя ему и было бы что поразсказать[1]). Василій Евдокимовичъ Адодуровъ, учившій нѣкогда Екатерину русскому языку, прежде близкое лицо къ князю Н. Ю. Трубецкому, теперь довѣренный человѣкъ графа Бестужева, преданный своей ученицѣ, ея вѣрный слуга. Ни Бернарди, ни Елагинъ, ни Адодуровъ не опасны — что, кромѣ семейныхъ дрязгъ и мелкихъ сплетень, можно узнать отъ нихъ? Другое дѣло арестъ Бестужева: у него письма и записки Екатерины, у него проектъ о престолонаслѣдіи — не она писала его, но онъ составленъ въ ея интересахъ!

Екатерина читала и перечитывала утреннюю записочку графа Понятовскаго, и какъ ни думала, ни гадала, а выходило, что ей „нѣтъ никакой возможности не быть замѣшанною въ это дѣло“[2]). И ни откуда никакого извѣстія, не только утѣшенія — ни разъясненія причинъ, ни даже подробностей ареста, ничего. Екатерина одѣлась и пошла, „словно съ кинжаломъ въ сердцѣ“, къ обѣднѣ; видѣла многихъ, но всѣ хранятъ молчаніе. Но если всѣ молчатъ, она молчать не можетъ. Вечеромъ, въ воскре-

---

[1]) Письма Екатерины и графа Понятовскаго къ И. П. Елагину, въ *Сборникѣ*, VII, 75. — [2]) *Mémoires*, 312.

сенье же, во время бала, бывшаго по случаю свадьбы Льва Нарышкина, Екатерина подошла къ посаженому отцу, князю Трубецкому, „какъ будто посмотрѣть ленты на его маршальскомъ жезлѣ“, и сказала ему вполголоса: „Qu'est-ce que c'est donc que ces belles choses? Avez vous trouvé plus de crimes que de criminels, ou avez vous plus de criminels que de crimes“ [1])? Князь отвѣчалъ: „Мы сдѣлали, что намъ было приказано; преступленій же еще ищутъ. До сихъ поръ всѣ поиски не были удачны“. Съ тѣмъ же вопросомъ обратилась Екатерина къ фельдмаршалу Бутурлину и получила тотъ же отвѣтъ: „Бестужевъ арестованъ; теперь мы ищемъ причины за что его арестовали“. Могло-ли это успокоить Екатерину? Князь Трубецкой и Бутурлинъ, правда, назначены слѣдователями, они знаютъ положеніе дѣла; но они знаютъ также, что говорятъ съ великою княгиней и отвѣчаютъ на вопросъ о человѣкѣ, которымъ она интересуется. Только въ понедѣльникъ, 16-го февраля, голштинскій министръ Штамбке принесъ Екатеринѣ утѣшительную вѣсточку: онъ получилъ отъ Бестужева записку съ просьбою передать великой княгинѣ, чтобъ „она не безпокоилась на счетъ того, что знаетъ“, что онъ имѣлъ время „все бросить въ огонь“. Тотчасъ по уходѣ Штамбке, Екатерина написала записочку Пуговишникову, участвовавшему въ составленіи проекта о престолонаслѣдіи: „Vous n'avez rein à craindre — on a eu le temps de tout bruler“ [2]). Только теперь отлегло отъ сердца Екатерины; только теперь могла она спать спокойнѣе.

Спокойнѣе, но не спокойно. Она знала, что графъ Понятовскій и Штамбке ведутъ тайную переписку съ арестантомъ Бестужевымъ — маленькій трубачъ, егерь Бестужева, кладетъ письма въ кирпичи строящагося вблизи дома; она сама, при помощи преданнаго ей Шкурина, завязала сношенія съ Бернарди, находившимся подъ присмотромъ сержанта Колышкина [3]). Что если эта переписка откроется, если эти сношенія узнаются?

---

[1]) Что за прелести! Нашли-ли вы больше преступленій, чѣмъ преступниковъ, или у васъ больше преступниковъ, чѣмъ преступленій? *Mémoires*, 313. — [2]) Вамъ нечего опасаться — успѣли все сжечь. *Mémoires*, 314. — [3]) *Mémoires*, 314, 316.

Въ пятницу на масляной недѣлѣ, 27-го февраля, былъ обнародованъ манифестъ[1]) о лишеніи канцлера Бестужева всѣхъ чиновъ и достоинствъ. Императрица объявила, что „съ крайнимъ насиліемъ нашей натуральной къ милосердію и великодушію склонности“ должна была арестовать Бестужева за „преступленія въ оскорбленіи величества“ и предать его суду „чрезъ нарочно учрежденную при дворѣ нашемъ коммиссію“.

Комиссія не коснется проекта о престолонаслѣдіи — у нея нѣтъ и не можетъ быть данныхъ для разслѣдованія этого вопроса: всѣ бумаги сожжены. Остается только вопросъ о перепискѣ великой княгини съ Апраксинымъ. Екатерина можетъ съ большимъ уже спокойствіемъ ожидать результатовъ слѣдствія: ей запрещена всякая переписка — это правда; но въ данномъ случаѣ эта переписка не была преступною.

---

[1]) *П. С. З.*, № 10802.

XXIX.

Положеніе Екатерины крайне тяжелое. Ея друзья признаны государственными преступниками, люди близкіе арестованы, преданные — вызываются къ допросу; великій князь отворачивается отъ нея, никто не говоритъ, всякій избѣгаетъ встрѣчаться съ нею. „Его высочество почти не смѣлъ говорить со мною и не приходилъ въ мою комнату, гдѣ я оставалась въ это время совершенно одна, не видя ни одного живого лица. Я сама никого не приглашала къ себѣ, опасаясь тѣмъ навлечь на нихъ какія-либо непріятности и даже несчастія. При дворѣ я воздерживалась подходить къ тѣмъ лицамъ, которыя вынуждены были бы отвернуться отъ меня“ [1]). Положеніе невыносимое; необходимо выйти изъ него.

Въ субботу на масляной недѣлѣ, 28-го февраля 1758 года, на придворномъ театрѣ назначена русская комедія, и графъ Понятовскій просилъ Екатерину быть на представленіи. Великій князь не любитъ русской комедіи и не желаетъ, чтобъ великая княгиня ѣхала въ театръ: если она поѣдетъ, съ нею поѣдутъ фрейлины и въ числѣ ихъ графиня Елизавета Романовна Воронцова, съ которою онъ такъ любитъ играть въ карты по вечерамъ. Екатерина не обращаетъ вниманія на карточную игру подобнаго рода, но въ этотъ вечеръ не было выбора: она дала слово графу Понятовскому быть въ театрѣ, и она будетъ. Великая княгиня послала сказать оберъ-гофмейстеру графу А. Шувалову, чтобъ онъ приказалъ приготовить для нея эки-

---

1) *Mémoires,* 323.

пажи. Является графъ Шуваловъ и говоритъ, „что великій князь запретилъ давать ей экипажи". Это взорвало Екатерину и она сказала оберъ-гофмейстеру, что если ей не дадутъ экипажа, она пойдетъ пѣшкомъ; если дамамъ запретятъ сопровождать ее — пойдетъ одна, но напишетъ императрицѣ и будетъ жаловаться ея величеству на великаго князя и на него, графа Шувалова.

„— Что же вы напишите ея величеству?

„— Напишу, какъ обращаются здѣсь со мною; напишу, что, въ угоду великому князю, вы устроиваете ему свиданія съ моими фрейлинами, и вмѣстѣ съ нимъ не пускаете меня въ театръ, гдѣ я могла бы имѣть счастіе видѣть ея императорское величество. Мало того: я попрошу императрицу отправить меня къ моей матушкѣ — мнѣ надоѣла и опротивѣла роль, которую я играю, оставленная всѣми, одна въ своей комнатѣ, ненавидимая великимъ княземъ и нелюбимая императрицею. Я ничего не желаю, кромѣ спокойствія, и не хочу болѣе никому быть въ тягость, не хочу дѣлать несчастными моихъ приближенныхъ, особенно же моихъ бѣдныхъ людей, которыхъ столько уже сослано за то, что я любила ихъ или дѣлала имъ добро. Знайте же, что я сейчасъ напишу ея величеству, и мы посмотримъ, какъ-то вы посмѣете не отнести императрицѣ мое письмо" [1]).

Шуваловъ испугался рѣшительнаго тона этой рѣчи, заморгалъ глазами, „какъ это онъ всегда дѣлалъ, когда что-нибудь волновало его", и ушелъ. Екатерина тотчасъ же написала императрицѣ письмо по-русски, „въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ, какъ умѣла". Она начала письмо благодарностью императрицѣ за всѣ милости и благодѣянія, оказанныя ей со дня пріѣзда въ Россію. „По несчастью, продолжала она, оказалось, что я не заслужила этихъ милостей, потому что навлекла на себя только ненависть великаго князя и явную немилость ея величества. Видя свое несчастіе и оставаясь одна въ своей комнатѣ, гдѣ меня лишаютъ самыхъ невинныхъ развлеченій, я настоятелъно просила ее прекратить мои невзгоды, от-

---

[1]) *Mémoires*, 325.

правивъ меня къ моимъ родителямъ, подъ тѣмъ предлогомъ, какой она признаетъ болѣе приличнымъ. Что же касается дѣтей моихъ, то хотя я и живу съ ними подъ одною кровлею, но вовсе не вижу ихъ, и поэтому мнѣ все равно, быть-ли въ томъ же мѣстѣ, гдѣ и они, или въ нѣсколькихъ сотняхъ верстъ отъ нихъ. Я знаю, что ея величество печется о нихъ несравненно болѣе, нежели сколько позволяли бы мнѣ мои малыя способности. Дерзаю просить о продолженіи этихъ попеченій и, убѣжденная въ этомъ, проведу остатокъ дней у своихъ родныхъ, моля Бога за ея величество, за великаго князя, за моихъ дѣтей и за всѣхъ, сдѣлавшихъ мнѣ добро или зло. Состояніе моего здоровья доведено горемъ до того, что я должна сдѣлать все, что могу, лишь бы по крайней мѣрѣ спасти свою жизнь, и въ этихъ-то видахъ я обращаюсь къ ней съ просьбою разрѣшить мнѣ отправиться на воды и оттуда къ своимъ роднымъ".

Великая княгиня запечатала письмо, отдала графу Шувалову и отправилась таки въ театръ. Императрицы въ театрѣ не было — „думаю, ей помѣшало письмо мое" [1]), прибавляетъ Екатерина. По возвращеніи великой княгини изъ театра, къ ней явился графъ Шуваловъ и объявилъ, что онъ отдалъ императрицѣ письмо и что ея величество, прочтя его, изволила сказать, что „сама будетъ говорить съ великою княгинею".

Долго ждала Екатерина обѣщаннаго „разговора". Враги ея надѣялись найти матерьялъ для разговора въ бумагахъ или показаніяхъ Бестужева. Если у Апраксина нашлись письма великой княгини, какъ не быть имъ у Бестужева? Въ перехваченномъ письмѣ арестованнаго Бестужева къ великой княгинѣ онъ совѣтуетъ ей „поступать смѣло и бодро, съ твердостію", присовокупляя, что „подрозрѣніями ничего доказать не можно" — было, значитъ, что-то, но уничтожены его слѣды и остались одни подозрѣнія. Шесть недѣль великаго поста ушли на розыски и допросы.

Всѣ вопросные пункты Бестужеву упоминаютъ такъ

1) *Mémoires*, 327,

или иначе о великой княгинѣ; большинство же касается ея переписки. Вопросы составлялись умнымъ Волковымъ, но Бестужевъ оказался умнѣе Волкова. Зная объ отношеніяхъ великой княгини къ графу Понятовскому, Волковъ, на допросѣ 30-го марта, ставилъ такой вопросъ: „Теперь ея императорскому величеству нечаянно, но вдругъ и точно извѣстно стало, что Понятовскій не для дѣла короля Польскаго и не по ея величества благоизобретенію, но единственно твоимъ проискомъ здѣсь по отзыве уже паки оставленъ, а потому имѣешь ты объявить для чего ты искалъ его здѣсь удержать". Бестужевъ взялъ вину на себя, но не выдалъ Екатерины, и отвѣчалъ: „Подлинно послѣ полученія графомъ Понятовскимъ его отзыва старался онъ чрезъ саксонскаго совѣтника посольства Прасса остановить его Понятовскаго, здесь, но ни къ графу Брилю, ни къ князю Волконскому о томъ не писалъ, а сие искание производилъ только для того, что видя на себя гонение пословъ Эстергазия и маркиза Лопиталя желалъ по меньшей мере одного благоприятнаго иметь себѣ министра, а толь больше графа Понятовскаго, что оный увѣдомлялъ его обо всемъ что услышитъ отъ графа Эстергазия и Маркиза Лопиталя. А что онъ искалъ Понятовскаго здесь удержать, по полученіи его отзыва и зная, что Ея императорскому величеству присудствие его здесь неугодно, въ томъ проситъ монаршаго помилования, а именно что собственную свою пользу предпочелъ всевысочайшему имянному Ея императорскаго величества соизволению, больще того отнюдь никакихъ иныхъ видовъ во удержаніи его здесь не имелъ" [1]).

Не привели ни къ чему и розыски. Екатерина была настолько осторожна, что сожгла всѣ свои „бумаги и счеты" [2]). Когда, на третьей недѣлѣ поста, арестовали любимую камерфрау великой княгини [3]), Владиславову, Екате-

---

[1]) *Бильбасовъ*, 77, 83. — [2]) *Mémoires*, 322.

[3]) Une vieille femme de chambre russe qui avait toute la confiance la plus secrête de Madame la Grande-Duchesse vient d'être arrêtée; Elle l'appelait sa mère. On présume qu'elle était la confidente de Son Altesse Impériale soit pour ses amours avec M. Poniatowski, soit pour

рина съ увѣренностію сказала графу Шувалову, что „отъ Владиславовой рѣшительно нечего вывѣдывать“ и, желая прекратить дальнѣйшіе аресты приближенныхъ къ ней лицъ, прибавила, что „не довѣрялась ни ей, ни кому-либо другому“ [1]). 7-го апрѣля разобрали и „остальныя письма бывшаго канцлера“ — въ нихъ ни строчки отъ великой княгини! Такъ и не нашли новыхъ уликъ противъ Екатерины, кромѣ давно уже извѣстныхъ писемъ ея къ Апраксину.

Между тѣмъ великая княгиня настоятельно требовала свиданія съ императрицей. Оно было ей необходимо, какъ единственное средство выйти изъ подавляющей неизвѣстности. Шесть недѣль раздумья и опасеній надломили натуру — Екатерина проводила цѣлые дни въ слезахъ. Въ Въ вербное воскресенье, вечеромъ, она ходила въ своей комнатѣ изъ угла въ уголъ, обдумывая въ сотый разъ свое положеніе, когда къ ней вошла камеръ-фрау Екатерина Ивановна Шаргородская. Видимо разстроенная, сквозь слезы, она сказала Екатеринѣ: „Мы всѣ боимся, что вы захвораете отъ горести; позвольте мнѣ сходить сегодня же къ дядѣ моему, вашему и императрицыну духовнику [2]); я переговорю съ нимъ, передамъ ему все, что вы прикажете, и обѣщаю вамъ, что онъ переговоритъ съ императрицей такъ, что вы останетесь довольны“ [3]). Екатерина согласилась. Около 11-ти часовъ вечера возвратилась Шаргородская; дядя совѣтуетъ великой княгинѣ сказаться больной и потребовать духовника; онъ явится, выслушаетъ все, что Екатеринѣ будетъ угодно передать ему и затѣмъ переговоритъ съ императрицею въ желаемомъ великою княгинею смыслѣ. Такъ и сдѣлали: въ 3-мъ часу ночи Екатерина сильно расхворалась, пожелала

---

ses intrigues avec M. de Bestucheff. Депеша *Лопиталя* отъ 24-го апрѣля, въ *Парижс. Архивѣ*, Russie, vol. 56, f. 112. *Mémoires*, 339.

1) *Mémoires*, 333.

2) Лубянскій, Ѳедоръ Яковлевичъ, ум. въ 1772 г. По поводу его просьбы о 6,000 рублей Екатерина писала въ 1767 году А. В. Олсуфьеву: „Держите ухо востро; je vous souhaite la force du lion et la prudence du serpent“. *Русскій Архивъ*, 1863, стр. 199 (444).

3) *Mémoires*, 334.

исповѣдоваться; послали за духовникомъ. Онъ пробылъ у великой княгини битыхъ полтора часа. Екатерина посвятила его во всѣ подробности, приведшія къ письму съ просьбою отпустить на родину, и нашла, что „онъ не такъ глупъ, какъ объ немъ говорили". Онъ это доказалъ на дѣлѣ: отъ великой княгини, ночью же, онъ отправился къ императрицѣ, дождался ея пробужденія и такъ переговорилъ съ нею, что Елизавета Петровна тотчасъ же назначила свиданіе съ Екатериной въ тотъ же день, въ понедѣльникъ на страстной недѣлѣ, 13-го апрѣля [1]). Свиданіе произошло ночью, въ кабинетѣ императрицы, въ присутствіи лицъ наиболѣе близкихъ, и тѣмъ не менѣе подробности этого свиданія вскорѣ стали общеизвѣстны [2]). Эти подробности произвели на Екатерину довольно сильное впечатлѣніе; она живо представляла ихъ себѣ даже много лѣтъ спустя:

„Въ исходѣ десятаго часа, вечеромъ, я одѣлась, прилегла на кушетку и вздремнула. Около половины второго ночи, графъ Шуваловъ вошелъ въ мою комнату и сказалъ, что императрица желаетъ меня видѣть. Я встала и пошла за нимъ. Въ переднихъ комнатахъ не было ни души. Подходя къ двери, ведущей въ галлерею, я увидѣла, какъ изъ противоположной двери показался великій князь и направился, какъ и я, къ ея императорскому ве-

---

1) Въ „Запискахъ" Екатерины, вообще не отличающихся хронологическою точностію, не указано время свиданія. Оно опредѣляется довольно точно по указанію англійскаго посланника Кейта. Въ депешѣ отъ *28-го апрѣля* 1758 г. Кейтъ сообщаетъ: „арестованіе любимой камерфрау великой княгини (*Владиславовой*) дало поводъ къ состоявшемуся *четыре дня назадъ* свиданію великой княгини съ императрицею (*Raumer*, II, 458). Четыре дня назадъ, то-есть, 24-го апрѣля; Кейтъ, какъ и всѣ иностранные министры, помѣчалъ свои депеши новымъ стилемъ, и его 24-е апрѣля составитъ 13-е апрѣля стараго стиля. Въ 1758 г. свѣтлое воскресенье было 19-го апрѣля; слѣдовательно, 13-е апрѣля приходилось на понедѣльникъ страстной. Въ *Сборникѣ*, VII, 74, день свиданія ошибочно показанъ 23-го апрѣля.

2) *Raumer*, II, 457—459. Депешею *Кейта* отъ 28-го апрѣля 1758 года вполнѣ подтверждается достовѣрность разсказа объ этомъ свиданіи въ „Запискахъ" Екатерины. Депеша *Прассе* отъ того же числа (*Herrmann*, V, 227).

личеству. Придя въ комнату императрицы, я застала уже тамъ великаго князя. Едва увидавъ императрицу, я упала передъ нею на колѣни и сквозь слезы настоятельно просила ее отослать меня къ роднымъ. Императрица хотѣла поднять меня, но я осталась у ея ногъ. Она показалась мнѣ болѣе опечаленною, чѣмъ разгнѣванною.

„— Какъ же мнѣ отпустить тебя, сказала она со слезами на глазахъ; вспомни, что у тебя есть дѣти.

„— Дѣти мои въ вашихъ рукахъ, и имъ нигдѣ лучше быть не можетъ. Я надѣюсь, что вы ихъ не покинете.

„— Но что же я скажу обществу о причинѣ твоего удаленія?

„— Ваше величество объявите, если найдете это приличнымъ, причины, по которымъ я навлекла на себя вашу немилость и ненавйсть великаго князя.

„— Чѣмъ же ты будешь жить у своихъ родныхъ?

„— Тѣмъ же, чѣмъ жила прежде, до того, какъ вы оказали мнѣ честь взять меня.

„— Твоя мать въ бѣгахъ: она вынуждена была удалиться изъ своего дома и отправилась въ Парижъ.

„— Я знаю это. Ее считаютъ слишкомъ преданною интересамъ Россіи, и король прусскій преслѣдуетъ ее за это.

„Императрица вторично приказала мнѣ встать; я повиновалась. Она задумалась и отошла отъ меня. Мы находились въ длинной комнатѣ о трехъ окнахъ; въ простѣнкахъ стояли столы съ золотыми туалетами императрицы. Въ комнатѣ были только: она, великій князь, графъ А. Шуваловъ и я. Насупротивъ императрицы стояли широкія ширмы, передъ ними — кушетка; за ширмами Иванъ Шуваловъ. Я отошла къ туалетному столу, ближайшему къ дверямъ, въ которыя мы вошли, и замѣтила въ вазѣ свернутыя письма. Императрица снова подошла ко мнѣ и сказала: „Богъ мнѣ свидѣтель, сколько я плакала, когда ты была при смерти больна вскорѣ по пріѣздѣ въ Россію; еслибъ я не любила тебя, то не оставила бы у себя“. Это, по-моему, значило оправдываться, что я у нея не въ немилости. Въ отвѣтъ на это я поблагодарила ея величество за всѣ милости и благодѣянія, ко-

торыя она оказывала мнѣ тогда и послѣ, прибавивъ, что воспоминаніе о нихъ никогда не изгладится изъ моей памяти и что я всегда буду считать величайшимъ несчастіемъ моей жизни то, что навлекла ея немилость. Императрица еще ближе подошла мнѣ:

„— Ты чрезмѣрно горда. Вспомни, какъ, однажды, въ лѣтнемъ дворцѣ, я подошла къ тебѣ и спросила, не болитъ-ли у тебя шея, потому что ты едва поклонилась мнѣ. Только изъ гордости, ты едва киваешь головой, кланяясь мнѣ.

„— Боже мой, какъ ваше величество могли думать, что я захочу гордиться предъ вами! Клянусь, что никогда не подозрѣвала даже, что вопросъ, сдѣланный вами четыре года назадъ, могъ имѣть подобное значеніе.

„— Ты воображаешь, что нѣтъ человѣка умнѣе тебя.

„— Еслибъ я такъ думала о себѣ, то мое настоящее положеніе и самый этотъ разговоръ лучше всего способны вывесть меня изъ заблужденія: я до сихъ поръ, по глупости своей, не понимала того, что вамъ угодно было сказать мнѣ четыре года назадъ.

„Пока императрица говорила со мною, великій князь шептался съ графомъ А. Шуваловымъ. Она замѣтила это и подошла къ нимъ. Они стояли почти на серединѣ комнаты; я не могла ясно слышать, о чемъ они говорили — они говорили негромко, а комната была большая. Наконецъ, я услышала, какъ великій князь сказалъ, возвысивъ голосъ: „Она ужасно зла и страшно упряма“. Я поняла, что дѣло идетъ обо мнѣ и, обращаясь къ великому князю, сказала ему: „Если вы говорите обо мнѣ, то я рада случаю сказать вамъ, въ присутствіи ея величества, что я, дѣйствительно, зла на тѣхъ, которые совѣтуютъ вамъ дѣлать несправедливости, и что я стала упряма, видя что моя угодливость навлекла на меня только вашу непріязнь“. Великій князь, выслушавъ, сказалъ императрицѣ: „Ваше величество сами теперь видите, какъ она зла, по тому, что она говоритъ“. Но на императрицу, которая была гораздо умнѣе великаго князя, мои слова произвели совершенно иное впечатлѣніе. Я видѣла ясно, что, хотя ей присовѣтовали или она сама рѣшила быть со

мною строгою, она смягчалась все болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ шелъ разговоръ. Затѣмъ императрица перешла къ сношеніямъ Штамбке съ графомъ Бестужевымъ — такъ какъ мое имя не было при этомъ упомянуто, то я молчала. Потомъ императрица подошла ко мнѣ:

„— Ты мѣшаешься во многія дѣла, которыя тебя вовсе не касаются: я не смѣла дѣлать этого при императрицѣ Аннѣ. Какъ, напримѣръ, осмѣлилась ты посылать приказанія фельдмаршалу Апраксину?

„— Я? Никогда мнѣ и въ голову не приходило посылать ему приказанія!

„— Какъ ты можешь отрицать, что писала ему? Твои письма тамъ, въ вазѣ (она пальцемъ указала ихъ) — тебѣ запрещено, вѣдь, писать.

„— Правда, я нарушила это запрещеніе, и прошу въ томъ извиненія; но такъ какъ мои письма здѣсь, то эти три письма могутъ доказать вашему величеству, что я никогда не посылала ему приказаній. Въ одномъ письмѣ, я сообщала ему, что говорятъ о его поступкахъ . . .

„— Зачѣмъ же ты писала ему объ этомъ?

„— Затѣмъ, что принимала въ немъ участіе и любила его. Я просила его исполнить ваши приказанія. Въ двухъ остальныхъ письмахъ я поздравляла его, въ одномъ — съ новымъ годомъ.

„— Бестужевъ говоритъ, что было много другихъ писемъ.

„— Если Бестужевъ говоритъ это, онъ лжетъ.

„— Хорошо же: такъ какъ онъ лжетъ на тебя, я велю пытать его.

Императрица думала этимъ напугать меня. Я отвѣчала ей, что она властна дѣлать все, что найдетъ нужнымъ; но что я всетаки писала Апраксину только эти три письма. Она замолчала и стала что-то соображать.

„Я передаю только наиболѣе выдающіяся черты этого разговора, оставшіяся въ моей памяти; невозможно вспомнить все, что говорилось въ продолженіе полутора часа. Императрица ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, обращаясь то ко мнѣ, то къ своему племяннику, чаще же всего къ графу А. Шувалову. Я сказала уже, что замѣтила въ

императрицѣ меньше гнѣва, чѣмъ заботы; великій же князь, въ своихъ замѣчаніяхъ во время этого разговора, проявлялъ много желчи, непріязни и даже ненависти ко мнѣ. Онъ всѣми силами старался раздражить ея величество противъ меня, но такъ какъ всѣ его старанія были крайне тупы, и онъ выказывалъ больше горячности, чѣмъ здраваго сужденія, то не достигъ цѣли: императрица, по своему уму и проницательности, брала мою сторону. Съ особеннымъ вниманіемъ и даже съ нѣкоторымъ невольнымъ одобреніемъ выслушивала она мои твердые и спокойные отвѣты на нелѣпыя вспышки моего супруга. Онъ довелъ дѣло то того, что императрица подошла ко мнѣ и сказала вполголоса: „Мнѣ хотѣлось бы многое еще сказать тебѣ, но я не могу говорить теперь — я вовсе не желаю, чтобъ вы еще болѣе разсорились". Глазами и головой она дала мнѣ понять, что не желаетъ говорить въ присутствіи другихъ. Я отвѣчала ей почти шепотомъ: „Я тоже не могу говорить, хотя мнѣ чрезвычайно хочется открыть вамъ мою душу и мое сердце". Слова эти произвели на нее благопріятное для меня впечатлѣніе. У нея показались даже слезы на глазахъ и чтобъ скрыть, что она была растрогана, она простилась съ нами, сказавъ, что очень поздно. Въ самомъ дѣлѣ, было около трехъ часовъ ночи. Я ушла къ себѣ и уже раздѣвалась, чтобъ лечь спать, когда вошелъ графъ А. Шуваловъ и объявилъ, что императрица поручила ему передать мнѣ ея поклонъ и сказать, чтобъ я не огорчалась и что она будетъ имѣть второй разговоръ съ одною мною. Я просила графа Шувалова передать ея величеству мое глубочайшее почтеніе, поблагодарить за ея милости, которыя возвращаютъ мнѣ жизнь, и сказать, что я съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ буду ожидать второго разговора съ ея величествомъ"[1]).

Первое свиданіе не внесло полнаго успокоенія въ комнаты великой княгини. Екатерина сознавала, что одержала ночную побѣду. Елизавета Петровна давно уже утеряла всякую сомостоятельность и находилась подъ постронними вліяніями; ея волею руководили другіе. Импе-

---

1) *Mémoires* 336.

ратрица могла быть вполнѣ искренна, когда говорила, что въ знаменитую ночь 13-го апрѣля она убѣдилась, что „великая княгиня очень умна, а великій князь дуракъ", но это убѣжденіе могло не имѣть практическихъ послѣдствій. Прошло лишь нѣсколько дней послѣ ночнаго свиданія и, на святой же недѣлѣ, двѣ камеръфрау великой княгини были арестованы; оберъ-камергеръ Брокдорфъ, называвшій Екатерину змѣею и внушавшій великому князю необходимость „раздавить змѣю", опять въ чести, и всесильный теперь вице-канцлеръ графъ Воронцовъ хлопочетъ о пожалованіи ему ордена Бѣлаго Орла; великій князь ждетъ не дождется, когда вышлютъ его супругу за границу, думая жениться на Елизаветѣ Романовнѣ Воронцовой, которая ходитъ уже въ его комнатѣ и разыгрываетъ тамъ роль хозяйки[1]). Въ допросахъ Бестужеву ставится уже вопросъ о „планахъ какъ на нынѣшнее, такъ и на будущее время, о которыхъ бывшій канцлеръ совѣщался съ Штамбке и графомъ Понятовскимъ, друзьями великой княгини; Бестужева допрашиваютъ, „для чего предпочтительно искалъ милости у великой княгини"[2]), и т. п. Екатеринѣ думалось, что слѣдователи слышали о проектѣ престолонаслѣдія и силились открыть дѣйствительно государственное преступленіе. Проектъ, правда, сожженъ, но не осталось-ли какой-нибудь копіи, какого нибудь черноваго лоскутка бумаги?

Тяжело положеніе Екатерины, но она не падаетъ духомъ. „Хотя я въ крайней горести нынѣ, пишетъ она сосланному другу Елагину, но еще надежду имѣю"[3]). На что? Единственно на свою твердость. Убѣжденная, что важныя бумаги сожжены, что отъ преступныхъ писаній осталось только „подозрѣніе", Екатерина твердо, обдуманно ведетъ борьбу, настоятельно проситъ отпустить ее къ роднымъ, вполнѣ увѣренная, что ее не отпустятъ, что на такой рѣшительный шагъ неспособны ни императрица,

---

[1]) Депеша *Лопиталя* отъ 25-го февраля 1758 г. (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 55, f. 198); депеши *Прассе* отъ 2-го и 9-го мая (*Raumer*, II, 472); *Mémoires*, 346. — [2]) *Бильбассовъ*, 72 sqq.

[3]) *Сборникъ*, VII, 77.

ни ея ближайшіе совѣтники. Не даромъ же фаворитъ императрицы И. И. Шуваловъ увѣрялъ Екатерину, что „все будетъ по ея желанію"; не напрасно же вице-канцлеръ Воронцовъ явился къ ней и отъ имени императрицы просилъ отказаться отъ намѣренія покинуть Россію, „никогда даже не упоминать" объ этомъ намѣреніи, на которое императрица никогда не согласится и которое огорчаетъ „всѣхъ честныхъ людей" въ Россіи[1]). Екатерина, справедливо полагавшая, что только личное объясненіе съ императрицей можетъ вполнѣ обезпечить ея положеніе и оградить отъ дальнѣйшихъ непріятностей, просила и Воронцова, и Шувалова доставить ей второе свиданіе и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Оно состоялось 23-го мая[2]).

„Я застала императрицу совершенно одну. На этотъ разъ въ комнатѣ не было никакихъ ширмъ, слѣдовательно, мы могли говорить совершенно свободно. Я начала благодарностью за это свиданіе, сказавъ, что одно милостивое обѣщаніе его возвратило меня къ жизни. На это она мнѣ сказала: „Я требую, чтобъ ты сказала мнѣ всю правду, о чемъ я буду тебя спрашивать". Я отвѣчала ей увѣреніемъ, что она услышитъ отъ меня только сущую правду и что я желаю открыть ей всю мою душу безъ малѣйшей утайки. Тогда она опять спросила меня, дѣйствительно-ли я писала Апраксину только три письма. Я поклялась, что только три, какъ оно въ дѣйствительности и было.

---

1) *Mémoires*, 347. Депеша Прассе, у *Raumer*, II, 457. Иной характеръ приданъ этому эпизоду въ депешѣ *Лопиталя* отъ 2-го мая 1758 года: Sa Majesté Impériale a envoyé M. de Woronzow chez M-me la Grande-Duchesse où il est resté deux heures entières pour la ramener à ses devoirs et lui faire connaître ses égarements. Il doit y retourner aujourd'hui et il espère la mettre au point que Sa Majesté Impériale désire sans quoi Elle se perdrait. *Париж. Архивъ*, Russie, vol. 56, f. 112.

2) Къ депешѣ *Лопиталя* отъ 2-го іюня 1758 года прабавленъ P. S., помѣченный 4-го іюня. Въ этой припискѣ посолъ сообщаетъ, что императрица не была вчера (hier soir) въ оперѣ — были только великій князь и принцъ Карлъ саксонскій; воспользовавшись тѣмъ, что весь дворъ въ театрѣ, императрица имѣла разговоръ съ великой княгиней (l'Impératrice avait une conversation avec M-me la Grande-Duchesse), pour faire la paix (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 56, f. 252). Вчера, т. е. 3-го іюня новаго стиля или 23-го мая стараго.

Затѣмъ императрица начала разспрашивать подробности объ образѣ жизни великаго князя"...

На этихъ словахъ обрываются „Записки" Екатерины. О чемъ говорилось и что было высказано на этомъ второмъ свиданіи — неизвѣстно; несомнѣнно только, что это свиданіе, имѣвшее въ виду достигнуть примиренія, pour faire la paix, какъ выразился французскій посолъ, окончилось къ полному удовольствію Екатерины. Нѣсколько дней спустя, передъ отъѣздомъ въ Ораніенбаумъ, Екатерина написала, 29-го мая, письмо императрицѣ, въ которомъ, между прочимъ, говорила: „Лишь я вспомню высочайшихъ милостей, которыхъ я удостоилась слышать изъ на вѣкъ благословенныхъ устъ Вашего Императорскаго Величества, слезы радостныя льются изъ моихъ глазъ"[1]).

Какъ правительница Анна Леопольдовна допрашивала нѣкогда царевну Елисавету Петровну и убѣдилась въ полной ея невиновности, такъ теперь императрица осталась вполнѣ довольна откровенными отвѣтами великой княгини. Для Екатерины это было очень важно: главною цѣлью великой княгини было успокоить императрицу, расположить ее въ свою пользу, и Екатерина достигла этой цѣли. Не въ ея было силахъ спасти друзей, но насколько можно она содѣйствовала смягченію приговора. Въ этомъ случаѣ много помогалъ самый титулъ великой княгини[2]): судьи знали, что судятъ сторонниковъ великой княгини, будущей императрицы, и опасались возможной въ будущемъ отвѣтственности за излишнюю суровость.

---

[1]) *Сборникъ*, VII, 74, гдѣ въ примѣчаніи сказано, будто Екатерина „ходатайствуетъ въ настоящемъ письмѣ о второмъ свиданіи" съ императрицей. Это невѣрное объясненіе ввело первоначально насъ въ заблужденіе (*Бильбасовъ*, 62): въ письмѣ говорится объ отъѣздѣ въ Ораніенбаумъ, а не въ Германію, поэтому-то въ немъ и не упомянуто о дѣтяхъ; оно писано послѣ второго свиданія.

[2]) Les commissaires, que Sa Majesté Impériale a nommés, réfléchissent que Leurs Altesses Impériales étant impliquées dans cette affaire, ils pourraient se repentir un jour de la rigueur qu'ils auraient fait exercer, et la Grande-Duchesse quoiqu'aujourd'hui abaissée et découverte, conserve cependant toujours le crédit secret des ministres sages qui prévoient l'avenir. Депеша *Лопиталя*, отъ 16-го апрѣля 1758 года (*Парижс. Архивъ*, Russie, vol. 56, f. 58).

Болѣе года длился судъ. Одинъ за другимъ сходятъ со сцены друзья Екатерины. 6-го августа 1758 года, во время допроса, въ Четырехъ Рукахъ, Апраксинъ палъ мертвый[1]. Въ началѣ 1759 года окончилось слѣдствіе надъ „бывшимъ канцлеромъ". Манифестомъ 5-го апрѣля былъ объявленъ приговоръ. Изъ всѣхъ лицъ, такъ или иначе прикосновенныхъ къ дѣлу, одна только Екатерина оставалась въ Петербургѣ, всѣ высланы: Бестужевъ — въ Горѣтово, Бернарди — въ Казань, Штамбке и графъ Понятовскій — за границу, Елагинъ — въ Казанскую губернію, Адодуровъ — въ Оренбургъ...

---

[1]) Въ „Запискахъ *Нащокина*" сказано, что Апраксинъ умеръ „параличною болѣзнью". Издатель „Записокъ" приводитъ слухъ, будто Апраксина поразилъ ударъ, вслѣдствіе недослушанной имъ фразы слѣдователя: „затѣмъ намъ болѣе ничего не остается, какъ...", тутъ Апраксинъ упалъ, боясь услышать „пытать тебя", между тѣмъ какъ фраза должна была кончаться словами: „освободить васъ" (336). По связамъ Апраксина и по ходу общаго слѣдствія этотъ „слухъ" не заслуживаетъ довѣрія. *Dorville*, 218.

XXX.

Положеніе русской великой княгини, удаленной отъ всякой активной дѣятельности и неимѣющей никакого вліянія на государственныя дѣла, не могло, казалось бы, интересовать иностранныхъ представителей при русскомъ дворѣ. Они видѣли ее на придворныхъ выходахъ, въ театрѣ, на балахъ, рѣдко имѣли случай говорить съ нею и, казалось, не имѣли повода считаться съ ея политическими убѣжденіями. Свои, русскіе люди, смотрѣли въ глаза императрицѣ — не великой княгинѣ, такъ чужимъ и подавно не приходится сообразоваться съ ея взглядами и мнѣніями. Между тѣмъ, положеніе, занятое Екатериною съ самаго начала Семилѣтней войны, обратило на себя вниманіе иностранныхъ дипломатовъ, стало предметомъ оживленной международной переписки и даже привело къ чисто военнымъ столкновеніямъ.

Какъ въ началѣ, такъ и во время всей Семилѣтней войны и при ея окончаніи одинъ только Фридрихъ II ясно видѣлъ средства, которыми онъ располагалъ, и цѣли, которыя онъ преслѣдовалъ. Это давало ему огромное преимущество предъ его врагами и должно быть принято во вниманіе при оцѣнкѣ даже чисто военныхъ событій, не только политическихъ явленій того времени. Коалиція, составившаяся противъ прусскаго короля, не была сплочена единствомъ дѣйствія потому, что преслѣдовала разныя задачи; какъ и всякая коалиція, она была разъединена частными интересами участниковъ, иногда прямо противоположными интересамъ общимъ.

Фридрихъ II хорошо понималъ, что въ борьбѣ съ

австро-франко-русской коалиціей идетъ вопросъ о существованіи его династіи (existence de ma maison), о разгромѣ его родины (ruine de ma patrie); онъ не скрывалъ отъ себя, что пораженіе будетъ равняться окончательной его погибели: il n'y a que la mort ou la victoire pour nous; il faut ou l'un, ou l'autre[1]). Такой ясности нѣтъ ни у одного изъ членовъ коалиціи. Основная, главная задача коалиціи, состоявшая въ пораженіи Пруссіи, могла быть приведена въ исполненіе только при помощи Россіи[2]). Франція мститъ Пруссіи за союзъ съ ея врагомъ Англіей, Австрія воюетъ за отнятую у нея Силезію — одна Россія выступаетъ въ политическомъ смыслѣ совершенно безкорыстно, ничѣмъ непосредственно незаинтересованная, и какъ же относятся къ ней союзники? Людовикъ XV опасается „слишкомъ большихъ успѣховъ Россіи въ войнѣ"; Марія Терезія находитъ, что „русскіе слишкомъ горячо принимаются за дѣло"! Франція, занятая преимущественно войною съ Англіею, выставляетъ корпусъ противъ Пруссіи для отвлеченія англійскихъ силъ, имѣя въ виду континентальные интересы Англіи, связанные съ Ганноверомъ; Австрія имѣла въ виду не только возвращеніе Силезіи, но, если возможно, окончательное уничтоженіе Пруссіи, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобъ плодами этого разгрома никто не могъ воспользоваться, кромѣ нея, и менѣе всего Россія. Разладъ союзниковъ проявлялся во всемъ: Франція, воюя въ союзѣ съ Россіею, противодѣйствуетъ русскимъ интересамъ въ Польшѣ и даже старается поднять противъ русскихъ Турцію; Австрія завидуетъ каждому военному успѣху Россіи; въ Парижѣ ликуютъ при извѣстіи о пораженіи австрійцевъ подъ Прагой, въ Вѣнѣ не безъ злорадства услышали о пораженіи французовъ при Росбахѣ.

Въ то время, какъ Австрія имѣла въ виду только Пруссію, Франція — исключительно Англію. Россія всегда была противъ Пруссіи, но и всегда въ союзѣ съ Англіею. Канцлеръ Бестужевъ, даже послѣ заключенія англо-прус-

---

1) *Pol. Corr.*, XIV, 118, 412; *Raumer*, II, 439. — 2) *Arneth.* Maria Theresia und Siebenjährige Krieg, I, 39.

скаго договора, высказывается за сохраненіе добрыхъ отношеній къ Англіи, и это ставятъ ему въ вину всѣ, не только чужіе, не только французскій и австрійскій послы, но и свои — императрица, Воронцовъ, Шуваловы. Между тѣмъ, въ этомъ случаѣ одинъ только Бестужевъ ясно разумѣлъ военно-политическій смыслъ минуты: для Россіи было очень важно сохранить, по крайней мѣрѣ, невраждебныя отношенія къ Англіи и тѣмъ затруднить появленіе англійской эскадры въ Балтійскомъ морѣ, о чемъ такъ хлопоталъ Фридрихъ II[1]). Великая княгиня вполнѣ раздѣляла взглядъ Бестужева, хотя и по совершенно инымъ, быть можетъ, соображеніямъ.

Англійскія симпатіи Екатерины безпокоили болѣе всего французское правительство. Въ Версали подробно обсуждали вопросъ о мѣрахъ къ противодѣйствію, если можно, къ искорененію этихъ симпатій, которыя приписывали какъ вліянію канцлера Бестужева, такъ и денежнымъ счетамъ великой княгини съ Уильямсомъ, англійскимъ посланникомъ. Борьба золотомъ съ Англіею невозможна — Франція совершенно истощена морскою войною; вліянію же Бестужева можно противопоставить равносильное или, какъ думали въ Версали, еще болѣе дѣйствительное вліяніе матери Екатерины, княгини Іоганны-Елизаветы цербстской. На этомъ планѣ и остановились.

Екатерина разсталась съ матерью въ 1745 году и съ тѣхъ поръ рѣдко имѣла случай обмѣниваться съ нею мыслями, кромѣ официальной переписки, всегда пустой и холодной. Въ послѣднія десять лѣтъ интересы дочери, ея взгляды, мнѣнія, вкусы развивались совершенно само-

---

1) *Pol. Corr.*, XIII, 35, 124; XIV, 190, 349, 397, 446, 476, 511. Только болѣе года спустя вопросъ окончательно разъяснился въ отрицательномъ для Пруссіи смыслѣ, какъ видно изъ рескрипта Фридриха II послу Книпгаузену въ Лондонъ, отъ 21-го мая 1758 г.: Je comprend bien, que les ministres anglais ne m'ont actuellement refusé ce secours (l'envoi d'une flottile dans la Baltique) que parce qu'ils leur faut à présent partout avoir des flottes pour s'aider dans leurs propres affaires, et que l'Angleterre n'est pas si fort en nombre de vaisseaux de guerre pour en avoir de reste à envoyer dans la Baltique. *Pol. Corr.* XVII, 123.

стоятельно, безъ вѣдома матери. Іоганна-Елизавета не имѣла за это время никакого вліянія на развитіе дочери и, еслибъ онѣ свидѣлись, она, вѣроятно, не узнала бы Екатерины: это была уже совершенно другая женщина, нимало не похожая на цербстскую принцессу Софію. Въ 1755 году, когда С. В. Салтыковъ былъ назначенъ въ Гамбургъ, Екатерина особымъ письмомъ рекомендовала его своей матери, съ которою онъ долженъ былъ познакомиться проѣздомъ черезъ Цербстъ; изъ отвѣтнаго письма матери, недавно нами обнародованнаго[1]), легко видѣть, до какой степени мать и дочь стали чужды другъ другу. Въ Версали ничего этого не знали; тамъ полагали, что мать оставалась все-таки матерью и сохраняла свое вліяніе на дочь. Этимъ-то вліяніемъ и думали воспользоваться.

Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Рулье, въ инструкціи отъ 22-го января 1757 года, предписалъ негласному представителю Франціи въ Петербургѣ, шотландцу Дугласу Мэкензи, собрать свѣдѣнія объ отношеніяхъ цербстской княгини къ своей дочери и о томъ вліяніи, которое она имѣетъ на великую княгиню[2]), рекомендуя содержать это порученіе въ глубокой тайнѣ, особенно же отъ русскаго канцлера и англійскаго посланника. Дугласъ, кажется, не имѣлъ уже времени исполнить подобное порученіе, такъ какъ въ это время прибылъ въ Петербургъ французскій посолъ маркизъ Лопиталь.

Послѣ высылки маркиза Шетарди, дипломатическія сношенія съ Франціею были прерваны; они возстановлялись теперь послѣ неофиціальныхъ сношеній неумѣлаго Шотландца Дугласа въ Петербургѣ и умнаго Ѳедора Дмитріевича Бехтѣева въ Парижѣ. Выборъ маркиза Лопиталя на отвѣтственный въ то время постъ французскаго посла при русскомъ дворѣ нельзя признать вполнѣ удачнымъ. Ни по образованію, ни по избранной карьерѣ Лопиталь не былъ дипломатомъ: это былъ офицеръ, случайно

---

[1]) *Бильбасовъ*, 87. — [2]) Informez vous du crédit que M-me la princesse de Zerbst peut avoir conservé sur l'esprit de M-me la Grande-Duchesse (*Парижс. Архивъ*, Russie, vol. 52, f. 663).

попавшій посланникомъ въ Неаполь, гдѣ онъ оставался не долго. Негодность Лопиталя сознавали и въ Парижѣ. „Сколько Франція ни хвастала своими марешалами и дюками — пишетъ Бехтѣевъ — однако г. Терсьеръ[1]) искренно мнѣ признался, чти ни одного годнаго для посольства къ намъ не нашли. Тѣ, которые способны, или же устарѣли или надобны арміи и въ совѣтѣ, а прочіе всѣ стары, или и совсѣмъ незнающи въ дѣлахъ. Увѣрялъ меня по чести, что кромѣ Маркиза Лопиталя изъ знатныхъ никого лучше выбрать не могли". При личномъ знакомствѣ, Бехтѣевъ призналъ его человѣкомъ „простымъ и добрымъ". Въ то время, какъ представители аристократическихъ фамилій спѣшили въ армію, на войну, и отказывались отъ посольскихъ мѣстъ, генералъ-поручикъ маркизъ Лопиталь самъ просилъ быть назначеннымъ въ Петербургъ. Онъ взялъ съ собою огромный личный штатъ; въ числѣ его „дворянъ посольства" находились маркизъ де-Бермонъ, графъ Фужé, де-ла Мессельеръ, баронъ Фитингофъ, курляндецъ, и др. Послу назначили огромное по тому времени содержаніе въ 125,000 ливровъ. Лопиталю было уже за 50 лѣтъ, но онъ былъ еще красивый, статный мущина[2]). Остроумный, ловкій, любезный, онъ съ перваго раза всѣмъ нравился, но скоро же обнаруживалъ свою мелочность и пустоту. Въ Петербургѣ онъ вполнѣ подпалъ вліянію австрійскаго посла графа Эстергази, со словъ котораго онъ составлялъ донесенія къ своему двору, а при русскомъ дворѣ ратовалъ болѣе за австрійскіе, чѣмъ за французскіе интересы, не вполнѣ сознавая ихъ различіе.

Деликатное порученіе объ уничтоженіи англійскихъ симпатій великой княгини было возложено теперь всецѣло на маркиза Лопиталя. „Мы надѣемся, пишетъ ему Рулье, что по пріѣздѣ въ Петербургъ вы, прежде всего, озаботитесь узнать о степени вліянія цербстской княгини на свою дочь"[3]).

---

[1]) M. Tersier, premier commis aux affaires étrangères. Этого Терсье Бехтѣевъ такъ и назывлетъ „коми".

[2]) *Архивъ кн. Воронцова*, III, 155, 166, 168, 194, 201, 223, — [3]) Nous espérons qu'un de vos premiers soins en arrivant à Pétersbourg sera

Вслѣдствіе войны съ Пруссіею, Лопиталь ѣхалъ въ Петербургъ черезъ Вѣну. Въ то время въ Вѣнѣ жила графиня Бентингъ, родомъ голландка, хлопотавшая у Маріи-Терезіи о своемъ тяжебномъ процессѣ относительно огромныхъ имѣній, на которыя было наложено запрещеніе брюссельскимъ трибуналомъ. За эту Бентингъ цербстская княгиня ходатайствовала предъ своею дочерью и графомъ Бестужевымъ, домогаясь, чтобъ русскому послу въ Вѣнѣ было поручено подкрѣпить именемъ русской императрицы просьбу графини Бентингъ[1]). Лопиталь видѣлся съ графиней и вполнѣ повѣрилъ ея словамъ, что она дружна съ цербстской княгиней и что Іоганна-Елизавета сохраняетъ до сихъ поръ большое вліяніе на свою дочь, русскую великую княгиню[2]),. По пріѣздѣ въ Петербургъ, Лопиталь, не смотря на всѣ свои старанія, такъ и не могъ узнать, какія отношенія существуютъ между Екатериной и ея матерью: сегодня онъ извѣщаетъ свое правительство, что мать не имѣетъ вліянія на дочь, завтра — что имѣетъ, и тѣмъ не менѣе самъ онъ убѣжденъ, что цербстская княгиня, которой онъ никогда не видѣлъ и которую тѣмъ не менѣе считаетъ „нѣжною и умною матерью", вполнѣ способна внушить своей дочери, что интересы русской великой княгини тождественны съ интересами Франціи[3]).

---

de vérifier le degré de crédit que M-me la princesse de Zerbst a sur la Grande-Duchesse sa fille. Отъ 2-го апрѣля 1757 г., въ *Парижс. Архивѣ*, Russie, vol. 52, f. 286.

[1]) *Бильбасовъ*, 88, 90.

[2]) La comtesse de Bettingen, hollandaise, connaît intimement la princesse d'Anhalt-Zerbst, laquelle a beaucoup d'ascendant sur sa fille la Grande-Duchesse de Russie. Депеша отъ 27-го февраля 1757 г. (*Парижс. Архивъ*, Russie, vol. 52, f. 193).

[2]) Je ne crois pas que la princesse sa mère ait conservé beaucoup de crédit sur l'esprit de M. la Grande-Duchesse, fausse et dissimulée avec l'apparence de la franchise et de la vérité. Депеша отъ 16-го сентября 1757 года (*Парижс. Архивъ*, Russie, vol. 54, f. 16). Черезъ три мѣсяца, въ депешѣ отъ 11-го декабря: La princesse de Zerbst conserve toujours un certain crédit sur l'esprit de la Grande-Duchesse (*Ibid.*, vol. 54, f. 148). La princesse de Zerbst, qui est une mère tendre, sage et sensible, peut ramener l'esprit de la Grande-Duchesse, en lui faisant sentir que ses propres intérêts sont unis à ceux de la France (*Ibid.*).

Если Лопиталь довольно точно и вѣрно опредѣлилъ отношенія императрицы къ цербстской княгинѣ, сообщая, что императрица ее не любитъ и, какъ всѣ въ Россіи, считаетъ ее интриганткой[1]), то великой княгини и ея отношеній къ другимъ лицамъ онъ совершенно не понялъ. Въ своихъ депешахъ онъ повторяетъ отзывы, навѣянные ему извнѣ, къ тому же лицами, предубѣжденными противъ Екатерины, хотя сама великая княгиня желала съ нимъ сблизиться и онъ могъ бы узнать ее и составить о ней самостоятельное мнѣніе. Лопиталь этимъ не воспользовался, потому-ли что не съумѣлъ, или, быть можетъ, и не желалъ воспользоваться.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, на первомъ же придворномъ балѣ, 19-го іюня 1757 года, великая княгиня, въ ожиданіи выхода императрицы, подошла къ Лопиталю и долго бесѣдовала съ нимъ. Французскій посолъ нашелъ, что она свободно объясняется по-французски, очень умна и старалась быть предупредительною; но, прибавляетъ онъ, „ее здѣсь признаютъ упрямою и фантазеркою"[2]). Лопиталь повѣрилъ на-слово другимъ и во все время своего пребыванія въ Петербургѣ не переставалъ характеризировать Екатерину въ своихъ депешахъ не иначе какъ „entêtée et romanesque" — онъ такъ и уѣхалъ изъ Петербурга, не догадавшись, чѣмъ вызывалось это упрямство и къ чему стремилось это фантазерство. Во всѣхъ, однако, депешахъ онъ не переставалъ сообщать объ англійскихъ симпатіяхъ Екатерины.

---

[1]) L'Impératrice n'aime pas M-me la princesse de Zerbst... M-me la princesse de Zerbst passe dans l'esprit de l'Impératrice et est même connue pour être très intrigante. Депеши отъ 15-го апрѣля и 5-го августа 1758 г. (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 56, f. 44; vol. 57, f. 91). Эта особенность цербстской княгини была извѣстна и аббату *Берни*, который пишетъ Лопиталю, отъ 13-го сентября 1758 года: Plus d'une personne m'a effectivement parlé du caractère intrigant de M-me la princesse de Zerbst (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 57, f. 267).

[2]) M-me la Grande-Duchesse me fit l'honneur de me parler avec bonté et beaucoup de facilité d'expression. Elle a de l'esprit et je vis qu'Elle cherchait à me prévenir... On la peint ici comme entêtée et romanesque. Депеша отъ 27-яо іюля 1757 г. (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 53, f. 171).

„Чтобъ поразить склонность великой княгини къ Англіи — пишетъ аббатъ Берни Лопиталю — его величество рѣшился немедленно отправить маркиза де-Фрэна въ Цербстъ, имѣя въ виду внушить великой княгинѣ, чрезъ посредство ея матери, цербстской княгини, надлежащія чувствованія“. Подъ „надлежащими чувствованіями“ аббатъ разумѣетъ склонность къ Франціи. Согласно инструкціи, данной де-Фрэну, онъ будетъ извѣщать Лопиталя о каждомъ своемъ шагѣ. Чтобъ скрыть дѣйствительную цѣль миссіи де-Фрэна въ Цербстъ, Лопиталь можетъ, въ случаѣ запроса, заявить, что маркизъ посланъ въ Цербстъ только потому, что изъ Цербста, объявленнаго нейтральнымъ, легче и удобнѣе слѣдить за движеніями армій[1]). Осторожный аббатъ сообщилъ въ то же время въ Вѣну, что де-Фрэнъ посланъ въ Цербстъ только для того, чтобъ привлечь къ „общимъ интересамъ“ мать и брата русской великой княгини, и Марія-Терезія вполнѣ одобрила такую посылку[2]). Скрывая, такимъ образомъ, отъ своихъ союзниковъ, отъ Елизаветы Петровны и Маріи-Терезіи, дѣйствительную цѣль миссіи, аббатъ совершенно опустилъ изъ вида своего врага, Фридриха II, отъ котораго не укрылось появленіе французскаго офицера въ нейтральномъ цербстскомъ замкѣ.

Путь изъ Парижа въ Цербстъ лежалъ черезъ Кассель, но, вслѣдствіе передвиженія войскъ, маркизъ де-Фрэнъ повернулъ въ Гамбургъ. Онъ остановился въ Гамбургѣ у французскаго резидента де-Шампо, который тотчасъ же познакомилъ его съ своимъ коллегой — русскимъ резидентомъ С. В. Салтыковымъ. Отъ Салтыкова де-Фрэнъ узналъ, что великая княгиня „секретно, но часто“ переписывается съ своею матерью, что ихъ письма идутъ че-

---

[1]) Sa Majesté a décidé d'envoyer incéssamment M. le marquis de Fraigne à Zerbst dans la vue d'inspirer à M-me la Grande-Duchesse de Russie, par M-me la princesse de Zerbst, sa mère, les sentiments convenables. Отъ 21-го августа 1757 г. (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 53, f. 285; vol. 54, f. 22).

[2]) Marie-Therèse a appris avec plaisir l'envoi de M. de Fraigne à Zerbst pour faire entrer dans les intérêts communs la mère et le frère de la Grande-Duchesse de Russie. *Берни* Лопиталю, отъ 25-го января 1758 г. (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 55, f. 86).

резъ его руки и что онъ самъ переписывается съ Цербстомъ не иначе, какъ шифромъ. Съ этими драгоцѣнными свѣдѣніями де-Фрэнъ поспѣшилъ въ Цербстъ, въ качествѣ прикащика гамбургскаго купца, ѣдущаго по торговымъ дѣламъ въ Лейпцигъ[1]).

Ни Салтыковъ, ни де-Фрэнъ, ни аббатъ Берни не понимали, что болтать о секретной перепискѣ не годится. Не понималъ этого и Лопиталь: едва получивъ эти свѣдѣнія отъ Берни, онъ тотчасъ же разболталъ все вице-канцлеру Воронцову, врагу Бестужева, и, слѣдовательно, великой княгини! Воронцовъ сообразилъ вѣрно: если эта секретная переписка ведется чрезъ русскаго резидента, то она извѣстна Бестужеву, который и самъ, конечно, переписывается съ цербстской княгиней, посылая ей письма ея дочери; императрица ненавидитъ цербстскую княгиню и если узнаетъ, что канцлеръ съ нею въ перепискѣ, то отшатнется отъ него, а можетъ быть и совсѣмъ удалитъ отъ дѣлъ. И вотъ, со словъ графа Воронцова, Лопиталь проситъ Берни добыть чрезъ де-Френа хоть одно письмо Бестужева къ цербстской княгинѣ, чтобъ свергнуть канцлера, который руководитъ молодымъ дворомъ[2]). Очевидно, Лопиталь не разумѣлъ даже смыла миссіи де-Фрэна: вмѣсто того, чтобъ стараться пріобрѣсти въ лицѣ великой княгини новаго друга Франціи, онъ играетъ въ руку ея личныхъ враговъ.

Цербстская княгиня оказалась гораздо умнѣе и осторожнѣе всѣхъ этихъ легкомысленныхъ дипломатовъ: узнавъ настоящую цѣль пріѣзда маркиза де-Фрэна, она написала Екатеринѣ письмо, но въ выраженіяхъ „загадочныхъ“,

---

[1]) M. de Soltikoff lui a confié qu'il y avait une correspondance secrète et fréquente entre M-me la princesse de Zerbst et M-me la Grande-Duchesse de Russie, que cette correspondance passait par lui et qu'il avait un chiffre avec M-me la princesse de Zerbst. *Берни* Лопиталю отъ 29-го ноября 1757 г. (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 54, f. 126)

[2]) M-me la princesse de Zerbst n'est plus aujourd'hui en correspondance qu'avec le chancelier qui conduit toute la jeune cour par ses conseils et ses intrigues. Депеша *Лопиталя*, отъ 11-го декабря 1757 г. (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 54, f. 148). См. также депешу отъ 29-го декабря, *ibid.*, vol, 54, f. 166.

чтобъ не скомпрометировать ни себя, ни дочери, въ случаѣ, еслибъ письмо было перехвачено или почему-либо попало не въ надлежащія руки[1]). Кажется, письмо, дѣйствительно, не дошло по назначенію: объ немъ не упоминаетъ ни Екатерина въ своихъ „Запискахъ", ни Лопиталь въ своихъ депешахъ. Между тѣмъ, въ это же время, въ концѣ 1757 года, цербстская княгиня получила, прежнимъ путемъ, чрезъ Бестужева и Салтыкова, два письма отъ Екатерины. „Мать осталась довольна этими письмами дочери"[2]), что противорѣчило до извѣстной степени миссіи де-Фрэна, по словамъ котораго великая княгиня поставила себя въ невозможное положеніе, и онъ явился въ Цербстъ, къ матери, именно для того, чтобъ вывесть дочь изъ этого положенія.

Фридрихъ II, занятый войною, нимало не интересовался знать, что могла писать какая-нибудь вдова прусскаго генерала къ своей дочери, хотя бы и великой княгинѣ; но появленіе французскаго генерала въ центрѣ театра войны, въ Цербстѣ, хотя бы и нейтральномъ — это его живо интересовало. Прусскій король не зналъ, кто именно этотъ маркизъ де-Фрэнъ, но ему было извѣстно, что французъ де-Фрэнъ жилъ у французскаго резидента въ Гамбургѣ и исчезъ въ день отъѣзда въ Лейпцигъ гамбургскаго купца съ своимъ прикащикомъ; что въ Лейпцигъ прибылъ одинъ только купецъ, безъ прикащика, и въ то же время французъ де-Фрэнъ очутился въ Цербстѣ. Фридрихъ II велѣлъ слѣдить за французомъ. Оказалось, что де-Фрэнъ всѣ дни проводитъ у цербстскаго владѣтельнаго князя, брата Екатерины, и только вечеромъ, послѣ ужина, возвращается въ свою квартиру, на одной изъ близкихъ къ замку улицъ. Все это показалось Фридриху

---

[1]) La copie que je joins ici d'une lettre que M-me la princesse de Zerbst a écrite à M-me la Grande-Duchesse, m'a été envoyée par M. de Fraigne, à qui M-me la princesse de Zerbst l'a confiée. Elle est dans un style énigmatique etc. *Берни* Лопиталю, отъ 13-го января 1758 г. (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 55, f. 21). — [2]) *Берни* Лопиталю, отъ 27-го января 1758 года. (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 55, f. 111).

подозрительнымъ и онъ приказалъ схватить „французскаго офицера де-Фрэна, находящагося въ Цербстѣ“.

Исполненіе этого приказанія было возложено на ближайшій къ Цербсту по мѣсту расквартированія гусарскій полкъ. Офицеръ этого полка съ нѣсколькими нижними чинами явился въ Цербстъ и думалъ сперва захватить де-Фрэна вечеромъ, при возвращеніи его изъ замка. Въ улицѣ, гдѣ жилъ де-Фрэнъ, была приготовлена почтовая карета; нѣсколько прусскихъ гусаръ устроили засаду, чтобъ схватить „французскаго офицера“ и отвезти на прусскую территорію. Планъ этотъ не удался: остался ли де-Фрэнъ ночевать въ цербстскомъ замкѣ, или же вовсе не былъ въ немъ въ этотъ вечеръ, только онъ не проходилъ по той улицѣ, гдѣ была устроена засада. Послѣ такой неудачи, прусскій офицеръ рѣшился арестовать „французскаго офицера“ силою, въ его квартирѣ. 19-го января 1858 года, ночью, небольшой отрядъ прусскихъ гусаръ, съ офицеромъ во главѣ, явился въ домъ, занятый де-Фрэномъ. Не случайно, конечно, де-Фрэнъ, ложась спать, заперъ дверь двойнымъ замкомъ. Услышавъ шумъ за дверью, де-Фрэнъ проснулся. Видя, что дверь взламываютъ, полагалъ, что имѣетъ дѣло съ ворами, и рѣшился защищаться до послѣдней крайности: забаррикадировался мебелью, взвелъ курокъ. Какъ только дверь была взломана и гусары вошли въ спальню, де-Фрэнъ выстрѣлилъ въ перваго-же показавшагося солдата и угодилъ прямо въ лобъ. Шумъ, крики и выстрѣлы разбудили сосѣдей, началъ стекаться народъ, прибѣжалъ владѣтельный князь. Между тѣмъ, прусскій офицеръ успѣлъ уже осмотрѣться: ему велѣно арестовать „французскаго офицера“, а ни въ спальнѣ, ни во всей квартирѣ нѣтъ офицерскихъ принадлежностей — ни мундира, ни каски, ни какого-либо оружія; даже пистолетъ не форменный. Простоватый пруссакъ извинился предъ владѣтельнымъ княземъ и удалился. Цербстскій князь, видя такое насиліе надъ его гостемъ, прежде всего, перевелъ де-Фрэна въ замокъ и тотчасъ же написалъ прусскому королю жалобу на нарушеніе его войсками нейтралитета Ангальтъ-Цербстскаго княжества. Де-

Фрэнъ, со своей стороны, послалъ жалобу первому прусскому министру Подевильсу.

Извѣщая Лопиталя объ этомъ „ночномъ нападеніи въ Цербстѣ", аббатъ Берни прибавляетъ, что французскій король высылаетъ на дняхъ де-Фрэну кредитивныя грамоты, какъ офиціальному резиденту при цербстскомъ дворѣ. „Сообщите все это великой княгинѣ и увѣрьте ее, что король очень доволенъ какъ ея матерью, вдовствующею княгинею, такъ и ея братомъ, владѣтельнымъ княземъ ангальтъ-цербстскимъ"[1])

Фридрихъ II не терпѣлъ ослушанія въ войскахъ и требовалъ, чтобъ его приказанія исполнялись въ точности: прусскій гусарскій офицеръ, упустившій де-Фрэна, былъ преданъ суду „за неисполнительность", а 23-го февраля цѣлый эскадронъ, съ артиллеріею, подъ предводительствомъ брата короля, принца Генриха, расположился передъ цербстскимъ замкомъ. Цѣлыя сутки принцъ прусскій переговаривался къ княземъ цербстскимъ о выдачѣ де-Фрэна. Къ вечеру, по командѣ принца Генриха, стали наводить пушки на замокъ. Де-Френъ, видя безполезность сопротивленія и спасая отъ разрушенія пріютившій его замокъ, сдался пруссакамъ. Принцъ Генрихъ наложилъ на Ангальтъ-Цербстское княжество, укрывшее, вопреки нейтралитета, французскаго эмиссара, контрибуцію въ размѣрѣ 100.000 экю и въ поставкѣ фуража на ближайшіе кавалерійскіе полки. Владѣтельный князь ангальтъ-цербстскій и его мать удалились въ Гамбургъ. Де-Фрэнъ былъ отвезенъ подъ карауломъ въ Магдебургъ, гдѣ содержался сперва въ тюрьмѣ, потомъ на частной квартирѣ, подъ надзоромъ военнаго конвоя[2]).

---

[1]) *Берни* Лопиталю, отъ 18-го февраля 1758 г. (*Парижс. Архивъ*, Russie, vol. 55, f. 182). — [2]) *Берни* Лопиталю, отъ 17-го марта 1758 г, (*Парижс. Архивъ*, Russie, vol. 55, f. 282). Письмо Іоганны-Елизаветы къ великой княгинѣ отъ 1-го марта 1758 года, въ *Арх. кн. Воронцова*, XXIV, 90. Елизавета Петровна, не зная дѣйствительной цѣли миссіи де-Фрэна, возмущалась поступкомъ Фридриха II: L'Impératrice avait sous les yeux l'aventure cruelle du marquis de Fraignes; Elle en connait toute l'irrégularité et les conséquences contre le roi de Prusse (*Парижс. Архивъ*, Russie, vol. 56, f. 44). Представленія по этому по-

Такъ кончилась цербстская миссія де-Фрэна. Ея отголосокъ проявился позже въ гамбургскомъ письмѣ матери къ дочери, отъ 18-го апрѣля.

Французскій резидентъ въ Гамбургѣ, де-Шампо, хорошо знавшій главную цѣль миссіи де-Фрэна, продолжалъ теперь дѣйствовать на цербстскую княгиню въ томъ же смыслѣ. Какъ Шампо, такъ и Салтыковъ убѣждали мать спасти дочь; основываясь на сообщеніяхъ Лопиталя, они рисовали ей положеніе Екатерины въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. По словамъ Лопиталя, Екатеринѣ угрожала неминуемая гибель, если она не покорится и не испроситъ прощенія у императрицы[1]). Изъ письма цербстской княгини, отъ 18-го апрѣля, легко видѣть, подъ какимъ впечатлѣніемъ оно писано[2]). Это письмо, по силѣ чувства и по искренности убѣжденія, дѣлаетъ честь Іоганнѣ-Елизаветѣ. Ее нельзя винить, что она послушалась своихъ

воду французскаго правительства Фридрихъ II не удостоивалъ даже отвѣта (*Ibid.*, vol. 56, f. 198). Русское правительство сообщило 28-го іюля 1759 г. Лопиталю особую ноту о вознагражденіи Цербста за убытки, нанесенные ему вторженіемъ прусскихъ войскъ (см. Приложеніе VII). Герцогъ Шуазель увѣдомилъ Лопиталя, письмомъ отъ 30-го августа 1759 года, что французское правительство находитъ вполнѣ справедливымъ право Цербста на вознагражденіе за убытки, причиненные княжеству прусскимъ королемъ (*Парижс. Архивъ*, Russie, vol. 60, № 58). Маркизъ де-Фрэнъ около пяти лѣтъ находился въ плѣну у пруссаковъ и только въ 1763 году, по просьбѣ императрицы Екатерины II, былъ освобожденъ и возвратился во Францію (*Парижс. Архивъ*, Russie, vol. 73, f. 52). Родственникъ маркиза де-Фрэна, баронъ Бретэль былъ въ это время французскимъ посланникомъ въ Петербургѣ, пользовался довѣріемъ императрицы—черезъ его руки шла переписка императрицы съ гр. Понятовскимъ—и постоянно напоминалъ ей о плѣнномъ маркизѣ и о ея обѣщаніи d'honorer le marquis de Fraigne de quelque intérêt aux malheurs qu'il essaie depuis longtemps chez le roi de Prusse (*Парижс. Архивъ*, Russie, vol. 73, f. 51).

[1]) Le crédit de M-me la Grande-Duchesse est bien tombé... Si cette princesse ne plie incessamment en demandant pardon à l'Impératrice, elle court de grands risques... La Grande-Duchesse livrée à Elle même et plus qu'à demi-coupable n'a plus rien à faire que de plier et regagner par sa soumission les bonnes grâces de l'Impératrice qu'elle a perdues. Депеши отъ 25-го февраля и 10-го марта 1758 года (*Парижс. Архивъ*, Russie vol. 55, ff. 198, 228, 331). — [2]) См. Приложеніе IV,

гамбургскихъ друзей: послѣ ареста Бестужева, цербстская княгиня не получала уже непосредственныхъ извѣстій изъ Петербурга и должна была довѣрять сообщеніямъ Лопиталя, которымъ мы теперь довѣрять не можемъ[1]). Отдавая это письмо резиденту Шампо, мать, однако, высказала высокое мнѣніе о дочери: она знаетъ Екатерину и увѣрена, что Бестужевъ не могъ измѣнить ея взгяды и чувства; если Екатерина стоитъ за Бестужева, то только изъ чувства благодарности за оказанныя ей услуги, изъ желанія поддержать лицо, которому она довѣрилась, изъ чувства чести, воспрещающей покидать друга, находящагося въ опасности[2]).

Екатерина не читала этого письма — оно не дошло до нея. Шампо переслалъ это письмо цербстской княгини Лопиталю подъ адресомъ „камергеру великаго князя Лоторфу". Камергеръ не рѣшился передать его великой княгинѣ: передача писемъ была строго воспрещена, и, сверхъ того, въ половинѣ мая, когда письмо было получено въ Петербургѣ, сношенія съ великой княгиней были очень затруднены. Лопиталь передалъ письмо французскому негоціанту Рембэру, видавшему иногда великую кня-

[1]) Подробности, заключающіяся въ депешѣ отъ 24-го марта 1758 года, не заслуживаютъ довѣрія: разсказъ о томъ, какъ Екатерина проситъ у него совѣта, а онъ рекомендуетъ ей „повидаться съ императрицей и, въ откровенной бесѣдѣ, доказать свою невиновность"—дословное повтореніе разсказа графа Эстергази съ замѣною великаго князя императрицей (*Соловьевъ*, XXIV, 197). „Потомъ великая княгиня прислала ко мнѣ Штамбке съ просьбою помочь Адодурову и Бернарди" — съ 28-го февраля Штамбке былъ подъ домашнимъ арестомъ и подобныхъ порученій исполнять не могъ (*Бильбасовъ*, 76).

[2]) M-me la princesse de Zerbst prétend pouvoir compter sur le fond du coeur de M-me la Grande-Duchesse. Connaissant sa façon de penser et les sentiments dans lesquels Elle l'a vue, Elle ne peut, dit-Elle, croire que M. de Bestucheff les ait altérés essentiellement. Elle pense qu'il ne s'agit que de détromper la princesse sa fille sur le caractère abominable du chancelier (c'est ainsi qu'elle s'explique) et de lui dévoiler ses menées; qu'il n'y a à vaincre qu'une espèce de fermeté qui nait de la gloire qu'elle attache à soutenir une personne qu'Elle a honorée de sa confiance et à qui elle croit avoir rendu des services essentiels. *Берни* Лопиталю, отъ 6-го мая 1758 года (*Парижс. Архивъ*. Russie, vol. 56, f. 143).

гиню; но Екатерина, узнавъ, что письмо шло черезъ руки Лопиталя, отказалась принять его, говоря, что не можетъ принимать писемъ отъ иностранныхъ пословъ. Очевидно, Екатерина относилась къ Лопиталю съ полнымъ недовѣріемъ и справедливо опасалась нескромности съ его стороны. Спустя два мѣсяца, въ іюнѣ, письмо все еще не было передано великой княгинѣ[1]).

Это было и лучше: чтеніе подобнаго письма могло тогда только раздражить Екатерину. Она прочла его значительно позже, когда уже могла спокойнѣе обсуждать прошлую бѣду, и это письмо доставило ей только утѣшеніе: изъ него она увидѣла сердечныя о ней заботы матери, оно напомнило ей о родной семьѣ...

---

[1]) Депеша *Лопиталя,* отъ 28-го мая, письмо его г-ну Шампо отъ того же числа и депеша его отъ 21-го іюня 1758 года, въ *Париж. Архивѣ,* Russie, vol. 56, ff. 206, 221, 326.

XXXI.

Политическіе браки разрываютъ родственныя связи. Екатерина знала это и не особенно сокрушалась такимъ разрывомъ. Она рѣшилась связать свою судьбу съ Россіей и, если не забыть, то не интересоваться ни Ангальтомъ, ни Цербстомъ; она надѣялась завязать новыя родственныя связи въ своемъ второмъ отечествѣ и найти въ нихъ тѣ семейныя радости, которыя теряла, навсегда разставаясь съ родными. Ея надежды, какъ извѣстно, не исполнились: новой родни она не создала, а старой лишилась.

27-го сентября 1745 года, наканунѣ отъѣзда матери Екатерины, княгини Іоганны Елизаветы, изъ Петербурга, великая княжна подписала формальный актъ, которымъ навсегда отрекалась, за себя и своихъ наслѣдниковъ, отъ всѣхъ своихъ правъ на ангальтъ-цербстскія земли въ пользу своего дяди, Іоганна-Людвига, владѣтельнаго князя ангальтъ-цербстскаго. Спустя годъ, 5-го ноября 1740 года, дядя умеръ; владѣтельнымъ княземъ сталъ братъ умершаго, Христіанъ-Августъ, отецъ Екатерины. Іоганна-Елизавета естественно обезпокоилась относительно своего матерьяльнаго обезпеченія и въ длинномъ письмѣ къ дочери, отъ 27-го же ноября, писала, между прочимъ: „Вамъ извѣстно, дражайшая моя дочь, что достойный вашъ родитель начинаетъ часто быть боленъ; я только одного сына имѣю, который еще подверженъ не былъ ни одному изъ своихъ правъ, кои здравіе утверждаютъ[1]) и прежде

[1]) Qui n'a encore jamais subit de ses droits qui affirment la santé.

кототыхъ всего еще опасаться надлежитъ. Соблюди его Боже! Но ежели по моему несчастію я ихъ пережила бы: разсудите, въ какія я тогда попадусь руки и что я буду"? Другими словами: всѣ земли достались бы, согласно акту 1745 г., наслѣдникамъ Іоганна-Людвига, а не Христіана-Августа. По этимъ соображеніямъ былъ составленъ новый актъ, которымъ великая княгиня отрекалась отъ своихъ земельныхъ правъ въ пользу своего отца. Этотъ новый „отрицательный листъ" формулированъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Божіею милостію мы Екатерина бракосочетанная великая княгиня Всероссійская, урожденная княгиня Ангальтская, герцогиня Саксонская, Енгернская и Вестфальская, графиня Асканская, государыня Цербстская, Бернбургская, Еверская и Книпгаузенская, обѣщаемъ и обязуемся по полученіи апробаціи всепресвѣтлѣйшія государыни, государыни Елисаветы, императрицы и самодержицы Всероссійской, и съ собственнаго нашего сердечно-любезнѣйшаго государя супруга свѣтлѣйшаго князя и государя Петра, великаго князя Всероссійскаго, наслѣдника Норвежскаго, герцога Шлезвигъ-Голштинскаго, Стормарнскаго и Дитмарсенскаго, графа Ольденбургскаго и Дельменгорстскаго, дозволенія, допущенія, вѣдома и изволенія, за насъ и нашихъ родныхъ наслѣдниковъ: что сколь долго отъ нашего государя родителя, свѣтлѣйшаго князя и государя, государя Христіана-Августа, князя Ангальтскаго, герцога Саксонскаго, Енгернскаго и Вестфальскаго, графа Асканскаго, государя Цербстскаго, Бернбургскаго, Еверскаго и Книпгаузенскаго, наслѣдники мужескаго или же при насъ и еще женскаго полу будутъ, то мы, или наши родные наслѣдники, ни на княжскіе Ангальтъ-Цербстскіе земли, волости и грунты, ни гершафство Еверское, ниже на отцовскія движимыя имѣнія притязанія чинить или участіе въ томъ принимать не хощемъ и не имѣемъ. А ежели вышепомянутое наслѣдство мужескаго и женскаго пола когда либо вовсе пресечется (отъ чего однакожъ Боже милостиво да сохрани), то мы себѣ и нашимъ роднымъ наслѣдникамъ имянно предоставляемъ все то, что въ такомъ случаѣ неудѣльной княжеской Ангальтъ-Цербстской дщерѣ и аллодіальной наслѣдницѣ по правамъ и обыкновенію принадлежитъ и принадлежать можетъ, развѣ что его свѣтлость вышеупомянутый нашъ государь родитель о томъ инако духовною опредѣлилъ бы, которую мы по дочерней должности исполнить чрезъ сіе обнадеживаемъ, да и роднымъ нашимъ наслѣдникамъ то препоручить же хотимъ. Во свидѣтельство и увѣреніе всего того мы и его любовь нашъ государь-супругъ сей отрицательной листъ собственноручно подписали и нашу великокняжескую секретную печать къ тому съ вѣдома привѣсить повелѣли вѣрно и безподложно".

Едва этотъ „отрицательный актъ“ прибылъ въ Цербстъ, какъ, 16-го марта 1747 года, умеръ отецъ Екатерины, Христіанъ-Августъ. „Вѣсть о смерти отца очень поразила меня, говоритъ Екатерина. Въ теченіи восьми дней мнѣ предоставили полную свободу плакать сколько угодно; потомъ Чоглокова объявила, что довольно плакать, что императрица приказала перестать плакать, такъ какъ отецъ мой не былъ королемъ. Это правда, замѣтила я, отецъ мой не былъ король, на что она мнѣ возразила, что великой княгинѣ неприлично такъ долго плакать по отцѣ, который не былъ королемъ. Наконецъ, было постановлено, что я буду носить трауръ шесть недѣль, но въ слѣдующее же воскресенье появлюсь на придворномъ выходѣ“[1]). По поводу смерти Христіана-Августа былъ наложенъ трауръ при дворѣ[2]).

Черезъ два мѣсяца, 3-го мая, умерла тетка Екатерины, Софія-Христина, сестра ея отца, по которой великая княгиня вовсе уже не носила траура.

По смерти отца, владѣтельнымъ княземъ ангальтъ-цербстскимъ сталъ 13-тилѣтній братъ Екатерины, Фридрихъ-Августъ. До его совершеннолѣтія княжествомъ правила мать, княгиня Іоганна-Елизавета. Екатерина любила брата Фрица, которому не было еще и десяти лѣтъ, когда она покинула Цербстъ. Ребенокъ былъ слабенькій, и Екатерина сама вызвалась уплачивать издержки по его леченію въ Гамбургѣ[3]). Вскорѣ по смерти отца, князь Фрицъ былъ отправленъ въ Лозанну, гдѣ, кажется, учился недурно, если вѣрить матери, которая писала Екатеринѣ:

---

[1]) *Mémoires*, 79. Замѣчаніе гофмейстерины Чоглоковой объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что Елизавета Петровна не выносила слезъ, какъ равнымъ образомъ не любила она и траурнаго платья, вообще ничего чернаго: She cannot bear the sight of black clothes. Депеша *Гиндфорда*, отъ 8-го августа 1747 г. (*Лондон. Архивъ*, Russia, № 53); *Лафермьера*, 193.

[2]) La cour a prie le deuil pour la mort du prince d'Anhalt-Zerbst, père de la Grande-Duchesse. Депеша *Дальона*, отъ 15-го апрѣля 1747 г. *Парижс. Архивъ*, Russie, vol. 50, f. 122). Въ „Запискахъ“ Екатерины разсказана при этомъ „ложь“ оберъ-церемоніймейстера графа Санти, неимѣвшая, впрочемъ, никакихъ послѣдствій.

[3]) *Сборникъ*, VII, 3, 5.

„Сынъ мой все еще въ Лозаннѣ, въ Швейцаріи; онъ веселъ какъ зябликъ; учителя и люди знающіе хвалятъ его". Ему не было еще 17 лѣтъ, когда Екатерина, въ 1751 году, задумала сдѣлать его курфюрстомъ и вотъ какимъ образомъ: великій князь, ставъ императоромъ, уступитъ всѣ свои владѣнія въ Германіи цербстскому князю; къ этимъ владѣніямъ будутъ присоединены нѣкоторыя изъ смежныхъ земель и всѣ онѣ образуютъ новое курфюршество, по счету десятое[1]). Въ 1752 году Фрицъ былъ объявленъ совершеннолѣтнимъ и вступилъ въ управленіе княжествомъ. Спустя годъ, онъ женился на принцессѣ гессенъ-кассельской Каролинѣ-Вильгельминѣ-Софіи, съ которою жилъ, кажется, не особенно дружно и которая умерла черезъ пять лѣтъ, оставаясь одна въ Цербстѣ, занятомъ прусаками[2]).

Въ 1758 году, вслѣдствіе неудачной миссіи маркиза де-Фрэна, и владѣтельный князь, и вдовствующая княгиня-мать удалились въ Гамбургъ. Но и въ Гамбургѣ княгиня не считала себя вполнѣ безопасною: по ея словамъ, король прусскій и его сторонники угрожали ей и она рисковала быть арестованной[3]). Избѣгая насилія надъ своею личностію, Іоганна-Елизавета рѣшилась укрыться въ Парижѣ: она пострадала за укрывательство французскаго подданнаго и справедливо разсчитывала, что французское правительство окажетъ ей свое покровительство. Молодой князь цербстскій, братъ Екатерины, принялъ участіе въ Семилѣтней войнѣ въ качествѣ офицера австрійской

---

[1]) Въ депешѣ графа *Линара* отъ 9-го октября 1751 года: J'ai oublié d'y faire mention d'un certain projet formé par la grande duchesse, laquelle comprenant assez que le Schleswig n'est pas un objet pour faire les intérêts d'un empereur de Russie, et ne songeant qu'à élever la maison de Zerbst, a conçu l'idée, et l'a aussi fait goûter au grand duc, que ce prince, après être monté sur le trone et après avoir conquis le Schleswig, céderait toutes ses possessions en Allemagne au prince de Zerbst, qui possède déjà Jevern, à quoi on ajouteroit l'Ost-Frise, à laquelle le roi de Prusse renonceroit à condition que la Russie l'aideroit à faire la conquête de la Prusse polonaise; et qu'ensuite on enlèveroit aussi Bremen et Verden à la maison d'Hanovre, et ferait de tous ces pays un dixième électorat. *Lynar*, I, 583. — [2]) См. Приложеніе VI, 23 и 26. — [3]) *Арх. кн. Воронцова*, I, 441; XXIV, 90.

службы и только разъ, зимою 1759 года, навѣстилъ мать въ Парижѣ[1]).

Въ Парижѣ были встревожены такимъ рѣшеніемъ княгини. Изъ бесѣдъ съ русскимъ посломъ, графомъ М. П. Бестужевымъ-Рюминымъ, и изъ депешъ Лопиталя аббату Берни было извѣстно, что Елизавета Петровна не любитъ цербстской княгини и теперь сильно возбуждена противъ великой княгини; вниманіе, оказываемое ея матери, можетъ произвесть въ Петербургѣ дурное впечатлѣніе. Французскій министръ просилъ княгиню остановиться на время въ Брюсселѣ и не въѣзжать во Францію до полученія разъясненій изъ Петербурга[2]), но княгиня продолжала начатый ею путь — 4-го іюля была уже въ Валансьенѣ и черезъ нѣсколько дней прибыла въ Парижъ[3]),

Берни былъ правъ. Елизавета Петровна съ неудовольствіемъ узнала о переселеніи цербстской княгини въ Парижъ; императрица усмотрѣла даже неуваженіе къ своей особѣ какъ въ томъ, что она не была предувѣдомлена о такомъ намѣреніи, такъ и въ томъ, что газетное извѣстіе объ исполненіи этого намѣренія пришло ранѣе письма самой княгини. Неудовольствіе императрицы выразилось немедленнымъ прекращеніемъ ежегодной пенсіи въ размѣрѣ 15,000 рублей, пожалованной Іоганнѣ-Елизаветѣ еще въ 1745 году[4]).

---

1) См. Приложеніе VI, 26.

2) Le comte de *Bernis* à M-me la Princesse de Zerbst à son passage à Bruxelles, въ *Париж. Архивѣ*, Anhalt-Zerbst, vol. 4, f. 12. Письмо помѣчено: Versailles, 23 juin 1758.

3) *Берни*, извѣщалъ Лопиталя, отъ 15-го іюля 1758 года, будто цербстская княгиня такъ торопилась, что до полученія въ Брюсселѣ его письма съ указаніемъ на необходимость повременить въѣздомъ во Францію, прибыла въ Валансьенъ, d'où on ne peut l'empêcher de venir à Paris (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 57, f. 47). Между тѣмъ, оказывается, что княгиня своевременно получила письмо въ Брюсселѣ (см. Приложеніе VI, 17 и 20), но пренебрегла предостереженіями аббата Берни.

4) *Берни* высказалъ Лопиталю, отъ 24-го іюня 1758 г., причины, по которымъ совѣтовалъ княгинѣ жить до времени въ Брюсселѣ (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 56, f. 340); позже, отъ 7-го іюля, онъ

Въ Гамбургѣ, въ домѣ французскаго резидента Шампо, цербстская княгиня, которой было тогда 47 лѣтъ, подружилась съ его племянникомъ де-Пульи (de Pouilly), съ нимъ путешествовала по Голландіи, подъ именемъ „графини Ольденбургской", и съ нимъ же прибыла въ Парижъ[1]), не строго сохраняя свое инкогнито. Русскій по-

---

писалъ ему: „Tâchez de lever les obstacles au séjour de M-me la princesse de Zerbst en France. Ce serai bien mal répondre à l'attachement qu'Elle a marqué au Roi que de lui donner le dégoût de ne pas consentir à ce qu'Elle vint à Paris (*Ibid.*, vol. 57, f. 15); онъ даже находилъ, что „въ Парижѣ очень удобно имѣть секретный надзоръ какъ за княгинею цербстскою, такъ и за ея перепиской съ великой княгиней" (*Ibid.*, vol. 57, f. 47). Между тѣмъ, Лопиталь доносилъ, что „лучше всего, еслибъ княгиня испросила у императрицы совѣта относительно переселенія въ Парижъ" (*Ibid.*, vol. 57, f. 53) и извѣщалъ, что „какъ императрица, такъ и великая княгиня крайне недовольны переѣздомъ княгини, о чемъ онѣ узнали только изъ газетъ" (*Ibid.*, vol. 57, f. 91), что императрица n'approuvait nullement son voyage à Paris (*Ibid.*, vol. 57, f. 145), что императрица не хотѣла даже сама отвѣчать на письмо княгини и что въ отвѣтѣ вице-канцлера прямо сказано: Je ne puis vous dissimuler, Madame, que Sa Majesté Impériale est très faché que vous ne l'ayez pas prévenu de votre projet de passer en Franse avant de l'éxécuter (*Ibid.*, vol. 57, f. 283). *Арх. кн. Воронцова*, I, 451.

[1]) Племянникъ Шампо (Levesque de Champeaux), де-Пульи, вскорѣ по-прибытіи въ Парижъ, отправился къ своимъ роднымъ, въ Реймсъ. Княгиня Цербстская вела съ нимъ оживленную переписку. Въ своихъ письмахъ къ нему, Іоганна-Елизавета говоритъ о военныхъ событіяхъ, о парижскомъ обществѣ, о театрахъ, и, такъ какъ де-Пульи желалъ имѣть матерьялы для исторіи Россіи, то княгиня сообщаетъ ему свѣдѣнія о царствованіи Анны Ивановны, о воспитаніи и замужествѣ Анны Леопольдовны и заканчиваетъ мастерски набросаннымъ портретомъ Елизаветы Петровны. Въ этой чисто исторической части писемъ много новаго, иногда записаннаго со словъ Елизаветы Петровны. Всего сохранилось 28 писемъ, отъ 5-го августа 1758 года по 22-е іюля 1759 годъ, съ полугодовымъ перерывомъ, отъ декабря по май, когда де-Пульи пріѣзжалъ въ Парижъ. Эти письма хранятся у потомка Шампо (le vicomte de Champeaux Verneuil) любезности котораго мы обязаны возможностью обнародовать всѣ 28 писемъ въ Приложеніи VI. Эти письма интересны для насъ не только потому, что они восполняютъ пробѣлъ въ біографіи матери Екатерины, цербстской княгини, жизнь которой въ Парижѣ оставалась совершенно неизвѣстною, сколько по отношенію къ самой Екатеринѣ, вѣрнѣе ея писемъ на французскомъ

солъ графъ М. П. Бестужевъ-Рюминъ оказывалъ ей должное почтеніе, сопровождалъ по окрестностямъ Парижа, приглашалъ „въ день высочайшаго тезоименитства къ парадному столу“, не подозрѣвая, очевидно, что „все то ея величеству неугодно“[1]). Вскорѣ по пріѣздѣ графини Ольденбургской въ Парижъ, къ ней явился маршалъ герцогъ Биронъ и извѣстилъ, что король Людовигъ XV приказалъ не обращать вниманія на ея инкогнито и оказывать ей всюду всѣ почести, подобающія ея имени и принадлежности къ фамиліи его высокой союзницы, русской императрицы[2]). Высшее парижское общество спѣшило выразить ей свое вниманіе; военный министръ присылалъ ей изъ Версаля всѣ „новости съ театровъ войны“; публика въ театрахъ и общественныхъ собраніяхъ съ любопытствомъ смотрѣла на нее, какъ на эмигрантку, „пострадавшую за Францію“.

Зимою 1758—59 гг., когда военныя дѣйствія временно прекратились и войска заняли зимныя квартиры, ея сынъ Фридрихъ-Августъ, братъ Екатерины, пріѣхалъ въ Парижъ и провелъ съ матерью около двухъ мѣсяцевъ. Вскорѣ затѣмъ, 11-го іюня 1759 г., умерла его молодая жена, остававшаяся въ Цербстѣ, умерла отъ апоплексическаго удара. Хотя княгиня не любила своей свекрови, но такая смерть, въ молодые годы, поразила и ее[3]).

языкѣ къ Вольтеру, Гримму, Дидро, г-жѣ Жоффренъ, Бельке, принцу де-Линю. Эти письма такъ оригинальны, живы, легки, что было даже высказано мнѣніе, будто эти особенности усвоены Екатериною изъ „Писемъ г-жи Севинье“: „Подъ вліяніемъ „Писемъ г-жи Севинье“ Екатерина вполнѣ усвоила себѣ легкость, непринужденность, игривость, какими долженъ отличаться этотъ родъ авторства, и частныя письма ея на французскомъ языкѣ сами могутъ служить образцами эпистолярнаго слога“ (*Гротъ*, 120). Французскія письма Екатерины также непохожи на письма г-жи Севинье, какъ тождественны съ письмами ея матери: Екатерина ничего не усвоила отъ г-жи Севинье, а всѣ особенности своего эпистолярнаго слога унаслѣдовала отъ матери. Орфографія и грамматическая часть въ письмахъ дочери все же лучше, чѣмъ въ письмахъ матери: ихъ нельзя понять глазами и можно уразумѣть только ухомъ.

[1]) См. Приложеніе VI, 2, 5, 8, 10, 23; (*Арх кн. Воронцова* I, 451. — [2]) См. Приложеніе VI. 20. — [3]) См. Приложеніе VI, 26; *Арх. кн. Воронцова*, I, 448.

Въ Парижѣ графиня Ольденбургская вела жизнь веселую, много выѣзжала, посѣщала театры, много принимала. Не смотря на свое „инкогнито", она считала необходимымъ имѣть „княжескій" домъ со всѣмъ придворнымъ штатомъ: маркизъ де Сенъ-Симонъ разыгрывалъ роль гофмаршала, маркизъ де-Фолинъ былъ ея шталмейстеромъ, дѣвица Лизингъ — фрейлиною, баронъ фонъ-Лизингенъ — камеръ-юнкеромъ и т. п. Все это стоило денегъ, и денегъ большихъ; между тѣмъ, цербстскіе доходы конфискованы Фридрихомъ II, русская пенсія, неизлишняя даже и въ скромномъ Цербстѣ, не присылается. Еще въ декабрѣ 1758 года княгиня просила канцлера Воронцова исходатайствовать у Елизаветы Петровны пожалованіе ей извѣстной суммы, ссылаясь на издержки, сопряженныя съ устройствомъ въ Парижѣ дома, пристойнаго для матери великой княгини; она писала объ этомъ и дочери. Императрица не обратила никакого вниманія на эту просьбу, и можно догадываться, что виною тому было отчасти неосторожное поведеніе Екатерины: получая письма отъ матери чрезъ канцлера Воронцова, Екатерина никогда не вручала Воронцову своихъ отвѣтовъ, что заставляло предполагать о перепискѣ, помимо канцлера, окольнымъ путемъ. Это раздражало императрицу, и она оставляла письма княгини безъ отвѣта[1]). Въ августѣ 1759 года, чтобъ „удовольствовать должниковъ", она проситъ или выдать ей за три года впередъ пенсію, т. е. 45,000 рублей, или дозволить занять въ дворянскомъ банкѣ 50,000 рублей. Не только канцлеръ Воронцовъ, но и фаворитъ Шуваловъ ходатайствовали въ пользу удовлетворенія этой просьбы, но опять вполнѣ безуспѣшно. Въ отвѣтъ на эту просьбу, Воронцовъ, по приказанію императрицы, писалъ, отъ 20-го октября 1759 года, графу Бестужеву, русскому послу въ

---

[1]) L'Impératrice continue d'être toujours très indisposée contre M-me la princesse de Zerbst. Elle n'a point voulu répondre à ses lettres. Депеша *Лопиталя*, отъ 15-го февраля 1759 года (*Парижск. Архивъ*, Russie, vol. 59, № 23). Въ депешѣ отъ 1-го марта высказана подозрительность императрицы и канцлера Воронцова о секретной пересылкѣ отвѣтовъ великой княгини: Elle lui faisait sans doute tenir par des personnes de sa confiance (*Ibid.*, vol. 59, № 31).

Парижѣ: „Ея императорское величество, ни малѣйше не соизволяя на сіе ея прошеніе и не пріемля во уваженіе предъявленные отъ нея резоны, по которымъ ея свѣтлость принуждена въ Францію пріѣхать, имянно мнѣ повелѣть изволила къ вашему сіятельству отписать, чтобы вы высочайшимъ именемъ Ея величества сей принцессѣ знать дали, что какъ она поѣздку свою во Францію не токмо безъ соизволенія Ея императорскаго величества, по собственному ея благоизобрѣтенію не кстати воспріяла, и тѣмъ тамошнее пребываніе свое непріятнымъ сдѣлала, но и прежде безъ вѣдома и согласія Ея величества въ Дрезденъ ѣздила, къ тому жъ принца, сына своего, въ австрійскую службу опредѣлила, не давъ отнюдь о такомъ своемъ намѣреніи напередъ знать, то и будучи Ея величество такими поступками весьма недовольна, отнюдь не соизволяетъ на предложенныя отъ нея и ни на какія другія къ поправленію ея состоянія служить могущія средства. А дабы Ея свѣтлость напрасною надеждою о полученіи отсюда денегъ себя не ласкала, но паче старалась бы по расплатѣ долговъ своихъ изъ Парижа выѣхать, ваше сіятельство благоволите Ея свѣтлости прямо о томъ знать дать"[1]).

Это даже не отказъ въ просьбѣ — это какое-то злорадственное издѣвательство надъ поступками! Княгинѣ жить нечѣмъ, а ей совѣтуютъ уплатить долги и выѣхать изъ Парижа! Чѣмъ заплатить долги, какъ выѣхать изъ Парижа и куда, наконецъ, выѣхать?

Эти неотвяжчивые вопросы волновали, разстроивали больную мать Екатерины. Уже съ іюня 1759 года цербстская княгиня жалуется на постоянное нездоровье[2]). Въ декабрѣ, болѣзнь приняла опасное направленіе и княгиня, мучимая лихорадкою и водянкою, вызванною обычными страданіями женщинъ ея лѣтъ, не выходила уже изъ комнаты; съ марта 1760 года она уже не вставала съ постели. Ее лечили два доктора — „Геренщурнъ меньшой и де-ла-Сонне, которой докторъ королевы"[3]). 12-го апрѣля

---

[1]) (*Арх. кн. Воронцова*, I, 450. — [2]) Приложеніе VI, 26, 27; (*Арх. кн. Воронцова*, I 449, XXV, 229. — [3]) *Осмнадц. Вѣкъ*, I, 38; *Арх. кн. Воронцова*, XXV, 236; XXXIV, 196.

княгиня, „которая обрѣталась уже въ самыхъ истощенныхъ силахъ и по истинѣ жалостно было ее видѣть“, передала кн. Д. М. Голицыну, смѣнившему графа Бестужева, два письма — къ императрицѣ и къ дочери; она въ нихъ даже не упоминала „о своихъ оставаемыхъ дѣлахъ“, но лишь просила императрицу „ей великодушно отпустить все то, по чему она несчастіе имѣла гнѣвъ на себя навлещи“. Въ началѣ мая княгинѣ „нѣсколько легче быть становилось“; но съ 16-го мая положеніе больной значительно ухудшилось, и 19-го мая, „по-полуночи въ третьемъ часу она уже жизнь свою скончала“.

Не желая „безвременно приключить ея высочеству безпокойства и печали“, отъ Екатерины скрывали отчаянное положеніе ея матери: великой княгинѣ передавали не всѣ письма, получавщіяся на ея имя отъ матери; о стѣсненномъ матеріальномъ положеніи своей матери она узнала только послѣ ея смерти. Ничего не подозрѣвая, Екатерина, въ мартѣ, когда мать не вставала уже съ постели, шлетъ ей нѣсколько фунтовъ чаю и ревеню, колорыхъ она и не видѣла — ревень и чай получились въ Парижѣ уже по смерти княгини.

Екатерина была очень опечалена смертью матери. Вѣсть эта застала великую княгиню въ Ораніенбаумѣ, гдѣ она, вдали отъ условій придворнаго этикета, могла спокойнѣе предаться своей печали. Ея отношенія къ императрицѣ были въ это время настолько хороши, что Елизавета Петровна, преодолѣвъ свое отвращеніе къ Ораніенбауму, навѣстила ее — честь, которой императрица не оказывала Ораніенбауму уже много лѣтъ[1]). Екатерина заперлась въ Ораніенбаумѣ и никого не принимала, никого не видѣла до самаго переѣзда въ городъ[2]).

По приказанію Людовика XV, французскій министръ

---

[1]) Sa Majesté Impériale n'avait pas été à Oranienbaum depuis quatres ans; il ne fallait pas moins que la mort de M-me la princesse de Zerbst pour engager l'Impératrice à faire cette visite. Депеша *Лопиталя*, отъ 23-го іюля 1760 г. (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 64, № 18).

[2]) La douleur de la mort de M-me sa mère la retient renfermée à la campagne. Депеша *Лопиталя* отъ 2-го августа 1760 г. (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 63, № 48).

духовныхъ дѣлъ, графъ Сен-Флорантэнъ, опечаталъ бумаги цербстской княгини, не смотря на распоряженіе покойной, точно обозначенное въ ея духовномъ завѣщаніи: „Объявляю, что всѣ письма, кои находятся въ большомъ шкапу въ желтомъ моемъ кабинетѣ, такожъ и тѣ, кои лежатъ въ баулахъ красною кожею обшитыхъ и кои находятся въ томъ же кабинетѣ, касаются единственно до моихъ германскихъ дѣлъ, и прошу г. маркиза Сентъ-Симона, чтобъ сихъ писемъ въ опись не вносить, а отдать оныя господину князю Ангальтъ-цербстскому или кому онъ повѣритъ“. Екатерина имѣла копію съ духовнаго завѣщанія матери; она знала, что мать, вѣроятно, имѣла основаніе именно такъ, а не иначе распорядиться своими бумагами, и опечатаніе ихъ французскимъ правительствомъ обезпокоило Екатерину. Она обратилась къ маркизу Лопиталю съ просьбою отправить немедленно курьера къ герцогу Шуазелю и просить, ея именемъ, чтобъ воля матери была исполнена и письма переданы повѣренному ея брата, принца Ангальтъ-Цербстскаго. Болѣе всего Екатерина боялась, чтобъ письма не попали въ руки русскаго правительства и просила, чтобъ князю Голицыну, русскому послу, не выдавали бы писемъ, еслибъ онъ сталъ добиваться ихъ даже именемъ императрицы[1]). Очевидно, не одно только желаніе, чтобъ послѣдняя воля родительницы была свято исполнена, руководило Екатериной: у матери много ея писемъ; въ этихъ письмахъ она не стѣснялась

---

[1]) M-me la Grande-Duchesse m'a envoyé hier une personne de confiance pour me dire, qu'ayant appris que M. le comte de St. Florentin s'était emparé par ordre du roi des papiers de M-me la princesse de Zerbst, sa mère, Elle me priait de faire partir sur-le-champ un courrier pour demander à Sa Majesté de vouloir bien faire remettre tous ces papiers au chargé d'affaires du prince son frère, qui est à Paris. Elle m'a ajouté qu'Elle craignait par dessus tout qu'ils ne tombassent dans des mains russes et qu'Elle vous priait de les refuser à M. le prince Galitzin s'il faisait soit en son nom, soit au nom de l'Impératrice du démarches pour les avoir. Бретэль полагаетъ, что лучше всего отдать письма подъ росписку цербстскому повѣренному, а росписку прислать ему; онъ передастъ ее великой княгинѣ. Депеша *Бретэля*, отъ 5-го октября 1760 года. (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 63, № 28).

ни въ отзывахъ объ императрицѣ, ни въ сужденіяхъ о великомъ князѣ, ни въ выраженіи своихъ взглядовъ на ходъ современныхъ дѣлъ — что́, если эти письма будутъ выданы кн. Голицыну и пересланы въ Петербургъ? Боязнь Екатерины была, однако, напрасна: испытанная въ интригѣ, осторожная мать уничтожила передъ смертью всѣ письма дочери[1]). Изъ двухъ баулей, въ которыхъ хранились бумаги цербстской княгини, одинъ былъ уже разсмотрѣнъ, когда просьба Екатерины пришла въ Парижъ, и въ немъ оказались любовныя письма, которыя и были сожжены; въ второмъ — письма маркиза де-Фрэна. „Если и они такого же рода — пишетъ герцогъ Шуазель французскому посланнику Бретэлю — то тоже будутъ брошены въ огонь. Увѣрьте, пожалуйста, великую княгиню, что мы съ удовольствіемъ готовы служить ей и исполнить малѣйшее ея желаніе“[2]).

Князь Д. М. Голицынъ сообщалъ въ своихъ депешахъ императрицѣ и канцлеру Воронцову, что цербстская княгиня оставила „болѣе четырехъ сотъ тысячъ ливровъ“ долгу, что „всѣ вещи ея свѣтлости отъ здѣшняго правительства перепечатаны“, что „никто не знаетъ куды дѣвались бриллiанты и жемчюгъ ея свѣтлости“; но все это скрыли отъ великой княгини. Екатеринѣ была представлена, правда, копія духовнаго завѣщанія, но въ немъ ни единымъ словомъ не упомянуто о долгахъ. Только спустя полгода, уже въ декабрѣ, узнала великая княгиня, что всѣ драгоцѣнности ея матери, всѣ „бриллiанты и жемчюгъ“,

---

[1]) „Ея свѣтлость, какъ слышно, многія письма сама сожгла“, пишетъ кн. Голицынъ канцлеру Воронцову, отъ 27-го мая 1760 г. (*Осмнадц. Вѣкъ*, I, 41).

[2]) Nous avons prévenu les désirs et les intentions de M-me la Grande-Duchesse par rapport aux papiers qu'à laissés feue M-me la princesse d'Anhalt, sa mère. Ils ont été renfermés en deux paquets séparés. L'un ne contenait que la correspondance de M-me la princesse d'Anhalt avec M. de Saint-Simon et les lettres galantes qu'il en avait reçues. Elles ont été brulées et c'est le seul usage qu'il convenait d'en faire. L'autre paquet renferme des lettres de M. de Fraigne, et si, après qu'on les aura examinées, on trouve qu'elles sont dans le même goût que celles à M. de Saint Simom on les jettera également au feu. Отъ 3-го ноября 1760 г. (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 63, № 47).

заложены, и что, по требованію неудовлетворенныхъ заимодавцевъ, въ мартѣ будущаго года назначена продажа съ публичнаго торга всѣхъ заложенныхъ вещей. Екатерина употребила всѣ усилія, чтобы спасти честь матери, чтобъ „убѣжать какого либо стыда"; она переговариваетъ по этому поводу съ канцлеромъ Воронцовымъ, проситъ содѣйствія у фаворита Шувалова, уговариваетъ графа И. С. Гендрикова доложить императрицѣ ея „всенижайшую просьбу"[1]), и, справедливо опасаясь, что графъ Иванъ Симоновичъ не точно передастъ ея просьбу, пишетъ ему слѣдующую памятную записочку о чемъ графъ долженъ переговорить съ императрицей:

„1. Не соизволено-ль мнѣ будетъ послать повѣренное письмо и кому, а безъ того во всемъ остановка будетъ.

„2. Не приказано-ли будетъ кавалерію святыя Екатерины вручить князю Голицыну.

„3. Для покупки алмазовъ отправить, а въ противномъ случаѣ не соизволено-ль будетъ просить мнѣ въ займы сто тысячь рублевъ съ годовымъ уплатомъ по десяти тысячь рублевъ изъ суммы моего годоваго жалованья, чтобъ не допустить до публичной продажи, а отвѣтъ долженъ въ Парижъ поспѣть до праздника Пасхи, а позднѣе должники ждать не будутъ".

20-го декабря 1760 года графъ Гендриковъ представилъ эту записку императрицѣ. Елизавета Петровна благосклонно прочла просьбу Екатерины и, въ тотъ же день, съ тѣмъ же графомъ Гендриковымъ, послала ее канцлеру Воронцову, желая выслушать его мнѣніе, 21-го декабря графъ Воронцовъ, въ письмѣ къ фавориту Шувалову, излагаетъ полное свое согласіе на всѣ три пункта записки великой княгини и въ заключеніи прибавляетъ: „Всего сходственнѣе, если бы Всемилостивѣйшая Государыня повелѣла оныя вещи изъ казны, пересылкою въ Парижъ потребной суммы, выкупить и потомъ по высочайшему благоизобрѣтенію пожаловать ими Государыню Великую Княгиню. Деньги къ тому могутъ прямо переведены быть

---

[1]) Письмо И. И. Шувалова гр. М. Л. Воронцову, въ *Русск. Архивъ*, 1870 г., стр. 1408.

изъ Гамбурга изъ получаемой тамъ съ Берлина контрибуціи". Екатерина на это даже и не разсчитывала; она, напротивъ, предполагала, что выкупленныя, такимъ образомъ, драгоцѣнности ея матери составятъ собственность императрицы. Елизавета Петровна первоначально соглашалась уплатить только сумму долговъ, равную стоимости драгоцѣнностей[1]), но, въ концѣ концовъ, признала необходимымъ уплатить всѣ долги матери великой княгини.

Этимъ путемъ, при помощи несимпатичнаго для великой княгини канцлера и всесильнаго у императрицы фаворита, Екатеринѣ удалось „убѣжать стыда" — вещи ея матери не продавались въ Парижѣ публично, съ молотка. Всѣ денежныя претензіи, предъявленныя къ имуществу „графини Ольденбургской", были удовлетворены до наступленія „святой недѣли по новому штилю", до марта 1761 года[2]). Полученный изъ Россіи уже послѣ смерти цербстской княгини вексель на сто двадцать четыре тысячи пятьсотъ ливровъ, „которые сочиняютъ за два года опредѣленную ей пенсію", былъ полностію переданъ гофмаршалу цербстскаго двора барону Буркерсроде, присланному въ Парижъ владѣтельнымъ цербстскимъ княземъ, братомъ Екатерины, для устройства дѣлъ ихъ матери. Эта сумма давала барону возможность исполнить всѣ пункты духовнаго завѣщанія, которымъ цербстская княгиня назначала различныя денежныя выдачи услуживавшимъ ей лицамъ[3]).

---

[1]) M-me la Grande-Duchesse croyait avoir obtenu que l'Impératrice payerait toutes les dettes de sa mère qui se montent dit-on à cinq cent mille livres à condition de remettre à Sa Majesté Impériale les diamants de la princesse qu'on suppose d'une assez grande valeur; mais quand on est venu à la dernière explication, l'on n'en veut payer que pour le prix des dits diamants. Депеша *Бретэля* отъ 14-го января 1761 года (*Париж. Архивъ*, Russie, fol. 66, f. 17). — [2]) *Сборникъ*, VII, 80. Это „черновое" письмо не было перебѣлено и осталось безъ употребленія — въ немъ не было уже надобности.

[3]) Въ 1763 году маркизъ Фолэнъ (marquis de Folin), бывшій шталмейстеръ графини Ольденбургской, прислалъ И. И. Бецкому длинное письмо, въ которомъ просилъ объ уплатѣ ему 8,095 рублей, будто бы слѣдуемыхъ ему за службу матери Екатерины во время пребыванія ея въ Парижѣ (*Чтенія*, 1863, IV, 120—130). Это въ высшей степени вздорное требованіе за службу княгинѣ „tant du vivant

Тѣло Іоганны Елизаветы было набальзамировано и отправлено, согласно ея волѣ[1]), въ Цербстъ, гдѣ, уже въ 1761 году, было погребено рядомъ съ тѣломъ ея супруга, Христіана-Августа, отца Екатерины.

Такъ, мало-по-малу, обрывались родственныя связи Екатерины съ роднымъ Цербстомъ. Изъ всей ея цербстской родни остался въ живыхъ только братъ, владѣтельный князь ангальтъ-цербстскій Фридрихъ-Августъ, молодой, 26-ти-лѣтній вдовецъ, неживущій въ цербстѣ, занятомъ прусаками. На этомъ братѣ сосредоточилась теперь вся родственная любовь Екатерины, выразившаяся, между прочимъ, въ заботахъ объ Ангальтъ-Цербстскомъ княжествѣ. Екатерина съ удовольствіемъ узнала, что русское правительство, особою нотою отъ 28-го іюля 1759 года, заявило своимъ союзникамъ о правахъ князя Фридриха-Августа на полное вознагражденіе за убытки, причиненные его владѣніямъ прусскимъ королемъ[2]). Когда цербстскій гофмаршалъ баронъ Буркерсроде сообщилъ великой княгинѣ о любезномъ содѣйствіи французскаго правительства къ устройству дѣлъ цербстскаго князя, Екатерина поручила французскому посланнику Бретэлю поблагодарить отъ ея имени герцога Шуазеля, французскаго министра иностран-

que depuis sa mort“, причемъ маркизъ не считаетъ съ своей стороны нескромностью претендовать и на „quelque marque d'honneur distinctive“, было представлено Екатеринѣ II, но рѣшеніе императрицы по этому письму намъ неизвѣстно.

[1]) *Арх. кн. Воронцова*, XXV, 229; „Свѣдѣнія, новыя письма и бумаги, касающіяся родителей Екатерины II“, въ *Осьмнадц. Вѣкъ*, I, 1—44. Въ этомъ любопытномъ сборникѣ упомянуто, между прочимъ: „Нѣкто Шампо, французскій дипломатическій чиновникъ, сопровождалъ Іоганну-Елизавету во Францію. Онъ же уговорилъ ее писать свои „Записки“ о Россіи, которыя, къ сожалѣнію, она успѣла довести только до воцаренія императрицы Елизаветы“ (стр. 36). Какъ видно изъ помѣщаемаго ниже Приложенія VI, цербстскую княгиню провожалъ въ Парижъ не Шампо, французскій резидентъ въ Гамбургѣ. а его племянникъ, де-Пульи; „Записки“ о Россіи писала не княгиня, а тотъ же де-Пульи, которому княгиня только сообщала матерьялы. Подлинникъ этихъ „Записокъ“ былъ переданъ внукомъ резидента Шампо князю Долгорукову, родному брату княгини Юрьевской. — [2]) См. Приложеніе VII.

ныхъ дѣлъ, за вниманіе къ интересамъ ея брата[1]). Судя по отвѣту герцога, можно думать, что эта благодарность великой княгини имѣла свою цѣну: „Можете увѣрить государыню великую княгиню — пишетъ герцогъ Шуазель Бретэлю — что я всегда буду внимателенъ къ дѣламъ, интересующимъ ея брата. Хотя великая княгиня и не имѣетъ теперь большаго значенія, все-таки ее нужно беречь, но дѣлать это слѣдуетъ съ большою осторожностью, чтобъ не возбудить ревности въ императрицѣ и ея министрахъ[2]).

---

[1]) M-me la Grande-Duchesse m'a chargé de vous faire tous ses remerciements sur l'attention que vous donnez aux affaires qui intéressent M-r son frère. Le chargé d'affaires de ce prince lui a rendu compte de vos bontés, et elle y est trés sensible. Депеша отъ 22-го октября 1761 года (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 67, pièce 127).

[2]) Vous pouvez assurer M-me la Grande-Duchesse que j'aurai l'attention aux affaires, qui intéressent M-r son frère. Quoique cette princesse n'ait pas grand crédit, il est toujours bon de la ménager, mais ce doit être avec une grande circonspection, pour ne pas exciter la jalousie de l'Impératrice et de ses ministres, Отъ 23-го ноября 1761 года (*Париж. Архивъ,* vol. 67, f. 162).

XXXII.

На сцену появляются новыя лица. Изъ старыхъ „друзей“ Екатерины, съ которыми при нуждѣ можно посовѣтоваться, въ горѣ — душу отвести, не осталось никого; одни умерли, другіе въ отлучкѣ, вольной и невольной: З. Г. Чернышевъ — на войнѣ, С. В. Салтыковъ — въ Гамбургѣ, остальные — въ ссылкѣ. Графъ Понятовскій, правда, еще въ Петербургѣ, но долженъ надняхъ уѣхать по требованію императрицы. Екатерина одна, въ Ораніенбаумѣ, куда трудно проникнуть — для этого нужно испрашивать каждый разъ особое разрѣшеніе самой императрицы, а императрица неохотно разрѣшаетъ такія поѣздки[1]), и ужъ, конечно, не разрѣшитъ ее графу Понятовскому. Это его, однако, не остановило: выдавая себя за парикмахера, переодѣтый графъ Понятовскій явился въ Ораніенбаумъ, но былъ узнанъ, схваченъ и приведенъ къ великому князю, у котораго находился въ то время графъ Браницкій. Великій князь былъ возмущенъ поступкомъ Понятовскаго, а Браницкій вдвое: онъ схватилъ его за шиворотъ и, какъ негодяя, вытолкнулъ за дверь, спасая, такимъ образомъ, своего соотечественника[2]).

---

[1]) Депеша *Брэтеля,* отъ 2-го августа 1760 г. (*Парижск. Архивъ* Russie, vol. 63, № 8).

[2]) *Helbig*, Günstlinge, 224; *Рус. Старина,* LIII, 304, *Sulkiêre,* 21. Этотъ случай возбудилъ толки, начались измышленія, одно невѣроятнѣе другаго. Вотъ какъ, напр., разсказанъ этотъ случай *Лопиталемъ,* въ депешѣ отъ 10-го августа 1758 года: M. le comte Poniatowski, enhardi par la témérité de la Grande-Duchesse, se détermina à l'aller trouver à sa maison de campagne; mais en arrivant, il fut arrêté par

Съ отъѣздомъ графа Понятовскаго Екатерина еще болѣе почувствовала свое одиночество. Вскорѣ умерла и ея дочь, великая княжна Анна Петровна, что еще болѣе увеличило грустное настроеніе матери. Желая разсѣять, развлечь великую княгиню, императрица приглашаетъ ее на вечера и ужины къ придворнымъ особамъ — великая княгиня отказываетъ даже императрицѣ[1]). Екатерина опять заперлась въ своей комнатѣ, читаетъ, работаетъ, всегда одна.

Но Екатерина не перестаетъ быть великой княгиней. Когда она была въ опалѣ, когда она была „подъ судомъ" изъ-за переписки съ Апраксинымъ и Бестужевымъ, и тогда лица наиболѣе вліятельныя, канцлеръ Воронцовъ и фаворитъ Шуваловъ, не рѣшались громко говорить противъ нея. И. И. Шуваловъ употребилъ даже все свое вліяніе на императрицу, чтобъ обѣлить въ ея глазахъ великую княгиню, чтобъ помирить съ нею императрицу. Позже, умный Шуваловъ совершенно перешелъ на сторону малого двора, вѣрнѣе, сталъ сторонникомъ великой княгини и, вѣроятно, дѣйствовалъ довольно неосторожно, по крайней мѣрѣ, далъ поводъ злословію заподозрить чи-

---

un officier et conduit chez le général Brocdorff où était le Grand-Duc, qui, en le voyant et lui ripostant sa hardiesse, lui dit: „Vous mettez votre vie entre mes mains. Que veniez vous faire ici?" — „Vous faire ma cour, Menseigneur, et à M-me la Grande-Duchesse, comme vous me l'avez toujours permis". — „Je sais toutes vos intrigues avec la Grande-Duchesse; peut être même avcz vous du mauvaises intentions contre moi: vous avez sur vous des pistolets de poche". — „Quel soupçon, Monseigneur! Votre Altesse Impériale fait un grand tort à mon profond respect et à la fidelité de mon attachement pour Elle". — „Vous n'avez donc d'autre intention que de voir la Grande-Duchesse? Eh bien, Poniatowski, allez-y, restez à souper avec Elle; vous savez que de mon côté j'ai ma maîtresse" *(Париж. Архивъ*, Russie, vol. 57, f. 106). Это очевидное повтореніе петербургскихъ измышленій; первоначально, въ депешѣ отъ 16-го іюля, *Лопиталь* просто сообщалъ: M-r. Poniatowski a hazardé d'aller incognito à la maison de campagne de M-me la Grande-Duchesse, à l'insu du Grand-Duc *(Ibid.* vol. 57, f. 53.)

[1]) La mère est dans la plus grande affliction. Депеши *Лопиталя*, отъ 23-го марта и 2-го апрѣля 1759 года *Париж. Архивъ*, Russie, vol. 59, № 36, vol. 60, № 37).

стоту своихъ отношеній къ великой княгинѣ[1]). Канцлеръ Воронцовъ, какъ мы видѣли, принялъ сторону Екатерины въ вопросѣ о долгахъ ея матери и не опускалъ случая сдѣлать угодное великой княгинѣ. Но ни Воронцовъ, ни Шуваловъ не были людьми способными замѣнить для Екарины сверженнаго ими Бестужева; на нихъ она не полагалась и имъ она не довѣряла. У нихъ нѣтъ ни смѣлаго ума, ни силы воли: во время войны съ Пруссіею прусскіе шпіоны живутъ въ Петербургѣ, великій князь сносится съ прусскимъ королемъ, а они молчатъ, не противодѣйствуютъ, даже потворствуютъ.

„Обо всемъ, что происходило на войнѣ — пишетъ Штелинъ — получалъ его высочество, не знаю откуда, очень подробныя извѣстія съ прусской стороны, и если по временамъ въ петербургскихъ газетахъ появлялись реляціи въ честь и пользу русскому и австрійскому оружію, то онъ обыкновенно смѣялся и говорилъ: „все это ложь — мои извѣстія говорятъ совсѣмъ другое"[2]). Фридрихъ II, съ своей стороны, прямо говоритъ въ своихъ „Запискахъ", что получалъ отъ великаго князя изъ Петербурга многія свѣдѣнія, касающіяся военныхъ дѣйствій русской арміи[3]).

Фридрихъ II, неуспѣвшій, не смотря на всѣ свои старанія, привлечь на свою сторону великую княгиню, легко обратилъ великаго князя въ своего шпіона. Какъ Уильямсъ всецѣло былъ преданъ великой княгинѣ и ни въ чемъ не успѣлъ, такъ смѣнившій его англійскій посланникъ Кейтъ вполнѣ отдался великому князю и достигъ своей цѣли. Кейтъ сообщалъ великому князю всѣ новости съ

---

[1]) О роли Шувалова во время опалы великой княгини упоминается въ депешѣ *Лопиталя*, отъ 10-го іюля 1758 года (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 57, f. 26). Jwan Chouwaloff s'était jeté entièrement du côté de la jeune cour, въ депешѣ отъ 24-го іюля 1759 г. (*Ibid.*, vol. 60, № 53). Ce favorit aurait voulu jouer auprès de la Grande-Duchesse le même rôle qu'auprès de l'Impératrice (*Ibid.*, vol. 63, № 34).

[2]) *Штелинъ*, 93. Тутъ же разсказанъ эпизодъ съ извѣстіемъ о битвѣ при Торгау на Эльбѣ, когда великій князь опровергъ свѣдѣнія, полученныя графомъ Эстергази, что вполнѣ подтвердилось на другой день вторымъ курьеромъ, прибывшимъ къ австрійскому послу. — [3]) *Posner*, 312.

театра войны, всегда, конечно, въ прусскомъ смыслѣ, и передавалъ прусскому королю всѣ свѣдѣнія о русской арміи[1]), всѣ предположенія конференціи, все, что получалъ отъ великаго князя, котораго снабжалъ деньгами и обнадеживалъ содѣйствіемъ Пруссіи въ его спорѣ съ Даніею по поводу Шлезвига[2]). Кейтъ часто принималъ курьеровъ, англичанъ, прибывавшихъ, однако, изъ Берлина, не изъ Лондона, и не щадилъ денегъ на отправку курьеровъ въ Лондонъ, доѣзжавшихъ только до Берлина, такъ что Фридрихъ II получалъ изъ Петербурга свѣдѣнія, касавшіяся русской арміи, даже ранѣе русскихъ главнокомандующихъ[3]). Это обнаружилось уже въ 1758 году и было

[1]) Фридрихъ II во время Семилѣтней войны получалъ свѣдѣнія изъ Петербурга отъ разныхъ лицъ и черезъ многія руки: отъ своей сестры, принцессы Анны Оранской, регентши Голландской (*Pol. Corr.*, XIV, 244, 312, 417, 426), отъ саксонскаго резидента въ Петербургѣ фонъ-Функе (XII, 305), отъ своего друга и поклонника графа Головкина, русскаго посланника въ Гаагѣ, и его супруги (XIV, 192, 228), отъ шведскаго полковника Горна и курляндскаго камергера фонъ Мирбаха (XIII, 448; XIC, 449). Самыя же важныя и наиболѣе точныя извѣстія Фридрихъ II получалъ отъ голландскаго посланника въ Петербургѣ ванъ-Сварта (Mynheer van Swart), который пользовался наибольшимъ довѣріемъ русскаго двора: le grand chancellier le consulte sur tout et l'informe le plus confidemment du monde de tout ce qui se passe (XIII, 116); депеши Сварта вскрывались въ берлинскомъ почтамтѣ и копіи съ нихъ доставлялись позже, изъ Гааги, отъ прусскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Геллена, при посредствѣ англійскаго посланника Йорка. Сверхъ того, прусскій король получалъ свѣдѣнія „чрезъ русскаго генерала Корфа и любовницу его графиню Кейзерлингшу“ (*Болотовъ*, II, 166) и отъ др. лицъ, не считая такихъ профессіональныхъ прусскихъ шпіоновъ, какъ фонъ-Баль изъ Риги, англійскій капитанъ Ламбертъ, маіоръ фонъ-Ромеръ и др. (*Pol. Corr.*, XII, 42, 166; XIII, 141, 160, 170, 197, 254; XIV, 83).

[2]) Je dois vous prévenir que M. Keith a des correspondances secrètes avec le roi de Prusse. Ce ministre fait passer à M. le Grand-Duc par des tiers la connaissance de ses desseins; il maintient ce jeune prince dans ses faux principes, il lui offre des secours secrets contre le roi de Danemark etc. Въ депешѣ *Лопиталя* отъ 30-го ноября 1758 г. (*Парижс. Архивъ*, Russie, vol. 58, f. 267).

[3]) Депеша *Лопиталя*, отъ 9-го февраля 1759 г. (*Парижс. Архивъ*, vol. 59, № 17). Между тѣмъ, недогадливый Лопиталь увѣрялъ свое правительство, что Кейтъ не пользуется никакимъ значеніемъ, и ничего не достигнетъ: Je vous réponds bien que jusqu'à ce jour M. Keith n'a fait que battre l'eau et qu'il n'a acquit ni crédit, ni considé-

настолько всѣмъ извѣстно, что весною 1758 года датское правительство поручило своему преоставителю при русскомъ дворѣ сдѣлать по этому поводу официалное представленіе русскому канцлеру; также поступило и французское правительство[1]). Словомъ, это шпіонство и участіе въ немъ великаго князя ни для кого не было тайной, кромѣ русскаго канцлера, который, не рѣшаясь противодѣйствовать великому князю, дѣлалъ видъ, что ничего не знаетъ. Мало того: когда графу Воронцову указывали на двухъ прусскихъ шпіоновъ, покровительствуемыхъ великимъ княземъ, канцлеръ старался „успокоить" союзниковъ[2]), . оче-

ration; il vit mesquinement et obscurement. Депеша отъ 24-го марта 1758 г. (*Ibid.*, vol. 59, № 43),

[1]) M. le baron d'Osten avait l'ordre de M. de Bernstorff d'avertir M. le comte de Woronzow que l'on savait presque avec certitude que le roi de Prusse avait des liaisons secrètes avec le Grand-Duc; qu'il croyait qne ces négociations secrètes se traitaient par M. Keith. Депеша отъ 19-го мая 1759 г. (*Парижс. Архивъ*, vol. 60, № 46). Въ министерскомъ рескриптѣ отъ 11-го іюня 1759 г. герцогъ *Шуазель* поручаетъ Лопиталю сдѣлать представленіе канцлеру Воронцову о сношеніяхъ Кейта съ великимъ княземъ и прусскимъ королемъ (*Ibid.*, vol. 60, № 43). Тайныя сношенія великаго князя съ прусскимъ королемъ велись, кажется, и чрезъ принца Георга голштинскаго, дядю Петра Өедоровича (*Goudar*, 24, 57).

[2]) Nous sommes maintenant, M. Mercy, ambassadeur impérial, et moi, occupés à donner la chasse à deux prussiens qui vivent ici sous la protection de M. le Grand-Duc et qui, sans doute, n'y sont pas oisifs. L'un était lieutenant de police à Berlin au moment de l'expédition des russes l'année dernière, et a été ammené prisonnier et en ôtage à Koenigsberg, pour l'acquit des contributious de cette ville, et de là a eu permission de venir ici sous prétexte qu'il avait eu le bonheur de sauver la vie à Pierre I au passage d'un rivière, je ne sais où, et l'autre est un conseiller de la légation de Sa Majesté Prussienne, qui, à l'aide de quelque parenté avec des russes, est venu ici pour solliciter des soulagements en faveur de la Prusse et surtout de la ville de Koenigsberg. Ces deux personnages prussiens sont gens de beaucoup d'esprit et très instruits. M. le chancelier, à qui j'ai parlé de l'extraordinaire de leur séjour ici, m'a tranquillisé. Депеша *Бретэля*, отъ 22-го октября 1761 года (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 67, pièce 127). Герцогъ *Шуазель* пишетъ Бретэлю, отъ 23-го ноября 1761 года: Il est indécent que deux prussiens soient à la cour de Russie sous la protection du Grand-Duc (*Ibid.*, vol. 67, f. 261). Эти два лица были: берлинскій полицій-мейстеръ Груменау и кенигсбергскій совѣтникъ правленія Корфъ. Депеша *Мерси Аржанто* въ *Сборникѣ*, XVIII, 60, 145.

видно, ставя судьбы русской арміи въ зависимость отъ своихъ личныхъ отношеній къ великому князю. Екатерина, съ негодованіемъ смотрѣвшая на прусскія симпатіи своего супруга[1]), не безъ презрѣнія относилась къ потворству преступнымъ инстинктамъ великаго князя со стороны канцлера Воронцова и фаворита Шувалова.

Весною 1759 года въ Петербургѣ появился еще одинъ прусакъ — графъ Шверинъ, адъютантъ прусскаго короля[2]). Взятый въ плѣнъ при Цорндорфѣ, 12-го августа 1758 г., графъ Шверинъ былъ отправленъ въ Кенигсбергъ, гдѣ жилъ совершенно на свободѣ[3]); къ нему, только для формы, были назначены приставами два армейскіе поручика Орловъ и Зиновьевъ. Въ мартѣ 1759 года графъ Шверинъ былъ перевезенъ въ Петербургъ. И здѣсь, какъ въ Кенигсбергѣ, къ графу Шверину относились не какъ къ военно-плѣнному, а какъ къ „знатному иностранцу". Ему отвели помѣщеніе въ только что отстроившемся тогда великолѣпномъ домѣ графа Строгонова, у Полицейскаго моста[4]); сопровождавшій его приставъ Орловъ былъ помѣщенъ уже не съ нимъ вмѣстѣ, какъ въ Кенигсбергѣ, а въ домѣ придворнаго банкира Кнутсена, на углу Большой Морской и Невскаго проспекта, насупротивъ зимняго дворца, бывшаго въ то время между Полицейскимъ мостомъ и большою Морскою. Графъ Шверинъ былъ вызванъ въ Петербургъ самою императрицею, былъ принятъ при большомъ дворѣ; великій князь

---

1) Депеша *Лопиталя*, отъ 30-го ноября 1758 года, въ *Парижс. Архивѣ*, Russie, vol. 58, f. 267.

2) Графъ Вильгельмъ-Фридрихъ-Карлъ фонъ Шверинъ, 1728—1802, принимавшій участіе въ заключеніи русско-прусскаго трактата вѣчнаго мира и дружбы 24-го апрѣля 1762 г. *Щебальскій*, 51. Въ 1795 г., будучи уже генералъ-лейтенантомъ, онъ командовалъ прусскими войсками противъ поляковъ, былъ всюду побитъ и приговоромъ военнаго суда былъ лишенъ командованія и заключенъ на годъ подъ арестъ. — 3) *Болотовъ*, I, 840, 845, 873, 882.

4) *Helbig*, Günstl., 181; *Русск. Старина*, LI, 7. Le jeune Schwerin, un officier prussien, est venu; il loge chez le baron Strogonoff, son gendre. Депеша отъ 7-го апрѣля 1759 г. въ *Парижс. Архивѣ*, Russie, vol. 60, № 38. *Колмаковъ*, Домъ графовъ Строгоновыхъ, въ *Русск. Старинѣ*, LIII, 575.

видѣлъ въ немъ не плѣннаго офицера, а почетнаго гостя: принималъ его у себя, бражничалъ съ нимъ, ѣздилъ по городу и, въ веселыя минуты, признавался ему, что считалъ бы для себя за честь служить подъ начальствомъ прусскаго короля; „еслибъ я былъ государемъ — вы не были бы военноплѣннымъ“, прибавлялъ Петръ Ѳеодоровичъ[1]). Съ графомъ Шверинымъ появился тогда при маломъ дворѣ и его приставъ поручикъ Орловъ.

Изъ всѣхъ пяти красавцевъ братьевъ, Григорій Григорьевичъ Орловъ былъ безспорно самый красивый и, быть можетъ, самый вѣтреный. Судя по отзывамъ очевидцевъ и по сохранившимся рисункамъ, Орловъ былъ красивѣе не только Понятовскаго, но и Салтыкова, который превосходилъ его только въ вѣтренности. Высокій, статный, всегда веселый, такой же смѣлый, какъ его братъ Алексѣй отчаянный, такой же, какъ и братъ Алексѣй, сильный, Григорій Орловъ плѣнилъ солдатъ своею неустрашимою удалью въ цорндорфской битвѣ, своею стойкостью и какимъ-то равнодушіемъ, казалось, ничѣмъ необъяснимымъ: онъ получилъ подъ Цорндорфомъ три раны и не покинулъ своего поста, спокойно глядя судьбѣ въ глаза. Судьба его пощадила. Въ Петербургѣ онъ жилъ съ братьями, гвардейскими офицерами, кутилъ съ ними, ухаживалъ за петербургскими красавицами, своею крупною игрою и своими будуарными побѣдами заставляя говорить о себѣ. Даже мущины признавали, что видѣть

---

[1]) M. le Grand-Duc était à l'école des cadets; le prince Adam Czartoriski et le jeune Schwerin était de la partie. M, le Grand-Duc se trouvant seul avec Schwerin et Czartoriski, commença l'éloge du roi de Prusse et dit en propre terme au comte Schwerin qu'il se ferait gloire et honneur de faire une campagne sous les ordres du roi de Prusse et que s'il était le maître il ne serait pas ici prisonnier... Le propos du Grand-Duc quoique ridicule n'est qu'une suite de son enthousiasme pour le roi de Prusse; peut-être même était-il un peu chaud de vin, car M. de Lieven, qui a été lui faire sa cour et qui a vu ces exercices des cadets, m'a dit en haussant les épaules qu'il avait été scandalisé et honteux de se trouver avec M. le Grand-Duc de Russie qui l'avait fait asseoir auprès du feu et fumer avec lui une pipe de tabac et boire de l'eau de vie. Депеша *Лопиталя,* отъ 22-го мая 1759 г., въ *Парижс. Архивѣ*, Russie, vol. 60, № 53.

его и не полюбить — невозможно; женщины имъ не противорѣчили. Смѣлость Орлова въ этомъ отношеніи доходила до дерзости, что еще болѣе нравилось женщинамъ. Только въ 1759 году Григорій Орловъ перешелъ на службу въ артиллерію и уже въ 1760 году занялъ довольно видное мѣсто адъютанта при генералъ-фельдцейхмейстерѣ, видное потому, что генералъ-фельдцейхмейстеромъ былъ графъ П. И. Шуваловъ, двоюродный братъ всесильнаго фаворита. И что же? Адъютантъ не задумался увлечь любовницу генералъ-фельдцейхмейстера, красавицу княгиню Елену Степановну Куракину[1]), за что едва не погибъ — его спасла смерть Шувалова. О случаѣ съ Куракиной, полномъ романическихъ подробностей и выказавшемъ геройскую находчивость Орлова, заговорилъ весь городъ, узналъ дворъ, услышала и великая княгиня. Въ то время подобныя любовныя похожденія не роняли, а возвышали людей; ими создавались репутаціи, дѣлались карьеры. Мало кто зналъ тогда, что какъ равнодушіе въ цорндорфской битвѣ, такъ и смѣлость въ случаѣ съ Куракиной объяснялись самымъ положеніемъ Орлова, которому нечего было терять. Безъ всякихъ средствъ, весь въ долгахъ, онъ смѣло ставилъ все на карту, такъ какъ это все равнялось нулю; но это мало кому было извѣстно, и случай съ Куракиною сдѣлалъ Орлова еще болѣе интереснымъ. Заинтересовалась имъ и Екатерина. Онъ смѣлъ, находчивъ — на него можно положиться; онъ не отступитъ ни предъ какою опасностью — ему можно ввѣриться; къ тому же онъ — русскій офицеръ, а въ то время всѣ нравственныя силы страны, вся политическая жизнь ея сосредоточивалась въ войскахъ, преимущественно въ гвардіи, представлявшей собою цвѣтъ русскаго дворянства. Орловъ являлся въ этомъ отношеніи силою весьма важною, особенно для Екатерины.

Чѣмъ болѣе Екатерина узнавала Орлова, тѣмъ болѣе дорожила имъ — не Григоріемъ Григорьевичемъ Орловымъ, а человѣкомъ, обладающимъ тѣми свойствами, которыя отличали Орлова, какъ бы онъ ни прозывался; въ данномъ случаѣ была важна встрѣча не съ Орловымъ

---

1) *Mémoires*, 247, 284; *Laveaux*, III, 75; *Castèra*, I, 315; *Rulhière*, 53.

именно, но съ лицомъ его положенія и его закала. Не въ Орловѣ нуждалась Екатерина, а въ пособникѣ „орловскаго“ пошиба, въ человѣкѣ, способномъ выполнить сокровенную задачу великой княгини. Какую?

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Россію, Екатерина отнеслась къ своему положенію вполнѣ искренно и вполнѣ по-дѣтски: она хотѣла быть безусловно послушна императрицѣ и оказывать полное уваженіе великому князю. Чѣмъ долѣе жила Екатерина въ Россіи, тѣмъ болѣе убѣждалась, что выдержать такое отношеніе во многихъ случаяхъ было весьма трудно, иногда же просто невозможно. Ставъ супругой великаго князя, она желала добросовѣстно выполнить свои обязанности и встрѣтила препятствіе съ той именно стороны, съ которой менѣе всего ихъ ожидала[1]). Екатерина скоро разошлась съ великимъ княземъ во мнѣніяхъ, взглядахъ, привычкахъ; не одобряла поведеніе великаго князя и императрица, но отъ этого Екатеринѣ было не легче. Елизавета Петровна давно уже не выказывала прежней склонности къ Екатеринѣ; по рожденіи же Павла Петровича стала относиться къ ней довольно небрежно, а послѣ апраксинскаго дѣла совершенно отшатнулась отъ нея, хотя внутренно не могла не сознавать, что великая княгиня менѣе виновна, чѣмъ ее старались увѣрить. Въ своей новой семьѣ, среди императрицы и великаго князя, Екатерина очутилась одинокою; по своей-ли винѣ, нѣтъ-ли — все равно. При дворѣ, изъ лицъ вліятельныхъ, оказалъ сочувствіе Екатеринѣ и подалъ ей руки только канцлеръ Бестужевъ, врагъ ея матери, выславшій Іоганну-Елизавету изъ Россіи, востановившій противъ нея императрицу. Когда Бестужевъ былъ арестованъ и высланъ, Екатерина увидѣла себя одинокою и при большомъ дворѣ. И Воронцовъ, и Шуваловы — враги Бестужева, слѣдовательно, противники Екатерины. Они, конечно, готовы оказать ей мелкія услуги, замолвить за нее слово предъ императрицей, поддержать ея просьбу; но ей не этого нужно. Ни одинъ изъ нихъ не могъ даже представить себѣ положенія Екатерины такъ ясно, какъ Бестужевъ; ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ понять, что Екатерину без-

[1]) *Mémoires*, 53; см. Приложеніе V.

покоитъ не столько настоящее, сколько будущее. Она же ясно видѣла, что ей предстоитъ или раздѣлить судьбу великаго князя, какова бы она ни была, или предать себя волѣ, быть можетъ, капризу великаго князя, или же, наконецъ, оградить себя отъ всякихъ случайностей[1]). Въ послѣднее время, незадолго до встрѣчи съ Орловымъ, Екатерина рѣшилась на послѣднее средство. Но чѣмъ и какъ оградить себя отъ всякихъ случайностей? Кромѣ императрицы, больной, дряхлѣющей, видимо приближающейся къ могилѣ, и великаго князя, охотно выслушивающаго способы „раздавить змѣю“, Екатерина видитъ одну только силу — русское общество, „публику“, какъ она выражается[2]). Что же такое русское общество, что такое публика въ Россіи? Императрица, великій князь — ощутительныя силы, представители власти, дающей себя чувствовать, а „публика“? Гдѣ она и въ чемъ проявляетъ свою силу, свое значеніе? Съ императрицей, съ великимъ княземъ Екатерина встрѣчается, сталкивается, считается съ ними, терпитъ отъ нихъ; съ русской публикой великая княгиня не можетъ имѣть сношенія по самому своему положенію. Екатерина разрѣшала этотъ вопросъ въ теоріи очень легко и просто: если публика сама по себѣ не можетъ знать ни великой княгини, ни ея нуждъ и желаній, то необходимо ее познакомить и съ великою княгинею, и съ ея желаніями; если непосредственныя сношенія великой княгини съ публикой невозможны, то должно создать посредственныя. Кто же лучше Орлова можетъ осуществить на практикѣ подобную нелегкую задачу? Двадцатипятилѣтній Орловъ безъ ума отъ Екатерины; для него всякая задача легка, лишь бы угодить Екатеринѣ[3]).

---

1) *Mémoires*, 301; „Антидотъ“ въ *Осмнадц. Вѣкѣ*, IV, 311.

2) Слишкомъ тридцать лѣтъ спустя, Екатерина, въ своихъ „Запискахъ“, нѣсколько разъ упоминаетъ, будто она, съ самаго пріѣзда въ Россію, старалась заискивать въ *публикѣ*, расположить *публику* въ свою пользу, пріучить *публику* видѣть, въ случаѣ нужды, именно въ ней, въ Екатеринѣ, свою спасительницу (*Mémoires*, 36, 44, 295, 301, 323). Эти позднѣйшія соображенія, вставленныя въ разсказъ съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, не могутъ служить характеристикой Екатерины за то время, къ которому эти вставки относятся.

3) Въ письмѣ Екатерины гр. Понятовскому, отъ 2-го августа

У Орлова собираются товарищи его братьевъ, гвардейскіе офицеры; они пьютъ вино, играютъ въ карты, похваляются своими любовными похожденіями. Орловъ — добрый малый, вѣрный товарищъ; онъ умѣетъ всѣхъ завлечь, развеселить, при случаѣ выручить изъ бѣды. Его любятъ, ему вѣрятъ, а онъ, артиллеристъ, пророчитъ гвардейцамъ скорую бѣду: великій князь называетъ ихъ „янычарами", и еще недавно его высочество изволилъ выразиться: „гвардейцы только блокируютъ резиденцію, неспособны ни къ какому труду, ни къ военнымъ экзерциціямъ, а всегда опасны для правительства[1])." Да и какой это великій князь: русскія войска умираютъ отъ прусскихъ пуль, а великій князь похваляется, что онъ „истый пруссакъ", носитъ кольцо съ портретомъ Фридриха II[2]); радостная вѣсть о взятіи русскими Берлина опечалила великаго князя, и онъ проклинаетъ храбрость русскихъ войскъ[3]). Орловъ говорилъ увѣренно, приво-

---

1762 года: Osten se souvient d'avoir vu Orlow me suivre partout et faire mille folies; sa passion pour moi était publique (*Jacob*, 4; *Арх. кн. Воронцова*, XXV, 415). Датскій посланникъ баронъ *Остенъ* пользовался особенною довѣренностію Екатерины. M-me la Grande-Duchesse affectionne le plus M. d'Osten: il est chargé de se correspondance . . . Le chambellan qui était très fâché que M. d'Osten eût exclusivement la confiance de M-me la Grande-Duchesse, s'est servi de ce prétexte pour l'éloigner. Депеши *Бретэля* отъ 18-го сентября 1760 и 4-го января 61 гг., въ *Парижс. Архивъ*, Russie vol. 63, f. 117; vol. 66, f. 15.

[1]) *Штелинъ*, 106; *Jacob*, 2; *Арх. кн. Воронцова*, XXV, 414; *Лаферміеръ*, 195; *Rulhière*, 43.

[2]) Le Grand-Duc est prussien d'inclination et patriote allemand, c'est le nom qu'il se donne... Le Grand-Duc est toujours infatué du roi de Prusse... Le Grand-Duc est un vrai prussien. Депеши *Лопиталя*, отъ 11-го декабря 1757 г., 15-го апрѣля и 14-го мая 1758 г., въ *Париж. Архивъ*, Russie, vol. 54, f. 148; vol. 56, f. 44 et 165. Депеша барона *Гольца*, отъ 25-го февраля 1762 г., въ *Берлин. Архивъ*, Russland, 1762; *Щебальскій*, 42.

[3]) Извѣщая объ общей радости въ Петербургѣ по случаю взятія Берлина и объ увѣренности, что прусскій король окончательно будетъ разбитъ, *Лопиталь*, въ депешѣ отъ 28-го октября 1760 г., прибавляетъ: M. le Grand-Duc est le seul qui, donnant dans un excès contraire, ose laisser voir qu'il ne partage pas la satisfaction de ce projet. Indépendamment de ses propos peu mesurés et publics, le jour que l'Impératrice a reçu les félicitations de ses sujets sur la prise de Berlin,

дилъ доказательства, въ его рѣчахъ о ненависти будущаго императора къ русскимъ, особенно же къ гвардейцамъ, нельзя было и сомнѣваться. Но у кого и запало въ то время сомнѣніе, оно разсѣялось съ первыхъ же дней воцаренія Петра III: русскимъ войскамъ велѣно пріостановить свои дѣйствія противъ Пруссіи, въ Петербургъ пріѣхалъ баронъ Гольцъ, ведутся переговоры о мирѣ съ Пруссіею; вмѣсто гвардейской формы Петра Великаго, уже введены короткіе прусскіе кафтаны съ бранденбургскими петлицами; поговариваютъ, что гвардія будетъ выведена изъ столицы и замѣнена полевыми полками; говорятъ даже будто гвардія вовсе будетъ уничтожена. Если вѣрить Орлову (а ему нельзя не вѣрить: его слова оправдываются), единственный выходъ изъ этого положенія, единственное спасеніе чести русской арміи — великая княгиня, которая и теперь много терпитъ отъ причудъ великаго князя, а когда великій князь станетъ императоромъ, самодержцемъ, онъ немедленно заточитъ ее въ монастырь, а сына ея, великаго князя Павла Петровича, лишитъ права на наслѣдованіе. Со словъ самой Екатерины, Орловъ мрачными красками описывалъ ея положеніе, говорилъ объ угнетеніи ее супругомъ, о презрѣніи къ ней всѣхъ голштинцевъ, о ея симпатіяхъ къ русскому народу, къ славѣ русскаго оружія. Слова Орлова опять оправдались: въ манифестѣ о восшествіи на престолъ Петра III даже не упомянуты ни государыня императрица Екатерина Алексѣевна, ни государь наслѣдникъ великій князь Павелъ Петровичъ! Партія Екатерины въ средѣ офицеровъ гвардіи и войскъ, расположенныхъ въ Петербургѣ, ростетъ тихо, медленно, но ея сторонники отличаются преданностью, готовы жертвовать жизнью за Екатерину.

Отъ офицеровъ неудовольствіе противъ Петра Ѳедоровича переходило мало-по-малу къ солдатамъ. Только

Son Altesse Impériale s'en dispensa sous prétexte d'une incommodité. L'on ne saurait se représenter, quand on ne l'a pas vu et entendu, à quel degré d'indécence ce prince porte son goût et son admiration pour Sa Majesté Prussienne (*Париж. архивъ*, Russie, vol. 63, № 33). *„Санктпетербургскія Вѣдомости“* за 1760 годъ, № 88, вторникъ, 24-го октября.

съ воцареніемъ Петра III пропаганда пошла успѣшнѣе, опять таки благодаря Орлову. Какъ соловьевъ не кормятъ пѣснями, такъ и солдатъ нельзя увлечь отвлеченными соображеніями; для пропаганды между нижними чинами нужны деньги, а денегъ нѣтъ ни у Екатерины, ни у Орлова. Деньги были добыты только въ мартѣ 1762 года и вотъ какимъ образомъ: 10-го февраля, А. П. Вильбоа, бывшій нѣкогда камеръ-юнкеромъ великокняжескаго двора и удаленный за приверженность къ великой княгинѣ[1]) былъ назначенъ генералъ-фельдцейхмейстеромъ, на мѣсто умершаго П. И. Шувалова; въ концѣ февраля на открывшуюся ваканцію цальмейстера артиллерійскаго штата былъ предложенъ 27-милѣтній поручикъ Григорій Орловъ. Генералъ-поручикъ артиллеріи А. Я. Пурпуръ заявилъ было, что не признаетъ возможнымъ предоставить столь отвѣтственную въ денежномъ отношеніи должность молодому поручику, къ тому же не пользующемуся безупречною репутаціею по своей частной жизни, но, узнавъ отъ Вильбоа, что этимъ назначеніемъ интересуется императрица, согласился, и Орловъ получилъ это мѣсто съ повышеніемъ изъ поручиковъ въ капитаны[2]). Денежныя средства артиллерійской кассы были, сравнительно, весьма велики и въ значительной степени содѣйствовали пропагандѣ въ казармахъ, среди солдатъ.

Какой пропагандѣ? Какъ при жизни Елизатеты Петровны, такъ и въ первые мѣсяцы царствованія Петра III никакого точно опредѣленнаго плана не было; видѣлась только, и то въ очертаніяхъ довольно общихъ, необходимость „оградить себя отъ всякихъ случайностей". Не только не была выработана подробная программа дѣйствій, даже цѣль, къ которой надлежало стремиться, не была ясно сознаваема. Сперва вопросъ шелъ только о томъ, чтобы имѣть, на случай нужды, хотя бы небольшую партію, которая не дала бы погибнуть безъ борьбы. Ни по образованію, ни по характеру, ни по положенію Григорій Орловъ не былъ человѣкомъ, съ которымъ можно было бы

---

[1]) *Mémoires*, 67, 154, — [2]) *Rulhière*, 55; *Helbig*, *Günstl.*, 184; *Русская Старина*, LI, 10.

обсуждать вопросы подобнаго рода; для этого нуженъ былъ иной умъ, зрѣлый, опытный, просвѣщенный, требовался иной человѣкъ. Такой человѣкъ явился.

Великому князю Павлу Петровичу было четыре года, когда императрица ввѣрила его воспитаніе бывшему повѣреннымъ въ дѣлахъ при версальскомъ дворѣ Ѳ. Д. Бехтѣеву, человѣку серьезному и умному; спустя два года, въ 1760 году, Елизавета Петровна ищетъ уже лицо[1]), которое могло ты замѣнить Бехтѣева, и выборъ ея останавливается на Панинѣ.

Никита Ивановичъ Панинъ получилъ отличное по тому времени образованіе, много путешествовалъ, былъ посланникомъ въ Копенгагенѣ, игралъ видную роль въ Стокгольмѣ, откуда только что возвратился. Онъ былъ избранникъ Бестужева, строгій послѣдователь его политической системы; съ перемѣною этой системы, когда Франція изъ врага стала союзникомъ Россіи, положеніе Панина въ Стокгольмѣ, гдѣ онъ такъ успѣшно боролся противъ французскаго вліянія[2]), стало невыносимо — онъ не могъ поддерживать Франціи, какъ того требовалъ новый канцлеръ Воронцовъ, и былъ отозванъ. Ему не было тогда и 42-хъ лѣтъ; онъ былъ уже генералъ-поручикомъ и дѣй-

[1]) L'Impératrice a été piquée du refus que le prince Pierre Galitzin a fait de la place de gouverneur du jeune Grand-Duc, qu'occupe M. Panin. Депеша *Лопиталя* отъ 5-го сентября 1760 годе (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 65, f. 11). Этотъ выборъ Панина представлялся всегда придворною загадкою: мѣсто оберъ-гофмейстера при великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ приближало къ императрицѣ, между тѣмъ какъ въ это именно время, въ 1760 году, Шуваловы и Воронцовъ, враги Панина, были всесильны. Кажется, выборъ долженъ быть объясняемъ личнымъ вліяніемъ Елизаветы Петровны: она давно знала Панина, была даже къ нему неравнодушна, что и заставило Шуваловыхъ добиваться его высылки изъ Петербурга, хотя бы и почетной — посланникомъ въ Копенгагенъ, когда ему было только 29-ть лѣтъ; теперь Панинъ не у дѣлъ, да и Шуваловымъ онъ уже не страшенъ — 42-хъ-лѣтній Панинъ не могъ уже быть конкуррентомъ И. И. Шувалова.

[2]) M-r Panin est un mauvais génie; instruit et stylé par M-r de Bestucheff il n'aime pas la France. Депеша *Даврэнкура*, французскаго посланника въ Стокгольмѣ, отъ 4-го января 1757 г. (*Париж. Архивъ*. Russie, vol. 51, f. 50). О дѣятельности Панина, какъ дипломата, см. „Бумаги Н. И. Панина" въ *Арх. кн. Воронцова*, XXVI, 33.

ствительнымъ камергеромъ. Назначеніе его оберъ-гофмейстеромъ Павла Петровича, выражая довѣріе къ нему императрицы, приближало въ то же время Панина къ великой княгинѣ. По отношенію Бестужева къ Екатеринѣ, Панинъ всегда былъ сторонникомъ великой княгини, которая теперь, въ глазахъ Панина, получала новую заслугу: она до конца пребыла вѣрною Бестужеву и даже пострадала въ интригѣ, направленной противъ него Воронцовымъ и Шуваловыми. Умный, спокойный Панинъ, ставъ воспитателемъ Павла Петровича, скоро убѣдился, что получавшіяся имъ еще въ Стокгольмѣ свѣдѣнія о положеніи великой княгини справедливы, и сблизился съ нею, сочувствовалъ ей, хотя и велъ себя крайне осторожно. Онъ давно уже видѣлъ, что воцареніе Петра Ѳедоровича, этого „истаго прусака", поведетъ къ окончательному паденію той старой политической системы, на служеніи которой Панинъ воспитался, которую проводилъ въ Копенгагенѣ и за которую боролся въ Стокгольмѣ; онъ не могъ помириться съ союзомъ Россіи съ Франціею, какъ же долженъ онъ былъ смотрѣть на предстоящій союзъ съ Пруссіею?

Къ этимъ политическимъ соображеніямъ присоединились скоро и чисто личныя. Незадолго до смерти Елизаветы Петровны, у изголовья умирающей стояли великій князь Петръ Ѳедоровичъ, медикъ императрицы и Панинъ; великій князь сообщалъ медику, какъ онъ расправится съ датчанами, „какъ только умретъ государыня", и обратился къ Панину:

„— А ты какъ думаешь о томъ, что я сейчасъ сказалъ?

„— Я не дослышалъ, ваше высочество, о чемъ шла рѣчь; я думалъ о печальномъ положеніи государыни.

„— А вотъ погоди немного, скоро я тебѣ ототкну уши и научу получше слушать".

Вскорѣ по воцареніи, Петръ III произвелъ генералъ-поручика Панина въ генералы отъ инфантеріи, что обязывало къ участію въ военныхъ экзерциціяхъ. Панинъ отказался отъ этой чести. Узнавъ объ отказѣ, императоръ сказалъ: „Меня увѣряли, что Панинъ умный чело-

вѣкъ: могу-ли я теперь этому вѣрить"? Наконецъ, въ концѣ марта, Петръ III предполагалъ отправить Панина опять въ Стокгольмъ, гдѣ онъ долженъ былъ теперь дѣйствовать прямо противъ тѣхъ началъ, которыя онъ проводилъ въ теченіи одиннадцатилѣтняго пребыванія въ Швеціи[1]).

Назначеніе Панина воспитателемъ Павла Петровича болѣе всего обрадовало Екатерину. Пустота, образовавшаяся по изгнаніи Бестужева, теперь заполнена; Панинъ — Бестужевъ № 2-й: онъ уменъ, сообразителенъ, остороженъ; съ нимъ можно говорить о государственныхъ дѣлахъ; онъ не введетъ въ бѣду, напротивъ — остережетъ при случаѣ. Разговоры Екатерины съ Панинымъ касались, конечно, и будущаго, причемъ выяснилось, что Панинъ противъ Петра Ѳедоровича, но не за Екатерину, а за Павла Петровича. Насколько эти разговоры были часты и откровенны, можно судить по тому, что въ 1761 году, когда Елизавета Петровна часто уже бывала больна, Панинъ пришелъ однажды къ Екатеринѣ и разсказалъ ей свой разговоръ съ фаворитомъ Шуваловымъ. По словамъ Панина, Шуваловъ открылъ ему, что, по общему мнѣнію, Петръ Ѳедоровичъ неспособенъ быть императоромъ, что воцареніе его будетъ бѣдствіемъ для Россіи, что, вслѣдствіе этого, всѣ желаютъ, чтобъ ЕлизаветПѣ етровнѣ наслѣдовалъ Павелъ Петровичъ, но что одни предполагаютъ выслать изъ Россіи только отца его, другіе же отца и мать. Въ отвѣтъ на это откровеніе Шувалова, Панинъ категорически отвергъ всѣ подобные „проекты", говоря, что „того перемѣнить не можно, что двадцать лѣтъ всѣми клятвами утверждено". Передавая такъ свой разговоръ съ Шуваловымъ, Панинъ высказалъ Екатеринѣ, уже какъ свое личное мнѣніе, что если больной Елизаветѣ Петровнѣ предложить выслать отца, а оставить мать съ сыномъ, „то большая въ томъ вѣроятность, что она на то склониться можетъ"[2]). Потерялъ-ли бывалый Шуваловъ настолько

---

[1]) *Assebürg*, 316; *Русскій Архивъ*, 1879, I, 363; *Арх. кн. Воронцова*, XXI, 43; депеша *Гольца* отъ 30-го марса 1762 г.; Щ*ебальскій*, 50. — [2]) *Русск. Архивъ*, 1763, 383 (566); *Сборникъ*, XLII, 434. Черновая „собственноручная записка" Екатерины сохранилась съ помарками и

голову въ моментъ болѣзни Елизаветы Петровны, чтобъ такъ легкомысленно откровенничать съ своимъ врагомъ, Панинымъ, зная напередъ, что получитъ отъ него въ отвѣтъ категорическій отказъ съ указаніемъ на долгъ присяги, или осторожный Панинъ вложилъ въ уста всесильнаго фаворита свое личное мнѣніе — все равно: остается несомнѣннымъ, что еще при жизни Елизаветы Петровны Екатерина обсуждала уже съ Панинымъ вопросъ о своемъ будущемъ положеніи. Въ царствованіе же Петра III Панинъ категорически высказалъ свое мнѣніе, и оно вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ, что онъ ранѣе приписывалъ Шувалову: „Панинъ хотѣлъ, чтобъ переворотъ совершился въ пользу моего сына“[1]), пишетъ Екатерина.

Не смотря на выработанную жизнью осторожность и на природную флегму Панина, онъ, какъ человѣкъ, по своему придворному положенію близкій Екатеринѣ, не могъ не обсуждать съ нею ея будущаго положенія, когда объ этомъ думали и говорили съ великою княгинею лица, совершенно ей чужіе, мало даже знавшіе Екатерину.

Въ 1750 году, ко двору были приняты двѣ дочери графа Романа Воронцова: 14-ти-лѣтняя графиня Марья Романовна была сдѣлана фрейлиною императрицы и позже вышла замужъ за графа Бутурлина; 11-ти-лѣтняя сестра ея, графиня Елизавета Романовна, была помѣщена къ великой княгинѣ и впослѣдствіи разыгрывала роль любовницы великаго князя[2]). Положеніе, занятое графинею Елизаветою Романовною, вполнѣ уже опредѣлилось, когда Екатерина увидѣла младшую ихъ сестру, графиню Екатерину Романовну.

Крестница императрицы и великаго князя, графиня Екатерина Воронцова жила въ домѣ своего дяди, вице-

---

сокращеніями; издатели восполнили всѣ сокращенія, кромѣ послѣдняго: „у п. н. я., что у т. н. у.“, т. е.: у пьянаго на языкѣ, что у трезваго на умѣ. *Castéra*, I, 218; *Rulhière*, 66.

[1]) *Jacob*, 4; *Арх. кн. Воронцова*, XXV, 415; *Laveaux*, I, 248; *Goudar* 33; *Rulhière*, 66. — [2]) *Mémoires*, 128, 248, 277, 289. Строгій, повидимому, отзывъ Екатерины о фрейлинѣ графинѣ Елизаветѣ Воронцовой подтверждается очевидцами: *Гордтъ*, 318; *Beauclair*, 94; *Rulhière*, 32; *Masson*, I, 254; какъ ошибается *Гордтъ*, 322, такъ и *Болотовъ*, II,

канцлера графа Воронцова и воспитывалась вмѣстѣ съ его дочерью, графинею Анною Михайловною, своею двоюродною сестрою. Воспитаніе юныхъ графинь ограничивалось усвоеніемъ иностранныхъ языковъ и умѣньемъ танцовать. Графиня Екатерина Романовна едва говорила по-русски и уже будучи замужемъ стала изучать русскій языкъ. Она любила чтеніе и все свободное время, а его было много, проводила за книгами[1]). Осенью 1758 года, на вечерѣ у гр. М. И. Воронцова, великая княгиня впервые увидѣла 15-ти-лѣтнюю его племянницу, уже невѣсту князя Дашкова, и очаровала ее своею любезностью. Вскорѣ послѣ свадьбы, въ 1759 году, княгиня Дашкова уѣхала въ Москву, гдѣ, въ семьѣ мужа, прожила два года и только въ іюлѣ 1761 года возвратилась въ Петербургъ. Въ это время императрица жила въ Петергофѣ, великая княгиня — въ Ораніенбаумѣ, а княгиня Дашкова — между Ораніенбаумомъ и Петергофомъ, на дачѣ дяди, канцлера Воронцова. Съ разрѣшенія императрицы, великая княгиня каждую недѣлю пріѣзжала въ Петергофъ навѣстить сына; на возвратномъ пути, она останавливалась иногда у дачи гр. Воронцова, вызывала княгиню Дашкову и увозила ее съ собою въ Ораніенбаумъ на цѣлый вечеръ. Съ переѣздомъ двора въ городъ, и эти по времени немногочисленныя свиданія прекратились.

За нѣсколько дней до кончины Елизаветы Петровны больная княгиня Дашкова ночью явилась во дворецъ къ великой княгинѣ, которая была уже въ постели. „Я не могу быть спокойною, говорила Дашкова, видя грозовыя тучи, скопляющіяся надъ вашей головой. Бога ради, довѣрьтесь мнѣ: я достойна вашего довѣрія и надѣюсь заслужить его еще болѣе — скажите, какой вашъ планъ? Что вы думаете дѣлать для своей безопасности? Императрицѣ остается жить лишь нѣсколько дней, быть можетъ

195, не могъ видѣть ее въ апрѣлѣ „въ екатерининской алой кавалеріи“, которую она получила только 9-го іюня 1762 года: депеша *Мерси Аржанто* въ *Сборникѣ*, XVIII, 400; *Карабановъ*, 472.

[1]) *Арх. кн. Воронцова*, XVI, 64; XXI, 10; XXXII, 103.

нѣсколько часовъ; если я могу быть вамъ полезною — приказывайте, руководите мною"[1])

Такія рѣчи, ночью, во дворцѣ, въ устахъ 17-ти-лѣтней Дашковой сразу образумили Екатерину, понимавшую, что съ государственными переворотами шутить нельзя — Екатерина отреклась отъ всего: никакого плана у нея нѣтъ, она полагается только на Бога . . .

---

[1]) *Арх. кн. Воронцова*, XXI; 32; *Rulhière*, 57.

XXXIII.

Екатеринѣ 33-й годъ. Она сознательно относится къ окружающимъ ее лицамъ, вполнѣ понимаетъ совершающіяся вокругъ нея событія. 17 лѣтъ, проведенныя ею въ Россіи, не пропали даромъ — она сжилась съ русскимъ дворомъ, сама стала русскою, яснѣе многихъ русскихъ людей видитъ куда поведетъ Россію ея супругъ, наслѣдникъ императрицы, и ужъ, конечно, лучше всѣхъ сознаетъ, что ожидаетъ ее по смерти Елизаветы Петровны.

Со времени „царскосельскаго припадка", въ настроеніи духа императрицы замѣчается значительная перемѣна. Всегда веселая, живая, охотница до развлеченій всякаго рода, она становится теперь серьезнѣе, рѣже участвуетъ въ придворныхъ увеселеніяхъ, охотнѣе остается во внутреннихъ покояхъ, строже соблюдаетъ посты, усерднѣе прежняго молится, но, по-прежнему, ведетъ вредный для ея здоровья, неправильный образъ жизни: ночь превращаетъ въ день, день — въ ночь[1]). Подробности частной

---

[1]) L'Impératrice ne connait point d'heures reglées; Elle soupe à minuit et se couche à 4 h. du matin. Elle mange beaucoup et fait souvent des jeunes très long et très austères. Depuis peu Elle est tombée dans une dévotion si grande et si singulière qu'elle tient plus de l'idolâtrie que de la regilion. Депеша *Лопиталя*, отъ 24-го декабря 1757 года (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 54, f. 159). Спустя годъ, въ депешѣ отъ 6-го января 1759 года: L'Impératrice est tombée dans une superstition singulière. Elle reste des heures entières devant une image à laquelle Elle a grande dévotion — Elle lui parle, Elle la consulte. Elle vient à l'opera à 11 heures du soir, soupe à une heure et se couche à 5 heures (*Ibid.*, vol. 59, f. 7). *Лафермьеръ*, 190.

жизни Елизаветы Петровны интересовали въ то время всю Европу; ни для кого не было тайной, что кончина императрицы станетъ политическимъ событіемъ, которое измѣнитъ ходъ военныхъ дѣлъ. Какъ въ Берлинѣ и Лондонѣ, такъ въ Парижѣ и Вѣнѣ были убѣждены, что преемникъ императрицы совершенно и рѣзко измѣнитъ русскую политику, и если не обратитъ русскаго оружія противъ союзниковъ, то, во всякомъ случаѣ, немедленно прекратитъ всѣ враждебныя дѣйствія противъ Пруссіи. Особенно опасались смерти императрицы въ Копенгагенѣ: очевидно, что великій князь, ставъ императоромъ, заговоритъ о голштинскихъ дѣлахъ уже инымъ языкомъ. Но нигдѣ этой перемѣны не ожидали съ такимъ напряженнымъ волненіемъ, какъ въ Петербургѣ, преимущественно же въ покояхъ великой княгини.

Въ послѣднее время Елизавета Петровна вполнѣ примирилась съ Екатериной, относилась къ ней довольно милостиво. Какъ и прежде, Екатерина не преувеличивала значенія этой милости: „Поздравляю себя, пишетъ она, съ рождающеюся милостью ко мнѣ, но я должна въ ней сомнѣваться — мнѣ будутъ всегда льстить, когда и сколько будутъ недовольны великимъ княземъ“ [1]). Елизавета Петровна давно уже недовольна великимъ княземъ. „Племянникъ мой уродъ, чортъ его возьми“ и т. под. [2]) восклицанія слышались еще три года назадъ; въ послѣднее же время, увлеченіе великаго князя Фридрихомъ II, противъ котораго Россія вела войну, особенно раздражало и печалило императрицу. Французская партія хотѣла воспользоваться этимъ неудовольствіемъ Елизаветы Петровны на своего племянника, и въ самомъ началѣ 1761 года французскій посланникъ Бретэль имѣлъ по этому поводу любопытный разговоръ съ канцлеромъ Воронцовымъ.

Посланникъ заявилъ канцлеру, что въ городѣ упорно держится слухъ, будто императрица намѣрена назначить своимъ преемникомъ великаго князя Павла Петровича, устранивъ отъ престола своего племянника, которымъ она недовольна. Воронцовъ былъ нѣсколько смущенъ подоб-

---

[1]) *Сборникъ*, VII, 98. — [2]) *Mémoires*, 329.

нымъ вопросомъ, къ тому же поставленнымъ такъ рѣзко, но скоро оправился и сказалъ, что императрица и въ мысляхъ никогда не имѣла ничего подобнаго, хотя, прибавилъ канцлеръ, онъ не можетъ отрицать, что императрица ненавидитъ великаго князя, своего племянника, и что Петръ Ѳедоровичъ причиняетъ императрицѣ крайне несносныя огорченія. Тогда Бретэль передалъ Воронцову, со словъ датскаго посланника Остена, пользовавшагося полнымъ довѣріемъ Екатерины, что великая княгиня не разъ увѣряла барона Остена, что она предпочитаетъ быть матерью императора, чѣмъ супругою, и что она считала бы счастливѣйшимъ днемъ своей жизни тотъ день, когда императрица рѣшилась бы отстранить отъ престола ея супруга и возложить корону на голову ея сына; великая княгиня надѣется, что въ этомъ случаѣ она имѣла бы болѣе власти и болѣе участія въ управленіи страною, чѣмъ оставаясь супругою императора. Воронцовъ не отрицалъ этого взгляда великой княгини, сказалъ Бретэлю что его свѣдѣнія въ этомъ отношеніи совершенно точны, и прибавилъ, что великая княгиня вполнѣ способна внушить императрицѣ ту смѣлость, которая необходима, чтобъ принять подобное рѣшеніе[1]).

Въ какой формѣ ни происходилъ бы этотъ разговоръ — вполнѣ довѣрять Бретэлю нельзя — важно, однако, что канцлеръ Воронцовъ выслушиваетъ подобныя рѣчи о видахъ великой княгини на будущее. Французская партія заботилась, конечно, не о Екатеринѣ, а объ интересахъ Франціи. Каждое извѣстіе о болѣзненныхъ припадкахъ Елизаветы Петровны приводитъ въ ужасъ французскаго посланника именно по отношенію къ великому князю, какъ противнику анти-прусской коалиціи; какъ бы въ видѣ утѣшенія, Бретэль прибавляетъ, что великій князь ненавидимъ всѣми, но сознаетъ, что, въ случаѣ его воцаренія, рабское послушаніе и страхъ обуяютъ всѣми, какъ было и при воцареніи Елизаветы Петровны[2]).

---

[1]) Депеша *Бретэля,* отъ 15-го февраля 1761 г., въ *Парижс. Архивѣ,* Russie, vol. 66, f. 47; *Castèra,* I, 219.

[2]) Dans les circonstances présentes le malheur de voir l'Impératrice

Партія прусская, ничтожная числомъ и къ тому же обязанная скрывать свои симпатіи, напротивъ, возлагала всѣ свои надежды на воцареніе Петра Ѳедоровича. Только смерть Елизаветы Петровны могла спасти Фридриха II. Въ Берлинѣ хорошо знали, что фаворитъ Шуваловъ хлопоталъ уже о присоединеніи занятой русскими войсками Восточной Пруссіи, тая скромное желаніе титуловаться „duc de Prusse"[1]): Биронъ, фаворитъ Анны Ивановны, сталъ же герцогомъ Курляндскимъ; Кириллъ Разумовскій, братъ его предмѣстника,носитъ же титулъ гетмана Украйны — отчего же Шувалову не быть герцогомъ Прусскимъ?

Съ тѣхъ поръ какъ, въ февралѣ 1760 года, великій князь подалъ императрицѣ письменный отзывъ по датско-голштинской распрѣ, въ которомъ онъ категорически заявилъ, что никогда не откажется отъ своихъ правъ на Шлезвигъ и ни на что не promѣняетъ свою Голштинію[2]),

---

mourir ne serait pas petit, car plus je vois le Grand-Duc, plus je m'informe de ses sentiments et plus je suis autorisé à penser qu'ils sont bien éloignées d'être favorable, ou même raisonnable, sur les vues de notre alliance. Депеша отъ 23-го іюля 1761 года (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 62, pièce 66; vol. 67, pièce 83). Въ депешѣ отъ 25-го сентября, извѣщая, что императрица не выходитъ уже изъ комнаты: M. le Grand-Duc, craint et méprisé de ses futurs sujets, haï de sa bienfaitrice (*Ibid.*, vol. 66, pièce 73). Въ депешѣ отъ 7-го декабря: Quand j'examine la haine de la nation pour le Grand-Duc, les écarts de ce prince, je suis tenté de voir la révolution la plus entière; mais quand je fais attention à la tournure pusillanime et basse des gens à portée de lever le masque je vois la crainte et l'obéissance servile prendre le dessus avec la même tranquillité qu'au moment de l'usurpation de l'Impératrice (*Ibid.*, vol. 67, f. 149).

1) Объ этомъ герцогъ *Шуазель* извѣщаетъ Бретэля въ рескриптѣ отъ 6-го октября 1760 г. (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 63, pièce 12). Въ депешѣ *Бретэля* отъ 22-го іюля разсказывается, какъ однажды, фаворитъ Шуваловъ, въ присутствіи доктора Кондоиди, соблазнялъ Елизавету Петровну присоединеніемъ Восточной Пруссіи, говоря, что вся Германія будетъ у ея ногъ, когда русскія войска будутъ стоять наготовѣ въ Кенигсбергѣ, на что императрица замѣтила своему фавориту: „Taisez vous — vous êtes un enfant; nous ne l'avons pas encore, et nous nous en sommes bien passés jusqu'ici" (*Ibid.*, vol. 63, pièce 6).

2) M. le Grand-Duc a remis sa réponse à l'Impératrice sur l'échange du Holstein: ce prince persiste à concerver tous ses prétendus droits

въ Даніи начали готовиться ко всякимъ случайностямъ: подкупили Брокдорфа, заручились содѣйствіемъ Франціи, приготовились секвестровать всю Голштинію и, по мѣрѣ полученія извѣстій о болѣзненныхъ припадкахъ Елизаветы Петровны, вооружали войска и наполняли магазины, будучи увѣрены, что эта распря приведетъ къ войнѣ. Въ Копенгагенѣ не могли ошибаться на этотъ счетъ: еще осенью 1761 года великій князь рѣшилъ и ни отъ кого не скрывалъ своего намѣренія лично вести войска противъ Даніи на защиту своихъ голштинскихъ земель[1]).

Екатерина, своимъ поведеніемъ въ это время, ясно доказала и пріобрѣтенный ею жизненный опытъ, и полное сознаніе своихъ поступковъ. Ея отношенія къ представителямъ иностранныхъ дворовъ обрисовывали ея политическій смыслъ; ея связи съ наиболѣе вліятельными при императрицѣ лицами и съ выдающимися русскими людьми показывали ея житейскій тактъ.

Въ то время какъ великій князь грубо отталкивалъ всѣ датскія предложенія, не желая даже входить въ ихъ обсужденіе, Екатерина оказывала наибольшее довѣріе именно датскому посланнику, барону Остену[2]). Великимъ княземъ руководили въ данномъ случаѣ не какія-либо го-

---

sur le duché de Sleswick et veut garder le Holstein. Депеша отъ 18-го февраля 1760 г. (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 64, pièce 2). Приложеніе VIII, 3.

[1]) Le Danemark a promis 250 mille livres à M. Brocdorf pour récompense de ses succès. Депеша отъ 15-ги февраля 1761 года (*Париж. Архивъ*, Russie vol. 66, pièce 13), Promemoria remis par M. Schoumacher, ministre-résident de Danemark; Articles pour la négociation avec le Grand-Duc (*Ibid.*, vol. 67, pièse 42). Въ депешѣ отъ 17-го іюня 1761 года: Le Grand-Duc pris depuis quelques jours de l'alarme sur son Holstein. Il lui revient de toutes parts que le roi de Danemark veut le mettre en sequestre (*Ibid.*, vol. 67, pièce 71). Въ депешѣ отъ 15-го ноября 1761 года приводятся слова канцлера Воронцова: Le Grand-Duc s'est mis dans la tête que l'Impératrice devait envoyer dans le Holstein 15 ou 20 mille hommes pour le défendre contre le roi de Danemark s'il voulait s'en emparer, et Son Altesse Impériale veut les aller commander (*Ibid.*, vol. 67, pièce 138).

[2]) Депеша *Бретэля* отъ 15-го февраля 1761 года, въ *Париж. Архивъ*, Russie, vol. 66, pièce 13.

сударственныя соображенія, не интересы Россіи[1]), а мелочной, совершенно неумѣстный партикуляризмъ, вредный, прежде всего, для него самого, какъ наслѣдника русскаго престола. Онъ изъ-за Голштиніи не видѣлъ Россіи и командованіе отрядомъ войскъ ставилъ выше управленія имперіей. Екатерина не безъ тайнаго злорадства услышала о желаніи великаго князя лично вести войска противъ Даніи: великая княгиня хорошо знала, что онъ никогда не посмѣетъ даже предложить подобную нелѣпость императрицѣ и что Елизавета Петровна ни въ какомъ случаѣ не согласится на подобный „прелестный проектъ"[2]); но Екатерина также твердо была увѣрена, что великій князь, упрямый и капризный, не откажется отъ этой нелѣпой мысли, засѣвшей въ его мозгахъ, и рано или поздно приведетъ ее въ исполненіе. Этою нелѣпостью Екатерина воспользуется; какъ и въ какой мѣрѣ — это покажутъ ближайшія обстоятельства. Не даромъ же Панинъ и другіе построили весь успѣхъ своихъ намѣреній именно на отъѣздѣ Петра Ѳедоровича въ датскій походъ.

Съ англійскимъ посланникомъ Кейтомъ Екатерина сблизилась тотчасъ же по пріѣздѣ его въ Петербургъ и, быть можетъ, по указанію Уильямса, сблизилась настолько, что вскорѣ же заняла у него небольшую сумму денегъ. Екатерина всегда нуждалась въ деньгахъ, но въ то время эта нужда была особенно чувствительна вовсе не по политическимъ цѣлямъ[3]), а по чисто домашнимъ. Кейтъ,

---

[1]) L'amour de la Russie, celui que ce priuce devrait aux alliés de cet empire, n'entre pour rien dans ses calculs, et la raison d'état ou de convenance lui sont également inconnues. M. de Woronzoff me disait encore hier, que c'était parler à un sourd. Депеша *Бретэлл* отъ 24-го сентября 1761 года (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 67, pièce 97).

[2]) M. le Grand-Duc n'a point encore osé faire cette proposition peu raisonnable à l'Impératrice, mais il s'en est ouvert avec chaleur au chambellan et il l'a chargé de la communiquer au chancelier de façon à lui faire sentir qu'il le rendrait responsable des obstacles que l'Impératrice mettrait à ce beau projet. Депеша *Бретэлл*, отъ 15-го ноября 1761 г. (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 67, pièce 138).

[3]) M. Keith dans les premiers temps de son séjour ici prêta de l'argent à cette princesse se flattant alors quil gagnait par là le premier ressort des affaires au changement du règne. Депеша *Гольца* отъ 6-го

однако, не слѣдовалъ по стопамъ своего предшественника: онъ завелъ сношенія съ великимъ княземъ, чего уже было совершенно достаточно, чтобъ оттолкнуть отъ себя великую княгиню, хотя она, вѣроятно, и не знала о шпіонствѣ великаго князя при посредствѣ Кейта.

Къ французскому и австрійскому посламъ, особенно къ французскому, великая княгиня относилась въ высшей степени привѣтливо и не опускала случая оказывать имъ всякія любезности съ тѣхъ поръ, какъ французское правительство выказало свою предупредительность по поводу дѣлъ ея матери, умершей въ Парижѣ. Прося барона Бретэля передать королю Людовику XV о ея уваженіи и признательности, она прибавила: „Я рождена не неблагодарною и воспитана въ любви къ французской націи, которой я наиболѣе сочувствовала; теперь ваши услуги вновь возродили во мнѣ это чувство“ и т. д.[1]). Бретэль, вовсе не рожденный быть дипломатомъ, объяснялъ эту склонность великой княгини къ Франціи желаніемъ Екатерины достигнуть, при посредствѣ французскаго вліянія, возвращенія графа Понятовскаго въ Петербургъ[2]) — Бретэль, очевидно, и не подозрѣвалъ о значеніи артиллерійскаго капитана Орлова.

іюля 1762 г. *Берлин. Архивъ*, Russland, 1762). Это объясненіе свидѣтельствовало бы о легкомысленности Кейта; но оно, вѣроятно, принадлежитъ Гольцу и также невѣрно, какъ извѣстіе, будто Екатерина, уже по воцареніи Петра III, обращалась къ Кейту съ просьбою о займѣ. *Щебальскій*, 60.

[1]) Je ne suis point née ingrate . . . J'ai été élevée pour aimer les français; j'ai eu longtemps un goût de préférance pour eux et c'est un sentiment que vos services me rendront etc. Депеши *Бретэля*, отъ 5-го сентября и 26-го іюля 1761 года: M. la Grande-Duchesse m'assure souvent de ses sentiments pour le roi, de son goût renaissant pour la nation (*Ibid.*, vol. 67, pièce 75).

[2]) Депеша отъ 2-го августа 1760 года, въ *Париж. Архивѣ*, Russie, vol. 63, pièce 10. Даже въ депешѣ отъ 30-го января 1761 года встрѣчается слѣдующее мѣсто: M. Poniatowski a envoyé ses lettres de rappel. Cet événement n'a pas fait la sensation d'humeur que l'on croyait sur M. la Grande-Duchesse. Je suppose que cette retenue est plustôt de fruit de la réflexion que de l'inconstance (*Ibid.*, vol. 62, pièce 42).

Вообще, въ это время, на придворныхъ выходахъ и куртагахъ, при всѣхъ представлявшихся случаяхъ, великая княгиня охотно высказывала свои взгляды, какъ бы желая, чтобъ ее узнали, чтобъ ея мнѣнія стали общеизвѣстны[1]). Екатерина вѣрно разсчитала — она могла отъ этого только выиграть, тѣмъ болѣе, что императрица, часто уже недомогавшая, рѣдко присутствовала на публичныхъ куртагахъ и ея подозрительность не сдерживала болѣе великую княгиню.

Осенью 1761 года, незадолго до сметри Елизаветы Петровны, довольно ничтожное обстоятельство — нарушеніе придворнаго этикета, l'étiquette du baisement de main — чрезвычайно рельефно обрисовало положеніе Екатерины и отношеніе къ ней какъ императрицы, такъ и русскихъ людей, бывшихъ въ то время у власти. При дворѣ Елизаветы Петровны установился обычай, что 24 ноября, въ день св. Екатерины, во время принесенія поздравленій великокняжеской четѣ съ тезоименитствомъ великой княгини, всѣ цѣлуютъ руку не только великой княгини, но и великаго князя, который, въ отвѣтъ на это обнимаетъ. Въ 1760 году, представители французскаго двора нарушили этотъ этикетъ: супруга французскаго посла, г-жа Бретэль, не поцѣловала руку великой княгини, а посолъ Бретэль не поцѣловалъ руку великаго князя. Это, конечно, было замѣчено всѣми; при великокняжескомъ дворѣ поднялись толки, пересуды. Разговаривая съ австрійскимъ посломъ, гр. Эстергази, Екатерина призналась, что даже не обратила на это вниманія — ей придворные уже сказали, что г-жа Бретэль дѣйствительно не поцѣловала у нея руки; но, прибавила она, великій князь хорошо замѣтилъ, что Бретэль не поцѣловалъ его руки. Такъ, разговорами, вѣрнѣе сказать ничѣмъ, дѣло и окончилось: въ 1760 году

---

[1]) M. la Grande-Duchesse parle beuucoup aux personnes qui ne lui déplaisent pas et veut même qu'on la connaisse. Vous en sentez toutes les raisons — elle tient autant à son caractère décidé qu'à son état d'héritière. Депеша *Бретэля* отъ 18-го сентября 1860 г. (*Париж. Архивъ,* Russie, vol. 63, pièce 22). A l'absence de l'Impératrice M. la Grande-Duchesse s'y trouve plus à son aise. Депеша отъ 22-го октября 1761 года (*Ibid.*, vol. 67, pièce 127).

ни императрица, ни вліятельные ея царедворцы не считали нужнымъ обратить вниманіе на нарушеніе этикета по отношенію къ великокняжеской четѣ[1]). Спустя годъ, значительно меньшее нарушеніе этикета, касавшееся одной только великой княгини, и не въ день ея тезоименитства, а во время простого куртага, подняло цѣлую бурю.

Лѣтомъ 1761 года прибыло въ Петербургъ испанское посольство — резидентъ маркизъ Альмодаваръ съ супругою. Въ августѣ была пріемная аудіенція, а на 30-е сентября былъ назначенъ первый куртагъ, на который былъ приглашенъ испанскій резидентъ съ супругою. Отправляясь на куртагъ, испанцы задумались: должна-ли жена резидента, маркиза л'Альмодаваръ, цѣловать руку у великой княгини? При отъѣдѣ изъ Мадрида резиденту сказали, чтобъ онъ, относительно этикета, сообразовался во всемъ съ указаніями французскаго посла Бретэля; испанцы спросили у француза, франзузъ сказалъ, что не должна. Явились на куртагъ. Маркизъ поцѣловалъ руку императрицы и великой княгини; маркиза же только у императрицы. Не смотря на то что, что оберъ-церемоніймейстеръ баронъ Лефортъ напомнилъ маркизѣ о необходимости поцѣловать руку и великой княгини, маркиза сдѣлала видъ, что не слышитъ этого напоминанія, и ограничилась поклономъ. Императрица, фаворитъ Шуваловъ, канцлеръ Воронцовъ — всѣ возмутились такимъ нарушеніемъ этикета, сопряженнымъ съ неуваженіемъ къ великой княгинѣ. На другой же день, канцлеръ потребовалъ у испанскаго резидента объясненій; резидентъ сослался на Бретэля, указаніямъ котораго ему предписано слѣдовать. Вызвали Бретэля. Французскій посланникъ никогда еще не видѣлъ канцлера въ такомъ возбужденномъ состояніи: даже самый серьезный политическій вопросъ никогда еще не обсуждался канцлеромъ съ такимъ жаромъ, какъ этотъ вопросъ пустого тщеславія. Графъ Воронцовъ заявилъ,

---

[1]) Случай этотъ разсказанъ въ депешѣ *Бретэля* отъ 7-го октября 1760 г.; разговоръ Екатерины съ графомъ Эстергази законченъ словами; Je n'y avait pas fait attention, c'est le monde qui me l'a dit; mais le Grand-Duc a très bien remarqué (*Парижъ*, *Архивъ*, Russie vol. 63, pièce 48).

что обычай цѣловать руку великой княгини установленъ съ 1726 года; что жены саксонскаго и польскаго резидентовъ цѣловали, при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, руку принцессы Анны, которая даже не титуловалась императорскимъ высочествомъ. Баронъ Бретэль не противорѣчилъ, но замѣтилъ, что необходимо же дѣлать относительно знаковъ почтенія различіе между императрицей и великой княгиней. Канцлеръ согласился съ этимъ, но указалъ на женъ резидентовъ датскаго и голландскаго, которыя цѣлуютъ же руку великой княгини. Бретэль объяснилъ это такъ: жена датскаго резидента цѣлуетъ руку по родству датской династіи съ гольштинкою, а жена голландскаго потому, что сама русская уроженка. Въ переговорахъ принялъ участіе и присутствовавшій при этомъ фаворитъ Шуваловъ: онъ допускалъ, что маркизъ Альмодаваръ и баронъ Бретэль могутъ никогда не цѣловать руку великаго князя, но съ жаромъ доказывалъ необходимость, чтобъ жены ихъ цѣловали руку великой княгини. Бретэль на это возразилъ: „по отношенію къ великой княгинѣ наши жены то же самое, что мы по отношенію къ великому князю"[1]. Шуваловъ и Воронцовъ находили этотъ взглядъ ошибочнымъ. Обѣ стороны остались при своихъ мнѣніяхъ.

Бретэль помнилъ случай, бывшій съ нимъ годъ назадъ, и былъ убѣжденъ, что и нынѣшній кончится тоже ничѣмъ. Онъ очевидно не зналъ, насколько возросло за этотъ годъ значеніе великой княгини. Между тѣмъ, самая процедура дѣла, по своей необыкновенной спѣшности, свидѣтельствовала, что на эту „авантюру" обращено особенное вниманіе: куртагъ состоялся 30-го сентября; 6-го октября происходило объясненіе съ Бретэлемъ; 7-го секретарь церемоніймейстерскихъ дѣлъ ассессоръ Рѣшетовъ объявилъ маркизу Альмодавару и барону Бретэлю, что впредь ихъ жены на куртаги приглашаемы не будутъ, а 9-го октября

[1]) Cette aventure à excité le cri général de la vanité . . . Il faut pourtant mettre une différence dans ces démonstrations respectueuses entre l'Impératrice et la Grande-Duchesse , . . Le chancelier m'a paru plus vif sur cette tracasserie qu'il ne l'est pour l'ordinaire sur des choses plus sérieuses . . . Nos femmes sont par raport à M. la Grande-Duchesse ce que nous sommes par rapport au Grand-Duc. Депеша *Бретэля*, отъ 22-го октября 1761 года (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 67, pièces 126).

былъ уже отправленъ къ русскому представителю въ Парижѣ графу П. Г. Чернышеву грозный рескриптъ императрицы съ подробнымъ разъясненіемъ, какую „подалъ намъ королевской французской полномочной министръ баронъ Бретэль причину къ справедливому неудовольствію". Подобный же рескриптъ, съ требованіемъ удовлетворенія, былъ въ тотъ же день изготовленъ и князю Репнину, русскому полномочному министру въ Мадридѣ.

Въ рескриптѣ графу Чернышеву сообщалось, что баронъ Бретэль и его жена, „вопреки установленному единожды на всегда при дворѣ нашемъ обыкновенію, которое общимъ и безпорнымъ чрезъ столь долгое время послѣдованіемъ со стороны бывшихъ здѣсь прежде и нынѣ дѣйствительно находящихся министровъ коронованныхъ главъ получило издавна силу неотмѣннаго правила" *вздумали* не цѣловать руку „у ея императорскаго высочества великой княгини нашей любезнѣйшей племянницы". Послѣ пространнаго историческаго разъясненія этого „обыкновенія" слѣдовало шифрованное повелѣніе: „высочайше повелѣваемъ мы вамъ формальное сдѣлать королевскому французскому министерству представленіе, что мы за опытъ особливаго къ намъ съ королевской стороны уваженія почтемъ, есть-ли бы его величество барона Бретэля отозвать, а на его мѣсто кого другого опредѣлить изволилъ"[1]).

Быстрота разслѣдованія, рѣзкій тонъ рескрипта и требованіе отозванія — все свидѣтельствуетъ, что великая княгиня пользуется милостью императрицы, что не только канцлеръ Воронцовъ, но и фаворитъ Шуваловъ стараются угодить великой княгинѣ. Поведеніе Бретэля вызвало неудовольствіе во всѣхъ сторонникахъ Екатерины.

Бретэлемъ были недовольны и въ Парижѣ. Графъ Брольи, министръ иностранныхъ дѣлъ, упрекалъ французскаго представителя въ Петербургѣ, что онъ „обо всемъ извѣщалъ слишкомъ поздно" и въ длинномъ письмѣ перечислялъ рядъ промаховъ, сдѣланныхъ Бретэлемъ съ кон-

---

1) *Русск. Архивъ*, 1870, стр. 1417.

ца 1761 года[1]). Въ данномъ случаѣ, Бретэль, полагаясь, вѣроятно, на постоянную любезность къ нему Екатерины, не придавалъ серьезнаго значенія „авантюрѣ"[2]), которая, однако, набросила довольно темную тѣнь на его дипломатическую карьеру. Въ концѣ 1761 года онъ самъ считалъ необходимымъ объяснить своему министерству, почему, постоянно сообщая въ своихъ депешахъ о Екатеринѣ, о ея взглядахъ, отзывахъ и поступкахъ, онъ ни разу въ теченіе всего года не упоминалъ о Петрѣ Θедоровичѣ: „поведеніе великаго князя до такой степени жалко, что о немъ нельзя говорить въ выраженіяхъ, которыя не нарушали бы должнаго къ его сану уваженія[3])"; и, тѣмъ не менѣе, онъ не былъ въ состояніи оцѣнить поведеніе великой княгини. Бретэль проглядѣлъ Екатерину. Какъ и его предшественникъ, онъ видѣлъ спасеніе Россіи только въ „появленіи второго Петра Великаго", сознавалъ, что „вторымъ Петромъ никогда, конечно, не будетъ Петръ Θедоровичъ"[4]); но какъ Бретэль, такъ и Лопиталь не предполагали, что роль, предназначаемая ими для мужчины, можетъ былъ съ успѣхомъ разыграна тою женщиною, которая такъ мило любезничала съ ними.

Да и откуда имъ было знать Екатерину? Весь 1760 годъ она прожила въ уединеніи, никого не принимая. Она

---

[1]) Le comte de *Broglie* au baron de Breteuil, *въ Парижс. Архивъ*, Russie, vol. 62, pièce 71.

[2]) *Бретэль*, въ депешѣ отъ 22-го октября 1761 года, сообщаетъ, что хотя Екатерина и стоитъ за обычай цѣлованія руки, но не ставитъ ему въ вину эпизодъ 30-го сентября: Elle est plus aimable avec moi que jamais (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 67, pièce 127).

[3]) Je ne vous parle presque jamais de M. le Grand-Duc — sa conduite est si pitoyable qu'on pourrait difficillement en rendre compte dans des termes qui n'offensassent pas le respect dû à sa dignité. Депеша *Бретэля*, отъ 22-го окт. 1761 г. (*Париж. Архивъ*, vol. 67, pièces 127),

[4]) Cette cour ne ressemble à rien par les lenteurs et les incertitudes; tout semble aller comme il plait à Dieu — c'est assez dire. Il n'y a ni fonds, ni principes. Chaque événement confirme cette vérité, Le despotisme et la barbarie reprennent à grand pas leurs droits. Il faudrait qu'il revint un second Pierre le Grand et ce ne sera certainement pas le Grand-Duc de Russie. Депеша отъ 14-го іюня 1758 года (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 56, f. 298).

много въ это время читала, еще болѣе думала, обсуждая свое положеніе, и, по временамъ, набрасывала свои мысли на бумагу. Доступъ къ ней былъ очень труденъ, и кромѣ фрейлинъ, которымъ она не симпатизировала, только графиня Прасковья Александровна Брюсъ[1]) часто видѣла великую княгиню. Они были одних лѣтъ и скоро подружились. Только графиня Брюсъ знала о сношеніяхъ своей подруги съ Орловымъ; только ей были извѣстны ихъ свиданія, ихъ связь. Не только чужіе, очень немногіе изъ своихъ знали въ это время Екатерину. Великая княгиня придворныхъ куртаговъ, ко всѣмъ привѣтливая, всегда беззаботная, и Екатерина у себя въ покояхъ, обдумывающая свое настоящее, безпокоющаяся за будущее — двѣ разныя женщины.

О Екатеринѣ нельзя судить по внѣшности — внѣшность ея не представляла ничего привлекательнаго[2]); надо было сблизиться съ Екатериною, и тогда ея широкій, свѣтлый умъ, ея здравыя, гуманныя сужденія, ея обхожденіе, простое и ласковое, скоро очаровывали и невольно привлекали къ ней. Захаръ Чернышевъ, Кириллъ Разумовскій, Сергѣй Салтыковъ, графъ Понятовскій, всѣ, бывшіе съ Екатериною въ болѣе или менѣе близкихъ отношеніяхъ, испытали на себѣ эти чары, и молодой, красивый Орловъ никогда не увлекся бы великою княгинею, еслибъ обстоятельства, не отъ него зависѣвшія, не познакомили его съ Екатериною, которая увлекла Орлова, очаровала его братьевъ, его знакомыхъ, такъ что каждый изъ нихъ готовъ былъ рисковать изъ-за нея своею головою.

Въ 1760 году канцлеръ Воронцовъ просилъ французскаго посла Бретэля рекомендовать ему секретаря. Въ октябрѣ того же года выѣхалъ изъ Парижа нѣкто Фавье, не молодой уже человѣкъ, очень умный, по мнѣнію французскаго министерства, довольно образованный, но, кажется, и довольно легкомысленный человѣкъ. Еще въ

---

[1]) Сверстница Екатерины, 1729—1786, дочь графа А. И. Румянцева, супруга гр. Я. А. Брюса. Ихъ дружескія отношенія видны изъ собственно-ручныхъ записочекъ Екатерины къ А. Н. Нарышкиной, помѣщ. въ *Русс. Архивѣ*, 1769, стр. 193; 1770, стр. 545.

[2]) Особенно въ то время, см. *Сборникъ*, X, 105.

Парижѣ онъ жилъ не по средствамъ, не выходилъ изъ долговъ, что не мѣшало ему, однако, кутить съ хорошенькими женщинами; онъ похвалялся, что въ Россіи онъ будетъ „болѣе русскимъ, чѣмъ любой москвичъ“[1]. По пріѣздѣ въ Петербургъ, Фавье былъ принятъ въ лучшее общество, бывалъ при дворѣ, видѣлъ великую княгиню и, какъ знатокъ женской красоты, такъ описалъ внѣшность Екатерины: „Никакъ нельзя сказать, что красота ея ослѣпительна: довольно длинная, тонкая, но не гибкая талія; осанка благородная, но поступь жеманная, не граціозная; грудь узкая, лицо длинное, особенно подбородокъ; постоянная улыбка на устахъ, но ротъ плоскій, вдавленный; носъ нѣсколько сгорбленный; небольшіе глаза, но взглядъ живой, пріятный; на лицѣ видны слѣды оспы. Она скорѣе красива, чѣмъ дурна, но увлечься ею нельзя“. Екатерина была роста ниже средняго и если Болотову показалась „дородною“, то потому только, что онъ видѣлъ ее 6-го апрѣля 1762 года[2]); великою княгинею она была довольно худощава[3]), и дородство явилось позже, съ годами.

Съ начала 1761 года Елизавета Петровна стала все чаще и чаще хворать: то „кровь цѣлое утро идетъ носомъ“, то лихорадитъ по цѣлымъ днямъ[4]); въ іюлѣ случился сильный припадокъ, и больная нѣсколько часовъ лежала безъ чувствъ[5]). Когда, въ сентябрѣ, дворъ переѣхалъ въ Петербургъ, Екатерина съ радостью узнала,

---

[1]) Tercier, premier commis aux affaires étrangères, au baron de Breteuil, de 8 octobre 1760: M. Favier est un homme intelligent et instruit; il dit qu'une fois en Russie il serait plus russe qu'un homme né à Moscou. Il est outre sans fortune, il a même des dettes et cette situation ne l'émpêche pas d'aimer les plaisirs, le vin et les femmes (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 62, pièce 38). — [2]) *Болотовъ*, II, 196.

[3]) *Ровинскій*, II, 774, №№ 1, 2, 3, 5, 24.

[4]) Письма И. И. Шувалова графу Воронцову, въ *Русс. Архивѣ*, 1870, 1412, 1414; *Арх. кн. Воронцова*, VI, 297.

[5]) L'Impératrice a donné de grandes inquiétudes à toute sa cour il y a quelques jours. Elle a eu une attaque de vapeurs histériques et de convulsions qui lui ont fut perdre connaissance plusieurs heures. Elle est revenue, mais garde le lit. Le déperissement de la santé de cette princesse est manifeste. Депеша *Бретэля*, отъ 23-го іюля 1761 года (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 62, pièce 66).

что здоровье императрицы значительно окрѣпло за послѣднее время: въ августѣ Екатерина почувствовала признаки беременности и невольно сознавала, что расположенная къ ней императрица способна въ значительной степени облегчить предстоявшія ей нравственныя муки. Радость, однако, была непродолжительна: въ воскресенье, 23-го декабря, послѣ довольно сильнаго припадка, доктора объявили, что никакой надежды на выздоровленіе быть не можетъ; въ понедѣльникъ, 24-го декабря, Елизавета Петровна, будучи въ полномъ сознаніи, простилась съ великимъ княземъ и великою княгинею, и 25-го, во вторникъ около трехъ часовъ пополудни[1]), скончалась. Екатерина такъ описываетъ этотъ моментъ:

„Въ моментъ смерти императрицы Елизаветы Петръ III и его супруга стояли у одра умирающей. Какъ только врачи — ихъ было въ комнатѣ четыре — объявили, что императрица умерла, открылись двери въ пріемную: члены сената, высшіе сановники и всѣ придворные вошли. Не было никого, кто бы не выказывалъ явно своего горя — всѣ рыдали. Императоръ удалился. Императрица условилась съ нимъ, что она останется въ комнатѣ покойницы, пока онъ не пойдетъ въ церковь. Императрица отдала столь точныя приказанія, что, по прошествіи менѣе двухъ часовъ, весь городъ могъ войти въ аппартаментъ, гдѣ было выставлено тѣло Елизаветы. Затѣмъ императоръ далъ ей знать, чтобы она перешла въ церковь, гдѣ она участвовала въ молитвахъ и присутствовала, въ качествѣ простой зрительницы, при присягѣ на вѣрность, приносимой всѣми собравшимися императору“[2]).

26-го декабря, въ дворцовой галереѣ, представители иностранныхъ дворовъ приносили поздравленіе съ восшествіемъ на престолъ. Пріемъ былъ безъ всякихъ церемо-

---

[1]) Gegen drey Uhr Nachmittag, какъ сказано въ нотификаціи иностраннымъ дворамъ. *Москов. гл. архивъ* мин. иностр. дѣлъ, 1761 № 4, л. 19. — [2]) Депеши *Кейта* отъ 5-го января и *Бретеля* отъ 11-го января 1742г., *Schneider*, 178; депеша *Мерси Аржанто* отъ 10-го января, въ *Сборникѣ*, XVIII, 27; *„С.-Пбургскія Вѣдомости“* за 1861 г., 28-го декабря, прибавленіе; „Антидотъ“, въ *Осмнадц. Вѣкѣ*, IV, 312; *Штелинъ*, 95.

ній, совершенно запросто. „Ихъ величества вышли вмѣстѣ изъ внутреннихъ покоевъ и чрезвычайно милостиво принимали всѣхъ", приглашая въ тотъ же день къ обѣду. Обѣдъ былъ сервированъ на 100 кувертовъ, причемъ мѣста занимались по жребію, не исключая императора и императрицы. Въ числѣ приносившихъ поздравленія и обѣдавшихъ былъ и Бретэль, который писалъ по этому поводу: „Въ день поздравленій съ восшествіемъ на престолъ императрица имѣла крайне унылый видъ[1]). Пока очевидно только, что она не будетъ имѣть никакого значенія... Императоръ удвоилъ свое вниманіе къ дѣвицѣ Воронцовой... Императрица въ ужасномъ положеніи; къ ней относятся съ явнымъ презрѣніемъ. Она нетерпѣливо сноситъ обращеніе съ нею императора и высокомѣріе дѣвицы Воронцовой. Не могу даже себѣ представить, чтобъ Екатерина, смѣлость и отвага которой хорошо мнѣ извѣстны, не прибѣгла бы рано или поздно къ какой-нибудь крайней мѣрѣ. Я знаю друзей, которые стараются успокоить ее, но которые рѣшатся на все для нея, если она потребуетъ"[2]).

---

[1]) Унылый видъ Екатерины легко объясняется манифестомъ о восшествіи Петра III на престолъ, вышедшимъ въ этотъ день: въ манифестѣ не были упомянуты ни императрица Екатерина Алексѣевна, ни наслѣдникъ Павелъ Петровичъ (*П. С. Зак.*, № 11390). Мало того: „форма клятвеннаго обѣщанія" была составлена въ слѣдующихъ, между прочимъ, выраженіяхъ: „клянусь... Его Императорскому Величеству... и по немъ по самодержавной Его Величества императорской власти и по высочайшей Его волѣ *избираемымъ и опредѣляемымъ наслѣдникамъ*... вѣрнымъ подданнымъ быть" (*Ibid.*, № 11391). Но и въ этомъ случаѣ Петръ III остался вѣренъ себѣ: съ 27-го же декабря въ церквахъ на эктеніяхъ молились „о благочестивѣйшей великой государынѣ нашей императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и о благовѣрномъ государѣ цесаревичѣ и великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ" (*Ibid.*, № 11394, „форма церковнымъ возношеніямъ"). *Dorville*, 232; *Goudar*, 24; *Rulhière*, 27, 66; *Гордтъ*, 319.—
[2]) Депеши *Бретэля* отъ 11 и 18-го января 1762 года, см. *Schneider*, 187, 188; депеша *Мерси Аржанто* отъ 10-го января, см. *Сборникъ*, XVIII, 10.

XXXIV.

Во все время царствованія Петра III, Екатерина не снимала траура. Она появлялась въ „глубокомъ траурѣ“ на попойкахъ, которыя почти ежедневно устраивалъ императоръ, и даже на театральныхъ представленіяхъ, которыми забавлялся самодержецъ[1]). Пока царствовалъ Петръ III, Екатерина вела жизнь вполнѣ уединенную. Она не принимала участія ни въ государственныхъ дѣлахъ, ни даже въ вопросахъ, касавшихся ея, какъ императрицы[2]). Это траурное одѣяніе, это терпѣливое уединеніе, составлявшее рѣзкую противоположность съ крикливою и капризною дѣятельностью Петра III, не обмануло только тѣхъ, для кого оно было болѣе или менѣе безразлично. „Императрица живетъ почти въ полномъ отчужденіи—говоритъ австрійскій посланникъ — но едва-ли возможно, чтобъ подъ этою спокойною внѣшностью не скрывалось какое-нибудь тайное мѣропріятіе“[3]). Это понималъ и французскій король Людовикъ XV: „Поведеніе Петра III, его поступки и мѣропріятія, умышленное молчаніе и притворное терпѣніе императрицы — все предсказывало, что императоръ не усидитъ на тронѣ“[4]). Не понимали этого только

---

[1]) *Позье*, 97; депеша *Мерси Аржанто*, отъ 12-го февраля 1762 г., въ *Сборникѣ*, XVIII, 1*0. — [2]) *Арх. князя Воронцова*, XXI, 35; депеши *Мерси Аржанто* отъ 1-го февраля и 25-го мая, въ *Сборникѣ*, XVIII, 83, 143, 356. — [3]) Депеша *Мерси Аржанто* отъ 1-го февраля, въ *Сборникѣ*, XVIII, 83.

[4]) La conduite, les procédés et les opérations de Pierre III, la silence et la patience affectée de l'Impératrice, tout annonçait que ce prince ne resterait pas sur le trône. Le Roi au baron de Breteuil, du 10 Septembre 1762 (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 62, pièce 77).

лица, наиболѣе заинтересованныя — ни самодовольный голштинецъ, именовавшійся Петромъ III, ни окружавшіе его клевреты, бездарные и самоувѣренные. Выжидательное положеніе, занятое Екатериною, заставляло предполагать, что, рано или поздно, снявъ трауръ и явясь на сцену, она сразу обличитъ черты той удивительной женщины, которая очаруетъ всѣхъ въ Россіи, своими дѣлами напомнитъ времена Петра В., заставитъ говорить о себѣ всю Европу и перейдетъ въ потомство съ титуломъ великой, какъ по своимъ капитальнымъ достоинствамъ, такъ и по своимъ колосальнымъ порокамъ.

Екатерина хорошо знала своего супруга, но и она ошиблась: ей казалось, что извѣстныя приличія, хотя бы только чисто внѣшнія, должны быть соблюдаемы во всякомъ случаѣ, и, въ первое время по смерти Елизаветы Петровны, она, не ожидая, очевидно, чтобъ Петръ III такъ скоро вошелъ въ свою роль, приходила иногда, по утрамъ, въ кабинетъ императора[1]). Скоро, однако, Екатерина убѣдилась, что супругъ пренебрегаетъ всякими приличіями и прекратила свои утреннія посѣщенія.

Съ внѣшней стороны, положеніе Екатерины было въ высшей степени затруднительно. Императоръ презираетъ ее; онъ отказываетъ ей даже въ томъ условномъ уваженіи, которое подобаетъ ея сану, и публично, за столомъ, въ присутствіи всѣхъ, оскорбляетъ императрицу[2]); всѣ приближенные, спасая себя, руководствуются недвусмысленными указаніями императора. Петръ III, встрѣтивъ во дворцѣ придворнаго брильянщика, возвращавшагося изъ покоевъ императрицы, „изволилъ" прогнѣваться и воспретилъ ему впредь посѣщать ея величество[3]). Этого мало: въ это именно время Екатерина была въ интересномъ положеніи, которое еще болѣе должно было озабочивать ее. При другихъ обстоятельствахъ требовалось бы много самообладанія и силы воли, чтобъ не только отразить всѣ нападенія, не только сохранить занятую позицію, но и одержать верхъ надъ врагомъ; въ данномъ же слу-

---

[1]) *Штелинъ*, 97. — [2]) Депеша *Мерси Аржанто*, отъ 5-го марта, въ *Сборникѣ*, XVIII, 202. — [3]) *Позье*, 84.

чаѣ, главный врагъ Екатерины оказывался самымъ лучшимъ ея пособникомъ, безсознательно, но очень дѣятельно работавшимъ въ ея пользу. Заслугу Екатерины и, конечно, не малую, должно видѣть лишь въ томъ, что она, какъ женщина умная, поняла свое положеніе и воспользовалась имъ вполнѣ, до мельчайшихъ подробностей, даже до траурнаго костюма, скрадывавшаго до извѣстной степени ея интересное положеніе.

По счастью для Екатерины, Петръ III совершенно не понялъ своего положенія. Ставъ неограниченнымъ самодержцемъ, онъ далъ полную волю своимъ капризнымъ прихотямъ, убѣжденный, что ему все возможно, все простительно. Мало образованный, дурно воспитанный, онъ съ перваго же дня восшествія на престолъ оттолкнулъ отъ себя всѣхъ совѣтниковъ, считая для себя унизительнымъ даже самую мысль, что его мнѣніе можетъ быть оспориваемо. Самоувѣренный, какъ всѣ неучи, онъ по ставилъ себѣ задачею „перековеркиваніе всѣхъ дѣлъ и прежнихъ распорядковъ"; упрямый, какъ всѣ неразвитые люди, онъ закрывалъ глаза на всѣ препятствія и не хотѣлъ слушать доводовъ, противныхъ его мнѣнію. Онъ даже вовсе не понималъ, что тамъ, гдѣ народъ — все и ничто, власть вполнѣ зависитъ отъ образованнаго общества, которое въ то время состояло изъ духовенства и и военнаго сословія: онъ уменьшаетъ цѣну на соль, и въ то же время оскорбляетъ духовныхъ и принижаетъ военныхъ. Рѣзскій контрастъ между Екатериною и Петромъ, давно, уже всѣми замѣченный, бросался теперь въ глаза.

Шесть недѣль стояло тѣло Елизаветы Петровны во дворцѣ, и народъ свободно приходилъ поклониться праху любимой императрицы. Каждый день всѣ видѣли, какъ Екатерина, въ глубокомъ траурѣ, съ опущенными глазами, приходила ко гробу своей нареченной тетки и, ставъ на колѣни, долго и глубоко молилась. Она ни на кого не смотрѣла, никого не видѣла, но была увѣрена, что на нее смотрятъ, что ее всѣ видятъ, и тѣмъ сосредоточеннѣе была ея молитва, тѣмъ глубже вздохи и горче слезы. На пятую недѣлю, когда уже трупъ издавалъ удушливое

зловоніе, Екатерина, въ присутствіи всѣхъ придворныхъ дамъ, удивлявшихся ея твердости, сама возложила корону на голову покойной. Приходилъ иногда ко гробу тетки и ея возлюбленный племянникъ: Петръ III разговаривалъ съ приближенными, шутилъ съ фрейлинами, передразнивалъ священниковъ, дѣлалъ замѣчанія почетному караулу. Онъ, „въ самое еще то время, когда скончавшаяся императрица лежала во дворцѣ еще въ гробѣ и не погребена была, цѣлыя ночи провождалъ съ любимцами, льстецами и прежними друзьями своими, въ пиршествѣ и питьѣ“ [1]).

Наканунѣ погребенія Елизаветы Петровны, 4-го февраля, баронъ Бретэль писалъ: „Екатерина все болѣе и болѣе плѣняетъ сердца русскихъ. Никто усерднѣе ея не исполняетъ установленныхъ греческою религіею обрядовъ относительно умершей императрицы; эти обряды очень многочисленны, полны суевѣрій, надъ которыми она, конечно, смѣется; но духовенство и народъ вполнѣ вѣрятъ ея глубокой скорби по усопшей и высоко цѣнятъ ея чувство. Она чрезвычайно строго соблюдаетъ всѣ церковные праздники, всѣ посты, всѣ религіозные обряды, къ которымъ императоръ относится чрезвычайно легко и которые въ Россіи, однако, очень почитаются“. Въ Духовъ день императоръ „въ придворной церкви принималъ иностранныхъ министровъ и дворянство, ходилъ по церкви, какъ будто въ своихъ покояхъ, взадъ и впередъ, громко разговаривалъ съ лицами обоего пола, между тѣмъ какъ торжественно совершалось богослуженіе и императрица съ благоговѣніемъ молилась на своемъ мѣстѣ; когда всѣ опустились на колѣни, Петръ III съ громкимъ смѣхомъ вышелъ изъ церкви и возвратился лишь по окончаніи колѣнопреклоненной молитвы“. Вскорѣ Петръ III пошелъ еще далѣе: онъ изъявилъ желаніе, чтобъ всѣ образа, кромѣ Спасителя и Богоматери, быти вынесены изъ церквей, чтобъ священники обрили свой бороды и по-

---

1) *Дашкова*, 38; *Позье*, 86; *Болотовъ*, II, 170; депеша *Мерси Аржанто*, отъ 1-го февраля, въ *Сборникѣ*, XVIII, 74; депеши *Бретэля*, отъ 18-го января и 15-го февраля, см. *Schneider*, 185, 188; *Marche*, 260; *Rulhière*, 45, 48.

повскія рясы замѣнили пасторскими сюртуками; онъ хотѣлъ даже устроить во дворцѣ протестантскую молельню[1]). Иновѣрцы, протестанты и католики, дивились тому презрѣнію, съ какимъ Петръ III относился къ господствующей въ Россіи религіи; что же православное духовенство?

Оно протестовало сильно, революціоннымъ путемъ, протестовало мѣрами, показывающими, что православное духовенство вполнѣ сознаетъ свою силу и умѣетъ во время пользоваться ею. „Донесенія полученныя вчера и позавчера отъ начальниковъ отдаленныхъ провинцій — пишетъ Гольцъ Фридриху II — доказываютъ, насколько духовенство старается возстановить народъ противъ монарха. Донесенія свидѣтельствуютъ, что духъ возмущенія и недовольства становится на столько всеобщимъ, что они, губернаторы, не знаютъ, какія принять мѣры для успокоенія умовъ и требуютъ наставленій у двора. Они должны бы прибѣгнуть къ мѣрамъ жестокимъ, чтобы укротить народъ. Все это страшно встревожило дворъ“. Когда Петръ III издалъ указъ о монастырскихъ имѣніяхъ и церковныхъ имуществахъ, духовенство, имѣя дѣло уже не съ желаніями, высказанными императоромъ, но съ положительнымъ узаконеніемъ, протестовало, между прочимъ, путемъ совершенно легальнымъ.

„Въ первую недѣлю святаго и великаго поста — пишетъ очевидецъ — митрополитъ ростовскій Арсеній, по окончаніи богослуженія въ соборѣ, пришелъ въ келію, уединясь писалъ къ Его императорскому величеству прошеніе, которое состояло изъ книгъ пророческихъ и священнаго писанія, весьма жалостно и плачевно, остраго и высокаго разсужденія, и отправлено оное съ іеросхимонахомъ Лукою въ Санктпетербургъ, которое и вручено было Его величеству въ собраніи генералитетовъ, и прочтено съ остановкою оберъ-секретаремъ. И государь былъ

---

[1]) Депеша *Бретэля,* см. *Schneider,* 188; депеши *Мерси Аржанто;* въ *Сборникѣ,* XVIII, 210, 371, 391; *Болотовъ,* II, 172; *Дашкова,* 41; *Арх. кн. Воронцова,* XXIX, 159; *Русскій Архивъ,* 1871, ст. 2055; *Dorville,* 243; *Castéra,* I, 267. 274; *Goudar,* 65; *Marche,* 80; *Beauclair,* 105; *Лафермьеръ,* 195; *Jacob,* 2; *Арх. кн. Воронцова,* XXV, 414; *Гордтъ,* 314.

въ великомъ азартѣ, а той схимникъ отъ страха лишась ума, былъ посланъ въ невскій монастырь, гдѣ шесть недѣль и находился подъ карауломъ, и возвращенъ съ указомъ, чтобъ быть безъисходну изъ келіи, за присмотромъ настоятеля, и никакого рѣшенія на оное прошеніе не учинено тогда". Это прошеніе „остраго и высокаго разсужденія" имѣло успѣхъ; о его содержаніи нельзя было бы судить по впечатлѣнію, произведенному на императора — Петръ III приходилъ „въ азартъ" отъ малѣйшаго противорѣчія; но впечатлѣнію постороннихъ лицъ, близкихъ императору и чуждыхъ вопросу, мы можемъ довѣрить вполнѣ. Вотъ что писалъ объ этомъ прошеніи читавшій его баронъ Гольцъ: „Духовенство, въ отчаяніи отъ указа, который былъ изданъ въ первые же дни царствованія и которымъ оно лишается всѣхъ своихъ владѣній и будетъ получать деньги на свое содержаніе, представило ко двору свое посланіе на русскомъ и латинскомъ языкахъ, въ которомъ жалуется на насиліе, причиненное ему этимъ указомъ, на странный относительно его образъ дѣйствій, котораго нельзя было бы ожидать даже отъ басурманскаго правительства, тогда какъ такое насиліе учинено православнымъ правительствомъ. Духовенство тѣмъ болѣе опечалено такимъ поступкомъ, что, по его словамъ, не подлежитъ сомнѣнію, что оно подверглось такому насилію потому только, что духовные являются служителями божіими. Это посланіе, подписанное архіереемъ и большею частью духовенства, составлено въ высшей степени рѣзко. Это посланіе гораздо скорѣе должно признать за декларацію противъ государя, чѣмъ за прошеніе"[1]).

Екатерина все это видитъ и знаетъ. Ей извѣстно о раздраженіи духовенства; ей сообщено, что духовенство возмущаетъ народъ — но скоро-ли можно возмутить русскій народъ? Чѣмъ выразится возмущеніе? Къ чему приведетъ? Народное волненіе, сметая императора, мо-

---

[1]) „Выписка изъ послѣдовавшихъ въ нынѣшнемъ году новостей", въ *Чтеніяхъ*, 1862 годъ, II, 18; депеша *Гольца* отъ 26-го мая, *Щебальскій*, 58; депеши *Кейта* отъ 4-го и 7-го іюня, *Schneider*, 184.

жетъ-ли не коснуться императрицы? Императоръ своими безумными поступками губитъ себя, но можетъ погубить и ее. Екатерина сознаетъ все это, но противодѣйствовать ничѣмъ не можетъ; ей остается только пассивно выжидать послѣдствій. Судя, однако, по неудовольствію, возбужденному въ войскахъ, послѣдствій придется ждать недолго. Войско не духовенство: оно дѣйствуетъ само, непосредственно, не чрезъ чужія руки, не при посредствѣ народа.

Вскорѣ по восшествіи на престолъ, Петръ III распустилъ лейбъ-кампанскій корпусъ и превыше всего поставилъ свою „голштинскую гвардію". Лейбъ-кампанцы были, конечно, недовольны и громко говорили, что „возведеніемъ на престолъ Елизаветы Петровны они очистили и Петру III путь къ трону"; предпочтеніе же, оказываемое голштинскимъ солдатамъ, оскорбляло всю русскую армію. Между тѣмъ, Петръ III былъ солдатъ въ душѣ, но солдатъ прусскій. Какъ православному духовенству желалъ онъ придать протестантскую форму, такъ и русское воинство хотѣлъ сдѣлать, по внѣшнему виду, прусскимъ. Онъ „восхотѣлъ перемѣнить мундиры во всѣхъ полкахъ и, вмѣсто прежнихъ одноцвѣтныхъ зеленыхъ, подѣлалъ разноцвѣтные узкіе, такимъ покроемъ, какимъ шьются у прусаковъ оные. Самымъ полкамъ не велѣлъ болѣе называться по прежнему, по именамъ городовъ, а именоваться уже по фамиліямъ своихъ полковниковъ и шефовъ. Сверхъ того, введя уже во всемъ наистрожайшую военную дисциплину, принуждалъ ихъ ежедневно экзерцироваться, не смотря какая бы погода ни была, и всѣмъ тѣмъ не только отклонилъ до чрезвычайности всѣ войска, но и, огорчивъ всѣхъ, навлекъ на себя, а особливо отъ гвардіи, превеликое неудовольствіе". Фельдмаршаломъ русскихъ войскъ сдѣланъ голштинецъ принцъ Георгъ; онъ же назначенъ шефомъ конной гвардіи полка, что породило ропотъ, такъ какъ полковникомъ этого полка всегда бывалъ самъ государь. Но болѣе всего возмущало войска пристрастіе Петра III къ Фридриху II, съ которымъ Россія воевала уже пять лѣтъ, и приготовленіе къ войнѣ съ Даніею. Офицеры сотнями подавали въ отставку; гвардейскіе ба-

тальоны, назначенные въ датскій походъ, громко роптали . . , [1]).

Отношенія Екатерины къ войску были совершенно иныя, чѣмъ къ духовенству. Люди военные, особенно гвардейцы, имѣли доступъ ко двору: они видѣли ее еще великой княгиней; многіе изъ нихъ лично знали императрицу, всѣ любили Екатерину. Духовенство могло относиться къ Екатеринѣ съ нѣкоторымъ недовѣріемъ; она такая же протестантка, принявшая православіе, какъ и Петръ III; войско, напротивъ, рѣзко отдѣляло ее отъ императора: не только гвардія, но и полевые полки знали, какъ она избѣгала въ Ораніенбаумѣ даже встрѣчаться съ ненавистными имъ голштинскими войсками[2]); благодаря капитану Орлову, многимъ изъ гвардейскихъ офицеровъ хорошо было извѣстно, что Екатерина не одобряла мира съ Пруссіею и была противъ датскаго похода.

Въ первые три, четыре мѣсяца царствованія Петра III Екатерина держала себя крайне осторожно и, повидимому, относилась совершенно пассивно не только къ императору и государственнымъ дѣламъ, даже къ придворнымъ партіямъ и семейнымъ вопросамъ. Она рѣдко выходила изъ внутреннихъ покоевъ, избѣгала, по возможности, присутствовать на попойкахъ, которыми оканчивался каждый почти ужинъ императора, и не присутствовала 15 февраля

---

[1]) Депеши *Мерси Аржанто* въ *Сборникѣ*, XVIII, 163, 204. 259, 288, 369, 381, 406, 411; депеши Гольца, *Щебальскій*, 43, 50, 55, 60, 62; *Болотовъ*, II, 173, 211, 212, 273; *Дашкова*, 60; *Dorville*, 244; *Castéra*, I, 276; *Goudar*, 35; *Marche*, 147, 150, 160; *Rulhière*, 41, 43; *Колотовъ*, I, *4. Къ несчастію для Петра III, обстоятельства складывались такъ, что война Россіи съ Даніею вызывала, казалось, сочувствіе въ нѣкоторыхъ государствахъ. Вскорѣ по вступленіи на престолъ, 18-го января 1762 года, была получена реляція барона *Корфа* изъ Копенгагена, отъ 12-го (23) декабря 1761 г., въ которой говорилось, что англійскій посланникъ при датскомъ дворѣ Титлей (Titley) объявилъ Корфу, что онъ дѣлалъ декларацію датскому двору въ томъ смыслѣ, что „король, его государь, еетъ ли голштинскіе распри дойдутъ до дѣйствительной войны, не намѣренъ въ томъ отнюдь участія принимать“ (*Москов. гл. архивъ,* Реляціи изъ Даніи, 1761 г., № 3, л. 430).

[2]) *Mémoires*, 236.

даже на торжественномъ ужинѣ въ честь Петра III въ домѣ канцлера графа Воронцова. Она покидала свои покои только по необходимости — при представленіи ей 23-го января принца Георга, при пріемѣ 24-го февраля отъ барона Гольца письма прусскаго короля Фридриха II, при официальныхъ выходахъ и торжествахъ, устроиваемыхъ по какому-либо особому случаю, какъ, напримѣръ, 6-го апрѣля, при переѣздѣ двора въ новый еще не вполнѣ отстроенный зимній дворецъ. Петръ III торопился переѣздомъ, и въ новомъ дворцѣ самъ распредѣлилъ всѣ помѣщенія: „императрицу помѣстилъ на отдаленномъ концѣ новаго зимняго дворца, а ближе къ себѣ, на антресоляхъ, свою любимицу, толстую фрейлину Елизавету Романовну Воронцову; между передней и отдѣленіемъ императрицы — великій князь съ его оберъ-гофмейстеромъ“ Никитою Ивановичемъ Панинымъ[1]). Такое распредѣленіе покоевъ какъ нельзя лучше „устроивало“ въ данное время Екатерину, которая нуждалась въ въ извѣстномъ покоѣ: въ четвергъ на святой недѣлѣ, 11-го апрѣля, она разрѣшилась отъ бремени сыномъ[2]).

Екатерина скоро оправилась. Спустя дней десять, 21-го апрѣля, она уже принимала поздравленія съ днемъ рожденія, которое праздновалось весьма торжественно, и дала аудіенцію австрійскому послу графу Мерси Аржанто, причемъ сама отвѣчала на рѣчь посла и съ особеннымъ удареніемъ оттѣнила увѣреніе въ своемъ расположеніи къ австрійскому дому[3]). Это было первое политическое слово императрицы, сказанное громко, въ присутствіи всего

---

[1]) *Штеликъ,* 104; *Болотовъ,* II, 196, депеша Гольца, *Щебальскій,* 42; депеши *Мерси Аржанто,* въ *Сборникѣ,* XVIII, 119, 126, 192, 202. — [2]) Алексѣемъ Григорьевичемъ Бобринскимъ. Въ письмѣ къ нему отъ 2-го апрѣля 1781 года, Екатерина пишетъ: „Извѣстно мнѣ, что мать ваша, бывъ угнетаема разными непріязньми и непріятельми, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, спасая себя и старшаго своего сына, принуждена нашлась скрыть ваше рожденіе, воспослѣдовавшее 11-го числа апрѣля 1762 года“ *(Русск. Архивъ,* 1766, III, 13). Наканунѣ, 10-го апрѣля Екатерина не могла уже дать аудіенцію австрійскому послу *(Сборникъ,* XVIII, 307). Подробности 11-го апрѣля см. *Helbig,* 181, 211,

[3]) Депеша *Мерси Аржанто,* въ *Сборникѣ,* XVIII, 323.

двора и обратившее на себя вниманіе, какъ рѣзко противорѣчившее словамъ и поступкамъ императора, ея супруга.

24-го апрѣля былъ заключенъ трактатъ вѣчнаго мира и дружбы съ Пруссіею. Обнародованіе его праздновалось торжественнымъ обѣдомъ 29-го апрѣля, причемъ Екатерина опять протестовала: она сказалась больной и дала знать, что не можетъ присутствовать на обѣдѣ. Вслѣдствіе этого на обѣдъ были приглашены только мущины, что крайне не понравилось Петру III, и онъ тогда же объявилъ, что устроитъ особенно торжественное празднованіе мира послѣ обмѣна ратификацій мирнаго договора.

Будущій историкъ Петра III не затруднится, конечно, признать, что самымъ злѣйшимъ врагомъ Петра III, погубившимъ его задолго до печальной кончины, былъ онъ самъ[1]). Человѣку въ здравомъ умѣ и твердой памяти невозможно даже понять то самодурное ослѣпленіе, въ которомъ жилъ голштинскій герцогъ, ставъ русскимъ императоромъ. Объяснять это частымъ опьяненіемъ Петра III нельзя: онъ бывалъ пьянъ только по вечерамъ, послѣ ужина, и то не всякій день; его невѣжество, само по себѣ, не можетъ еще служить ни оправданіемъ, ни даже объясненіемъ его поступковъ. Ихъ, кажется, придется всецѣло отнести къ несчастному сочетанію личныхъ свойствъ Петра III съ неограниченною властью, доставшеюся ему по наслѣдству. Тупой, упрямый, невоздержный, онъ, ставъ самодержцемъ, искренне былъ убѣжденъ, что весь міръ существуетъ единственно для удовлетворенія его желаній, капризовъ, прихотей; онъ потерялъ способность правильно мыслить, сталъ дѣйствовать какъ самодуръ и до послѣдней минуты былъ ослѣпленъ своею властью, ей только довѣрялъ, на нее только опирался. Друзья, вполнѣ ему преданные, лично заинтересованные въ его благоденствіи— прусскій король Фридрихъ II и его послы графъ Шверинъ и баронъ Гольцъ — видятъ опасность, предостерегаютъ Петра III, желаютъ спасти своего союзника даже противъ его воли, и въ безсиліи отступаютъ предъ невоз-

---

1) *Храповицкій,* 481.

можною задачею. Петру III называютъ лицъ, злоумышляющихъ противъ него — онъ говоритъ, что возложилъ на нихъ столько заботъ, что имъ „некогда заниматься заговорами“; ему указываютъ необходимость короноваться — онъ отвѣчаетъ, что „вѣнцы не готовы“; ему прямо говорятъ, что есть претендентъ на его мѣсто — онъ возражаетъ, что „русскіе, еслибъ хотѣли, давно уже могли бы сдѣлать ему зло, такъ какъ онъ не остерегается и ходитъ пѣшкомъ по улицамъ“! Переписка Фридриха II съ Петромъ III[1]) служитъ лучшимъ указателемъ грядущихъ бѣдствій, очевидныхъ для всѣхъ, кромѣ главнаго ихъ виновника.

Русскій солдатъ никогда наемнымъ воиномъ не былъ; его нельзя принудить стрѣлять въ своего, въ союзника. Даже внезапный миръ съ прусскимъ королемъ, въ которомъ онъ привыкъ за пять лѣтъ видѣть врага, раздражалъ рускаго солдата; когда же прошелъ слухъ, что русскія войска будутъ отданы подъ команду Фридриха II, поднялся ропотъ. Презирая всѣхъ, глумясь надъ общественнымъ мнѣніемъ, Петръ III не снимаетъ прусскаго мундира, всюду является въ лентѣ Чернаго Орла, всѣмъ показываетъ кольцо съ портретомъ Фридриха II, громко говоритъ, что для него „воля Фридриха — воля божья“[2]). Всѣ смотрятъ, видятъ, слушаютъ и таятъ злобу, опасаясь казней, страшась Сибири.

Въ маѣ всѣ приготовленія къ датскому походу были окончены: войскамъ велѣно быть готовыми къ выступленію, верховыя лошади императора уже отправлены, назначенъ особый совѣтъ для управленія Россіей въ отсутствіе императора и во главѣ совѣта поставленъ принцъ гол-

---

[1]) Депеша гр. Шверина, см. *Щебальскій*, 52; *Русск. Старина*, III, 283.

[2]) Депеши гр. Мерси Аржанто, въ *Сборникѣ*, XVIII, 257, 259. 278, 280, 286, 315, 358, 360, 366, 395, 398, 406; депеша Гольца, *Щебальскій*, 42; письмо Петра III въ *Русск. Старинѣ*, III, 299. Объ этомъ кольцѣ упомянуто въ депешѣ *Дальона* еще отъ 26-го октября 1745 года: Ce jeune prince affecte de porter à son doigt une bague où est le portrait de Sa Majesté Prussienne (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 47, f. 236); *Castéra*, I, 271; *Goudar*, 63; *Beauclair*, 89, 100, 101, 105; *Rulhière*, 40; *Гордтъ*, 311, 316, 317, 320.

штейнъ-бекскій. Императора будутъ сопровождать всѣ иностранные министры и графиня Елизавета Романовна Воронцова. Только судьба императрицы еще не рѣшена: извѣстно лишь, что ей не дано мѣста въ совѣтѣ, но что будетъ съ нею — никто не знаетъ; говорятъ, будто императоръ хочетъ заточить ее въ монастырь[1]).

Обмѣнъ ратификацій мирнаго договора состоялся 24-го мая; празднества по этому случаю, вызвавшему общее недовольство, начались 9-го іюня и продолжались три дня. Въ воскресенье, 9-го іюня, во всѣхъ церквахъ Петербурга былъ отслуженъ благодарственный молебенъ; императоръ произвелъ на дворцовой площади разводъ гвардейскимъ и полевымъ полкамъ, и поздравилъ войска съ русско-прусскимъ миромъ, причемъ послѣдовали залпы изъ ружей и пушекъ. Во дворцѣ состоялся въ этотъ день обѣденный столъ на 400 персонъ. Этотъ обѣдъ сталъ историческимъ: обстоятельства, его сопровождавшія, имѣли рѣшительное вліяніе на судьбу Екатерины.

Къ обѣденному столу были приглашены особы первыхъ трехъ классовъ и иностранные министры. Императрица сидѣла на своемъ обычномъ мѣстѣ, по срединѣ стола; императоръ на концѣ стола, рядомъ съ прусскимъ министромъ барономъ Гольцемъ. Петръ III предложилъ три тоста при пушечной пальбѣ изъ крѣпости: за здоровье императорской фамиліи, за здоровье его величества короля Пруссіи и въ честь счастливо заключеннаго мира. Тосты „зачинала“ императрица здравицей за царскую семью. Когда Екатерина поставила бокалъ, Петръ III послалъ своего дежурнаго генералъ-адъютанта Андрея Васильевича Гудовича, стоявшаго за стуломъ императора, спросить императрицу, почему она не встала, когда пила здоровье императорской фамиліи. Императрица отвѣчала, что такъ какъ императорская фамилія состоитъ только изъ его величества, его сына и ея самой, то она никакъ не полагала, чтобъ императоръ могъ потребовать ея вста-

[1]) Депеши Гольца, *Щебальскій*, 43, 50, 52, 55, 59; депеши гр. *Мерси Аржанто*, въ *Сборникѣ*, XVIII, 185, 252, 257, 268, 287, 288, 381, 406, 411, 416; *Дашкова*, 37; *Болотовъ*, II, 273; *Jacob*, 2; *Арх. кн. Воронцова*, XXV, 416; *Dorville*, 246.

30*

ванья. По возвращеніи Гудовича съ этимъ отвѣтомъ, императоръ приказалъ ему передать императрицѣ, что она дура и должна бы знать, что къ императорской фамиліи причисляются два ихъ дяди, голштинскіе принцы, и, вѣроятно, опасаясь, что Гудовичъ не точно передастъ его слова, Петръ III закричалъ императрицѣ „дура", такъ что это слышали всѣ присутствовавшіе за обѣдомъ. У Екатерины навернулись слезы отъ такого оскорбленія; но, желая поскорѣе оправиться, она просила графа Сергѣя Александровича Строгонова, стоявшаго за ея стуломъ, развлечь ее какой нибудь шуткой. Графъ разсказалъ какой-то забавный анекдотъ и, насколько могъ, отвлекъ вниманіе лицъ, сидѣвшихъ близъ императрицы, отъ непріятнаго эпизода. Какъ только обѣдъ былъ оконченъ, Петръ III приказалъ выслать графа Строгонова въ его загородный домъ и арестовать императрицу. Только благодаря просьбамъ принца Георга, данный князю Барятинскому приказъ объ арестѣ Екатерины не былъ приведенъ въ исполненіе[1]).

„Только съ этого дня — говоритъ Екатерина — я

---

[1]) *Дашкова*, 47; *Jacob*, 2; *Арх. кн. Воронцова*, XXV, 414; *Храповицкій*, 482; *Castéra*, I, 285; *Болотовъ*, I, 29. Эпизодъ съ „дурой" нѣкоторые ошибочно относятъ къ обѣду 29-го апрѣля (10-го мая), на которомъ Екатерина вовсе не присутствовала и были только мущины: ein grosser Mittags-Mahlzeit, worzu, *wegen Abwesenheit der Kayserin*, so an diesem Tag nicht erschienen, lauter Manns-Personen gezogen (депеша *Мерси Аржанто*, въ *Сборникѣ*, XVIII, 335); наконецъ, въ числѣ тостовъ за обѣдомъ 29-го апрѣля не было вовсе тоста объ императорской фамиліи. *Щебальскій*, 45. Другіе пріурочиваютъ этотъ эпизодъ къ 10-му (21-му) мая, когда никакого обѣда по случаю русско-прусскаго мира не было (*Суворинъ*, Княгиня К. Р. Дашкова, 47). Что же касается самаго эпизода, невѣроятнаго по своей грубости, онъ не можетъ возбуждать сомнѣнія, такъ какъ онъ не первый: еще въ депешѣ отъ 5-го марта, графъ *Мерси Аржанто* сообщаетъ, со словъ своего „русскаго друга", что „императоръ даже въ присутствіи всѣхъ за столомъ оскорбляетъ императрицу самыми обидными словами" — mit den allerempfindlichsten Worten (*Сборникъ*, XVIII, 202). Подобная грубость объясняется, вѣроятно, опьяненіемъ; не даромъ же подобныя оскорбленія случались всегда „за столомъ", когда Петръ III позволялъ себѣ упиваться бургундскимъ, шампанскимъ и англійскимъ пивомъ (*Сборникъ*, XVIII, 189, 195, 248, 336; *Castéra*, I, 283, 287, 289, 294).

начала склоняться на предложенія, которыя мнѣ дѣлались съ самой кончины императрицы Елизаветы“. Друзья предлагали ей арестовать Петра III и держать въ заточеніи, т. е. буквально повторить эпизодъ съ правительницей Анной и ея дѣтьми. Какъ арестовать? Куда заточить? Кѣмъ замѣнить Петра III? Если сыномъ, великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ, какъ предлагалъ нѣкогда Бестужевъ-Рюминъ и теперь предлагаетъ Панинъ, то какъ опредѣлится роль Екатерины, ея права, ея участіе въ управленіи имперіей? Императрица-супруга имѣла дѣло съ однимъ врагомъ — Петромъ III, императрица-мать можетъ встрѣтить ихъ нѣсколько въ средѣ честолюбивыхъ царедворцевъ. Вотъ вопросы, занимавшіе Екатерину послѣ „историческаго обѣда“ 9-го іюня и требовавшіе возможно скораго рѣшенія: сегодня Петръ III внялъ мольбамъ принца Георга, завтра можетъ и не внять.

Трехдневное торжество мира съ Пруссіею было ненавистно всѣмъ, но „страхъ“ передъ самодержавнымъ Петромъ III былъ такъ великъ, что никто не дерзалъ перечить императору. Общее недовольство было, однако, извѣстно петербургской полиціи, и она заранѣе „пригласила“ домовладѣльцевъ иллюминовать ихъ дома въ теченіе всѣхъ трехъ дней флагами и плошками.

Въ понедѣльникъ, 10-го іюня, былъ ужинъ при дворѣ на 500 человѣкъ и ночью фейерверкъ; во вторникъ, 11-го — опять ужинъ, а въ среду, 12-го іюня, Петръ III отправился въ Ораніенбаумъ[1]).

Въ теченіе пяти дней, до понедѣльника, 17-го іюня, Екатерина оставалась одна въ Петербургѣ, безъ Петра III, безъ большого двора, который весь потянулся за императоромъ въ Ораніенбаумъ. Что она дѣлала въ эти пять дней, съ кѣмъ видѣлась, о чемъ бесѣдовала, что предпринимала — объ этомъ можно только догадываться по обнаружившимся вскорѣ результатамъ. Несомнѣнно, однако, что какъ Екатерина, такъ и ея друзья должны были дѣйствовать крайне осторожно: отправляясь въ Ораніенбаумъ,

---

[1]) Депеша *Мерси Аржанто*, въ *Сборникѣ*, XVIII, 179, 401; *Marche*, 156,

Петръ III, по совѣту Фридриха II, назначилъ надежныхъ, по его мнѣнію людей, наблюдать въ Петербургѣ за дѣятельностью лицъ, казавшихся ему подозрительными, и, между прочимъ, за капитаномъ артиллеріи Григоріемъ Орловымъ[1]). Назначеніе „соглядатаевъ" само по себѣ служило серьезнымъ предостереженіемъ; наблюденіе же за Орловымъ ясно свидѣтельствовало, что подозрѣнія направлены вѣрно. Екатеринѣ и ея сторонникамъ не было, впрочемъ, и надобности рисковать своею неосторожностью — въ пользу ихъ неутомимо работалъ самъ Петръ III, своими рѣчами и поступками возбуждая общее „недовольство". По словамъ русскаго сановника, въ іюнѣ, „безразсудство, упрямство и безтолковое поведеніе императора сдѣлали его настолько ненавистнымъ, что въ Петербургѣ, не остерегаясь болѣе, всѣ открыто уже высказывали свое „неудовольство".

Какъ свои, такъ и чужіе, люди посторонніе, начинаютъ чувствовать, что живутъ наканунѣ какого-то взрыва, переворота; никто не зналъ чѣмъ кончится и къ чему

---

[1]) *Лонгиновъ,* Пособники Екатерины, въ *Русск. Архивѣ,* за 1870, стр. 966. Въ это именно время, 14-го іюня, уѣхалъ изъ Петербурга французскій посланникъ баронъ Бретэль, который, по его словамъ, зналъ о заговорѣ отъ самой Екатерины: C'est avec le dernier étonnement que j'ai appris depuis très peu de jours que vous étiez instruit de la révolution qui se tramais longtemps avant qu'elle n'eût lieu et que même la nouvelle Impératrice vous avez fait faire des ouvertures si précises à cet égard que vous y tromper. C'est dans de pareilles circonstances que sans les mander ni au roi, ni au ministère vous partez de Pétersbourg dans le moment où votre présence pouvait y être le plus utile lors même que vous auriez cru ne pas devoir contribuer aux vues de cette princesse. Le comte de *Broglie* au baron de Breteuil, du 11 août 1762 (*Парижс. Архивъ,* Russie, vol, 62, pièce 71). Мы считаемъ барона Бретэля гораздо умнѣе подобной глупости и видимъ въ его донесеніи обычную похвальбу заднимъ числомъ. Эта „похвальба" изобличается, между прочимъ, послѣдующими добрыми отношеніями Екатерины къ Бретэлю. Болѣе вѣроятнымъ кажется намъ извѣстіе о томъ, что Екатерина, не успѣвъ занять денегъ у французскаго посланника, обратилась къ англійскому купцу и заняла 100,000 рублей (*Jauffret,* Catherine II et son règne, I, 120), хотя и нельзя утверждать, что этотъ заемъ былъ сдѣланъ именно въ эти пять дней. Письмо Фридриха II отъ 4-го мая 1762 г. въ *Русск. Старинѣ,* III, 304.

приведетъ этотъ переворотъ, но необходимость его сознавалась всѣми. Брильянщикъ Позье говоритъ, 19-го іюня, супругѣ канцлера, графинѣ Воронцовой: „Ваше превосходительство, что вы о всемъ этомъ думаете? Я, по крайней мѣрѣ, весьма опасаюсь, какъ бы не случилось чего-нибудь ужаснаго и долженъ вамъ признаться, что, видя все, что я вижу теперь, я не совсѣмъ спокоенъ". Графиня отвѣчала, едва сдерживая слезы: „Вы правы, я имѣю поводъ быть еще менѣе спокойною, чѣмъ вы, потому что вы иностранецъ; но нужно молчать и предоставить все на волю Божію. Вы насъ любите, принимаете участіе въ нашемъ горѣ, но ведите себя осторожно при такихъ критическихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы находимся". Незадолго до отъѣзда изъ Россіи, французскій посланникъ предлагалъ свергнуть императора, воспользовавшись общею къ нему ненавистью и презрѣніемъ. Баронъ Бретэль — врагъ Петра III и можетъ быть признанъ пристрастнымъ; но сторонникъ же Петра III, англійскій министръ Кейтъ, говоритъ въ Ораніенбаумѣ графинѣ Брюсъ: „Послушайте, да вѣдь вашъ императоръ совсѣмъ сумасшедшій: не будучи безумнымъ, нельзя поступать такъ, какъ онъ поступаетъ"[1]).

17-го іюня Екатерина простилась съ Павломъ Петровичемъ, остававшемся въ лѣтнемъ дворцѣ съ гофмейстеромъ Панинымъ, и отправилась въ Петергофъ[2]). Она жила тамъ одна, довольно уединенно, никого не принимая: кромѣ дежурныхъ камеръ-фрейлинъ и камеръ-юнкеровъ, она никого не видѣла; кромѣ дворцоваго сада, никуда не выходила, и появлялась при дворѣ только по требованію самого императора. Такъ, въ среду, 19-го іюня, она ѣз-

[1]) *Храповицкій,* 481, 482; *Позье,* 96. Si Sa Majesté avait été informé plustôt des moyens que vous pouviez entrevoir de faire éclore à la mort de l'Impératrice Elisabeth la révolution qui vient d'enlever le trône au Czar, Elle vous eut sûrement autorisé à préparer cet événement, au lieu que nous avons appris depuis que le ministère a rejeté les propositions à la vérité trop vagues, que vous lui avez faites de chercher à mette en jeu le mépris et la haine que les russes portaient à l'Empereur. Le comte de *Broglie* au baron de Breteuil, du 11 août 1762 (*Парижс. Архивъ,* Russie, vol. 62, pièe 71). — [2]) *Marche,* 156.

дила въ Ораніенбаумъ, гдѣ присутствовала на домашнемъ спектаклѣ, устроенномъ Петромъ III, причемъ императоръ игралъ въ оркестрѣ на скрипкѣ, а комедію исполняли придворные дамы и кавалеры. Екатерина „была въ глубокомъ траурѣ, казалась довольно грустною и скучно смотрѣла на комедію". Въ тотъ же день она возвратилась въ Петергофъ, и ужъ никогда болѣе не видѣла своего супруга[1]).

Въ Петергофѣ, никѣмъ нестѣсняемая, она обсуждала свое положеніе, тревожилась за завтрашній день, опасалась за каждую минуту. Она вспоминала подробности восшествія на престолъ Елизаветы Петровны: и ей угрожаютъ монастыремъ, и ей совѣтуютъ стать во главѣ движенія; но она не дочь Петра Великаго, но Петръ III не младенецъ! Одна, лишенная возможности дѣйствовать, она всю надежду возлагала только на общественное мнѣніе — не даромъ же она считала необходимымъ прислушиваться къ говору въ публичныхъ мѣстахъ, на базарахъ и рынкахъ[2]).

Пока Екатерина оставалась въ Петергофѣ, а въ Петербургѣ общественное мнѣніе выражалось все яснѣе, все рѣзче, въ Ораніенбаумѣ шелъ полный разгулъ: каждодневные разводы голштинскихъ батальоновъ, шумные обѣды, пьяные ужины, невоздержныя рѣчи, невозможныя

---

[1]) Депеши *Мерси Аржанто* въ *Сборникѣ*, XVIII, 405, 408; *Позье*, 97; *Rulhière*, 18. Сохранилось извѣстіе, что Екатерина „посѣтила" Петра III въ Ораніенбаумѣ 26-го іюня и присутствовала 27-го іюня на празникѣ въ Гостилицахъ (*Helbig*, Biographie, II, 121, 122). Едва ли это извѣстіе справедливо: желая представить переворотъ 1762 г. результатомъ „заговора", авторъ посылаетъ „заговорщиковъ" слѣдить за своею жертвою; всему придана какая-то мелодраматическая окраска, совершенно чуждая данному случаю. Если праздникъ въ Гостилицахъ и былъ 27-го іюня, что весьма вѣроятно, то присутствіе на немъ Екатерины и гетмана Кирилла Разумовскаго крайне невѣроятно. Подобные праздники оканчивались при Петрѣ III далеко за полночь, нерѣдсо въ пять, шесть часовъ ночи; а извѣстно, что въ пятомъ часу ночи на 28-е іюня Екатерина выѣхала уже изъ Петергофа въ Петербургъ. Показаніе Н. К. Загряжской, будто ея отецъ, Кириллъ Разумовскій, былъ 28-го іюня въ Петергофѣ, не заслуживаетъ довѣрія (*Васильчиковъ*, I, 295).

[2]) *Сборникъ*, VII, 87.

распоряженія. Послѣ того, какъ Петръ III отдалъ приказъ, чтобъ больные матросы вылечились, никто уже не удивлялся никакимъ распоряженіямъ императора; послѣ „дуры" никакія рѣчи не смущали. Когда императоръ, въ присутствіи всего двора, началъ бить своихъ камергеровъ[1]), только иностранные министры пришли въ ужасъ, русскіе же вельможи, опасаясь худшаго, покорно сносили оскорбленія.

Отъѣздъ Петра III на войну съ Даніею, первоначально назначенный на вторую половину іюня, отложенъ на нѣсколько дней — императоръ желаетъ отпраздновать свое тезоименитство 29 іюня, день св. Петра и Павла. Наканунѣ, въ четвергъ, 28-го іюня, въ часъ пополудни, прямо съ развода, императоръ отправился изъ Ораніенбаума въ Петергофъ, „чтобы наканунѣ Петрова дня присутствовать при большомъ обѣдѣ въ Монплезирѣ у ея величества императрицы и потомъ вечеромъ принять поздравленія и быть за ужиннымъ столомъ". Петра III сопровождала, въ придворныхъ каретахъ, избранная свита, въ числѣ которой было 17 дамъ. Въ два часа пополудни, кортежъ прибылъ въ Петергофъ. „По прибытіи въ Петергофъ, дворецъ, въ которомъ живетъ императрица, найденъ пустымъ и съ удивленіемъ услышали, что императрица еще въ пять часовъ утра потаенно уѣхала въ Петербургъ"[2]).

Начинается проявленіе общественнаго мнѣнія . . .

Большая ошибка думать, что въ Россіи нѣтъ общественнаго мнѣнія. Вслѣдствіе того, что въ Россіи нѣтъ правильныхъ формъ для его выраженія, оно проявляется неправильно, скачками, урывками, только въ важные историческіе моменты, но проявляется тѣмъ съ большею силою и въ формахъ тѣмъ болѣе своеобразныхъ. Петръ III презиралъ русское общественное мнѣніе, глумился надъ нимъ и имѣлъ несчастіе испытать на себѣ его страшную

---

[1]) *Храповицкій*, 481; депеша *Мерси Аржанто*, въ *Сборникѣ*, XVIII, 209, 260; *Rulhière*, 46.

[2]) Записка Штелина о послѣднихъ дняхъ царствованія Перра III, *Гротъ*, Соч. Державина, IX, 287; списокъ лицъ свиты, тамъ-же, VI, 863; *Rulhière*, 109.

силу со всѣми его роковыми послѣдствіями. Не Екатерина, не Орловы, не Дашкова произвели переворотъ всѣми ожидавшійся — они были только орудіями того общественнаго мнѣнія, которое подняло всѣ полки, всѣ сословія, весь народъ, и мирно, безъ пролитія крови, заявило о своихъ правахъ на уваженіе.

Конецъ перваго тома.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Выборъ невѣсты.

Въ политическихъ запискахъ прусскаго короля Фридриха II, которыя онъ озаглавилъ „Histoire de mon temps“ [1]), довольно подробно говорится о выборѣ невѣсты для великаго князя Петра Ѳедоровича. Такъ какъ Фридрихъ II принималъ извѣстное участіе въ этомъ дѣлѣ, то его разсказъ, конечно, заслуживаетъ полнаго вниманія.

Кромѣ писемъ, которыя Фридрихъ II писалъ, по большей части, безъ поправокъ, прямо набѣло, всѣ писанія прусскаго короля подвергались исправленіямъ, измѣненіямъ и дополненіямъ, нерѣдко весьма существеннымъ, смотря по новымъ обстоятельствамъ, которыя измѣняли взгляды автора, иногда же только стилистическимъ. Такъ и его „Histoire de mon temps“, написанная въ 1746 году, была имъ переработана въ 1775 г. Какъ историческій документъ, особенно же какъ запись о бракѣ великаго князя, для насъ имѣетъ бóльшее значеніе первая редакція, 1746 года, какъ болѣе близкая къ описываемому событію. По этой первой редакціи, дѣло происходило такъ:

„L'impératrice de Russie songeait à marier son neveu, le grand duc de Russie. Quoique son choix ne fût point déterminé encore, son penchant le portait en faveur d'Ulrique, princesse de Prusse, dont la beauté et les grâces faisaient de bruit jusques au bout de l'Europe. La cour de Saxe, esclave rampante de la Russie, avait dessein d'établir la princesse Mariane, seconde fille du roi de Pologne, pour y augmenter son crédit et s'assurer à jamais de la protection de cette puissance. Les ministres

---

1) Publicationen aus den preussischen Staatsarchiven, Leipzig, 1879, IV: „Histoire de mon temps“ (Redaction von 1746), herausg. von *Posner*.

russes, dont la vénalité aurait mis, je crois, l'impératrice même à l'enchère vendirent un contrat de mariage précoce: ils reçurent de grandes largesses, et le roi de Pologne des paroles.

„Rien n'était plus contraire au bien de létat que de souffrir cette alliance; rien n'était plus dénaturé que d'y envoyer la princesse Ulrique. Malheur à ces politiques qui sacrifient jusqu'à leur propre sang à leur intérêt et à leur vanité. De toutes les princesses qui étaient à marier en Allemagne aucune ne convenait mieux à la Russie que la princesse de Zerbst, dont le père servait depuis sa jeunesse dans les armées prusiennes, et dont la mère était une princesse de Holstein, soeur du prince nouvellement élu successeur de Suède et tante du grand duc de Russie.[1])

„J'abrège au lecteur le détail ennuyeux de tous les ressorts dont le baron de Mardefeld se servit pour fixer l'esprit de l'impératrice sur cette jeune princesse préférablement à tant d'autres, suffit de dire que cette négociation se fit à l'insu des Bestushew, et que le secret fut gardé quoique beaucoup de femmes indiscrètes en fussent les dépositaires, tellement que la princesse de Zerbst arriva avec sa fille à Pétersbourg au grand étonnement de toute l'Europe, et qu'elle fut reçue à Moscou de l'impératrice avec les témoignages d'une joie et d'une amitié sincère. Malgré tout d'avantages, il restait encore une grande difficulté à vaincre, c'était le cousinage des jeunes mariés, on se servit dans cette occasion du chemin, qui est en Russie et dans la plupart des cours de l'Europe l'abrégé de contraverses: on répandit de l'argent à propos, et les popes trouvèrent qu'il n'y avait rien de contraire dans leurs loi à ce mariage".[2])

Если ходъ переговоровъ о выборѣ невѣсты для великаго князя представленъ въ этомъ разсказѣ согласно съ дѣйствительностью, то не можетъ подлежать сомнѣнію, что король прусскій былъ „главнымъ сватомъ" (*Осмнадц.Вѣка*, I, 13), какъ то признаютъ всѣ историки, иностранные и русскіе. Вѣренъ-ли, однако, этотъ разсказъ?

Отмѣтимъ, прежде всего, неточность, бросающуюся

---

[1]) *Манштейнъ*, 291.

[2]) Chapitre XI, Négociation de l'année 1744, *Posner*, 302. Разсказъ буквально повторенъ *Колотовымъ*, I, 3.

въ глаза — упоминаніе о прусской принцессѣ Ульрикѣ. У Фридриха II было двѣ сестры: *Ульрика,* впослѣдствіи за шведскимъ королемъ Адольфомъ-Фридрихомъ, и *Анна-Амалія,* позже аббатиса Кведлинбургская. Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, старшей, Ульрикѣ, было 23 года, младшей, Амаліи — 20 лѣтъ, между тѣмъ какъ Петру Федоровичу всего 15 лѣтъ. Перебирая списокъ невѣстъ того времени, Елизаветѣ Петровнѣ, конечно, называли и сестеръ прусскаго короля, какъ princesses à marier; но у императрицы не было и, по разности лѣтъ не могло быть серьезнаго намѣренія женить племянника на Ульрикѣ или Амаліи, менѣе всего на Ульрикѣ, которую именно и называетъ Фридрихъ II — въ 1743 г., по предложенію Елизаветы же[1]), шла рѣчь о бракѣ Ульрики съ Адольфомъ-Фридрихомъ (*Biester*, 14). Въ разговорѣ съ Бестужевымъ о невѣстахъ Петра Ѳедоровича императрица даже не упоминаетъ о сестрахъ прусскаго короля (*Сборникъ,* VI, 505). Была рѣчь о прусской принцессѣ, но, вопервыхъ, не объ Ульрикѣ, а объ Амаліи (*Beauclair*, 80) и, вовторыхъ, что особенно важно для характеристики всего разсказа Фридриха II, рѣчь эту завелъ именно Бестужевъ, котораго Фридрихъ II выставляетъ человѣкомъ, подкупленнымъ въ пользу саксонской принцессы.

Само собою разумѣется, что вице-канцлеръ Бессужевъ-Рюминъ былъ заинтересованъ вопросомъ о бракѣ русскаго великаго князя; но роль, приписываемая ему въ депешахъ иностранныхъ дипломатовъ, представляетъ въ совершенно ложномъ свѣтѣ его участіе въ этомъ дѣлѣ. Мардефельдъ и Шетарди, преслѣдуя свои личныя цѣли, лгали въ своихъ депещахъ на вице-канцлера; мы, не имѣя въ своихъ рукахъ источниковъ, повторяли ихъ дожь. Теперь не подлежитъ уже сомнѣнію, что какъ только за-

---

[1]) На это предложеніе Фридрихъ II отвѣчалъ, что его старшая сестра, Ульрика, zum Heiratten keine Lust bezeugt (*Pol. Corr.*, III, 5). Между тѣмъ, *Шлецеръ,* во всемъ довѣряя запискамъ Фридриха, говоритъ, что прусскій король отклонилъ просьбу русской императрицы относительно Ульрики потому, между прочимъ, что er hatte bereits in Geheimen für die Prinzessin Louise Ulrike den schwedischen Thronfolger bestimmt (S. 31).

шла рѣчь о бракѣ великаго князя, еще въ іюнѣ 1742 года, вице-канцлеръ представилъ императрицѣ, въ числѣ другихъ невѣстъ, и прусскую принцессу Амалію, младшую сестру Фридриха II. Это былъ въ то время фактъ общеизвѣстный, о которомъ упоминали иностранные посланники въ своихъ депешахъ и современные писатели[1]). Мало-того: при первомъ же свиданіи съ прусскимъ посланникомъ, Бестужевъ не скрылъ отъ него, что при обсужденіи вопроса о невѣстахъ была упомянута и Амалія (*Pol. Corr.*, II, 241). Извѣщенный объ этомъ, прусскій король, въ рескриптѣ отъ 30-го іюля 1742 года, предписалъ Мардефельду избѣгать даже разговоровъ о подобномъ бракѣ — alle Discurse von Mariages zu esquiren und zu evitiren. Объ этомъ былъ извѣщенъ и прусскій министръ Подевильсъ въ слѣдующей категорической формѣ: Von der russischen Heiraths affaire wolen S. Königl. Majestät nichts wissen (*Pol. Corr.*, II, 268). Такое безпокойство, однако, было совершенно излишне: не вина Бестужева, если Мардефельдъ сообщилъ королю о принцессѣ Амаліи, какъ о серьезномъ намѣреніи. Въ 1746 году, составляя свою „Histoire de mon temps“, когда уже цербстская принцесса Софія была великою княгинею Екатериною Алексѣевною, Фридрихъ II пишетъ, что „болѣе всѣхъ пригодна для Россіи“ именно принцесса цербстская; но въ 1743 году, когда дѣлался выборъ, прусскій король писалъ иное: Фридрихъ II впервые упоминалъ о цербстской принцессѣ въ рескриптѣ Мардефельду отъ 2-го ноября 1743 г. и не объ ней одной, а на ряду съ принцессами гессенъ-дармштадтскими (*Pol. Corr.*, II, 458), которыхъ онъ предлагалъ даже и въ декабрѣ (*Pol. Corr.*, II, 481, 489), когда уже выборъ былъ сдѣланъ, когда уже было послано въ Цербстъ приглашеніе пріѣхать въ Россію. Изъ этого уже видно, что если Фридрихъ II и можетъ быть названъ „сватомъ“, то во всякомъ случаѣ не „главнымъ“. Но

---

[1]) The King of Prussia's younqest sister, въ депешѣ *Вича* отъ 5-го февраля 1743 г. (*Лонд. Архивъ*, Russia, № 43); *Beauclair*, 80; *Laveau*, 37; *Biester*, 13, и др.

есть указаніе, что относительно цербсткой принцессы онъ не былъ даже и простымъ сватомъ.

Шлецеръ, со словъ Ранке, утверждаетъ, что прусскій министръ первый назвалъ Фридриху II цербстскую принцессу, а Фридрихъ предложилъ ее Елизаветѣ Петровнѣ (*Ranke*, III, 125; *Schlözer*, 31). Между тѣмъ, въ депешѣ Шетарди къ статсъ-секретарю Амело, отъ 17-го января 1744 года, говорится, что въ четвергъ, 12-го анваря, императрица ему „откровенность учинила о супружествѣ молодой принцессы Цербстской", причемъ прибавила, что „она принуждена была для лучшаго сокрытія отъѣзда сихъ двухъ принцессъ *о томъ королю прусскому открыть*" (*Архивъ кн. Воронцова*, I, 479). Такимъ образомъ, не Фридрихъ II извѣстилъ Елизавету Петровну, а наоборотъ, она его извѣстила о выборѣ невѣсты именно въ лицѣ принцессы цербстской. На этотъ счетъ есть и совершенно положительное указаніе. Въ „Дневникѣ докладовъ колегіи иностранныхъ дѣлъ" значится, что въ отвѣтѣ на рекомендацію Фридрихомъ II принцессы цербсткой и ея дочери (*Pol. Corr.*, II, 319) предполагалась слѣдующая фраза: „о меритахъ оныхъ принцессъ ея императорское величество *посторонне отъ другихъ слышать изволила*" (*Арх. кн. Воронцова*, VI, 40).

Фридрихъ II основалъ свой разсказъ на депешахъ Мардефельда, между тѣмъ прусскій король имѣлъ уже указаніе, что его посланникъ не пользуется довѣріемъ русскаго двора. По депешамъ Мардефельда, онъ все: онъ уговариваетъ императрицу остановить свой выборъ на цербстской принцессѣ, онъ укрѣпляетъ ее въ этомъ выборѣ, онъ подкупаетъ чуть-ли не весь синодъ признать, что близкое родство не помѣха браку (*Pol. Corr.*, II, 481, 488; III, 28) и т. п. Между тѣмъ, еще при самомъ началѣ выбора невѣсты для великаго князя, русскій посланникъ при берлинскомъ дворѣ графъ Чернышевъ заявлялъ, 2-го августа 1742 г., желаніе своего двора, чтобъ Мардефельдъ былъ отозванъ изъ Петербурга, и Фридрихъ II соглашался перемѣстить Мардефельда опять въ Вѣну, а въ Петербургѣ акредитовать Фокерода, возведя его предварительно въ баронское достоинство (*Pol. Corr.*, II, 252).

Тѣмъ не менѣе, Фридрихъ II вполнѣ довѣряетъ Мардефельду, который рисуется въ своихъ депешахъ всесильнымъ при русскомъ дворѣ, довѣряетъ даже послѣ того, какъ, въ 1745 году, вслѣдъ за бракомъ, опять было потребовано отозваніе Мардефельда, и онъ вскорѣ былъ отозванъ. Эту крайнюю довѣрчивость Фридриха II къ депешамъ посланниковъ мы уже имѣли случай отмѣтить въ „Первыхъ политическихъ письмахъ Екатерины II“, стр. 32.

Въ 1775 году, перечитывая свою „Histoire de mon temps“, Фридрихъ II измѣнилъ нѣсколько разсказъ: онъ двѣ фразы исключилъ и одну вставилъ. Въ 1746 г., сознавая, что Ульрика стара для Петра Ѳедоровича, онъ прибавилъ фразу о ея необыкновенной красотѣ, извѣстной всей Европѣ — эта фраза была уничтожена, равно какъ и нелогичная тирада о пожертвованіи своею кровію ради политическихъ выгодъ, такъ какъ къ 1775 году оказалось уже, что Ульрика, какъ шведская королева, не оправдала возлагавшихся на нее братомъ надеждъ. Цербстскій князь умеръ въ 1747 г., и потому во второй редакціи „Исторіи моего времени“ появляется слѣдующая вставка: „Самъ отецъ невѣсты противился браку: будучи ревностнымъ лютераниномъ, какіе бывали въ первыя времена реформаціи, онъ не хотѣлъ позволить своей дочери сдѣлаться схизматичкою, и согласился только тогда, когда одинъ пасторъ, отличавшійся большою терпимостью, доказалъ ему, что греческая религія почти то же самое, что лютеранская“. Это почти дословное повтореніе письма Фридриха II къ герцогинѣ гессенъ-дармштадтской, о которомъ упомянуто ниже, въ Изслѣдованіи 2-мъ.

Соловьевъ не довѣряетъ разсказу Фридриха II: „Въ этомъ разсказѣ, говоритъ онъ, очевидны преувеличенія, стараніе выставить свое участіе въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ какъ оно было на самомъ дѣлѣ. Странно предположить, чтобъ первая мысль объ этомъ бракѣ принадлежала прусскому королю, а не Брюммеру при извѣстной преданности послѣдняго къ герцогскому дому“ (XXI, 324). Въ текстѣ мы привели дословный переводъ того письма Брюммера, которое смутило почтеннаго историка — по

этому письму легко сдѣлать оцѣнку и самого Брюммера, и его преданности голштинскому дому. Противъ Брюммера, но въ защиту Фридриха II, высказываются *Θеоктистовъ,* „Отношеніе Россіи къ Пруссіи“, 42, и *Брикнеръ,* 195.

Для всесторонняго разъясненія вопроса необходимо упомянуть о свидѣтельствѣ лица, наиболѣе заинтересованнаго въ данномъ случаѣ — самой Екатерины II.

Вскорѣ послѣ обрученія великая княжна Екатерина Алексѣевна написала прусскому королю, отъ 21-го іюля 1744 г., слѣдующее письмо: „Sire, je sens trop parfaitement la part que Votre Majesté a au grand établissement, où je viens d'entrer, pour oublier les remerciments que je Lui en dois, recevez les ici, Sire, et persuadez vous que je ne le considérerai glorieux pour moi qu'alors que j'aurai eu l'occasion de vous convaincre de ma reconnaissance et de l'attachement“ (*Сборникъ,* XX, 149; *Pol. Corr.*, III, 239). Въ этомъ письмѣ, составленномъ, конечно, подъ диктовку матери, говорится только объ участіи короля въ судьбѣ Екатерины, что совершенно согласно съ ходомъ дѣла: Фридрихъ II принималъ участіе и даже довольно большое, но не въ выборѣ, а въ успѣшномъ устройствѣ дѣла, когда уже выборъ былъ сдѣланъ. Гораздо важнѣе позднѣйшія указанія Екатерины. Такъ, въ письмѣ къ Гримму, собиравшемуся посѣтить мѣсто ея родины, Штетинъ, Екатерина пишетъ, между прочимъ, отъ-го іюня 1776 года: „Or à tout cela je ne vois pas qu'il y ait rien de fort intéressant, à moins que vous ne croyiez que le local ne soit bon ou n'influe à faire des impératrices passables; en ce cas vous devriez proposer *au roi de Prusse* d'y établir une pepinière dans ce goût, et s'en accommoderait qui voudrait“ (*Сборникъ,* XXIII, 51). Упоминаніе прусскаго короля объясняется, вопервыхъ, принадлежностью Штетина Пруссіи и, вовторыхъ, общимъ, самимъ Фридрихомъ II распространеннымъ въ то время мнѣніемъ, что бракъ Екатерины былъ устроенъ прусскимъ королемъ. Незадолго до вышеприведеннаго письма къ Гримму, въ 1744 г., вышла въ Лондонѣ „Исторія Петра III“ съ общепринятымъ указаніемъ: le roi de Prusse proposa la princesse d'Anhalt-Zerbst (*Beauclair,* 80), и это повторялось всѣми.

Мы не отвергаемъ извѣстнаго участія Фридриха II въ

бракѣ цербстской принцессы съ великимъ княземъ; но признаемъ, что въ выборѣ невѣсты для Петра Ѳедоровича ни Фридрихъ II, ни Брюммеръ не участвовали, и что Фридрихъ II не имѣлъ серьезныхъ основаній вставить въ 1775 году, въ свою „Histoire de mon temps" слѣдующую фразу: „Этимъ бракомъ утверждалась безопасность Пруссіи: русская великая княгиня, вскормленная и воспитанная въ прусскихъ земляхъ, *обязанная своимъ счастіемъ прусскому королю*[1]), должна, изъ чувства благодарности, держать его сторону" (*Herrmann*, V, 76).

II.

Вопросъ о перемѣнѣ вѣры.

Ровно двѣ недѣли спустя послѣ пріѣзда принцессы Софіи въ Москву, маркизъ де-ла Шетарди, въ депешѣ 24-го февраля 1744 года, извѣщалъ статсъ-секретаря Амело, что Бестужевъ-Рюминъ убѣдилъ московскаго архіепископа противиться браку великаго князя съ принцессою цербстскою: „Онъ московскаго архіепископа на свою сторону преклонилъ, который съ достойною себѣ и тому человѣку глупостію, который на оную побуждалъ, пришелъ къ Царицѣ оспаривать всякое принятое въ супружествѣ великаго князя съ молодою принцессою цербстскою обязательство" (*Архивъ кн. Воронцова*, I, 510). Представляя императрицѣ перлюстрацію депешъ Шетарди, вице-канцлеръ опровергъ эту ложь французскаго дипломата въ слѣдующей категорической „ремаркѣ": „Какого зла въ свѣтѣ и вымыслить не можно, такое маркизъ Шетарди съ своими сообщниками Лестокомъ и Брюмеромъ умышленно вице-канцлеру приписуетъ. Сіе ихъ богомерзкое и зловымышленное оклеветаніе удостовѣрительно доказать можно, когда Ея Императорскому Величеству высочайше угодно будетъ Московскаго архіепископа, или всякую иную ду-

---

[1]) Une grande duchesse de Russie, élevée et nourrie dans les terres prussiennes, devant au roi sa fortune etc, (*Posner*, 464).

ховнаго чина особу, подъ клятвою спросить, учинено-ли было ему, или кому иному, какое-либо ни есь отъ вице-канцлера о супружествѣ съ принцессою цербстскою внушеніе, или хотя по меньшей мѣрѣ имѣлъ-ли вице-канцлеръ съ кѣмъ нибудь изъ нихъ какіе партикулярные разговоры, наименьше же какія о семъ соглашенія“ (*Архив кн. Воронцова*, I, 512).

Съ легкой руки маркиза Шетарди, вопросъ о перемѣнѣ принцессою Софіею исповѣданія вызвалъ цѣлую массу исторической неправды, разсѣянной и въ офиціальныхъ реляціяхъ Мардефельда, и въ частныхъ письмахъ княгини-матери. Ложь Шетарди опровергнута Бестужевымъ-Рюминымъ; ложь прусскаго посланника и княгини цербстской остается до настоящаго времени не опровергнутою и повторяется всѣми, даже новѣйшими историками. Объясняется это отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что вопросъ о перемѣнѣ исповѣданія принцессою Софіею, о переходѣ ея изъ протестанства въ православіе, обсуждался преимущественно протестантскими учеными, для которыхъ рѣшеніе подобнаго вопроса являлось дѣломъ личнаго самолюбія — протестанты-историки желали на этомъ вопросѣ выставить заслугу протестантизма, какъ религіи, отъ великихъ истинъ которой трудно отказаться даже 15-ти-лѣтней дѣвочкѣ. Нечего и говорить, что каждый изъ нихъ старательно твердитъ, что отецъ принцессы Софіи былъ ein strenger Protestant (*Schlözer*, 46), ein strenger lutherischer Christ (*Siebigk*, 16) и т. п. Отчасти же, неправда, затуманивающая этотъ вопросъ, объясняется „фанатизмомъ“ отца принцессы Софіи, который, какъ насъ увѣряютъ, не допускалъ даже и мысли о перемѣнѣ религіи его дочерью. Правда-ли это?

Съ цербстскимъ владѣтельнымъ княземъ Христіаномъ-Августомъ мы уже знакомы по „инструкціи“ (см. выше, стр. 39—41), которою онъ благословилъ дочь передъ отъѣздомъ ея изъ Цербста. Въ ней онъ рисуетъ себя вполнѣ честнымъ, прямымъ, и въ то же время довольно тупымъ, мелочнымъ человѣкомъ, но вовсе не фанатикомъ. Онъ, конечно, высказываетъ желаніе, чтобъ его дочь если воз-

можно, осталась лютеранкою[1]), но вовсе не запрещаетъ, въ случаѣ необходимости, принять греческую вѣру и только проситъ, чтобы эта перемѣна была сдѣлана безъ принужденія[2]), послѣ ознакомленія съ греческою вѣрою и ея отличіемъ отъ лютеранскаго исповѣданія. Развѣ такъ поступаютъ фанатики?

Совершенно инымъ представляется отецъ принцессы Софіи подъ перомъ Фридриха II. Прусскій король говоритъ, что Христіанъ-Августъ былъ „un luthérien, comme il était du temps de la réforme". Зачѣмъ нужна была прусскому королю такая именно характеристика цербстскаго князя? Такъ какъ Христіанъ-Августъ далъ свое согласіе на перемѣну религіи его дочерью, то Фридриху II хотѣлось приписать себѣ заслугу въ полученіи этого согласія: чѣмъ болѣе „фанатикъ" Христіанъ-Августъ, тѣмъ болѣе чести Фридриху II, который добился отъ него согласія на перемѣну исповѣданія! Прусскій король писалъ ландграфинѣ гессенъ-дармштадтской: „Mon bon prince de Zerbst était plus rétif sur ce point. J'eus bien de la peine à vaincre ses scrupules de religion; il répondit à toutes mes représentations par: Meine Tochter nicht griechisch werden! Mais quelque prêtre que je sus gagner en ce temps fut assez complaisant pour lui persuader que le rite grec était pareil à celui des luthériens, et il répétait sans cesse: Lutherisch-griechisch, griechisch-lutherisch, das gehet an!" (*Schlözer*, 51). Въ этомъ небольшомъ отрывкѣ изъ письма, посланнаго гораздо позже (in späteren Jahren), Фридрихъ II противорѣчитъ и Христіану-Августу, который никогда не запрещалъ дочери принять греческую вѣру, и самому себѣ: какой же „лютеранинъ временъ Лютера" согласился бы признать, что греческая вѣра не разнствуетъ отъ лютеранскаго исповѣданія, что это одно и то же? Между тѣмъ, этотъ отрывокъ повторяется всѣми новѣйшими писателями[3]), какъ важный аргументъ. Въ этомъ случаѣ вина всецѣло падаетъ на Фридриха II: онъ былъ въ непосредственныхъ

---

1) Wäre zu versuchen ob nicht die Lutherische Religion bey zu behalten könne.

2) Meine Tochter zu zwingen oder zuzureden ist nimmer zu rathen.

3) *Siebigk*, 58; *Брикнеръ*, 220; Brükner, 27; конечно, и *Диринъ*, 81.

сношеніяхъ съ своимъ фельдмаршаломъ и, слѣдовательно, добровольно, ради своихъ личныхъ видовъ, распространялъ подобную неправду, когда князя давно уже не было въ живыхъ[2]). Извѣстно, впрочемъ, что писаніямъ Фридриха II нельзя довѣрять: онъ очень часто прибѣгалъ къ перу, чтобы ввести въ заблужденіе. Относительно же настроенія принцессы Софіи его нельзя обвинять, такъ какъ тутъ онъ самъ былъ введенъ въ заблужденіе: княгиня-мать обманывала Мардефельда, и прусскій посланникъ, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда замѣчалъ, что его обманываютъ, сообщалъ этотъ обманъ прусскому королю. Относительно принцессы Софіи вина падаетъ на ея мать.

Еще цербстскія гостьи были въ Петербургѣ, онѣ не видѣли еще ни императрицы, ни великаго князя, какъ уже княгиня Іоганна-Елизавета сообщаетъ Мардефельду свои опасенія на счетъ дочери относительно перемѣны вѣры. 6-го февраля, изъ Петербурга, Мардефельдъ пишетъ Фридриху II: „Il n'y a qu'un point, qui m'embarasse infiniment; c'est que la mère croit ou *fait semblant de croire*, que cette jeune bauté (la princesse Sophie) ne pourra se résoudre à embrasser la religion grecque“ (*Schlözer*, 50). Это „fait semblant de croire“ ясно показываетъ недовѣріе къ словамъ княгини. Отвѣтъ короля Мардефельлу, отъ 18-го февраля 1744 г., указываетъ, что и Фридрихъ II не допускалъ въ этомъ случаѣ большихъ затрудненій: „Je ne doute nullement qu'on ne pourra faire résoudre la jeune princesse de Zerbst à embrasser la religion grecque, pourvu qu'on s'y prenne d'une bonne manière et qu'on lui laisse en tout cas autant de temps qu'on a laissé sur cela au Grand Duc“ (*Pol. Corr.*, II, 47). Убѣжденный, что свѣдѣнія, полученныя отъ Мардефельда, справедливы, Фридрихъ II, въ тотъ же день, пишетъ княгинѣ: „Il ne me reste, Madame, que de vous prier de vaincre la répugnance de votre fille pour la religion grecque, après quoi vous aurez couronné votre oeuvre“ (*Pol. Corr.*, III, 48).

---

[2]) Въ первой редакціи „Histoire de mon temps“, относящейся къ 1746 г., когда князь цербстскій былъ еще живъ, этого разсказа вовсе нѣтъ, онъ появляется только въ позднѣйшей передѣлкѣ, сдѣланной въ 1775 г. (*Posner*, 463).

И, такимъ образомъ, составляется мнѣніе, повторяемое до сихъ поръ, что принцесса Софія чувствовала *отвращеніе къ православію!* Не обращаютъ вниманія на мутный источникъ, изъ котораго вытекло это мнѣніе, на *fait semblant* княгини.

Положеніе Мардефельда при русскомъ дворѣ было таково, что онъ, конечно, только со словъ княгини могъ сообщать Фридриху II о положеніи принцессы Софіи, которую онъ видѣлъ только при выходахъ, пріемахъ, на куртагахъ, когда этикетъ тщательно скрываетъ отъ постороннихъ глазъ всякое душевное настроеніе. Княгиня же, недѣлю спустя послѣ пріѣзда въ Москву, 18-го февраля, писала уже своему мужу: „j'ai peur pour la religion, car sa Majesté est fort dévote“ (*Siebigk*, 45). Чего же боялась княгиня? Еще ни о чемъ и рѣчи не было—это она подготовляетъ князя. Хитрая княгиня одно пишетъ мужу и совершенно другое передаетъ Мардефельду: въ каждомъ письмѣ къ мужу она говоритъ о внутреннемъ сходствѣ обоихъ исповѣданій, отличающихся только внѣшними обрядами; Мардефельду же она сообщаетъ, что ея дочь утопаетъ въ слезахъ (quand elle se trouve seule aves de personnes qui ne lui sont pas suspectes), что „душа ея ясно видитъ и сознаетъ уже, что чуждая религія не въ состояніи вознаградить ее за потерю родной вѣры и что въ такія минуты приходилось удалять Тодорскаго и тайкомъ (im Geheimen) приводить къ ней лютеранекаго пастора, изъ устъ котораго принцесса могла бы почерпнуть утѣшеніе и надежду“ (*Schlözer*, 48). Княгиня, да вѣроятно и Мардефельдъ думали спасти этотъ разсказъ прибавкой, что все происходило въ тайнѣ, но это *тайкомъ* обращаетъ весь разсказъ въ сказку. Кто же повѣритъ, чтобъ Тодорскій позволилъ себя удалить, а графиня Румянцева разрѣшила бы впустить „тайкомъ“ пастора? Кто жилъ при дворѣ, тотъ знаетъ, легко-ли таиться въ придворной жизни и можно-ли „тайкомъ“ устроить подобное свиданіе. Вся эта сказка выдумана княгинею, чтобъ парализовать призывъ Тодорскаго принцессою Софіею во время ея болѣзни.

Отмѣтимъ еще одну фальшъ въ вопросѣ о перемѣнѣ

вѣры принцессою Софіею. Новѣйшіе историки, касаясь этого вопроса, считаютъ необходимымъ изслѣдовать, насколько принцесса была искренна въ этомъ случаѣ, но, конечно, не приходятъ ни къ какому результату относительно религіозныхъ ея убѣжденій. Ob dieser Umschwung ihrer Ansichten aus eigner Ueberzeugung hervorging oder ob die Prinzessin, von der Mutter bewogen, sich fügte, als in eine Sache, die unvermeidlich war, und sich wie vorstehend nur aussprach, um den Vater in der Ferne zu beruhigen, vermögen wir nicht zu entscheiden (*Siebigk*, 57). „Трудно составить себѣ точное понятіе о мѣрѣ внутренней религіозности Екатерины", замѣчаетъ *Брикнеръ*, 224, и въ другомъ мѣстѣ: „Трудно сказать, какъ сама Екатерина внутренно относилась къ вопросу о перемѣнѣ вѣры" (*Brückner*, 27). Напротивъ, намъ кажется очень нетрудно: она относилась къ этому вопросу такъ, какъ сама же сообщала въ своихъ письмахъ къ отцу, т. е. именно такъ, какъ только и можетъ относиться къ подобному вопросу 15-тилѣтняя дѣвочка. Конечно, лицемѣры рѣшаютъ, что принцесса была прежде дурною лютеранкою и стала теперъ дурною православною; но только лицемѣры и способны серьезно ставить вопросъ объ искренности религіозныхъ убѣжденій у юной принцессы наканунѣ ея помолвки. Перемѣна религіи была для нее средствомъ, никакъ не цѣлью. Она легко выучила символъ вѣры, усвоила необходимые для церемоніи отвѣты, жесты, позы, потому что, по словамъ императрицы, безъ этого былъ немыслимъ бракъ съ великимъ княземъ. Если только христіанская мораль одна и та же у православныхъ и у лютеранъ, то внѣ этого вопроса, всѣ исповѣданія были совершенно безразличны для принцессы Софіи: она нашла тождественными греческую и протестантскую вѣры, какъ нашла бы одинаковыми протестантскую и католическую, если бы женихъ ея былъ католикъ, причемъ папа явился бы не болѣе какъ обрядомъ, церемоніею. Спросите любую даму, пожилую, не дѣвочку: въ чемъ заключаются особенности православія, протестантизма, католичества — ни одна не дастъ сознательнаго отвѣта; не лицемѣріе-ли же ставить подобныц вопросъ если не дѣвочкѣ, то юной дѣвицѣ?

Нѣмецкій ученый Гиллебрандъ, ученый очень серьезный, пользующійся извѣстнымъ авторитетомъ въ наукѣ, рѣшаетъ вопросъ весьма оригинально: „Обращеніе было не столько дѣломъ Симона Тодорскаго, сколько господъ парижскихъ философовъ, особенно Вольтера“ [1]). Оригинально, но невѣрно: принцесса Софія знала имя Вольтера, но не читала ни одного изъ его произведеній, съ которыми Екатерина познакомилась значителью позже. Какъ и многіе, Гиллебрандъ смѣшиваетъ цербстскую принцессу съ русскою великою княгинею, даже съ императрицею Екатериною II.

III.

Подложное письмо Екатерины.

Въ началѣ 1755 года англійскій посланникъ при русскомъ дворѣ, Гюи-Диккенсъ, сталъ просить о своемъ отозваніи. Онъ слишкомъ старъ, онъ усталъ: „Англійскій король долженъ имѣть при этомъ дворѣ посломъ человѣка во цвѣтѣ лѣтъ, крѣпкаго и здороваго. По здѣшнимъ понятіямъ, посолъ не долженъ пропускать ни одного куртага и бала, ни одного маскарада и спектакля, вообще ни одного общественнаго увеселенія. Въ этомъ здѣсь видятъ главную задачу всякаго посольства, къ чему я уже по старости лѣтъ неспособенъ, какъ бы это ни признавалось здѣсь необходимымъ“ (*Raumer*, II, 281). Диккенсъ видитъ, что переговоры затягиваются, дѣла залеживаются; онъ не находитъ въ себѣ достаточныхъ силъ ни ускорить рѣшеніе важныхъ для его правительства вопросовъ, ни противодѣйствовать всѣмъ интригамъ и кознямъ, разыгрывающимся при русскомъ дворѣ, и просится въ отставку. Въ апрѣлѣ 1755 года Диккенсъ былъ отозванъ; мѣсто его занялъ сэръ Чальзъ Гэнбури Уильямсъ.

---

[1]) Die Bekehrung war nicht so sehr das Werk des Archimandriten Teodorsky als der Herren Philosophen in Paris, vor Allem des Erzfeindes Voltaire (*Hillebrand*, Katharina II und Grimm въ „Deutsche Rundschau“, 1880, VII, 388).

Эта смѣна лицъ была довольна неудачна. Уильямсъ былъ уже нѣсколько лѣтъ представителемъ Англіи при саксонскомъ дворѣ, и въ Лондонѣ имѣли время оцѣнить по достоинству его донесенія. Правда, Уильямсъ былъ хорошо образованъ, сравнительно молодъ, веселъ, остроуменъ; но это былъ фантазеръ, человѣкъ нервный и на столько предубѣжденный, что онъ видѣлъ только то, что предполагалъ видѣть; слушая рѣчь, онъ понималъ ее въ томъ именно смыслѣ, въ какомъ она ему казалась желательною. Нельзя, конечно, сказать, что въ своихъ донесеніяхъ онъ завѣдомо обманываль свое правительство; онъ искренно вѣрилъ въ то, о чемъ доносилъ; но онъ самъ составлялъ себѣ невѣрныя представленія о томъ, что видѣлъ и слышалъ. Иногда просто удивляешься, какимъ образомъ могли довѣрять его донесеніямъ и современные ему дѣятели, и позднѣйшіе историки. Его донесенія нерѣдко такъ наивны, что не представляется даже затруднительнымъ разоблачить ихъ вымыселъ. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ іюнѣ, и уже въ депешѣ отъ 2-го октября сообщаетъ: „Состояніе здоровья императрицы нехорошо: она страдаетъ кровотеченіемъ, одышкой, постоянно кашляетъ, у нея опухоль въ колѣнахъ и водянка въ животѣ—однако, она танцовала со мною минуетъ“ *Raumer*, II, 295). Что-нибудь изъ двухъ: или Елизавета Петровна не была до такой стрепени больна, или она не танцовала съ „опухолью въ колѣнахъ и водянкой въ животѣ“. Но Уильямсъ присланъ на смѣну человѣка, который жаловался, что не въ силахъ принимать участія въ придворныхъ увеселеніяхъ и желаетъ убѣдить и себя, и пославшихъ его, что онъ даже больную Елизавету Петровну можетъ увлечь въ минуетъ.

Не прошло и полугода послѣ прибытія Уильямса въ Петербургъ, какъ стали обнаруживаться всѣ качества новаго англійскаго посла. Уже въ концѣ 1755 года многіе признавали, что „донесеніямъ Уильямса можно довѣрять лишь по мѣрѣ того, какъ событія оправдываютъ ихъ; онъ не разъ уже высказываль такія увѣренія, которыя потомъ опровергались“ (*Pol. Corr.*, XII, 86). Въ маѣ 1756 г. Фридрихъ пишетъ въ Лондонъ своему повѣренному въ

дѣлахъ Мишелю: „Мнѣ хотѣлось бы передать вамъ, но единственно только для вашего свѣдѣнія и съ тѣмъ, чтобъ вы не сообщали этого англійскимъ министрамъ, что Уильямсъ вовсе не любъ русскому двору своимъ слишкомъ живымъ характеромъ, такъ что онъ имѣлъ уже нѣсколько непріятностей. Извѣщаю васъ объ этомъ только для того, чтобъ вы старались разузнать подъ рукою, извѣстно-ли англійскимъ министрамъ это обстоятельство, неподлежащее сомнѣнію“ (*Pol. Corr.*, XII, 362). Въ то время, когда Уильямсъ увѣрялъ себя, что одержитъ верхъ надъ австро-французскими происками въ Петербургѣ, говорилъ, что „вынырнетъ именно тогда, когда этого менѣе всего ожидаютъ“ (*Pol. Corr.*, XIII, 41), люди посторонніе сообщали Фридриху II, изъ Петербурга, что „Англія и ея представитель испортили здѣть свое дѣло. Когда же, наконецъ, англійское правительство рѣшилась отозвать Уильямса, противъ этой мѣры высказался именно Фридрихъ II, считавшій его лицомъ, заслуживающимъ довѣрія (eine glaubwürdige Person), причемъ, прусскій король прямо заявилъ, что „русскій молодой дворъ нуждается въ добрыхъ совѣтахъ Уильямса“ (*Pol. Corr.*, XIV, 247). Что это значитъ? Почему Фридрихъ II такъ интересуется велико-княжескимъ дворомъ?

Извѣстія о русскомъ большомъ дворѣ, не только, собственно, придворныя, но даже и чисто военныя, Фридрихъ II получалъ изъ разныхъ источниковъ и нерѣдко извѣстія вполнѣ точныя[1]); о маломъ же дворѣ — только

---

[1]) Самыя важныя и самыя точныя извѣстія изъ Петербурга шли къ Фридриху II отъ голландскаго посланника ванъ-Сварта. Изъ всѣхъ иностранныхъ представителей, Свартъ (Mynheer van Swart) пользовался въ Петербургѣ наибольшимъ довѣріемъ русскаго двора: le grand-chancellier le consulte sur tout et l'informe le plus confidemment du monde de tout ce qui se passe (*Pol. Corr.*, XIII, 116). Его депеши вскрывались въ берлинскомъ почтамтѣ и копіи съ нихъ доставлялись Фридриху II; шифрованныя же мѣста получались позже, изъ Гаги, отъ прусскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Геллена, при посредствѣ англійскаго посланника въ Гагѣ, Йорка (см. выше, стр. 424, прим. 1). Такимъ путемъ была получена и чрезвычайно важная депеша Сварта отъ 19-го іюня 1756 года.

отъ Уильямса. Вотъ почему Фридрихъ II желалъ, чтобъ Уильямсъ не былъ отозванъ изъ Петербурга. Можно-ли, однако, довѣрять донесеніямъ Уильямса о маломъ дворѣ? Уже самое положеніе Уильямса при петербургскомъ дворѣ должно было предостеречь Фридриха II: Уильямсъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ спеціальною цѣлью возбудить русскій дворъ противъ Фридриха II; спустя же полгода его миссія получила прямо противоположное назначеніе— расположить петербургскій дворъ въ пользу прусскаго короля. Человѣкъ, принимавшій на себя такія исключающія одна другую обязанности, не внушалъ къ себѣ никакого довѣрія, хотя и носилъ званіе дипломата. Могъ-ли Фридрихъ II довѣрять донесеніямъ англійскаго посланника, который своими депешами вводилъ въ заблужденіе[1]) даже своего короля?

Нѣмецкіе историки, подобострастно относящіеся къ Фридриху II, стараются въ этомъ случаѣ „главную вину" отнести къ союзницѣ короля, Англіи, которая, по ихъ мнѣнію, была обязана сообщать прусскому королю всѣ получаемыя ею етъ Уильямса извѣстія о томъ, что творится при петербургскомъ дворѣ, гдѣ Фридрихъ II не имѣлъ своего представителя[2]). Фридрихъ II никогда не высказалъ бы подобнаго обвиненія лондонскому министерству: самъ нерѣдко вводившій другихъ въ заблужденіе

---

[1]) Графъ Робертъ Гольдернесъ, англійскій государственный секретарь по дѣламъ Сѣвера, пишетъ Уильямсу, отъ 30-го марта 1756 года: „Король былъ крайне удивленъ тѣмъ, что послѣ вашихъ сообщеній о добрыхъ намѣреніяхъ обоихъ канцлеровъ, Бестужева и Воронцова, и объ ихъ рѣшеніи представить императрицѣ вестминстерскій договоръ въ благопріятномъ для насъ смыслѣ, русскій посланникъ кн. Голицынъ получилъ приказанія, прямо противорѣчащія тому, чего король, согласно вашимъ донесеніямъ, въ правѣ былъ ожидать" (*Raumer*, II, 316).

[2]) Die lange Verkennung der Situation in Petersburg fällt allerdings *theilweise* dem Könige zur Last... Dennoch aber trifft die *Hauptschuld* für die lange Täuschung Friedrich's seine englischen Bundesgenossen... Englands Pflicht wäre es gewesen, den König, der keinen Vertreter in Petersburg besass, über die von dem dortigen englischen Gesandten einkommenden Meldungen jederzeit getreue Mittheilung zu machen (*Naudé*, Friedrich der Grosse vor dem Ausbruch des Siebenjährigen Krieges, *Hist. Zeitschr.*, LV, 448).

и завѣдомо лгавшій въ своихъ бумагахъ (*Pol. Corr.*, XIII, 163, 470), даже приказывавшій другимъ обманывать и лгать (*Ibid.*, XIII, 247), онъ зналъ, что въ свою очередь и его обманываютъ, и ему лгутъ; онъ посылалъ шпіоновъ въ Россію и вѣшалъ русскихъ шпіоновъ, которые попадались въ его руки. Но онъ не жаловался, а находилъ какъ обманъ, такъ и шпіонство совершенно естественными явленіями. Эта мѣрка Фридриха II и должна быть приложена къ нему самому. Вся вина, безраздѣльно и всецѣло, а не „отчасти", должна въ этомъ случаѣ падать на Фридриха II и только на него. Относительно донесеній англійскаго посланника въ Петербургѣ, Фридрихъ II подвергался тройному обману: Уильямсъ, по своему характеру, обманывалъ, прежде всего, самого себя, составляя свои сообщенія слишкомъ субъективно[1]); затѣмъ, лондонскій кабинетъ пересылалъ своему представителю въ Берлинѣ, Митчелю, не всѣ депеши Уильямса, а лишь тѣ, которыя признавалъ необходимымъ[2]); наконецъ, Митчель сообщалъ Фридриху II во французскомъ переводѣ только тѣ мѣста депешъ, которыя считалъ умѣстными[3]). Фридрихъ II даже и не подозрѣвалъ ни одного изъ этихъ обмановъ; онъ все продолжалъ довѣрять донесеніямъ Уильямса, хотя его извѣщали изъ Петербурга уже весною

---

[1]) Въ депешѣ отъ 7-го августа 1756 года Уильямсъ сообщаетъ: Soyez assuré que les actions de M. Douglas baissent de jour en jour (*Pol. Corr.*, XIII, 270), между тѣмъ какъ они, напротивъ, все повышались и вскорѣ совершенно вытѣснили акціи самаго Уильямса, которому уже въ декабрѣ сообщали, qu'il est devenu odieux à la cour (*Ibid.*, XIV, 164).

[2]) Депеша Уильямса отъ 29-го марта 1756 года не была переслана Митчелю (*Raumer*, II, 339).

[3]) Въ Донесеніи Митчеля графу Гольдернесу, отъ 27-го мая 1756 года, сказано: I acquainted His Majesty with such parts of Sir Charles Hanbury Williams dispatches as J tought the most proper to make an impression upon him and to convince him that affairs at the court of Petersburg were in a very good situation (*Pol. Corr.* XII, 356). Еще откровеннѣе въ донесеніи отъ 22-го іюня того же года: „Я старательно скрылъ отъ прусскаго короля многое изъ депеши Уильямса отъ 5-го и постарался, на сколько было возможно, не обнаружить дурное положеніе нашихъ дѣлъ въ Россіи" (*Hist. Zeitschr.* LV, 449).

1756 года, что „кредитъ Уильямса падаетъ съ каждымъ днемъ“ (*Pol. Corr.*, XII, 419), то-есть, по положенію дѣла, съ каждымъ днемъ должно увеличиваться недовѣріе къ донесеніямъ англійскаго посланника.

Въ депешѣ отъ 2-го ноября 1756 года Уильямсъ впервые связываетъ имя перваго русскаго главнокомандующаго въ Семилѣтнюю войну, фельдмаршала С. Ѳ. Апраксина, съ именемъ великой княгини Екатерины Алексѣевны. По словамъ Уильямса, „Апраксинъ, откланиваясь великой княгинѣ, сказалъ ея высочеству, что отправляется въ Ригу принять начальство надъ арміей, лишенной офицеровъ и кавалеріи“. Что Апраксинъ откланивался великой княгинѣ передъ отъѣздомъ въ Ригу — это болѣе чѣмъ вѣроятно[1]); что въ собранной подъ Ригою арміи чувствовался недостатокъ въ конницѣ — тоже не подлежитъ сомнѣнію[2]); но чтобъ Апраксинъ могъ назвать армію лишенною офицеровъ, когда въ этой арміи на 72.000 штыковъ было болѣе 2,500 офицеровъ (*Масловскій*, 25) — это невозможно[3]): или Екатерина неточно передала Уильямсу слова Апраксина, или Уильямсъ невѣрно сообщилъ слова великой княгини, или, что всего вѣроятнѣе, Уильямсъ сообщилъ въ данномъ случаѣ свой личный взглядъ, желая лишь подкрѣпить именемъ русскаго фельдмаршала свое прежнее мнѣніе, высказанное болѣе мѣсяца назадъ, что „во всемъ русскомъ войскѣ нѣтъ и десяти хорошихъ офицеровъ“ (*Pol. Corr.*, XIII, 547; *Raumer*, II, 400). Этотъ

---

1) Въ запискахъ Екатерины объ этомъ не упомянуто; сказано только: La marechale vint chez nous pour prendre congé de nous avec sa fille. *Mémoires*, 247.

2) Недостатокъ въ лошадяхъ былъ на столько великъ, что, по приказу Апраксина, большая часть ингерманландскихъ драгунъ была спѣшена; даже въ гросъ-егердорфскій періодъ конница составляла едва 6% пѣхоты. *Масловскій*, 29—36.

3) Въ прусской арміи, справедливо считавшейся образцовою, на одинъ батальонъ, въ составѣ отъ 800 до 1,000 человѣкъ, полагалось всего 17 офицеровъ: одинъ батальонный командиръ, четыре ротныхъ командира и 12 субалтернъ-офицеровъ, считая по три на роту. Среднимъ числомъ, въ арміи Фридриха II приходился одинъ офицеръ на 29 солдатъ. Слѣдовательно, Апраксинъ никоимъ образомъ не могъ сказать, будто его армія „лишена офицеровъ“.

отзывъ Апраксина о неготовности русской арміи, въ общемъ вполнѣ подтверждаемый новѣйшими изслѣдованіями г. Масловскаго, представляется, въ сообщеніи Уильямса, весьма подозрительнымъ: въ депешѣ отъ 2-го ноября онъ отнесенъ къ великой княгинѣ; спустя полтора мѣсяца, въ депешѣ отъ 18-го декабря, этотъ же отзывъ Апраксина, повторенный слово въ слово (une armée dépourvue de cavalerie et d'officiers), отнесенъ уже къ императрицѣ[1]). Конечно, Апраксинъ могъ жаловаться на неготовность арміи и императрицѣ, и великой княгинѣ, но Уильямсъ не могъ же не знать источника полученнаго имъ извѣстія.

Наконецъ, сопоставленіе двухъ только-что указанныхъ депешъ Уильямса, отъ 2-го ноября и 18-го декабря, представляетъ возможность высказать довольно рѣшительное мнѣніе какъ о достовѣрности подобныхъ извѣстій, такъ и объ источникѣ ихъ. По тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя заключались въ депешѣ отъ 18-го декабря, она была чрезвычайно важна для прусскаго короля, и, тотчас по полученіи этихъ „секретныхъ новостей", Митчель сообщилъ ее Фридриху во французскомъ переводѣ. Вотъ главная ея часть (*Pol. Corr.*, XIV, 188), касающаяся великой княгини и фельдмаршала Апраксина:

„Посылаю вамъ самыя вѣрныя извѣстія, которыя только удалось мнѣ получить относительно плановъ, касающихся русской арміи. Они были сообщены мнѣ здѣшнимъ лучшимъ моимъ другомъ (ma grande amie), великою княгиней. Она имѣла весьма продолжительный разговоръ съ фельдмаршаломъ Апраксинымъ, въ ночь наканунѣ его отъѣзда въ Ригу, и то, что я пишу вамъ теперь, есть только точный списокъ того письма, которымъ ея высочество почтила меня на другой же день.

„Фельдмаршалъ Апраксинъ сильно жаловался императрицѣ, что его отправляютъ начальствовать надъ арміей, лишенной кавалеріи и офицеровъ. На это великая княгиня спросила его, зачѣмъ же онъ принялъ на себя такое командованіе; Апраксинъ отвѣчалъ, что онъ долженъ былъ подчиниться повелѣнію императрицы. Затѣмъ великая княгиня спросила его, что онъ предполагаетъ дѣлать и думаетъ-ли онъ идти прямо на Мемель. Онъ отвѣчалъ: Что же толку въ такой крѣпостишкѣ, какъ Мемель? что вовсе не имѣется

---

[1]) Il se plaignait à l'Impératrice. *Pol. Corr.*, XIV, 188.

въ виду атаковать его прусское величество, но рѣшено идти прямо чрезъ Польшу въ Силезію. Она возразила, что, быть можетъ, король прусскій атакуетъ васъ во время вашего марша. Онъ отвѣчалъ, что въ такомъ случаѣ я сдѣлаю все, что будетъ возможно для своей защиты; но у меня нѣтъ намѣренія атаковать Пруссію.

„Весь этотъ разговоръ я считаю достовѣрнымъ (véritable), потому что Апраксинъ всегда угождаетъ моему другу великой княгинѣ и считается чревычайно преданнымъ ея интересамъ.

„Я все еще надѣюсь добыть инструкцію, данную Апраксину; мнѣ обѣщали уже два раза, но эти обѣщанія еще не исполнены".

7-го января прочелъ Фридрихъ II эту депешу Уильямса и на другой же день, 8-го января, писалъ своему главнокомандующему въ Восточной Пруссіи, престарѣлому фельдмаршалу Левальду: „Я узналъ изъ вѣрнаго источника, что Апраксину повелѣно, не атакуя ни Мемель, ни Восточную Пруссію, идти чрезъ Польшу въ Силезію. Полагаю, поэтому, что, если такъ, то вы оставите въ Воеточной Пруссіи только гарнизонные батальоны Люкскаго полка и земскій батальонъ, а со всѣми остальными войсками двинетесь въ тылъ русскихъ войскъ Апраксина и будете слѣдовать за ними до Силезіи, что, конечно, крайне затруднитъ Апраксина и будетъ держать его въ постоянномъ страхѣ" (*Pol. Corr.*, XIV, 191). Умный Фридрихъ II сообщалъ свои мысли, однако, условно: его осторожное „wenn es dazu kommt" указываетъ, что онъ не вполнѣ довѣрялъ извѣстіямъ депеши Уильямса. Можемъ-ли мы довѣрять этой депешѣ?

Апраксинъ выѣхалъ изъ Петербурга 30-го октября; наканунѣ отъѣзда, ночью, слѣдовательно, съ 29-го на 30-е октября, долженъ былъ происходить разговоръ Апраксина съ великою княгиней; на другой же день (le lendemain), то-есть, 30-го же октября, великая княгиня должна была написать письмо Уильямсу. Что сдѣлалъ бы англійскій посланникъ, еслибъ онъ, дѣйствительно, получилъ 30-го октября письмо отъ великой княгини съ столь важными извѣстіями? Конечно, то, что сдѣлалъ Функе (*Pol. Corr.*, XII, 305), что сдѣлалъ бы всякій посланникъ, что сдѣлалъ въ другомъ случаѣ самъ же Уильямсъ — послалъ бы немедленно, съ нарочнымъ курьеромъ, въ Берлинъ точную

копію съ этого письма. Что же сдѣлалъ теперь Уильямсъ? Онъ получилъ письмо великой княгини 30-го октября и въ теченіе семи недѣль скрывалъ его отъ всѣхъ — отъ своего министерства, отъ Митчеля, отъ Фридриха II. Въ эти семь недѣль онъ отправилъ четыре депеши[1]) и ни въ одной изъ нихъ даже не упомянулъ ни о письмѣ великой княгини, ни объ интересныхъ его подробностяхъ. Наконецъ, продержавъ у себя письмо около двухъ мѣсяцевъ, онъ посылаетъ не точную съ него копію, а какой-то пересказъ своими словами. Вѣроятно-ли это?

Такова внѣшняя сторона; посмотримъ на внутреннюю.

Могъ-ли Апраксинъ, еще до отъѣзда изъ Петербурга, передавать великой княгинѣ тотъ планъ дѣйствій русской арміи, который заключается въ „письмѣ" ея Уильямсу отъ 30-го октября? Апраксинъ не разъ категорически заявлялъ, что „при сочиненіи военнаго плана операцій не одно только произведеніе принятаго главнаго намѣренія уважается, но отъ большей части состояніе и количество обоюдныхъ войскъ, положеніе земель, времена года, доставленіе нужныхъ къ содержанію войска припасовъ и безчисленныя другія важныя симъ подобныя вещи въ разсмотрѣніе приняты быть должны". Не только въ Петербургѣ, не только въ октябрѣ 1756 года, но до конца января 1757 года Апраксинъ „ни однимъ словомъ не обмолвился о будущемъ планѣ дѣйствій". И какой же это планъ? Оставить Восточную Пруссію „въ непріятельскихъ рукахъ", въ тылу русской арміи, напрявляющейся въ Силезію — нелѣпость, которая не только Апраксину, но даже австрійскому генералу Букову не могла придти въ голову. Ни въ октябрѣ 1756 года, ни позже Апраксинъ и не думалъ о движеніи въ Силезію. Объ этомъ думали, но не русскіе, а саксонцы, имѣвшіе въ томъ свой интересъ; они предполагали этимъ движеніемъ заставить Фридриха II очистить Саксонію. Въ донесеніяхъ русскаго резидента Гросса и въ просьбахъ саксонскаго министра графа Брюля, полученныхъ въ Петербургѣ въ концѣ ноября, высказы-

---

[1]) 2-го, 27-го и 30-го ноября и 9-го декабря (*Pol. Corr.*, XIV, 149, 150, 164, 165).

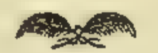
вается необходимость, чтобъ „диверзія была произведена въ такихъ мѣстахъ, кои королю Прусскому наипаче при сердцѣ лежатъ, какъ въ *Силезіи* . . . что съ лучшею пользою воспринято быть можетъ, нежели со стороны *Мемеля*". Никогда, наконецъ, Апраксинъ не думалъ уклоняться отъ боя съ врагомъ; напротивъ, русская главная квартира находила, что „чѣмъ скорѣе, безъ дальнихъ околичностей, непріятеля атаковать, тѣмъ лучше"[1]). Такимъ образомъ, по существу „секретныхъ новостей" онѣ являются ничѣмъ инымъ, какъ слухами о тѣхъ планахъ военныхъ дѣйствій, которые разсматривались конференціею въ началѣ декабря, о которыхъ говорили въ петербургскомъ обществѣ и которые дошли до Уильямса. Вотъ почему они и сообщались въ депешѣ отъ 18-го декабря. Желая придать имъ бо́льшій вѣсъ, Уильямсъ облекаетъ ихъ въ фо́рму разговора русскаго главнокомандующаго съ великою княгиней; желая же усилить въ глазахъ Митчеля и Фридриха II свое значеніе при маломъ дворѣ, онъ говоритъ, что почерпаетъ эти новости изъ письма къ нему великой княгини!

Упоминаемое въ депешѣ Уильямса отъ 18-го декабря 1756 г. письмо великой княгини представляется чистымъ вымысломъ и должно быть отвергнуто, какъ подложное[2]).

---

[1]) Подробности о планахъ войны впервые обнародованы *Масловскимъ,* стр. 162—176 и прим. 24-е, стр. 243—266.

[2]) Бильбасовъ, 29—32.



ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Депеши австрійскаго резидента Гогенгольца Графу Ульфельду.

(Изъ Wiener Hof- und Staats-Archiv).

1.

Hochgeborner Reichs Graf,

Gnädiger Herr,

Auf das mir zu recht wordene gnädige vom 8. des heut aussgehenden Monathes bin ich in der täglichen Erwartung der allerhöchsten königlichen Antwort auf meine leztere Estaffette.

Wie von selbsten an tag liget, so kann in abwessenheit der Hofstadt alhier nichts wichtiges vorfahlen.

„Allein aus Mosco ist die mir in Vertrauen mitgetheilte nachricht enigeloffen, dass die fürstin von Zerbst sammt dero Prinzessin Tochter mit ausnehmender freundlichkeit von der Czaarin aufgenohmen worden; jedoch versichert die nembliche nachricht, dass sie fürstin von Zerbst den Hoff nicht so angetroffen, wie sie gehoffet habe. Man hat mich in Vertrauen umb meine meynung befragt, was diese gleich vorstehende expression sagen wolte, gestalten, was die bewürthung derley fürstlichen Personen am Russischen Hoff anbetrifft, solche nicht anderst als durchaus vergnüglichst seyn könte?

„Ich habe hierauf meine geringe meynung dahin zu eröffnen kein bedennken getragen, dass etwa die Fürstin von Zerbst in der Person des Gross-fürsten (so letzthin in das 17-te jahr eingetretten) das, was sie gehoffet, nicht angetroffen haben möge,

nemblichen um das Beylager bald möglichst zu vollziehen, da das allerdings unfähige personale des Grossfürsten die Hoffnung hierzu noch länger hinaus setzen dörfte; die intervalla aber in hiessigem Reich viellen incidentien unterworffen seind."[1])

Ubrigens kann man dem Winter, mithin der Schlitten-Bahn nicht lang mehr trauen, ich bin also gesinnet, meine Bagage in 8 Tagen von hier ab und nach Mosco vorausgehen zu lassen, derselben aber gleichfals bald nach zu folgen, in der vesten Hofnung, dass mir inzwischen die allergnädigsten königlichen Befehle und das nothwendige zu Bestreitung der Reiss einlaufen werde, der anbey in tiefem respekt ersterbe

Euer Hochgräflichen Excellenz
unterthänig—gehorsambster diener
Nikolaus Sebastian Edler von Hohenholz.

St.-Petersburg den 29-ten februar 1744 styl. nov.

2.

Bey meiner den 20. dises erfolgten Ankonfft alhier in Mosco habe Euer Hochgräfl. Excellenz gnädiges von 26. february vorgefunden, vnd gestern ist dass anderweite gnädige von 29. gleichfahls richtig eingeloffen; ich hatte den Tag meiner Abreiss auss Petersburg, nemlich den 12-ten dises den richtigen eingang der allerhöchsten königlichen depêche sambt der angeschlossenen ratification der von mir in Petersburg unterzeichnet wordenen acte d'accession zum Bresslauer tractat zu accusiren nicht ermangelet; da aber meine bagage vnd leuthe sambt dem legations Secretario mit den chifres noch unter weegs ist, doch aber morgen hoffentlich eintreffen wird, so habe disse 2 Täg über in keinem Geschäfft mit dem Russischen Ministerio fürzugehen vermöget; bin aber vorgestern bey dem ziemlich weit von mir abgelegenen Baron von Gerstorff gewesen, vnd erfahren, dass kurz vorhero der erwartte Expresser auss Dressden bey Jhme eingetroffen, durch welchen Er Gerstorff von seinem Hof die vollkommene Instruction vnd Antworth über die von Graf Bünau in der Bottaischen affaire in Wienn gemachte Repraesentationes erhalten

[1]) Въ кавычкахъ отмѣчены шифрованныя мѣста депешъ.

hat. Ich habe demnach mit Ihme concertiret, wie wir nun weiters die sachen hier erspriesslich anzubringen hetten? Da nun der B. Gerstorff Ministre Mediateur darinnen ist, so verstunde sich von selbsten, dass Er bey dem Russischen Ministerio damit anzufangen, vnd mir den weeg zu meinem Vortrag auf Arth und Weiss, wie ich der Meynung ware zu facilitiren hette. Der B. Gerstorff ist solchemnach schon gestern bey dem Vize Canzler vnd darnach bey mir gewesen und hat mir von seiner daselbstigen Verrichtung sowohl, alss wie ich (ohne mich von der letzthin mir per Estaffete zugekommenen allerhöchsten königl. Instruction und Befehl im Allergeringsten zu entfernen) meinerseits zu Werck zu gehen hette rapportiret; dass ich solchemnach den weiteren Verlauf meinen könfftigen gehorsambsten Berichten vorbehalten muss.

Sonsten hat der B. v. Gerstorff zugleich auch die Anweisung von seinem Hof erhalten, mit mir zu concertiren, welcher gestalten sich zu benehmen wäre, umb den Russischen Hof zur accession des Wienner Tractats zu invitiren. Es ist also zwischen vnss verabredet worden, womit dann der Vize Canzler circa rem, modum et tempus gleichfahls eingestimmet hat; dergestalten, dass ich zu seiner Zeit das Mehrere hievon gehorsambst zu referiren vermogen inzwischen aber deme fleissig obliegen werde, wass zu einem guten success diennlich scheinen wird, da gleichwohl meine opinion zuletzt gemeinsamb approbiret worden, nach welcher man nicht eben so gerad vnd nach der dem B. Gerstorff eingelauffenen buchstablichen Vorschrifft in sachen für gehen müsse.

Die hiesige Herrschafften befinden sich bey guter Gesundheit ausser der dem Grossfürsten destinirten Brauth, nemlich der Prinzessin von Zerbst. Wie ich vernohmen, so ligt dise Prinzessin schon einige Täge an einem dem hitzigen nicht ungleichen fieber und an einer sehr schweren pleurisie gefährlich krank darnider. Man hat derselben zum 4-ten mahl alschon die Ader eröfnet, ohne dass das hefftig-vnd unaussezliche Seitenstechen auch im geringsten gelindert worden wäre, dahero man bey Hof darüber in grosser beysorg ist.

Der Marquis de la Chetardie ist Hauss an Hauss also mein nächster Nachbahr; er hat das ehemahlige Lapuchinische Hauss gemietet, wass mir seinetwegen vnd anderer hiesigen Beschafen-

heiten halber alschon für heut zu berichten vorfahlete, das muss ich auss Mangel des chifre bis auf die ankonfft des legations Secretary verschieben.

Mosco den 23. Marty, 1744 st. n.

3.

Am verwichenen Post-Tag ist man alhier wegen des Osterfestes bey Hof vnd anderwärtig so occupiret gewesen, dass ich meinen gewöhnlichen gehorsambsten Bericht bis heut verschieben müssen.

Die Kaiserin hat am zweiten Osterfeiertag bey dem auf den Abend angesagt wordenen Cour-Tag das Compliment zum h. Osterfest angenohmen; alss ich Ihr dieses ablegte, fragte sie mich mit diesen Worten: Seynd Sie schon lang hier? Ich antwortete: Ihr Maj^t zwey Wochen. Vnd diesses ist das zweyte mahl, dass die Kaiserin, do lang die Bottaische affaire fürdauert, mich angeredet hatte.

An eben diesem Tag hatte der Chur-Sächsische Ministre alle Ausländische zu Mittag tractiret; kurz vorhero, alss die meisten sich weg- und nach Hof begeben, bat er mich nicht weg zu gehen, bevor er mit mir noch etwas gesprochen hätte; ich bin diesem nachgekommen; vnd der Baron Gersdorff eröffnete mir in ganz besonderem Vertrauen, dass man von Seiten des Chur-Sächsischen Hofes von geraumer Zeit her an der Erneuerung des anno 1733 mit Russland geschlossenen Tractats gearbeitet, vnd die sach endlich im abgewichenen Februario zur vollkommenen Consistenz dergestalten gediehen, dass die Ratificationes bereits vor 14 Tagen ausgewechselt worden wären. Ungemein seye dabey zu bewundern, (wie es auch in der That also ist) dass ohngehindert die Negociation über Jahresfrist gedauert, doch nicht das allergeringste davon eventiret, welches in Betracht „des unbeständigen humeurs der Czaarin gewiss für ein particulares Glück zu halten seye. Der Baron Gerstorff hatte sich bey dem Ministerio vorbehalten, nur mir allein, bevor man die Sach public zu machen für gut finden wird, davon Nachricht geben zu dörffen."

Dieser neue Tractat wäre nach dem Grund des Vorigen von 1733 ausgemessen und mit Übergehung alles dessen, was sich zu gegenwärtigen Zeiten nicht mehr schickt, denen jetzig- und könfftigen Conjuncturen adaptiret worden. Der Haupt-Punkt, welcher respectu des vorigen Tractats mit gemeinsamber gutwilligen Einverständnus umgeändert worden, wäre, dass die ehemals stipulirte Hilf auf das duplum vestgesetzet worden.

Dazumahlen nun der Chur-Sächsische Hof keinen Anstand nehmen wird, diesen Tractat anderen Höfen und fürnemblich Ihro Maj. der Königin ohne Verschub mitzutheilen, so werden Euer Hochgräfl. Excellenz vermutlich vor Ankunft dessen davon schon unterrichtet seyn.

„Der Baron Gerstorff hat von keinen Separat oder Secret-Articulen Meldung gemacht, und ich habe pro primo instanti wegen dieser mir ertheilten Nachricht die discretion haben zu sollen vermeynet, ihn nicht darumb zu befragen, werde mir aber ein anderes tempo hierzu ausersehen und verhoffentlich vorfinden.

„Ob diesem aus verschiedenen Betrachtungen für glücklich zu haltenden success solte wohl zu vermuthen seyn, dass ungehindert derer Übelgesinten, das ist der französischen Parthey und derselben unausgesetzten Bestrebung die Czaarin sich doch zu beederseits anständiger gäntzlicher Ausmachung der Bottaischen affaire umb so leichter werde bequemen wollen, als zumahlen der Chur-Sächsische Hof sich so weit darein vermittlungsweis meliret hat, und ich nach meinem ehebinnigen gehorsambsten Berichtschreiben den Baron Gerstorff zu überzeugen keine grosse Mühe gehabt habe, dass die Ehr seines Hofes in Ansehung dessen, was bis dato geschehen ist, mit unterlaufe, und folglicher Gerstorff aus der vergnüglichen Abthuung dieser Sache umb so mehr sein eigenes Geschäft machen mögte, als sich von seithen Ihro Maj^{t} der Königin sogleich allem dem wäre gefüget worden, was man von seithen des Chur-Sächsischen Hofes zu der Sache vergnüglichen Ausmachung angesonnen und anhoffen gemacht habe. In diesem Stand stehet nun die Bottaische affaire, da der Vice-Canzler bis heuntigen tags zu dem recht- und förmblichen Vortrag bey der Czaarin noch nicht hat gelangen können, welches er in kurtzem thun zu können verhoffet.

„Der Dänische Bottschafter, welcher ein cordater Mann

allenthalben zu seyn scheint, wird in künftiger wochen zur Audienz bey der Kaiserin admittiret werden: er verlanget umb so mehr darnach, als ihme daran gelegen ist, mit dem Ministerio über seine affairen in Conferenz zu tretten; dann ungehindert beede Cronen Schweden und Dänemark bekanntermassen vollständig verglichen seind, so wird doch von seithen Russland mit Armirung aller brauchbarer Kriegs-Schiffe bis diese stund ungemein eyfrig fortgefahren, welches zweyfelsohne kein andere Absehen als auf Dänemark zum Grund haben kann: Frankreich und Preussen stecken ohnfehlbar darunter, umb die Ruhe in Norden zu keiner rechten consistenz gelangen zu lassen; ich werde wohl *nächstens* ein mehreres in dieser materie Euer Hochgräfl. Excellenz gehorsambst einzuberichten vermögen."

Die junge und kranke Prinzessin von Zerbst ist erst seit kurzem in so weit aus der Gefahr; allein da die Krankheit ein ulcus an der Lungen ware, und zur Supporation gekommen, so scheinet es vielleicht gleichwohl noch darauf anzukommen, ob Sie radicaliter werde curiret werde können? Die Kaiserin hat der Fürstin von Zerbst am Ostertag mit einer reich von Brillanten besetzten Tabatière ein praesent gemacht und darein einen Ring von grossem Werth gelegt, mit dieser zarten expression aber dieses Praesent gegeben, dass, nachdem Sie nicht so glücklich gewesen, Sich mit Ihrem Brudern zu vermählen, Sie sich mit ihr der Fürstin vermählen wolle. „Diese Fürstin ist durchaus auf die französische Seithen gewöhnt worden, worunter der Preussische Ministre alles mögliche contribuiret und den Chetardie secundiret hat."

Übrigens habe Euer Hochgräfl. Excellenz gnädigstes vom 14. passato zu recht erhalten, und jenes, von 11-ten noch vorhero hätte einlaufen sollen, ermanglet noch zu dato.

Wegen des See-Treffens ohnweit Toulon seynd die letzteingelofene Nachrichten noch einander contrar; man hofft, es wird die heut abends oder etwa morgen einkommende Teutsche Post die positive Nachricht darüber mitbringen.

Mosco den 9. April.
1744 styl. nov.

4.

P. S.

Auch gnädiger Herr.

„So viell den in meinem gehorsambsten Berichtschreiben berührten zwischen Chur-Sachsen und Russland geschlossenen Tractat anlangt, so ergiebt sich unschwer, dass primo der Chur-Sächsische Hof in betracht der langwürig und embsigen negociation die ledigliche accession des Russischen Hofes zu jenem Tractat, welcher jüngsthin zwischen Ihro königl. Maj[t] und Chur-Sachsen glücklich geschlossen worden und wo doch der Chur-Sächsische Hof an sothanem Schluss wohl niemahls hätte zweyflen können, zu seinem interesse nicht adaequat erachtet haben müsse, secundo aber finde ich jene meine idée andurch bestättiget, nach welcher ich (zur Zeit als der Vice-Canzler die erste anregung von der triple- oder quadruple-allianz lauth meiner damahls erstatteten berichten gethan hatte) der Meynung ware, dass, nachdeme beede Höfe, der Wienerische und der Dressdnerische, den neuen Tractat würden geschlossen und den Russischen zur accession invitiret haben, ein jeder von beeden Höfen bey der Russischen accession sein eigenes interesse private wahrnehmen könnte, sofort auf Art und Weis wie Chur-Sachsen anticipato gethan, den alten Tractat zu erneuern und selben denen gegenwärtigen und künfftigen conjuncturen zu adaptiren hätte. Da nun der Chur-Sächsische Hof dasjenige, was bey der Russischen accession anständig- und füglicher hätte geschehen sollen, anticipiret hat, so muss Ihro königl. Maj[t] allerhöchsten Gutbefinden ich in gehorsamb anheimb stellen, ob allerhöchst dieselbe mit der accession des Russischen Hofes sich simpliciter begnügen, oder aber untereinsten sich nach dem exemple des Chur-Sächsischen Hofes zu benehmen, das ist, bey der hiesigen accession zugleich die Erneuerung des Tractats von anno 1726 negotyren zu lassen—Dero interesse und Anständigkeit gemäss werden erachten wollen.

„Wann, wie doch wohl zu hoffen ist, die Bottaische affaire des nächsten zum vergnüglichen Ende gebracht seyn wird, so wird man wohl wegen der Russischen accession zu dem letzteren

Wienerischen Tractat so grosse Schwierigkeiten nicht mehr vorfinden, und wann Ihro königl. Maj[t] für gut erachten solten, bey dieser accessions-sach auch die Erneuerung des Tractats von anno 1726 auf das Tapet zu bringen, so beruhet ohne dem die mir diesertwegen nöthige ausführliche allerhöchste Instruction und Willensmeynung sowohl wegen des Tractats selbst als über die von Verpflegung deren Auxiliar-trouppen annectirte Convention bey Euer Excellenz und einem hohen königl. Conferenz-Ministerio, und gehet zu Gewinnung der Zeit mein ohnmassgebliches Gutachten diessfalls dahin, dass mir ein articulirtes Tractats-Project, wie selber dependenter von dem Russischen Accessions-Act séyn solle oder nicht, eingeschickt werden mögte: deme zuletzt zuversichtlich nicht ohne Grund und Nutzen gutächtlich beyzufügen habe, dass nach dem erspriesslichen exemple von Chur-Sachsen die sach daraussen gäntzlich, folglich auch dem Lanschinsky selbsten secretiret- und so fort allhier mit aller circumspection negotyret und ich also hierzu mit gewalt und Vollmacht versehen werden möge.

„Es seind diesses meine Gedanken, worüber ich mit allernächstem den Vice-Canzlern sondiren und zu dortiger sicherer fürgehung gutächtliche Antworth Euer Excellenz gehorsambst zu hinterbringen beflissen seyn werde."

Mosco den 9. April
1744 styl. nov.

5.

Am verwichenen Posttag habe mit der eingelangten Teutschen Post von Euer Hoch Gräfflichen Excellenz nichts erhalten.

Der Chur-Bayerische Minister Baron Neuhaus hat gestern dem Oberhofmarschallen des Grossfürstens von Brümmer, wie auch dem geheimben Rath Lestock die Diplomata behändigt, mit welchen der Hof zu Frankfurt beede obberührte in den Reichs Grafen Stand erhoben; Er Baron Neuhaus hat solchemnach bey dem gestrigen Cour Tag der Kaiserin und dem Grossfürsten derotwegen ein Compliment abgelegt.

„Der Hof ist fast noch lediglich mit der Affaire des Chetardie beschäftiget, und seit meinem letzteren gehorsambsten Bericht vom 25ten dieses hat sich nicht bestätiget, dass man ihn Chetardie über Finnland abgeführet, sondern es wird derselbe über Riga nach denen Gräntzen von Churland unter Aufsicht eines Lieutenant von der Garde und mit einer zimblich starcken Wacht fortgebracht, von wannen er seine reyss nicht anderst als über Dantzig und Berlin fortsetzen kann.

„Mir ist im Vertrauen gesagt worden, dass der Lestock (welcher zwar der Czaarin nach Troiza jedoch ohne ihrem Wissen und Willen gefolget) bald hernach als die Czaarin ihrem Gefolg die vollzogene Hinwegschaffung des Chetardie eröffnet, ihr der Czaarin einen fuss-fall gethan und gestanden habe, dass er mit dem Chetardie einen grossen umbgang gepflogen und wann er gefehlet hätte, so seye es geschehen, dass er jenes, was er mit dem Chetardie vorgekehret, zu der Czaarin Interesse vortragend gehalten; dahero wann es anderst zu nehmen gewessen, so seye es seines orths aus Dummheit und nicht aus Untreu geschehen. Es solle ihme die Czaarin darauf ein scharfes reprimande und Warnung zurückgegeben haben.

„Man hat seithero vielles vernohmen, wie sehr nemblichen die Fürstin von Zerbst, der Brümmer und mehr andere über diessen unvermutheten Zufall betroffen worden, und ich bin verlässlich unterrichtet, dass die Czaarin sehr übel zufrieden seye, dass die fürstin von Zerbst als eine schon bekannte intriguante frau sich in die Staats-Geschäften gemischet und sich gleichsam

zum Chef der französisch- und Preussischen Parthey gemacht habe. Es solle dahero die Czaarin gesinnet seyn, die Heuraths-Sach des Grossfürsten desto ehender zu beschleunigen, vmb diesser fürstin bald wiederum loss zu werden.

„Morgen verhoffe ich dem Vice-Canzler (welchen ich auch auf sein eigenes Verlangen bis dato habe evitiren müssen) zu sprechen: ich werde ihme (gleich es bereits durch vertraute weege gethan) meine unmassgebliche Meynung über jenes zu erkennen geben, worauf man nunmehro pro futuro eigentlich zu gedenken hätte, damit die nachgebliebene Übelgesinnte nicht mehr Schaden oder Verwirrungen anrichten könnten.

„Ich bin von einigen vertrauten freunden (welche mir auch die Nachricht von dem Fall des Chetardie und zwar auf Arth und Weis, wie es beschehen, lang voraus gegeben) versichert worden, dass es dabey miht verbleiben werde: Der Antrag ist auch den Mardefeld zu ecartiren.

„Euer Excellenz geruhen von wegen meines ausführlicheren Berichts noch etwas in Gedult zu stehen, biss ich alles mit bestand und umb einen gedeylichen Nutzen daraus ziehen zu können, zusammen zu fassen im Stand seyn werde."

Schliesslichen, alss ich mit dem Vorstehenden schon ferttig ware, so kame der Ober-Ceremonien-Meister Graf von Santi zu mir. Er machte mir anfänglich als ein sehr alter Bekannter ein Freundschafts-Compliment, und darvon den transitum zu der Commission, welche ihm von Hof aus an mich und alle übrige hier anwessende ausländische Ministros aufgetragen worden: nemblich zu notificiren, dass Ihro Maj^{t} die Kaiserin fürohin das an allen anderen Höfen gewöhnliche Etiquette gleichfalls an Dero Hof für alle mahlen eingeführet haben wolten, dass alle ausländische Ministri, welche mit eigenen Commissionen von Ihren respective Höfen directe an die Kaiserin chargirt werden würden, sich nicht gerad an die Kaiserin zu wenden, und sich der etwa bey denen Cur-Tägen oder sonsten sich darzu ereignenden bequemen Gelegenheiten hinführo mehr zu bedienen, sondern vorhero mit Ihrô der Kaiserin Ministerio zu communiciren, und demselben den Vortrag Ihrer Commissionen vorläufig zu machen hätten. Ich meines ohrts habe darauf geantwortet: dass, nachdeme ich etlich und zwanzig Jahr eben diessen Weeg, welchen der Graf Santi mir anzeigte, beständig gehalten hätte,

ich solchen eben nun, da die Kaiserin Dero Intention mir und anderen Derotwegen particulièrement zu erkennen geben hiessen, mit so mehrerem Vergnügen allzeit halten würde.

„Dieses ist nun der erste Effect, so nach des Chetardie Begebenheit allhier albereits bekannt gemacht worden; vermuthlich werden noch mehrere andere folgen und wenigstens der Preussische Ministre es nicht so, wie ich ansehen, da dieser und der Chetardie diese Zeit her bey dem Ministerio fast lauter Sachen von kleiner Consequenz angebracht und die Commissiones von ihren Höfen, welche das Liecht scheuen, entweder selbsten mit gäntzlicher Vorbeygehung des Ministery oder durch andere geheime Weeg bey der Czaarin anzubringen gewohnt waren. Es ist solchemnach zu hoffen, dass durch diese neue Einrichtung viellen seitherigen Verwirrungen und Verdrohungen efficaciter vorgebogen seyn werde."

Mosco den 29. Juny 1744
styl. nov.

6.

Депеша Розенберга графу Ульфельду.

Moskau 16. November 1744.

Hochgebohrner Graff,

Ich hoffte zwar gleich nach Abschickung meiner 4 letzten Relationen Euer Excellenz meine Audienz anerinnern zu können, wie ich solche auch vergangenen freytag zu haben versichert ware; da aber Ihro Hoheiten der Grossfürst ganz urplötzlich von Blattern überfallen worden, als muss diese annoch einigen Verschub leiden, indeme Ihro Maj[t] fast den ganzen Tag obgedachten Gross-fürsten abwarten; nichts destoweniger werden die beede Ministri bestmöglichst darob seyn mich ehestens dazu gelangen zu machen, dadurch die Bottaische affaire zu dem vollkommenen End wird gelanget seyn.

Graf Esterhazy berichtet mir aus Grodno, wie dass er von Graf Brühl vernohmen, dass Gerstorff ehestens von hier solle abgeruffen werden, einwelches (wann es eher, ja schon vorlängsten geschehen) den Nutzen der allgemeinen Sach gar sehr befördert hätte, indeme obgedachter Gerstorff wegen seiner geringen Behutsamkeit (wie ihm dann solches sein eigener Hof zumuthet) und all zu grosser Lebhafftigkeit sich des Vertrauens des hiesigen Ministery so wenig als derjenigen, so mit ihm zu handlen haben, getrösten darf, hingegen solle Bezold, so an dasigen Hof sehr beliebt ist, und von denen Russischen Angelegenheiten sehr viele Kenntnis besitzt, nach Petersburg anlangen, damit aber doch von dem Sächsischen Hof ein Ministre von höherem Character sich hier befinde, so ist dazu der Vizthum, so dermahlen an Turinischen Hof stehet, bestimmet, der zugleich denen Anleitungen des Bezolds zu folgen, solle angewisen seyn.

Unlängsten wurde ich von beyden Canzlern befraget, ob wahr seye, dass sich zwey französische Emmissary wirklich in Wienn befänden, die da Friedens-Vorschläge zu machen beordert wären; ob sich demnach dieses also betrage, erwarte

ich von Euer Excellenz zu vernehmen. Womit mich zu beharrlichen Gnaden empfehle und in vollkommener Hochachtung verbleibe

Euer Excellenz

Gehorsamtster Diener

Gf. v. Rosenberg.

J'ay demande aujourd'huy du Banquier Wolf pour le quel j'avois en 5000 Rubles de letres de Change, un avance de 1000 Rubles esperant que mes remises viendront incessament, il me les a refusé, par la V. E. voit la necessité qu'il y a de m'envoyer incessament de l'argent, d'autant plus que le voyage de Petersbourg ce fera incessament.

„Die geheimeste Nachrichten geben, dass die alte Prinzessin von Zerbst sich vergangen und würklich grosses Leibs seye."

II.

Письмо совѣтника кабинета Неронова къ президенту кабинета барону Черкасову.

(Изъ Государственнаго Архива, II, № 69, л. 43).

Милостивый Государь Мой Іванъ Антоновичъ.

Чрезъ присланнаго курьера господина Чихачова Ея императорскаго величества всевысочайшій указъ о извѣстныхъ персонахъ сего мѣсяца 10 числа въ Риге я получилъ, по которому надлежащее изполнение учинено будетъ точное; ибо ныне за неотъѣздомъ Ея свѣтлости должно пообождать. А что касаетца по силе оного указу до отправления то все готово и тои же минуты не упущу. Ея свѣтлость когда отсель поедетъ не знаемъ, однако же фурманщики наняты и думаю завтре или конечно в понеделникъ отъедетъ.

Повеление отъ кабинета ея величества о сержантахъ и гранадерахъ которымъ повелено слѣдовать при Ея свѣтлости за границу я в Риге получилъ, и со оного реэстру о имянахъ здешнему господину вице-губернатору[1]) о пропуске ихъ сообщилъ.

Дорога до здешняго мѣста весма хороша. Только лошади никуды годны. А о людяхъ и описать не можно какия дьяволы безтолковые.

Что же о проезде Ея свѣтлости въ бытность въ дороге я не репортовалъ, оное должно было господину ка-

---

[1]) *Долгоруковъ*, кн. Владиміръ Васильевичъ,

моръ геру[1]) яко главному писать, о чомъ я ему въ Нарве и представлялъ, на что отвѣтствовалъ, что онъ не дуракъ и безъ меня знаетъ. Я истинно мало такого меленколика виделъ. Не дай Богъ мордвину съ нимъ быть. Изволите услышать после, а я остаюся вашъ милостиваго государя моего всегда

всепокорный слуга

Василій Нероновъ.

12 октября 1745.
Рига.

---

1) *Скворцовъ*, Василій.

III.

Конференція 7-го октября 1757.

(Изъ Московскаго главнаго архива министерства нностранныхъ дѣлъ).

1757 Года сентября 30 дня въ учрежденной при дворѣ ея імператорскаго величества конференціи, ея величество присудствуя высочайшею своею особою объявить изволила, что понеже предприятая армѣею неожиданнымъ образомъ ретирада натурално наноситъ нетокмо здѣшнему оружию безславіе, но и собственно высочайшей ея величества чести и славѣ чувствительное предосуждение, и отзываясь о всемъ томъ весма неудоволствителнымъ образомъ повелѣла, чтобъ конференція такъ какъ предъ самимъ богомъ и по своей присяге представила ея імператорскому величеству свое мнѣние, какимъ бы дѣйствительнымъ образомъ какъ наискоряе поправить страждущую ея величества честь, и то отвратить, дабы союзники непричли нарушению толико разъ даннаго имъ монаршаго слова, помогать имъ всѣми силами, а притомъ предохранить и цѣлость Государства отъ всякой опасности.

А въ 7 октября сегожъ 1757 Года его сиятельство вицеканцлеръ и кавалеръ Графъ михайла ларионовичъ воронцовъ обьявилъ, что ея императорское величество указала, помянутое мнѣние конференціи подать ея імператорскому величеству какъ на и скоряе обще или еще лутче порознь; въ слѣдствие чего и конференцъ секретарь дмитрей волковъ тогожъ числа обьявилъ, что ея імператорское величество имянно указала, чтобъ каждой

членъ конференціи мнѣние свое въ вышеизображенномъ важномъ обстоятелствѣ особливо запечатавъ ея імператорскому величеству подалъ.

I.

Ея імператорскому величеству

всеподданнѣйшее слабѣйшее канцлерово мнѣніе по ея всевысочайшему повелѣнію сего числа отъ полудни въ конференціи объявленному.

Во всенижайшее исполненіе всевысочайшаго ея імператорскаго величества имянного повелѣнія въ приложенной присемъ точной копіи съ протокола конференціи отъ сегожъ числа пространнѣе изображеннаго о немѣдленной подаче каждому члену конференціи особливаго мнѣния, канцлеръ по рабской своей должности находитъ всеподданнѣйше представить:

Что для отвращснія нанесеннаго нечаянною ретирадою армѣи ея імператорскаго величества изъ прускихъ завоеванныхъ земель побѣдоносному ея імператорскаго величества оружию безславія, а больше всего и для возстановленія страждущей оттого собственной ея величества чести, канцлеръ по своей вѣрности, усердию и присяги такъ какъ въ томъ предъ самимъ Богомъ непостыдной отвѣтъ дать готовъ, инаго способа ненаходитъ, окромѣ нижеслѣдующаго а имянно:

1-е) для наискорѣйшаго всего того поправленія мнилось бы ни часа не мѣшкавъ отправить къ Генералу фелдмаршалу указъ, которымъ бы ему повелѣвалось команду надъ армѣею сложа немѣдленно въ Ригу ѣхать и оттуда безъ далнаго указа никуда неотлучатся, а напротиву того на его мѣсто при армѣе по всевысочайшему благоизобрѣтению, или кого изъ Генераловъ фелдмаршаловъ отсюда какъ наискорѣе туда послать, или же главную надъ армѣею команду Генералу Фермору поручить, почему тогда о военныхъ дѣйствіяхъ армѣи отъ конференціи и представлено быть имѣетъ.

2-е) сколь скоро фелдмаршалъ Апраксинъ въ Ригу прибудетъ то слабѣйше мнится надлѣжалобъ равномѣрножъ кого либо изъ фелдмаршаловъ отсюда съ приличнымъ числомъ протчаго генералитета туда отправить для держания надъ нимъ военнаго суда и чтобъ онъ предъ симъ судомъ отповедь и отчетъ въ своихъ при армѣе ея величеству предосудителныхъ поступкахъ далъ.

Симъ видится нетолко безславие оружия, но и собственная ея імператорскаго величества честь достаточно возставлена, но и данное высокимъ союзникамъ монаршее слово о силномъ съ ними въ общемъ дѣлѣ содѣйствованіи въ своемъ существѣ сохранено былобъ; ибо

3-е) немѣдленножъ надлежалобъ союзникамъ знать дать, что командующей генералъ фелдмаршалъ Апраксинъ превзошелъ данные ему отъ времяни до времяни всевысочайшіе ея величества повелѣніи о силномъ и скоромъ противу общаго непріятеля действованіи, зато съ команды надъ армѣею отрѣшенъ и къ военному суду для взятья въ томъ отъ него отвѣта въ Ригу позванъ, а его команда надъ армѣею другому поручена.

Подобнымъ разпоряженіемъ союзники изъ имѣвшаго ужс неоснователнаго мнѣнія о насылаемыхъ будто къ нему секретныхъ отъ ея імператорскаго величества въ противность ея обѣщания повелѣніяхъ совершенно выведены будутъ, ибо остановление его въ Ригѣ и недопущение предъ очи ея імператорскаго величества конечно ихъ удостовѣрить имѣетъ, что то не для какого либо иногда прикрытія дѣла, но прямо за неисполнение указовъ чинится; а сверхъ сего тѣмъ и весь свѣтъ о непорочности и непоколебимости ея всевысочайшихъ и многократно уже вездѣ объявленныхъ твердыхъ намѣреней доволно увѣрение найдется.

На противу же того естьлибъ иногда откого либо ея імператорскому величеству представлено было дабы фелдмаршала тотъ часъ и арестовать, то сверхъ того что сіе съ природнымъ ея величества великодушіемъ и милосердіемъ несходно былобъ, канцлеръ не потому что онъ всегда его пріятель былъ, пачеже изъ усердия къ славѣ ея імператорскаго величества на сіе своего согласования

и для того не далъ бы, ибо то какъ рановремянно еще, такъ и походила бы на обычай азіацкихъ державъ, дѣло самою экзекуціею начинать, и неразсмотря еще вины и не выслушавъ оправданія наказывать, какъ бы онъ между тѣмъ виновнымъ ни казался; чемъ толко вящее безславіе навлечено былобъ.

Въ протчемъ что принадлѣжитъ до предохранения цѣлости Государства отъ всякой опасности, то инаго придумать нелзя какъ всевозможныя силы употребить непріятелю всякой вредъ и самою еще зимою цриключать; сего ради и новому командиру надъ армѣею оное нетолко наисилнѣйше рекомендовать, но и всякіе къ тому служить могущіе способы не жалѣя никакихъ иждивеней въ дѣйство производить надлѣжитъ какъ уже и въ прошломъ году въ сентѣбрѣ мѣсяцѣ союзники обнадѣжены были, что нисмотря ни на какое поздное время начало операцей здѣлано и тѣмъ наисилнѣйше продолжаемо будетъ. Симъ средствомъ докажется, что въ бывшемъ до нынѣ упушеніи не хотѣнія ея величества но медлѣнное исполненіе ея повелѣней виновно.

Со всемъ тѣмъ канцлеръ открывая по должности своей чистосердечные какъ вѣрнаго раба мнѣніи предаетъ сіе всевысочайшему ея імператорскаго величества просвѣщенному благоизобрѣтению.

Гравъ Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ.

7 октября 1757 лода
въ восемь часовъ вечера.

Ея імператорское величество всемилостивѣйше да отпуститъ, есть-ли въ семъ мнѣніи какіе ошибки случились, и да припишитъ оныя той скорости въ каковой оное дѣлано, ибо по выходѣ изъ конференціи неоставалось болѣе времяни какъ по отъѣздъ опять сего момента опять въ конференцію.

2.

По высочайшему вашего императорскаго величества повеленію.

всеподданнейшее мненіе.

Въ поверенной вашего императорскаго величества Арміи поступокъ генералъ-фелдмаршала Апраксина, медленность его, чрезвычайная ретирада безъ повеленія вашего императорскаго величества и полученная ведомость о сожженіи амуниціи пороха и прочаго оправдать его не могутъ, для чего по слабѣйшему моему мнѣнію разсуждаю отозвать его изъ арміи поруча армію кому вашего императорскаго величества соизволение будетъ въ Риге взявъ ответъ повелеть судить, о чемъ дать знать союзныхъ дворовъ посламъ и министрамъ, что оный фелдтмаршалъ въ слабыхъ своихъ поведеніяхъ достоинъ быть подъ судомъ, чрезъ что союзники точно уверятца, что ваше императорское величество непременное намерение имело и имеѣтъ по своимъ обязательствамъ гордаго непріятеля смирить, но единой поступокъ фелдмаршала тому причиной.

вашего императорскаго величества

всеподданнейшій рабъ

Графъ Александръ Шуваловъ.

7 октября 1757 г.

3.

Фелдъмаршала Бутурлина

мнение.

По повеленію высочайшему вашего імператорскаго величества елико постижение разума моего есмъ, едина же и съ совести моею, въ монаршеское вашего величества разумное проницаніе подвергать.

Странное і должное и отважное возвращение победителской арміи вашего імператорскаго величества къ гра-

ницамъ принесло нареканія союзническимъ державамъ и подало поводъ ко всякому предосужденію. въ чемъ всеблагия сентименты вашего величества заключаются, и справедливая доверенность отъ союзниковъ въ поколебания приводится, что неотменно соблюсти и сохранить (надлежитъ).

Излишное было бы таперь упоминать о неславе оружія і о убытковъ и о притяжаніи будущего приобретенія. Но за важное почитаю какъ бы настоящую погрешность покрыть и поправить 57 летнюю во всемъ светѣ славу.

1) команду поручить другому генералу кому соизволено будетъ, дабы чрезъ то показать просвещенное чистодушие вашего величества, и что неучастница таковымъ проступкамъ и безъ позволенія вашего то чинилось.

2) въ достоверное показание всего фелдъмаршала отреша отъ команды отослать въ ригу і требовать съ него законнаго оправданія всехъ его произшедшихъ делъ и обращенияхъ, а самому остатся въ риге съ ожиданиемъ высочайшего вашего величества указа.

3) по принятіи отъ него ответа и осмотра причины непорядочнаго поступка дать тогда знать союзническимъ дворамъ.

4) отправленному же генералу накрепко подтвердить дабы всеми силами совсемъ возможнымъ успехомъ безъ потеряния времени нынѣ начавъ вновъ операціи воинския производилъ и старался бы всеми мерами въ Прусию войти и сколько возможность человеческая допуститъ славу оружею возставить и отъ старыхъ нарицаній отвести, и благоволеніе вашего імператорскаго величества совершенно изполнить.

А. Бутурлинъ.

Октября 7-го 1757 года.

4.

Нижеподписавшагося всеподданнѣйшее мнѣніе.

Вашему імператорскому величеству угодно стало высочайше повелѣть всякому изъ насъ по монаршеской ва-

шей воли засѣдавшему въ высокоповѣренной конференціи члену особо поднести вашему величеству мнѣніе, чрезъ чтобъ показать какъ высокимъ вашего величества союзникамъ, такъ и всему умному свѣту, яко въ возвращеніи арміи вашей состоящей въ командѣ фелдмаршала Апраксина изъ Пруссіи вашего імператорскаго величества высочайшей воли нѣтъ, и тѣмъ освященную вашего імператорскаго величества персону отъ разныхъ толкованей освободить. Которому высокомонаршему повелѣнію слѣдуя, по присяжной вѣрно-рабской моей должности яко Богу слабое мое мнѣніе ко освященно-монаршимъ стопамъ принести дерзаю.

Какъ изъ всѣхъ чрезъ цѣлый годъ уже продолжавшихся обстоятелствъ, часъ отъ часу открывается, что неприведеніе въ желаемое дѣйство высочайшаго вашего величества соизволенія высокимъ вашимъ союзникамъ помочь, произошло и даже до нынѣ простирается отъ неисполненія данныхъ повелѣней вашихъ фелдмаршаломъ Апраксинымъ; ибо не разпложая много о наполненныхъ въ его реляціяхъ и посыланныхъ къ нему высокихъ рескриптахъ о томъ важномъ ему ввѣренномъ дѣлѣ разпространеней, слѣдующее толко примѣчается, яко то

1-е) мешкотной ево къ выступленію въ повелѣнной походъ зборъ;

2-е) такъ инако медлителное во все время продолженіе въ маршахъ и стояніе въ одномъ (какъ напримѣръ въ Барбарискахъ и прочихъ тому подобныхъ) мѣсте безподвижно;

3-е) необстоятельные и темные о всемъ ево рапорты;

4-е) по одержанной побѣде, паки на одномъ мѣсте стояніе, чрезъ что вмѣсто того чтобъ побѣжденной непріятель принужденъ бы былъ бѣгствомъ отъ гонящихъ его спасатся, допущенъ и въ состояніи ставъ себя паки укомплетованіемъ людей и взятьемъ артилеріи усилить;

5-е) безъ представленія вашему імператорскому величеству поворота съ арміею;

и 6-е) оставленіе паки непріятеля и всѣхъ покорившихся вамъ въ Пруссіи мѣстъ,

такъ же 7-е) и разпущеніе безъ докладу же вашему

величеству изъ арміи войскъ вашихъ въ границу; а на конецъ (о чемъ и помнить ужасаюся).

8-е) сожженіе и затопленіе пороху, бомбъ, патроновъ ружья и протчаго, и притомъ представленіе, яко въ такой землѣ (что увѣряетъ разореніе и опустошеніе всѣхъ жилищъ въ Пруссіи гдѣ наши были) и впредь войну производить будто бы нельзя, на чемъ и предъ симъ мнѣніе ево о подорваніи Мемеля утверждается; и что и въ отправленномъ высокопрозорливымъ вашего величества ко удовольствію арміи промысломъ въ помощъ ему князѣ Менщиковѣ онъ нужды не признаваетъ, подвергло его высочайшему вашему гнѣву, такъ что не толкуя много дѣла ево сами ево дѣлаютъ недостойнымъ такой высокой и дражайшей вашего величества ему повѣренности, слѣдовательно и надежды нѣтъ, дабы онъ исполнилъ то, что къ нему теперь ни предписано было бы.

И тако всемилостивѣйшая Государыня надлѣжитъ у него какъ наискоряе команду отнять и поручить изъ состоящихъ въ командѣ ево генераловъ (кромѣ Юрья Ливена, которой за слабымъ своимъ здоровьемъ и нынѣ оной неимѣетъ) старшему господину Фермору яко человѣку много военнаго искуства знающему и надежному, или кому ваше імператорское величество указать соизволите, а ево велеть тотчасъ отправить въ Ригу и тамо пока высочайшимъ вашего імператорскаго величества указомъ что объ немъ определено будетъ, быть ему за подписаніемъ высочайшей вашего величества ручки инструкцію отъ него отобравъ отдать тому кто на ево мѣсто определится; такожде и всю ево канцелярію со всѣми дѣлами и при ней обрѣтающимися служителями оставить при арміи. Чрезъ что всемилостивѣйшая Государыня какъ высокимъ вашимъ союзникамъ такъ и всему свѣту докажется, что все то что неисполнено было съ высокою вашего величества волею совсемъ несходно и ваше величество то сами чувствительно принимать изволите. А какимъ образомъ тому на его мѣсто поставленному командиру далѣе по нынѣшнему поздному времени военныя дѣйствіи производить, и армію вашего імператорскаго величества сохранить, въ конференціи общее разсужденіе

къ высочайшей вашей апробаціи сочинено и представлено быть должно.

Генералъ фелдъмаршалъ *Князь Трубецкой.*

Октября 7-го дня 1757 году.

5.

По всевысочайшему ващего імператорскаго величества соизволенію требуется отъ насъ мнѣніе какимъ съ дѣйствительнымъ образомъ какъ наискоряе поправить страждущую вашего імператорскаго величества честь, и то отвратить дабы союзники неприняли за нарушение толико разъ даннаго имъ монаршаго слова помогать имъ всѣми силами, а притомъ предохранить и целость Государства отъ всякой опасности.

На что по присяжной моей должности и усердной всеподданнѣйшаго раба ревности мнѣніе мое по сущей христіанской совести представляю, что многими попеченіями и трудами вселюбезнѣйшаго вашего імператорскаго величества родителя, и кровію вѣрноподанныхъ рабовъ приобретенная войною чрезъ многія лѣта слава, чрезъ нынѣшнее предводительтво вашего імператорскаго величества войскъ генераломъ фелдъмаршаломъ и кавалеромъ господиномъ Апраксинымъ упущена, и не къ славѣ вашего імператорскаго величества, целости государства, и пользы вашего величества союзниковъ противъ непріятеля медленіемъ и безполезнымъ произвожденіемъ славнымъ вашего величества оружіемъ дѣйствовано, а притомъ и скорымъ обратнымъ бегствомъ къ границамъ со оставленіемъ завоеванныхъ мѣстъ непріятеля слѣдовать за собою допустилъ безъ надлежащихъ надъ нимъ поисковъ. То за всѣ сіи учиненные неполезности надлежитъ ему генералу-фелдъмаршалу господину Апраксину отъ команды отказать и ѣхать въ Ригу, и тамо воинскимъ судомъ судити кому ваше імператорское величество повелеть соизволитъ оной судъ произвесть, чрезъ то высокіе вашего імператорскаго величества союзники могутъ

увѣрены быть и данное имъ ващего величества монаршее слово въ пущемъ дѣйстве показать соизволитъ. По отрешеніи же его генерала-фелдъмаршала Апраксина отъ команды главнымъ командиромъ надъ арміею кому быть, сіе предаю въ высочайшее вашего імператорскаго величества соизволеніе. Но притомъ какъ нынѣ осеннемъ времянемъ такъ и зимнимъ тому главнокомандующему ко утѣсненію непріятеля непрестанныя воинскія дѣйства производить и тѣмъ вашего імператорскаго величества славу, целость государства и ползу высокихъ союзниковъ соблюсть, такъ же чтитца завоеванныя мѣста которыя отъ арміи оставлены какъ время допуститъ возвращать и охранять до будущей компаніи; особливо же ему старатца лѣгкими партіями обще съ нерегулярными всѣвремянно обезпокоивать и гдѣ подастъ случай чтобъ главной непріятельской корпусъ съ Божіею помощію атаковать и разбить, и всѣ прошедшей компаніи упущенное ко искорененію непріятеля воинскимъ дѣйствомъ наградить.

Генералъ Адмиралъ

Князь Михаилъ Голицынъ.

6.

Всемилостивѣйшая Государыня.

На высочайшее повеленіе вашего імператорскаго величества дабы между другими и я имѣлъ честь рабски поднести скудоумное мое мненіе о весма трудныхъ и подлинно зрелому уваженію подлежашихъ обстоятельствахъ по причине неожиданнаго повороту съ армиею Генералъ фелдъмаршала Апраксина, долженствую чрезъ сіе всеподданнейше вкратце представить.

Я первой признаваю что сія ретирада какъ безъславна оружию вашего величества такъ и славе Государства, равнымъ образомъ того я удаленъ чтобъ оправдать иное и управленіе Генералъ фелдъ-маршала Апраксина.

Болеежъ всего усердіе мое теперь какъ и надлежитъ къ тому простираетца, какъ сіе воспоследовавшее зло скорее поправить. Сумнительствъ столко много къ предосуждению ево, что видитца и оправдатца ему трудно; есть правда и доказателства тому, что для сохранения арміи делано, какъ то изъ результатовъ держанныхъ генералитетомъ совѣтовъ и реляцей ево видно, но какъ одного ко обвинению такъ другова ко оправданию недостаточно.

Того ради надобно ево для ответу призвать сюда, поруча команду Генералу Фермору, да сия надобность и весма умножаетца следующими резонами: 1) естьли союзники или другия державы сумневаютца, не по указамъ-ли вашего імператорскаго величества предприялъ сию ретираду фелдмаршалъ, то позывомъ ево къ ответу изтребитца сие подозреніе; 2) для собственнаго вашего імператорскаго величества правосудія и для переду весма важно съ тонкостию разсмотреть всѣ притчины несостояния арміи и ея ретирады, ибо каковыбъ оплошности ни были, однакожъ, худому состоянию армеи другимъ притчинамъ быть надобно, изъ оплошности одной не можно бросать ружей, воинския снаряды и протчее безъ наиважнейшихъ къ тому резоновъ.

Мнѣ потому слабейше мнится всемилостивейшая Государыня, что слава вашего імператорскаго величества темъ сохранена былабъ, ежели всевысочайше повелеть изволите:

1-е) помянутаго Генералъ фелдъ-маршала немедленно сюда взять и точно для взятья здесь съ него ответа;

2-е) въ тоже время объявить союзникамъ и другимъ дворамъ сию прямую причину ево сюда взятия;

3-е) сие разсмотрение поручить кому ваше імператорское величество соизволите, а натурално ни кому всѣ обстоятелствы такъ не сведомы, какъ конференціи;

4-е) ежели онъ изобличенъ будетъ, а оправдатца не возможетъ, то по строгости законовъ въ примеръ другимъ и во удовлетвореніе правосудия вашего величества поступить;

5-е) ежелижъ оправдитца то ваше величество особли-

вую изъ того получите ползу ибо откроютца тогда способы къ произведению войны съ лутчимъ успехомъ, а притомъ и союзникамъ сказать можно будетъ что во удоволствие ихъ все сделано;

6-е) правда для болшой наружности можно бы и не бравъ ево сюда поручить кому-либо же изследовать въ Риге, но сие показалобъ что ищетца не изследовать токмо и правосудие показать, но единственно дать свой гневъ чювствовать, чемъ и всякой новой командиръ болше въ страхъ и робость приведетца, нежели пооштритца, на противужъ тово видя что безъ изследыванья въ настоящемъ месте никто не осуждаетца, но всякъ защищаетца самими отъ Бога и отъ ващего величества данными законами неосуждать никого безъ изследывания и не взявъ ево оправдания, получитъ въ свои предприятия надежность, и натурално должностию и самолюбиемъ поотшритца сделать лутче своего предместника, а по крайней мере не впасть.

Сею переменою правда главному дѣлу никакого прямаго поправления еще не делаетца, а когда отъ новаго командира получатся новыя рапорты то тогда толко по онымъ новыя наставленіи даны будутъ, а теперь по крайней нужде при данныхъ остаетця надобно, а особливо чтобъ Мемелъ удержать, употребя бы все силы и въ Тильзитѣ оставатца на кантонной квартире сколко поместить можно, которыхъ переменять по состоянию и труднаго и теснаго пребыванія, изъ стоящихъ въ Истляндіи и Лифляндіи командъ, притомъ всякая поиска ныне начать и зиму продолжать надъ неприятелемъ.

Всемилостивейшая Государыня, какъ сердцевидцу Богу такъ вашему імператорскому величеству всенижайше доношу что при всемъ моемъ усердіи и ревности мой смыслъ совесть и долгъ не позволяютъ мне иного представить вашему імператорскому величеству.

Графъ Шуваловъ.

IV.

Lettre de M-me la princesse de Zerbst à M-me la grande duchesse de Russie.

(Изъ Парижскаго Архива, Russie vol. 56, f. 144).

Madame,

Votre Altesse Impériale aura, j'espère, reçu toutes mes précédentes aussi bien celle que je lui écrivis en novembre par un canal tout-à-fait étranger que toutes celles que je lui ai fait passer ensuite et en dernier lieu depuis que l'oppression, la violence et les plus noires intrigues nous ont reduits, mon fils et moi, à nous retirer ici, par M. de Solticow, ce qui m'engage à me servir d'une adresse différente de celle de ce ministre dont je ne puis d'ailleurs que me louer et à préférer celle dont je me sers pour faire parvenir la présente à Votre Altesse Impériale. C'est une appréhension peut-être injuste contre tous les autres canaux dont j'aurai pu me servir, intentionnée comme je le suis à lui ouvrir mon coeur. N'accusez point de faiblesse, Madame, ce coeur: il est déchiré des plus vives inquiétudes pour vous; il vous aime — vous le méritez, et d'ailleurs le sentiment connait-il des bornes et des mesures dans une âme capable de bien sentir, et où il se trouve lié à la voix du sang et à un penchant né de l'attrait de son objet. Voilà ma situation.

Je suis assez au fait de la vôtre pour la sentir! Vous savez

que j'ai pressenti ce qui vient d'arriver. Je ne crains pour Vous, Madame, que cette espèce de fermeté attachée à la reconnaissance dans les âmes nobles et généreuses. Au nom de Dieu pesez non seulement vos motifs au poids de l'équité qui vous est naturelle, mais pensez que si l'on ose, si l'on doit, si l'on peut donner des regrets aux personnes qui nous ont peut-être servi, leur amitié ni la nôtre ne sauraient les exempter de fautes, que la prévention est voisine de l'obstination, qu'un esprit juste ne doit point en être capable, que dès que le souverain l'organe de la loi, la vicaire de la Providence en terre vient de prononcer, les personnes les plus proches du trône doivent donner l'exemple et se résigner d'opinion.

Votre Altesse Impériale y est obligée (oserai-je risquer le terme?) par état et par les motifs les plus incontestables, d'une reconnaissance que rien ne doit jamais balancer. Il est inutile de les lui rappeler; je sais qu'ils sont écrits dans son coeur, et toute l'Europe en est instruite. Soutenez les, Madame; ne vous en écartez jamais. S'il était malheureusement existé quelques malentendus, revenez, reprenez cet ancien train qui vous était si glorieux. Souvenez-vous que rien n'est si beau que l'aveu de ses fautes—c'est une élevation d'âme dont peu de personnes sont capables, que la raison l'approuve, et qui ornerait mieux nos héros que ces lauriers acquis au prix du sang et des pleurs de milliers de victimes de leur vanité. Rapprochez-vous, reclamez vos anciens droits sur ce coeur magnanime à qui et vous et toute votre famille doit tout. Méritez les de nouveau par tous les procédés propres à vous acquitter au moins en quelque façon. Tenez s'il en est nécessaire la même conduite avec votre époux; ne negligez ni temps, ni soins. Je vous demande cette attention à vous propres intérêts comme je vous demanderais ma vie.

Je sais des amis dont les généreuses bontés ne se refuseront pas à appuyer en votre faveur; je vais les en solliciter—accordez nous en la liberté. Vous ne devez pas avoir oublié cette liaison, elle est telle que nous la désirions alors. Il ne tiendra qu'à vous d'achever ainsi tout ce qui resterait à souhaiter pour tout ceux à qui vous êtes liée.

„Ne me refusez pas, consolez-moi bientôt par des démarches

en conséquence. J'en serai incessamment instruite, n'en doutez pas. Tous les yeux sont ouverts sur vous, tout votre sang tremble pour vous. Jugez de l'état de mon coeur."

„Répondez-moi, si vous voulez bien, par le même canal. Mes voeux accompagnent ces démarches et mon tendre attachement" etc.

V.

Envoyé par M. de Champeaux fils le 8 Septembre 1758.

(Изъ Парижскаго Архива, Russie, vol. 57, f. 235).

L'Impératrice de Russie a toujours temoigné un grand penchant pour la Maison de Holstein-Eutin, depuis qu'un Prince de cette Maison mort à Pétersbourg pour qui Elle avait conçu beaucoup de goût, a été destiné à l'épouser. Madame la Princesse douairière de Zerbst, qui est soeur de ce Prince, a eu l'habilité de profiter de ce centiment et est parvenue à faire agréer à l'Impératrice la proposition de marier le Grand Duc avec la Princesse sa fille.

Aussitôt cette Princesse et sa fille se mirent en route pour Pétersbourg, avant qu'elles y arrivassent, l'Impératrice envoya à la Princesse douairière de Zerbst un homme de confiance, pour lui donner des notions sur les factions qui divisaient sa Cour, pour l'exhorter à n'entrer dans aucune, et en cas qu'Elle ne put éviter d'y prend part. Elle la fit prier de préférer celle de Lestock et de M. de la Chétardie.

La Princesse douairière prit ce dernier parti. Peu après l'arrivée de ces Princesses, le Grand Duc et la Grande Duchesse furent promis solennellement, et ils parurent prendre beauconp de goût l'un pour l'autre. Le Grand Duc avait 21 ans. Il était pour lors d'une figure assez aimable. Il avait du feu et de la vivacité; la princesse de la heauté, de la jeunesse et des grâces.

La part que madame la Princesse douairière de Zerbst

prit dans les mouvements intérieurs de la Cour, indisposa l'Impératrice. Le mariage fut sur le point de se rompre. Une explication de madame la Princesse douairière de Zerbst avec l'Impératrice, et la passion réciproque du Grand Duc et de la Grande Duchesse conjurèrent l'orage.

La cérémonie du mariage étant prête à se faire, elle fut retardée par un cruel événement. Le Grand Duc eu la petite vérole; mais cette maladie fit sur lui un ravage si affreux, qu'il en sortit tout à fait méconnaissable. Son visage en devint hideux; sa taille même en fut absolument dérangée; tout son corps en souffrit au delà de ce qu'il est possible d'imaginer. L'Impératrice, sentant combien cet accident serait sensible pour la Grande Duchesse, craignit la première entrevue; Elle donna ordre de prévenir cette Princesse, et d'augmenter, s'il était possible, le changement arrivé dans le Grand Duc. La Princesse de Zerbst en parlait sans cesse à sa fille, et chargeait autant qu'elle pouvait les portraits qu'elle en faisait. Enfin, le jour de la première entrevue, quelque soin que l'on eut pris de prévenir la Grande Duchesse sur la laideur énorme du Grand Duc, le premier coup d'oeil la fit frissonner: elle détourna la tête, pâlit, et la Princesse de Zerbst se jeta dans les bras du Grand Duc, qu'elle tint longtemps embrassé, pour donner le temps à sa fille de sortir de l'accablement où elle était. Le Grand Duc vint à elle; elle l'ambrassa en tremblant; on les sépara aussitôt.

La Grande Duchesse arrivant chez elle, tomba évanouie; on la coucha et la Princesse de Zerbst resta auprès d'elle. Sa fille fut trois heures sans prononcer un seul mot et comme anéantie par la cruelle surprise où elle avait été. Enfin elle tendit la main à sa mère et la lui serra en versant un torrent de larmes.

La Princesse de Zerbst, après avoir laissé passer le premier moment, lui remit sous les yeux tout ce qu'elle avait à lui représenter dans cette occasion, elle passa la nuit près d'elle, fit ce qu'elle put pour la consoler, et surtout lui fit envisager tout ce qui pourrait arriver, si elle ne prenait le plus grand soin de cacher sa douler. Toutes les personnes qui avaient été présentés à l'entrevue s'étaient conduites avec tant d'adresse que le Grand Duc ne s'aperçut de rien. La Grande Duchesse,

ayant senti la justesse de réflexions de la Princesse sa mère, tint une conduite qui ne pouvait pas désobliger le Grand Duc.

Enfin l'on célébra la cérémonie du mariage, mais le Grand Duc, sans s'en douter, se trouvait incapable d'avoir des enfants par un obstacle auquel la circoncision remédie chez les peuples orientaux, mais qu'il crut sans remèdes. La Grande Duchesse, qui n'avait plus de goût pour lui, et qui n'était point encore frappée de la nécessité d'avoir des héritiers, vit sans peine cet accident. Il courut cependant les bruits sourds, défavorables au Grand Duc, qui, croyant que son malheur était pour lui une loi irrévocable de la nature, s'y était soumis avec assez de résignation.

Peu après la célébration de son mariage, la Princesse douairière de Zerbst, dont l'esprit et la beauté avaient fait beaucoup de bruit à la Cour, et dont on craignait le talent et le goût pour l'intrigue, partit pour retourner en Allemagne. On crut que le conseil lui en avait été donné.

Parmi les chambellans du Grand Duc, il y en avait un de la branche aînée des Soltikow, dont le père avait rendu des services à l'Impératrice lors de la révolution qui la plaça sur le trône. La reconnaissance de cette Princesse, signalée par des bienfaits, donne aujourd'hui au fils le moyen de jouer un rôle important. Il était fait pour s'attirer tous les regards dans une Cour où les dehors séduisants et aimables ont un si grand empire.

Il est né avec une figure des plus agréables; il parle avec beaucoup de délicatesse, affecte de la noblesse dans toutes ses actions, et fait souvent même le comédien pour prendre des airs de grandeur. Ses sentiments sont assez honnêtes, glorieux à l'excès; il a de la légèreté dans l'âme. Il eut risqué la Sibérie pour des intrigues, et s'enfuierait à la vue d'une épée. Sensible et plein de candeur pour tout ce qui ne peut lui nuire, et jaloux de tout ce qui peut marcher à côté de lui, il manque de souplesse et de cette finesse si nécessaire dans une Cour où l'on ne voit que ruses et intrigues. Son esprit est assez orné de frivolités, et une mauvaise éducation telle que celle que l'on donne en Russie, produit une partie de ses défauts et a étouffé le germe de plusieurs belles qualités qu'on aperçoit de temps en temps, à force de le voir.

De l'âge du Grand Duc, il eut bientôt toute sa faveur; il lui devint entièrement nécessaire, fut le directeur des plaisirs de sa Cour, où rien ne paraissait digne d'attention, si Soltikow n'en était, si Soltikow ne l'avait ordonné. Le Grand Duc ne pouvait s'en séparer; souvent il couchait avec lui.

La Grande Duchesse voyait avec plaisir cet attachement de son mari pour un homme qui leur montrait le plus grand dévouement, et négligeait même de faire sa cour autant qu'il l'aurait dû â l'Impératrice. La Grande Duchesse lui témoignait de la confiance et croyait devoir cette marque de reconnaissance à sa conduite. Ces bontés d'une Princesse jeune et belle firent des impressions très vives sur le coeur de M. Soltikow. Sans avoir encore démêlé la nature de ses sentiments, il redoubla des soins pour plaire au Grand Duc et à la Grande Duchesse.

La cour de l'Impératrice était alors entièrement dans les plaisirs; la dissipation, l'éloignement pour le travail et l'amour pour les amusements en faisaient la principale occupation, et le ministre qui entretenait ce goût pour conserver sa faveur et pour pouvoir exercer toute l'autorité, semblait avoir toujours pour premier soin de faire sans cesse succéder de nouvelles fêtes à celles dont on jouissait. Ce n'était que voyages, que chasses, que pélérinages où l'on étalait fastueusement cette magnificence sans goût qui, depuis dix huit ans, s'est introduite à Pétersbourg.

Suivant l'esprit qui régnait alors, et suivant son âge, M. Soltikow ne respirait que le plaisir et ne s'occupait qu'à en inspirer le goût à la jeune Cour.

Son père mourut, et des affaires indispensables l'appelèrent à Moscou. Ce fut alors que par les difficultés qu'il trouva à s'arracher de Pétersbourg, il vit dans tout leur jour les motifs qui l'y tenaient attaché. Il prit congé de la Grande Duchesse; en lui baisant la main, il laissa échapper quelques larmes, qui, aussitot qu'elle les sentit, lui firent faire un léger mouvement. M. Soltikow n'osa la regarder et partit sur-le-champ.

On s'aperçut à la cour du Grand Duc du vide qu'y faisait l'absence du favori. Tout manquait; enfin il revint. Il fut reçu du Grand Duc et de la Grande Duchesse avec les marques de bonté et de distinction les plus flatteuses.

Après son retour, sa passion l'occupa plus que jamais. Il

était combattu, d'un côté, par son attachement pour le Prince, son maître, parce qu'il lui devait, par les risques auxquels il s'exposait, en se laissant entraîner aux mouvements de son coeur, et, d'un autre côté, par la violence de son goût pour l'ambition et la vanité, et aussi par la crainte de déplaire en faisant connaître ses sentiments. Les réflexions cédèrent; mais il fut si agité que sa santé en souffrit, et il aima longtemps sans oser se déclarer.

On a prétendu qu'à peu près dans ce temps l'Impératrice qui ne se sentait plus de goût pour M. Razoumowski fut incertaine si elle jetterait des yeux de bienveillance sur M. de Soltikow ou sur M. Iwan Iwanowitz Schouwalow, et que le premier ne l'ayant pas deviné, l'Impératrice le jugea indigne de ses bontés et préféra l'autre.

Quoiqu'il en soit, l'alteration de sa santé lui donna lieu de faire connaître ses sentiments à la Grande Duchesse. Cette Princesse, qui s'intéressait à lui plus qu'elle ne le croyait elle-même, lui marqua de l'inquiétude sur son état. M. de Soltikow répondit qu'il ne pouvait s'expliquer à ce sujet et que la chose était de nature à être ignorée d'elle particulièrement.

Pourquoi, reprit la Grande Duchesse avec un air assez embarrassé?

M. de Soltikow d'une voix mal assurée, lui dit, qu'elle ne lui pardonnerait jamais. Ensuite, il ajoute avec plus de feu qu'il était la dupe de son attachement pour elle, qu'il devrait se taire, mais qu'il ne le pouvait, qu'à force de l'avoir vue, il lui était arrivé ce qui devait arriver deux ans plus tôt, qu'il avait cru n'avoir que les sentiments qui lui convenaient comme à un sujet qu'elle honorait de quelques bontés, mais qu'il s'était trompé et qu'il ne méritait que sa pitié.

La Grande Duchesse changea de couleur, et lui répondit que son amitié lui avait toujours été chère et la lui serait toujours ainsi qu'au Grand Duc. Elle lui ajouta qu'elle le croyait trop raisonnable pour ne point éloigner les idées qui pouvaient l'agiter, qu'elle le laissait à ses réflexions et qu'elle espérait qu'elles lui seraient utiles.

Alors elle se retira, et cette réponse ne signifiant rien, M. de Soltikow attendit une seconde occasion. La Grande Duchesse lui parla avec la même bonté. M. de Soltikow lui

demanda, pour unique grâce, de lui ouvrir quelquefois son coeur. La Princesse, entraînée par un goût secret, l'écoutait et l'exhortait à surmonter sa passion; elle l'encourageait à faire plus d'effort sur lui même. La conversation fut un jour très vive. M. de Soltikow lui parla avec toute la passion dont il était animé; elle lui répondit avec feu, s'échauffa, s'attendrit et le quitta par le vers de Monime à Xipharès:

„Et méritez les pleurs que vous m'allez coûter“ [1]).

Cependant le Grand Duc, dont les sentiments pour son favori étaient toujours les mêmes, lui donna souvent des occasions de se trouver seul avec Grande Duchesse. Ils se consolaient mutuellement, se plaignant tous les deux, l'un de son malheur, l'autre des devoir rigoureux que son état lui imposait. La cour alla à Petershoff; le Grand Duc et la Grande Duchesse suivirent l'Impératrice. On y fit plusieurs parties de chasse. La Grande Duchesse sous prétexte d'indisposition, ne se trouva point à la plupart. M. de Soltikow, sous des raisons spécieuses, obtint la permission du Grand Duc de ne point le suivre. Il passa tous ses instants avec la Princesse, et il a eut l'art de réaliser les heureuses dispositions qu'on lui avait laissé apercevoir.

Cette liaison pouvait avoir des suites dangereuses. M. de Soltikow, qui dans les premiers moments s'était trouvé plus heureux en possedant l'objet dont il était occupé, sentit qu'il serait plus sur de le partager avec le Grand-Duc, dont il savait que le malheur n'était pas sans remède. Mais il était dangereux d'agir, dans des choses d'une telle conséquence, sans des ordres particuliers de l'Impératrice. Le hasard tourna les choses de la façon dont il pouvait les désires.

Toute la Cour était à un grand bal. l'Impératrice, passant près Mme de Nariskin, belle-soeur de Soltikow, qui alors était grosse et qui causait avec M. de Soltikow, dit à cette dame qu'elle devrait communiquer un peu de sa vertu à la Grande-Duchesse. Elle lui répondit que la chose ne serait peut-être pas si difficile, et que si elle voulait lui donner aussi bien qu'à

---

[1]) „Mithridate“, dr. de Racine„ acte II, scène VI.

M. de Soltikow la permission d'y travailler, elle osait l'assurer qu'on pourrait réussir. l'Impératrice demanda des éclaircissements; madame de Nariskin l'instruisit de l'état du Grand-Duc, et des moyens dont on pourrait y remédier, elle ajouta que M. de Soltikow avait toute sa conffiance, et qu'il pouvait l'y déterminer. Non-seulement l'Impératrice y consentit, mais elle fit connaître que ce serait lui rendre un grand service.

M. de Soltikow aussitôt chercha les moyens de déterminer le Grand-Duc à faire tout ce qui était nécessaire pour se donner des héritiers. Il lui fit sentir toutes les raisons politiques qui devaient l'y engager. Il lui donna aussi une idée de plaisir tout nouveau, et parvint à le rendre incertain sur ce qu'il avait à faire. Le jour même, il arrangea un souper des personnes que le Grand Duc voyait avec le plus de plaisir, et, dans un moment de gaieté, tous se réunirent pour obtenir de ce Prince qu'il consentit à ce qu'on lui demandait. En même temps entra M. Boerhave avec un chirurgien et, dans la minute, l'opération fut faite et réussit très bien. M. de Soltikow reçut de l'Impératrice, à cette occasion, un très beau diamant.

Cet événement que M. de Soltikow croyait devoir assurer ses plaisirs et sa faveur, attira sur M. de Soltikow un orage qui le mit en danger d'être perdu. Sa maison avait beaucoup d'ennemis. Il s'en était fait beaucoup personnellement par ses aires de hauteur et par le peu de ménagement avec lequel il en usait envers ceux qu'il haissait. On parla beaucoup de la liaison qui paraissait être entre lui et la Grande-Duchesse; on saisit ce moment pour tâcher de le perdre près de l'Impératrice et du Grand-Duc même. On donna à l'Impératrice des soupçons sur les assiduités qu'il rendait à la Grande-Duchesse; on lui insinua que cette opération à laquelle on avait dit avoir recours pour assurer des héritiers à l'Empire, n'était qu'une ruse employée pour colorer un accident dont on voulait faire croire le Grand-Duc l'auteur. Ces méchancetés firent une grande impression sur l'Impératrice. On crut qu'alors elle se souvint de ce que M. de Soltikow n'avait pas remarqué l'intérêt qu'elle avait bien voulu prendre à lui. Ses ennemis firent plus: ils s'adresserent même au Grand Duc. M. de Soltikow fut averti de ce qui se passait, il alla trouver le Grand Duc qui le reçut avec assez de froideur. Ce Prince était seul. M. de Soltikow

entra sur-le-champ en matière, et lui dit ce qu'il venait d'apprendre, qu'il n'en était point surpris que ses bontés pour lui, la faveur dont il l'avait honoré, étaient des raisons plus que suffisantes pour lui faire un grand nombre d'ennemis; mais qn'il n'osait croire que Son Altesse Impériale n'eût point de son attachement pour lui, des idées plus justes et plus dignes de tous deux; qu'il pouvait être persuadé que le Grand Duc perdrait avec lui le serviteur le plus devoué.

Les sentiments du Grand Duc se réchauffèrent; il embrassa M. Soltikow, lui dit qu'il avait été surpris un moment par des gens qui cherchaient à lui nuire, qu'il s'en repentait et le lui ferait voir, s'il le fallait, et qu'il lui était plus cher que jamais.

M. Soltikow lui dit qu'il était temps de faire des démarches pour le prouver; que l'on parlait déjà de Sibérie et que l'Impératrice paraissait toute déterminée à l'y envoyer; que sa punition, que l'on croirait motivée, accréditerait des bruits honteux et deshonorants pour Son Altesse Impériale, pour la Grande Duchesse, et dont il ne se consolerait jamais d'avoir été la cause, et qu'il priait le Grand Duc d'obtenir pour lui la permission de se retirer quelque temps sur ses terres, afin de laisser calmer l'orage qui s'était élevé.

Le Grand Duc alla sur-le-champ chercher l'Impératrice et lui demanda un entretien particulier. Il dit à cette Princesse qu'il venait d'apprendre qu'elle avait résolu d'envoyer Soltikow en Sibérie; qu'il la priait de vouloir bien le lui laisser, qu'il s'agissait d'une affaire dans laquelle il entrait uniquement, qu'il reconnaîtrait cette bonté comme il le devait. Il ajouta qu'il ne pouvait s'empêcher de représenter à cette occasion à Sa Majesté Impériale, la peine qu'il ressentait de l'acharnement avec lequel il voyait qu'on attaquait toutes les personnes pour lesquelles il paraissait avoir l'amitié; qu'il devait sans doute lui être permis d'avoir des amis; qu'il en aurait eu dans son Holstein, qu'on ne l'eut pas empêché d'en avoir en Suède, et que si l'Impératrice l'avait appelé à une plus grande fortune son dessein n'était certainement pas de la lui faire acheter par la perte de toutes les personnes qui lui étaient chères. Il lui dit de plus que Soltikow lui demandait la permission de se retirer sur ses

terres sa santé l'exigeant, et qu'il la suppliait de la lui accorder.

L'Impératrice fut très-étonnée de la chaleur que le Grand Duc mettait dans cette affaire, elle ne crut pas devoir lui refuser ce qu'il demandait; mais elle fut bien plus frappée encore de la suite.

Dans les premiers moments de son mécontentement contre Soltikow, au lieu de marquer des ménagements pour la Grande Duchesse, elle avait laissé échapper devant plusieurs personnes qu'elle prétendait connaître ce qui s'était passé jusqu'à ce moment, et que lorsque le Grand Duc serait assez bien guéri pour habiter avec sa femme, elle voulait voir des preuves de l'état dans le quel elle devait être restée jusqu'à ce jour. Ce discours fut rapporté à l'instant à Soltikow qui le fit rendre à la Grande Duchesse. Cette Princesse parut outrée de douleur; elle alla trouver le Grand Duc et lui représenta que des bruits aussi hardis étaient aussi injurieux pour lui que pour elle; que c'était un outrage dont il fallait se plaindre tout haut et que, quant à elle, elle en demanderait satisfaction. Elle se rendit tout de suite chez l'Impératrice, où elle montra l'affliction la plus vive. Elle lui dit qu'elle esperait qu'elle voudrait bien lui nommer les personnes qui avaient osé noircir auprès d'elle sa conduite; que des gens capables de s'oublier à ce point, étaient trop coupables et trop dangereux pour elle, pour qu'elle ne prétendit pas les connaître. L'Impératrice, qui avait été étonnée des discours que lui avait tenus le Grand Duc, fut attendrie par la douleur de la Grande Duchesse et frappée des chagrins que la scène indécente qui se passait, allait causer à tous deux. Elle embrassa presque en pleurant la Grande Duchesse et paraissant pénétrée de l'état dans le quel elle la voyait, elle ne répondit point positivement à ce qu'elle désirait; elle l'assura de l'amitié la plus tendre et l'exhorta à faire peu de cas de bruits dont la méchanceté souvent n'épargne pas les souverains.

Le même jour de cette explication Soltikow, jouant chez l'Impératrice, elle vint voir son jeu et lui demanda s'il était heureux, il lui répondit: jamais. Elle lui dit ensuite, s'il persistait dans la résolution d'aller prendre les eaux chez lui, et, sur sa réponse qu'il partait le lendemain, que sa santé l'exigeait, elle lui ajouta qu'elle voulait qu'il se portât bien et qu'il restât

près du Grand Duc. Soltikow lui répliqua que tous les remèdes de Boerhave ne valaient pas assurément ses ordres. L'Impératrice s'éloigna aussitôt.

Cependant on se trouva au temps où le Grand-Duc put habiter avec la Grande-Duchesse. Comme il avait été piqué des discours tenus par l'Impératrice, il voulut la satisfaire sur les particularités qu'elle avait désiré savoir, et, le matin de la nuit où le mariage fut consommé, il envoya dans une cassette scellé de sa propre main à cette Princesse les preuves de la sagesse de la Grande-Duchesse. Ainsi fut terminée cette étrange scène. La liaison entre la Grande-Duchesse et Soltikow ne fut point derangée par cet évènement et elle dura huit ans encore dans toute sa vivacité, le Grand-Duc conservant pour lui toujours les mêmes sentiments. Parmi les preuves que Soltikow a reçues de la passion de cette Princesse pour lui il en est une toute particulière. Le Grand Duc ayant levé un régiment dans le Holstein pour cette Princesse, elle lui donna pour uniforme la livrée de Soltikow que ce corps porte encore.

Pendant ce temps, Bestuchew crut ne devoir pas se borner à posseder seul la confiance de l'Impératrice; il voulut en même temps celle du Grand Duc et de la Grande Duchesse et se rendre nécessaire à Leurs Altesses. A cet effet il gagna Soltikow par des avances singulières et par de ces choses flatteuses et distinguées auxquelles un homme vaniteux comme celui-ci ne pouvait résister. Croyant qu'il n'entrait que de l'estime et de l'amitié dans les sentiments que lui marquait le grand chancelier, il en fut entièrement la dupe. M. de Bestuchew lui parlait souvent de l'inconstance des Princes et de la difficulté de faire durer leur attachement et des moyens de les mettre dans l'impossibilité de se desgoûter des personnes qui d'abord avaient su leur plaire. Soltikow, dans ces conversations, se croyait heureux de pouvoir prendre des conseils d'un homme qui avait autant d'expérience, et dont il croyait qu'il pourrait tirer un jour une très grande utilité. M. de Bestuchew le persuada de ne placer près du Grand Duc que des gens sans talents et sans naissance, afin que ce Prince ne trouva jamais un homme avec qui il put se passer de lui. Il appuyait ses conseils par des exemples tirés de sa conduite avec l'Impératrice. Soltikow, frappé d'une lumière toute nouvelle ne craignat que de ne pas

être assez reconnaissant pour un homme qui lui marquait autant d'amitié et il se conduisait exactement d'après les principes que lui dictait le chancelier. Il y réussit si bien, qu'en deux ans de temps la cour du Grand Duc était bien devenue la chose la plus pitoyable du monde. Soltikow en même temps établit une si grande confiance entre la Grande Duchesse et le chancelier Bestuchew, que quand celui-ci sortait des conférences ou du cabinet de l'Impératrice, il instruisait Soltikow de ce qui s'y était passé, afin qu'il en informat la Grande Duchesse; il lui envoyait aussi, pour les lui communiquer, toutes les minutes des lettres pour les ministres de Russie dans les cours étrangères et toutes les dépêches de ceux-ci.

Quand M. de Bestuchew eut amené les choses au point où il le souhaitait, il fit sentir à l'Impératrice la nécessité d'éloigner un homme qui voulait engager la jeune cour à se mêler du gouvernement, qui avait l'art d'entretenir des espions partout, même dans le cabinet de l'Impératrice et qui avait une envie démesurée de jouer un rôle remarquable, qu'il avait rempli la cour du Grand Duc de gens que l'on ne pouvait y voir sans gémir; mais que pour garantir le Grand Duc de se plaindre on pouvait donner à Soltikow quelque place qui l'éloignerait sans avoir l'air de le punir.

L'Impératrice y consentit avec empressement et Soltikow fut chargé de la commission de la notification de la naissance du prince Paul Petrowitz à la cour de Suède, et lorsqu'il en revenait il trouva en chemin un courrier avec des ordres de se rendre en droiture à Hambourg et d'y rester en qualité d'envoyé au cercle de la Basse Saxe. Il en fut frappé et malgré tous les ressorts qu'il fit jouer pour parer au coup, il ne put y réussir. N. de Bestouchew avait pris les devants et fermé toutes les voies.

La Grande Duchesse en fut extraordinairement affligée et elle voulut avoir recours à un parti extrême. Elle voulait aller se jeter aux pieds de l'Impèratrice, lui découvrir tous les sentiments qu'elle avait pour Soltikow, l'émouvoir et obtenir d'elle qu'il ne s'éloignerait point; mais le grand chancelier, qu'elle regardait comme lui étant devoué et comme ami de Soltikow et qu'elle consulta à ce sujet, la dissuada de cette démarche, n'omit rien pour adoucir sa douleur, et lui fit esperer qu'il

s'emploierait très fortement auprès de l'Impératrice pour faire rappeler Soltikow aussitôt qu'il croirait que ses instances pourraient avoir effet, et que, connaissant le caractère de cette princesse, il ne doutait pas que, dans peu, on ne put obtenir son rappel. Il écrivit à Soltikow dans le même sens et a continué le même manège jusqu'à sa chute.

Quand la Grande Duchesse a vu qu'elle ne pouvait pas empêcher cette séparation, elle a pris le parti d'écrire à M. Soltikow les lettres les plus vives et les plus tendres et d'entretenir une correspondence réglée avec lui. Elle lui a ordonné de passer à Zerbst, en se rendant à Hambourg. Ella l'a recommandé à la princesse sa mère comme l'homme du monde pour qui elle avait le plus d'amitié et qui lui était le plus attaché. Sa correspondance a continué à être très vive jusqu'au moment où cette princesse a fait connaissance avec le comte Poniatowski.

A cette époque sa langueur gour lui a commencé à diminuer; aujourd'hui elle est totalement finie.

VI.

Lettres de la princesse de Zerbst à M. de Pouily.

(Изъ фамильнаго архива гг. Шампо).

1.

Paris, 7-me Août 1758.

Je reçus votre lettre du 4-me de ce mois hier en dînant. Elle m'a fait un sensible plaisir. Toutes vos expressions sont celles de la reconnaissance. Par où l'aurais-je méritée? Il est bien juste, et j'ose dire qu'il m'est naturel d'estimer le mérite et de lui donner mon amitié. Persuadez-vous en, je vous prie, et pour preuve, écrivez-moi sans fin ni commencement, comme je vous écris. Vous écrivez avec esprit, vous écrivez avec grâce, comment me tirerai-je d'affaire pour vous répondre? Ou bien, où prendrez-vous la patience qu'il vous faudra pour me lire? L'amitié est indulgente, vous en aurez besoin, faites-en provision pour le cas. Je vous suis bien obligée de ne point vous être cassé le cou, c'eût été un très mauvais service que vous eussiez rendu au prétendu temple de la sagesse, d'où j'ai bien peur que Minerve n'écume un jour, sourtout certains philosophes désignès pour y établir ses prédestinés, s'ils ne changent à certains égards... Vous m'entendez.

Raillerie à part, cet hôtel de Chaulnes que je croyais tout rapproché, tout prêt à se conclure pour moi, m'est encore fermé. Le duc de Chaulnes n'est pas encore arrivé. La belle dame qui poursuivait si chaudement cette affaire et qui a été cause que j'ai refusé l'hôtel d'Aligre, que Mad[e] de Fèse vient de

prendre, m'écrit hier fièrement que si je ne prenais celui d'Aligre, je risquais de n'être point logée, parce que d'autres, plus alertes que moi et mieux servis étaient après celui de Chaulnes. Elle continuait par me chanter pouille sur la honte amère d'être logée encore dans cet infâme hôtel de Luynes, voilà ses expressions, et de n'avoir pas fait arrêter un hôtel convenable avant mon arrivé. Enfin tout ce que la pie et la folie la plus ridicule peuvent imaginer était contenu en ce billet. Je le conserve à son honneur. Je lui ai répondu en termes convenables tout ce que la prudence a pu me dicter. Je lui représente ses torts, et je lui fais sentir que je sais les apprécier sans me commettre. Je n'attends plus que l'arrivée de M. de Chaulnes: s'il me fait trop d'anicroches, j'ai deux autres hôtels en campagne, que votre ami, M. de Pelluys, qui m'est venu voir hier, m'a proposés. M. de Burigny m'a aussi envoyé son homme d'affaires. Je lui ai dit mes intentions pour l'hôtel de Chaulnes; il a parlé aux Chartreux. Je crois qu'il les mettra à la raison mieux que tout autre.

Pour en revenir à madame de L'Etang, je vous dirai qu'elle a su, me dit-elle dans un billet qu'elle a pris la peine de m'écrire encore par surcroît hier au soir, que le Cte Bestoucheff doit avoir dit des horreurs sur son sujet. C'est apparemment ce que vous saviez déjà. Je lui ai répondu que je n'en avais rien entendu. Effectivement, il ne m'a rien dit de pareil, mais simplement qu'il ne convenait pas que je la ménage en public, qu'en particulier, j'en userais comme je voudrais. La voilà qui demande aujourd'hui un tête à tête. Je n'en suis point embarrassée. Il faudra voir où elle voudra en venir. Entre nous, il me semble que c'est une vraie tracassière que cette femme là, dont il faudra que je me défasse à quelque prix que ce soit.

Que direz-vous quand je vous dirai toutes mes équipées? Les Sassenages m'ont entraînée à la comédie chez la Paupinière qui m'a fait civilement garder quatre chaises par un garde. On descend droit à la comédie et on repart, on ne se commet donc point du tout. Il y a eu tout le beau monde: des Lauraguais, des Brancas, des Mazarin, des Brienne, des Villeroi, trois ou quatre cordons bleus, deux maréchaux de France. On m'a fait

cent politesses, on a fort examiné cette étrangère, mais on lui a témoigné de l'indulgence.

Hier, Mad[e] de Lowendahl m'a plantée à l'Opéra-Comique. Ce sont quatre enfants qui jouent comme des anges, qui tout le monde va voir. Aujourd'hui encore, Mad[e] de Lowendahl en grande loge à la comédie; c'est Sertorius que l'on remet sur le théâtre. Demain aussi au nouvel opéra. Quand tout cela sera fait, je dirai Ouf! comme le seigneur de la Souche.

Disons un peu de nouvelles. Mad[e] la Duchesse d'Orléans est revenue, elle est un peu mieux. Il est arrivé avant hier un courrier à M. de Stahrenberg avec la nouvelle que le roi de Prusse a entièrement évacué la Bohême. Son fils aîné y doit présentement être arrivé. Le mentor que l'Imp[e]-Reine lui envoie l'attend à l'armée. Je ne sais rien de l'armée de M. de Contades; mais M. de Soubise a écrit en cour, et s'est plaint de l'affaire de M. le duc de Broglie, prétendant que s'il avait attendu son arrivée, on aurait pris toute cette petite armée de Hesse, sans coup férir. On ajoute que cela a fait impression, et que si M. de Broglie n'avait pas été déclaré cordon bleu à l'arrivée des premières nouvelles, il ne le serait plus. Voilà le monde...

2.

Du 8-ème au matin.

Je ne fis point remettre la présente hier à la poste. Vous allez me dire pourquoi non? En vérité, je ne le sais pas; il me semblerait que vous écrire deux jours de suite est un abus de votre loisir et de votre indulgence. Sie vous ne trouvez pas cela raisonnable, c'est que vous l'êtes trop. Au reste, j'avais fort envie de vous rendre compte du rendez-vous de la belle, et de mon apparition publique à la comédie. J'ai reçu au travers de cela votre lettre du 6. Je vous remercie bien sincèrement de vos remerciements. Je suis ravie de la justice que vous rendez à mes sentiments pour vous. Vous êtes trop

flatteur, trop reconnaissant, mon digne ami, c'est le propre des belles âmes. La vôtre est bien estimable et bien estimée de celle à laquelle vous voulez quelque bien. Que je serais heureuse si j'avais autant de raison et cette espèce de sagese que vous m'attribuez si généreusement? Ce sont de ces biens qui s'acquiérent trop rarement, pour oser espérer qu'ils me soient tombés en partage à ce point qui fait le bonheur solide. Mais si je n'arrive point à cette perfection, j'aurai au moins toujours l'ambition d'y parvenir et j'y mettrai tous mes soins, par estime pour mes amis et par la connaissance des devoirs nés avec moi envers les humains, mes semblables, c'est à dire la société en général.

Vous avez, si je ne me trompe, déviné les intérêt du souper du Cte B. Vous voulez savoir des nouvelles du jour suivant. Le dîner chez le Cte S. ne fut ni moins aride, ni moins sérieux, mais somptueux. L'hôtel est bien plus beau. Le tout a fort grand air, la vaisselle, la porcelaine, le dessert sont admirables. L'hôte est sémillant chez lui. Il régne en cette maison un air d'opulence et d'affabilité quit plaît. Tout les ministres étrangers s'y trouvèrent, et de dames, rien que les Sardoises. Le souper dont vous demandez des nouvelles fut plus gai, quoque moins nombreux et moins beau. Outre la famille de la maison, nous vîmes cette belle et réellement charmante Mad^e^ de Qualing, Mad^e^ de Béranger, jeune et belle, dame de compagnie de Mad^e^ Adelaïde et soeur de Mad^e^ de Qualing; une présidente dont j'ai oublié le nom, trés jeune et très belle, et une Mad^e^ de Castellane fort douce, fort aimable, jeune, mais elle était grosse et accoucha en sortant du souper; je n'ai donc pas pu juger de sa beauté. Il y eut d'hommes, un offieier des gardes, fort beau, dont j'ai oublié le nom. Il porte la croix de Saint-Louis. Il aurait bien voulu en compter à Mad^e^ de Qualing; Linsing dit qu'elle n'en voulait pas ce jour là, que ce serait pour une autre fois; encore une croix de Saint-Louis que tout le monde appelait La Grange: il n'est ni jeune, ni joli; un chevalier de Focourt, qui m'a paru avoir beaucoup d'esprit; et une autre jeune et jolie figure dont je ne sais ni le nom, ni la qualité; le jeune mari de la belle présidente et Linsing. Le jeu et le souper furent gais. Mad^e^ de Qualing est réellement belle. Je n'ai pas vu une plus belle gorge, la déesse de Cythère n'en

montra pas plus. On me dit que la belle était gênée ce soir. Elle est petite maîtresse. Elle fut douce et bonne; mais elle a des yeux, quels yeux! oui, des yeux, je vous en réponds, qui se font entendre. Vous savez l'histoire, je ne vous la dis donc pas. Après tout, je préfère sa soeur moins belle, mais douce, bonne, aimable, sans art, et telle qu'il me semble qu'il convient à une personne de qualité, qui tient un certain rang à la Cour. Après celle-là, il me parait que Mad^e de Castellane conviendrait à ma façon de penser. Je puis au reste me tromper; le premier coup d'oeil est souvent trompeur.

Venons-en à mon rendez-vous. Il a eu lieu entre quatre et cinq heures hier au soir. Tout cet intérêt d'état m'a paru une bonne clabauderie. Un vieux militaire son parent, dont Mme de L'E. vante le nom et la parenté, est venu lui dire qu'il savait par un ami à qui B. l'avait dit, que le Cte B. désapprouvait mon voyage ici, qu'il avait parlé désobligeamment de moi; qu'il avait ajouté que pour quant à l'affaire de son cousin, elle ne nous faisait aucun honneur, ni à l'un, ni à l'autre; que son cousin était un aventurier qui avait fait le métier d'espion et que la cour de F. l'avait résilié; enfin, mille absurdités piquantes et très imprudentes. Je lui ai répondu que, quant à moi, l'approbation ou l'improbation de M. le Cte de B. sur mon arrivée m'était assez indifférent, que je le croyais trop sensé et trop habile pour manquer à sa cour en ma personne; que quant à son cousin, c'était à la cour de France à soutenir ses intérêts en cette occasion; et sur ce qu'elle me dit que B. s'était vanté qu'il m'empêcherait bien de voir une personne perdue comme elle, je lui dis naturellement qu'il m'avait conseillé de ne me montrer en public qu'avec des dames de la Cour. Elle ajouta qu'elle en fréquentait. Cela se peut, dis-je, mais je vous avoue que j'ai trouvé que l'avis de M. le Cte de B. serait bon à suivre dans tous les pays. Elle en est venue ensuite à de longs détails sur sa noblesse et toute l'histoire de sa vie, sur ses liaisons, les raisons qui l'ont engagée à écrire les choses que vous savez à Linsing, et à me détourner de l'hôtel d'Aligre. Enfin elle en est venue à pleurer, à réinsister sur ce que doit avoir dit le Cte de B. Je lui ai déclaré que je ne m'en mêlerais pas, que ce qui regardait son cousin était l'affaire de la Cour. Que quant à moi, si l'ambassadeur pensait assez mal pour me man-

quer, tant pis pour lui; qu'il était au-dessous de moi d'en prendre connaissance; que tout ceci pouvait prendre une mauvaise fin vis-à-vis d'un ambassadeur en ce moment-ci, si on en venait à des éclaircissements; que je lui conseillais d'y penser deux fois; que je lui répétais que je ne voulais pas être mêlée là-dedans, et que je ne voulais y entrer pour rien. J'ai d'autant plus insisté là-dessus, que je me suis aperçue que la créature mi-carré mi-B est là-dessous, et que cette affaire pourra aisément faire un pot pourri et faire encoffrer quelqu'un. Il me serait oliment honorable si je débutais par une telle scène, ou pour y être entrée. Dites-moi si votre raison m'approuve, et je me consolerai du mauvais sang que cette clabaudeuse m'a fait faire.

L'ambassadeur a reçu la nouvelle que les deux colonnes Russes se sont jointes; on croit que le Roi de Prusse marche à eux: Dieu leur soit en aide! Je comprends les raisonnements de vos politiques. J'en entendis un hier très sensé que je vous rendrai bien si j'osais. Ce fut mon gros Sch... il me plaît et me parait fort honnête homme. Je crois comme vous que le jeune Soltickow se formera. Je le vois tous les jours; il n'en vient pas un qu'il ne me parle de vous. Il vous aime; il sent le mérite. C'est une justesse qui est de bon augure à son âge. J'eus hier les deux frères Dolgorouki. Ils sont assez instruits, mais je n'aime pas leur physionomie. A propos de ces gens, voici une note pour l'histoire que vous méditez.

Il y avait longtemps qu'une certaine puissance, la France nommément, aspirait à faire renaître les droits de la fille unique qui restait de Pierre le Grand, dont les desseins avaient été, en mourant, de remettre le prétendant sur le trône usurpé par sa soeur, et injustement donné à une famille étrangère. Quand le ministère de Russie, à la tête duquel était alors le fameux duc Biron, favori de l'Impératrice Anne, donna lieu à allumer un feu dont les suites lui ont été fatales et heureuses au descendant de Pierre le Grand, le ministère de Russie, composé alors du duc Biron, d'Osterman, du chancelier Tchercaskoi, du C-te Golowckinetdu C-te Munich Feldmaréchal, soupçonnait la France et la Suèdede lui manigancer des embarras, la première, par rapport à l'alliance avec la Cour de Vienne, et pour faire renaître, s'il était possible, les droits du prétendant, l'autre pour se défaire

du jeune duc d'Holstein, alors mineur, en le plaçant sur le trône des czars et donner à la couronne de Suède, à laquelle ce prince avait de justes prétentions, un successeur ou de la famille de Hesse, ou de Deux-Ponts. On soupçonnait, en Russie, que c'était à Constantinople que se traitaient ces intérêts, par deux ministres habiles dont j'ai oublié les noms, que la France et la Suède y avaient alors. On sut à St.-Pétersbourg qu'il devait partir de Constantinople un officier Suédois, nommé Sainclair, chargé pour la Cour de dépêches importantes. On eut soin d'aposter partout où il pouvait passer, des gens qui le connaissaient, et d'autres auxquels il fut exactement dépeint. On demanda au roi de Prusse, Frédéric Guillaume, de le faire arrêter, le donnant pour un déserteur. On ne sait pas si la Cour de Suède fut avertie; mais tant est que l'ambassadeur à Constantinople dépêcha plusieurs officiers, par autant de routes différentes. On en arrêta sous des prétextes vains un à Stettin, auquel on prit ses paquets. Mais celui qui portait ceux que l'on cherchait, l'était pendant ce temps-là de son côté, près de Breslau, en Silésie, par deux officiers Russes, dont je ne dirai pas le nom. S'étant défendu, il fut massacré; on lui prit ses paquets qui furent portés à Biron qui, pour toute récompense, sous prétexte du meurtre qui n'avait, disait-il, point entré dans ses instructions, fit transférer deux des meurtriers en Sibérie. La nouvelle de cet assassinat se répandit bientôt. Le peuple Suédois aimait Sainclair. Le parti des chapeaux primait déjà. Trois ordres de l'Etat demandèrent la guerre. On arma; on nomma un général qui fut Loevenhaupt. De son côté, la Russie armait. La santé de l'Impératrice Anne déclinait; elle avait, outre la goutte et la gravelle, un cancer à la matrice. Sa nièce, épouse du Prince de Brunswick, était grosse. Elle pouvait accoucher d'un fils, en faveur duquel un testament pouvait décider. Alors le M-is de la Chétardie commença à pénétrer dans l'intérieur de la maison de la princesse Elisabeth.

Doivent suivre les portraits de l'Imperatrice Anne, de sa nièce, de Biron, de la princesse Elisabeth, de L'Estocq. On m'interrompt. Adieu, bonjour, mon cher ami.

Vous ne m'avez pas dit comment vous avez trouvé madame votre mère. Me croyez-vous si peu intéressée à vos plaisirs ou vos peines?

3.

Du 9 Août 1758.

Souvenez-vous que je vous écrivis hier. Celle-ci c'est par provision pour demain ou après demain. Ainsi, insensiblement, vous aurez vos volontés, et vous verrez qu'il se trouvera au bout du compte, que je vous écrirai quelquefois tous les jours. D'où vient? C'est apparemment et ce sera parce que je me suis souvenue de vous. Vous n'aurez pas pourtant encore les portraits que je vous ai promis. Je veux avant cela vous rendre compte de ma journée d'hier et de celle d'aujourd' hui.

Hier, représentation première du nouvel opéra: les Fêtes d'Euterpe. Je fus en grande loge, celle du Roi, avec Mme de Lowendahl. Que de regards! Quels regards! Quelle curiosité! On fut indulgent, je ne fus pas sifflée. Mme la Duchesse d'Orléans apparut en grandissime panier-grande loge. Son air n'est point d'esprit. Elle avait été malade la veille à mourir. L'opéra est horrible: il n'a pas le sens commun, il n'y en eut jamais de tel. Je n'en aime que la Arnaud, Gélin, la Vestin et la Lyonais. Voulez-vous les paroles? Je vous les enverrai.

Ce matin, je suis allée à dix heures avec votre petit bonhomme de Soltickoff, pendant que le baron s'était endiablé, chez le joaillier de Mme la Dauphine, où j'ai vu tous les bijoux des Dames de France et de la Marquise. Je n'ai vu ni reçu personne de la journée. J'ai resté en bonnet de nuit pour recevoir mon homme d'affaires, et un nommé M. de Saufflerre, maître de requêtes, que j'ai connu il y a 30 ans à Berlin, alors prédécesseur de M. le marquis de la Chéterrée. Il se trouve qu'il est le voisin de M. le duc de Chaulnes. Il m'a deterrée. Mon époux l'a obligé à Berlin. Le voilà qui arrange mon hôtel de Chaulnes avec votre homme. Je l'aurai enfin. On m'offre des meubles, il faudra les voir, convenir, régler, et puis je m'y planterai. Au bout de tout cela, Madame de L'Etang m'a envoyé une lettre de son malheureux cousin; il se meurt à la citadelle de Magdebourg. Sa lettre était à la vérité de quatre

pages, mais elle se ressentait, soit pour le style, soit pour l'écriture, d'un homme faible, languissant. J'en suis émue. On lui a conseillé du baume de La Mecque. On le lui enverra par estafette. Quel affreux sort que celui de ce gentilhomme! Glissons sur l'article. Il ne m'en faut pas autant dans mon cachot de l'hôtel de Luynes pour me rendre l'esprit noir comme de l'encre.

Je reviens à notre note. Vous avez compris que la France, qui entrait dans les projets du parti des chapeaux en Suède, en faveur des maisons de Deux-Ponts ou de Hesse, donna ordre au marquis de la Chétardie, alors à Petersbourg, de ce rapprocher de la princesse Elisabeth. Le dessein n'était point de la mettre sur le trône. On voulait la faire servir d'instrument pour y faire monter son neveu le grand duc, alors duc d'Holstein. Trois ans entiers furent employés à faire agir les ressorts nécessaires. Vous sentez que l'on garda un profond secret sur le fond du dessein. L'Estocq le sentit, parce qu'en attisonnant l'ambition de la Princesse sur les droits du sang de Pierre le Grand, on ne la nommait jamais directement. L'Estocq, alors simple chirurgien de la Princesse, fut le premier gagné. Il était le seul confident qu'elle eût dans la maison: je vous en ai souvent fait sentir les raisons; elles tiennent au physique, mais il est invraisemblable, du moins, je n'ai jamais cru qu'il eût été à la place de ceux que nous avons vus depuis. Il avait vu naître la Princesse, alors attaché à l'impératrice Catherine, sa mère. Il était assez naturel qu'il lui fût tendrement attaché. Il est impossible de l'approcher et de ne l'être point. L'Estocq est d'un caractère ardent, ambitieux; il a de l'esprit. Depuis plus de 40 ans en Russie, il était accoutumé aux intrigues de la Cour de ce pays-là. Il connaissait à fond tous les caractères, surtout celui de la Princesse, et de tous ceux de la Cour. Il avait parfaitement approfondi celui de M. le marquis de la Chétardie, qui se l'était attaché. L'Estocq voulait s'élever. Il était ivrogne et voluptueux; il voulait contenter ces deux passions, il n'avait pas de quoi. Renfermé dans le petit nombre d'officiers d'une Cour que l'on payait très mal, et dont les revenus des biens en fonds se dissipaient en menus plaisirs, il souhaitait d'avoir les coudes libres. Ajoutez à cela son attachement à la Princesse, un esprit tourné au juste, une

conception facile et beaucoup de jugement; d'ailleurs d'un caractère sûr et bienfaisant, et porté pour la vraie gloire de la Princesse. L'Estocq réfléchit aux premières propositions, quoique alors vagues, de M. de la Chétardie. Il en sentit les couséquences et en vit le fonds. Il résolut d'en tirer parti, sur lequel il ne déscella qu'au moment de l'événement. Il sentit la nécessité de se donner des émissaires; il en chercha dans l'intérieur de la maison de la Princesse. Il trouva en partie la noblesse gagnée contre la Princesse. Il lui trouva des espions. Il trouva les bien-intentionnés timides, ou neufs, ou trops sots. Il se garantit contre les uns, tira parti des autres, et ne marcha que d'un pas sûr. Il ne prit pas une mesure injuste. Un seul valet de chambre, fidèle, éprouvé, fut son Mercure vis-à-vis du marquis de la Chétardie qu'il n'osait voir. Cet homme allait dans un bois porter des billets à un Français dont il connaissait la figure et l'habit, mais qu'il ne connaissait pas; c'était le marquis. Un lieu où on jetait la charogne était celui de l'assignation. Des nuits obscures, des orages, de fortes pluies, des grêles, des jours qu'il neigeait étaient les moments de l'assignation. Là, se troquaient de gros paquets de lettres, des listes de personnes suspectes ou gagnées, des lettres de change, des instructions, des avis; là, se décidait le sort à venir de deux peuples nombreux, ceux de la Suède et de la Russie.

Pendant ce temps là, la guerre entre la Suède et la Russie avait été déclarée. Les armées en présence s'étaient battues; la bataille de Villmanstrandt avait été donnée; Lascy l'avait gagnée pour la Russie; Lœwenhaupt l'avait perdue pour les Suédois. Lœwenhaupt, s'il avait été heureux, avait ses desseins; il voulait se faire roi de Suède. Il fut malheureux; son desein transpira. On lui coupa la tête sur d'autres prétextes que l'on trouva aisément, les raisons secrètes furent ce projet. Lœwenhaupt, un des hommes les plus accomplis de son siècle, même pour la figure, fut à plaindre; il avait l'âme et la qualité d'un héros, mais il devait naître dans un autre siècle ou ailleurs.

La princesse Anne, nièce de l'impératrice de ce nom, était accouchée du prince qui fut ensuite le petit empereur Yvan. L'impératrice avait fait élever cette jeune princesse avec quelques soins. Fille de sa soeur, la duchesse de Mecklembourg, épouse du duc Charles Léopold, si connu par ses extravagances,

de chez qui elle s'était sauvée avec cette jeune enfant, âgée de deux ans alors, l'mpératrice la destinait à lui succéder. Le duc Biron avait paru y consentir, mais soit qu'il n'aimât pas la princesse Anne, soit qu'il prévît que le penchant de loute la nation en faveur de la princesse Elisabeth, occasionnerait un jour quelque révolution, il avait bien résolu de ne précipiter rien, et de faire tourner comme il voudrait toutes les circonstances à son avantage. Il consentit donc que la jeune princesse fût élevée par une gouvernante allemande que l'on fit venir. Ce fut le ministre de Prusse, alors le baron Mardefeldt, que l'on a nommé le jeune, parce qu'il y succéda à un oncle du même nom, qui s'en chargea. Elle était sa parente, et veuve d'un colonel des anciennes troupes Holstinoises, nommé Aderkas. O ne pouvait plus mal choisir. Madame d'Aderkas avait étée belle et en avait abusé, elle était perdue de réputation; son éducation en fit foi. La princesse Anne n'etait point belle, mais elle avait des agréments. Elle était d'une taille médiocre, brune, les yeux beaux, mais tristes, les traits assez réguliers, une belle gorge, le bras, la main belle, de l'air. Le tout ensemble ne faisait point une belle personne. Il y a pourtant eu des gens qui l'ont trouvée telle. Elle avait un air de tristesse et de mélancolie répandu sur toute sa personne, qui plaît assez à certains esprits. Elle était née tendre; beaucoup de romans que sa gouvernante avait eu soin de lui laisser lire pendant qu'elle s'amusait avec son cousin, lui gâtèrent l'esprit. Elle ne l'avait ni brillant, ni élevé. On n'a jamais su si elle avait l'âme belle. Elle n'a fait ni bonnes, ni absolument mauvaises actions. Elle n'a donné qu'à ses favoris et a peu récompensé. Elle a montré pendant son mariage et pendant sa régence qu'elle ne connaissait pas ses devoirs. Elle les négligea tous. Elle était née paresseuse, et l'on sait qu'elle eût voulu être particulière. On ignore ses motifs à cet égard; mais on sait qu'elle aima passionnément dès l'âge de treize ans le jeune de Lynar, saxon d'origine, et alors envoyé de Saxe à la Cour de Russie. Il passait pour le plus bel homme qui fut alors. Les gens sensés l'ont accusé d'être un fat. Il n'y a sorte d'intrigues que la Princesse et sa gouvernante ne jouèrent pour faire réussir cette passion et l'entretenir. Lynar était très vain, il entra dans l'intrigue, il aima ou fit semblant d'aimer. Tant

est que la chose fut poussée si loin qu'elle parvint à la connaissance de Biron et de l'impératrice. La gouvernante fut enlévée et conduite en Allemagne avec sa fille, qui était venue la trouver depuis peu, et qui est cette même dame d'honneur de ma mère, que mon frère en Suède a passionnément aimée, dont je vous ai parlé souvent.

Depuis cette catastrophe l'humeur de la Princesse parut aigrie. Elle devint plus sombre qu'elle ne l'avait jamais été. Elle contracta une haine mortelle contre Biron et prit en grippe la nation Russe. La cour de Vienne profita de l'incident pour se donner un ami sûr et placer un parent, fils d'une soeur chérie de l'impératrice, épouse de Charles VI. Ce fut le prince de Brunswick, père du petit Yvan, et frère du duc de Brunswick et de ces autres princes de ce nom que nous connaissons. Biron répugnait à ce mariage; la cour de Vienne envoya Botta qui sut l'y engager. On demanda la Princesse au nom de l'Empereur pour son neveu. Les noces se firent avec éclat, la mariée fit éclater le plus affreux désespoir. L'ambassadeur, l'époux, tout fut maltraité, l'imperatrice ne fut pas épargnée. Elle aimait sa nièce, elle savait qu'elle n'avait pas voulu du prince, elle crut que le temps la réduirait. Elle la laissa s'enterrer dans le fond de ses appartements et s'envelopper dans son chagrin tant qu'elle voulut. Mais elle la força à coucher avec le prince, qui sortait toutes les fois meurtri du lit de sa femme, et qui lui fit pourtant deux enfants, car il y a eu ensuite une fille qui a été de Lynar, et uu autre pendant la prison, d'un bas officier des gardes.

Cependant l'impératrice Anne, rongée de son côté d'une mélancolie noire, à laquelle ses autres maux et ses débauches en eau-de-vie pouvaient bien avoir contribué, non seulement, mais encore les mauvaises manières de Biron qu'elle aimait et qui ne l'aimait point, et qui la tyrannisait au delà de ce qui peut s'en comprendre, et dont elle sentait qu'elle ne pouvait se passer, ni se défaire, l'impératrice menaçait ruines. Un accident dont on ne s'attendait pas accéléra sa mort. Les médecins avaient conseillé à cette princesse l'exercice du cheval. On avait choisi un vieux cheval sur lequel on plaçait cérémonieusement Sa Lourde Majesté. Un des jours de l'été de l'année 1740, elle voulut monter seule dans l'étrier. Il rompit. L'impératrice

tomba et crut s'être considérablement blessée, démis les hanches. On trouva après sa mort que c'était une pierre des reins qui, déplacée par la chute, s'était jetée entre la jointure qui fait le mouvement des hanches. Je ne sais pas les termes de l'art; je me rends intelligible comme je puis. Elle languit depuis jusqu'au mois de Novembre qu'elle mourut, gangrénée de tous les différents maux.

L'impératrice Anne était excessivement grande, jaune, et de ces graisses qui augmentent la laideur d'une brune. Elle l'était fortement. Elle avait le front fort étroit, les yeux petits, rudes et menaçants, le nez allongé, peu de lèvres, la bouche désagréable, peu de taille. Le marquis de la Chétardie disait qu'elle avait bon air par derrière. Sa gorge, ses mains, ses bras répondaient au reste. Elle avait l'humeur sombre, tournée à la mélancolie. On l'a soupçonnée d'avoir du tempérament. Elle donnait par vanité. Elle n'aimait, n'écoutait que Biron, non parce qu'il avait du mérite et de la capacité, mais parce qu'elle le craignait, et ne connaissait que lui. Elle était rude, cruelle, voulait être crainte, ne connaissait point, ni l'art de se faire aimer, ni la douceur de l'être. Elle traitait ses parents et ses domestiques en esclaves, l'était elle-même, pieds et poings liés de Biron, et regardait tous ses sujets comme autant d'automates, nés pour elle. On ne l'a jamais vu s'attendrir que de peur. Peu après son avénement au trône, elle gênait jusqu'aux gens dans sa Cour. Elle aimait les bouffons, en avait toujours, et souffrait toutes les obscénités qu'il plaisait à ces misérables de donner en spectacle. Elle a eu un prêtre bouffon, et une princesse Golitzine qu'elle forca à l'être. On a dit qu'elle avait de la religion, je ne l'ai jamais cru; car j'ai su q'uelle faisait tourner en ridicule tous les mystères de la religion, et qu'elle se tenait à l'église avec une indécence, qui est en partie cause de la haine qu'on lui a portée. Elle haïssait la mémoire de Pierre le Grand et de l'impératrice Catherine, jusqu'à réprimer leurs belles actions, et prendre à tâche de faire périr une partie de leurs plus beaux établissements. Elle fut mariée fort jeune au duc de Courlande, de la famille des Kettler. Elle en eut un fils qui mourut fort jeune, ainsi que son époux. Veuve à la fleur de son âge, sa conduite parut repréhensible à l'empereur, son oncle. Il l'en punit par de

sévères réprimandes. Il la menaça ensuite et cette affaire alla assez loin. L'impératrice Catherine la raccommoda avec l'empereur. L'impératrice Anne s'en souvint les premières années avec sa fille; mais la princesse Elisabeth était généralement et tendrement aimée: c'était un pêché originel que l'impératrice Anne, jalouse et ingrate naturellement, ne savait pas pardonner. On n'a jamais su au juste quand, ni comment, elle s'était attaché Biron; tout ce que l'on en dit sont de simples conjectures. J'ai pris la liberté d'en demander des éclaircissements à l'impératrice d'aujourd'hui; elle m'a fait l'honneur de me dire qu'on l'ignorait absolument; qu'il était certain qu'il n'est pas gentilhomme; qu'elle n'avait ouï parler de lui qu'à l'impératrice, d'abord après son avénement au trône quand on voulut l'engager à la renonciation à la souveraineté; qu'alors il était écuyer de la duchesse élevée au trône, et resté à Mittau, et que l'impératrice dans ses angoisses, ayant soupiré après Biron, vantant sa fidélité et son esprit, elle, l'impératrice d'aujourd'hui, s'était chargée de le faire venir et l'avait exécuté secrètement, ayant su que les Dolgorouki le craignaient. Biron se consulta avec l'impératrice d'aujourd'hui, et c'est de concert avec eux que l'impératrice Anne déchira l'acte comme je crois vous l'avoir conté.

Biron est beau de tête et de figure, ni trop grand, ni trop petit, une physionomie ouverte fort heureuse; peu instruit, l'esprit des affaires, prudent, habile, ferme, ne se trompant guère dans le choix de ceux qui travaillaient sous lui; assez méchant ennemi, meilleur ami; ayant un système fixe, qui était sa gloire et l'agrandissement de sa famille. Magnifique à l'excès quant à lui-même, arrangé en ses affaires, et ne dérangeant jamais les revenus de la couronne. Il était généreux envers l'étranger, mais il méprisait et maltraitait la nation à l'excès. Il prenait des pages parmi la haute noblesse, et faisait des valets de pied du petit gentilhomme. Il a été généralement haï et cela par sa faute. Il était trop habile politique pour avoir de la religion ou le coeur bon. Il a fait des choses horribles. Il en a coûté à l'Etat, qu'il gouvernait depuis 1729 jusqu'en 1740, qu'a duré le régne de l'impératrice Anne, soixante-dix mille têtes qu'il a fait périr sous divers prétextes, et qui, dans le fond, n'étaient que ses ennemis à lui, sans compter les guerres contre les

Turcs, les Persans, les Suédois, et en Pologne, où l'on compte qu'il en a péri deux cent cinquante mille. Biron gouvernait souverainement l'impératrice et l'Empire; il avait placé tous les autres ministres qui le craignaient. Il s'était fait élire duc de Courlande, la baïonnette au bout du fusil, par la noblesse renfermée dans une église de la capitale du duché, église entourée en ce moment là de douze mille Russes, prêts à leur faire un très mauvais parti. Sa femme est Treuden, de la noblesse Courlandaise. Il en a trois enfants; au moins passent-ils pour être à eux. D'autres ont cru qu'ils étaient d'une autre mère. Je crois que vous me comprenez. Cette femme et ces enfants on été, par leur hauteur, leur arrogance et leurs procédés en général, le fléau de toute la Russie, au point que jusqu'au petit peuple frémit à leur seul nom. Voilà les principales personnes de la Russie à la mort de l'impératrice Anne.

Venons-en à notre héroïne; je vous la garderai pour demain.

4.

Du 10 Août 1758.

Bonjour. J'espère de vous dire à la fin du portrait de l'impératrice Elisabeth que M. de Contades a battu le prince Ferdinand, on en attend le courrier; peut-être est-il déjà arrivé, je vais envoyer à la découverte. Quelle joie de vous l'apprendre! Continuons.

L'impératrice Elisabeth est fort grande; elle a été extrêmement bien faite. Elle engraissait de mon temps, et il me semblait toujours que ce que dit St Evremond dans le portrait de la fameuse duchesse de Mazarin, Hortense Mancini, était fait pour l'impératrice. Il dit *de ce qu'elle a la taille déliée une autre l'aurait belle.* Cela était alors au pied de la lettre. Jamais tête ne fut plus parfaite. Il est vrai que le nez l'est moins que les autres traits, mais il est là à sa place. Sa bou-

che est unique: il n'y en eut jamais de telle: ce sont les grâces, ce sont les ris, ce sont les jeux. Elle ne saurait grimacer, elle n'a jamais fait de plis que de gracieux. On en adorerait une injure, si elle en pouvait proférer. Deux rangées de perles se montrent au travers du vermeil de deux lèvres, qu'il faut avoir vues pour s'en former une idée. Les yeux sont attendrissants, oui, voilà l'effet qu'ils ont fait sur moi. On les prendrait pour noirs, ils sont pourtant bleus. Ils inspirent toute la douceur dont ils sont animés. Ils imposent un respect nés des sentiments du cœur, qu'ils vous enlèvent; on ne saurait les contempler, sans sentir un charme secret qui vous rend à elle pour la vie. Jamais front ne fut plus agréable. Ses cheveux sont plantés si exactement, que d'un coup de peigne, ils sont et paraissent rangés avec art. L'impératrice a les sourcils noirs, et la chevelure naturellement cendrée. Toute sa figure est noble, sa démarche est belle; elle se présente avec grâce; elle parle bien, d'une voix agréable; son geste est juste. Enfin, jamais figure ne ressembla à la sienne. Jamais si belles couleurs, ni gorge, ni mains, n'ont été vues. Comptez là-dessus, je suis un peu connaisseuse, et je parle ici sans prévention.

L'intérieur eût toujours été pareil à cet extérieur, si l'éducation que recevaient les filles de l'empereur son père, avait répondu au reste des desseins et de la vaste étendue du génie de cet auguste prince. Soupirons sur la faiblesse de nos héros; mais accordons à leurs caractères ce qui les distingue du reste des mortels. L'impératrice Elisabeth a le cœur bon, généreux, magnanime. La douceur fait le fond de son caractère. Elle a un enjouement décent qui pare sa gaîté. Je ne l'ai jamais vue que d'une humeur à se faire idolâtrer; elle n'est que sérieuse en certains moments: ils ne durent guère, sa douceur vous paie de ces instants, elle ne la quitte jamais. Jamais humanité ne fut pareille à la sienne. Bonne amie, elle souffrira de vos maux, procurera vos consolations et vos soulagements. Son cœur est fait pour la tendresse, son âme est faite pour régner. Intrépide, ferme, sachant entreprendre et exécuter; le moment de son glorieux avénement la peint assez. Elle a beaucoup d'esprit, la conception facile, du talent, mais un peu trop d'assiduité. Il n'est point étonnant: parvenue au trône à l'âge de 37 ans, je pense, elle ne s'était pas sans doute accoutumée, dans la vie

sédentaire qu'elle menait comme princesse Elisabeth, à régir le colosse qu'elle a entrepris.

Telle que je viens de la peindre, la princesse Elisabeth, idolâtrée de sa nation, crainte des ministres, enviée par l'impératrice et la princesse Anne, s'acheminait au trône, habilement et richement dirigée, en gagnant par ses manières ou par des moyens suffisants, des dames dont le poids et l'autorité pouvaient décider des familles entières.

L'impératrice Anne mourut sur ces entrefaites, et Biron qui avait toujours son dessein et brouillé avec la princesse Anne, supposa un testament qu'il fit signer à l'impératrice mourante par lequel il était établi tuteur et régent de l'Empire pendant la minorité du petit prince Yvan, qui était nommé empereur. Les testaments des empereurs et des impératrices de Russie ne sauraient décider de la succession au trône, que dans deux cas, l'un qu'il y eût deux prétendants qui eussent des droits égaux, ce qui est presque impossible; l'autre tel que fut le cas à la mort de Pierre Ier. L'impératrice Catherine était couronnée et reconnue souveraine des Russies. Il y avait un jeune prince et une princesse mineurs, petits enfants de l'impereur, enfants du malheureux Czarewich, et trois filles de Pierre Ier et de l'impératrice. Chacun de ces concurrents avait ses partisans. L'empereur sentit la nécessité de décider, pour éviter des moments difficiles. Il fit donc assembler toute sa famille, les conseils, le Synode, le Sénat, les chefs des armées de terre et des forces par mer. Il dicta ses volontés, y fit souscrire et prêter le serment à toute sa famille et la nation, l'armée et les ministres. Voici ce qu'il établit: que l'impératrice Catherine, son épouse, lui succéderait, qu'elle le serait par le jeune prince qui a été ensuite Pierre second et ses descendants; à leur défaut par la princesse Nathalie, sa soeur et les siens, ensuite à leur défaut par la princesse Anne, fille de Pierre le Grand, et mère du présent grand duc, et ses enfants et ses cadettes, avec cette clause pourtant, qu'il ne faut pas perdre de vue, que l'âge déciderait entre les prétendants, c'est-à-dire que le plus âgé aurait préséance quand il serait de la tige cadette, ainsi que nous le voyons aujurd'hui entre l'impératrice et le grand duc. Toute la Russie prêta serment sur les clauses du testament de Pierre Ier — l'impératrice Catherine le fit renouveler à son lit de mort.

Les Dolgorouki prêtèrent serment comme les autres, et le rompirent après celle de Pierre second, en élisant l'impératrice Anne. Biron ne divulga rien des clauses du testament de l'impératrice tAnne dont je viens de parler. Le conseil, les chefs de la naion n'y ayant pas été appelés, on fut dans le doute, et le Mis de La Chétardie hésita si la princesse Elisabeth ne devait point lever le masque. Elle le refusa, ne croyant pas son parti assez fort. Biron eut donc le temps de faire déclarer la mort de l'impératrice, fit publier le testament et se prêter serment comme régent, et le petit Yvan empereur tout de suita. Personne ne se remua; sa hardiesse étonna, et on lui crut des amis, et l'on était si accoutumé à fléchir sous lui, que tout céda. Pendant ce temps là, il sut intimider le prince et la princesse de Brunswick, il garda même le petit empereur dont il s'était emparé, et il fit sentir à la princesse Elisabeth, que si elle voulait seulement en passer par certaines conditions, il lui montrerait bien que dans le fond il avait travaillé pour elle. Il en vint même à lui proposer ensuite de faire épouser sa fille, la jeune Biron, à son neveu le duc d'Holstein, qu'il promettait de mettre sur le trône et d'en faire descendre le petit Yvan. Cette négociation s'entamait quand Biron fut culbuté.

A Dieu pour aujourd'hui. Je n'ai point de nouvelles de M. de Contades.

5.

Du 12 Août.

Je vous ai gâté, vous êtes accoutumé à mon caractère de cérémonie, autrement je serais fort tentée de vous écrire aujourd'hui, samedi, que je sors d'une écriture de trois ou quatre grosses heures, de vous écrire de ce caractère que vos beaux yeux n'ont pas l'esprit de lire. Votre cousin Champeaux le lit fort bien. Je vous envoie une lettre que je viens de recevoir. Vous verrez que la tête tourne toujours un peu à notre pauvre ami Soltickow, et que messieurs du corps diplomatique sont quelque-

fois biscornus dans leurs jugements. Ma pauvre princesse Caquedou ne croyait pas en sortant de sa coque, qu'elle fût un jour destinée à entrer en lice avec le peuple libelleaux. J'ai beaucoup ri des choses sur lequel l'esprit ministeriel est toujours monté. Je vous envoie la lettre de votre cousin, d'ailleurs par rapport aux nouvelles, elles se confirment de toutes parts. J'ai parlé au comte Bestucheff ce matin, qui m'a dit la même chose. Il est sûr que le prince Ferdinand a de nouveau refusé la bataille, et que M. de Soubise marche droit à Paderborn pour le prendre en flanc. Le brave Daun avance de son côté et gagne pied sur pied. Il fait, jour pour jour, du butin et des prisonniers; mais ce qui étonne, qui fait causer et qui intrigue *certains ministres étrangers*, c'est qu'il arrive et part journellement courrier sur courrier entre ici et Vienne, et que l'ambassadeur Stahrenberg, mardi, après une longue conférence entre lui et le ministre, a fait partir en poste le jeune comte Hevenhüller de son ambassade. Il doit avoir dit qu'il portait à Vienne des bijoux achetés pour l'Impératrice-Reine. Tout le monde rit du prétexte et fait ses conjectures. Vous savez ce qui se passe sur la côte de Normandie. On espère de les rechasser bientôt. Il y a des troupes de reste, et M. d'Harcourt marche au secours de quelques mille hommes qui y sont déjà, avec six mille hommes et quelques troupes tirées de celles de la maison du roi.

Je croyais l'autre jour être à la fin de mes détresses pour cet hôtel de Chaulnes. Il se trouve que ce M. de Sauveterre que je vous ai nommé est un brouillon, peut-être un malhonnête homme. Le chevalier Duglas et un abbé dont j'ai oublié le nom, qui a été avec lui à Zerbst, sont venus hier chez moi; nous avons parlé en long et en large de cette affaire. Ils ont fort haussé les épaules sur toutes les conditions que l'on me voulait imposer, surtout les 10 mille francs d'entrée. Ils ont trouvé cela inouï. L'abbé s'est offert d'en parler au procureur général des Chartreux, et de défaire cette clause. D'une autre part, ils m'ont proposé l'hôtel de La Roche-sur-Yon, sur le quai à côté du Pont Royal, où loge M. le prince de Conti qui va loger au Temple et M. le Cte de La Marche à l'hôtel de Mademoiselle. Dès aujourd'hui, l'abbé m'a porté rèponse des Chartreux. Il les a mis à la raison, et il est convenu qu'ils se chargeraient de toutes les réparations, et se désisteraient de la pré-

tention des 10 mille francs d'entrée, à raison qu'au lieu de 9, je payerais 11 mille francs de loyer. Mais il leur a déclaré que l'hôtel de la Roche-sur-Yon étant plus grand et dans un plus beau quartier, celui de Chaulnes serait le pis-aller, et que je ne donnerais ma réponse qu'après avoir su le prix de l'autre. Voilà qui est donc fait, j'aurai l'un ou l'autre. L'abbé n'a pas voulu me dire tout ce qu'il sait; mais je vois bien que le petit Destouches et Mme de L'Etang ont cabalé et fait tout le mic mac qui a causé toutes ces longueurs.

Que direz-vous quand je vous apprendrai qu'au milieu de Paris, je n'ai pas sorti de mon vilain hôtel de Luynes depuis mercredi au matin que je fus aux Tuileries, qu'il est samedi aujourd'hui et que je n'ai vu de ces quatre jours, personne, pendant deux jours. Cela n'est-il pas bien philosophe? Je gagerais que vous n'en feriez pas autant. Comment vous êtes-vous accommodé de mon épître sans fin de l'autre jour? George Dandin tu l'as voulu. Je voudrais à présent que vous m'envoyassiez des questions sur les points qui en exigent. J'y répondrais, et ainsi vous parviendriez insensiblement à votre but.

Je vous prie de me dire ce que c'est que ce monsieur de votre connaissance qui m'est venu voir, que je vous nommais. Je m'en souviens dans ce moment, c'est M. de Pelluys. Il m'a mené hier matin sa femme. Elle a un air fort décent. La connaissez-vous? Qu'est-ce que ces bonnes gens là? Le bonhomme, tout courbé qu'il est, m'a paru fort amoureux de sa chère moitié. Savez-vous où il met une très belle tabatière d'or qu'il a fait briller à mes yeux? Dans sa culotte. Cela a pensé me faire rire, et je l'eus s'il y avait eu là une seule personne, comme vous, par exemple. J'ai de grands compliments pour vous de mon fils. Il doit être arrivé présentement. Il a pensé avoir un grand malheur en delà Ratisbonne: l'essieu de son carrosse se rompit sur la pente d'un précipice. C'est un miracle qu'il n'ait pas roulé en bas.

Linsing vous a-t-il écrit? Il en fait le projet tous les jours; mais c'est un franc libertin, il est toujours en l'air. Bonsoir pour aujourd'hui.

Le landgrave de Cassel s'est, m'écrit-on de Jévern, refugié à Bremen. Nous voilà tous en deuil pour le prince de Prusse: cette mort a été notifiée par Van Hellen à M. d'Assoy à La

Haye. Nous en aurons incessamment encore un, celui de la Reine d'Espagne qui se meurt, et peut bien être déjà morte. Mon gros voisin, M. Hilbrand a aussi pensé passer le pas. Sa femme et sa fille pendant ce temps là, soupaient en ville et donnaient à souper. Voilà de ces irrégularités qui me mettent en colère. Je voudrais du moins que l'on se respectât.

Votre livre L'Esprit est condamné par arrêt du grand conseil. Vous ne vous y étiez pas trompé. On écrit même que celui qui l'a reçu sera puni, peut être encoffré. On intrigue les uns pour, les autres contre.

A Dieu encore, bonsoir. Pour le coup, je vais me coucher: il est minuit.

6.

Du 13 Août 1758.

Je reçus hier votre lettre du 11. La présente ne partira pas aujourd'hui. Je suis fière, et je ne veux pas que vous receviez tous les jours Minerve avec les couronnes à ses pieds. Votre métamorphose est très plaisamment imaginée. Vous n'en seriez pas moins chassé. J'augure celle de toutes les craatures que vous choisiriez. Il n'y en a pas une qui puisse corriger mes erreurs peut-être à votre sens, mais au mien la douceur et la félicité d'une vie tranquille et d'une âme sans remords. Vous voyez que je me suis levée d'un air sérieux. C'est que j'ai rêvé de Polyeucte, que je vais voir ce soir en grande loge. Je m'étais pourtant couchée avec des idées fort riantes. Mon abbé, qui est l'abbé Couché, m'avait apporté la nouvelle que j'aurais mon hôtel de Chaulnes pour onze mille francs, moyennant que les Chartreux retracteraient leurs prétentions de 10 mille à payer d'abord, et se chargeraient de toutes les réparations. Voilà donc qui est fait. Le notaire que vous m'avez donné viendra à midi et le tout se rangera de suite. Je sortirai d'ici, dès que le tout le sera, et j'irai me loger dans l'hôtel du prince de Salm, vis à vis, où je serai à portée d'attendre

tranquillement que M. de Chaulnes ait démeublé, et que j'aie fait meubler. C'est encore l'abbé qui a rangé cela, et M. le Cte de Bernis m'a conseillé de l'accepter, comme convenable à tous les égards. Pour Mad^e^ de... je n'en entends plus parler. J'ai, en attendant, son insolent mercier que je chasserai, je pense, au premier jour. A propos de domestiques, le baron, qui vous écrit tous les jours sans vous écrire, m'a donné un valet de chambre plus beau que mon suisse.

Je suis bien aise que vous soyiez content de mes réponses à cette dame. Je n'aime rien tant que le suffrage des personnes qui pensent, et je ne hais rien plus que la tracasserie. Cette femme-là, si je ne me trompe, ne l'est pas mal. Comment est il possible que vous, la raison même sur cet article—car il y en a où vous ne l'êtes pas—ayez pu l'aimer? Pour sire la Paupinière, j'avais lu dans sa physionomie et compris à l'air du tout, de quoi il est question. Quel plaisant animal que l'homme! quelle bigarrure! Dites-moi, M. le Philosophe, la raison de tant de différents principes, supposé qu'il y en ait parmi le grand nombre, et que le hasard ne le conduise pas.

Voici les réponses à vos questions: il s'agit de l'époque des liaisons de la cour de Vienne avec celle de Russie. Vous savez les jalousies qui régnaient depuis la paix d'Utrecht entre les cours de Vienne et de Londres. Les conquêtes du prince Eugène, Naples, la Sicile, une partie de la Lombardie, appartenaient à la maison d'Autriche. Elle n'avait jamais oublié que dans le temps des guerres de la sussession la reine d'Angleterre avait retiré ses troupes de l'armée alliée, ce qui fit perdre la Catalogne, et qui fut cause de la reddition de toute l'Espagne. George Ier, parvenu au trône d'Angleterre, haïssait par des haines particulières, la maison d'Autriche, et elle le lui rendait sincèrement. Elle voulut donc se pourvoir d'un allié propre à lui aider à tenir tête à deux ennemis, et peut être à trois l'Angleterre, la France et le grand Seigneur. Pierre Ier, dans ce temps là, voulait marier le malheureux, l'indomptable Czarewitz son fils. Il cherchait une princesse allemande. On lui fit proposer la sœur de l'impératrice alors régnante, et de la mère du duc de Brunswick aujourd'hui régnant. Elle était belle et spirituelle, et aurait fait l'admiration et le bonheur d'une nation et d'un époux qui eurent été moins barbares que ne l'étaient

alors les Russes et le Czarewitz. Il en eut deux enfants, Pierre second et sa sœur la princesse Nathalie. Je n'ai su qu'avant hier par le Cte Bestucheff, que l'empereur Pierre Ier ne voulut jamais que la femmè de Czarewitz changeât de religion. Elle a vécu et est morte dans la protestante. Le prétendant est le chevalier St George que Pierre 1^r^ voulait remettre sur le trône de son père. C'était le grand noeud de l'alliance entre ce prince et Charles XII que Gortz avait projetée. Charles XII était fort piqué contre le roi George, qui était entré en tous les desseins contre lui, et avait partagé ses dépouilles. Pierre Ier voulait, outre son alliance avec l'Autriche, établir et costruire une marine; l'Angleterre était intéressée à ne pas le permettre. On voulut donc lui susciter des embarras, dont la France ne se serait point mêlée directement, mais elle aurait profité du moment pour s'élargir en Amérique. Sur ces entrefaites mourut Charles XII. L'empereur avait son plan, mais les Suédois n'y voulurent pas entrer. Ils coupèrent la tête à Gortz par d'autres raisons. Ces nouveaux frais de guerre que l'on avait déjà commencés y entrèrent pour quelque chose. La mine éventée, Pierre Ier céda, mais il ne perdit pas ses premiers desseins, et il les eut exécutés s'ils n'eussent été prévenus par sa mort.

Vous savez l'anecdote qui l'occaisionna. Je vous l'ai contée à Hambourg. Ce que je sais d'anecdotes de ce grand Prince, se réduit à peu de chose. Tout le monde sait les immenses étabsissements qu'il a faits en tout genre, en toute espèce. Il rectifia les lois, corrigea des abus dans les rites de la religion; établit des régles de police, une armée réglée, une marine; fit naître les arts chez lui; enfin fit une création à la lettre. Il réduisit tout par écrit de sa main, et j'ai vu moi-même, dans les salles du Sénat, du Synode, et des affaires intérieures et extérieures, des grands in folio, précieusement conservés, que les principaux d'entre les ministres et de la nation m'ont assuré contenir toutes ces lois, ses établissements et ses réglements écrits de la propre main de ce Prince, d'un style si juste, si net, si clair, qu'un enfant ne s'y tromperait pas. Il fit plus: il réduisit également de sa main par écrit, tous les desseins qui lui restaient à exécuter, des projets selon les circonstances, des principes qui peuvent servir de systèmes; enfin il a battu un chemin à ses descendants qu'ils n'ont qu'à savoir lire et à

avoir du jugement, et à suivre, pour se rendre dans un sens, aussi grand qu'il l'a été. Je ne doute point qu'il ne soit, sinon déjà, du moins un jour, suivis; mais l'impératrice Anne s'en est écartée, parce qu'elle ne savait pas lire, n'écoutait que Biron, et ne faisait que s'enivrer, dormir ou[1]...

Au travers de toute cette immense étendue de génie, Pierre Ier était ivrogne et débauché, et contracta plus d'une fois toutes les maladies qui en sont les suites, passa par tous les remèdes. Il ne dormait que trois heures. Il avait contracté depuis le 3-e poison que lui avait donné sa sœur Sophie, une convulsion de nerfs qui ne le quittait jamais, et qui le défigurait beaucoup, qui augmentait quand il s'animait, et qui le rendait alors hideux. Il était sujet à des emportements qui le rendaient cruel. Un regard de l'impératrice Catherine le retenait; il aimait les femmes à l'excès. Elles seules pouvaient le modérer. Il voyageait en six jours de Pétersbourg à Kasan, à Astracan, ou à la mer Caspienne, ce qui fait peut être 800 lieues de France....

A présent un mot de la guerre. M. de Chevert, mon cher Chevert a éte un petit peu relancé. Il est retiré à Wesel; mais le prince Ferdinand n'en a pas moins été réduit à repasser le Rhin. On le dit ainsi, mais j'ai peur que ce ne soit une grimace, et qu'il ne se replie pour se faire joindre par les Anglais, qui sont débarqués, au nombre de huit mille, à Lier en Ost-Frise. Le roi de Prusse est très embarrassé. Les colonnes Russes se sont jointes et lui marchent à dos. Le C-te Daun marche à lui et le resserre. Les Suédois ont repris toutes les villes qu'ils avaient prises et reperdues l'automne dernier. Ils ont garnison à Rostock et Gustrow.

Le reste pour une autre fois.

---

1) A cet endroit se trouve une grande tache d'encre qui ne permet pas de lire un mot. A en juger par le sens de la phrase, il est très possible que cette tache ait été faite à dessein par la princesse elle-même pour supprimer un mot trop raide ou, peut-être même, indécent.

7.

Du 14 Août 1758.

Je ne vous dirai qu'un mot aujourd'hui. J'ai un cruel mal de dents, le plus cruel que j'aie eu de toute ma vie. Je l'ai eu toute la nuit, et je ne me sens pas. Je l'ai gagné hier à la représentation de Polyeucte. Un nouvel, jeune, et déjà très bon acteur, a représenté ce martyr, la Duménil, Pauline. Les petits maîtres et les sots trouvaient la comédie en robe de chambre; pour moi je l'ai trouvée très bien. J'ai délicieusement pleuré. Demain, nous aurons la Mérope de Voltaire. J'irai en loge grillée, elle me remue trop. Je ne veux pas que l'on voie ma sensibilité ou ma faiblesse au point où l'une et l'autre le seront toujours en cette pièce que j'aime plus que toutes les autres, et je veux y pleurer, dussé-je y aller la tête bandée, ou une joue plus grosse que l'autre.

Je signe ce matin les points du bail pour l'hôtel de Chaulnes. Votre notaire me paraît un très honnête homme, je vous en remercie. Madame de Lowendahl me propose des pages et de fort beaux écuyers. Je ne sais si c'est pour elle ou pour moi. Tout ce qui est à elle me paraît fort usé. Le Baron s'en va pour six jours, avec les Sassenages, à quinze lieues d'ici; me voilà donc au moins moi-même, pendant tous ces arrangements-ci, avec mes officiers. Je prévois que cela m'arrivera assez souvent. Je ne suis point accoutumée à ce métier, il sera pénible à mon indolence. Il faut bien ce qu-il faut.

On croit Cherbourg pris. On espère en M. d'Harcourt.

Je viens de recevoir votre lettre du 12. Vous me flattez, mon cher ami. Vous me gâterez. Il fallait me dire les fautes de mon style et les bagatelles que j'ai fait entrer dans les hauts faits. Dites-moi présentement l'article que vous trouverez le plus nécessaire. En attendant, je continuerai comme j'ai commencé. Reste à vous d'avoir la patience de me lire.

Il y a de nouveau des lettres de ce pauvre marquis de Fraigne: il se meurt. M. de Schaeffer, envoyé de Suède, me

menace d'un grand souper où je verrais la C^sse de La Marck, et sa fille, la princesse d'Arenberg. Je vis hier à la comédie le Cte de Clermont: il est hideux. J'oubliais de vous dire que je fus en grande loge. Le parterre ne siffla pas. Je m'y attendais. Ne vous en gendarmez pas. Vous savez la licence de cet hydre. Vous ne voulez donc pas les paroles du nouvel opéra. Celles des deux premiers actes sont plus tendres qui de celui d'Enée et de Lavinie.

Soyez bien assuré de mon estime et de toute mon amitié. Je vous en prie du moins.

Voilà un dentiste qui va me faire souffrir les tourments de l'enfer; pour m'en refaire, j'irai voir, si je puis, la procession de Notre Dame. Je vous vois rire.

8.

Du 18 Août 1758.

J'ai fort envie de causer avec vous. Il me semble qu'il y a en siècle que je ne vous ai rien dit. Mon almanach me dit pourtant qu'il n'y a que trois jours. Je fermais cette dernière avec un épouvantable mal de dents et un peu de fièvre. J'étais si désespérée du mal, si exténuée de la fièvre, que je fis appeler un dentiste. J'ai eu le bonheur de rencontrer un homme sensé, humain. Il a débuté par me nettoyer la bouche avec une adresse et une légèreté étonnantes. Ma gencive lésée, ma tête tracassée de la fièvre et de la fluction ne m'ont point rendu l'opération sensible. Il fallait de l'adresse pour l'un et l'autre. Enfin cette vilaine bouche nette, il m'a mis je ne sais quelle drogue sur un peu de coton dans une dent creuse, et me voici guérie. Je ne sens plus rien. Voilà un bon petit détail pour un indifférent. Je sais que vous ne l'êtes pas sur ce qui me regarde, et surtout sur ce qui me fait souffrir. Je n'eus donc pas voulu vous demeurer en reste en cet égard.

Venons-en maintenant à votre aimable lettre du 17. Vous

me flattez: cela n'est pas de notre convention. Vous faisiez bien mieux ici. Vous me disiez mes vérités, et j'en sentais mieux ce que vous valez. Je serais au reste bien aise de vous avoir donné des notions, que vous ayez pu trouver intéressantes au grand sujet que vous méditez. Je ne doute pas que refondus, vous n'en fassiez quelque chose de bon; mais je n'aurai jamais fourni que les matériaux. Je continuerai à vous rendre les détails qui me viendront à l'esprit; mais je ne vous réponds pas que vous en ayez un mot aujourd'hui. C'est un jour de fatigue.

J'ai couru ce matin à l'hôtel de Chaulnes avec un architecte et des Chartreux pour voir les réparations qu'il y aura à faire. Là est venue cette belle âme de pr. de Salm qui veut absolument que j'aille loger chez lui dès la semaine prochaine. Il a fallu passer en son hôtel. J'y serai installée en huit jours au plus tard avec toute ma maison, et j'y attendrai paisiblement que l'hôtel de Chaulnes, cet éternel, ce bel hôtel de Chaulnes soit en état de me recevoir.

Je ne doutais pas que vous ne vous intéressassiez au mauvais succès de l'opéra. On changera le 3-e acte qui était indécemment ridicule. Il faut, comme vous le sentez bien, qu'il l'ait été beaucoup pour que je l'ai trouvé. Je m'y croyais pour le moins à l'opéra comique. A propos de celui-là, il y a trois enfants qui jouent des petites pièces à effacer les Clairon. Il est impossible de se représenter le jeu de ces petites automates. Il y en a un quatrième, une fille de douze ans, très bonne actrice, mais plus grande que les autres, qui est une petite déterminée, que je vois à vingt un meuble pour l'hôtel-Dieu. Non, cela est scandaleux et passe l'imagination. Le meilleur de toute cette petite troupe est une fille de six ans, qui joue en homme. Non, elle est étonnante: je pourrais la manger d'amitié. Nous avons pensé avoir demain l'Orphelin de la Chine. La Clairon est tombée très sérieusement malade. Pour ma part, je tremble qu'elle ne meure. On craint pour sa vie. Nous aurons donc la Sémiramis de M. de V. La Duménil a joué, l'autre jour, cette excellente Mérope, comme une enragée à la lettre. C'est dommage, elle est excellente quand elle est à elle. Mais elle n'y était pas.

La belle est tourjours timbrée: la voilà désespérée de ce

que son cousin se meurt. Je le suis, en un sens, autant qu'elle par une juste humanité. N'a-t-elle pas voulu que j'aille en personne à Versailles solliciter? Elle me dit que mon obstination à ne pas le laisser s'évader est cause de son malheur. Au bout de cela, elle me propose de faire passer une lettre à celui par les ordres duquel il a été arrêté. Vous comprenez qui. Elle veut s'aller mettre et mourir en prison pour son parent et son ami. Enfin, c'est du sentiment, ce sont des transports. Vous sentez que ma raison, ni mon bon sens ne m'ont pas abandonnée en cette occasion, et que je lui ai donné tous les conseils que la prudence devait dicter. Il faudra en voir les effets. Vous êtes trop bon ami. Vous m'attribuez un mérite dans tous les pays où j'ai été, que le seul hasard a fait naître. Ce me seront toujours de bien doux moments, que ceux où je pourrai servir l'humanité. Je ne prévois pas qu'il puisse m'en naître en France, ou probablement je ne serai rien à personne; mais s'il en venait, je vous avoue que je craindrais que ma vanité y aurait plus de part que le sentiment, au milieu d'une nation éclairée et dont j'ai toujours eu une haute opinion.

Ce que vous me dites du déshonneur que les Prussiens ont répandu sur tous leurs procédés en cette guerre, est bien vrai. Je ne sais rien des côtes de la N. Mais Dresde est prise par les Russes. L'ambassadeur me l'a dit hier. La garnison s'était retirée pour se jeter dans Friedberg. Regardez la carte, cherchez Francfort et l'autre bord de l'Oder. Les troupes légères ont rattrapé cette garnison: elle était de 8 ou 9 cents hommes. Ils l'ont faite toute prisonnière de guerre; le seul C^t^ Herrd, ce vilain C^t^ Herrd, commandant, s'est sauvé. Fermor et Braun se sont joints à un endroit nommé Lippe, tout près des deux autres. Le roi de Prusse marche à eux. Prions pour eux. L'armée alliée a repassé le Rhin. Contades marche à elle. Dusseldorf est évacuée et a reçu de nouveau garnison française.

Adieu, bon soir.

Je vous dis l'autre jour que M. de Linsingen était parti pour une partie de plaisir. Il y sera Dieu sait quel temps. Il résulte de là que j'ai tous les arrangements qui vont se faire sur les bras, jusqu'à la batterie de cuisine. J'ai réglé le tout aussi bien que j'ai pu avec le maître d'hôtel, qui par bonheur,

est un homme très sensé, et que je veux espérer honnète: il s'agit entre autres des vins. Je vous envoie une liste de ceux qu'il m'a proposés, afin que vous ayez la bonté de me procurer ceux dont vous vous êfes chargé; dites-moi au sujet des autres, si vous connaissez quelque honnête homme à qui s'adresser. Vous remarquerez que mes officiers me serviront dès que je serai entrée dans l'hôtel de Salm.

9.

Du 22-ème Août.

Je dérobe un moment à cette semaine-ci pour vous écrire, car elle sera fort remplie d'événements pour moi, petits événements, grands événements, événements fortunés, peut être non. Il faudra voir, disait un grand prince avant de se décider. L'exemple est bon. Je le suivrai, tout atome que je suis auprès de ce défunt colosse. Mon bon, mon gros, mon attentif baron Schaeffer, dont les attentions vont en augmentant, a la belle et bonne rage de me faire des connaissances convenables.

Ce soir, je soupe chez lui, il y aura la C^esse^ de La Marck, la princesse d'Arenberg, madame de Ségur, et deux ou trois autres femmes de la Cour. Madame de Lowendahl la sut jalouse, elle a vite engagée l'abbesse de Pautemon de me faire offre de service par sa fille que y est en pension. Cet ange, car c'en est un, est venue me dire donc, de la part de Madame de Pautemon, tout ce que l'on peut imaginer de plus obligeant, et que si les régles du couvent le permettaient, elle viendrait me dire mille belles choses elle-même, me servir, me tenir compagnie, etc... Cette abbesse est une personne de mérite, et tante de la belle madame de Brienne et de la princesse de Ligne, et de deux ou trois autres des premières maisons. J'ai donc témoigné la reconnaissance et les égards dûs, et j'ai ajouté qu'étrangère, c'était à moi à témoigner mon estime à madame de Pautemon, et le juste respect qu'inspire son état. La dessus

la belle petite Lowendahl, toujours avec sa mère, est revenue m'inviter chez madame l'abbesse, pour cette après diner. J'y verrai toutes ses nièces, et d'autres dames. Je serai reçue comme l'a été Madame de Modène. Enfin, voilà qui est très élégant; en attendant, priez pour moi. Je n'ai pas peur, mais je voudrais que cela fut fait. Jeudi, je soupe chez mon bon prince de Salm. Samedi, j'entre en son hôtel. Nous aurons demain une nouvelle petite pièce et samedi une grande. Dès samedi passé, on ne pouvait plus avoir de loge. J'ai pris le trou grillé.

Je ne fermerai qu'après demain la présente, pour vous dire le succès.

10.

Du 23-ème Août 1758.

Je rentrais fort tard hier, c'est-à-dire ce matin entre les deux et trois heures. Le souper et le jeu des dames durèrent jusque-là et je les laissai jouant un jeu à perdre six pistoles; je n'avais pas voulu en être, mais elles m'amusèrent beaucoup. Je me lève ce matin d'assez bonne heure pour vous écrire peu, car je dois sortir dans la matinée pour choisir des meubles. Je veux, en attendant, vous conter ma journée d'hier, et répondre à votre lettre du 19 que je reçue avant-hier.

Je partis donc avec madame de Lowendahl et l'ambassadeur de Russie qui avait obtenu cette permission en ma faveur. Madame l'abbesse me reçut à la porte de la clôture avec toute sa communauté. Cette abbesse est très belle. Leur habit est charmant. Cette belle personne a beaucoup d'esprit, non le volage, mais tous les avantages bienséants au sexe d'une personne du monde raisonnable et pensante. Je trouvai dans une salle où les sœurs se rassemblent, toutes les pensionnaires. Elle sont peut-être 16 ou 20 toutes noblement mises, décentes, manières modestes. Les nièces de l'abbesse devaient s'y trouver:

il n'y eut d'elles que la belle et charmante madame de Brienne, et la sœur de l'abbesse, la princesse de Ligne. La maison est très neuve et noblement bâtie. Il y règne un air de grandeur qui frappe dans une clôture; tout m'y a plu, et il n'y a sorte d'honnêtetés et de politesses que toutes ces dames ne m'aient témoignées. J'en suis revenue enchantée.

Je ne le suis pas moins de madame la comtesse de La Marck, Mad-e la princesse d'Arenberg, madame de Clermont-Gallerande et Mad-e de Ségur dont je fis hier la connaissance chez mon bon Schaeffer. Il n'y a pas offres de service, civilités, amitiés même que l'on ne m'aie témoignés; jusqu'aux billets pour les petites loges de l'opéra. Enfin, elles m'arrachent aux idées que j'avais des femmes de la Cour, et je vois que Paris est moins Paris à cet égard que je ne le pensais.

11.

Du 24-ème Août 1758.

Mon carrosse, le notaire et M. de Burigny me chassèrent hier d'avec vous. Votre oncle vous fera mes compliments. Je ne le vis qu'un moment.

Je vis donc hier cette nouvelle pièce. Elle est en trois actes. Elle est nommée l'Ile Sauvage. Voici le sujet. Une Constance et un Ferdinand sont les héros de la pièce. Ils s'étaient épousées par passion. Ferdinand, si je ne me trompe, car ce fut la Gossin qui fit le récit de son histoire, rapidement, dans le moment de son désespoir. Je n'avais pu me procurer qu'une troisième loge d'où je ne pouvais pas distinctement entendre ce récit; Ferdinand est envoyé par le Roi en Amérique. Un orage pousse le vaisseau sur lequel se trouve Constance avec lui et une sœur cadette de Constance, alors âgée de deux ans, sur une île déserte. Ferdinand y laisse Constance pour chercher quelque habitation. Ceci n'est pas assez éclairci sur la scène. Il ne peut retrouver l'île. Il erre deux ans sur mer. Constance se croit abandonnée. Elle veut se donner la mort.

Elle grave son infortune et son amour sur un rocher. Sa sœur est étounée du chagrin de Constance, elle ne connaissait que sa tendresse pour un petit chien. Cette sœur est un portrait naïf de l'innocence fort joliment soutenu. Elle offre ce chien à Constance pour la consoler. Constance lui fait sentir son état. Ce dialogue entre les deux sœurs est intéressant et bien soutenu. Les hommes y sont bien dépeints, l'innocence représentée dans le jour le plus naïf. Voilà à peu près le premier acte. Le second s'ouvre par un soliloque de la sœur de Constance. Elle est effrayée par le bruit de la mer agitée. Elle témoigne sa frayeur, elle jette les yeux de ce côté là, elle voit passer un vaisseau. Elle ne comprend rien à ce phénomène. Elle le voit aborder. Elle se cache. C'est Ferdinand et son ami. Elle ne connaît rien à ces figures, elle n'avait pas vu d'hommes. Elle est dans l'admiration, elle est persuadée que de tout ce qu'elle a vu, ces êtres-ci sont les plus aimables, mais par cette même raison que ce ne saurait être *de ces hommes* dont sa sœur lui a fait tant d'horreur. Ferdinand, ni son ami ne l'aperçoivent. La jeune personne court consulter sa sœur sur ces nouveaux venus. Pendant ce temps là, Ferdinand aperçoit l'inscription sur le rocher. Il croit que Constance s'est donné la mort. Il se désespère. Son ami lui fait remarquer que cette inscription n'est point achevée, et paraît toute fraîche. Ils conviennent de chercher Constance chacun de son côté. Ferdinand part. Son ami reste. Le troisième acte commence par la rencontre de l'ami et de la sœur de Constance. Elle a peur, le prie, de ne pas approcher; il l'assure qu'il n'est pas à craindre et sur ce qu'elle l'interroge quelle espèce d'animal il est, il l'assure que de tous, l'homme est le plus humain. Au nom d'homme elle frémit, veut-fuir, mais court à lui entraînée par un penchant invincible. Cette scène et le jeu de théâtre sont très plaisants. Elle est enchantée, elle veut courir détromper sa sœur, elle nomme Constance; à ce nom l'ami de Ferdinand l'interroge; il apprend que Constance vit. Il court au vaisseau appeler les gens de l'équipage et faire chercher Ferdinand et Constance. Ici se fait deux plaisantes scènes entre l'ami de Ferdinand et Préville en matelot, et Préville et la sœur de Constance. Il y entre une couple de choses trop libres. Enfin, arrive Constance pendant que tous son partis pour

la chercher et Ferdinand; elle recontre Préville, qui l'instruit; elle s'évanouit; sur ces entrefaites revint le fidèle ami de Ferdinand qu'il a enfin découvert. Ferdinand paraît peu après lui. Cette scène est touchante et l'aimable Gossin et Granval l'ont bien exécuté.

La pièce est en vers. Les actrices sont habillées en sauvages, les hommes en Espagnols. Le théâtre représente une île; on voit la mer, des rochers, des arbres. Elle a été applaudie scène pour scène, et, excepté peu de chose, je la crois à vue une des plus jolies en ce genre. On ne savait pas encore hier le nom de l'auteur. Nous aurons samedi l'Orphelin de la Chine.

Me voici au bout de mon papier. Je vous répondrai au premier ordinaire à votre lettre. Vous avez raison quant à cette dédicace; remerciez, je vous prie, pour moi l'éditeur.

12.

Du 29-ème Août 1758.

Me voici établie depuis hier au soir, ou pour mieux dire, ce matin à deux après minuit, au retour d'un fort grand souper chez M. le Cte de Stahrenberg, ambassadeur de l'empereur, dans cet hôtel de Salm, vis-à-vis de celui de Chaulnes, où j'entrerai en peu de semaines. Celui-ci, en attendant, très décent, très joli, très bien meublé, très commode, et dont le prince-abbé est sorti pour m'y laisser entrer, est précisément ce qu'il me faut pour le présent. J'y suis servie par mes propres officiers, et je pourrais fort bien y donner de petits soupers.

Il me semble que vous me demandez avec qui étiez-vous hier; avec madame la comtesse de La Marck, toutes les dames que je vous nommai l'autre jour, d'autres très aimables, et dont je ne puis nommer que la comtesse Bentheim, épouse de celui dont les frères ont figuré dans la présente guerre. Savez vous ce qui est arrivé? Elles m'ont proposé le rouge. Elles me l'ont

dit de si bonne grâce que j'ai répondu que si c'était les obliger, je le voulais bien. Tout de suite, elles m'ont barbouillée. J'étais à mourir de rire. Le gros Schaeffer était là qui en mourait d'envie depuis longtemps, c'était lui qui les avait inspirées, cela l'a fort amusé. Elles m'ont fait promettre de le continuer et je le leur ai promis. Etes-vous content?

A présent, répondons à vos deux lettres: celle du 19 et celle du 22. Vous prétendez donc que l'on ne saurait me dire trop de gentillesses. Vous vous trompez, vous précipitez votre jugement. Vous me connaissez peu. Je dois craindre les louanges. Elles me gâtent. Elles me rendent négligente. J'y perds, et je ne puis perdre sans perdre trop. Ne me parlez donc plus d'enthousiasme, dites-moi: vous faites telle ou telle faute, vous êtes propre à faire telle et telle, et je répondrai à votre attente, je me corrigerai et vous aurez fait cette bonne œuvre de plus en faveur de la société.

J'ai fait vos compliments à mon fils. Il y sera très sensible. Enfin il est parti de ce chien de Lintz, où il a resté plus de 10 jours, sous prétexte d'attendre ses équipages; dans le fond, parce qu'il était brouillé sur un rien, avec ce pauvre jeune genti-homme que vous lui avez vu, qu'il voulait ne plus revoir et renvoyer. Il m'avait envoyé une estafette pour m'en demander mon consentement et me prier de lui en donner un autre. Il m'a bien fait suer. Je le lui ai refusé net, et je lui ai dit toutes ses vérités. Enfin, les voilà raccommodés et j'en suis bien aise. Mais jugez mes angoisses. Je ne vous en ai rien dit dans le temps, peur d'alarmer votre amitié, surtout connaissant votre façon de penser sur la nécessité de presser un tel voyage en ce moment-ci, et vous trouvant au fait de la mienne à cet égard.

Vous me demandez où et comment m'adresser vos lettres: à *l'hôtel de l'abbé prince de Salm-Salm, rue d'Enfer, quartier du Luxembourg.* Je vous remercie de ce portrait de ce pauvre Pelluys. J'avais un peu soupçonné le fait. Mais vous lui dites des injures; fi donc! Non, la belle n'est pas raccommodée avec le Linsing, ils se boudent sans se voir, et je sens par la manœuvre d'amis à elle, qu'elle en dit des horreurs. Elle a tort, il n'est pas méchant; mais c'est un petit évaporé, et je prévois,

qu'excepté un très bon maître d'hôtel et trois ou quatre belles figures qu'il m'a donnés, il me sera à peu près inutile.

En soupçonnant l'idée de biais que me donnerait de ce pays-ci, la proposition des pages et des écuyers, vous ne pensiez pas que la Dame n'en est point. Elle m'en a présenté une autre l'autre jour de son pays natal, mais mariée en celui-ci qni est son portrait, je pense, à tous les égards. Au reste, ne pensez pas qu'une couple de femelles ou de particuliers me portent à me décider pour ou contre une nation entière.

Je vous dirai à propos des Soltickows, que le jeune de l'hôtel de Luynes, a donné les dernières trois semaines dans un tel liberlinage, qu'il se perdra s'il continue. Je ne l'ai plus vu, car il ne revenait à l'hôtel que de six jours l'un. Il est fait à faire peur. On ne le voit plus au spectacle ni nulle part. Il paraît d'un air honteux comme un criminel quand il apparaît, et c'est pour un moment. Je n'ai pas daigné m'enquèter où il donne. Je l'ai simplement sermonné tout en badinant. Mais je vois bien qu'il est mal mené, et que cela tournera mal pour lui de toutes façons.

Je vous remercie du compliment que vous faites à mon mal de dents. Je sais s'il est fâché de n'y plus être, mais je sais que je suis ravie de ne l'avoir plus. Au reste, je vous trouve unique avec votre éloignement qui enhardit; j'aurais cru tout le contraire. Tant il est vrai que vous autres, êtres philosophiques, et nous pauvres honnêtes gens, nous sommes des espèces bien différentes, c'est-à-dire que nous sommes peu raisonnables, et que vous ne l'êtes point du tout. Cela est plus vrai que tout ce que vous me dites, et m'avez jamais dit.

Mais venons-en à l'histoire de la princesse Caquedou. Cela n'est-il pas bien plat? Peut-on pousser le faux esprit à ce point? On voit bien ce que c'est que la triste éducation de certains pays, et le peu d'usage de ce que l'on nomme communément le monde. J'ai peur que ce ne soit un argent perdu que celui que l'on a mis à l'achat de cette belle, je n'en entends plus parler et je la crois ou noyée ou perdue. Pour le pauvre marquis de Fraignes, il me fait une pitié que je ne saurais dire. La noirceur de mon hôtel de Luynes m'a fait cent fois réfléchir sur l'état où l'on peut être en un cachot. Je me reve-

nais y étant, toutes les fois que je regardais autour de moi, surtout dans cette célèbre chambre à coucher, que vous avez fort bien pu oublier. Je suis bien aise que vous soyez content de moi au sujet des sollicitations que l'on m'avait demandées. J'aime fort à plaire aux bons esprits. J'en ai trouvé un très sensé, mais un peu trop pédant, si je ne me trompe, en cet abbé dont je crois vous avoir déjà parlé, l'ami et le maître Jacques du prince de Salm. Il entend parfaitement les détails des économies et les arrangements, à présent si nécessaires chez moi, que le Linsing n'entend pas, et dans lesquels il a si peu entré, qu'il n'en a pas seulement pris connaissance. J'ai tout détaillé, acheté, tripoté avec mon maître d'hôtel, pendant qu'il était en Normandie ou qu'il se promenait en diable. Mes beaux chevaux en avaient tellement péri, que les gris pourront fort bien en crever. Voici donc comment je m'arrange. Je reverrai tous les mémoires moi-même. L'abbé, qui connait les prix, et qui dirige la maison fort bien montée du prince de Salm, m'aidera dans les commencements à les revoir. Linsing, que je ne veux pas planter sur le pavé en faveur de sa soeur, aura un air de direction, quand il n'y sera pas, ce qui sera assez souvent, si je ne me trompe. Ce sera le marquis de Folin, gentilhomme de Bourgogne, que M. de Buringy et le prince de Salm m'ont recommandé, et que j'ai pris pour écuyer. Il est laid et non jeune: c'est ce qu'il me faut; je lui donne la direction des écuries, sous M. de Linsing, le maître d'hôtel pour la livrée, etc. et moi j'aurai la principale direction, et je ferai marcher toute la petite machine de mon état. Présentement, il s'agit d'une espèce d'intendant à qui je puissse dicter ou faire écrire quelquefois des lettres. L'abbé du prince de Salm m'a présenté un nommé Mr...[1]) qui a été les 7 dernières années à Madame la duchesse de Bourbon, dites-moi si vous le connaissez, ou demandez à vos amis. Pour moi, je vous avoue que sa physionomie ne me plaît point.

En voilà bien assez de maison et d'économie. Parlons politique. Il court un bruit que les bons croient, espèrent, c'est que Louisbourg n'est point prise, et que c'est une fausse nouvelle; mais il est sûr et les ministres sont bien instruits que,

---

[1]) Lacune existant dans l'original.

dans un autre endroit très important du Canada, les Anglais sont battus à plate couture, qu'il y a nombre de prisonniers, et que tout est pour eux de ce côté là. M. de Contades avance sur le prince Ferdinand, et le...[1]).

13.

Du 30-ème Août.

Prince Ferdinand recule marche sur marche. M. de Fersen est maître de Francfort sur l'Oder et il a détaché un corps qui bombarde Custrin à 11 lieues de Berlin. Zerbeloni et Hadritz y doivent avoir à présent Dresde. Mais ce qui est plus important que tout cela, et que j'ai de très bonne part, c'est que le roi de Prusse est hydropique et s'enivre tous les jours. Si à présent vous n'êtes pas content de mes nouvelles, ce n'est pas ma faute.

Disons un mot de la Russie. J'en étais resté aux détails de ce qui a précédé l'avénement de l'impératrice Elisabeth. L'impératrice Anne morte, le petit Yvan déclaré empereur, Biron régent, le tout par le prétendu testament de l'impératrice Anne. La princesse Anne, mère du petit empereur, animée par tous les ennemis de Biron, à la tête desquels était le célèbre feld-maréchal Munich, mais plus encore par sa passion pour le C-te Lynar, qu'elle prévoyait pouvoir faire rentrer en Russie, si elle y régnait, cabalait contre le régent et faisait courir contre lui les bruits les plus propres à le faire abhorrer. Il n'en était pas besoin, déjà il était assez haï. La ligue s'accrut bientôt, elle devint au bout de deux mois si formidable, que l'on forma et exécuta presque en même temps le projet déposséder Biron; il se douta de quelque chose. Il y avait trop longtemps qu'il abusait de sa fortune. Il voulut se lier avec la princesse Elisabeth, pour opposer son parti, redoutable aussi, à l'autre. Il fit ses conditions. Outre qu'il eût conservé tous ses avan-

---

[1]) Une phrase inachevée.

tages, le mariage du grand duc d'aujourd'hui avec sa fille devait en faire le nœud. Cette négociation prenait consistance, quand une belle nuit, le maréchal le Munich fit un coup de main, et enleva tous les Birons, déclara la princesse Anne régente, lui fit se passer le cordon bleu, déclara son mari généralissime des armées, et fit un bouleversement total. Le propre jour de cet événement, la princesse régente fit déclarer au ministre de Russie en Saxe, qu'elle désirait que l'on renvoie à sa cour le comte Lynar. La cour de Saxe n'y manqua pas. L'on fut tout étonné à la Cour et à la ville quand on y eut appris cette nomination. Les amis de la princesse la plaignirent, les ministres, surtout le vieux, intelligent et prudent Osterman, en prévit les suites. Il osa représenter. Il ne fut pas reçu de bon œil. Il revint à la charge, on le taxa de radoteur. On lui ôta la charge de ministre des affaires étrangères. On lui laissa séance dans le conseil, ses pensions, et on le créa grand amiral. Le comte Lynar arriva triomphant dans cette même cour, vis-à-vis d'une partie de ce même conseil qui l'avait fait sortir, quelques années plus tôt, avec une espèce d'ignominie, hors de l'Empire. La régente avait envoyé au-devant de cette espèce de bel automate, car c'en est un, dès Riga, elle l'avait fait défrayer dès la frontière. On lui préparait un hôtel superbe, meublé par la cour, enjolivé par les soins de la régente en personne, qui y avait été donner ses ordres à cet effet. Rendu à Pétersbourg, il fut conduit à cet hôtel. Il y changea seulement d'habits. Un chambellan qui l'y avait reçu avait ordre de le mener à la cour en arrivant. Il s'y rendit dans le propre carrosse de la princesse. Elle était alors en couche de la princesse aînée. Lynar admis, toutes les portes furent fermées. L'entretien fut de plus de deux heures. On en ignore les détail: peut-être seraient-ils inûtiles à notre sujet. Des ministres qui avaient des affaires à rapporter à la princesse, le prince de Brunswick, mille autres, le souper même, attendaient dans l'antichambre que cette intéressante conversation finît. Enfin, le comte Lynar sortit, revêtu des cordons d'Alexandre Newsky et de celui de St. André, tout en brillants. Les moins habiles baissaient les yeux, d'autres agissaient en courtisans. On dit que le prince de Brunswick sentit un gros mal de tête. Les gens sensés plaignaient la régente.

Le parti de la princesse Elisabeth augmenta d'attentîon. On lui conseilla de ce montrer beaucoup, de voir plus de monde, de se parer plus que jamais. La nation avait toujours aimé la beauté de cette belle princesse. Elle se montra donc, elle parut plus belle, plus brillante, plus polie, plus affable que jamais. La régente était toujours sombre, retirée, négligée, ne paraissait guère, et quand elle y était réduite, sans ce faste que la nation chérit, et constamment avec un air d'ennui qui irritait tous les esprits. Elle ne vivait qu'avec le Cte Lynar qui, de son côté ne paraissait presque plus comme il convient à un ministre étranger. Tout cela devait se colorer vis-à-vis de l'Europe attentive, du prétendu attachement du comte pour une favorite de la princesse nommé Mengden, une de ses filles d'honneur que l'on a communément nommée de son nom de baptême Julie. La régente affectait d'idolâtrer cette fille. Elle couchait avec elle. Elle ne sortait jamais de son appartement. Enfin, le jeu avait été poussé si loin avant l'arrivée du comte, que Melle Julie, quoique passablement jolie, ayant un air que l'on avait été trouver hommasse, on avait porté des jugements téméraires sur ce singulier attachement, qui devait l'être beaucoup, pour avoir été trouvé tel entre deux personnes d'un même sexe, parmi cette nation là. La régente croyait jouer habillement son jeu. Elle fit faire des fiançailles publiques à Julie avec le comte Lynar. Elle leur donna pour trois cent mille roubles soit en habits, bijoux, nippes et meubles. Toute une année se passa ainsi dans la mollesse. Les affaires se traitaient par le comte Munich, maréchal, par le chancelier Golowkyn, un nommé Bremer, dont je trouve ici le frère militaire au service du roi, et d'autres ministres admis à un conseil fort nombreux. La régente s'y trouvait avec son air ennuyé et ennuyeux, rêvait toujours, et poussée quelquefois par celui-ci ou par celui-là, décidait en dernier ressort assez gauchement. Son fol mari était là et n'osait parler, pour n'être rebiffé. Car jamais prince n'a été traité par sa femme comme lui.

Celui qui avait le plus de part à tout ce qui se faisait par la régente dans les affaires, c'était le marquis de Botta, ambassadeur de la reine de Hongrie. Il s'était secrètement lié avec la comtesse Lynar. Leurs cours alors en guerre, ils n'osaient l'être en public. Botta, dirigé par sa cour, inspira à la régente le

dessein de faire élire un duc de Courlande. La reine trouvait bon de donner un tel appui à la régente, et elle établissait en même temps un prince de la maison de Brunswisk, dont était l'impératrice sa mère et qu'elle aimait, c'était le gros prince Louis de Brunswick, à La Haye à présent, que vous y avez vu. On le fit passer en Russie. On le reçut en oncle du petit empereur. On fit la proposition aux états de Courlande assemblés, et on fit avancer des troupes vers la frontière. Le duché de Courlande, sous un duc qui entendît ses intérêts, serait assez puissant; il a plus de 75 lieues d'Allemagne en longueur, plus de trente en largeur et trois ports. Le sol est excellent et le commerce y fleurirait si l'on voulait. Les précédents ducs ont entretenu à leurs propres frais, jusqu'à 16 mille hommes. Le douaire des duchesses muntait à 40 mille ducats. Le prince Louis fut donc élu duc de Courlande, et il devait recevoir les hommages, quand toute la machine du gouvernement de la régente s'écroula. On n'a jamais bien su pourquoi Lynar ne fit pas soutenir, pour sa cour, l'élection qui avait été faite, longues années avant, dans la même Courlande, du maréchal de Saxe, où la religion n'eût pas été un obstacle, comme elle l'était vis-à-vis du prince électoral de Saxe; le seul en âge de cette maison en ce moment-là.

Le marquis de la Chétardie ne perdit pas son temps. Il était pourvu de bounes lettres de change. Il faisait tous les jours, sans y paraître, de prosélites. Il poussait L'Estocq. Celui-là poussait la princesse. Vous avez remarqué qu'ils avaient chacun leur dessein. L'Estocq voulait faire monter la princesse sur le trône. Le marquis de la Chétardie ne se doutait pas de son dessein. Il espérait bien, dans le moment de trouble qui devait décider du sort, du trône, y faire monter ou associer cet enfant que nous élevions, sous la tutelle de mon frère, en Holstein. Les Suédois, qui devaient soutenir le tout, avançaient; ils étaient au fond de la Finlande, à 50 lieues de Pétersbourg, et leur général Loevenhaupt intéressé par les...[1]).

---

[1]) Une phrase inachevée.

14.

Du 1-r Septembre.

Ordres secrets qu'il avait, et les desseins qu'il couvait pour lui-même, aurait bien donné quelque chose pour être positivement instruit du jour que l'on choisirait afin de se porter en avant et prêter main forte s'il était nécessaire. L'impératrice Elisabeth craignait le moment, parce qu'elle ne prévoyait pas qu'il pût avoir lieu sans qu'il y eût du sang répandu. De son côté, le ministère de Russie n'était pas tranquille. Les fautes que faisait la régente vis-à-vis de la nation, qui veut voir son souverain, et qui ne la voyait pas, son goût pour Lynar que la nation abhorrait, le peu de ménagement du prince de Brunswick pour les gardes qu'il exerçait à la prussienne, un murmure sourd qui avait percé jusqu'à eux contre le gouvernement, réveilla toute l'attention du vieux Ostermann. Il crut devoir faire un dernier effort pour tirer la régente de son inaction. Il y avait quelques mois qu'il ne paraissait plus au conseil sous prétexte d'indisposition. Il demande audience, il l'obtient. Il prit prétexte d'une démarche du marquis de la Chétardie pour faire sentir à cette princesse, enivrée de son amour et de sa grandeur, qu'elle devait apprendre aux puissances étrangères à respecter sa dignité; que la cour de France, la première de l'Europe, n'aurait point donné à son ministre les instructions qu'il venait de recevoir sur un simple cérémonial, si son ministère était autant estimé que le précédent, ou s'il n'y avait pas des apparences que son règne n'était point affermi comme il devait l'étre, pour son bonheur et celui de ses enfants. Pour toute réponse la régente le remercia. Un tailleur venait d'apporter un nouvel habit pour le petit empereur: „Voyez, dit-elle, ce charmant habit, ne va-t-il pas bien à mon fils"? Ostermann, piqué, ne répondit pas. Il fit une profonde révérence et sortit. Rentré chez lui, il dressa un mémoire rempli de réflexions solides et instructives (on le trouva dans la chambre du conseil; le marquis de la Chétardie m'a dit qu'il n'avait jamais rien vu

de plus judicieux et de mieux); il présenta ce mémoire au conseil. Il circula parmi les ministres qui le composaient; on s'assembla, on opina en conséquence. Toutes les voix se réunirent sur le fond de cette épineuse affaire, on conclut que le comte devait être mieux instruit que la cour et le ministère, qu'il ne pouvait y avoir que deux objets à craindre, la princesse Elisabeth et son neveu. Les princes de Brunswick dirent: ce dernier est un enfant, il est pauvre, il ne saurait machiner; son oncle n'a pas de ministre, et cette maison, depuis sa décadence, n'a plus de liaisons avec personne. Il reste donc seulement la princesse Elisabeth. Il faut, dit le père du petit empereur, lui faire épouser mon frère. Il faut, dit le chancelier Golowkine, la faire enfermer dans un couvent. On convint d'y en venir si la princesse refusait le prince Louis. C'est celui que vous avez vu. On convint encore dans ce même conseil de faire marcher 40 mille hommes contre le roi de Prusse, et les ordres furent donnés, ce qui aigrit encore la nation qui voyait les Suédois à la porte. On fit la propositon à la princesse Elisabeth. Elle la refusa avec hauteur. Cela donna à penser. Le conseil s'assembla de nouveau sur ce refus. On sentit que la princesse devait se croire appuyée. On détermina des suites pour la cour. Sous prétexte des Suédois, on garnit les environs de la cour de canons, on doubla les gardes et les patrouilles de nuit. On conclut de faire enlever la princesse Elisabeth de nuit, de la renfermer dans un couvent, et de la tonsurer tout de suite. On trouva qu'il n'y aurait que les grenadiers du régiment des gardes, que commandait le prince de Brunswick, à qui l'on pût confier une telle expédition. On se trompait. Cependant on donna ordre aux patrouilles de ne point avancer, mais de rebrousser chemin, si elles voyaient un gros de grenadiers la nuit en vue. Cet ordre était secret, les officiers seuls l'avaient. On le faisait dans l'appréhension que l'enlèvement de la princesse ne fut troublé et ne transpirât trop tôt. Tout ceci se passait huit jours avant le mémorable événement.

Parlons présentement de la raison de la retraite du vieux Ostermann et de ses coupçons. Lynar avait planté dans la tête de la régente de se faire couronner avec son fils, à ce qu'en ont dit ses amis, d'autres disent, elle seule. Elle était entrée en cette idée. Elle l'avait fait sentir au conseil qui

l'avait désapprouvée, déconseillée. Elle et Lynar persistèrent en son projet, et croyaient acheminer la chose dans un voyage que l'on méditait à Moscou, pourvu que les ornements, que chaque empereur fait neufs, fussent prêts. Lynar fut donc dépêché sous un autre prétexte à Dresde, avec les joyaux de la couronne, pour faire achever ces morceaux le plus promptement qu'il serait possible. Pendant ce temps là, madame de Soltickow, mère de l'Itambeg, achevait de captiver des familles entières. Elle était Golitzine. Elle fit plus, elle était belle, elle manoeuvra singulièrement, et d'une façon qui ne doit point passer à la postérité. Elle allait avec une de ses femmes dans les casernes des gardes, elle se livrait, elle s'enivrait, elle jouait, perdait, les laissait gagner. Enfin, elle agissait d'une façon qui étonne et fait frémir. Elle avait pour amants, les trois cents[1]) grenadiers qui accompagnèrent Sa Majesté, ce moment.

J'oubliais les soupçons du vieux Ostermann. Le marquis de la Chétardie avait eu ordre de demander une audience, j'en ai oublié le sujet. Il la demanda à l'empereur. Le maître des cérémonies répondit que l'empereur était en tutelle, que c'était madame la régente qui régnait, et que c'était elle qui donnait les audiences, que tous les autres ministres étrangers les avaient prises chez elle, mêmé celui de l'Empereur; M. de la Chétardie répondit qu'il avait ses ordres, que les autres ministres avaient apparemment les leurs, qu'ils étaient positifs, et l'objet de sa commission trop pressé pour en demander de nouveau. On pourparla. Enfin, on en vint à forcer la régente à ne point se trouver sous le dais, et à tenir pendant l'audience l'empereur sur ses bras. Le marquis, ainsi admis, adressa la parole et parla constamment au petit empereur. Il dit en finissant quelques mots fort polis et fort flatteurs pour la régente. Le chancelier répondit pour l'empereur et la régente. Il s'agissait de présenter une lettre du roi à l'empereur. La régente avanca la main pour la recevoir. Le marquis fit semblant de ne pas le voir, et ficha la lettre du roi entre les mains du petit enfant.

---

[1]) C'est évidemment-là une exagération. On ne saurait certes nier qu'elle ait ainsi fait des avances aux gardes du corps, mais la chose est tout bonnement incroyable dans la forme où elle se trouve ici représentée.

Je vous ai mené insensiblement jusqu'au jour avant l'événement qui ne fut pourtant pas celui de l'audience. J'en suis à ma troisième feuille et cela sera bien long. Je vous y laisse donc.

Venons-en à vos lettres. Mes officiers ont fait un quiproquo. Ils ont fait une provision de vins sans me consulter; ensuite de cela, j'aurai recours à votre amitié à ce sujet. Présentement mille pardons. Je reçus hier votre lettre du 28. Elle me paraît bien vieille. Je vous remercie beaucoup de tout ce que vous me dites d'obligeant et de l'intérêt que vous me marquez toujours. Il est vrai que je me plais beaucoup mieux ici, qu'alors des connaissances des seules Sassenages, que je ne trouvais, entre nous, guère à mon gré. Tout ceci me convient et me plaît mieux. Je viens de connaître hier le duc de Duras, madame de Brancas, la princesse de Kobreck. Tout cela m'accable de politesses. Le duc d'Orléans devait y venir. Nous étions chez cette aimable madame de La Marck, mais je le verrai infailliblement chez madame de Clermont d'Amboise, où je soupe mardi. Ils ont tous la rage de me voir, comme on vient voir le rhinocéros. Je fus avant hier avec ces dames chez Michel Vanloo. Quel pinceau! Nous eûmes hier la fameuse mademoiselle Le Maur. Quelle voix! Vous savez ses caprices et ses bêtises. Je l'ai fait chanter deux heures en lui disant des douceurs. Vous vous trompez: L'île Sauvage est traduite d'après Métastasie. Je vis hier le spectacle le plus touchant que j'aie vu. C'est une très belle tragédie nouvelle. Son nom est Clitemnestre. L'auteur se nomme Limière. La dernière scène offre un des beaux coups de théâtre que vous ayez jamais vus. Le parterre était fou totalement, les hommes debout dans les balcons, les dames dans les loges. La scène dura trois quarts d'heure. On recommençait toujours les applaudissements. Lekain et la Clairon se surpassèrent; enfin, la pièce finie on cria l'auteur. Ce fut un bruit si épouvantable que l'on ne voyait goutte. Il ne put jamais arriver, il tremblait de tous ses membres. Il était pâle comme la mort. Tout était plein, il fallut le faire passer sur les balcons de la grille de ceux du théâtre. On nous le planta donc. Non, vous n'avez pas d'idée de ce moment. Il m'a fait un vrai plaisir. Vous êtes équitables, misérables que vous êtes. Adieu.

Je n'ai pas encore pu apprendre le nom que j'ai laissé en blanc à la première feuille. Si M. Burigny pouvait déterrer ce que c'est que le gouverneur qu'ont eu les enfants d'une comtesse de Bourbon qui demeure ici, et est fille du maréchal de Clermont-Tonnerre, c'est l'homme en question. Pour combien êtes-vous convenu avec la femme de charge, et le cuisinier? Ecrivez-le-moi.

15.

Du 10 Septembre.

J'ai été si découragée pendant toute la semaine passée des nouvelles qui se répandaient alors, et qui continuent, de la défaite de l'armée de Russie, par le roi de Prusse en personne, qui je n'ai pas eu le coeur de vous écrire. Les uns le croient, les autres en doutent; l'on est entre la crainte et l'espérance; les courriers ne sont pas encore arrivés, enfin espérons et ne désespérons de rien, que dans le moment de la trop triste certitude. J'en ai pourtant bien peur.

Je vais répondre à deux de vos lettres dont je vous dois; l'une encore en partie et j'ai reçu l'autre hier. Oui, me voilà hors de mon inaction et répandue un peu. Il y a des gens qui en sont très fâchés et qui voudraient bien que je restasse, avec et comme eux, terre à terre. J'y suis sourde et trop vieille pour me laisser lier pieds er poings, ou pour suivre à la lettre certains conseils. Je les reçois tous, et le choix n'est guère difficile. Je voudrais que vous vissiez toutes ces petites intrigues lâches et subalternes. Elles vous amuseraient autant qu'elles m'indignent quelquefois. Mais ce sont des ombres et des couleurs qui m'en apprennent assez pour y trouver ces mêmes humains si semblables par toutes les parties du monde. Mon gros baron me paraît bien différent de ces gens là, aussi je l'estime par goût et je l'aime par reconnaissance. Je crois avec vous que le beau Soltyckow serait bien scandalisé s'il pou-

vait savoir la petite figure que fait ici son ambassadeur. Ce serait bien son poste à lui, comme it figurerait et se ruinerait. A propos de lui, M. de Champeaux m'écrit que la princesse Caquedou est arrivée belle comme un ange, qu'elle a causé une grande joie, et que l'on est depuis huit jours à tailler les plumes pour me remercier. Vous souvenez-vous du Moulin que mon fils acheta à Sarrdam? il a pensé être présenté au lieu de la princesse Caquedou. Sans le petit Caton, c'était fait. Jugez ce que cela serait devenu avec l'exorbitant ministérial? Au reste, vous jugez très bien du ton que devrait prendre notre sexe, vis-à-vis du vôtre. Je voudrais encore y ajouter qu'elles se respectassent assez pour ne pas être soupçonnées d'agir par amour-propre. Ce serait le moyen le plus sûr pour faire naître le sentiment et le conserver, chez les âmes susceptibles d'en recevoir. Vous me demandez des nouvelles de madame de Brienne: elle est sans doute des plus belles, mais j'en ai vu d'autres qui le sont aussi. Je continue à voir les personnes dont je vous ai parlé; elles me plaisent toujours, mais j'ai déjà bien d'autres connaissances, et je pourrai peut-être en avoir dans peu d'illustres. Il faudra voir. Ce que je vous apprendrai d'abord, c'est que le duc de Duras, sûr de mon goût pour la comédie, m'a offert une petite loge à l'année, qu'il m'a envoyé mademoiselle Clairon pour m'en proposer de la part des acteurs. Ils sont tous après à en choisir une et m'en promettent une bonne. Me voilà donc très intéressante. Vous sentez que cela part de haut lieu. Pourquoi vous récriez-vous si fort sur mes préjugés, dites-vous, contre les femmes de la nation? Qui n'en a pas? Et d'ailleurs, le mien porte non contre celles d'une nation distinctivement, mais contre le sexe en général, à l'exception de très peu.

Je ne suis pas encore fort avancée en l'hôtel de Chaulnes. Cela va incessamment prendre existence. Mon beau carrosse n'est pas encore achevé et ne le sera d'ici en mois. Notre baron est un petit libertin qui n'achève rien. Il faut une patience d'ange en général ici à tout. Je ne comprends pas comment et où je prends toute la pattence que j'ai. Il est certain que je fais bien du mauvais sang, et que si je ne crève pas, ce sera un miracle. Qui l'eût su le 12 ou 15 juin, ne serait

pas ici bien assurément. Regrets inutiles. J'y suis, il faut soutenir la gageure.

Vous voilà donc bien loin et vous pensez encore à moi. Je vous en remercie. J'aurais eu du regret à vos lettres. La présence de M. de Burigny vous adoucira la rigueur de la saison. Elle est belle ici, je souhaite qu'elle le devienne chez vous, pour que vous puissiez procéder à vos expériences. J'aurai soin de faire remettre à son adresse le livre que vous me destinez, il fera un grand plaisir à nós économes et à mon fils. Je n'ai point de ses nouvelles depuis qu'il est à l'armée. Je tremble que le roi de Prusse ne marche à Daun si les Russes sont battus, et ne fasse le second tome de Lissa. Enfin, je suis noire aujourd'hui, je ne vaux rien. Il est temps de finir. Je vous assure de toute mon amitié.

M. Pelluys vient régulièrement tous les dimanches à l'issue de la messe. C'est un bien bon homme. Nous avons le deuil pour la reine d'Espagne pour six semaines.

à minuit.

Je rouvre ma lettre pour vous dire que le prince Golitzine est venu chez moi avant souper. Il sortait du Palais Royal. Madame la duchesse l'avait appelé et lui avait dit: „Prince, savez-vous la bonne nouvelle? — Je n'en sais que de mauvaises, madame. — Hé bien, dit la princesse, je reviens de St Cloud, j'y ai appris par des personnes qui y étaient venues de Versailles, qu'il y est arrivé à midi deux courriers, l'un de M. d'Asfod, l'autre de M. de Champeaux, avec la nouvelle que l'armée Russe ayant été jointe par un corps de troupes fraîches, était revenue à la charge sur le roi de Prusse, l'avait battu, dissipé son armée et fait fuir le roi en personne; que le prince de Deux-Ponts qui commande l'armée de l'empire a pris le camp de Pirna et que Dresde est présentement apparemment libre“.

Jugez de ma joie, mon cher ami, je n'ose encore m'y abandonner. Mais si la nouvelle se confirme, vous aurez de mes nouvelles encore cette semaine, si non vous n'en aurez que la prochaine. La duchesse d'Orléans a nommé des généraux prussiens blessés, et a ajouté que le célébre prince Maurice de Dessau a les deux jambes emportées d'un boulet de canon.

16.

Du 19 Septembre 1758.

Je comptais vous donner des nouvelles dès lundi, mais comme les courriers arrivaient encore de toutes parts jusqu'à hier la nuit, j'ai tardé jusqu'aujourd'hui. Mais il y a plus que cela, nous avons eu à midi le canon de la Bastille. Je veux commencer par ce récit-là, je vous copierai ensuite aussi, mot à mot, une lettre que j'ai eue par le courrier de Vienne.

Copie d'après la lettre de M. le duc d'Aiguillon, commandant sur les côtes de la Bretagne, apportée par M. le colonel Brock, commandant de Lionois, arrivé cette nuit:

„M. le duc d'Aiguillon ayant rassemblé ses troupes qui se „trouvaient sous sa disposition, avait attaqué le lundi, onze de „ce mois, les Anglais au nombre de 12 à 13 mille hommes, à „l'anse de Cak, dans le moment qu'ils se rembarquaient, que „malgré toute la fierté avec laquelle les ennemis avaient d'abord „soutenu cette première attaque, ils ont été enfoncés, taillés en „pièces et culbutés dans la mer, que nos troupes s'étaient por„tées avec la plus grande intrépidité dans cette affaire, et „qu'elles avaient poursuivi les Anglais jusque dans la mer, en „y entrant jusqu'à mi-corps, que les Anglais ont eu plus de „trois mille hommes tués sur le rivage, sans compter les gre„nadiers qui se sont noyés, soit dans les bâtiments de trans„port qui ont été coulés à fond, soit en voulant se sauver à „la nage; que le nombre des prisonniers, au moment du dé„part du courrier, montait à plus de 500 hommes; beaucoup „d'officiers et de distinctions. M. le chevalier de Polignac, M. „de la Tour d'Auvergne ont été blessés dangereusement, ainsi „que M. de Cossé, cornette des mousquetaires, qui était à l'ac„tion en qualité de volontaire".

M. le maréchal de Bellisle en a porté la nouvelle à deux heures après minuit au roi. S. M. est toujours convaincue que

Louisbourg n'est pas pris. Il est certain que le roi d'Angleterre a battu la campagne dans ces réponses aux harangues, et n'a rien répondu aux seigneurs qui lui ont fait des compliments sur la prise de cette ville. Le prince Edouard, frère du prince de Galles, a été parmi les troupes débarquées en Bretagne. On sait que les troupes qui se culbutaient dans les vaisseaux et les chaloupes de débarquement se le donnaient de bras en bras, on ne sait s'il est noyé ou sauvé. Rien de nouveau à l'armée de Contades. Les ennemis sont en présence et l'on attend à tout moment la nouvelle d'une affaire.

Mon fils me mande de Bautzen, à deux postes de Dresde, alors le quartier général de M. de Daun, *demain nous marchons à l'énnemi, c'est le prince Henri.* La lettre est du 29 août. Voici la victoire de mes Russes.

La lettre est de Vienne du 4-ème Septembre:

„Le départ du courrier ne me laisse que le temps d'apprendre à V. A. qu'un courrier dépêché du général London, a apporté cette nuit la nouvelle qui suit:

„Que le vingt cinq, le générel Fermor qui n'était 22 mille hommes, n'ayant pu rassembler ses corps, fut attaqué par le roi de Prusse en personne, fort de 45 mille hommes; que le combat a été vif et sanglant pendant plus de 8 heures, que par la supériorité du nombre, les nôtres ont été obligés de céder la place. Mais le 26, à 4 heures du matin, M. de Fermor ayant rassemblé ses corps, les nôtres ont attaqué le roi de Prusse avec tant de vigueur et de succès dans son camp, que le roi s'est à peine sauvé (à Dresde, croit-on) avec 6000 hommes; le reste est tué, blessé et dispersé. Le combat a duré depuis 9 heures du matin jusqu'à 4 après midi et a été des plus meurtriers. Les nôtres continuent à bombarder Custrin. On compte la perte des nôtres à 19 mille hommes, du côté des prussiens le quart de plus. On a vu emporter le prince Maurice de Dessau, les deux jambes emportées d'un boulet de canon".

Je reçois des compliments de toutes parts. J'ai mille devoirs à remplir. Vous n'aurez rien de moi, je vous en avertis, de toute la semaine. J'ai été avant-hier à Sèvres, voir la manufacture des porcelaines. Je la trouve mieux dirigée, de plus

belles machines, et le tout plus intelligemment entrepris, que l'était celle de Dresde.

A Dieu, je vous assure de toute mon amitié.

17.

Du 22-ème Septembre.

Ce n'est point ma faute, ni celle de la poste, c'est la vôtre, que ma lettre du 29 ne vous soit parvenue qu'aussi excessivement tard. Vous m'aviez dit en partant, qu'il fallait toujours adresser à Reims, ou bien que vous m'enverriez une adresse. Cette adresse ne m'est point venue. Je la tire aujourd'hui de votre lettre du 16 de ce mois. Vous ne sauriez avoir été plus mortifié que j'ai été fâchée de ce que je ne recevais pas de lettre. Je croyais déjà que vous vous lassiez de la sécheresse de mes phrases allemandes, qui doivent naturellement fatiguer votre esprit. Tout ce que vous me dites me rassure à peine. Il y a eu un temps que j'ai cru savoir le français. Mais longtemps avant et depuis que je suis en France, je suis persuadée que je ne le sais point, comme il faudrait le savoir pour le savoir bien. Ne me flattez pas encore sur cet article. L'encens de la comparaison du duc d'Antin en est un des plus délicats. Que vous ai-je fait pour me faire tant de mal? Oui, me voilà illuminée de rouge et une coiffure ratatinée, le front de deux doigts plus bas qu'il n'est créé; les épaules couvertes jusqu'au collier, point d'air du tout, seulement encore de l'habillement que vous m'avez connu les coudes couverts, j'aurais autant de peine à prendre les modes qui découvrent, que j'ai eu de facilité à prendre celles qui couvrent. J'oubliais de vous dire sur cet élégant sujet, que j'ai aussi deux de ces cornes sur la tête que vous ne vouliez pas y souffrir, et qui me vont fort bien. Avec ce bel affublage que j'ai humblement endossé, j'ai l'air de l'âge raisonnable d'à peu près 50 ou 56 ans. Tant mieux, cela est très bien trouvé à côté des Chartreux, et vis-à-

vis d'un millier d'abbés. J'en connais déjà, je pense, autant que je parais avoir d'âge.

Je portais hier, par parenthèse, cet hommage au goût de la nation, à celui de son Monarque, c'est-à-dire à Choisy. Quel charmant rien pour le roi de France! Mais qu'il est joli! Quel goût! Enfin, quelle belle âme annonce la douceur, la sérénité de ce lieu et du tout de ce palais! Le cœur du Monarque m'y a paru peint. Louis XIV avait doré, surchargé, entassé. Ceci est élégant, bon, point d'ostentation. C'est un riche particulier. Tout y rit. Tout est modéré. C'est un séjour enchanté, orné par les grâces, la bonté y préside, la vanité y a plié sous l'humanité. Enfin, c'est Louis XV.

Vous avez raison: je suis, et je crois que j'aurai toujous lieu d'être contente de mon gros baron. Plus je le fréquente, mieux il me plaît, et plns je le trouve propre à me rendre des services essentiels. Pour ce qui est du respectable prince de Salm, vous traitez le chapitre de mes obligations à son égard trop légérement. Je les sens en toute leur étendue, et je ne les oublierai assurément jamais.

L'aventure de Link est toute usée: on s'est raccommodé et j'en suis ravie; mais si vous pouviez savoir toutes les insolences que j'ai à essuyer là-dessus de la femme et des automates qui l'entourent et la conseillent, vous seriez étonné. Je n'en ai pas besoin pour me causer de la peine.

Vous souvenez-vous de la lettre que je reçus à Bruxelles et que je vous communiquai? Cette persécution recommence. Si elle dure, je suis toute résolue à prendre le parti que je vous dis à Valenciennes, quoique je fasse tous les arrangements du contraire. Rien n'est plus inquiétant que l'incertitude.

Je ne puis vous dire à quel point ma santé souffre de tout ceci: je me traîne. Je ne dis rien: j'avale. Le diable n'y perd rien. Les hommes y gagnent, je me jette das les spectacles. Cela étourdit, ce sont autant d'heures de gagnées sur moi-même. J'ai pris une petit loge à la comédie à l'année.

Je crois vous avoir dit que mon fils était déjà à l'armée le 29. Le voilà à deux lieues de Dresde et à 22 de chez lui. Pour le jeune S. je le crois bien perdu. Je ne le vois que de

quinze en quinze jours, encore est-ce en galopant. C'est dommage.

Vous voulez savoir comment j'ai trouvé madame de Clermont d'Amboise. Fort bien, fort polie, fort aimable. Je ne la trouve pas belle. Je pense qu'elle y prétend; mais elle se trompe. Il n'y a sorte de politesses que toutes ces dames ne me fassent.

Présentement, dites-moi d'où vient que vous me faites cétte question. Toutes les bonnes nouvelles se confirment. Les Russes ont même repris leur artillerie, leur bagages et une partie de leurs prisonniers. On en espère journellement de meilleures

18.

Du 13 Septembre 1758.

On m'interrompit hier. Je ne pus pas achever. Ce fut une double peine. L. ne s'accorde pas avec mon nouvel écuyer, ce sont des plaintes, des chocs continuels. On se fait des peines réciproques. Il y a eu hier des explications. Enfin, ce qui en arrive, c'est que je suis mal servie et chagrinée par dessus le marché. Vous savez comme je hais la dispute et le tracas. Ce qui en arrivera, je le prévois, et j'en serai très mortifiée.

Venons-en à vos questions. Le prince Tcherkaskoy était grand chancelier et du conseil, par conséquent, du temps de la régence. Il a passé pour avoir de l'esprit et de l'intelligence. Voici les ministres pendant la régence qui avaient séance et avis au conseil: Tcherkaskoy, grand chancelier; Golowkyn, chancelier; Ostermann, grand admiral; le maréchal Munich. Le premier a resté à l'avénement de l'impératrice Elisabeth; les autres furent envoyés en Sibérie. Ceux qui restèrent encore furent le frère du maréchal de Munich, deux Russes dont j'ai oublié le nom, et Weselowskoy le père, père du beau frère de

Soltikoff à Hambourg; le prince de Hesse-Hombourg et le maréchal de Lascy y étaient admis dans les cas extraordinaires, ou lorsqu'il était question du militaire. Wolinsky périt dans l'affaire des Dolgorouky. Leur crime était le même, ils haïssaient Biron et aspiraient à le faire culbuter. On prit d'autres prétextes, comme vous le savez; ils périrent sur le même échafaud. Wolinsky fut écartelé. Munich fit sortir Ostermann de sa place de chancelier et du département des affaires étrangères, qu'il prit pour lui et fit donner l'autre à Golowkin. Mais Ostermann garda une chaise au conseil où il ne vint depuis que la seule fois que l'on délibéra sur son mémoire dont je vous ai parlé. Lynar ne travaillant que pour lui-même et aspirant à la place auprès de la régente qu'avait eue Biron sous l'impératrice Anne, il était bien aise de gagner la cour de Vienne, qui, faisait alors la pluie et le beau temps à la cour de St. Pétersbourg, qui avait un ministre habile et qui, alliée et parente, décidait de tout. Cependant, elle ne put empêcher bien des déboires que donna le M. de la Chétardie. Il avait trouvé moyen, sans y paraître, d'aliéner tous les esprits. Le murmure contre la cour était un fait public. Le peuple osait lever la tête, on courait après la princesse Elisabeth en rue, on lui donnait des bénédictions quand elle paraîssait. La cour était excédée de gens qui demandaient et qui n'obtenaient rien, ce qui augmentait le nombre des mécontents qui cherchaient à l'être pour crier.

A Dieu.

Je reçois en ce moment la lettre de mon fils pour vous, que voici.

19.

Du 17 Octobre 1758.

Je suis furieusement en reste avec vous: voici trois lettres que je vous dois. Non, je me trompe, ce n'en sont que deux. Ne m'accusez pas sans m'entendre. Vous connaissez la vie de

Paris, et vous savez tous mes déboires. Cela continue; on n'est pas uni en ma maison. Il y a des querelles intestines. Il y a des esprits mutins, trop ambitieux. Il a fallu les mettre à la raison. Je hais à la mort ces sortes d'embarras. Je n'en ai pas besoin pour me guider mon esprit en ce moment-ci. Il s'est trouvé des petits collets, que je vous nommerai un jour, qui, sous prétexte, et dans le fond très propres à m'aider à régler mes économies, auraient voulu me lier pieds et poings, au point que je n'eusse osé penser ni respirer que d'après eux. Je me suis mise au-dessus de leurs simagrées. Je crois qu'ils ne m'en aimeront pas, mais je ne puis qu'y faire, et je crois qu'il était du bon esprit de couper le mal en sa racine: il faudra en voir les suites; quelles qu'elles soient, on n'est pas blâmable de se soustraire à une tyrannie bizarre et inutile. N'aurez-vous pas peur de moi en lisant ceci, et aurez-vous encore le cœur de m'écrire?

Vous ai-je dit que je commence les courses de curiosités en ce pays-ci, par les institutions que les rois ont fait en faveur de la nation? J'ai donc été à l'école militaire et à St Cyr. Tous les deux font honneur aux Pères de la patrie, nom heureux, plus beau que celui de Césars. Ce n'est qu'en ces lieux là, que je sais envier les conditions de rois. Pour vous qui êtes philosophe, qui aimez le roi et votre patrie en citoyen et en honnête homme, je ne vous entretiendrai que de ce que je verrai en ce genre. Je vous dirai donc que je me suis amusée à St Cyr, depuis midi et demi, jusqu'à sept et demi du soir. Les détails de l'institution et de la régle de l'éducation de cette jeunesse sont immenses, et j'ai tout voulu voir et savoir. J'en suis revenue enchantée. Il n'est rien qui approche de la profondeur du jugement qui a fait toutes ces régles, et qui a su pourvoir à tout dans cet enclos immense. Je n'ai pas encore vu l'Ecole militaire à mon gré. Je veux y retourner sans les babillardes avec lesquelles j'y ai été qui ne font que crier, causer, admirer en l'air et n'y entendent rien. Je voudrais pouvoir y aller seule avec vous, par exemple, car je vais pour voir et non pas pour y avoir été.

Disons un peu de nouvelles. Nos ministres ne sont pas sur pied. M. l'abbé et le maréchal de Bellisle sont tous les deux malades. Un détachement de l'armée de Cantades a sur-

pris et pillé le camp de M. mon frère, qui s'est retiré avec perte. Je voudrais qu'on l'eût pris en personne. M. de Soubise s'est replié sur Cassel que le G. Oberg, des Hanovriens, allait surprendre. Les Suédois étaient le 17 septembre à deux lieues de Berlin. M. de Dohna a repassé l'Oder et M. de Fermor le poursuit. Le roi de Prusse est avec 50 mille hommes à Dresde; Daun, Cerbelloni, le prince de Deux Ponts à deux lieues avec 150 mille, et j'ai un fils unique au milieu de cela. Jugez du fond de mon cœur pendant que je vais la tête levée au spectacle.

Le roi est aujourd'hui à Choisy. Il y aura un voyage à Fontainebleau; mais toute la cour n'y sera pas. Le roi Stanislas ne part que lundi. Il vint hier en ville voir la princesse Fallmond qui se meurt; mais il ne vit qu'elle. La reine craint, dit-on, cette fois, son départ. Elle ne le saura qu'au moment qu'il aura lieu.

Venons-en à vos lettres. Je voudrais bien, mon cher ami, que cette bataille gagnée nous amenât la paix. Je ne sais qu'en penser. Espérons-la. Je vois les esprits encore bien aigris. Les cruautés du roi de Prusse en cette action du 25 sont inouïes. Il a fait empaler en sa présenee 600 cosaques que l'on avait pris. De maréchal de Braun était à terre hors de combat: un officier prussien le fit prisonnier, lui attacha une corde et voulut le faire courir ainsi à côté de son cheval. Le maréchal ne pouvait suivre. L'officier voyant qu'il l'empêchait d'avancer, lui donna 12 coups de sabre et le laissa ainsi sur le pavé. Quand on amena au roi de Prusse les généraux et les officiers prisonniers, il dit: Sont-ce là ces incendiaires, ces etc. etc... qu'on les jette dans les cachots de Custrin. Cela n'est-il pas royal? Non, mais prussien.

20.

Du 6 Octobre 1758.

On m'a interrompu l'autre jour. Je n'ai pu y revenir qu' aujourd'hui. Il est arrivé bien du nouveau. Voici en attendant mieux la relation de l'affaire du détachement de Contades. Il y en a encore une que M. de Fermor a fait de l'action du 25

à sa Cour, mais que je ne vous aurais pas envoyée, si elle n'était intéressante par rapport au principal de l'action.

M. le duc de Chaulnes est ici. Il est venu me faire toutes les civilités imaginables sur son hôtel. J'y ai été aujourd'hui avec lui: il m'oblige en tout ce qui dépend de lui. J'aurai enfin le rez-de-chaussée et le tout, à l'exception de l'appartement de madame la duchesse, qui s'opiniâtre à ne pas vouloir le laisser vider qu'elle présente; en attendant, je n'en serai pas moins bien et commodément.

J'eus hier la visite de M. le maréchal de Biron. Ce fut de la part du roi. Il me dit que le roi me priait de ne pas trouver étrange, s'il avait donné ordre pour que l'incognito que je tiens, ne soit pas tenu à mon égard, dans les lieux où se trouvent de ses gardes, en ses palais, etc. qu'il voulait que je fusse reçue et honorée partout comme il convient à mon nom, et à ce que je suis de mon chef et de celui de ses alliés à qui j'appartiens. Ma réponse a été que n'ayant pas encore eu le bonheur précieux d'avoir été présentée au roi et à la famille royale, je devais me regarder comme ignorée, que je n'en suis que plus sensible aux bontés du roi en ce moment, qu'il m'impose des motifs d'une reconnaissance dont mon respectueux attachement n'a pas eu besoin, pour le disputer aux plus fidèles de ses sujets, l'étant déjà par mon admiration. Je priai M. le maréchal d'en assurer S. M. et de la respectueuse soumission avec laquelle je me soumettais à ce qu'il plaisait à S. M. de disposer. Le charme où j'étais que S. M. avait bien voulu charger d'une commission aussi glorieuse et aussi honorable pour moi M. le maréchal! Le maréchal est aimable. Il répondit galamment. Nous nous fîmes beaucoup de civilités. Nous causâmes beaucoup, et je prévois que nous serons fort bons amis.

Je vis avant hier le maréchal d'Estrées, qni me plaît beaucoup. Je vous prie de me dire ce que c'est qu'une espèce de maître d'hotel, ou de premier cuisinier que vous m'avez envoyé, qui, dit on, a quitté une très bonne maison pour venir s'établir chez moi. Le connaissez-vous? Il se pourrait bien que j'en aurais besoin, car M. mon maître d'hôtel connait trop bien l'étiquette du nom, ou je suis trompée. Je veux pourtant attendre encore avant de me décider.

Venons-en à vos lettres. Vous avez donc cru trés sérieuse-

ment que l'on mê ferait de fort grands compliments sur les succès des Russes. Point du tout. Personne. Comment, dites-vous? Oui, personne, personne à la lettre. Cela est très vrai. D'où vient? Je n'en sais rien. Pour Louisbourg, rayons-le de nos papiers. Je ne le crois que trop pris, et on n'en doute plus après le retour des colonies françaises de ce pays-là, débarquées je ne sais où.

Je vous suis sensiblement obligée du cas que vous faites de mes lettres. Il me semble qu'elles ne sont pas soutenables. Je vous admire de les lire; pour moi, je n'en aurais jamais le cœur, et voilà un de leurs grands défauts, car je les corrigerais peut-être. Votre raisonnement sur ce mépris que les princes devraient bien avoir pour les autres hommes, est très juste: heureux si c'est par expérience et non pas par les vices dont ils portent le germe en leur propre cœur; mais c'est ce qui n'arrive que trop souvent.

Venons-en au prétendu blasphème. Vous prétendez donc que c'en est un, que ce repentir si juste, si sensé. Hélas! croyez-moi, que je pensais dans le moment mieux que je ne l'avais de très longtemps. Quelle folie dans le fond, quelle gigantesque entreprise que la mienne! Vous ne m'eussiez jamais connue. Qu'auriez-vous perdu à ne pas connaître une inconnue? Vouz êtes un étrange philosophe. Allez! Allez! Je m'y connais mieux que vous. C'est à Arcy que je vous parais peut-être merveilleuse. Mais revenu à Paris, il arrivera ce qui est déjà, que nous nous verrons de deux jours l'un. Voulez-vous après cela encore que je vous demande pardon? non, en vérité. Je suis de votre avis sur le Moulin au lieu de la princesse Coquedou. Il y eût intéressé, je crois, les puissances. Tant il est vrai qu'un orgueilleux est un fat. Croyez-vous que j'aie encore réponse à toutes mes lettres? pas un mot. Au reste, il a donné une grande fête à l'occasion de la bataille du 25. L'aumônier de M. de Champeaux a fait à ce sujet les vers que voici aussi. Oui, croyez toujours que vos lettres me font plaisir: ce plaisir est très vrai et vous auriez tort de n'en pas être bien persuadé. Je suis ravie que vous ne m'en trouviez pas au sujet des modes. Il serait très ridicule de m'exposer à l'opprobre pour si peu de chose.

Mon fils me fait mille compliments pour vous en toutes ses

lettres. Il est fort heureux en son imagination. Il est dans son centre. Il est dans sa gloire. Dieu veuille que cela dure, et que cette campagne finisse à notre satisfaction, tous tant que nous sommes. Alors elle aura bien fini. Vous qui avez un si bon esprit, mon digne ami, conseillez-moi cé que je conseillerais à mon fils pour son hiver. Viendra-t-il ici? Ira-t-il chez lui? Restera-t-il-dans les quartiers de cantonnement? Pour ce qui est de l'article de cette lettre de Bruxelles, il me semble, et vous sentez que cela doit avoir changé, je vous en dirai les suites; mais je vois bien que depuis peu de jours, cela est tout différend. Je n'y comprends rien, sinon que les humains sont indéfinissables.

Je vous suis bien obligée de l'intérêt que vous me marquez à ma santé. Elle n'est pas bien du tout. Je me dissipe, je prends sur moi, mais j'ai une façon de penser qui me rend trop à plaindre, quant à moi-même, et qui ne porte jamais que contre .mes intérêts, c'est-à-dire ceux de mon repos. Grondez-m'en, chétif philosophe, si vous osez. J'eus hier un des jours d'ennui que j'aie encore eu ici. Je dînais avec une certaine bavarde du cavanjole[1]) de Madame de Modène (que vous connaissez) à la campagne, chez une autre bavarde, deux jeunes filles, un polisson, un petit rabat, et une dévote; dîner mince, sérieux, tactile, court, pour être très mesquin, enfin propre à m'endormir. J'avais été la veille dans une des plus aimables sociétés de Paris. Quel retour sur soi-même! Pour m'en venger, j'allai voir Bellevue. Qu'il est charmant! que la vue en est belle! Louis XV est bien dans ce marbre qui le représente, et dont la blancheur ressemble à la beauté de son âme. Connaissez-vous un chevalier d'Arc? fils à gauche de M. de Toulouse. C'est la physionomie des Bourbons; il me paraît bien aimable, instruit et spirituel. Le petit Bruk me l'a introduit. Madame Geoffrin a demandé à me voir. Je la verrai un matin. Enfin j'entasse connaissance sur connaissance. Je ne sais si ce sont autant de conquêtes ou d'humiliations pour mon amour-propre,

---

[1]) Nous ne savons vraiment comment expliquer ce mot, qui est pourtant écrit assez lisiblement. Le propriétaire de l'original, M. le vicomte de Champeaux-Verneuil, y voit une transformation française du terme italien *cavana yole*, qui signifie abri pour les bateaux.

mais je vois des gens qui y reviennent après y avoir été une fois: cela me paraît de bon augure et me flatte.

Vous ne le serez guère de ce que je vous demeure aussi longtemps en reste sur l'évênement de l'impératrice Elisabeth. Il faudra pourtant encore vous patienter. A Dieu. Ne vous en fâchez pas. Vous y gagnez à ne pas vous ennuyer, et ma paresse, à ne pas écrire.

On me fait toutes les petites niches que l'on peut imaginer, pour me rendre la vie dure autant qu'il dépend des humains, à qui j'ai affaire. M. le duc de Duras, gentilhomme de la chambre m'avait proposé de prendre une petite loge à l'année. J'y consentis. Le duc le plus poliment m'arrange tout cela, me laisse choisir, le contrat est passé, je paie mon quartier dès le 16 Septembre pour jouir de ma loge le 1 Octobre. Nous voici au 6, la loge n'est pas faite. Il s'agit de percer une porte, on dit qu'elle ébranlerait la salle. Les comédiens me renvoient au duc d'Osmont, gentilhomme en service. Le duc me renvoie aux comédiens. Enfin, je prévois que j'en serai pour ma loge, car pour mon argent, je saurai me le faire rendre. Le duc de Duras, qui n'est pas en service, se met en quatre: il ne peut percer. Si madame de Qualing ne nous sauve toutes les deux de l'opprobre, nous n'y echapperons pas. Elle devait avoir l'autre moitié de cette grande loge qui devait m'être séparée. Elle a de l'esprit. Elle est prompte et caustique. Elle a fait venir Belcour, elle a si bien harangué, si bien tourné ce petit démêlé que la peur leur a pris, et elle a résolu de réussir, me dit-elle. Elle me paraît très propre à tenir parole. Mais jugez un peu de ce que doit penser au fond du cœur une étrangère chicanée à tous les pas qu'elle fait. Pour moi, je pense assez philosophiquement pour sentir le faux qu'il y aurait à juger par là de la généralité. Cependant, il y a cent étrangers ici, témoins de tout cela. La légende est publique: s'est une réfugiée, s'est une réfugiée pendant les maux de la guerre, qui a souffert pour le roi, pour la nation, et jusqu'aux comédiens osent la chagriner, dans le rang où elle est, avec les alliances qu'elle a. Tout cela se sait, crie, s'écrira, qu'en reviendra-t-il? Que l'on jugera du grand nombre par le petit.

21.

Paris, 15. Octobre 1758.

Je ne croyais plus vous donner de mes nouvelles, me voic pourtant revenue et je vous écris. Il est bien certain que si l'état ou j'étais dimanche au soir continuait, il n'était plus question de moi. Il y avait plusieurs jours que je me portais mal. Je voulus me dissiper dimanche. Je m'en allai à la comédie. Je pris le frisson en y entrant. Il y avait fort peu de monde. Je ne voulus pas sortir par égard pour le public, peur de faire du bruit. On jouait le Méchant de M. de Voltaire. Cette pièce a cinq actes. Je souffrais le martyre. Le mal augmenta au point vers la fin du cinquième, que je crus qu'il faudrait me porter hors de la loge. Je me trouvai pourtant encore assez de forces pour sortir. Je ne sais encore comment j'ai descendu l'escalier de la comédie, et monté celui de mon hôtel, ni comment on m'a mise au lit. J'ai eu trois jours critiques; enfin, je reviens et je me sens hors d'affaire, mais je suis faible. J'ai la voix basse, et je marche comme un château ambulant.

Je reçus le jour que je me trouvai mal votre lettre du 6. Je vous suis sensiblement obligée de tout ce que vous me dites de vos appréhensions. Tout cela n'est pas encore décidé. Je suis curieuse moi-même d'en voir la fin. Vous sentez que l'inquiétude ne guérit pas. L'incertitude est un cruel mal pour une âme née pour l'ordre. Je suis très fort de votre sentiment sur ce que l'on devrait faire au lieu de cela, et sur ce que l'on ne fait pas. Tel est le monde, mon Philosophe.

Je crois avec vous que l'impératrice-reine doit bien adorer le roi après ce qu'il a fait pour elle. Les alliés se prêtent bien la main. La victoire de M. de Fermor a engagé l'impératrice de Russie à faire marcher 40000 hommes et d'ordonner une levée de 50000 par tout son Empire. Les premières troupes défilent déjà. On attend les nouvelles d'une bataille entre M. de Soubise et d'Isenbourg. On dit que le roi de Prusse

est parti de Dresde, on ne sait pour où. Mon fils a pensé être pris par des hussards prussiens. Il se porte bien.

Le nommé Constantin s'est présenté, non à moi, mais à quelqu'un qui s'était mêlé de vouloir le faire entrer chez moi, parce que ce quelqu'un hait mon maître d'hôtel, qui ne veut obéir qu' à moi, et ne se soucie pas de recevoir d'ordres d'autres que ceux à qui je les donne. Cette petite affaire a fait tout un salmigondis qui fait pitié, sur laquelle il y a eu des gens assez cruels pour ne pas me ménager lorsque j'étais dans le fort de la fièvre. Présentement, je n'en entends pas parler et j'en suis bien aise. M. de Folin ne me plaît pas trop au travers de tout ceci. Je n'aime pas trop les dites et redites, ni les gens qui ne s'accordent avec personne et veulent faire tort à d'autres. Ne dites rien de tout ceci, j'aurai soins d'y pourvoir en temps et lieu.

J'espère entrer à l'hôtel de Chaulnes dans la quinzaine et me mettre hors d'ici, où je voudrais n' être pas entrée.

A Dieu; la main me tremble, il faut cesser.

Vous savez l'assassinant du roi de Portugal et la folie de celui d'Espagne.

22.

Paris, 22. October 1758.

Vous n'aurez aujourd'hui que du barbouillage et vous verrez comment vous le lirez. Je m'en lave les mains, le moment des événements est trop grand, ils sont trop rapides, pour que l'on ait le temps, comme la possibilité, de peindre une syllabe raisonnable. Voici de quoi il est question depuis midi. Je vous copis mot à mot le bulletin du cardinal aux ministres ètrangers; le courrier avait passé ici à midi:

„Il vient d'arriver un courrier de M. le duc de Choiseul „qui nous apprend que le 15, jour de Sainte Thérèse, un „officier envoyé par M. le Maréchal de Daun, avait apporté

„à l'impératrice, la nouvelle que ce général ayant surpris „le 13, à cinq heures du matin, le roi de Prusse dans son „camp, y avait mis son armée en déroute, pris une grande „partie de son artillerie. Nous n'avons pas pour le présent „d'autres détails."

Jugez de mes différents transports, ma joie sur ce succès, et mes inquiétudes sur mon fils unique au milieu de tout cela, dont je ne sais pas un mot. Le cœur me bat, j'ai le cœur en sang. Demain nous saurons apparemment ces détails que je crains de désirer. J'ai cru devoir vous envoyer de la bataille de M. de Soubise qui, par parenthèse, fut créé hier maréchal de France; j'y ajoute une lettre de M. le comte de Lusace à Madame la Dauphine. La princesse fut si transportée en la recevant, qu'elle courut chez la Reine en déshabillé de toilette.

Je reçois vos lettres du 13 et du 20. Je vous suis bien obligée de vos inquiétudes sur mon mal. Cela va bien mieux. Je sors, je vais au spectacle, cependant j'ai encore de temps en temps des ressentiments de frissons. Je crois que la dissipation et l'exercice me guériront. Je hais les drogues et les médecins. Je n'en ai consulté aucun; mon tempérament m'a tiré d'affaire. Vous rendez justice à vos compatriotes. Rien n'égale leurs soins et leurs attentions en cette occasion. J'en suis comblée. Il n'y a que madame de L'Etang qui ait été muette et sourde, et qui, au milieu de cela, s'est avisée de me faire une querelle sur des habits de son cousin, que j'ai déposés à Hambourg. Vous avez très sensément jugé de la source de mon mal. Il est assez naturel qu'une âme un peu vaine se trouve cruellement affectée sur certains articles. On voudrait que je prisse le change après l'âmbassade qui m'a été faite, mais je ne m'y trompe pas. Ici, je reconnais l'âme du maître là celle des autres. Vous m'entendez. Il est vrai que ces misères intestines de mon hôtel ne méritent pas que je les sente; mais arrachez-moi ma droiture et l'horreur que j'ai des noires intrigues, et je ne sentirai plus ces riens dans le fond.

Je suis très touchée de votre sentiment et vous remercie de vos bons sentiments quant à mon fils. Je pense qu'il n'y a que cela à faire, pour en sortir avec honneur.

Il faut finir: il me vient du monde.

23.

Paris, 1. Novembre 1758.

Je devrais mourir de froid en vous écrivant le premier jour d'hiver, et je meurs de chaud; ce n'est pas qu'il fasse extraordinairement beau, mais c'est que mes gens pour faire bien, m'ont fait un mal horrible, en chauffant à me faire trouver mal. Cet inconvénient retombera en ce noment sur vous, et vous procurera de ces pattes de mouche que le petit Champeaux lit si bien, et que vous ne compreniez pas trop en Hollande encore, que vous vous accoutumerez pourtant, s'il vous plaît à lire, si vous voulez que je continue à vous écrire, et à vous fournir les matériaux de l'histoire que vous savez, dont pourtant, il ne s'agira pas encore un mot en la présente. Je ne veux aujourd'hui que répondre à votre lettre du 28.

Voici la relation imprimée que l'ambassadeur de l'empereur a fait publier de la bataille de Hochkirchen.

Je vous suis bien obligée de ce que vous me dites d'obligeant sur mes lettres, mais surtout de vos inquiétudes sur le sort de mon fils unique à cette journée du 19. Je n'en ai pas eu de légères depuis l'arrivée des courriers dont pas un ne m'avait rien apporté. Mon gros baron, l'ambassadeur et toutes les personnes qui veulent bien s'intéresser à moi, m'assuraient que le silence que tout le monde gardait, était une marque infaillible que mon fils devait se porter bien: mais le cœur d'une mère peut-il se contenter de ces sortes de certitudes? Enfin la poste d'hier m'a apporté de ces chères vouvelles. Voici un article de sa lettre que je vous copie mot á mot:

„Je me porte bien. M. le maréchal m'a fait une petite „duperie; il m'avait promis que je mènerais mon régiment dans „l'occasion. Quand il en a été questton, il m'a prié de rester „avec sa personne. J'ai donc eu le bonheur de combattre „sous les yeux de notre Fabius. Il y a eu des moments diffi„ciles. J'ai été commis avec d'autres pour sabrer la cavalerie.

„J'aurais voulu vous avoir pour témoin. J'espère que vous „eussiez été contente de votre fils."

Vous voyez qu'il ne l'est pas mal de lui-même. C'est un petit trait de vanité qu'il nous faut passer à ce qui se dit ambition. J'ai toujours aimé à lui en voir, et à la régler par des conseils. Il me dit en un autre endroit:

„Je vis amener sur une simple charrette le corps de ce „digne maréchal de Keith. Ce grand homme, digne de servir „une meilleure cause, méritait un autre sort. J'en fus attendri. „M. le maréchal le fit enterrer honorablement dans l'église de „Hochkirchen."

Vous me demandez des nouvelles de la vie que je mène. Elle est passablement ambulante. Les personnes, entre nous, que j'aime le mieux et que je vois le plus fréquemment, c'est la comtesse de La Marck, madame de Clermont d'Amboise, et une marquise de Ségur, non la vieille, mais la belle-fille. Il entre en cette société tout ce qu'il y a de mieux et de plus convenable: M. le duc d'Orléans, des cordons bleus, des anciens lieutenants généraux, des ambassadeurs, etc. Je prévois que ce sera ma société. Le quartier éloigné, les désespère tous, et moi aussi. Voilà un inconvénient que vous aviez prévu, et que je ne concevais pas alors.

Vous me demandez quand vous me saurez dans mon hôtel? On me le fait espérer pour le 16 de ce mois. Pour ce qui est de Zerbst, il parait que la jeune dame fait état d'en rester où nous en étions. Tant pis pour elle. Elle est mal conseillée, l'a toujours été, et le veut bien. Vous m'amusez beaucoup de vouloir vous mêler d'écrire mon histoire. Cela serait bientôt fait. On dira après ma mort: elle a vécu, elle est mort; et tout sera dit.

Il n'en sera apparemment pas ainsi de deux grandes princesses ici qui se meurent, l'une toujours de sa poitrine, l'autre de sa petite vérole. C'est madame la duchesse d'Orléans et madame la princesse de Condé. La dernière était fort mal hier: elle en a été saisie à Versailles, les boutons sortis, on l'a transférée dans son palais de la ville à Versailles.

La petite Géan, de la comédie, en est morte en dix jours, fort regrettée de ses pareils et du public. On nous donne

Agathe de Quinaud, aussi mauvais pour le tragique qu'excellent pour les opéras. Nous aurons cet hiver celui de Proserpine.

Il me semble que je ne vous ai pas encore répondu à la question que vous m'avez faite à l'égard de madame Geoffrin. Je vous dirai donc qu'elle me plaît infiniment. Elle a déjà dîné chez moi, vient souvent à ma toilette, et nous allons ensemble voir les cabinets des curieuses, etc...

En voilà bien assez pour vous donner à déchiffrer. Je finis donc en vous assurant de mon estime.

24.

Du 10 Novembre 1758.

Vous lisez donc mes pattes de mouches? Soit, vous les lirez toujours; prenez-vous en après cela à vous même, à votre politesse, votre complaisance, ou bien à votre petite vanité, si vous vous trouvez souvent dans le cas de deviner. Au reste, je voudrais bien que vous me rendissiez un peu plus justice à ma façon de penser sur notre voyage par cette industrieuse et propre Hollande. Je vous prie de vous mettre dans la tête que je n'y pense pas sans plaisir, ce pourrait bien être dans un sens opposé à celui que vous y portez; mais c'est que je suis raisonnable, que je suis philosodhe, et que vous pourriez bien être pour vos péchés, ni l'un, ni l'autre. Voilà une bonne grosse injure. Je sens qu'il y a, en ce moment, une ingratitude horrible, non-seulement par rapport à tout ce que vous me dites d'obligeant en cet article de votre lettre, mais encore par rapport à l'opinion que vous m'avez établie ici, parmi une classe de personnes, à qui je sens tous les jours, que je dois celle dont on dit que l'on m'honore en ce pays, si difficile et si rétif, pardonnez l'expression, pour l'étranger.

Votre fête a dégénéré en contagion sur vos amis et vos parents. M. de Burigny que je revis depuis son retour, jeudi au soir, en soupant avec madame de Clermont chez madame

Geoffrin, se met en quatre pour m'obliger. Le voilà établi mon homme d'affaires en une négociation très intéressante pour moi, c'est celle de l'hôtel de Grimberge, vacant, depuis cinq ou six jours, par la mort du prince de ce nom. Il m'a paru que je devais à l'empressement que l'on me témoigne, de chercher le premier hôtel qui vint à vaquer dans le beau quartier de la ville. Je ne suis point mariée avec les Chartreux, et la clause de six mois m'accorde le délai dont j'aurai besoin pour m'arranger soit avec eux, soit pour un nouvel hôtel. En attendant, je vais entrer le 1 Décembre en célui de Chaulnes, et de là, je verrai venir tranquillement, ou ce hôtel de Grimberge, ou quelque autre.

Je vous suis très redevable des jugements que vous portez sur ce qui regarde mon fils. Je vous avoue que j'ai eu une sensible joie de lui voir des sentiments aussi dignes de son sang, je n'oserais ajouter de moi. J'espère un jour le voir tel qu'il doit être, pour me laisser aller à toute ma tendresse pour lui. C'est une douce perspéctive dont j'aime à orner mon imagination.

Revenons à cette bonne madame Geoffrin. Je trouve la comparaison juste. Mais je préfèrerais cette dame à celle que vous lui comparez. Premièrement, l'âge a chargé[1]) chez elle des ombres que le caractère de madame Bielck n'a point...[2]) encore. Je ne la crois pas médisante, et je la crois moins farcie de préjugés, dirigés par des passions.

Je trouve que votre cousin a raison sur le beau ministre de Russie. Croyez-vous qu'il m'ait encore écrit? point du tout. Il n'est pas question de cinq ou six lettres, ni de notre princesse Caquedou. Cela n'est pas fort galant. A propos de Russes, il en est venue toute une potée, et il en va venir encore. La princesse Golitzine est de retour. Je l'arrache à ses anciennes liaisons. Je l'ai présentée à une partie de mes connaissances. Elle prend assez bien. Mon petit Soltickow revient petit à petit. C'est dans le fond un bon enfant.

---

[1]) Nous lisons: „chargé“ au lieu du mot assez clairement écrit: „ètagè“, mais sans donner cependant notre conjecture comme très reussie.

[2]) Vient ensuite un mot indéchiffrable.

Vous ai-je mandé la mort de la petite Géan de la comédie, l'enlèvement par monsieur de Lauraguais de mademoiselle Arnaud de l'opéra? Il y a pis que tout cela: mademoiselle Clairon quitte la comédie à Pâques. Le duc d'Aumont a obtenu sans la direction des théâtres. Sur cela, je suis votre très-humble servante.

25.

Du 23 Novembre 1758.

M. de Burigny est un très honnête homme que j'aime beaucoup, et qui me témoigne tant de bonne volonté, que je serais une ingrate de ne pas lui vouloir du bien; aussi je lui en veux beaucoup, et par rapport à lui, et par rapport à certains frères et cousins, souvent à la vérité, souvent bien moins raisonnables que lui. Mais c'est de leur âge, la raison est du sien. Voilà qui est donc fait, chacun a donc son bon; prenons les faibles humains comme ils sont, et tirons-en le parti le plus raisonnable que nous pourrons. Vous avez fort bien trouvé, quand je serai une fois à l'hôtel de Vendôme (car c'est son vrai nom) j'en chercherai un autre à mon aise. C'est là mon dessein, et vous aurez contentement à cet égard; mais cet éternel hôtel n'est pas encore en état, et ne le sera de douze ou quinze jours; comment cela vous plaît-il? Ce n'est pas tout, cette... duchesse de Chaulnes s'opiniâtre à ne lâcher le premier, où elle avait ses appartements, que le 1er Janvier. Elle a même fait refermer au troisième un appartement que je distinais au baron, et plusieurs autres pour officiers, que le duc m'avait fait ouvrir, de sorte que me voilà en un horrible embarras. Vous sentez ce que je veux dire. Il n'y a sorte de petits maux que cette belle dame m'ait faits tout à loisir pour m'amorcer, et elle surtout. Mais il y en a bien eu d'autres. J'en suis sortie triomphante. On en ferait tout un roman comique que je me réserve à vous donner de bouche. Il se rendra mieux, et il est long.

Ma paresse, encore en pleine vigueur, vous en livrera plus tôt l'événement que vous désirez. Celui de la prétendue prise de Dresde est que le général d'Ifterplitz, en ayant rapproché son corps, y a jeté une forte garnison, brûlé les faubourgs, et que M. de Daun campe sur les ruines, sous les murs. L'armée de Contades prend ses quartiers d'hiver, les princes sont revenus, beaucoup de colonels, d'officiers et de généraux. M. le comte de La Marche se prépare à aller audevant de la princesse de Modène, sa promise. Toute la suite est prête à partir. Madame de Modène prit ces jours-ci une paralysie dont elle revient. On croit que madame la duchesse d'Orléans atteindra encore le printemps: elle s'en va doucement.

Nous allons avoir une nouvelle tragédie, la *Clémence de Titus*, par un auteur tout inconnu. On en parle différemment. Il faudra voir le succès. Avez-vous ouï parler du *Père de famille?* elle est de Diderot et plus touchante que le *Fils naturel.* Celui-ci apparait sous un même nom, traduit sur Goldoni, ce qui amuse les ennemis de Diderot.

Nous avons présentement ici, une sœur de mon prince de Salm, fort jeune, fort jolie, mais surtout fort bien faite: le roi l'a trouvée ainsi. Cette pauvre princesse a eu ordre de son père de se faire épouser par procuration, au duc de Lerma en Espagne. Au bout de cinq jours, on l'a fait partir, la voilà ici; elle s'en va lundi en sa triste Espagne. Elle a un air d'abattement et de tristesse qui m'a fait frémir. Je connais ces sortes de mariages; je sens tout ce qu'elle souffre: je le lis dans deux très beaux yeux bruns toujours, toujours attendris. On eut hier la cruauté de la mener à Alzire. J'étais dans le balcon à côté de la loge du roi, elle dans la loge, nous pleurâmes toutes les deux de bon cœur, elle pourtant, je gagerais, bien plus amèrement que moi. Je fais de connaissances sans fin, ni nombre. Je commence à me plaire. J'aimais déjà naturellement la nation; plus je vis parmi elle, plus je lui trouve beaucoup de vertus, peu de vices et de légers défauts.

Sur cela, à Dieu.

:

26.

Paris, 6 Juin 1759.

Ne vous étonnez point, Monsieur, ni ne vous inquiétez de la lenteur de ma réponse; je prends à temoin toutes mes connaissances et les vôtres, que mon état de santé a toujours été difficile et incommode, jusqu'à environ six ou huit jours. Surtout tout le détachement de la machine, ma tête faible et sans idées, mon abattement, ma faiblesse et les douleurs continuelles de mes entrailles qui ne me permettaient en aucune façon l'attitude que l'on contracte en écrivant, ne m'ont pas permis de donner signe de vie pour personne.. J'ai reçu votre lettre avec plaisir et je vous remercie de tout ce que vous m'y dites d'obligeant: je serai toujours ravie de vous témoigner mon amitié avec mon estime.

Mon fils est parti peu après vous pour l'armée, il y est heureusement arrivé. Vous saurez peut-être déjà, en recevant la présente, que le voilà veuf depuis le 22 du mois passé, par la mort de son épouse, morte à Zerbst d'un coup d'apoplexie, après en avoir eu trois, depuis le 13 du même mois: cela est très étonnant à son âge. Vous savez les raisons que j'avais de n'en être pas contente, cependant je n'ai pas pu m'empêcher de payer un juste tribut à l'humanité; une jeune et belle personne empotrée à cet âge, par des accidents aussi vifs, ne saurait manquer de toucher à un certain point.

Vos réflexions sur la drogue d'une bonne bataille gagnée, qu'il me faudrait pour me remettre de ma maladie, m'a fort divertie; je crois, en vérité, que vous avez raison; en tout cas je pourrai l'avoir si le général Fermor est habile et heureux; on dit que le roi de Prusse marche à lui avec trente ou quarante mille hommes d'élite. Je ferais bien dire messes si j'osais. M. de Contades devait être hier avec une partie de son armée à Meubourg. Vous savez que Nurenberg est délivrée, que le prince Henri marche à marches forcées en Saxe, et que le

ptince Ferdinand s'est retiré au fond de la Westphalie. On parle toujours beaucoup de l'embarquement à Brest: l'événement nous montrera ce que nous devons en croire.

Je vois toujours beaucoup madame Geoffrin, et j'en suis très contente. Il y a une miniature de mademoiselle Chairon, qui s'appelle mademoiselle Dubois, fille de comédien; cette petite créature débute par les rôles de mademoiselle Clairon, qui l'adore à se faire manger, on en est enthousiasmé; les connaisseurs doutent de ses talents: ils disent que c'est un petit perroquet; mais elle est étonnante pour la ressemblance et le même jeu, jusqu'au ton de voix. Avez-vous le Mercure, savez-vous la dispute de Fréron et de monsieur de Marmontel sur la pièce de Vinceslas? Elle partage tout Paris. Le théâtre est d'une grande beauté depuis les changements qu'on y a faits. Il n'y a pas de comparaison. Mais ce qui reste de petits maitres est au désespoir.

A Dieu, Monsieur.

27.

à Paris, 24-ème Juin 1759.

Je suis plus exacte aujourd'hui qne je ne l'ai été en dernier lieu. Je me flatte que cela me raccommodera avec vous et avec la cérémonie des *Altesses.* Pour moi d'abord, je vous annonce que la présente, ni toutes les lettres que je vous écrirai à l'avenir, n'auront ni tête, ni queue, mais comme il me faut une vengeance, je vais vous donner un caractère à lire qui vous coûtera autant de peine, qu'un *monsieur* de plus ou de moins en ma dernière aurait dû vous en faire peu, si vous aviez permis à votre mémoire de vous rappeler que ce n'est qu'en France qu'il est permis de s'écrire avec cette familiarité, et que si la raison diminue les préjugés, la coutume entraîne, involontairement et sans y penser, vers les usages du pays où l'on est né et où l'on a vieilli. Je vous suis très obligée de

vos inquiétudes sur ma santé, il est vrai qu'elle n'est point encore revenue où elle en était. Je suis surtout d'une délicatesse qui me désespère.

Vous avez très bien deviné mes sentiments sur la mort de ma belle-fille; il m'a été impossible de me refuser en cette occasion à ceux de l'humanité. Il y a des gens qui auraient pu m'en savoir mauvais gré, mais ces gens-là ne connaissent point les cœurs d'une certaine trempe; ils les appellent faibles, par comparaison de leur espèce de grandeur d'âme, que je nomme dureté. Mon fils m'a envoyé M. de Nauge avec la notification au roi. Il m'a dit que son jeune maître a donné, en apprenant cette mort, des marques de la bonté de son cœur, ce qui n'a pas laissé que de me faire plaisir pour lui. M. le duc de Choiseul vient de m'envoyer la réponse du roi que M. de Nauge remportera. La cour prendra le deuil jeudi pour pour quatre jours, et Madame du Dauphine, comme plus proche parente, pour plus longtemps.

Je vous avais promis de demander á M. de Valori la relation de l'événement de l'impératrice de Russie, qu'il me communiqua dans le temps. Je l'ai fait, il me mande qu'il n'en a jamais eu, que celle qu'il me donna alors était du ministre de Prusse, qu'il en fut alors fort piqué contre le M. de la Chétardie, mais qu'il n'en eut jamais d'autre. Je crois toujours l'avoir; je la chercherai pour vous l'envoyer dès que j'en aurai la force et le temps.

Les nouvelles de la Silésie sont que le général Fermor, ou à présent Soltickow, touche sa lisière. M. de Daun se met en mouvement, et le roi de Prusse, réuni avec le général Fouquet, attend ce dernier de pied ferme. En Allemagne, le maréchal de Contades doit à présent avoir atteint Lipstadt, et le prince Ferdinand, ayant rassemblé ses forces, nous voilà apparemment à la veille d'une bataille.

Je ne manquerai pas d'envoyer votre lettre à mon fils. Je suis certaine qu'elle lui fera autant de plaisir que j'en aurai toujours à vous vérifier mon estime.

28.

à Paris 22-ème Juillet 1759.

Je m'étais mis dans la tête en recevant votre dernière, que vous étiez encore à la veille de faire quelque course, ou dans les déserts, ou dans les lieux habités de votre province, c'est ce qui m'a engagé à retarder ma réponse, surtout les remerciements que je dois à votre opinion. Je ne vous crois point flatteur, mais philosophe, ainsi, je suis très flattée de tout ce que vous me dites d'obligeant. Je désirérais toujours le mériter et il ne tiendra jamais à moi.

Je ne suis point étonnée de votre surprise sur le rappel du général Fermor. J'ai été dans le même cas: on n'en dit point précisément les raisons que vous avez sues; pour moi j'en doute, mais supposé qu'elles eussent lieu, je n'en chercherais la source que dans le goût dominant et crapuleux de la nation qu'un étranger, habitué aussi longtemps que l'est le général Fermor parmi elle, peut avoir adopté. On dit le comte Soltickow arrivé à l'armée. Je lui ai toujours ouï attribuer du talent; il en est le contraire du maréchal de Boutourlin; c'est à présent le moment des vœux pour cette année là; M. le comte de Dohna marche à eux avec 60000 hommes; de tous les autres côtés, tous les corps et les différentes armées sont en mouvement. Je pense que nous touchons à des événements: Dieu veuille qu'ils soient heureux et décisifs pour la bonne cause; on n'en est pas sans inquiétude. Les dernières nouvelles de la Westphalie parlent de quelques petits échecs, peu importants à la vérité, mais qui pour en être, n'en sont pas propres à animer le soldat.

Je ne savais rien de la nomination d'un colonel que le prince d'Anhalt doit avoir demandée. Je suis de votre sentiment à cet égard, le jeune homme a assez d'ambition pour y prétendre. Pour moi, on me le cache apparemment, parce que

l'on a voulu m'y engager cet hiver, et que je m'y suis refusée, jusqu'à ce que l'objet ait pu le mériter.

Je ne manquerai assurément de chercher les papiers dont vous avez besoin, dès que j'aurai un moment de reste, et ce sera avec bien du plaisir.

Nous avons eu mercredi *Iphigènie en Aulide,* jouée par les trois débutantes. Il y a une demoiselle Dubois, fille du comédien qui, sans conter la figure, ressemble si fort, par son jeu et même son son de voix, à mademoiselle Clairon, que l'on en est étonné; vous sentez que c'est un grand objet de dissertation. Pour moi, qui préfère une bonne copie à un mauvais original, elle me plaît et me suprend.

Voici une lettre que mon fils m'a adressée pour vous: je donne à la présente celle de votre campagne et vous assure de toute mon estime.

VII.

Note remise au M-is de L'Hôpital par le ministère russe.

(Изъ Парижскаго Архива, Russie, vol. 60, № 65, du 28 juillet 1759).

Le Ministère Russe fait connaître que les Etats d'Anhalt-Zerbst ont été dévastés et ruinés par Roi de Prusse; que le Prince régnant es sa mère ont été obligés de sortir de leurs propres Etats; que ce violences n'ont été exercées par le Roi de Prusse que pour se venger de l'attachement du Prince d'Anhalt à la cause commune; que dès lors il sera juste et équitable qu'à la paix les Princes alliés reclament un dédommagement convenable pour la ruine que les Prussiens ont causée au dit Etat.

VIII.

Документы по голштинскому вопросу.

1.

Декларація англійскаго посланника въ Гаагѣ.

(Изъ Лондонскаго Архива, Russia, № 44.)

A la Haye, le 15 octobre 1743.

Sa Majesté Danoise ayant fait examiner à fond l'affaire concernant le duché de Holstein, avait trouvé, que non seulement le duc de ce nom en était déchu, de même que des autres états qui rélèvent du Holstein et qui sont situés en Allemagne; mais, qui plus est, qu'ils doivent être réunis à la couronne de Danemarc et lui appartenir dès à présent sans aucune contestation, pour les causes et raisons ci-après déduites: 1e) le duc de Holstein Gottorp, ayant abjuré la religion protestante et embrassé la religion grecque afin d'étre réconnu héritier présomptif au trône de Russie, ce prince ne pouvait plus posséder aucuns états situés en Empire, ni même en disposer aujourd'hui en faveur de qui que ce soit au préjudice du Danemarc ayant manqué à cette formalité avant de faire son abjuration; 2°) que les lois et constitutions germaniques étaient telles sur ce point, qu'aucun prince ne pourra posséder aucuns états ni domaines enclavés dans l'Empire, à titre de souvéraineté, sitot qu'il aura abjuré pour professer toute autre religion que la catholique romaine, la luthérienne et la réformée. Qu'en conséquence de

ce que dessus Sa Majesté Danoise fondée sur les lois et autres autorités, avait réquis Sa Majesté Britannique pour lui accorder ses bons offices dans cette affaire, et pour fournir en temps et lieu les secours dont le Danemarc pourra avoir besoin, en cas d'opposition au duché de Holstein. Sa Majesté Britannique, ayant promis toute aide et assistance à Sa Majesté Danoise, m'ordonne d'avoir l'honneur d'en donner part aux Etats-Généraux, ainsi que des justes motifs qui engagent la Grande Bretagne à prendre part à cette affaire, et de déclarer en même tems à L. H. P. que pour les raisons susdites le duc de Holstein étant absolument déchu des états qu'il possédait en Empire, le duché de Holstein revenait de droit à la couronne de Danemarc. Qu'ainsi Sa Majesté Britannique avoit se flatter que si la République a quelques intérêts à ménager, qui l'empêchent de seconder Sa Majesté Britannique, L. H. P. voudront bien du moins prendre le parti de la neutralité dans cette affaire.

2.

Докладъ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ.

(Изъ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, 1759—1760, № 5, л. 3).

Ея Императорскому Величеству
всеподданнѣйшій докладъ
отъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

Извѣстно, что по причинѣ заключенной въ 1713-мъ году между тогдашнимъ администраторомъ голштинскимъ и швецкимъ генераломъ Штейнъбокомъ конвенціи (по силѣ которой швецкому войску подъ командою того генерала отъ Его Свѣтлости дозволено было прибѣжище подъ пушками крѣпости Тенингенской) Данія сіе за явное непріятельство признавая, овладѣла въ томъ же году, по разбитіи швецкаго войска, Шлезвигомъ и Голштиніею.

Голштинія напослѣдокъ, въ 1720-мъ году, возвращена была его высочеству герцогу Карлу Фридриху, родителю Его імператорскаго высочества государя великаго князя по точнымъ приказамъ римскаго імператора и імперскаго совѣта. А Шлезвигъ, въ разсужденіи, что оной къ Римской Імперіи не принадлежитъ, Данія, не смотря на всѣ учиненные его высочествомъ герцогомъ Карломъ Фридрихомъ, по пришествіи его въ совершенно лѣтство, представленія и домогательства, какъ предъ тѣмъ ей, Даніи, принадлежащій лѣнъ, и за принятіемъ участія въ войнѣ, вышереченною конвенціею между администраторомъ и генераломъ Штейнъбокомъ, будто справедливо оную завоеванную землю постоянно за собою удержала, и при своемъ примиреніи съ Швеціею въ 1720-мъ году подъ посредствомъ Франціи и Англіи не только гарантію сихъ державъ на Шлезвигъ себѣ выговорила, но и самую Швецію обязала, чтобъ она симъ, съ медіаторами постановленнымъ

въ разсужденіи того герцогства обязательствамъ, противна не была.

Его королевское высочество герцогъ Карлъ Фридрихъ уже въ 1719-мъ году просилъ о помощи для возвращенія себѣ своихъ владѣній у его величества государя імператора Петра Великаго, только съ Его величества стороны точнаго съ нимъ обязательства въ томъ невоспослѣдовало, какъ только въ 1724-мъ году.

Тогда сепаратнымъ артикуломъ при трактатѣ союза, заключеннаго между Его величествомъ и Швеціею въ 22-й день февраля, Его імператорское величество и король швецкой наисильнѣйше обязались о доставленіи обратно его высочеству герцогу Голштинскому княженія Шлезвигскаго чрезъ добрые офиціи, а ежели сіи никакого дѣйствія имѣть не будутъ, въ такомъ случаѣ между собою и другими державами и гарантирами, а особливо съ римскимъ цесаремъ о предпріятіи съ безопасностію того дѣла разсуждать.

Въ томъ же 1724-мъ году секретнымъ артикуломъ при трактатѣ супружественномъ заключенномъ между Его імператорскимъ величествомъ и герцогомъ Голштинскимъ 24-го ноября подтверждается вышеописанной секретной артикулъ съ короною швецкою заключенной, и сверхъ того Его імператорское величество обязался вообще съ другими въ семъ дѣлѣ гарантіями обязанными державами способы наибезопаснѣйшія употреблять, и руки прежде неупущать, пока государю герцогу (котораго онъ никогда оставить не намѣренъ) за свое отъ короля дацкаго чрезъ столь многіе годы у него предудержанное герцогство Шлезвигское, справедливымъ образомъ совершенное удовольство съ совокупленіемъ короны швецкой и другихъ въ томъ дѣлѣ обязанныхъ гарантировъ изходатайствовано, и герцогъ впредь въ довольную безопасность приведенъ не будетъ.

Особливою, между Ея величествомъ государынею імператрицею Екатериною Алексѣевною и римскимъ імператоромъ Карломъ Шестымъ, при трактатѣ отъ 6-го августа 1726-го году заключенномъ, конвенціею постановлено было, что Ея імператорское величество свое намѣреніе

декларовала для Его высочества герцога Голштинскаго, всѣ себѣ отъ Бога данныя силы употребить, естли приятельскіе средства не успѣютъ, и что для того Его цесарское величество объявляетъ, что всякіе способы съ Ея всероссійскимъ величествомъ и королемъ швецкимъ, къ полюбовному сего дѣла окончанію возпріимутъ, и буде сіи старанія чрезъ одинъ годъ пожеланнаго плода не принесутъ, то обязуются Ея імператорское величество и римскій цесарь совокупно оружіе дѣйствительно возпріять, и оное не прежде низложить, пока герцогу Голштинскому надлѣжащее не возвратятъ.

Но знать то за скорою кончиною, какъ Его величества імператора Петра великаго, такъ государыни імператрицы Екатерины Алексѣевны сіи обязательства въ дѣйство не произведены.

Его высочество герцогъ Голштинской въ 1729-мъ году для доставленія себѣ справедливости на конгрессѣ Соассонскомъ, прислалъ въ Парижъ своего тайнаго совѣтника Басовича, котораго и россійскій посолъ графъ Александръ Головкинъ въ своихъ представленіяхъ подкрѣплялъ; но какъ тогдашній конгрессъ безъ всякаго успѣха разорвался, такъ только сіе извѣстно, что помянутой Басовичь, яко по приказу герцога, своего государя, особливою запискою представилъ великобританскому послу Горацію Вальполю, о обмѣнѣ голштинскихъ областей противъ Бремена Фердена и графствъ Ольденбургскаго и Делменгортскаго.

При государствованіи Ея величества імператрицы Анны Іоанновны, секретнымъ артикуломъ при трактатѣ заключенномъ между Ею и королемъ прускимъ въ 30-мъ сентября 1730-го года договоренось, что король пруской для государя герцога Голштинскаго приложитъ вездѣ свои добрыя официи, дабы оной герцогъ какъ наискорѣе до резонабальнаго и удовольствуемаго согласія достигнуть могъ, а въ противномъ случаѣ король пруской обѣщаетъ наблюдать совершенное неутральство.

А въ 1732-мъ году при трактатѣ между Ея імператорскимъ величествомъ и королемъ дацкимъ отъ 26-го маїя двумя сепаратными артикулами постановлено, чтобъ король дацкой противъ чинимаго отъ его высочества гер-

цога Карла Фридриха за себя и своихъ наслѣдниковъ и сродниковъ уступленія прежней части Шлезвигской въ награжденіе ему герцогу заплатитъ одинъ миліонъ ефимковъ цесарскими гульденами, но буде его высочество къ принятію того по прошествіи двухъ годовъ не склонится (какъ и не склонился), то въ такомъ случаѣ король дацкой ни къ чему вяще не обязанъ, но отъ всякихъ притязаній его герцога на вѣчныя времена свободенъ былъ.

По благополучномъ возшествіи вашего імператорскаго величества на родительской престолъ, понеже Данія по ту пору съ домомъ Голстейнъ Готторпскимъ не могла прямо въ разсужденіи Шлезвига ни о чемъ согласится, въ сепаратномъ артикулѣ трактата между вашимъ імператорскимъ величествомъ и ея величествомъ імператрицею королевою отъ 22-го маія 1746 году ваше величество согласились, что ея величество імператрица королева въ охраненіи интерессовъ дома герцогско-голштинскаго обще съ вами всегда поступитъ, гарантируя его імператорскому высочеству государю великому князю и его мужескимъ наслѣдникамъ, его нынѣ имѣющіе въ Германіи во владѣніи земли, и ежелибъ съ россійской стороны негоціація съ датскимъ дворомъ о нерѣшенныхъ правостяхъ того герцогскаго дома вожделеннаго успѣха не получила и въ томъ бы съ Даніею полюбовно согласится не можно было, то Ея императорское королевское величество съ вашимъ імператорскимъ величествомъ тогда о дальныхъ между собою къ совершенному окончанію оныхъ правостей мѣрахъ, особливо договариваться обѣщала.

Въ четвертомъ артикулѣ трактата заключеннаго между вашимъ імператорскимъ величествомъ и королемъ дацкимъ 10-го іюня 1746 году ваше величество сами изволили обязатся употребить возможныя свои добрые официі, дабы имѣющаяся еще между королемъ дацкимъ и его высочествомъ государемъ великимъ князёмъ о части герцогства Шлезвигскаго распря полюбовно, и какъ скоро возможно прекращена, и о томъ формальная конвенція сочинена была.

А сепаратнымъ артикуломъ при томъ же трактатѣ ваше імператорское величество и гарантировали княжескую

часть герцогства Шлезвигскаго Даніи, противъ всѣхъ и каждаго, кромѣ только Его імператорскаго высочества и его мужескаго потомства.

Въ 1751 году Данія чрезъ своего находившагося при вашего імператорскаго величества дворѣ министра графа Линара дѣйствительно старалась о полюбовномъ соглашеніи съ Его імператорскимъ высочествомъ, а его высочество для предварительваго трактованья съ онымъ министромъ тогда и уполномочилъ своего тайнаго совѣтника барона Пехлина. Графъ Линаръ при сей негоціаціи представилъ обмѣнъ настоящихъ Его імператорскаго высочества голстинскихъ земель противъ графствъ Олденбургскаго и Делменгорстскаго, обѣщая дополнить доходы, естьли изъ сихъ графствъ получаемыя величеніи голстинскихъ недостаточны будутъ, и выдать полтора милліона ефимковъ на оплату герцогскихъ долговъ, требуя противъ того отрицанія на Шлезвигъ. Но когда негоціація уже до того дошла, что не только пункты къ заключаемой конвенціи о конечной здѣлкѣ Его імператорскаго высочества съ королемъ дацкимъ, графомъ Линаромъ сообщены были барону Пехлину, но и премоморіею помянутаго графа высочайшая вашего імператорскаго величества медіація съ стороны Даніи испрошена была, а баронъ Пехлинъ Его імператорскому высочеству доложилъ, что уже пора, чтобъ и онъ просилъ о той же вашего імператорскаго величества медіаціи, то Его высочество незапно изволилъ деклароватъ, что дѣло сіе пресѣчено быть имѣетъ, и онъ болѣе объ ономъ слышать не хочетъ.

Такимъ образомъ оно и по сю пору остановилось.

Въ минувшемъ 1758-мъ году при возобновленіи трактата оборонительнаго союза съ швецкимъ дворомъ, ваше імператорское величество по прежнему же трактату постановили съ сею короною, чтобы она гарантировала Его імператорскому высочеству и его мужескаго пола наслѣдникамъ нынѣшніе Его высочества германскіе земли, и ежели съ дацкимъ дворомъ о неоконченныхъ герцогскаго голстинскаго дома правостяхъ иногда полюбовно соглашенось не будетъ, тобъ Швеція съ вами о дальнѣйшихъ для

совершеннаго окончанія того дѣла обязательствахъ особливо договаривалась.

А изъ нынѣ сообщеннаго вашему імператорскому величеству трактата, заключеннаго въ Копенгагенѣ 4-го Маія 1758 года между королемъ французскимъ и дацкимъ, и къ которому и імператрица королева гарантіею приступила, и къ которому и ваше імператорское величество призываетесь, усмотрѣно, что всѣ сіи дворы опять стараются произвесть въ дѣйство толь давно желаемую здѣлку Его імператорскаго высочества съ дацкимъ дворомъ, способомъ безъ придачнаго обмѣна настоящихъ Его высочества германскихъ областей на графства Олденбургское и Делменгорстское.

По прилѣжномъ разсматриваніи онаго трактата и присовокупленныхъ къ оному піесъ, коллегія иностранныхъ дѣлъ дабы съ основательствомъ поступать въ дѣлѣ желаемаго вашего імператорскаго величества приступленія къ тому трактату, во первыхъ за нужно признала, чтобы требовано было отъ пословъ римско-імператорскаго и французскаго, да посланника дацкаго Остена точное изъясненіе: какъ разумѣть надлежитъ слова *безпридачной обмѣнъ* части Голстиніи принадлежащей государю великому князю, и въ чемъ состоять имѣетъ обѣщанной королю дацкому въ случаѣ неудачи той негоціаціи съ Его імператорскимъ высочествомъ *эквивалентъ?* Они всѣ единогласно на то запискою отвѣтствовали, что словомъ *безпридачной*, хотя разумѣется, что король дацкой освобожденъ былъ отъ всякой тягостной кондиціи, прежде отъ Его величества для споспѣшествованія рѣченнаго обмѣна представленной, однакожъ Ея величество імператрица королева и Его христіаннѣйшее величество отнюдь не помышляютъ причинить тѣмъ какое либо предосужденіе государю великому князю, будучи напротивъ того ихъ намѣреніе изыскать при общемъ замиреніи средство къ удовольствованію Его імператорскаго высочества на иждивеніи общаго ихъ непріятеля, естьли Его высочество на помянутой обмѣнъ поступить изволитъ. А въ противномъ случаѣ буде Его высочество никакими способами на тотъ обмѣнъ не склонится Его дацкому величеству такое при мирѣ, такъ же

на иждивеніи общаго неприятеля, нѣкоторое удовлетвореніе подъ словомъ *эквивалента* обѣщано. Сверьхъ того они оба послы и посланникъ дацкой словесно изъяснились, что въ семъ обѣщаніи имянно въ виду имѣется Остфризландія, которая или государю великому князю въ случаѣ состоящагося обмѣна, сверьхъ Олденбурга и Делменгорста, или въ случаѣ несостоянія обмѣна королю дацкому уступлена быть имѣетъ.

По полученіи такихъ объясненій, коллегія иностранныхъ дѣлъ всенижайше вашему імператорскому величеству представляетъ не благоволите-ли теперь черезъ кого и какимъ образомъ вашему величеству угодно будетъ велѣть тайно увѣдомить Его імператорское высочество о домогательствахъ союзническихъ и дацкаго дворовъ, касающихся до конечной здѣлки Его высочества съ Даніею, способомъ часто показаннаго обмѣна и чаемой при мирѣ уступки Остфрисландіи, съ подробнымъ представленіемъ Его высочеству содержанныхъ въ приложенномъ при семъ разсужденіи резоновъ. А между тѣмъ при приступленіи вашего імператорскаго величества къ трактату копенгагенскому, договариваться, что оное не должно никакимъ образомъ служить въ предосужденіе правъ и претензій Его імператорскаго высочества государя великаго князя, яко герцога голстинскаго, и что въ случаѣ неудачи производимой съ нимъ нагоціаціи о безпридачномъ или какомъ иномъ обмѣнѣ его части Голстиніи противъ Олденбурга и Делменгорста (которую однакожъ ваше імператорское величество добрыми официями наилутче подкрѣпить соизволите) эквивалентъ Даніи обѣщанной не можетъ быть взятъ ни изъ владѣній россійскихъ, ниже изъ голстинскихъ, принадлежащихъ Его імператорскому высочеству, ибо такими ограниченіями подлинно государю великому князю въ дѣлѣ желаеной съ Даніею здѣлки руки ни какъ не связываются; а ваше імператорское величество только къ тому вновь обязываетесь, къ чему прежнимъ оборонительнымъ союзомъ, заключеннымъ съ Даніею, вы уже обязаны, и чемъ привлекая короля дацкаго къ неотмѣнному продолженію при настоящихъ европейскихъ обстоятельствахъ своего доброжелательства къ общему справедливому дѣлу, и къ дѣй-

ствительному приступленію къ заключенной между вашимъ імператорскимъ величествомъ и Швеціею конвенціи о безопасности мореплаванія въ Балтикѣ, чѣмъ по мѣстоположенію Даніи на Зундѣ вдругъ аглинскимъ эскадрамъ входъ въ сіе море чрезъ всю сію войну отсѣченъ быть имѣетъ. Что все коллегія иностранныхъ дѣлъ на всевысочайшее вашего імператорскаго величества соизволеніе предаетъ, какъ и сочиненные проекты актовъ приступленія вашего імператорскаго величества къ крактатамъ копенгагенскому и версальскому присемъ на высочайшую вашу апробацію всенижайше подносимъ.

Графъ Михаило Воронцовъ.
Іванъ Шуваловъ.
Генрихъ Гросъ.
Адамъ Алсуфьевъ.
Іванъ Пуговишниковъ.
Федоръ Бехтѣевъ.

Октября 5 дня
1759 пода.

3.

Письмо герцога Голштиніи императрицѣ Елизаветѣ.

(Изъ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, 1759—1760, № 5, л. 34.)

Madame,

C'est avec la plus parfaite reconnoissance et satisfaction, que je viens de recevoir les copies, que Votre Majesté Impériale a eu la grâce de me faire tenir par Leurs Excellences Son Chancelier le comte de Woronzow et le chambellan de Schuwalow, du traité conclu entre la cour de France et celle de Dannemarc, le 4me de Mai 1758 et de l'accession de l'Impératrice-Reine d'Hongrie à ce traité; comme aussi les déclarations de bouche, qu'il a plût à Votre Majesté Impériale d'y faire joindre, de ne pas vouloir me gêner à l'égard de l'échange de mon Duché hériditaire contre les Comtés d'Oldenbourg et de Delmenhorst.

Comme il se manifeste par ce traité, que la cour danoise insiste encore à ces idées qu'elle s'est formées il y a quelque tems, je trouverois peut-être ce projet plus étrange, si ces nouvelles tentatives n'étoient déjà précedées des propositions, que la dite cour m'a fait faire autrefois par son ministre le comte de Lynar, et l'inquiétude m'assomerait, si la bienveillance et l'amour maternel de V. M. Impériale, dont moi et ma maison ont tant de preuves éclatantes, ne me rassuroient contre des intentions contraires à mes interêts et à ma gloire.

Je suis plainement persuadé que l'auguste fille de Pierre I, qui marche avec tant de gloire sur les traces de son père, ne voudra jamais dérapprouver une fermeté appuyée de raison justes, immuables et conformés aux vastes vues dc cet illustre

monarque, mon grand-père de glorieuse mémoire, dont je ne m'éloignerai jamais; lesquelles ont toujours abouti à avoir des possessions de l'Empire près de la mer Baltique, mais aussi que V. M. I. me faira la justice de croire que jaurai autant d'attention qu'il faut aux engagemens, qu'Elle fera, dans la flatteuse esperance qu'Elle me laisse dans la situation, où je me trouve, si les circonstances critiques ne permettent pas de la rendre meilleure.

C'est avec cette même confiance pleine d'ardeur et accompagnée du plus parfait attachement à ma très gracieuse Tante, que j'ose esperer une époque favorable pour faire valoir mes droits sur le duché de Schleswig, dont feu mon père a été depouillé, il y a presque un demi-siècle. L'importance de cette perte et la situation de ma maison encore assez affligeante malgré ma haute destination, font le souvenir de eette malheureuse catastrophe trop sensible pour discontinuer un moment le soin de réparer ce dommage inestimable, quand l'occasion s'y présentera.

Votre M. I. a-t-Elle reconnu dans le traité de garantie du 10me de juin 1746 conclu avec la cour de Dannemarc mes prétentions incontestables au duché de Schleswig; vient Elle de declarer très gracieusement, que ma résignation à Ses volontés ne doit être que conforme à mes intérêts et à ma gloire: assurément Elle ne refusera pas Son assistance pour me faire ravoir ce qu'on a ravi si injustement à mon père.

Quand la présente guerre funeste, qui dechire l'Allemagne se terminera, c'est alors que j'espere de voir l'époque heureuse de mon rétablissement, et Dieu veuille, qu'elle soit prête à venir! Tout le mond soupirant à la paix attend ce don precieux de la main bienfaisante de V. M. I., et moi je souhaite que la donnant, Elle mette en même tems fin aux calamités de ma maison, dont la douloureuse réprésentation dechire mon coeur. Les cours de France et de Vienne ayant promis en vertu de l'article 3me du traité surmentionné du 4me de Mai 1758 à celle de Dannemarc un équivalent juste et raisonable en cas que je ne gouterois pas l'échange en question; pour rendre la paix du Nord plus stable il ne manquera pas ni à V. M. I., ni à Ses ailiés des moyens pour offrir à ladite cour un dedommagement,

en cas qu'elle continue de refuser de me rendre ce que de justice elle me doit, tant pour ce qui est du rétablissement que d'une indemnisation équitable.

Je suis avec un respect et une soumission sans égal

Madame

de Votre Majesté Impériale

le plus humble et le plus obeissant neveu et serviteur

Pierre.

à St.-Pétersbourg
ce 17-me de Janvier 1760.

СПИСОКЪ

изданій наиболѣе часто упоминаемыхъ:

Asseburg—Aschatz v. d. A's Denkwürdigkeiten. Berlin, 1842.

Barre—Histoire générale d'Allemagne. Paris, X vls, 1748.

Beauclair—Histoire de Pierre III empereur de Russie[1]). Londres, 1774.

Biester—Abriss des Leben und der Regierung der Kaiserinn Katharina II von Russland. Berlin, 1797.

Бильбасовъ—Первыя политическія письма Екатерины II. Спб., 1887.

Болотовъ—Жизнь и приключенія Андрея Б. 4 т. Спб., 1870.

Брикнеръ—Жизнь Петра III до вступленія на престолъ, въ „Русскомъ Вѣстникѣ", т. CLXVII.

Brückner—Katharina die Zweite. Berlin, 1883 (Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen).

Büsching—Magazin für Historie und Geographie, 25 Bde. Hamburg, 1757.

Бычковъ—Бумаги императрицы Екатерины II, хранящіяся въ императорской публичной библіотекѣ. Спб., 1873.

Васильчиковъ—Семейство Разумовскихъ. 4 т. Спб., 1880.

Castéra—Histoire de Catherine II, impératrice de Russie. 4 vls[2]). Paris, an VIII (1800).

---

[1]) Собственно о Петрѣ III говорится только на 30 страничкахъ (75—109); всѣ предыдущія страницы посвящены краткому обзору исторіи Россіи съ Петра В., послѣдующія—Екатеринѣ II. Онъ сообщаетъ нѣсколько новыхъ чертъ для обрисовки Петра III, напр., безподобный тостъ-загадку, предложенный императоромъ: Vive trois fois trois (101).

[2]) Это—лучшее изданіе книги, впервые появившейся въ 1797 г.,

Forster—Kurze Uebersicht der Geschichte Katarina der Zweiten. Halle, 1797.

Гордтъ—Записки графа Гордта въ „Русскомъ Архивѣ“, 1877, II, 294.

Goudar—D. G***, Mémoires pour servir à l'histoire de Pierre III empereur de Russie[1]). Francfort et Leipzig, 1763.

переведенной на всѣ европейскіе языки, кромѣ русскаго. Авторъ былъ одинъ изъ тѣхъ дипломатическихъ агентовъ Людовика XV, услугами которыхъ французскій король пользовался помимо своего министерства иностранныхъ дѣлъ (*Boutaric,* Correspondance secrète de Louis XV, I, 254), Кастера долго жилъ въ Польшѣ, былъ въ Польской Ливоніи (Saint-Sauveur à M. le comte de Maurepas, de 9 février 1748, въ *Парижс. Архивъ,* Russie, carton 1748), посѣтилъ Петербургъ и, возвратясь въ Парижъ, могъ, по своему положенію, ознакомиться съ дипломатическими донесеніями французскихъ министровъ какъ при русскомъ, такъ и при другихъ дворахъ. „J'ai eu des matériaux très précieux — говоритъ онъ — et que le plus extraordinaire concours de circonstances pouvoit seul procurer à un même ecrivain“, и онъ ими воспользовался вполнѣ добросовѣстно. Такъ, весь разсказъ о Салтыковѣ (I, 158—181) составленъ по донесенію французскаго резидента въ Гамбургѣ, которое мы помѣщаемъ выше, въ Приложеніи V; упомянувъ о довѣріи Екатерины къ гр. Бестужеву, англійскому посланнику Уильямсу и гр. Понятовскому, Кастера прибавляетъ: „un étranger qui se trouvoit à Pétersbourg disoit, en faisant allusion à ces trois hommes, qu'elle ne pouvait manquer d'être mal conduite, puisqu'elle ce laissoit diriger par la fripponerie, la folie et la fatuité“ (I, 191), что заимствовано изъ депеши Лопиталя отъ 14-го мая 1758 года: „La Grande-Duchesse a été trompée et séduite par trois personnes qui sont assurément plus criminelles qu'Elle, je veux dire MM. Bestucheff, Williams et Poniatowski — ce trio formait un fripon, un fou et un fat“ (*Парижс. Архивъ,* Russie vol. 56, f. 165); выраженіе Екатерины: „Il y a peu de femmes aussi hardies que moi. je suis d'une témérité effrénée“ (I, 199) дословно взято изъ депеши Лопиталя отъ 1-го ноября 1757 г. (*Парижс. Архивъ,* Russie, vol. 54, pièce 83) и т. п.; такихъ заимствованій можно указать очень много. Кастера не сообщаетъ завѣдомо ложныхъ фактовъ, и если ошибается, то потому только, что самъ былъ введенъ въ заблужденіе преимущественно своимъ безграничнымъ довѣріемъ къ дипломатическимъ бумагамъ, которыми онъ пользовался.

[1]) Небольшая брошюра, сообщающая болѣе или менѣе извѣстные факты, но освѣщающая ихъ не всегда вѣрно. Она особенно замѣчательна по приложенію, въ которомъ перепечатана небольшая статья „Le pour et contre de Pierre III, empereur de Russie“. Записки Гудара были довольно подробно разобраны Шваномъ (*Marche,* 274),

Гречь—Записки Николая Ивановича Греча, въ „Русскомъ Архивѣ“, 1873, I, 225.

Грибовскій—Записки о Екатеринѣ Великой. Москва, 1864.

Гротъ—Воспитаніе Екатерины II, въ „Древней и Новой Россіи“, 1875, I, 110.

Дашкова—Mémoires de la princesse Dashkow, въ „Архивѣ кн. Воронцова“, XXI.

Дирингъ—Великая княгиня Екатерина Алексѣевна. Спб., 1884.

Dohm—Denkwürdigkeiten meiner Zeit. Hanover, 2 Bd. 1815.

Dorville—Constant d'Orville, Les fastes de la Pologne et de la Russie. Seconde partie. Paris, 1769.

Droysen—Geschichte der preussischen Politik. Berlin. 6 Bd.

Helbig—Biographie Peter des Dritten. 2 Bde. Tübingen, 1808.

— —Russische Günstlinge. Tübingen, 1809.

Herrman—Geschichte des Russischen Staates. 6 Bde. Leipzig.

— —Der russische Hof unter Kaiserin Elisabeth, въ „Historisches Taschenbuch“. 1882.

Jacob—Paul Lacroix, Deux lettres inédites de l'impératrice Catherine II à Stanislas Poniatowski. Paris, 1873.

Карабановъ—Разсказы, въ „Русской Старинѣ“, 1871, IV.

Колотовъ—Дѣянія Екатерины II. 6 т. Спб., 1811.

Корсаковъ—Воцареніе Анны Ивановны. Казань, 1880.

Laveaux—Histoire de Pierre III empereur de Russie. 3 vls. Paris, an VII (1799).

Лафермьеръ—Русскій дворъ въ 1761 году[1]) въ „Русской Старинѣ“, 1878, т. XXIII, 187.

посвятившимъ все XXX письмо замѣчаніямъ и опроверженіямъ преимущественно взглядовъ автора.

[1]) Несомнѣнно, что эта краткая записка составлена не Лафермьеромъ, хотя несомнѣнно французомъ. Авторъ относится довольно снисходительно къ слабостямъ и порокамъ великаго князя, строгъ къ императрицѣ и вовсе умалчиваетъ о великой княгинѣ. Издатель утверждаетъ, что записка составлена въ маѣ 1761 года (188), но неосновательно: въ запискѣ говорится между прочимъ, что ихъ высочества „вмѣстѣ *съ дѣтьми* живутъ подъ одной кровлей съ ея величествомъ“ (197), съ дѣтьми, т. е. съ Павломъ Петровичемъ и Анной Петровной, а великая княжна умерла 7-го марта 1759 года. Записка составлена на французскомъ языкѣ, а изданъ только переводъ, безъ оригинала, и съ пропусками, вызванными цензурными условіями. Лекарь „*Фуасовье*“, очевидно, *Пуассонье*, Poissonier, уѣхав-

Лефортъ — Исторія царствованія Екатерины II. Москва, 1837.

Lynar — Hinterlassene Staatsschriften und andere Aufsätze. 2 Bde., Hamburg, 1793.

Marche — de la, Schwan, Anecdotes russes ou lettres d'un officier allemand[1]). Londres, 1769.

Манштейнъ — Записки о Россіи, въ Приложеніи къ „Русской Старинѣ" за 1875 годъ.

Мартенсъ — Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. 9 т., С.-Петербургъ.

Масловскій — Русская армія въ Семилѣтнюю войну. Походъ Апраксина въ Восточную Пруссію. Москва, 1886.

Masson — Mémoires secrets sur la Russie. 2 vls. Londres, 1802

шій изъ Петербурга только осенью 1760 года и до самого отъѣзда пользовавшій Елизавету Петровну. По поводу занятій великаго князя „обученіемъ воспитанниковъ ввѣреннаго его попеченіямъ кадетскаго корпуса" (194), французскій посланникъ Лопиталь, въ депешѣ отъ 28-го февраля 1759 года, сообщалъ: „Son Altesse Impériale vient d'être nommé chef de l'Ecole des cadets à la place du prince Isoupoff, qui se retire. Ce sera un amusement et une occupation pour ce prince qui est dans son goût; mais il fera de mauvais élèves ou je suis trompé" (*Парижс. Архивъ,* Russie, vol. 59, pièce 27). Посланникъ, какъ извѣстно, оказался правъ (*Ibid.,* vol. 60, pièce 53).

[1]) Чрезвычайно важный источникъ для исторіи Петра III — 29 писемъ очевидца, отъ 2-го января по 19-е іюля 1762 года. Авторъ былъ принятъ при дворѣ Елизаветы Петровны (31, 32), часто видѣлъ Петра III (260), и, какъ человѣкъ просвѣщенный (39), сообщаетъ не только о дѣлахъ императора, но и о настроеніи общественнаго мнѣнія въ Петербургѣ. Онъ сообщаетъ иногда извѣстія почти невѣроятныя, но вполнѣ подтверждающіяся изъ другихъ источниковъ: напримѣръ, о свадебныхъ обрядахъ (202 и *Болотовъ,* II, 1040, 380), о поклонахъ (264 и Дашкова, 41) и т. под. Примѣчанія издателя, напротивъ, нерѣдко грѣшатъ противъ истины; такъ, напр., извѣстіе о находкѣ слитковъ золота и серебра въ петропавловской крѣпости отнесено къ началу царствованія Петра III, между тѣмъ какъ слухъ объ этой находкѣ былъ сообщенъ въ депешѣ Лопиталя отъ 23-го марта 1759 года: „On a trouvé ici dans la forteresse 25 millions de livres lingots or et argent consacrés à l'ornement des églises et qui était comme oubliés" (*Парижс. Архивъ,* Russie, vol. 59, pièce 36).

Mémoires — Mémoires de l'impératrice Catherine II[1]). Londres, 1859.

---

[1]) Самый главный источникъ для біографіи Екатерины, обрывающійся, къ сожалѣнію, 1758 годомъ. Надежнымъ источникомъ для исторіи того времени „Записки" не могутъ быть и потому уже, что Екатерина составляла ихъ съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, для достиженія извѣстной цѣли, причемъ должна была руководствоваться исключительно своими чувствованіями и взглядами, своими симпатіями и антипатіями къ отдѣльнымъ личностямъ. Ея отзывы, оцѣнки, характеристики всегда окрашены пристрастно но факты, явленія, событія переданы по большей части вѣрно, за исключеніемъ хронологическихъ погрѣшностей, легко объясняемыхъ тѣмъ, что „Записки" составлялись лѣтъ 40 позже описываемаго времени (*Бильбасовъ,* Дидро въ Петербургѣ, 1884, стр. 273). Придавая иногда фактамъ извѣстное освѣщеніе, Екатерина записывала самые факты всегда довольно точно, и важнѣйшіе изъ нихъ вполнѣ подтверждаются документами и другими источниками. До послѣдняго времеми только разсказъ о пребываніи въ Петербургѣ г-жи Латуръ-Ланнуа (*Mémoires,* 99) возбуждалъ нѣкоторое сомнѣніе: по словамъ Екатерины, г-жа Латуръ-Ланнуа состояла при цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ во время ея юности и при Петрѣ II уѣхала изъ Россіи вмѣстѣ съ Анной Петровной въ Голштинію; по смерти Анны Петровны, г-жа Ланнуа возвратилась во Францію и только въ 1747 году пріѣхала опять въ Россію. Въ печати, ни въ русской, ни въ иностранной, вовсе не упоминается о г-жѣ Латуръ-Ланнуа; но въ Парижскомъ Архивѣ мы нашли полное подтвержденіе этого разсказа Екатерины. Французскій резидентъ *Дальонъ,* въ депешѣ отъ 16-го декабря 1747 года, сообщаетъ: Madame de Marville n'est connue ici que sous le nom de comtesse de Launoy. L'année 1717 son premier mari s'engagea au service de Pierre I en qualité d'éspèce de chambellan. Il se donnait pour gentilhomme breton, il se disait capitaine de cavalerie et se faisait appeler le comte de Launoy. Его жена преподавала царевнамъ Аннѣ и Елизаветѣ французскій языкъ; царевны такъ полюбили учительницу, что каждая считала ее своею; Петръ I рѣшилъ споръ, приказавъ г-жѣ Лоннуа преподавать три дня въ недѣлю одной царевнѣ и три дня — другой. Ея мужъ умеръ въ Петербургѣ въ 1725 году; вдова Лоннуа сопровождала Анну Петровну въ Киль и по смерти голштинской герцогини возвратилась во Францію, гдѣ вышла замужъ (contracta une sorte de mariage secret) за Марвилля, un lieutenant-colonel, demeurant à Villejuif en été, et à Paris en hiver. Въ прошломъ году императрица Елизавета Петровна послала ей 10,000 франковъ, и она на эти деньги пріѣхала въ Петербургъ. Ее хорошо приняли, помѣстили во дворцѣ; она обѣдаетъ почти ежедневно съ императрицей. Ей подъ 60 лѣтъ. Un genie plus que borné, l'air d'une aventuriére plus-

Нащокинъ — Записки В. А. Нащокина. Спб. 1842.

Позье — Записки придворнаго брильянщика, въ „Русской Старинѣ“ за 1870 годъ, I.

Пекарскій Исторія академіи наукъ въ Петербургѣ. 2 т. Спб., 1870.

— — Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи. Спб., 1862.

Pitzschky — Die Sammlung russischer Denkmünzen, въ „Baltische Studien“. Stettin, 1882, 338.

Pol. Corr. — Politische Correspondenz Friedrichs des Grossen.

Posner — Histoire de mon temps de Frédéric II (Redaction von 1746) въ „Publicationen aus den preussischen Staatsarchiven“, Berlin, 1879.

Ranft — Die merkwürdige Lebensgeschichte des russischen Kaysers Peters III. Leipzig, 1773.

Ranke — Neun Bücher preussischer Geschichte. 3 Bde. Berlin, 1848.

Ровинскій — Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ, 4 т. Спб., 1889.

Rulhière — Histoire ou anecdotes sur la révolution de Russie en 1762. Paris, 1797.

— — Histoire de l'anarchie de Pologne et du démembrement de cette république. 4 vls. Paris, 1807.

Schlözer — Karl von, Friedrich der Grosse und Katharina die Zweite. Berlin, 1859.

Schneider — La cour de Russie il y a cent ans, 1725—1783. Berlin, 1858.

Сборникъ — Сборникъ русскаго историческаго общества, 65 т. Спб.

Siebigk — Katharina der Zweiten Brautreise nach Russland 1745 [1]). Dessau. 1873.

---

tôt qu'une femme de condition (*Париж. Архивъ*, Russie, vol. 50, f. 150). Спустя десять лѣтъ, въ 1757 году, Елизавета Петровна поинтересовалась судьбой своей учительницы (*Ibid.*, vol. 53, f. 171), и аббатъ Берни, письмомъ отъ 8-го октября 1757 года, увѣдомилъ французскаго посланника Лопиталя, что г-жа Марвилль умерла бездѣтною (*Ibid.*, vol. 54, pièce 47).

[1]) Очеркъ составленъ по документамъ, хранящимся въ цербстскомъ архивѣ, преимущественно по письмамъ матери Екатерины. Изложеніе лишено всякой критики. Отецъ и мать Екатерины идеа-

Соловьевъ — Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. 29 т. Москва.
Sugenheim — Russlands Einfluss auf und Beziehungen zu Deutschland. 2 Bde.[1]). Francfurt, 1856.
Сумароковъ — Черты Екатерины Великой. Спб., 1819[2]).

лизованы до невозможности. Подъ перомъ панегириста Зибика, Христіанъ-Августъ — ein hochgebildeter Mann, ein tapferer Soldat, ein guter Landesfürst, ein treuer Gatte, ein liebevoller Vater, ein frommer Christ und standhafter Bekenner der Satzungen der lutherischen Lehre (3), что не помѣшало ему находить большое сходство между православнымъ и лютеранскимъ ученіемъ: lutherisch-griechisch, griechisch-lutherisch, das gehet an. Княгиня Іоганна Елизавета — eine tugendhafte Princessin, eine treue Gattin, gute Mutter, brave Landesfürstin, fromme Christin; она получила gute Erziehung, была одарена отъ природы mit glänzenden Geistesgaben и обладала auffallende Beobachtungsgaben (4). Сообразно этому ведется весь разсказъ, незаслуживающій названія даже „eine historische Skizze"; но въ приложеніи (129—203) помѣщено нѣсколько интересныхъ документовъ и въ текстѣ встрѣчаются весьма важные отрывки изъ писемъ матери Екатерины.

[1]) Авторъ — ярый руссофобъ, замѣняющій слово Russland выраженіемъ Knutenstaat и видящій въ Елизаветѣ Петровнѣ eine thierischte aller Messalinen (I, 246). Онъ называетъ Фридриха II, прусскаго короля, Incognito-Vater Katharinens II (II, 45). Принцъ Де-Линь разсказываетъ, что въ 1770 году Фридрихъ II сказалъ ему: „Je crois qu'il faut quelquefois croiser les races en empire. J'aime les enfant de l'amour: voyez le maréchal de Saxe, et mon Anhalt, c'est un homme rempli de talent" (Lettres et pensées du maréchal prince de Ligne, Paris, 1809, p. 15). Изъ этого Зугенгеймъ выводитъ, что графъ Ангальтъ былъ побочный сынъ Фридриха II, и выводъ этотъ нуженъ ему вотъ для чего: Екатерина II ничего не сдѣлала для князя Фридриха-Августа цербстскаго, своего брата, даже не вызвала его къ себѣ въ Петербургъ; между тѣмъ какъ осыпала милостями графа Ангальта — da wird man wol nicht länger bezweifeln dürfen, dass nicht jener Fürst von Zerbst, sondern dass dieser Graf von Anhalt der Bruder Katharinens, dass letztere die natürliche Tochter Friedrichs des Grossen gewesen, der seine Vorliebe für aussereheliche Sprösslinge, deren er eine ganz hübsche Anzahl hatte, mit dem Hinweis auf seine Anhaltiner in begreiflicher Weise nicht motiviren konnte (II, VII; I, 329). Выводъ, по меньшей мѣрѣ, легкомысленный.

[2]) П. И. Бартеневъ, признавая эту книгу „довольно рѣдкой", хотя она продается у букинистовъ по одному рублю въ переплетѣ, перепечаталъ „главнѣйшія черты" въ „Русскомъ Архивѣ", 1870, стр. 2076. „По преданію мы знаемъ — говоритъ г. Бартеневъ —

Терещенко — Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи. 3 т. С.-Петербургъ.

Тьебо — Записка академика Тьебо, въ „Русской Старинѣ“ за 1878 годъ, XXIII.

Устряловъ — Исторія царствованія Петра Великаго. 5 т. Спб., 1858.

Vandal — Louis XV et Elisabeth de Russie. Paris, 1882.

Voltaire — Oeuvres complètes de M. de Voltaire. 100 vls. Lyon, 1792.

Храповицкій — Дневникъ А. В. Храповицкаго, изд. Н. Барсукова. Спб., 1874.

Цедлеръ — Zedler, Universal-Lexikon aller Wissenschaften und Künste. 64 Bde. Leipzig. 1731.

Чтенія — Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, Москва.

Шаховской — Записки князя Я. П. Шаховского. Спб., 1872.

Штелинъ — Записки о Петрѣ III императорѣ всероссійскомъ, въ „Чтеніяхъ“ за 1866 годъ, IV.

Щебальскій — Политическая система Петра III[1]). Москва, 1870.

что авторъ замѣчательной книги этой записывалъ свои разсказы со словъ людей близкихъ къ Екатеринѣ II и въ особенности со словъ Марьи Савишны Перекусихиной“. Это было бы очень важно, еслибъ было справедливо; къ сожалѣнію, изъ разсказовъ не видно вліянія близкихъ лицъ и менѣе всего Перекусихиной.

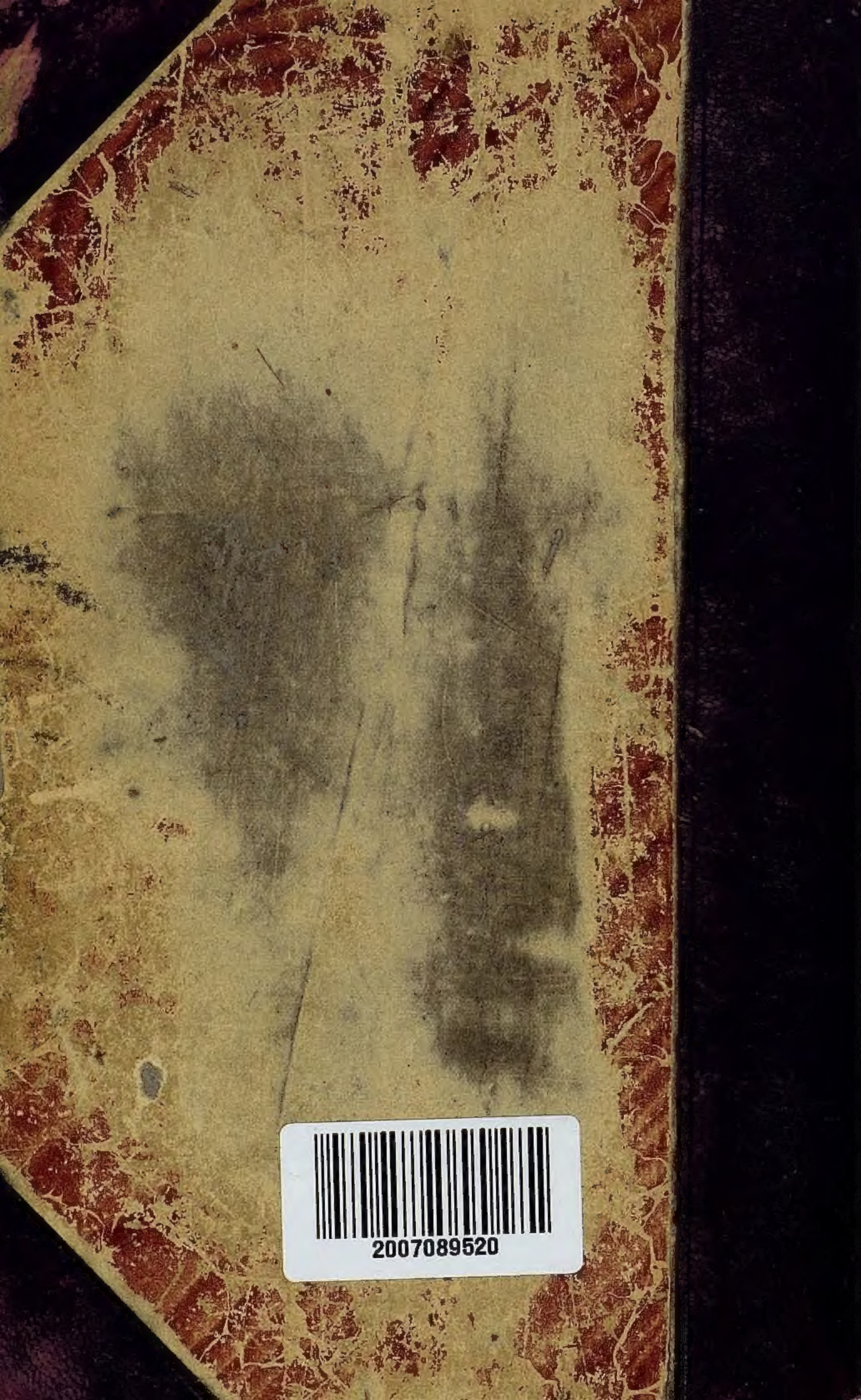
[1]) Въ приложеніи напечатаны дипломатическіе документы изъ берлинскаго государственнаго архива: семь рескриптовъ Фридриха II барону Гольцу, тринадцать донесеній барона Гольца и одно графа Шверина прусскому королю. Переписка обнимаетъ время царствованія Петра III, отъ 7-го февраля по 6-о іюля 1762 г. Къ сожалѣнію, большая часть бумагъ напечатана въ отрывкахъ.

АЗБУЧНЫЙ

указатель именъ.

41*

ОГЛАВЛЕНІЕ.


2007089520